ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Напечатано по распоряженію Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь Общества *Іосифъ Орбели.*

Академическая Двѣнадцатая Государственная Типографія.
Петербургъ. Девятая линія, 12.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТАГО ТОМА.

стр.

Статьи и Замѣтки.

Некрологи.

Критика и Библіографія.

Списокъ рецензированныхъ книгъ.

ТАБЛИЦЫ.

Надпись Русы II изъ Маку[1].

I.

Въ 1912 году проф. Sayce'омъ была обнародована надпись изъ Маку подъ заглавіемъ A new Vannic Inscription въ JRAS: англійскій кунеологъ ей посвятилъ шесть страницъ, изъ коихъ двѣ съ половиной занимаютъ глоссарій и списокъ идеограммъ. Рѣчь идетъ объ этой надписи, хотя два знака подлинника въ изданіи Sayce'a воспроизведены съ палеографическими особенностями, отсутствующими въ нашемъ памятникѣ; можно было думать, что дѣло имѣемъ со случаемъ, когда одна и та же надпись повторена, высѣчена въ двухъ мѣстахъ одного и того же края. Особенности эти[2], по всей видимости, появились въ печатномъ воспроизведеніи Sayce'a безъ всякой оговорки.

Надпись всетаки новая, но вопросъ не въ новизнѣ матеріала. Выступая въ нашемъ Обществѣ всего третій разъ по толкованію халдскаго текста, понятно, на основѣ яфетическаго языкознанія, я намѣренъ не столько занять вниманіе сообщеніемъ о новинкѣ, сколько подѣлиться методомъ толкованія на практическомъ разборѣ новаго текста и находящимся въ связи съ этимъ выясненіемъ нѣкоторыхъ сторонъ общей постановки дѣла.

Ровно годъ тому назадъ я получилъ по почтѣ фотографическій снимокъ халдской надписи съ армянской припиской на оборотѣ отпечатка, слѣдующаго содержанія: «Камень этотъ находится въ Маку, принесенъ онъ изъ древняго города въ развалинахъ — сфотографировалъ его Г. Шахназарянъ въ апрѣлѣ 1915 г.».

---

[1] Докладъ, читанный въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества 25 сентября 1916 г. Естественно, въ работѣ использованы ставшія мнѣ впослѣдствіи извѣстными данныя и новыя соображенія. Надпись мнѣ была прислана какъ новинка, и нѣкоторое время я былъ занятъ выясненіемъ ея происхожденія, какъ то подробно излагается въ текстѣ (стр. 1—3), тогда какъ она оказалась обнародованной.

[2] См. ниже, стр. 23, прим. 2, стр. 25, прим. 2, 49.

На конвертѣ я успѣлъ прочитать «отъ епископа Нерсеса», и, не дождавшись особаго письма, я обратился изъ Петрограда къ нынѣ уже покойному епархіальному начальнику въ Кишиневѣ епископу Нерсесу, который, какъ старый знакомый, могъ прислать мнѣ интересную фотографію, тѣмъ или инымъ путемъ попавшую къ нему изъ Маку. Отвѣтъ не былъ полученъ отъ него, и стороной я выяснилъ, что снимокъ не былъ присланъ имъ.

Тогда я обратился, уже изъ городища Ани, къ другому епископу Нерсесу — Меликъ-Тангяну, епархіальному начальнику Адербейджана, и отъ него изъ Салмаста получилъ я слѣдующее письмо, помѣченное 19-мъ іюля —

«. . . Касательно клинообразной надписи точныя данныя представить, къ сожалѣнію, не могу: я нахожусь далеко отъ камня (съ надписью); на всякій случай сообщаю приблизительныя свѣдѣнія:

«1) Камень находится въ городѣ Маку, лежитъ во дворѣ дома одного хана; принесенъ изъ развалинъ древняго города, расположеннаго въ Макинскомъ округѣ, былъ найденъ около оросительной канавы.

«2) Это отдѣльный камень, какъ мнѣ представляется, длиной $1^1/_2$ аршина, около 1-го аршина шириной, въ 8 вершковъ толщиной.

[Текстъ собственно выс. 0 м., 54 при строкахъ въ 0 м., 03, шириной — 0 м., 70].

«3) Камень этотъ привезъ ханъ изъ развалинъ города (*աւերակ քաղաքից*) и помѣстилъ во дворѣ своего дома въ Маку. Кажется, снимокъ его другіе сдѣлали до насъ.

«Изъ какого города, изъ какихъ развалинъ досталъ ханъ камень, мнѣ неизвѣстно. Объ этомъ свѣдѣнія имѣются у Сенекерима Теръ-Хакобяна, учителя [Эчміадзинской Духовной] Академіи, съ которымъ мы были въ прошломъ году въ Маку».

Но до этого отвѣта я успѣлъ списаться изъ Ани съ С. В. Теръ-Аветисьяномъ, хранителемъ археологическаго отдѣла Кавказскаго Музея, и получить письмо отъ 10-го іюля. Письмо гласитъ:

«Вы пишете, что Вамъ неизвѣстны размѣры Макинской клинописной надписи и что нѣтъ указанія, откуда она. Мѣсяцъ тому назадъ извѣстный Вамъ Флоренскій изъ Маку прислалъ намъ эстампажъ клинообразной надписи, увѣдомивъ, что она найдена «въ сел. Бастанъ Макинскаго ханства при постройкѣ моста въ фундаментѣ какого-то зданія». Думается, что она Вамъ пригодится. Посылаю снимокъ съ этой надписи. Копію эту г. Флоренскій сдѣлалъ, приложивъ большой листъ бумаги къ надписи и наведя сверху карандашомъ».

Это оказалось, дѣйствительно, нашею макинской надписью. Дополнительно въ письмѣ отъ 11-го іюля С. В. Теръ-Аветисьянъ сообщилъ:

«По полученнымъ новымъ свѣдѣніямъ оказывается, что клинообразная надпись, копію которой я вчера послалъ Вамъ, найдена въ сел. Бастанъ Макинскаго ханства нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Камень этотъ теперь находится въ г. Маку у одного изъ хановъ».

Справедливость требуетъ упоминанія, что первая вѣсть, дошедшая до меня о Макинской клинообразной надписи, была услышана мною изъ устъ архимандрита Гарегина въ городищѣ Ани въ 1910-мъ году, слѣдовательно, еще лѣтомъ. Въ письмѣ отъ 4 декабря того же года архимандритъ Гарегинъ мнѣ писалъ по-армянски: «Касательно клинообразной надписи, найденной въ окрестностяхъ Маку (*Մակուի կողմերում*), я писалъ Нахичеванскому хану, у котораго, по слухамъ, должны были быть фотографическіе снимки, но отвѣта я не получилъ».

Весьма вѣроятно, что «фотографическіе снимки» у хана появились осенью 1910-го года, когда надпись, о существованіи которой вѣсть успѣла достигнуть городища Ани еще лѣтомъ, затѣмъ «была открыта графомъ Каницомъ», какъ это узнаемъ изъ слѣдующихъ вступительныхъ строкъ работы проф. Sayce'а (ц. с., стр. 107): «Генералъ A. Houtum-Schindler любезно прислалъ мнѣ фотографію новой ванской надписи, открытой въ октябрѣ 1910 г. графомъ Kanitz'омъ, атташе германской миссіи въ Тегеранѣ, въ мѣстѣ, называемомъ Mākū. Камень впрочемъ доставленъ былъ туда изъ какихъ то развалинъ, въ 10 миляхъ на юго-западѣ отъ Mākū. Фотографію генералу Houtum-Schindler'у далъ открывшій надпись».

Точнаго указанія мѣстонахожденія и здѣсь не имѣемъ. Одинъ изъ моихъ освѣдомителей его называетъ «селеніемъ Бастаномъ» (а не «Бостаномъ»)[1]. В. Ѳ. Минорскій въ селеніи этомъ признаетъ «дер. Бастамъ, лежащую уже за предѣлами собственнаго Маку въ районѣ хойскаго округа Чай-паре», «у самаго выхода изъ Корульскаго ущелья р. Ах-чай, впадающей въ Котуръ-чай, который въ свою очередь идетъ въ Араксъ», «верстъ 8 на востокъ отъ Бастама внизъ по той же рѣкѣ находится извѣстная дер. Каразіадинъ», «недалеко къ ю.-в. отъ Бастама» «расположена дер. Чорсъ»[2]. Слѣдовательно, по описанію В. Ѳ. Минорскаго Бастамъ, если это нашъ Бастанъ, находится близъ той рѣчки Ах-чай, которая является исторической подъ названіемъ Тыгмута (*Տղմուտ*) въ V-мъ вѣкѣ.

---

[1] В. Ѳ. Минорскій, *Древности Маку. Путевыя замѣтки.* (Восточный Сборникъ, II), Петроградъ 1916, стр. 68, отд. отт. стр. 28.

[2] Ц. с., ц. м.

II.

Толкованіе настоящей надписи предварю выясненіемъ одной возможной параллели къ тому, что терминъ q̇ald въ нашихъ надписяхъ служитъ названіемъ первочтимаго халдскаго бога и онъ же—названіе народа, чтившаго его.

Въ работѣ надъ выясненіемъ яфетической этнической и религіозной терминологіи намъ приходилось сталкиваться и съ тѣмъ, что названіе божества служитъ названіемъ свѣтила или зодіакальнаго знака; такъ въ изслѣдованіи термина ϑ̣eleb, названія Бога яфетическаго происхожденія, указывалось, что его семит. эквивалентъ ϑ̇almā=ܨܠܡܐ[1] въ сирійскомъ означаетъ съ одной стороны «изображеніе» и «названіе бога», съ другой является въ единственномъ числѣ съ прилагательнымъ «великій» ܨܠܡܐ ܪܒܐ названіемъ зодіакальнаго знака *Стрѣльца*, а во мн. числѣ — *Близнецовъ*[2].

Тожество названія божества съ названіемъ народа или племени, равно названія божества и названія небеснаго тѣла, при прежнихъ миѳологическихъ представленіяхъ — живого существа, свѣтило оно или зодіакальный знакъ, говоритъ о чемъ то глубоко древнемъ; въ предѣлахъ же яфетическаго міра въ позднѣйшія христіанскія эпохи подобное явленіе, засвидѣтельствованное письменными памятниками, должно бы представляться не измышленіемъ книжниковъ, а искрой, выброшенной изъ подлинной народной души, съ ея уходящими въ безконечную глубь вѣрованіями на почвѣ астральнаго культа, и попавшей въ литературный обиходъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ названіемъ армянъ hayq и миѳическимъ лицомъ, вѣроятно, божествомъ Hayk, въ христіанскія эпохи появляющимся въ роли героя народныхъ сказаній.

Въ лингвистическомъ отношеніи прежде всего требуется установить, какую мы въ названіи имѣемъ форму, чистая ли это основа или производное слово.

Вопросъ возникаетъ потому, что не только q, но и k могутъ быть разсматриваемы какъ природные показатели множественности спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ изъ ряда простыхъ — k > g > q сложныхъ — k̇ > ğ > q̇. Въ такомъ случаѣ не только hay-q *армяне* (собств. *хаи*), но и Hayk *Хайкъ*, имя миѳическаго героя, должны были быть признаны за форму

---

[1] Если держаться армянской древнелитературной передачи буквы ܨ въ сирійскихъ словахъ, яфетидологическая транскрипція даннаго сирійскаго слова должна бы имѣть видъ ṫalmā. Впрочемъ и въ древне-литературныхъ памятникахъ армянъ тотъ же сирійскій звукъ передается звукомъ не ծ (ṫ), а ց (ϑ̇), напр. h. *ցից* ϑ̇iϑ̇ *колъ, гвоздь* при сир. ܨܨܐ = ϑ̇eϑ̇ā, но тутъ вмѣшивается норма народнаго произношенія, не говоря о возможности иной постановки вопроса о происхожденіи слова.

[2] Н. Марръ, ЗВО, т. XX, стр. 106 сл.

мн. числа. Въ этомъ еще не представлялось бы никакого затрудненія даже въ отношеніи имени героя, такъ какъ съ одной стороны показатель множественности въ яфетическихъ языкахъ имѣетъ функціи суффикса не только мн. числа, но и именъ различныхъ другихъ категорій[1], а съ другой—имя миѳическаго героя могло получиться отъ имени предмета, для котораго названіе въ формѣ мн. числа являлось бы вполнѣ естественнымъ.

Но, и признавъ въ словахъ этихъ форму мн. числа, мы оказываемся вынужденными колебаться въ ихъ толкованіи, такъ какъ происхожденіе получающейся при этомъ взглядѣ основы hay все еще спорно и будетъ оставаться спорнымъ до тѣхъ поръ, пока не установится единомысліе касательно того, имѣемъ ли въ ней первичный видъ или это вторичный видъ съ паденіемъ въ паузѣ носового n въ сонорный среднеязычный «y», т. е. первичный видъ основы, какъ я выяснялъ, есть han-. Если бы послѣднее предположеніе, лингвистически вполнѣ оправдываемое, оказалось оправданнымъ еще иными данными, то рѣчи не могло быть ни объ отожествленіи hay'свъ съ хетами[2], ни тѣмъ болѣе о признаніи въ hay'ѣ перерожденія иранскаго слова pati *господинъ*; послѣдняя этимологія впрочемъ и безъ того самая рискованная и семасически малообоснованная.

Конечно, когда родоначальника армянъ, называющихъ себя «hay», во мн. числѣ — «hay-q», національные армянскіе историки, въ числѣ ихъ и Моисей Хоренскій, величаютъ Hayk'омъ, то это могло вызывать улыбку. Естественно было думать, что это названіе Hayk эпонимнаго происхожденія, искусственное отвлеченіе отъ этническаго термина hay-q. И невольно возникала мысль, что не только личность Hayk'а въ историческомъ изображеніи Хоренскаго фантастическая, но и само названіе вымышлено, никогда его не существовало въ живой народной рѣчи. Однако можно еще колебаться въ томъ, правда ли Hayk *Хайкъ* и hayq *хаи* (*армяне*)—разновидности одного и того же слова, а не созвучныя слова различнаго происхожденія, но нѣтъ никакой возможности отстоять, что имя Hayk — выдуманное слово. Hayk всплываетъ въ армянскомъ переводѣ Библіи въ значеніи свѣтила два раза: въ книгѣ Іова 38,31 и Ис. 13,10. Терминъ встрѣчался бы въ армянской версіи св. Писанія чаще, по крайней мѣрѣ четыре раза, но въ двухъ другихъ случаяхъ въ томъ же Іовѣ 9,9 и у прор. Амоса—5,8 чтеніе первоначальнаго перевода устранено новымъ переводомъ, такъ называемымъ исправленіемъ по греческому подлиннику LXX. Даже въ томъ случаѣ, когда и въ греческомъ

---

[1] Впрочемъ, когда одному, т. е. безъ сопутствія гласнаго, звуку k въ армянскомъ Jensen придаетъ «разумѣется» уменьшительное значеніе (*Hittiter und Armenier*, стр. 11), то онъ ошибается.

[2] Jensen, *Die Kilikischen Inschriften*, WZ, стр. 17—18, и *Hittiter und Armenier*, стр. 2, 9—10.

текстѣ были названія свѣтилъ, новая армянская версія, относящаяся приблизительно къ VII-му-VIII-му вѣку, даетъ схоластическій переводъ, дословную передачу греческихъ терминовъ, какъ, напр., въ Іов. 9,9—Πλειάδα черезъ bazmasteḷə-s *многозвѣздіе*, Ἕσπερον черезъ əz-gıшeravarə-n *ночеводитель*. Первоначальный древній переводъ св. Писанія у армянъ былъ построенъ на совершенно иныхъ началахъ. Миссіонеры изъ Сиріи, проповѣдуя, повидимому, еще въ III и IV вѣкахъ, въ южной Арменіи, предѣлахъ древней страны Біайны, новое религіозное ученіе, Христову вѣру, въ населеніи, воспитанномъ въ дѣдовскихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ исконнаго въ краѣ астральнаго культа, приспосабливали свое изложеніе къ его представленіямъ и пользовались въ проповѣдяхъ, отсюда, слѣдовательно, и въ переводѣ св. Писанія привычными терминами изъ живой народной рѣчи. То же повторилось впослѣдствіи и въ Грузіи. Потому-то въ версіи св. Писанія, какъ уже выяснено, 1) у грузинъ въ значеніи «священника» использовано слово «кудесникъ» (m-ǧd-el-ı)[1], 2) у армянъ имѣемъ не «пророкъ», а «звѣздочетъ» или «магъ» (marg-ar-e-y), и такъ было первоначально и у грузинъ (me-marg-e-y)[2], 3) у армянъ и у грузинъ не «китъ», а «вишапъ» или «вешапъ»[3], популярное въ народныхъ слояхъ божество, рыба-великанъ, 4) у армянъ не «предтеча», а какое то божество Karap-et съ мѣстомъ культа на Мушской равнинѣ, пользовавшееся въ до-христіанской Арменіи, судя по всему, громадной популярностью, въ христіанскій періодъ усвоенной съ тѣмъ же мѣстомъ культа Іоанну Крестителю, съ которымъ, какъ Предтечею, у яфетическаго божества были, надо думать, какія либо общія черты[4]. Въ линіи такого способа перевода или вѣрнѣе толковаго изложенія св. Писанія въ соотвѣтствіе сир. ܓܢܒܪܐ, свр. כְּסִיל и греч. Ὠρίων въ армянскомъ переводѣ появился терминъ Hayk. Было бы ошибочно на этомъ основаніи утверждать, что Hayk есть Оріонъ, какъ это рѣшили мыхитаристы. Мы не имѣемъ права утверждать безъ пред-

[1] Н. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. VII, стр. 361.

[2] Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова margarey «пророкъ»*, ИРАН, 1909, стр. 1153—1158, см. также ХВ, II, стр. 386, прим. 1.

[3] Въ печати по вопросу появлялись лишь разъясненія по деталямъ вопроса, основное же толкованіе термина, данное въ докладѣ объ одной изъ гарнійскихъ экспедицій, сохраняется для соотвѣтственнаго изданія.

[4] Этимологически Karap-et съ пережиткомъ окончанія ж. рода, эквивалентомъ -eϑ въ сванскомъ ǧerb-eϑ, *Богъ* по основѣ представляетъ полногласную по шипящей группѣ форму того корня, который со сванской огласовкой имѣемъ въ наличномъ по заимствованію въ грузинскомъ kerp, разновидности ǧerb- (Н. Марръ, *Еще о словѣ «челеби»*, ЗВО, XX, стр. 111, см. также *Объ источникѣ деградаціи народнаго бога ӏarm-aϑ въ грузинской средѣ*, ХВ, II. стр. 402—403). Можетъ быть, не лишне зарегистровать весьма нерѣшительную попытку Jensen'а истолковать karapet по своему: «ob gar das rätselhafte iranisch aussehende, aber aus dem Iranischen nicht zu erklärende armenische karapet = »Vorläufer« durch den Namen *G-rı-bı-tıv-sı* für einen Vornehmen im Heere des Königs vertreten und eigentlich dessen Berufsname ist, muss durchaus zweifelhaft bleiben» (ц. с., стр. 122),

варительнаго обслѣдованія и того, будто армянскій терминъ Hayk означаетъ буквально или реально въ точности, притомъ непремѣнно то, что астрономически должно означать ܓܒܘܬܐ (или ܓܒܪܐ) сирійской версіи, съ которой сдѣланъ былъ первый переводъ св. Писанія армянами. Надо считаться лишь съ тѣмъ, что эквивалентное слово въ сирійской версіи, какъ и въ еврейскомъ подлинникѣ, означало свѣтило, которому приписывалось заключеніе въ узы, что о немъ существовало также представленіе какъ о великанѣ: сродныхъ легендарныхъ чертъ въ сказаніяхъ о нихъ было достаточно, чтобы ввести въ Библію мѣстное армянское названіе свѣтила, хотя бы и не въ точности того, которое слѣдуетъ понимать подъ сирійскимъ или еврейскимъ эквивалентомъ[1]. При такомъ освѣщеніи появленія Hayk'а въ текстѣ св. Писаніи, мы имѣемъ основаніе отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ Моисею Хоренскому, когда онъ сообщаетъ, что Hayk—герой народнаго эпоса, что о немъ ходили въ народѣ сказанія; вѣдь вмѣстѣ съ Хоренскимъ и другіе историки (Анонимъ, Ѳома Арцруни), независимо отъ него, разсказываютъ о Hayk'ѣ, какъ о героѣ, какъ о великанѣ, доблестномъ среди великановъ, при чемъ ни одинъ изъ этихъ историковъ не современникъ перваго армянскаго перевода св. Писанія, чтобы объяснять дѣло вліяніемъ библейскихъ преданій сирійцевъ. Хоренскому и Арцруни даже вовсе чуждъ сирійскій церковный міръ, и всѣ они, названные историки, черпали свои свѣдѣнія о Hayk'ѣ изъ народныхъ разсказовъ; въ нихъ героемъ являлось лицо, носившее названіе свѣтила, само нѣкогда представлявшее божество, т. е. передъ нами опять вскрывается такое соотношеніе между небеснымъ, свѣтиломъ или божествомъ, и земнымъ, народомъ, какое наблюдаемъ въ случаѣ съ терминомъ q̇ald: q̇ald назывался и богъ и поклонявшійся ему народъ. Такъ же hay, собственно hayq || hayk называлось свѣтило, божество, и поклонявшійся ему народъ.

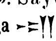
III.

При первомъ взглядѣ на надпись обращаетъ на себя вниманіе различная насыщенность строкъ знаками: при чрезвычайно плотномъ расположеніи знаковъ во 2-ой строкѣ 13-я и 14-я строки отличаются рѣдкостью расположенія въ нихъ клинописи. Эта неравномѣрность распредѣленія текста по строкамъ снова подтверждаетъ, что въ халдскомъ текстѣ не допускались расчлененіе словъ и перенесеніе ихъ частей изъ строкъ въ строки.

---

[1] Справки, наведенныя въ соотвѣтственныхъ цитованныхъ выше мѣстахъ грузинской Библіи, отчасти и по рукописнымъ спискамъ, пока не дали чтеній грузинскаго первоначальнаго перевода. Всетаки представляетъ интересъ матеріалъ, любезно извлеченный по моей просьбѣ прот. К. С. Кекелидзе изъ грузинскихъ рукописей, хранящихся въ тифлисскихъ собраніяхъ, но о нихъ особо.

Особенность буквъ Макинской надписи раздѣляется рядомъ памятниковъ халдской эпиграфики изъ другихъ мѣстъ, это — то, что горизонтальные клинья, лежащіе справа отъ вертикальныхъ, не отдѣляются отъ нихъ, а какъ бы заходятъ за нихъ, скрываются за ними, головками, напр. вм. , вм. , вм. . То же самое явленіе мы имѣли случай наблюсти въ надписяхъ изъ Вана и ближайшихъ его окрестностей [1].

Въ концѣ 7-й строки налицо клинописный знакъ , въ халдскихъ надписяхъ пока не наблюденный: по ассирійскому силлабарію онъ выражаетъ идеограмму понятія «малый» и имѣетъ не-семитическое звуковое значеніе tur. Знаку предшествуетъ идеограмма «города», какъ замѣститель слова, опредѣляемаго предшествующимъ идеограммѣ именемъ царя Русы. Единственное начертаніе, которое особенно легко могло бы быть оправдано въ интересующемъ насъ мѣстѣ, это фонетическій показатель понятія, представленнаго идеограммой, т. е. послѣдній слогъ слова «городъ», напр., mani, но неизвѣстное начертаніе не поддается такой дешифровкѣ. Рядомъ съ man-i въ значеніи «городъ» въ нѣсколькихъ надписяхъ еще встрѣчается patar-i, и мы могли бы въ загадочномъ начертаніи ожидать слогъ ri, послѣдній въ словѣ patari, однако этого нѣтъ, но, всмотрѣвшись въ сложный знакъ съ пересѣченіемъ, я увидѣлъ, что если знакъ pa () наложить на знакъ i (), то получимъ наше загадочное начертаніе — , а въ такомъ случаѣ въ его чтеніи pa...i можно бы усмотрѣть начальный (pa-) и конечный (-i) слоги термина patari *городъ*, т. е. начертаніе явилось бы звуковымъ показателемъ идеограммы въ видѣ слова, стоящаго подъ титломъ. Не зная другого случая, такую дешифровку предлагаю съ большой нерѣшительностью, тѣмъ болѣе, что на основаніи ассирійскаго силлабарія за безъ труда устанавливается значеніе идеографическаго изображенія—«малый». Sayce такъ и понялъ текстъ, причемъ въ транскрипціи идеограмму города замѣнилъ халдскимъ словомъ patari, а идеограмму понятія «малый» его не-семитическимъ фонетическимъ значеніемъ TUR. Кстати, въ яфетическихъ языкахъ именно Арменіи понятіе «малость» выражалось корнемъ ptr (< pt^r^r^1 || pṭr) || ptn: н.-г. patar-a *маленькій*, діал. г. pata (< *patar [2]) id., арм. puṭur (изъ шип. группы *poṭor, архаич. *paṭar id.), h. patan-ᵉ/ᵢ *малый, молодой*); сохранившееся въ грузинскомъ patar-a *малый* по основѣ совершенно созвучно съ хлд. patar-i *городъ*, и въ нашей фразѣ, б. м., имѣемъ особый способъ писанія — попытку омонимомъ идеографически представить звуковой составъ требуемаго слова. Способъ,

---

[1] Н. Марръ, *Матеріалы по халдской эпиграфикѣ изъ командировки І. А. Орбели въ Турецкую Арменію* (ЗВО, XXIV), стр. 98, 99, 112.

[2] Свистящій типъ корня pir > mϑir наличенъ въ грузинскомъ въ формѣ qmin съ суффиксомъ -cd (|| -cl) > -e: mϑir-ed-i > mϑir-e-y (ново-г. mϑir-e) *малый, маленькій*.

пожалуй, болѣе сомнительный, чѣмъ признаніе случая чтенія подъ титломъ, но положеніе дѣла обязываетъ исчерпывать всѣ возможности. Если же признавать фонетическое значеніе tur, то понятіе «малый», которое придается тому же знаку въ ассирійскихъ текстахъ, какъ идеограммѣ, также получаетъ звуковое оправданіе въ яфетическихъ матеріалахъ. Въ др.-л. ṫul-il-ı, ново-г. ṫvr-il-ı *мелкій, тонкій* основа — ṫul- ‖ ṫur-: отъ нея происходитъ ṫur-ık-ı, наличное въ чанскомъ въ значеніи *карлика*. Эквивалентъ той же основы по шипящей группѣ *ṭur-e сохранился, съ діалектическимъ перебоемъ r въ ḍ и съ регрессивной ассимиляціею въ ṭuṭ-e *маленькій*, съ десибиляціею вторго ṭ > t: ṭut-a *маленькій*, ṭuta koϑ-ı *карликъ*, букв. «*маленькій человѣкъ*». У этого слова въ яфетическихъ языкахъ есть и рядъ другихъ сродныхъ словъ. Но для насъ достаточно, чтобы въ знакѣ tur, если онъ, дѣйствительно, означаетъ «малый», признать фонетически существовавшее яфетическое слово, съ дессибиляціею начальнаго согласнаго или его дефектнымъ начертаніемъ — tur *малый*, эквивалентъ г. ṫul-il-ı, ново-г. ṫvr-il-ı, ч. ṭuṭ-e и т. п. И при такомъ толкованіи не предрѣшался бы вопросъ, было ли это халдское коренное или хотя бы живое слово или лишь заимствованное, притомъ исключительно письменное.

IV.

Рядъ графическихъ вопросовъ тѣсно связанъ съ фонетикой.

Одно явленіе такого графическаго характера, наблюдающееся и въ другихъ надписяхъ, но наличное въ нашемъ памятникѣ, представляетъ удобный случай, чтобы коснуться довольно существенной принципіальной стороны письма и произношенія.

Въ чтеніи халдской клинописи чрезвычайной осторожности требуетъ вопросъ объ оттѣнкахъ звукового значенія клинописныхъ начертаній. Принято, что они сохраняютъ звуковыя значенія, имъ свойственныя въ ассирійскихъ текстахъ, и на этомъ остановилось все научное разысканіе халдовѣдовъ-графистовъ. Вносятся поправки, но въ основѣ ихъ лишь индивидуальная догадливость кунеолога, искушаемая соблазнами графически воспринимаемаго текста: то клинописное изображеніе въ халдскомъ памятникѣ имѣетъ свою особенность, не вполнѣ совпадаетъ съ изображеніемъ ассирійскаго знака, съ которымъ его отожествляютъ, то одинъ и тотъ же требуемый слогъ въ различныхъ мѣстахъ передается не однимъ и тѣмъ же знакомъ и т. п.

При нашей постановкѣ дѣла, т. е. при дешифровкѣ халдской клинописи на основѣ сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ и въ частности ея фонетики, мы не можемъ зависѣть исключительно отъ нормъ графики,

установленныхъ для ассирійскаго письма на основѣ семитической филологіи.

Въ связи съ этимъ у насъ появляется не только возможность и право, но, казалось бы, необходимость и долгъ расходиться въ воспріятіи не однихъ звуковыхъ начертаній. Такъ, напр., идеограмма для понятія «господинъ» 𒂗, она же, кстати, пятый знакъ въ первой строкѣ нашей надписи, появляется въ такомъ сочетаніи, въ какомъ въ иныхъ надписяхъ стоитъ фонетически написанное слово ur-i (Р.: ur-i-e), съ префиксомъ — e-uri (Р.: eurie); послѣднее слово на основѣ яфетическаго языкознанія толкуется какъ «милость», «попеченіе», но никакъ не «господинъ», и такое толкованіе прекрасно подходитъ къ тексту: «^{i}бг Халда *милость*» (Р. вм. Т.: *милостью*)». Слѣдовательно, каково бы ни было идеографическое значеніе начертанія 𒂗, за словомъ uri не можемъ въ параллельномъ чтеніи не признать значенія «милость» (< «вода»), оправдываемаго и яфетическимъ языкознаніемъ и контекстомъ [1]. Но невольно задаемся вопросомъ: не обязываетъ ли яфетидологическое пониманіе параллельнаго чтенія къ измѣненію графически установленнаго и принятаго значенія идеограммы 𒂗? Нужно ли все-таки держаться пониманія халдовѣдовъ-графистовъ, какъ это удержано у меня и въ транскрипціи (^{i}DN = dominus), и въ переводѣ («владыкѣ»), или имѣть рѣшимость окончательно предпочесть и здѣсь яфетидологическое толкованіе?

V.

Что касается звуковыхъ знаковъ, то гласные и еще болѣе согласные играютъ существенно характерную роль въ живыхъ яфетическихъ языкахъ, доступныхъ нашему изслѣдованію и лежащихъ въ основѣ нашего лингвистическаго построенія — сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ.

Особенно важны въ этомъ отношеніи аффрикаты. Важно, быть можетъ, не столько то, чтобы они были въ языкѣ халдскихъ надписей, сколько то, что, разъ возникаетъ вопросъ объ ихъ существованіи, по нѣкоторымъ даннымъ самой графики разрѣшаемый положительно, требуется точное опредѣленіе каждаго аффриката прежде всего въ интересахъ правильнаго чтенія даннаго слова, но затѣмъ — для опредѣленія группы яфетическихъ языковъ, къ которому это слово можетъ принадлежать, и, слѣдовательно, для обезпеченія правильнаго его реальнаго истолкованія какъ звукового, а не лишь графическаго комплекса. Дѣло въ томъ, что не по простымъ согласнымъ звукамъ, а по сложнымъ — аффрикатамъ сибилянтнымъ ṫ, ď, ϑ̇ ‖ ṭ, ḓ, ϑ̣ и спирантнымъ k̇, ğ, q̇ ‖ ḳ, g̯, q̣ узнается, къ какой группѣ при извѣстной

[1] Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію (лѣтомъ 1911 и 1912 г.)*, ХВ, II, стр. 28—29.

констеляціи разноязычныхъ яфетическихъ эквивалентовъ надо отнести то или иное слово, такъ, напр., если изъ сибилянтнаго ряда звукъ ṫ находится въ такомъ словѣ, которое по другимъ сопутствующимъ признакамъ, напр., — общему составу коренныхъ (слѣдовательно, согласныхъ звуковъ) и его формѣ (т. е. огласовкѣ) принадлежитъ свистящей группѣ, то, значитъ, принадлежность его по природѣ къ свистящимъ языкамъ—безспорный фактъ; и только тогда легко опредѣлить дѣйствительное значеніе обсуждаемаго слова изъ матеріаловъ грузинскаго языка, представляющаго свистящую группу. Тогда можно безошибочно найти искомое и въ матеріалахъ мегрельскаго и ч̔анскаго, составляющихъ шипящую группу, такъ какъ въ такой обстановкѣ грузинскому звуку ṫ въ мегрельскомъ и ч̔анскомъ соотвѣтствуетъ аффрикатъ ṭ и т. п. Но при существующемъ чтеніи халдской клинописи, мы въ такихъ случаяхъ имѣемъ обыкновенно простой звукъ безъ ассибиляціи или асипраціи; такъ вмѣсто сибилянтныхъ аффрикатовъ ṫ, ď, ϑ̇ или ихъ двойниковъ ṭ, ḓ, ϑ̣ въ халдскомъ текстѣ читаемъ простые t, d, ϑ. Въ языкахъ, фонетику которыхъ мы имѣемъ возможность провѣрять на живомъ языковомъ матеріалѣ, такое появленіе простого звука взамѣнъ аффриката также наблюдается спорадически: тотъ же рядъ ṫ, ď, ϑ̇ или его эквивалентный по другой группѣ рядъ ṭ, ḓ, ϑ̣ въ такомъ случаѣ не только въ письмѣ, но и фонетически оказывается переродившимся въ t, d, ϑ. Это упрощеніе засвидѣтельствовано многими уже разъясненными въ печати примѣрами. Между прочимъ и древнее названіе лазскаго племени, ṭan, прошедшее къ тому еще лингвистическую среду съ паденіемъ носового n въ паузѣ въ сонорный среднеязычный «y», всилу этого упрощенія ṭ, произносилось tay, во мн. ч. tayq (P. ṭay+o-ϑ̇, Τάοχ-οι=ta+o-q̇ при основѣ ед. числа въ г. ta+o). То же упрощеніе наблюдается не разъ и въ яфетическихъ элементахъ армянскаго языка, напр., наличное въ грузинскомъ языкѣ слово свистящей группы ṫel-ı *годъ* въ шипящей группѣ должно было бы звучать *ṭar-e, и эту шипящую разновидность съ десибиляціею аффриката ṭ въ простой t мы имѣемъ въ армянскомъ tar-°/ı *годъ*[1]. Въ связи со всѣмъ сказаннымъ возникаетъ весьма чреватый послѣдствіями для правильнаго чтенія клинописи вопросъ, имѣемъ ли въ начертаніяхъ халдскихъ надписей t, d [, ϑ] дѣйствительно всегда выразителей этихъ простыхъ согласныхъ, или они лишь графически не характеризованные представители какъ простыхъ не характеризованныхъ согласныхъ t, d, ϑ, такъ и характеризованныхъ въ звуковой реальности аффрикатовъ ṫ, ď, ϑ̇ или ṭ, ḓ, ϑ̣ (смотря по принадлежности матеріала къ той или иной группѣ сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ). Въ послѣднемъ случаѣ установленіе правильнаго чтенія возможно,

[1] О десибиляціи яфетическаго начальнаго ṭ въ hайскомъ см. Н. Марръ, *ЯЭ*, II.

разумѣется, лишь послѣ весьма сложной работы. Не достаточно разгадать значеніе слова съ однимъ изъ такихъ звуковъ въ составѣ; нужно еще опредѣлять, къ какой оно принадлежитъ группѣ, свистящей или шипящей.

Таково, напр., затрудненіе съ весьма любопытнымъ словомъ въ надписи, откопанной въ церкви Бдящихъ силъ близъ Эчміадзина и сродной по своему стилю съ нашей Макинской. Это слово patar-ı въ сочетаніи Т̱ишрае patarı (30 стк), гдѣ безспорно слово означаетъ *городъ*, являясь синонимомъ ıman-ı[1]. Слово это извѣстно изъ пяти надписей[2], въ числѣ ихъ изъ Мелазкертской надписи, изданной М. В. Никольскимъ въ Запискахъ Классич. Отд. нашего Общества[3], гдѣ оно появляется въ томъ же сочетаніи въ стк 7, причемъ текстъ представленъ въ трехъ фотографическихъ снимкахъ «съ невышедшими посерединѣ текста нѣсколькими знаками»[4], почему на краю второго куска въ началѣ отъ начертанія 𒂊 = е налицо только правая половина 𒀀 = а, и потому М. В. Никольскій прочиталъ оба слова Т̱иишраа paatarı, тогда какъ на самомъ дѣлѣ и здѣсь такое же чтеніе, какъ въ надписи церкви Бдящихъ силъ или Зовартноцъ близъ Эчміадзина, т. е. Т̱иишрае paatarı.

Значеніе «городъ» правильно отгадалъ еще Шейль[5]), хотя читалъ онъ совершенно невѣрно («durgı»). Поддерживая то же значеніе, М. В. Никольскій ссылался на нахожденіе его въ подходящемъ мѣстѣ [т. е. передъ названіемъ города] въ трехъ надписяхъ, но его, повидимому, смущало, что въ Мелазкертской надписи, какъ и въ надписи церкви Бдящихъ силъ, терминъ стоитъ за названіемъ города. Какъ фактъ, это давно извѣстно. Замѣчалось оно и Sayce'омъ, какъ уже указано мною[6]. По случаю въ той же надписи еще В. С. Голенищевъ замѣчалъ, что „слово «городъ», которое обыкновенно приставляется послѣ имени *Ṭušpa* [Т̱ишра], несмотря на то, что идеограмма, означающая «городъ», уже предшествуетъ имени *Ṭušpa* [Т̱ишра]“[7]. Между тѣмъ это особенно цѣнно для насъ, какъ показатель синтаксическаго, въ связи съ этимъ и морфологическаго, явленія, разъясненнаго уже въ напечатанной работѣ нашей[8]. Разъясненіе касается того, что въ согласіи съ нормами ряда яфетическихъ языковъ, при-

[1] Вопросъ затронутъ мною въ работѣ *Мат. ком. Орбели*, ЗВО, XXIV, стр. 111.

[2] М. Никольскій, ЗКО, т. VI, 1910, стр. 183.

[3] Ц. т., стр. 182—184: *Клинообразная надпись изъ Мелазгерда.*

[4] Ц. с., стр. 182.

[5] P. O. P. Scheil, Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes XVIII (1896), 75, подъ заглавіемъ: *Inscription vannique de Mélasgert.*

[6] *Мат. ком. Орбели*, стр. 100—101. Помимо цитованнаго здѣсь мѣста Sayce о томъ же говоритъ на стр. 519 своего основного труда *Inscr.* (Ср. также стр. 483).

[7] ЗВО, XIII, стр. 091.

[8] Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 100—101.

вившимися и языкамъ Арменіи, названіе города предшествуетъ слову *городъ*, и само названіе въ такихъ случаяхъ можетъ стоять, и обыкновенно стоитъ, въ Р. падежѣ: все это налицо и въ T̲ишрае patarı, гдѣ patarı *городъ* стоитъ на второмъ мѣстѣ, а само названіе снабжено гласнымъ характеромъ Р. падежа -е: T̲ишрае.

Но сейчасъ затрудненіе въ томъ, есть ли t здѣсь точный выразитель реальнаго звука или это условный представитель его ассибилованпаго аффриката ṫ или ṭ, и котораго именно? Какъ и въ случаѣ съ яфетическимъ словомъ *годъ* tel-ı ‖ *ṭar-°/ı > tar-°/ı, теоретически возможно любое изъ трехъ чтеній— *patar-ı ‖ *paṭar-ı > patar-ı; если сообразоваться съ огласовкой, то форма — шипящая, слѣдовательно, въ случаѣ рѣшенія въ пользу характеризованнаго согласнаго выборъ нашъ долженъ остановиться на paṭar-ı. Характеризованнымъ, именно по шипящей породѣ является слово, какъ оно налицо въ курдскомъ bāǰer (Жаба: baǰır, Клапротъ: badar) *городъ*, отсюда bāǰārī *горожанинъ*. Таково ли было реально-фонетическое произношеніе въ языкѣ халдовъ, или уже тогда оно было опрощено въ нехарактеризованный t, какъ это изображено въ самомъ письмѣ, значеніе «города» за этимъ словомъ еще болѣе укрѣпляется, именно «города», или какъ *дворца*, *резиденціи*, семасическаго развитія *двери*, *воротъ*, или какъ *торжища*, семасическаго развитія «мѣста торговли у *воротъ*», именно у «городскихъ *воротъ*»[1]. Слово paṭar-ı (patar-ı) въ послѣднемъ значеніи—древнѣйшее свидѣтельство употребленія въ Передней Азіи того термина, который значитъ «торговля», «мѣсто торговли», «товаръ» и въ различныхъ языкахъ звучитъ различно: это — арм. vaṭaṛ *торговля*, груз. vaṭar-ı *торговецъ*, *горожанинъ*, нов.-перс. bāzār *рынокъ*, а др.-п. «abācarish» [a-bāṭar-ıш], съ префиксомъ яфетическихъ именъ а- и въ формѣ халдскаго Р. падежа; это такого же яфетическаго происхожденія и такое же наслѣдіе яфетическаго міра въ иранскомъ, какъ арм. taṭar = г. tadar *дворецъ*, *храмъ*, также наличное въ древне-персидскомъ текстѣ Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей въ видѣ—tacara [taṭara], и какъ еще другіе древне-культурные термины[2].

---

[1] Этимологія Jensen'а, обоснованная на отожествленіи этого слова съ арм. վայր «vayr», свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что авторъ не знаетъ исторіи арм. слова, въ которомъ «y» опять таки эпентезисъ, а не перерожденіе зубного t (ср. *Hittiter und Armenier*, стр. 239, s. v.). Но если вѣрно чтеніе Jensen'омъ нашего слова въ хетскомъ, то оно лишь подтверждаетъ предлагаемую мною этимологію.

[2] Если бы значеніе повторнаго написанія гласнаго въ халдской клинописи было окончательно выяснено, то ахеменидская транскрипція была бы интересна для насъ тѣмъ, что имѣетъ долгій «а» въ первомъ слогѣ, т. е. въ томъ слогѣ, который въ халдскомъ эквивалентѣ представленъ двумя а: paatarı (< pa-*зaṭar-ı), и тогда въ терминѣ пришлось бы признать префиксовое (pa- > ba- ‖ ma-) образованіе, и мы нуждались бы въ этимологіи основы -*зaṭar. Если же долгота перваго слога ахеменидскаго слова—позднѣйшая, возникшая въ фонетическихъ условіяхъ заимствовавшаго языка, подобно тому, какъ въ ново-перс. bāzār

Однако и въ отношеніи простыхъ согласныхъ клинописныя начертанія или, быть можетъ, неразработанность вопроса о дѣйствительномъ и точномъ ихъ произношеніи не позволяютъ намъ увѣренно пользоваться лингвистическимъ матеріаломъ халдскихъ надписей. Въ клинописныхъ начертаніяхъ халдскаго языка халдовѣдами-графистами не обращено вниманія на вопросъ о среднихъ, такъ называемыхъ «глухихъ придыхательныхъ» φ, ϑ, q. Тамъ, гдѣ халдскій текстъ, пока лишь съ графически обоснованнымъ чтеніемъ, проявляетъ t, и тогда, когда это не представитель аффриката, мы не знаемъ, произносить ли его t (г. ტ, арм. տ) или ϑ (г. თ, арм. թ), особенно когда другіе яфетическіе языки поддерживаетъ чтеніе ϑ. Иногда впрочемъ и здѣсь бываетъ закономѣрное чередованіе разновидностей одного и того же простого согласнаго или не-аффриката въ различныхъ родственныхъ языкахъ, такъ, напр., изъ зубныхъ при среднемъ ϑ свистящей группы шипящая группа въ рядѣ случаевъ проявляетъ звонкій d, а въ одномъ невыяснившемся еще языковомъ типѣ, вошедшемъ въ составъ сванскаго, имъ вторитъ ассибилованный эквивалентъ, но съ предпосыланіемъ сибилянта, т. е. шϑ || шd, что же касается глухого t, то онъ также всплываетъ въ сванскомъ, точно особенность спирантнаго его слоя (*ꝫt > t), но спорадически.

Халдскій языкъ въ рядѣ случаевъ, если отстаивать и фонетическую безукоризненность принятаго чтенія, проявляетъ звонкій d при глухомъ t или среднемъ ϑ въ другихъ яфетическихъ языкахъ, напр., въ халдскомъ корнѣ d *сказать*[1] при чанскомъ t (въ виц̂э-атинскомъ нарѣчіи tk) и при грузинскомъ ϑqw (и въ чанскомъ) и tkw; появляется тотъ же корень и по дешифровкѣ халдовѣдовъ-графистовъ въ видѣ t въ предполагаемомъ причастіи страдательнаго залога tını *названный*, *называемый*, но и въ отношеніи его никто не интересовался, глухой ли онъ t = ტ (арм. տ) или средній ϑ = თ (арм. թ).

Такая же неопредѣленность замѣчается въ губныхъ p, b, φ, только въ халдскомъ языкѣ вм. сонорнаго губно-губного обыкновенно шумные или простой глухой p или звонкій b, и опять вопросъ, когда въ соотвѣтствіе г. mıl-ı въ значеніи *водопровода* въ клинописномъ текстѣ халдовѣды-графисты читаютъ pılı, надо ли въ дѣйствительности начальный звукъ произносить p или это несовершенное начертаніе вм. средняго φ (г. ფ, арм. փ): *φıl-ı[2]?

долгота второго слога, не находящая поддержки даже въ древнеперсидскомъ, то paṭar-ı (paṭar-ı) при первичномъ его значеніи *ворота* невольно сближается съ наличнымъ въ грузинскомъ bṭe (< *bṭer) *ворота* (сюда же корень φϑ-n : φϑena «*раскрывать* ротъ»).

[1] Въ халдскомъ, слѣдовательно, два корня dʳwˡ: 1) «сказать» (см. стр. 20) и 2) «класть», «положить».

[2] Въ грузинскомъ φıl-ı значитъ *ступа*, но такъ какъ и это грузинское слово (Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 12), и халдское mılı (Н. Марръ, *О халдскомъ pıl-ı || pıl-ı «камень», «каменная труба»*]; *«водопроводъ», «каналъ»*, ИРАН, 1917, стр. 1279 сл.), предполагается, восхо-

Звукъ m- и въ качествѣ префикса халдскому не чуждъ въ формѣ ma-, хотя рядомъ и чаще—pa-; префиксъ m- во II-й породѣ съ характеромъ ı (mı-), а также тотъ же префиксъ съ характеромъ u (mu-) извѣстны лишь въ разновидностяхъ шумныхъ губныхъ или глухого pı- || pu- или звонкаго bı- || bu-, и то же самое наблюдается въ тождественномъ начальномъ слогѣ, какъ, напр., въ pıl-ı *водопроводъ* при г. mılı, если этотъ начальный слогъ, въ данномъ случаѣ pı, даже не префиксъ. На это фонетическое явленіе я обращаю особое вниманіе, такъ какъ оно важно для одного морфологическаго вопроса, образованія имени мѣста или названія страны, появляющагося въ большинствѣ халдскихъ надписей: это — Bı-aın-a.

По вопросу о сибилянтахъ, какъ и спирантахъ, Макинская надпись не даетъ особаго повода, чтобы здѣсь входить въ ихъ характеристику по клинописнымъ начертаніямъ. И можно ограничиться однимъ положеніемъ, именно — судя и по принятому халдовѣдами-графистами чтенію, сибилянтовъ много, можетъ оказаться столько же, сколько ихъ извѣстно вообще по яфетическимъ языкамъ, лишь точное отожествленіе сибилянтовъ пока не прочно построено; что же касается спирантовъ, то они почти вовсе не представлены въ письмѣ, даже спирантъ, появляющійся кое-гдѣ (въ слоговыхъ знакахъ ḣa, ḣu), опускается халдовѣдами-графистами.

Отсюда вытекаетъ то, что двух- или трехсогласные слабые корни въ халдскомъ языкѣ низведены въ односогласные. И такихъ случаевъ тѣмъ больше можно наблюсти, что спирантные аффрикаты въ халдскомъ языкѣ пали въ спиранты, напр., корень св. k̇l *говорить* въ халдскомъ письмѣ представленъ однимъ l, такъ что въ соотвѣтствіе сванскому k̇əle *онъ говоритъ* въ халдскомъ имѣемъ alı, и мы не знаемъ, только писался ли глаголъ такъ безъ спиранта, произносясь съ тѣмъ или инымъ спирантомъ (ʒalı), или таково было дѣйствительное его произношеніе.

Такое паденіе въ частности звука k̇ въ спирантъ и затѣмъ исчезновеніе его наблюдается спорадически и въ живыхъ яфетическихъ языкахъ, особенно въ сванскомъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ ч̒анскаго языка, какъ, напр., мы видѣли отъ корня tk̇w || tkᵛwˀ *говорить* въ вицэ-архавскомъ нарѣчіи сохранился только первый согласный t, какъ и въ халдскомъ, если коегдѣ можетъ быть удержано значеніе, усвоенное халдовѣдами-графистами хлд. слову tını[1]; въ халдскомъ въ корнѣ этомъ появляется въ одиночествѣ звонкій его эквивалентъ d.

Прекрасной иллюстраціей этого положенія является и другой корень

дятъ къ халдскому слову, означающему «камень», то нельзя отрицать возможности произношенія перваго звука халдскаго pılı какъ ꝓ, см. Н. Марръ, ц. с. (ИРАН, 1917), стр. 1281.

[1] См. выше, стр. 14.

tk > *tʒ въ значеніи «плѣнять»: въ халдскомъ имѣлась отъ него основа *tuk > *tuʒ, которая въ надписяхъ представлена или именемъ въ видѣ tuq̇-i *плѣнникъ*, обыкновенно въ формѣ мн. числа, напр., Нк, 64: XX tuq̇ini «20 *плѣнныхъ*», или съ паденіемъ задне-язычнаго [а не «гортаннаго»] сложнаго k въ спирантъ, въ халдскомъ письмѣ не выражаемый, въ видѣ глагола tu-bi (tu'ʒ'-ubi) *я плѣнилъ, вывелъ въ плѣнъ*, а не только «вывелъ», какъ переводятъ халдовѣды-графисты (Нк, стр. 115), въ грузинскомъ — tku-e *плѣнникъ*.

Въ этомъ отношеніи наша надпись даетъ поводъ разъяснить одно существенное слово изъ формулы проклятія. Какъ извѣстно, дешифровка халдскихъ надписей началась съ момента удачной разгадки этой формулы Guyard'омъ, но нѣкоторыя подробности, въ числѣ ихъ слово turinini до сихъ поръ не получили правильнаго истолкованія. Guyard turinini переводилъ «chaque personne», что̀ подкрѣплялъ особыми доводами и D. H. Müller[1], Sayce — словомъ «скала», М. В. Никольскій — словомъ «мужъ», на самомъ дѣлѣ это — корень tr съ простымъ t вм. сложнаго сибилянтнаго аффриката и съ невыраженнымъ въ письмѣ спирантомъ вслѣдъ за t, значитъ полностью — *tʒr, и онъ представляетъ эквивалентъ корня tkr, разновидности свистящей группы, и корня ṭkr, разновидности шипящей группы, со значеніемъ *сердиться*, *гнѣваться*. Халдская основа turini (< *tʒurini) имѣетъ параллель въ м. ṭkorini *гнѣваться*, *гнѣвъ*. Съ этимъ корнемъ могли бы находиться въ генетической связи въ яфетическихъ языкахъ созвучные по начальнымъ согласнымъ глаголы г. др.-л. tkev-a *проклинать* (н.-г. tkev-l-a) и м. ṭku-a-l-a > ṭk-a-l-a *проклинать* въ томъ случаѣ, если бы въ tkr || ṭkr мы имѣли бы взращенный функціональнымъ r видъ корня[2]. Но дѣло въ томъ, что и корень tkr *гнѣваться* въ грузинскомъ употребляется въ значеніи *проклятія*, такъ, напр., видя кого въ бѣдѣ или узнавъ о неудачѣ въ порученномъ ему дѣлѣ, грузины восклицаютъ: «какой богъ разгнѣвался на него» въ значеніи «какой богъ *проклялъ* его». Такимъ образомъ, халдское turinini въ формѣ мн. числа (in-i) желательнаго = повелительнаго на -in должно означать «да разгнѣваются на него», «да проклянутъ его»[3].

---

[1] *Die Schlussformeln in den Inschriften von Van* въ *Die Keil-Inschrift von Aschrut-Darga*, стр. 25. Въ переводѣ у него turinini передается черезъ «dieser mann».

[2] Этимологія грузинскаго др.-л. tkev-a *проклинать* и сродныхъ съ нимъ глаголовъ намѣчается какъ особое семасическое развитіе основного значенія *преподносить*, *посвящать*, присущаго звонкой разновидности той же основѣ *ǯǧev || *ǯǧow > ǯǧu въ глаголѣ ǯǧu-n-a, см. Н. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. X (ИРАН, 1918, стр. 328).

[3] Интересно употребленіе въ томъ же смыслѣ др.-л. risq̇-v-a *гнѣвъ* въ формѣ risq̇av-s *да разгнѣвается на него* или *на нихъ* (Богъ, Троица, Георгій Побѣдоносецъ или иной святой, икона или иная святая сила) въ различныхъ актахъ въ отношеніи нарушителей ихъ. Можно подобрать по изданнымъ памятникамъ десятки примѣровъ, но я здѣсь воспроизведу соотвѣтственную форму прошедшей черезъ мои руки для перевода жалованной грамоты царевича Баграта въ вульгарной редакціи: [illegible]

По формѣ халдская основа turını- — ближе всего къ слову шипящей группы м. ṭk̓orını *гнѣвъ*. Эта близость фонетически можетъ быть еще бо̀льшая, такъ какъ халдское письмо не различаетъ широкаго и узкаго губныхъ звуковъ, то есть o и u[1].

Съ другой стороны въ той же шипящей группѣ, именно въ мегрельскомъ языкѣ имѣемъ не только близкое, но тождественное съ халдской основой turını въ формальномъ отношеніи слово turını. По значенію мегрельское слово не вполнѣ разъяснено; въ мегрельскомъ словарѣ у I. А. Кипшидзе въ одномъ гнѣздѣ для turını указаны въ виду тожества формы два значенія «лежать» и «бушевать», между тѣмъ turını со значеніемъ «бушеваніе», «бушевать» семасически, какъ мнѣ представляется, находится въ связи съ м. ṭk̓orını «гнѣвъ», «гнѣваться», въ такомъ случаѣ и въ немъ проявляется совершенно также, какъ въ халдскомъ turını, перерожденіе сибилянтнаго аффриката ṭ въ простой t и спирантнаго аффриката k̓ въ исчезающій спирантъ[2].

До сихъ поръ не ставился вопросъ, есть ли въ этихъ и подобныхъ случаяхъ отсутствіе спиранта своего рода scriptio defecta, вызываемая несовершенствомъ халдскаго письма, или оно, это отсутствіе спиранта, было свойственно и живой халдской рѣчи, какъ это мы наблюдаемъ сейчасъ въ живой рѣчи лазовъ и другихъ яфетидовъ.

Безъ того или иного отвѣта на этотъ вопросъ научная классификація халдскихъ матеріаловъ, слѣдовательно, опредѣленіе мѣста халдскаго языка среди яфетическихъ будетъ лишено твердой почвы.

V.

Въ связи со спирантами находится положеніе о такъ называемыхъ полугласныхъ, именно о сонорныхъ средне-язычномъ «y» (г. ჲ, арм. յ) и губно-зубномъ w (г. ვ, арм. ւ): ни тотъ, ни другой не имѣетъ спеціальнаго знака въ халдскомъ письмѣ, а когда фонетическія соображенія требуютъ ихъ присутствія, вмѣсто нихъ находимъ начертанія гласныхъ ı и u:

aı вм. ay	au вм. aw
ıa » ya	ua » wa.

შლად ხელ ყოს ისიმც შეიშლება სჯულის ქრისტიანობისა გ.ნ. მასაც რისხავს მამა ძე და სული წმიდა და ყოველი მისი წმიდანი «нынѣ кто бы и въ какомъ бы званіи изъ человѣческихъ сыновъ, великій или малый, ни принялся нарушать это писаніе, да будетъ онъ отринутъ отъ христіанской вѣры, *да разгнѣвается на него* (> *да проклянетъ его*) Отецъ, Сынъ и св. Духъ и всѣ святые Его».

[1] Дѣлавшаяся въ послѣднее время кунеологами попытка ввести чтеніе o при двухъ u (uo вм. uu) и особенно въ Р. падежѣ мн. числа -oe вм. -ue, какъ то замѣчаемъ у Sayce'a и въ изданіи нашей надписи, изобличаетъ полное непониманіе халдовѣдами-графистами реально-фонетической стороны въ языкѣ толкуемыхъ ими текстовъ.

[2] Въ отношеніи потери k̓, resp. k при зубномъ ср. ч̑. o-tkorın-u > o-torın-u *crepitare*.

Такъ, сонорный средне-язычный или полугласный «у» налицо въ словѣ ı-е-ше, какъ оно написано, въ 6-й строкѣ Макинской надписи, или уеше, какъ его, слѣдовательно, надлежитъ читать.

Слово это извѣстно и изъ прежнихъ надписей, и за нимъ халдовѣдами-графистами утверждено значенiе на весьма курьезномъ, хотя и гласно не указываемомъ основанiи. Iеше кунеологи толкуютъ, какъ мѣстоименiе 1-го лица «я»; для такого толкованiя еще тогда, когда знакъ ше читался s, и, слѣдовательно, слово полностью звучало ıes, лингвистическимъ основанiемъ послужило то, что по-армянски *я* звучитъ es, въ ново-армянскомъ произношенiи—yes[1], между тѣмъ это именно слово въ армянскомъ—арiо-европейское. Ясно, что теоретическая основа такого истолкованiя имѣетъ дату попытокъ Mordtmann'а прочитать клинообразныя надписи Вана при помощи армянскаго языка. Попытка давно осуждена, но ея пережитки, и не одно толкованiе ıеше, лежатъ въ основѣ лингвистическаго толкованiя халдовѣдовъ-графистовъ. Такъ въ нашей же надписи еще одно такое скрытое армянское влiянiе налицо въ принятомъ и Sayce'омъ толкованiи ḳar-bı (въ транскрипцiи Sc: «qar-bı») въ значенiи *камней* (the stones): -bı Sayce признаетъ суффиксомъ мн. числа, а въ ḳar- = «qar»-, разумѣется, усмотрѣно арм. слово qar *камень* безъ указанiя на это. Въ этотъ разъ халдовѣдъ-графистъ случайно использовалъ слово яфетическаго происхожденiя, и нѣтъ даже надобности приспосабливать чтенiе халдскаго слова ḳar-bı къ новому армянскому произношенiю: древне-литературный языкъ армянъ, һайскiй, сохранилъ его въ видѣ ḳar- въ удвоенной основѣ слова ḳarḳaṛ *«куча камней»*, о чемъ подробнѣе особо. Но вопросъ въ томъ, требуется ли контекстомъ нашей надписи усваиваемое Sayce'омъ спорному слову значенiе[2]?

Въ ıеше слогъ -ше—окончанiе Р. падежа, хорошо извѣстное изъ халдскаго языка и общее у него съ языками шипящей группы яфетическихъ языковъ, мегрельскимъ и ǒанскимъ. Основа уе- въ значенiи *тотъ*, эквивалентъ грузинскаго ı- изъ һı-; въ мегрельскомъ, мѣстоименiе звучитъ «е», съ потерею спиранта, какъ и въ грузинскомъ, а самостоятельно или въ составѣ сложнаго мѣстоименiя en-а оно значитъ *этотъ*; наоборотъ, въ ǒанскомъ, сохранивъ спирантъ һ, оно же звучитъ һе (һе-m, һе-а) и значитъ, какъ въ халдскомъ уе-, *тотъ*; форма уеше — Р. образа дѣйствiя и означаетъ *такъ, по тому образцу, тѣмъ образомъ, такимъ образомъ*, какъ м. еш-ı (< е-ше, resp. *һе-ше). Это слово по образованiю, казалось бы, тоже,

---

[1] Sayce впрочемъ настойчиво стоялъ на пониманiи «yes» [уеше], въ связи съ контекстомъ, въ смыслѣ «which; what», но и онъ перешелъ на совершенно произвольное его толкованiе въ смыслѣ «я», и такъ именно онъ перевелъ его въ нашей надписи.

[2] См. стр. 23.

чтò въ грузинской рѣчи діалектически ɪ-se *такъ*, съ замѣной шипящаго ш свистящимъ s по природѣ грузинскаго языка[1]. Халдское уеше со значеніемъ «такъ» отвѣчаетъ на предшествующее ему въ 5-й строкѣ надписи ши-kɪ, точнѣе, фонетически — шо-kɪ, означающее «какъ», буқв. «какимъ образомъ»[2]. Оставляя сейчасъ обсужденіе -kɪ *образъ*, поучительно отмѣтить, что шо- вполнѣ закономѣрно соотвѣтствуетъ слову sa, присущему свистящей группѣ яфетическихъ и потому наличному въ грузинскомъ, но здѣсь лишь въ нарѣчіяхъ мѣста, образованныхъ отъ этого относительнаго мѣстоименія. Мегрельскій сохранилъ въ той же роли это мѣстоименіе съ той же закономѣрной перегласовкой «о», какъ въ халдскомъ, но подъ вліяніемъ грузинскаго измѣнилъ природному для него согласному ш, замѣнивъ его свистящимъ s: so. Исторія этого мѣстоименія въ яфетическихъ языкахъ и его основное значеніе уже выяснено[3].

Вся фраза въ двухъ строкахъ, съ половины 5-й строки гласитъ: шоkɪ ^{d}D Qaldɪше ubardu dunɪ, уеше шɪdɪшtubɪ. Эта фраза буквально повторяется въ надписи Бдящихъ силъ (стр. 9) въ первой своей части шоkɪ ^{d}D Qaldɪше ubardu dunɪ и тамъ же находитъ для второй части параллель, гласящую: уеше ɪnɪ ^{d}ARB uldɪe terubɪ.

В. С. Голенищевъ первую фразу призналъ «неясной», а про вторую въ связи съ послѣдующими, т. е. про 10—12 строки, онъ пишетъ, что «въ нихъ Руса говоритъ о какихъ-то насажденіяхъ, сдѣланныхъ имъ»[4]. Это указывается впрочемъ самимъ текстомъ графически: детерминативомъ «дерева» (^{d}ARB). Тѣ же двѣ строки г. Басмаджянъ нашелъ рѣшимость по догадкѣ перевести какъ на армянскій языкъ (въ «Банасэрѣ», армянскомъ филологическомъ журналѣ, издававшемся въ Парижѣ)[5], такъ и на французскій[6] слѣдующимъ образомъ:

---

[1] Это сближеніе предлагается съ большимъ сомнѣніемъ, даже какъ возможное, такъ какъ діалектическое грузинское ɪse можетъ найти себѣ объясненіе какъ сокращенный видъ, съ потерею 2-го согласнаго, народнаго ისრე ɪs-re или, скорѣе, діалектическаго ისთე ɪs-Θe *такъ, такимъ образомъ*. Подробнѣе въ печатающейся *Грамматикѣ грузинскаго древнелитературнаго языка*.

[2] Sayce то же слово переводитъ (стр. 7) «long ago (?) *давно тому назадъ* (?)» по обыкновенію безъ всякой опоры въ какомъ либо языкѣ, т. е. гадательно, въ этотъ разъ, впрочемъ, отмѣчая эту гадательность вопросительнымъ знакомъ; то, что предлагается (стр. 108), какъ поясненіе принятаго толкованія, невѣроятно по безпомощности лингвистическаго обоснованія.

[3] Н. Марръ, *Опредѣленіе языка II-й категоріи = Ахем. II*, § 23, стр. 24—26.

[4] ЗВО, XIII, стр. 086.

[5] *Բանասէր. Հանդէս հնախօսական, պատմական, լեզուաբանական, քննական.* Հատ. II, պրակ Ա, 1901, стр. 37, 39.

[6] *La stèle de Zouarthnotz*, отд. отт. изъ Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes, vol. XXIII, стр. 3.

«9. Князь земли Халди даровалъ мнѣ (?).

10. Я этотъ памятникъ

11. Поставилъ, садъ съ деревьями — сосной (?) и дубомъ (?)»[1].

Независимо отъ впервые теперь разъясняемыхъ шоki *какъ*, уеше *такъ*, центръ тяжести лежитъ въ словѣ ubardu. Это производное слово изъ ubar и -du: слово ubar давно разъяснено на основаніи многочисленнаго матеріала изъ яфетическихъ языковъ въ значеніи «слова», «рѣчи», а слогъ -du (|| -tu) есть суффиксъ мн. числа и въ связи съ этимъ — отвлеченнаго понятія, равно собирательнаго, и отсюда названій странъ[2].

Двѣ строки надписи Бдящихъ силъ въ переводѣ гласятъ: «какъ богъ Халдъ повелѣлъ (*букв.* слово *или* изрекъ *или* положилъ), такъ я это ... ᵈдрв».

Перевода не доканчиваю, хотя можно указать названіе дерева, лингвистически поддающагося опредѣленію, и что именно съ нимъ царь сдѣлалъ.

Соотвѣтствующія строки Макинской надписи гласятъ: «какъ богъ Халдъ повелѣлъ (*букв.* слово *или* изрекъ *или* положилъ), такъ я возстановилъ, покончилъ»[3].

Въ связи съ надписью Бдящихъ силъ приходится разсматривать Макинскую и въ виду ея 4-й и 5-й строкъ, также общихъ по существу въ обоихъ текстахъ. Эквиваленты ихъ въ надписи Бдящихъ силъ — 7-я и 8-я строки, признанныя В. С. Голенищевымъ непонятными и послѣ всѣхъ толкованій, которыя давались рядомъ кунеологовъ для параллельныхъ мѣстъ въ другихъ надписяхъ[4].

Часть 4-й и 5-й строкъ въ Макинской надписи, представляющая затрудненіе, начинается съ ḳarbı, второго слова въ 4-й строкѣ, и кончается uri, третьимъ словомъ въ 7-й строкѣ. Для этой части, какъ отчасти и указывалось и Никольскимъ[5] и за нимъ В. С. Голенищевымъ[6], имѣемъ параллели не только въ надписи Бдящихъ силъ, но и въ Сардарабадской и Каракалинской. Сравнительная таблица всѣхъ четырехъ параллелей представитъ слѣдущую картину:

---

[1] Французскій текстъ перевода лучше привести въ подлинникѣ: «9 le prince de la terre, Ḫaldi m'octroya (?); 10 moi, ce monument 11 ai érigé: un jardin aux arbres de cyprès (?) et de chêne (?)».

[2] Н. Марръ, *Ахем. II*, § 35, стр. 39. Вопроса о контаминаціи въ данномъ случаѣ съ суффиксомъ ж. окончанія сейчасъ не касаюсь.

[3] Sayce все мѣсто передаетъ въ своеобразномъ чтеніи, усмотрѣвъ въ дополненіи (u-bar-du) и сказуемомъ (duni) одно сложное слово umasdu-duni, причемъ знакъ ⤚ bar въ этотъ разъ прочитанъ mas для того, чтобы получить слово umasdu, которое Lehman-Haupt отожествлялъ «съ ассирійскимъ *umasu* „an enclosure“» (стр. 108—109)!

[4] Ц. м., стр. 089.

[5] Нк, стр. 56.

[6] *Надпись древневанскаго Русы II-го*, ЗВО, XIII, стр. 089.

Надписи

1) Аргиштія I Сардараб. стк 7—8[1]: ḳıuraanı ḳuuldını maanu | uı gı ıııda [urı

2) » » Каракал. » 4—5[2]: ḳırani tırabae manu | uı aını ıutını aı urı

3) Русы II Бд. силъ, » 7—8[3]: ḳıuraanı ıııuhe manu | uı gı eı ıutını manu ‹u›rı

4) » » Макинск. » 4—5[4]: ḳarbı salϑi manu uı gı eı | ıutını ıııda ‹u›rı

Едва ли можетъ вызывать сомнѣніе въ 3-й параллели одно изъ обычныхъ явленій во всякихъ эпиграфическихъ текстахъ, начертаніе разъ двукратно требуемой буквы: manurı вм. manu urı.

Еще есть параллели, но текстъ въ нихъ или сильно пострадалъ, или въ наличныхъ изданіяхъ много сомнительнаго, напр., въ при-Евфратской надписи Сардура II, гдѣ соотвѣтственное мѣсто въ 6—7 строкахъ у Sayce'а читается такъ[5] (понятно, въ нашей яфетидологической транскрипціи и съ нашимъ расчлененіемъ словъ):

«alqı bu ra na dı tu ı ıuqı manu | u-ı aı-nı eı «ıu-tı-nı ✣ ka-hu-rı»[6].

Примѣчанія Sayce'а: bw] «опущено Grotefend'омъ». — i] «можетъ быть, намъ слѣдовало бы читать *bi*».— -nu] «у Grotefend'а *si*». — ✣] «опущено у Grotefend'а».

Къ отдѣльнымъ частямъ, такъ особенно ко 2-й половинѣ всего отрывка можно указать другой рядъ параллелей, напр. наиболѣе полную въ надписи Менуи изъ Шушанца, строка 2-я[7]:

uı gı eı ıutını ıııda urı

Рѣшающимъ однако является для правильнаго толкованія всего мѣста разъясненіе первой части и особенно опредѣленіе заключающаго ее слова manu; въ немъ ключъ для установленія отправной точки въ уразумѣніи синтаксическаго строя фразы и въ связи съ этимъ изложенныхъ въ ней мыслей:

a) Занимающее насъ мѣсто Макинской надписи съ тремя параллелями представляетъ предложеніе, но не главное, а обстоятельственное — обстоя-

[1] Нк, IX, стр. 55.

[2] Нк, XXIV, стр. 58.

[3] В. Голенищевъ, ц. с., табл. II, K. J. Basmadjian, *La Stèle de Zouarthnotz*, стр. 2 (рис.) и 3.

[4] См. у насъ ниже, стр. 48, ср. Sayce, JRAS, 1912, стр. 107 и 112.

[5] *Inscr.*, L, стр. 643.

[6] Въ ✣ ka-hu-rı, resp. ✣ ka-u-rı имѣемъ, несомнѣнно, искаженіе, въ которомъ намѣчается правильное чтеніе лишь послѣднихъ слоговъ u-rı, заключительнаго слова всѣхъ сопоставляемыхъ параллелей.

[7] Sayce, *Inscr.*, XIII, стр. 505.

тельства образа дѣйствія, и сказуемое въ немъ выражено сокращенной или точнѣе безличной формой на -u || -ı (man-u и, пожалуй, g-ı).

b) Главное предложеніе, къ которому относится это обстоятельственное, въ Макинской надписи завершается послѣ разобранной уже нами части, именно вводной фразы «какъ ^{i}БГ Халдъ повелѣлъ» и относящагося къ ней слова «такъ». То же самое наблюдается въ надписи Бдящихъ силъ, слѣдовательно, за заключительнымъ словомъ сличаемыхъ параллелей, т. е. urı, завершеніе, какъ восполняющая выражаемую въ отрывкѣ мысль фраза, главное предложеніе, по Макинской надписи гласитъ (стк 6—7)

шıdıııштubı | terubı tını ^{d}P Rusaaı ^{i}U p‹atar›ı || ^{d}U ^{i}PATARI || ^{i}U tur.

Въ тѣхъ трехъ параллеляхъ, въ надписи Бдящихъ силъ также послѣ разобранной уже вводной фразы съ относящимся къ ней «такъ», соотвѣтственныя главныя предложенія гласятъ —

въ надп. Аргиштія I, Сардар., стк	8:	^{d}FLN Munaanı шaпue-^{d}PL agubı
» » » Карак., »	6—7:	^{d}D Qaldını nı ba ııшını ¦ ^{d}P Argıııштıııше agunı
» » Русы II, Бд. силъ, »	10—11:	ını ^{d}ARB uldıe ¦ terubı.

Въ различныхъ памятникахъ, даже въ двухъ надписяхъ одного и того же ванскаго царя, Русы II, въ наиболѣе сближающейся частной порой тождественной редакціи, эти главныя предложенія говорятъ о различныхъ вещахъ, даже изложены различно, но обстоятельственныя предложенія по формѣ стереотипны, причемъ нѣкоторыя слова повторяются во всѣхъ именно manu, gı (|| gıı) и urı. Слова эти имѣютъ значеніе общаго характера, первое — безличное въ формѣ прошедшей причастной основы на -u (man-u); не рѣшаюсь настаивать на такомъ опредѣленіи формы gı, хотя теоретически наличность въ ней того же глагольнаго образованія вполнѣ закономѣрна. Кромѣ того, рядомъ съ корнемъ g, съ прошедшей причастной основой на -u, въ значеніи «вести», «проводить» (отсюда аор. 1-е л. aшgu-bı, a-gu-bı, 3-е л. aш-gu-nı, a-gu-nı) могъ существовать, значитъ, корень g въ значеніи «сооружать», съ прошедшей причастной основой gı-, ибо существуетъ яфетическій корень gw || g-b > g: г. g-e-b-a *ставить, сооружать*, св. lı-g-n-e *ставить* и т. п. Не настаивая пока на предлагаемомъ мною пониманіи gı (|| gıı) какъ глагольной формы[1], я считаю трудно оспоримымъ, что

---

[1] Можетъ слово быть существительнымъ или частицею, какъ это явствуетъ изъ его употребленія въ другихъ мѣстахъ.

a) Во всѣхъ приведенныхъ параллеляхъ manu есть прошедшая дѣепричастная форма, или, какъ описательно характеризована она выше, безличная форма аористной причастной формы. Съ личн. окончаніями аористъ этого глагола долженъ бы звучать въ 1-мъ л. manu-bı, въ 3-мъ— manu-nı, и вотъ эту послѣднюю форму даетъ Макинская надпись (стк 12).

b) Во всѣхъ приведенныхъ параллеляхъ manu имѣетъ одно и то же значеніе «строить», «дѣлать», поскольку мы имѣемъ право опираться на поддержку ново-эламскаго языка и яфетическихъ переживаній въ армянскомъ. Основа man, отъ корня mn *строить*, *дѣлать*, налицо въ этомъ именно видѣ въ ново-эламскомъ man и съ подъемомъ m > b въ армянскомъ ban въ составѣ глагола ban-el *строить*, *дѣлать*, какъ это уже выяснено[1]. Во всякомъ случаѣ лишь фантазіею можно оправдать пониманіе его въ смыслѣ мѣстоименія «каждый», какъ переводили его до сихъ поръ халдовѣды-графисты, въ числѣ ихъ и Sayce, или обстоятельственнаго слова «in front», какъ переводитъ его въ нашей надписи тотъ же Sayce[2].

Интересъ представляетъ дополненіе глагола manu *устроивъ* — ḳarbı salϑı, собственно дополненіе salϑı съ опредѣленіемъ ḳarbı. Такъ какъ рѣчь въ надписи идетъ о сооруженіи храма, то естественно толкованіе словъ ḳarbı salϑı искать въ кругѣ культовыхъ понятій, и дѣйствительно —

a) ḳarb-ı со стянутой основой при огласовкѣ «a» является эквивалентомъ г. kerp-ı *кумиръ* и можетъ означать «богъ». Насъ въ данный моментъ не интересуетъ, что само слово kerp-ı въ грузинскомъ не коренное, оно—заимствовано или усвоено черезъ армянское средостѣніе (иначе не было бы утраты аспираціи въ k > ǧ, представленномъ какъ глухой k) изъ месхскаго, спирантнаго слоя сванскаго[3]. Можно, пожалуй, сейчасъ не интересоваться и тѣмъ, что съ полногласіемъ при той же огласовкѣ a (a — a) основа халдскаго слова налицо въ упомянутомъ уже пережиткѣ яфетическаго культа— Karap-et[4]. Болѣе важно для насъ то, что было выяснено при толкованіи слова съ чтеніемъ karpı или kurpı въ ново-эламскомъ языкѣ[5]. Если бы въ соотвѣтственномъ мѣстѣ ново-эламскаго текста karpı ‖ kurpı было истолко-

---

[1] Н. Марръ, *Ахем. II*, § 34, стр. 36—39.

[2] Sayce допустилъ неправильность чтенія man-u ı-g-ı-e-ı (о напечатаніи по какому то недосмотру zı вм. gı см. особо ниже, стр. 49) вм. manu uı gı eı. Это неправильно даже съ точки зрѣнія халдовѣдовъ-графистовъ, ибо есть случаи, когда отъ мнимаго «manu-u» первая часть (manu) въ одной строкѣ, а вторая (u) — во второй, такъ, напр., у Никольскаго въ Сардарабадской (Нк, IX, стр. 55), да и у самого Sayce'a въ надписи Сардура II (*Inscr.*, L, стр. 643, стк 6—7), между тѣмъ переносъ словъ въ халдскихъ текстахъ исключается.

[3] Н. Марръ, *Еще о словѣ «челеби»*, ЗВО, XX, стр. 111—112, его же *Яфетическій* k *въ армянскомъ языкѣ*, ЗВО, XIX, стр. 0159=отд. отт., стр. 6.

[4] См. выше, стр. 6.

[5] *Ахем. II*, § 43, стр. 46—47.

вано въ значенiи *бога*, а не *руки*, то это имѣло бы, конечно, болѣе рѣшающее или, вѣрнѣе, болѣе притягательное значенiе, такъ какъ еще лишнiй разъ вскрылось бы не только вообще языковое, но культурное влiянiе эламцевъ на халдовъ ванскаго царства, во всякомъ случаѣ — общность у нихъ ряда религiозно-культурныхъ явленiй. Но достаточно и того, что karp-ı, какъ kurp-ı[1] можетъ означать «богъ», какъ и hайское kuṛq. Въ предѣлахъ настоящаго изслѣдованiя мы не заинтересованы и въ томъ, чтобы доискиваться сейчасъ же, есть ли p непремѣнно коренной согласный или лишь показатель множественности: во второмъ случаѣ морфологически, а въ первомъ — фонетически, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ одинаково правомѣрно вм. p > ƀ > φ̦ могъ появиться k > g > q[2]. И разъ въ яфетической еще Арменiи существовала рядомъ съ kerp-ı и разновидность ḳarƀ-ı въ значенiи *бога*, разъ существованiе ḳarƀ-ı съ такимъ значенiемъ мы обязываемся признать въ до-арiйской Арменiи (его усматриваемъ хотя бы лишь въ нашей халдской надписи), то въ пользу реальности такого толкованiя можно использовать и географическiй терминъ Karƀı, названiе селенiя, вѣроятно, по мѣстонахожденiю въ немъ предмета особаго культа — karƀ'a[3]. Впрочемъ въ надписи самой ḳarƀı имѣетъ нарицательное значенiе *бога*; это не собственное имя, ибо въ послѣднемъ случаѣ мы обязательно ожидали бы детерминатива божества.

b) Salϑ-ı въ связи съ ḳarƀ-ı *богъ* можно толковать въ значенiи *молельни*, букв. *мѣста моленiя*. Слово есть основанiе признать образованiемъ по типу свистящей группы сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ, т. е. съ префиксомъ sa-[4]; если бы окончательно было установлено за другимъ наличнымъ въ халдскомъ словомъ — galaϑ-ı[5] — значенiе «алтарь», какъ то намѣчалъ Sayce съ вопросомъ, то мы рѣшились бы усмотрѣть въ sa-lϑı и ga-laϑ-ı одно и тоже образованiе съ префиксомъ то по свистящему (sa-), то по спирантному (*ha- > ga-[6]) типу[7]. Основа представила бы два коренныхъ

---

[1] При отсутствiи въ халдской клинописи начертанiя для «o» послѣдняя форма можетъ быть лишь дiалектической перегласовкой первой — a || o: karp- || *korp- > kurp- (начертательно или, что̀ также возможно, реально-фонетически).

[2] См. ХВ, I, стр. 35 по поводу vıшap || vıшak.

[3] Вопросъ о значенiи исходнаго согласнаго -p > -ƀ, морфологическiй ли онъ звукъ или коренной, этимъ ни въ какой мѣрѣ не предрѣшается.

[4] Разъ въ грузинскомъ такъ много заимствованныхъ въ глубокой древности пережиточныхъ элементовъ изъ спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, то намъ нельзя отрицать возможность обратнаго влiянiя, наличность заимствованiй въ спирантной группѣ, тѣмъ болѣе въ такомъ мѣшаномъ ея представителѣ, какъ халдскiй языкъ, усвоенiй глубокой древности не только изъ шипящей, но и изъ свистящей группы, къ которой относится грузинскiй.

[5] *Inscr.*, XI, стр. 502 (galazı «the altars (?)») и 503.

[6] Въ подъемѣ ha- даетъ собственно два ряда сильныхъ звуковъ: a) сложныхъ — ka- > ǧa- > q̇a- и b) простыхъ — ka- > ga- > qa-.

[7] Я не совсѣмъ увѣренъ и въ томъ, надо ли читать со значенiемъ sal, что̀

согласныхъ lϑ̇, притомъ въ sa-lϑ̇-ı безъ огласовки, остатокъ трехсогласнаго корня lwϑ̇||ḷwϑ̣ > ḷwϑ (ğwϑ̣ > ğwϑ), наличнаго въ формѣ съ огласовкой «a» въ видѣ *lwaϑ̇ > loϑ̇||ḷawϑ̣- (> laϑ̣-) > ḷoϑ̣ со свистящимъ ϑ̇ въ г. loϑ̇-v-a *моленіе*, съ шипящимъ ϑ̣ въ h. a-lăϑ̣-èm (< a·lawϑ̣-em) *молю*, съ десибиляціею въ h. a-ḷawϑ-q (*a-ḷawϑ̣-q) *молитва*. Корень lwϑ̇||ḷwϑ̣ (||ğwϑ̣) имѣетъ рядъ другихъ разновидностей въ яфетическихъ языкахъ. Дѣйствительно ли основа sa-lϑ̇-ı — безъ огласовки, или это дефектное начертаніе вм. *sa-laϑ̇-ı, особенно если получить твердое основаніе для привлеченія сюда же ga-laϑ̇-ı *алтаръ*, все это можно установить лишь постепенно. Sa-lϑ̇-ı, какъ г. sa-loϑ̇-ar-ı, такимъ образомъ можетъ означать «мѣсто моленія», отсюда — *молельня*, *алтаръ* и т. п.

Изъ остальныхъ отдѣльныхъ словъ занимающаго насъ мѣста — ui, iutini, uida и uri — въ данномъ контекстѣ имѣемъ основаніе остановиться лишь на uri, какъ на дополненіи къ сказуемымъ главнаго предложенія: въ двухъ надписяхъ, Сардарабадской и Каракалинской, сказуемымъ служитъ agubi || aguni *провелъ я* || *онъ*, въ одной, именно въ Макинской — uduutubi *возобновилъ я*[1]. Глаголъ «вести» обыкновенно сочетается съ «водопроводомъ» или съ «водой» въ качествѣ дополненія, и, понятно, a-guni получаетъ соотвѣтственный оттѣнокъ значенія: «онъ *провелъ* (водопроводъ)», и онъ *отвелъ* (воду)». Въ Сардарабадской надписи значеніе «вода» какъ будто и обязательно, ибо тамъ, какъ предполагалъ и Никольскій, рѣчь о сооруженіи водопровода. Вся фраза, начиная съ uri, въ этой надписи могла бы гласить: «*воду* отъ рѣки Муны въ тростниковыя поля (uaue-) я отвелъ». Въ Каракалинской надписи контекстъ не столь реаленъ, чтобы настаивать на томъ или

у Sayce'a, къ тому же, приняло видъ , или gal (быть можетъ, въ халдскомъ текстѣ и hal?). Это не измѣнитъ существа предлагаемаго толкованія въ отношеніи содержанія. Кромѣ того, съ этимъ двоякимъ звуковымъ чтеніемъ одного и того же клинописнаго знака находится въ странномъ совпаденіи тождественное значеніе въ яфетическихъ языкахъ двухъ звуковыхъ комплексовъ *sal > *ϑ̇al и *hal > *q̇al, прототиповъ съ одинаковымъ значеніемъ «женщина», «жена» двухъ сошедшихся въ грузинскомъ словъ: 1) ϑ̇ol *жена*, представляющаго природный грузинскій корень (ϑ̇l) съ перегласовкой «a» въ «o» подъ вліяніемъ эквивалентовъ шипящей группы — ч., м. ϑ̣il (> м. ϑ̣i) || м. ϑ̣ir (< *ϑ̣or || ϑ̣ol) *жена* и 2) qal *женщина*, усвоеннаго изъ спирантнаго языка корня *q̇l (> ql) > q̇w и получившаго природную грузинскую огласовку «a» вм. гласнаго «e» (въ сванскомъ съ префиксомъ ye- || q̇e-: ye-q̇w || q̇e-q̇w *жена*). И когда столь созвучны съ двумя грузинскими словами, съ прототипами же ихъ почти тождественны звуковыя значенія sal и gal (hal?) одного и того же клинописнаго знака, а въ то же время тотъ же знакъ является идеограммой для понятія «женщина» и «жена», то съ утвержденіемъ какого либо положенія пока можно не торопиться, но позволительно ставить вопросъ, случайно ли это странное совпаденіе и звукового, и идеографическаго значенія клинописныхъ начертаній со звуковымъ и семасическимъ значеніемъ двухъ разъясненныхъ грузинскихъ словъ?

[1] Въ надписи Бдящихъ силъ uri служитъ дополненіемъ повтореннаго въ обстоятельственномъ предложеніи и стоящаго передъ нимъ дѣепричастнаго образованія uanu, если вѣрна наша коньектура въ самомъ установленіи чтенія, а этотъ глаголъ имѣетъ слишкомъ общее значеніе, чтобы воспользоваться имъ для вскрытія значенія его дополненія.

иномъ значеніи urı въ соотвѣтственной части, при глаголѣ же agunı *повелъ, провелъ, отвелъ* дополненіе urı можетъ означать *воду*, но можетъ означать и что либо иное, напр., *дорогу*, *аллею* и т. п. Что же касается Макинской надписи, то трудно при его сказуемомъ шidı-ıшtubı *я возобновилъ* дополненіемъ признать urı со значеніемъ *воды*, но еще труднѣе примирить такое значеніе съ послѣдующей фразой — «довелъ до конца—до себя, resp. своего города Русы», или «малаго города Русы»,—трудно по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не знаемъ города съ такимъ названіемъ внѣ Вана и пока не можемъ утверждать, что по близости нахожденія надписи на лицо были условія и былъ смыслъ проводить воду отъ мѣста, гдѣ находилась надпись, до этого города Русы[1]. Въ то же время urı можно понимать въ значеніи *дороги*. Оба глагола и шı-dı-ıшı-tubı *возобновилъ я* и terubı *довелъ я до конца* весьма умѣстны при словѣ «дорога» въ качествѣ дополненія, а равно естественно сочетать такое дополненіе и съ глаголомъ gu, напр. urı agubı» «я провелъ *дорогу*», естественно, наконецъ, проводить дорогу и «отъ рѣки», вѣроятно, отъ моста на рѣкѣ, да и отъ храма или къ храму.

Все изложенное вызываетъ колебаніе въ выборѣ двухъ напрашивающихся на основѣ яфетическаго языкознанія толкованій urı, если это существительное: 1) ur-ı (< *hur-ı) *вода > милость*, отсюда съ префиксомъ—e-ur-ı (<he-ur-ı) *милость*, разновидность яфетическаго корня по спирантной вѣтви[2], 2) u-r-ı (< *hu-r-ı) *дорога*, слово, образованное отъ корня r *ходить*, въ побуд. залогѣ — *заставлять ходить > вести*, (ср. г. r-e-b-a *ходить* отъ того же, но въ грузинскомъ заимствованнаго или усвоеннаго корня r, наличнаго рядомъ съ svl||*hvl > vl > l), при помощи префикса u-<o-||г. sa-, ср. м. o-l-ə *дорога*, h u-!-%ᵢ *дорога*[3].

Комплексъ шida, халдовѣдами-графистами объединяемый съ urı въ одно слово, относится ли онъ къ нему какъ опредѣленіе, или его надо счесть восполненіемъ предшествующаго ему мѣстоименія *того*, *тѣмъ* (ıшtını въ значеніи нарѣчія *потомъ*), прежде всего приходится сопоставлять съ халдскимъ предлогомъ шidı *над-*, *на-*, *сверх-*, *воз-*, наличнымъ въ глаголѣ шidı-ıшtubı; пока я предпочитаю относить его къ ıшtını: ıшtını шida *сверхъ* того» > «*потомъ*» или «*надъ* тѣмъ» > «*при* томъ»||«*сверхъ* того» (ср. г. ma-s zeda).

---

[1] Впрочемъ надо отмѣтить, что про Бастамъ, съ которымъ отожествляется Бастанъ, предполагаемое мѣсто находки нашей надписи, В. Ѳ. Минорскій пишетъ: онъ «является головнымъ участкомъ чрезвычайно богатой долины» (*Древности Маку*, стр. 28).

[2] Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію (лѣтомъ 1911 и 1912 г.)*, ХВ, II, стр. 28—29.

[3] О разновидностяхъ этого корня въ грузинскомъ фактическія данныя сгруппированы въ печатающейся *Грамматикѣ грузинскаго древнелитературнаго языка*.

Слово ui въ значеніи союза «и», какъ то раньше переводилъ Sayce[1], можно бы поддержать яфетическими матеріалами, но, независимо отъ возраженій Никольскаго[2], есть основаніе сомнѣваться въ этомъ, и я пока лишь условно принимаю обычное его пониманіе Sayce'омъ въ значеніи союза «и». Съ вопросомъ объ ui въ тѣсной связи стоитъ и пониманіе gi || gu, но едва ли съ послѣднимъ слѣдуетъ сливать ei, по всей видимости, частицу, союзъ или мѣстоименный элементъ, и получать giei, точно параллельную форму къ gu. Скорѣе въ i можно бы видѣть энклитическое i въ значеніи союза «i» при мѣстоим. частицѣ e, обыкновенно также энклитической.

Тотъ же ui, пожалуй, надо выдѣлить и въ 12-й строкѣ, и не осложнять имъ предшествующаго слова, какъ то дѣлаетъ Sayce, который во всякомъ случаѣ торопится при наличіи уже u воспринять другой u какъ o, читая me kuoi (въ подлинникѣ kuui) tini вм. mekuui (или meku ui) tini. Вся фраза, представляемая 12-й строкой, mekui (фонет. meqwi) || meku ui (фонет. mequ ui || wi) tini manuni ᵈD ⁱArdi-ni kai требуетъ восполненія подлежащимъ къ глаголу manuni *онъ сдѣлалъ*, и такимъ подлежащимъ является царь Руса, подразумѣвать ли его или относить сюда его имя въ той формѣ, въ какой оно появляется въ слѣдующей строкѣ. Однако въ этой строкѣ, 13-й, имя царя появляется въ формѣ Rusa-ni, въ нашемъ текстѣ Rusaa-ni, тогда какъ при аористѣ manuni требуется подлежащее, стоящее въ P. падежѣ — Rusa-ше. Въ то же время текстъ 13-й строки ᵈP Rusaani ᵈP Argiштiqi появляется и самостоятельно, безъ видимой синтаксической связи съ предыдущимъ, да и съ послѣдующимъ текстомъ, и требуетъ иного воспріятія, чѣмъ то, при которомъ онъ понимался до сихъ поръ. Рѣчь не о -qi въ Argiшte-qi: быть можетъ, здѣсь qi, дѣйствительно, сокращеніе qini *сынъ*, а не послѣлогъ qi *надъ, при*, какъ я утверждалъ. Дѣло касается именъ ванскихъ царей, въ нашей надписи—Русы, которыя мы обыкновенно воспринимаемъ съ суффиксомъ -ni: Sarduri-ni, Rusa-ni и т. п., между тѣмъ ni бываетъ въ яфетическихъ языкахъ, особо близкихъ къ халдскому — мегрельскомъ и сванскомъ не только падежнымъ суффиксомъ и вообще окончаніемъ, но самостоятельной энклитической частицею, послѣлогомъ *для* (ср. м. -ni *для, изъ-за*), относительнымъ мѣстоименіемъ *что* > *который* (м. ni id.) или существительнымъ глаголомъ *есть* (ср. св. li < *ni *есть*). При любомъ изъ двухъ послѣднихъ значеній, даже при значеніи «есть», стереотипный по яфетическому синтаксису текстъ 13-й строки можетъ быть

---

[1] Въ Макинской надписи въ чтеніи Sayce'a ui исчезаетъ, такъ какъ онъ два его звука распредѣлилъ между двумя смежными словами (см. стр. 23, прим. 2).

[2] Нк, стр. 56. Ср. не въ *Надписи Сардура II, сына Аргиштія, въ Даш-Керпи* (Зап. Кавк. Музея, сер. В, вып. I), стр. 29.

воспринять какъ относительное предложеніе, и тогда имя царя можетъ оставаться въ своемъ падежѣ — неоформленномъ, независимо отъ строя другого предложенія, котораго по смыслу является оно подлежащимъ, такъ—

mekuuı || meku uı tını manunı ^{d}D ^{i}ARDı-nı kaı
^{d}P Rusaa nı ^{d}P Argıшteqı
^{i}R ^{i}PT ^{i}R ^{i}RO-^{i}PL-a-u-e

«для нихъ, для себя (*или* для нихъ и для себя) сдѣлалъ съ помощью ^{d}БГ ^{i}СОЛНЦА
^{d}Л Руса, что̀ || есть сынъ ^{d}Л Аргиштея (|| при ^{d}Л Аргиштеѣ),
^{i}ЦАРЬ ^{i}МОГУЧІЙ ^{i}ЦАРЬ ^{i}СТРАН ^{i}МНОГ-ИХЪ».

Комплексъ mekuuı || meku uı дается пока въ переводѣ, имѣющемъ лишь условное, гадательное значеніе.

VII.

Гласные въ клинописи представлены, при наличномъ чтеніи, весьма односторонне. По принятому чтенію выходитъ, что гласнаго «о» не было вовсе. Это маловѣроятно, когда при ı имѣется обильно представленный е. Объ отсутствіи начертаній для полугласныхъ уже сказано.

Установленіе опредѣленныхъ гласныхъ въ халдскомъ письмѣ не сопряжено съ такимъ колебаніемъ, переносящимъ слово изъ одной группы яфетическихъ языковъ въ другую, но колебаніе все-таки замѣчается, и чрезвычайно важно отмѣтить то, что графическому колебанію халдской клинописи въ этомъ отношеніи вторитъ параллельное или точнѣе тождественное колебаніе въ яфетическихъ языкахъ, откуда оно унаслѣдовано и языками Арменіи. Это колебаніе присуще въ яфетическихъ языкахъ звукамъ о и е, чередующимся, первый съ «u», второй съ «ı» и имѣющимъ тенденцію перерождаться въ нихъ частью при строго опредѣленныхъ условіяхъ, частью независимо отъ условій. Наша Макинская надпись даетъ намъ поводъ остановиться сейчасъ па колебаніи между е и ı.

Характеромъ Р. падежа въ яфетическихъ языкахъ считается ı, но въ сибилянтной вѣтви собственно двѣ разновидности этого характера: въ свистящей группѣ — ı, въ шипящей — е (въ мегрельскомъ появляется ı подъ грузинскимъ вліяніемъ). Такъ же обыкновенно бываетъ въ халдскомъ языкѣ, но въ Макинской надписи появляется ı въ усѣченномъ Р. падежѣ имени Rusa въ 7-й строкѣ въ сочетаніи Rusaaı съ послѣдующей идеограммой «города», что̀ значитъ «городъ *Русы*»[1].

---

[1] Sayce въ транскрипціи идеограмму замѣнилъ халдскимъ словомъ patarı, какъ означающимъ то же самое понятіе (см. выше, стр. 13).

Болѣе реальный интересъ представляетъ это колебаніе между e и ı въ имени царя Аргиштія, встрѣчающемся въ Макинской надписи три раза (3, 8, 13 строка) и всѣ три раза съ огласовкой e вм. ı въ слогѣ te: Argıш-teq̇ıше (въ 3-й и 8-й строкахъ) и Argıшteq̇ı (въ 13-й строкѣ), тогда какъ въ другихъ надписяхъ болѣе обычна орѳографія Argıшtıq̇ıше, Argıш-tıq̇ı, Argıшtı nı и т. п.[1].

Слово въ Им. падежѣ, слѣдовательно, звучало, если придавать разнообразію написанія реальное звуковое значеніе, двояко: Argıшte и Argıшtı, и здѣсь колебаніе не характера Им. падежа, его тутъ нѣтъ даже сращенно, имя стоитъ неоформленно въ отношеніи флексіи; это—колебаніе основы te||tı, второй части составного слова, уже разобраннаго мною, но мимоходомъ и бѣгло[2]. Такого же типа составное слово съ te||tı во второй части имѣемъ, по всей вѣроятности, въ ашq̇ааш-tı (Sc X, S, XII, 2), встрѣчающемся и въ формѣ Р. падежа ашq̇ааш-tee-ше (Sc X, 2), что должно означать не *food-remover*, какъ переводилъ Sayce, а «глава трапезы» или «сотрапезникъ», букв. «глава ѣды»[3].

Первая часть имени знаменитаго ванскаго царя — Argıш. Она представляетъ усѣченную форму Р. падежа *argıше отъ argı, означающаго *домъ*; по корню и формѣ слово это принадлежитъ спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ[4], и въ нѣкоторыхъ парѣчіяхъ сванскаго языка argı непочато сохранилось въ значеніи *дома*. И въ этомъ словѣ ı не характеръ Им. падежа, а огласовка основы, и, повидимому, колебаніе было и въ ней: рядомъ съ argı существовала разновидность arge-[5], откуда въ Р. падежѣ argeше||argeшı, къ чему и можетъ восходить, а не къ имени Аргиштія, съ перебоемъ g въ q̇,

---

[1] Когда та же особенность, именно написаніе имени Аргиштія съ te вм. обычнаго tı всплываетъ въ Атамханской надписи съ береговъ Севанскаго озера (Гёкчи), М. В. Никольскій отмѣчаетъ лишь фактическую необыкновенность употребленія «здѣсь *te* вмѣсто *tı*» (ц. с., стр. 16).

[2] *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, стр. 29—30, *Ахем. II*, § 66, стр. 65. Можетъ быть, для курьеза не мѣшаетъ отмѣтить этимологію того же имени, намѣчавшуюся Sayce'омъ (JRAS, XIV, стр. 570). Напомнивъ, что Mordtmann находилъ «реминисценціи имени его (Аргиштея или Аргиштія, по Sayce'у: «Argistis») въ названіи области Argastovit въ Mok'ѣ, пятой провинціи Арменіи», англійскій халдовѣдъ-графистъ предлагалъ слѣдующее уже морфологическое разъясненіе: «оно [имя или названіе] происходитъ отъ основы *argi* при помощи локативнаго суффикса *-di* (послѣ сибилянта становится *-ti*) и суффикса *s* [ш] вмѣсто *si* [ше]. Въ немъ точная параллель [формѣ] *Biainaste.* Можетъ быть, однако, оно составное слово изъ корня *ar* 'приносить' и *gies* 'образъ'». Не говоря о томъ, что для точности параллелизма самому имени ванскаго царя слѣдовало бы звучать *Argaшte (въ чтеніи Sayce'а *Argaste), а не Argıшte, неужели и въ немъ можно предполагать «локативный» суффиксъ -te?

[3] Ср. ниже, стр. 31, г. purıs-m-te.

[4] argı || *ahgı || asgı < *a-rgın || *a-hgın || a-sgın, такъ что ı есть не окончаніе Им. падежа, а — огласовка основы (ср. Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, ц. м., стр. 29—30).

[5] Ср. арм., г. шеуп *постройка, селеніе* (> г. ше- *внутрь, въ*) и г. шın-a (< *шуın-a) *дома*.

названіе города Arḍēш=арм. Arṭēш (< Arṭe-уш < Arṭe-шᵉ/ᵢ). Слѣдуетъ говорить пока лишь о возможности такогб толкованія, такъ какъ предварительно требуется получить полное убѣжденіе, что слово Arṭēш, быть можетъ, сродное по основѣ съ Arṭ-ak > Arϑ-ak, названіемъ маленькаго озера съ востока Ванскаго озера и поселенія на немъ, не имѣетъ ничего общаго по основѣ же съ Artkē < Artke-у, названіемъ, совершенно иного происхожденія, города на сѣв. берегу Ванскаго озера (нынѣ Адельджевазъ). Въ пользу того, что въ Arṭēш имѣемъ форму, образованную отъ основы, восходящей къ arḳᵉ/ᵢ- > argᵉ/ᵢ, что въ немъ налицо первая половина имени Аргиштія, могли бы мы сослаться на послѣднюю работу **Никольскаго**[1], гдѣ по сирійскому тексту Баребрея приводится названіе Ванскаго озера въ зависимости, по всей видимости, отъ названія нашего города въ видѣ Arkistia [Arqıstıya] (ц. с., стр. 171 сл.), но и здѣсь пока неясно, какого происхожденія -tı въ данной вновь отмѣченной разновидности? То же ли слово, что на лицо въ имени Аргиштія, или какой либо суффиксъ, быть можетъ, и не халдскій, а, напр., греческій -ιτης[2]? При толкованіи Arṭēш въ связи съ св. argı *домъ*, названіе указывало бы на то, что здѣсь одно время была резиденція ванскихъ властителей, мѣсто ихъ *дома* или *дворца*. Самая постановка названія въ Р. падежѣ, притомъ съ сохраненіемъ согласнаго элемента, вполнѣ согласуется съ нормой халдскаго языка и имѣетъ параллели въ такихъ «картскихъ», правильнѣе — природно свистящихъ по формѣ, отчасти и по основѣ названіяхъ городовъ, какъ г. Θφıl-ıs-ı *Тифлисъ*, Quϑaϑ-ıs-ı > Qu-ϑa-ıs-ı *Кутаисъ* (сюда же — Θuqar-ıs-ı, названіе крѣпости противъ монастыря Тбет'скаго), и въ такихъ названіяхъ шипящей группы, въ частности мегрельскаго происхожденія, какъ Dıqa-ıш-ı *Джихаишъ*, сел. въ Кутаисской губ., Θa-ıш-ı и Θa-ıш-ı *Цаишъ (Чаишъ)*, село и монастырь, Θun-eш-ı *Чунешъ*, сел., и по-мегрельски Quϑeш-ı (< Qu-ϑa-ıш-ı) *Кутаисъ* и т. п. (не надо смѣшивать съ -ıs, формой множественности, и въ др.-л. грузинскомъ, напр., Egr-ıs-ı *Мегрелія*, и въ др.-л. армянскомъ, напр. — Mas-ıs *Араратъ*, см. *ЯЭ*, X, стр. 329).

Въ Арменіи археологически важный холмъ близъ Эчміадзина Шэгēш, собственно Шэгe-уш > Шэг+e-шᵉ/ᵢ сохранилъ прямо такое же по формѣ халдское названіе города, въ немъ погребеннаго. Армянское названіе Битлиса— Bağēш, въ древне-литературномъ произношеніи Baḷeуш (< Ba-ll+e-уш <*Ba-dl+e-шᵉ/ᵢ || *Ba-dn+e-ше < *Ba-tan+e-ше) представляетъ то же образованіе. Сами основы обоихъ названій этого города, различныхъ по формѣ префикса (ba- || bı-)—Ba-ḷ+e-уш (< Ba-dn+e-ше < *Ba-tan+e-ше) || Bı-ϑl+ı-s (< *Bı-

[1] *Объ одномъ изъ древнихъ названій Ванскаго озера и о современномъ названіи города Арджишъ* (Сборникъ статей въ честь гр. П. С. Уваровой, Москва 1916).

[2] Ср. Tospıtes = Τωσπῖτης (см. ниже, стр. 43), Λυχνῖτις.

tan+i-si||*Bi-tan+e-ше), собственно двѣ разновидности одной основы, представляютъ значительный въ иномъ отношеніи интересъ[1].

Въ Грузіи имѣемъ еще болѣе интересную параллель названія города Arḍēш = арм. Arṭēш < h. Arṭeyш не только въ формальномъ отношеніи, но и семасическомъ, значитъ — по существу. Въ упомянутой уже работѣ моей было выяснено, что одинъ изъ интереснѣйшихъ археологически пунктовъ Грузіи Urbnis-i представляетъ Р. падежъ слова со значеніемъ «домъ», «дворецъ», слова языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей или «ново-эламскаго»: это — ur-ban-i < hu-man-i[2]. Слѣдовательно, не только формально, но и по содержанію Urbn-is-i реально означаетъ то же, что Arṭēш (<Arge-шᴦeᴵ||Argi-ше), при предлагаемомъ толкованіи разновидность первой части составного слова, какимъ является имя царя Argiш-te или Argiш-ti.

Вторая часть ti мною была уже освѣщена въ значеніи *головы*, *главы* на основаніи матеріаловъ ҷанскаго, мегрельскаго и ново-эламскаго все въ той же работѣ[3]. Но тамъ освѣщеніе давалось въ интересахъ разъясненія ново-эламскаго возвратнаго мѣстоименія ti, для выраженія котораго въ яфетическихъ языкахъ служитъ имя существительное, означающее или «голова», какъ въ данномъ случаѣ, или «душа» и т. п. Здѣсь же -ti съ параллельной разновидностью -te должно означать *голову*, *главу*, *старшаго*, *правителя*. Достаточно писано о томъ, что «глава дома» вообще въ яфетическихъ языкахъ, да и въ яфетизованныхъ или яфетидоидныхъ языкахъ Арменіи является ядромъ въ развитіи понятій соціальнаго строя, съ нимъ связаны термины — г. mamasaq̇l-is-i, h. tanutēr (<tanuteyr) и также г. eris-ϑav-i и др.[4], при чемъ въ послѣднемъ ϑav-i есть грузинскій эквивалентъ халдскаго te||ti. Я сейчасъ обращу вниманіе лишь на то, что поддержку въ нашихъ яфетическихъ матеріалахъ находитъ не только огласовка «е», но и произношеніе согласнаго не какъ средняго ϑ, а какъ глухого t: te сохранилось въ грузинскомъ древне-литературномъ въ значеніи *главы* въ составномъ словѣ puris-m-te (*puris-te) «*глава* хлѣба», что̀ собственно значитъ «*глава* трапезы (пира)», и въ такомъ значеніи оно встрѣчается въ Евангеліи отъ Іоанна 2,8, какъ точная по реальности передача не греческаго ἀρχιτρίκλινος (τῷ ἀρχιτρικλίνῳ) и не армянскаго въ наличной вульгарной версіи taṭarapet (*տաճարապետին*), а сир. ܪܝܫ ܣܡܟܐ (ܠܪܝܫ ܣܡܟܐ) «*глава* пира». Это архаическое чтеніе первоначальной вер-

---

[1] См. ниже, стр. 39—40.

[2] Ц. с., § 34 (стр. 37—38), § 36.

[3] § 66 (стр. 65). Слово ϑi въ значеніи *головы* находимъ у ҷановъ въ составѣ слова ϑi-m-ϑq̇u *важный*, *знатный*, букв.: «съ толстой *головой*», см. Н. Марръ, *ГЧ*, s. v. თი.

[4] И. Джаваховъ, *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи*, т. I (ТР, кн. VIII), стр. 12—16 сл., 100—110 сл.

сіи грузинскаго перевода [1], во всякомъ случаѣ вторая его часть—m-te, resp. te есть наслѣдіе еще соⁿ-меᶜсхскаго языка или нарѣчія, на которое, какъ все болѣе и болѣе намѣчается, переведено было впервые въ Грузіи св. Писаніе, затѣмъ въ грузинской средѣ постепенно подгонявшееся подъ грузинскую, собственно «ķартвель»скую рѣчь такъ же, какъ у армянъ первоначальный переводъ св. Писанія, возникшій у нихъ на ḣайскомъ языкѣ, постепенно подвергался стилистической и лексической переработкѣ въ новой этнической средѣ подъ вліяніемъ армянскаго языка.

Слово te *голова*, *глава* и по огласовкѣ, и по качеству согласнаго при ϑ свистящей группы и d шипящей группы есть собственность спирантной вѣтви языковъ [2]. Это te въ значеніи *головы*, *главы*, *владыки* могло бы долго насъ занять; одинъ случай изъ халдскаго разъясняется ниже [3].

Его же мы имѣемъ, по всей видимости, въ глаголѣ terubi въ 1-мъ лицѣ, teruni въ 3-мъ лицѣ: халдовѣды-графисты этотъ глаголъ переводятъ словами «воздвигъ» («I set up»), «построилъ», «высѣкъ», «посадилъ» и т. д. Въ такомъ толкованіи глаголъ оказывается съ универсальнымъ значеніемъ, и иногда къ контексту явно неподходящимъ, напр., онъ появляется послѣ глагола «возобновилъ» и переводятъ «возобновилъ, построилъ» или «возобновилъ, воздвигъ», какъ переводитъ то же сочетаніе въ нашей надписи Sayce: «I restored (them), I erected».

На самомъ дѣлѣ основа teru- мнѣ представляется составной съ корнемъ r- *идти*, *заставить идти* > *вести*; рядомъ съ a-runi «онъ повелъ туда», aш-runi «привелъ сюда» мы можемъ имѣть te runi «онъ повелъ *къ головѣ*», т. е. «завершилъ», «окончилъ», «исполнилъ». Такая семасика встрѣчается въ яфетическихъ языкахъ, она обычна въ языкахъ Арменіи: ı gəluq̇ atel или hanel «вести» или «повести къ *головѣ*» въ смыслѣ «довести до *конца*», «завершить», «исполнить» [4].

Наконецъ, въ халдскомъ то же слово te или ti *голова* въ формѣ Р. падежа спирантной группы tini употребляется въ значеніи притяжательнаго возвратнаго мѣстоименія *свой* (для всякаго лица), какъ, напр., въ г. ϑvisi.

[1] Позднѣе puris-uφal-ı, такъ въ М (текстъ Московскаго изданія грузинской версіи св. Писанія), т. е. мѣсто m-te заступаетъ болѣе обычное въ грузинскомъ древне-литературномъ слово съ тѣмъ же значеніемъ «господинъ» — uφal-ı. Ср. также народное ṭiris-uφal-ı *пекущійся о* чьемъ либо *покойникѣ родственникъ*, букв. «*господинъ* чьего либо несчастія».

[2] M-te находимъ и въ составѣ duduᶜyˡs-mte (*Дѣян.* 13,1) *молочный братъ*, букв. «хозяинъ грудей [кого либо кормящихъ или вскормившихъ]», «раздѣляющій съ кѣмъ либо *право на груди*», т. е. «вскормленный одпѣми грудями съ кѣмъ либо (σύντροφος)», «воспитанникъ одной и той же кормилицы (h. dayek-ordı)» и т. п. Терминъ dudus-mte (въ др.-л. формѣ — uduys-mtey), судя по всему, самъ по себѣ мѣстнаго народнаго происхожденія.

[3] См. стр. 45.

[4] Ср. г. ga-ϑav-eb-a *кончать*, букв. «доводить до *главы* (> *конца*)» отъ ϑav-ı *голова* эквивалента хлд. te.

Въ древне-грузинскомъ существуетъ форма отъ того же слова съ тѣмъ же окончаніемъ (ϑws-ı < ϑu-ıs-ı) и съ nı < ın, но при послѣлогѣ yer (граф. ıer) > -er въ качествѣ заимствованія: ϑu-ın-ıer [вм. ϑu-ın-yer] > ϑwn-ıer [вм. ϑwn-yer] *отъ себя* въ значеніи *особо, кромѣ*. Халдское слово tını, эквивалентъ г. ϑv-ıs-ı и др.-л. ϑwn-ı- (< ϑu-ın-ı), въ значеніи возвратнаго «свой» имѣемъ въ 5-й строкѣ Макинской надписи:

«tını ^{i}ᴘ Rusa-a-ı ^{i}ᴜ pa . . ı || ^{d}ᴜ patar‹ı› || ^{i}ᴜ tur» «свой (|| у себя, къ себѣ) ^{i}я Русы ^{i}грд го‹ро›дъ» || ^{d}грд ^{i}городъ || ^{i}городъ ^{i}малый» (если признать tur яфетическимъ словомъ), это говоритъ Руса про возобновленное имъ мѣсто[1].

VIII.

Въ морфологическомъ отношеніи Макинская надпись даетъ основаніе коснуться случаевъ спорадическаго образованія мн. числа двухъ типовъ, притомъ всегда въ однихъ и тѣхъ же словахъ.

1) Мн. ч. на -te. Суффиксъ -te въ этомъ именно видѣ сохранился въ древне-литературномъ языкѣ армянъ, въ основѣ һайскомъ, и такъ же спорадически. Только нѣсколько словъ имѣютъ въ древне-литературномъ армянскомъ это окончаніе, разумѣется, со свойственной языку наличныхъ текстовъ въ паузѣ замѣной гласнаго «e» гласнымъ «ı» — -te > -tı. Въ халдской надписи имъ снабжается обыкновенно слово, означающее «письмо»: dup. Какого бы происхожденія это слово ни было, въ немъ имѣемъ прототипъ основы, отъ которой произведено древне-литературное арм. dəp-ır *писецъ, чтецъ*, откуда dəpr-uϑıwn *книга*, dəpr-oϑ *училище, школа* и т. п. Слово считается иранскимъ и въ армянскомъ заимствованнымъ изъ персидскаго, но самый древній иранскій памятникъ, въ которомъ встрѣчается это слово въ видѣ dıpı- въ значеніи «письма», «надписи», именно Ахеменидская клинопись, на сотни лѣтъ моложе употребленія его въ халдскихъ надписяхъ Арменіи, да притомъ dup по нормамъ сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ — болѣе древняя форма, чѣмъ то же слово съ огласовкой ı[2]. Наличіе

---

[1] Sayce tını переводитъ словомъ «называемый» (called), какъ принято толковать его у халдовѣдовъ-графистовъ. Согласный t, какъ и d (> ϑ), дѣйствительно можетъ быть въ роли усѣченнаго представителя яфетическаго корня, означающаго *сказать, назвать*, какъ это разъяснено выше (стр. 14, 15), производная форма на -ın въ значеніи прич. страд. залога не требуетъ особаго подтвержденія; пассивная причастная форма на -ın > -ıl на лицо въ составѣ грузинскихъ отглагольныхъ именъ съ префиксомъ sı-, напр. sı-kud-ıl-ı (*sı-kud-ın-ı) *смерть*, sı-rb-ıl-ı (<*sı-rb-ın-ı) *бѣганіе*. Но въ данномъ случаѣ, мнѣ представляется, въ tını имѣемъ не причастіе и не иную какую либо форму глагола, а мѣстоименіе.

[2] Этимологія слова на аріоевропейской почвѣ, обоснованная на сопоставленіи съ санскр. «lip», не нуждается въ особомъ опроверженіи. Происхожденіе иное выявляется съ помощью матеріаловъ яфетическаго языкознанія, о чемъ особо. Сейчасъ лишь одно замѣчаніе: чтеніе съ огласовкой «a» въ словѣ dapîver на сасанидскихъ геммахъ едва-ли основательно, когда

этого слова въ ассиро-вавилонскихъ текстахъ въ видѣ duppu, еще болѣе— его появленіе въ видѣ tip-pi въ эламскомъ[1] лишь подтверждаетъ его неарійское происхожденіе.

Обыкновенно, это слово представлено идеограммой [illegible] или [illegible] || [illegible] (=[1]i), какъ въ данномъ случаѣ (стк 9), но и тогда слово снабжается суффиксомъ мн. числа [illegible] -te, и въ этой формѣ, начертательно—[1]i -te, фонетически — dup- te, слово значитъ *письмена*, *надпись*, *таблица*.

2) Мн. число на -u. Этотъ суффиксъ въ предложенномъ именно видѣ сохранился въ сванскомъ, если это не усѣченный видъ суффикса -ur || -or, и здѣсь онъ также встрѣчается спорадически. Поскольку -u находится въ связи съ полугласнымъ w, а послѣдній—съ согласнымъ v и различными его губными разновидностями (m || p > b > φ), этотъ показатель множественности распространенъ по большинству яфетическихъ языковъ, особенно же характеренъ въ кругу древнеписьменныхъ для эламскаго языка[2]. Въ нашей надписи такое образованіе мн. числа проявляется два, быть можетъ, и три раза. Два случая безспорны и повторяются во многихъ другихъ надписяхъ, особенно часто — такое мн. число отъ названія страны Biaina, причемъ мн. число снабжено еще гласнымъ характеромъ Р. падежа -e, такъ что слово въ полной формѣ, наличное въ 15-й строкѣ, звучитъ Biaynawe (граф. Biainaue), что̀ должно означать *Біайнъ* въ смыслѣ «*всея Біайны*», «всѣхъ ея областей», совершенно такъ же, какъ въ древне-литературномъ армянскомъ Hayastan *Арменія* ставится въ тѣхъ же цѣляхъ въ Р. падежѣ мн. числа— Hayastaneayϑ, напр., во фразѣ *Հայաստանեայց սբ առաքելական եկեղեցին* «св. апостольская церковь *Арменій*».

Въ той же строкѣ ту же форму Р. падежа мн. числа -u-e проявляетъ слово «царь», которое, однако, представлено идеограммой[3].

Еще болѣе оригинально появленіе все того же падежа мн. числа -u-e въ 14-й строкѣ, гдѣ въ этой формѣ поставлено понятіе «страна», выраженное опять таки идеограммой, притомъ идеограммой же вслѣдъ за этимъ понятіемъ указано, что оно стоитъ во мн. числѣ или должно быть воспринято какъ «много», и послѣ этого фонетически, окончаніемъ, выражено это именно

возможно читать dipiver, что̀ допускаетъ и Horn, разбирающій терминъ въ отдѣлѣ «должностныхъ лицъ и маговъ» своей работы *Sasanidische Gemmen aus dem British Museum* (ZDMG, 44, 1890), стр. 670; если же признать такое чтеніе безспорнымъ, то для разновидности съ «a» (dapi-) придется искать иную діалектическую среду той же яфетической семьи языковъ.

[1] Jensen, WZKM, VI, стр. 218—219, и *Hittiter und Armenier*, стр. 187, 213. Jensen приводитъ еще въ связь съ той же арм. основой Tiwr (стр. 186), но сродныхъ словъ, болѣе безспорно стоящихъ съ нимъ въ связи, въ армянскомъ не мало, и весь матеріалъ требуетъ пересмотра въ связи съ различными армянскими терминами, означающими *читать* или *писать*.

[2] *Ахем. II*, § 17, стр. 18 сл.

[3] См. о томъ же Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 14.

мн. число, притомъ въ Р. падежѣ, и сомнѣніе лишь въ томъ, что вм. -ue, какъ въ другихъ случаяхъ, здѣсь читается -aue, изъ чего къ окончанію относимъ мы опять таки -ue, предшествующій же звукъ -а, по всей вѣроятности, есть гласный исходъ основы, поставленной въ занимающей насъ формѣ, т. е. или это окончаніе относится къ прил. «много» (хлд. bura), представленному идеографически, или въ значеніи «страны» здѣсь подразумѣвается не обычное ebani, а какое-то другое слово, оканчивавшееся на -a[1]. Потому, напр., при географическомъ названіи Biaina, оканчивающемся на -а, появленіе такой группы -awe послѣ основы было бы вполнѣ понятно, и мы дѣйствительно имѣемъ такой случай, напр., въ надписи Бдящихъ силъ (стк 28), даже вслѣдъ за фонетическимъ написаніемъ основы: Biain-a | a-ue вм. Biain-a-ue.

Обѣ разобранныя строки, 14-я и 15-я Макинской надписи въ русскомъ переводѣ, слѣдовательно, гласятъ:

«Царь могучій, царь странъ многихъ,
«царь страны Біайнъ, царь царей»

или, если въ русскомъ переводѣ указывать использованіе идеограммъ и детерминативовъ въ клинописномъ подлинникѣ:

«^{i}царь ^{i}могучій ^{i}царь ^{i}странъ ^{i}мног-ихъ
«^{i}царь ^{d}стр Біайнъ, ^{i}царь ^{i}цар-ей».

Глаголъ alie *говоритъ* два раза появляется безъ конечнаго -е—въ началѣ 4-й строки и въ концѣ 8-й. Это порой наблюдается и въ другихъ надписяхъ, напр., въ Гулиджинской (Нк, стр. 84, VII, 1): оно съ новой стороны можетъ подтверждать высказанную мною мысль, что конечный гласный въ этомъ глаголѣ есть не-органическая часть, а мѣстоименная частица, показательница объекта или, быть можетъ, субъекта, или совсѣмъ самостоятельная часть, напр., союзъ «что»[2].

Принятое чтеніе alie непрочно, поскольку слоговой (li) клинописный знакъ халдами могъ быть использованъ какъ однозвучный l, и въ такомъ случаѣ фонетически реальной формой являлось бы ale (граф. alie) || ali.

Если же чтеніе alie вѣрно, то предпочтительное признаніе въ -е мѣстоименнаго суффикса (не предрѣшаю — объективнаго или субъективнаго),

[1] Sayce поспѣшилъ вставить «suraoe» (читай šura-ue) и перевести его черезъ «of the world», между тѣмъ Šura названіе опредѣленной страны, повидимому, Сиріи и, если даже толковать его какъ нарицательное, установить за нимъ значеніе *міра* трудно; къ тому же, въ нашемъ текстѣ (стк 14), судя по идеограммѣ, рѣчь о странахъ, а не о мірѣ.

[2] Н. Марръ, *Халдская клинообразная надпись изъ села Леска Ванскаго округа* (ИРАН, 1910), стр. 1734—1735, 1736—1737.

подсказывается тѣмъ, что тотъ же гласный наростъ появляется въ формулѣ проклятія въ глаголахъ, не требующихъ послѣ себя союза «что», напр., въ 9 и 10 строкахъ нашей надписи tulı-e и pıtulı-e, неизмѣнно повторяющіеся во всѣхъ версіяхъ формулы проклятія, при чемъ халдовѣды-графисты понимаютъ tulıe какъ «удалитъ»[1], pıtulıe какъ «изгладитъ» или «устранитъ имя»[2]. Увлекшись созвучіемъ наличнаго слога pı- со словомъ pı, толкуемымъ какъ *имя*, въ остальной части халдовѣды-графисты признали повтореніе перваго глагола tulıe. Что здѣсь глаголъ относится къ будущему времени, не подлежитъ сомнѣнію, но это будущее лишь возможное, зависящее отъ желанія дѣйствующихъ, слѣдовательно, условное, и въ яфетическихъ языкахъ оно можетъ быть выражено желательнымъ наклоненіемъ; такое время образуется съ помощью согласнаго d въ сибилянтной вѣтви, т. е. въ грузинскомъ, мегрельскомъ и чанскомъ языкахъ, а въ спирантной, отсюда и въ спирантно-сибилянтномъ сванскомъ языкѣ — съ помощью l, какъ въ халдскомъ. Въ халдскомъ однако окончаніе полностью звучитъ -lı, какъ въ грузинскомъ -dı || -de при также встрѣчающемся (въ древне-литературномъ) безъ огласовки -d, а въ сванскомъ обыкновенно безъ гласнаго -l, но въ народныхъ пѣсняхъ съ гласнымъ e: -le. Слѣдовательно, при тождествѣ согласнаго элемента халдскій звукъ ı соотвѣтствуетъ сванскому e въ этой формѣ такъ же, какъ въ настоящемъ времени глагола «говоритъ», когда мы видимъ, что въ халдскомъ налицо alı (< ꝁal-ı) при св. k̇əl-e.

Во всякомъ случаѣ конецъ формы въ халдскомъ — -ı, появляющійся за нимъ e—наростъ, мѣстоименная частица, если въ предшествующемъ въ обоихъ случаяхъ графическомъ lı не признавать, какъ было указано, выразителя опять таки одного лишь согласнаго l, въ какомъ случаѣ у халдскихъ эквивалентовъ ale и -le (въ tule, pıtule) со сванскимъ k̇əle и -le (въ прош. нес. = жел.) тожество окажется и въ отношеніи огласовки.

Третій глаголъ въ той же формулѣ нашей надписи ıpq̇ulıe (фонет. ıpq̇ule?) отъ основы pq̇u-, эквивалента ḃq̇u-, основы сванскаго глагола lıḃq̇u-r-e *разбивать на куски*, *крошить*; слѣдовательно, въ сванскомъ глаголѣ по отвлеченіи префикса lı- и суффикса -re имѣемъ ту эквивалентную основу ḃq̇u-, которая въ видѣ φq̇u- налична въ цѣломъ рядѣ яфетическихъ языковъ, какъ, напр., въ грузинскомъ φq̇u-n-a *крошить*, φq̇v-a *молоть*, да и въ яфетическо-аріоевроп. арм. φuq̇ или φuq̇-r *ломкій*, *крошащійся*, φəq̇-+-r-el *крошить* и т. д.

Два первые глагола въ формулѣ проклятія tu- и pıtu- могли бы означать, первый — «плѣнить», второй «осквернить» или «испортить». Первое

---

[1] Sayce: «removes».

[2] Sayce: «removes the name».

слово разъяснено выше [1], основа второго pit опять съ простымъ t вм. сложнаго сибилянтнаго аффриката ṫ || ṭ явилась бы эквивалентомъ г., равно h. bit (< biṡṫ > bilṫ || piḷṫ) *пятно*, *скверна*; *изъянъ*, *порча*. Однако pit-, если особенно его читать φiϑ, можетъ получить и иное значенie — «рвать на куски» въ связи съ г. φleϑa *рвать*, *драть*, аор. φliϑa, или «стесать», «соскоблить» въ связи съ г. народнымъ φeϑa *отсѣкать* (въ присловiи одной сказки: აფეთეს, დაფეთეს, ნეფეს ტ... ჩაფეთეს, ср. также г. na-φot-i *щепка*). И оба послѣднихъ значенiя не менѣе подходящи для контекста халдской надписи.

IX.

Въ заключенie я остановлюсь на названiи страны, составлявшей ядро владѣнiй ванскихъ царей, Biaina или Biana. Нами уже выяснено, что этотъ терминъ часто стоитъ во мн. числѣ для обозначенiя совокупности всѣхъ областей Бiайны или всѣхъ странъ, ядромъ которыхъ являлась Бiайна [2]. Выяснено также, что начальный слогъ bi- можетъ быть префиксомъ имени мѣста [3]. При префиксѣ bi- въ этомъ имени мѣста Biaina имѣемъ суффиксъ -a, какъ въ словообразованiи шипящей группы сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ, гдѣ въ наличныхъ ея представителяхъ, въ чанскомъ и мегрельскомъ, другой префиксъ вм. bi- < bu-, именно гласный a- > o- сопрягается съ суффиксомъ -a, напр., Aṭar-a *Аджара*, O-krib-a *Окриба*, сел., *o-piḍ-a *прибрежье* (< *O-piȷ-a || O-piz-a *Опиза*, извѣстный въ древности грузинскiй монастырь) [4].

Основа же съ утратой спиранта — an, съ возстановленiемъ спиранта — одинъ изъ видовъ han || yan [5]. Это дiалектическое расхожденiе, именно чередованiе h со звонкимъ y въ началѣ словъ, характеризуетъ въ Сванiи два нарѣчiя — нижне-ингурское и верхне-ингурское, а въ Арменiи — отношенiе двухъ ея языковъ, haйскаго и армянскаго: вм. haйскаго «y», когда онъ въ началѣ, въ армянскомъ всегда h, въ началѣ словъ сохраняющiйся, въ концѣ исчезающiй, если онъ не успѣлъ еще въ видѣ «y» слиться съ ե = e, первич-

---

[1] См. стр. 15—16.

[2] Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, см. выше, стр. 34.

[3] Не осложняю сейчасъ изложенiя тѣмъ, что по закону p > b || m префиксъ этотъ звучитъ и pi-, равно mi, не говоря объ его разновидностяхъ по перерожденiю u > i: pu- > bu- || mu-, см. выше, стр. 15.

[4] Префиксомъ въ именахъ мѣстъ этого порядка можетъ быть и hi- (> i-) || si-, какъ то разъяснено у меня между прочимъ въ работѣ о надписи Сардура II изъ Дашкерпи.

[5] Полностью по спирантной вѣтви — han > γan || ɕan > yan, по сибилянтной — san > zan || šan > ȷan и т. п. при первичной общеяфетической огласовкѣ, а при переогласовкѣ соотвѣтственно природѣ каждой изъ вѣтвей по спирантной вѣтви — hen, по шипящей группѣ сибилянтной вѣтви — šon.

нымъ или вторичнымъ (ե=е изъ ա=а), въ է=еу. На послѣдующихъ ступеняхъ развитія спиранты обыкновенно терялись, и намъ трудно было бы рѣшить, какая хотя бы изъ этихъ двухъ возможныхъ разновидностей основы, han или yan, должна быть усвоена термину, наличному въ халдскихъ надписяхъ, если бы не одно фонетическое явленіе. Группа ya обыкновенно перерождается въ ay, и если это явленіе было еще въ эпоху халдскихъ надписей, основа наша рядомъ съ видомъ an, въ которомъ утраченъ спирантъ, могла бы и должна бы проявить и видъ съ перемѣщеніемъ — ayn (вм. yan), т. е. полностью терминъ нашъ могъ бы и долженъ бы гласить не только Bı-an-a[1], но и Bı-ayn-a (вм. *Bı-yan-a || *Bı-han-a), и это въ дѣйствительности и есть въ клинописныхъ надписяхъ съ той особенностью, что начертанія для сонорнаго средне-язычнаго или полугласнаго «y» въ халдскомъ письмѣ нѣтъ и, какъ было выяснено, вмѣсто него стоитъ гласный ı: Bıaına (чит.: Bı-ayn-a)[2].

Разъ у насъ ясно возстанавливаются прототипы спирантныхъ разновидностей основы—han > yan, то не представляетъ затрудненія указать сибилянтный эквивалентъ въ свистящей группѣ — san и въ шипящей — šan (съ діалектической перегласовкой: šon). Слѣдовательно, сибилянтная разновидность названія Bı-ana должна бы звучать, смотря по группѣ, или Bı-san или Bı-šan(> Bı-šon). И та, и другая сибилянтная разновидность, какъ и спирантная Bıan- лежатъ въ основѣ географическихъ и этническихъ терминовъ ванскаго района какъ архаичныхъ, такъ и современныхъ[3].

*Bısan > Bızan съ суффиксомъ -unı еще у древнихъ армянъ далъ этническое названіе Bəzn-unı, и подъ этимъ названіемъ былъ извѣстенъ и княжескій родъ этого края, и самое Ванское озеро (Bəznuneaϑ tow)[4].

---

[1] Такъ, напр., въ Даш-керпинской надписи (стк 8).

[2] Такимъ образомъ отпадаетъ необходимость усматривать эпентезисъ въ ı (> y) передъ конечнымъ слогомъ термина Bıaına (чит. Bıayna).

[3] Ясное дѣло, что при такомъ морфологическомъ толкованіи Bı-ana (Bı-aına), этого халдскаго названія страны, т. е. при фонетической необходимости чтенія начальнаго слова hı-, возникаетъ затрудненіе отожествить съ нимъ арм. Van (Վան): послѣднее, какъ названіе моря, получаетъ иное объясненіе (см. ниже, стр. 43, прим.).

[4] О древности этническаго термина Bə-z⌈ə⌉n- < Bı-zan- || Bu-zan намъ еще придется говорить на основаніи свидѣтельства новоотрытой въ Ванѣ халдской надписи. Армяне Ванское озеро знаютъ прежде всего, повидимому, какъ Бызнунійское море: такъ называетъ его историкъ Фаустъ Византійскій (впослѣдствіи и другіе), когда армянское уже княжество Бызнуніевъ, владѣвшее западнымъ и сѣверо-западнымъ побережьемъ озера, давало и области въ этихъ предѣлахъ то же названіе—Bəzn-unı-q. Была попытка произвести названіе отъ имени Баз'а, которое по Хоренскому носилъ сынъ Манаваза, сына родоначальника Хайка, точнѣе—hАйка. Г. А. Халатьянцъ хотѣлъ видѣть опору такого толкованія въ названіи основаннаго Тиклатъ-Пилесеромъ I города «Асуръ-База», «въ одной изъ урартійскихъ областей, именно въ Уллубѣ» (*О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными ванскихъ надписей* Древности Восточныя. Труды Восточной Коммиссіи Моск. Археол.

Но для мѣстной исторической этнологіи болѣе чреватый послѣдствіями интересъ представляетъ спирантная разновидность термина Bı-aın-a>Bı-an-a (изъ *Bı-yan-a<*Bı-han-a), приведшая насъ, какъ было выяснено, къ прототипу лежащаго въ его основѣ этническаго названія въ видѣ han>yan, ибо если къ тождественному прототипу, именно han, съ другой стороны, дѣйствительно восходило бы древнее національное названіе армянъ hay, какъ это выяснялось мною совершенно независимо отъ клинописныхъ данныхъ [1], то мы получили бы громадной важности фактъ. Выходило бы такъ, что въ коренныхъ областяхъ ванскихъ царей, въ странѣ Біайнѣ или Біанѣ, расположенной въ бассейнѣ Ванскаго озера, съ центромъ на юго-восточномъ его побережьѣ, халды, поклонники бога Халда, обладатели власти, являлись племенемъ пришлымъ и осѣвшимъ въ порабощенной чужой этнической средѣ, han-ской или hай-ской. Это важно прежде всего для правильной постановки лингвистическаго анализа надписей халдскихъ царей: на какомъ бы языкѣ ни были написаны эти документы, на языкѣ ли господствующаго племени—халдовъ, или на языкѣ порабощеннаго простого народа—⌈h⌉an'овъ или yan'овъ, тотъ фактъ, что они возникли въ смѣшанной этнической средѣ, требуетъ усугубленія нашего вниманія къ признакамъ, свидѣтельствующимъ о возможномъ взаимодѣйствіи по крайней мѣрѣ двухъ отечественныхъ языковъ самой Біайны, быть можетъ, о мѣшаности типа литературнаго языка.

По существу нашимъ разъясненіемъ термина Bıana, resp. Bıaına поддерживается и выставляемый кунеологами его прототипъ *Bıtana: Sayce отожествлялъ халдское Bıana съ ассир. Bıtanu, причемъ въ подтвержденіе онъ ссылался на діалектическое исчезновеніе зубного t между двумя гласными въ самомъ халдскомъ (стр. 669). Чтобы исторіею языка оправдать разновидность Bı-tan-u, resp. *Bı-tan-a, какъ эквивалентъ Bı-an-a (< *Bı-han-a), нѣтъ никакой надобности въ законѣ выпаденія зубного между двумя согласными [2]: основа tan съ нехарактеризованнымъ начальнымъ согласнымъ

Общ., т. II, вып. II, 1901, стр. 126, отд. отт., стр. 7), но фонетически такое толкованіе исключается; оно было непріемлемо и для Г. А. Халатьянца, какъ то явствуетъ изъ оговорокъ покойнаго московскаго армениста (ц. с., стр. 8). Имѣя же исходнымъ пунктомъ основу san > zan, мы могли бы привлечь въ качествѣ производнаго отъ нея съ префиксомъ имени мѣста hı- (> ı-) > q̇ı- армянское названіе области на югѣ отъ Ванскаго озера, въ древности Հիզան Hı-zan, нынѣ Q̇ı-zan.

[1] Н. Марръ, *Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію* (ИРАН, 1913), стр. 331 сл.; его же, *Изъ поѣздокъ въ Сванію* (ХВ, II), стр. 22—23, прим.

[2] Пережитокъ этого звукового явленія Sayce находилъ въ одномъ изъ аріизованныхъ языковъ Арменіи, по прежнему представленію—въ чисто «арійскомъ армянскомъ» (ц. с., стр. 669—670): «the Aryan Armenian omission of a dental between two voyels is a continuation of a habit of their Alarodian predecessors». Если Sayce въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду появленіе «y» вм. t въ словахъ арм. mayr *мать*, hayr *отецъ* и т. п., то тутъ недора-

(слѣдовательно, съ характеризованнымъ мы могли бы имѣть—ṫan || ṭan или ϑ̇an || ϑ̣an)—такая же закономѣрная реальность при подъемѣ сибилянта s, какъ для спиранта h подъсмомъ могъ служить, напр., q̇, если бы онъ не исчезъ въ спирантной разновидности занимающаго насъ названія *Bı-han-a > Bı-an-a. Такимъ образомъ, отожествленіе съ ассир. Bıṫanu отнюдь не нужно для объясненія Biana, и безъ того яснаго; но, если такое отожествленіе получитъ и историческое подтвержденіе въ той мѣрѣ, въ какой оно закономѣрно лингвистически, въ какой — его основа ṫan безукоризненна съ точки зрѣнія сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ въ качествѣ подъемнаго представителя сибилянтной разновидности san,—мы становимся на путь опредѣленія и самого племени, яфетическаго, которое представляло реальное содержаніе этого названія въ ту глубокую древность. Распространеніе этого племени на югѣ, если признать правильность нашихъ разъясненій и въ отношеніи названій Hı-zan и Bı-ϑl+ı-s (< Bı-ϑan+ı-sı) || Ba-ğēш < Ba-ğ+e-уш || Ba-ḷ+e-уш (<*Ba-ll+e-ше <*Ba-d⌜a⌝n+e-ше и т. д., см. стр. 30), отнюдь не ограничивалось предѣлами Вана: племя шло и на западъ отъ Ванскаго озера и далеко на югъ.

Не гоняясь пока за точнымъ установленіемъ реальнаго племенного значенія, мы можемъ довольствоваться тѣмъ, что разъясненный лингвистической палеонтологіею фактъ открываетъ новыя историческія перспективы, заманчивыя своимъ соотѣтствіемъ позднѣйшимъ этническимъ передвиженіямъ въ самой Арменіи.

Когда напоръ аріоевропейцевъ въ эти предѣлы принялъ стихійный характеръ и къ VI-му вѣку до Р. Хр. сокрушилъ ванское царство халдовъ, это han-ское или hай-ское населеніе, какъ это выходитъ при принятіи нашего анализа термина, сохранилось на мѣстѣ если не вполнѣ, то съ перевѣсомъ численности и крѣпостью своего этническаго самосознанія. До возникновенія въ армянской странѣ христіанства оно сохранялось въ реальности, несмотря на длительный, цѣлые вѣка съ VI-го столѣтія, процессъ этническаго перерожденія, процессъ смѣшенія съ аріоевропейцами, въ частности и съ иранцами, несмотря на длительный процессъ иранскаго политическаго воздѣйствія, въ частности господство въ самомъ краѣ парѳянской или аршакидской династіи, длившееся также вѣками. Потому то, когда въ Арменіи забрезжилъ свѣтъ христіанскаго ученія въ III—IV-мъ вѣкѣ и когда на народномъ языкѣ ея юга, на рубежѣ съ Сиріею и Персіею, именно въ предѣлахъ древней Біайны или Біаны, т. е. страны han'овъ, возникла

зумѣніе (Н. Марръ, *Кавк. культ. міръ и Арменія*, ЖМНП, 1915, іюнь, стр. 306, прим.), такъ какъ «у» въ этихъ словахъ, изъ слоя аріоевропейскаго происхожденія, имѣетъ совершенно иную исторію, но такъ то исчезновеніе зубного между двумя гласными—обычное явленіе и въ яфетическихъ языкахъ.

литература, то народъ, этнически давно перерожденный, оказался сознающимъ себя все-таки и все еще һан-скимъ или һай-скимъ: и һай-ское племенное самосознаніе, восходящее къ һан-скому самосознанію народныхъ массъ страны Біайны, передалось и другой этнической разновидности, населенію сѣверной Арменіи. Здѣсь населеніе сначала подпало княжеско-родовой власти и христіанской культурѣ һай'евъ, а затѣмъ, по паденіи господства һай'евъ и ихъ полномъ исчезновеніи, стало носителемъ и продолжателемъ той же культуры, хранителемъ завѣтовъ по названію того же этническаго самосознанія. Литература этого же христіанскаго народа, съ древнѣйшихъ эпохъ, съ момента ея возникновенія въ IV—V-мъ (по традиціи въ V-мъ) вѣкѣ, до нашихъ дней не знаетъ иного національнаго названія армянъ, кромѣ һау.

X.

Что касается племени q̇ald'овъ, то движеніе ихъ, хотя бы частичное, именно по сокрушеніи халдской власти въ Біайнѣ въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х., также на сѣверъ не подлежитъ сомнѣнію, но мы далеки еще отъ правильнаго освѣщенія направленія этого пути, тѣмъ болѣе окончательнаго его установленія, и опредѣленія пункта, гдѣ на сѣверѣ осѣли халды, завершивъ свое движеніе. Для этого вопроса наиболѣе важно если не исчерпывающее, то болѣе глубокое сравнительное изученіе всѣхъ живыхъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ и коренныхъ горскихъ языковъ Кавказа[1]. Во всякомъ случаѣ, нашего вопроса не касается, если бы даже оно оказалось правильнымъ, предположеніе нѣмецкихъ кунеологовъ, что халдовъ изъ страны Біайны имѣемъ въ такъ называемыхъ Χαλδαῖοι, извѣстныхъ со времени Ксенофонта въ бассейнѣ Чороха, а затѣмъ и западнѣе. Но прежде всего тутъ недоразумѣніе. Эти Χαλδαῖοι есть греческое искаженіе подлиннаго мѣстнаго термина q̇al̥-t$^{e}/_{ı}$, сохраненнаго армянами въ названіи того же народа *խաղտիք* q̇aǧ-tı-q. Въ свою очередь q̇al̥-t$^{e}/_{ı}$ представляетъ форму мн. числа на -te || -tı отъ основы q̇al̥ || яф. q̇al-, которая съ другимъ яфетическимъ мн. числомъ -ıb — q̇al-ıb — хорошо извѣстна по греческой передачѣ Χάλυψ значительно раньше времени Ксенофонта[2].

---

[1] Работы мои *Къ датѣ эмиграціи мосоховъ изъ Арменіи въ Сванію* (ИРАН, 1916, стр. 1689—1692) и особенно *Непочатый источникъ исторіи Кавказскаго міра* (Изъ третьей лингвистической поѣздки въ Дагестанъ, 24 дек.—12 янв.) (ИРАН, 1917, стр. 307—338) успѣли возникнуть и появиться послѣ изложенія настоящихъ строкъ. Впрочемъ и въ нихъ мы далеки еще отъ того, что понимаемъ мы подъ «болѣе глубокимъ сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ живыхъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ и коренныхъ горскихъ языковъ Кавказа».

[2] Это давно разъяснено въ печати (Н. Марръ, *Грам. древне-арм. языка*, 1903, § 109, 8, стр. 98). Правда, значительно раньше C. F. Lehmann могъ авторитетно утверждать, что «попытка Страбона производить этимологически названіе понтійскихъ халдеевъ отъ названія халибовъ естественно имѣетъ лишь цѣну курьеза» (Zeitsch. für Ethnologie, 1892, стр. 132,

Намъ представляется болѣе состоятельнымъ указаніе того же круга кунеологовъ на движеніе халдовъ въ другомъ направленіи, именно въ бассейнѣ Куры, признаніемъ термина q̇ald въ названіи озера Чалдыръ, собственно Чалдиръ (Θald-ır); здѣсь, въ сел. Даш-керпи, и открыта недавно халдская клинообразная надпись Сардура II, о которой я имѣлъ честь читать докладъ въ засѣданіи Отдѣленія два года тому назадъ[1]. Названіе Θald-ır фонетически можетъ быть возведено къ q̇ald-ır, собственно qald-ır; къ тому же, названіе имѣетъ прекрасную параллель въ отношеніи использованія формы мн. числа -ır для образованія этническо-географическаго названія: это—область древней Грузіи — Таш-ır, еще сѣвернѣе Чалдирскаго озера[2].

Но и въ этомъ направленіи ничего прочнаго нельзя достигнуть безъ предварительнаго углубленія сравнительнаго изученія живыхъ яфетическихъ языковъ.

Пока же насъ долженъ занять вопросъ о правильномъ распредѣленіи этническихъ и связанныхъ съ ними географическихъ названій въ предѣлахъ Айраратской или при-Аракской Арменіи и ея юга въ эпохи до-арійской жизни Востока по даннымъ ассиро-вавилонскихъ документовъ, Библіи и, конечно, халдскихъ надписей.

Сами надписи Біанскихъ царей съ постояннымъ повтореніемъ чтимой ими троицы боговъ ясно говорятъ, что въ народѣ, управлявшемся ими, мы не можемъ видѣть первобытнаго племени. И если даже не злоупотреблять положеніемъ, безспорнымъ въ рядѣ случаевъ, о тожествѣ названія бога съ названіемъ чтящаго его племени, если и не думать вовсе на этомъ основаніи о трехплеменномъ составѣ халдскаго народа эпохи Біанскихъ царей въ зависимости отъ существовавшей у нихъ троицы божествъ, наличіе послѣднихъ не можетъ не свидѣтельствовать о культурномъ и въ нѣкоторой мѣрѣ этническомъ вліяніи на халдовъ другихъ племенъ. Халды, по всей видимости, не только не автохтоны страны Біайны, но и не первые культуроносцы въ этомъ краѣ.

XI.

Не халдскаго происхожденія — самое сердце ихъ господства, городъ Ṯушра, сидѣніе въ которомъ было настолько, повидимому, освящено традиціею, что упоминаніе объ этомъ составляетъ заключительный аккордъ

прим. 2, W. Belck und C. F. Lehmann, *Ein neuer Herrscher von Chaldia*, ZA, VII, 1894, стр. 86. прим.), но «курьезъ» этотъ нынѣ имѣетъ за собой всю силу безукоризненной обоснованности на безспорныхъ лингвистическихъ данныхъ яфетическаго языкознанія, дѣтища XIX—XX-го вѣка. Повторяю, этотъ лингвистическій фактъ не устраняетъ еще реальнаго вопроса о родствѣ, если не о возможномъ тожествѣ этихъ халдовъ, гезр. «хал»овъ съ халдами Біайны.

[1] *Надпись Сардура II, сына Аргиштія, въ Даш-Керпи* (Зап. Кавк. Музея, сер. В, вып. I).

[2] Любопытно сопоставить это съ тѣмъ, какъ еще С.-Мартенъ поясняетъ понтійскую

каждой надписи въ полной царской формулѣ, начиная съ царя Ишпуина въ концѣ IX-го вѣка до Р. Х. Ни одна надпись не содержитъ ни малѣйшаго намека о построеніи ими города Тушпы или Тошпы. Съ другой стороны, форма слова совершенно не халдская, а эламская: это мн. число на -ра (‖-ар) отъ основы Т̲иш- или Т̲ош-; его спирантная разновидность — Tuh ‖ Toh, а съ потерею спиранта — То-, и все это живыя слова въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріалахъ.

О племени туh'овъ, какъ о средѣ, изъ которой могли идти строители городовъ, сообщаетъ Хоренскій, при этомъ на основаніи народной пѣсни (II, 65). У него читаемъ: Царь Валаршъ, сынъ Тиграна,

„обвелъ стѣною и сильный городъ, что̀ на рѣкѣ Касалѣ, Вардгейса (Вардгēса), про котораго въ сказаніи (առասպել) говорятъ: «Выселенцемъ отправился мо̀лодецъ Вардгейсъ изъ области туh'овъ по рѣкѣ Касалу, пришелъ, осѣлъ на холмѣ Шырейшѣ (Шырēшѣ), у города Артимеда, на рѣкѣ Касалѣ, выбивать, высѣкать дверь (т. е. городъ) Ерованда», прибавлено — «царя».

Это драгоцѣннѣйшій отрывокъ въ оригиналѣ — въ народномъ стихотворномъ размѣрѣ—поддается любопытному анализу, но для насъ сейчасъ важно отмѣтить переселенческое движеніе строителей въ Айраратскую область, въ бассейнѣ Аракса, «изъ области туh'овъ (ի տուհաց գաւառէն)», т. е. области того племени, названіе котораго въ сибилянтной формѣ лежитъ въ основѣ названія столицы халдскаго царства — Т̲иш-ра.

Та же спирантная разновидность Toh- съ сугубымъ образованіемъ мн. числа, т. е. съ тѣмъ же эламскимъ окончаніемъ -ра, но съ наростомъ по обыкновенію если не греческаго суффикса -ιτης, то другого опять яфетическаго окончанія -te ∾ -ct должна бы дать *Tohp-et-, что̀ сохранилъ намъ Страбонъ (XI, гл. XIV, 8) съ потерею спиранта въ видѣ Θωπ-ῖτ-ις въ одномъ изъ двухъ названій Ванскаго озера въ эпоху знаменитаго географа: «ἡ δὲ Ἀρσηνή, ἣν καὶ Θωπῖτιν καλοῦσιν». Та же спирантная разновидность съ тѣмъ же эламскимъ окончаніемъ -ра, но съ наростомъ еще другого яфетическаго, уже мѣстнаго окончанія мн. числа -ra ‖ -ar, т. е. *Tohpara > Θοpara- сохранилась до нашихъ дней въ названіи озера въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Θοφara-van, означающемъ, слѣдовательно, озеро (племени) «топара», т. е. тѣхъ же Toh'овъ или Туh'овъ, продвинутыхъ переселеніемъ, очевидно, значительно далѣе на сѣверъ — въ бассейнъ Куры[1]. Та же спирантная

Халдею (Lebeau, XIII, стр. 47): это — «горная страна, расположенная между Трапизондомъ и Арменіею. Теперь называютъ ее Челдыромъ (Tcheldir)».

[1] Касательно этимологіи слова van въ значеніи *воды*, *моря*, *озера* особо.

основа Tuh- съ присоединеніемъ все того же вида — окончанія мн. числа -ar уже прямо къ чистой основѣ слова, т. е. *Tuh-ar > Θuq̇-ar сохранилась въ названіи выдающейся и древнѣйшей крѣпости въ Грузіи Θuq̇-ar-is-i, еще далѣе — въ Шавшіи около Тбета. Основаніе ея грузинскими лѣтописями приписывается легендарнымъ эпонимнымъ предкамъ-строителямъ, именно Одзраху, сыну Мцхетоса.

XII.

Такимъ образомъ, въ самой Біайнѣ, еще въ эпоху халдскихъ царей, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе усматривать въ мѣстной культурѣ, если не въ языкѣ, отложеніе жизни по крайней мѣрѣ трехъ этническихъ разновидностей, han'овъ, tuh'овъ и халдовъ. Изъ трехъ божествъ, составляющихъ халдскую троицу, богъ Халдъ, очевидно, — національный, болѣе того — этническій богъ халдскаго народа. И если два остальныхъ божества Теишба и Арди (Ard-i, Ardi-ni) есть также этническіе боги, вопросъ еще, надо ли ихъ усваивать han'амъ и tuh'амъ или ихъ собственники-народы подлежатъ дополнительно опредѣленію.

Въ частности богъ Teišba, появляющійся въ халдскихъ надписяхъ всегда, когда упоминается вся троица, на второмъ мѣстѣ, есть для халдовъ, будемъ осторожнѣе — для народа, языкомъ котораго писаны халдскія надписи, если и не пришлый, но все-таки чужой богъ. Это явствуетъ изъ формы его названія на -ba[1]: это окончаніе мн. числа, звонкій эквивалентъ эламскаго окончанія мн. числа -pa или -ap и т. п.

Самая форма Teišba въ халдскомъ языкѣ потерпѣла обычный для него перебой гласнаго u въ i, это—разновидность названія *Teušpa. Отожествленіе, которое дѣлалось кунеологами съ божествомъ Tešup, богомъ стихіи и бури, такимъ образомъ получаетъ какъ будто и лингвистическую поддержку въ фонетикѣ халдскаго языка. Но мы очень затруднялись бы связать халдскаго бога Teišba < *Teušba съ хетскимъ въ корнѣ этническимъ вліяніемъ.

Jensen въ культѣ Tešup'а усмотрѣлъ признакъ этническаго дѣленія населенія въ Малой Азіи; онъ образовалъ группу Tešup-народовъ, съ mitani и эламцами въ составѣ. Но Tešup по составу своему болѣе новая форма сравнительно съ Teišba. И хотя нашъ лингвистическій анализъ также приводитъ къ эламскому языку, однако народный лингвистическій источникъ, откуда заимствовали халды, — болѣе древній, чѣмъ эламская и митанская

---

[1] Къ сожалѣнію, фонетически написаннымъ слово появляется рѣдко, такъ въ надписи Мевуи — Sayce, XX, 15 (Teeišbaše, ср. Sayce, стр. 522).

среда съ позднѣйшей разновидностью Тешир, съ исчезновеніемъ ı въ первомъ слогѣ.

Къ востоку отъ Арменіи увлекаетъ насъ терминъ Теıшbа < *Теишbа, независимо отъ эламскаго окончанія -ра || -bа.

Слога еı въ огласовкѣ халдскихъ основъ ни разу не встрѣчаемъ, по общему же положенію въ яфетическихъ языкахъ постановка двухъ гласныхъ рядомъ въ одномъ словѣ вовсе исключается. Слѣдовательно, Теıшbа, равно его прототипъ *Теишра — составное слово изъ tе и ıшbа или въ болѣе древней формѣ *ишbа. Первое слово по положенію о составныхъ словахъ, разъ оно не оформлено, есть опредѣленіе второго. Весьма вѣроятно, что это то слово tе, которое выше (стр. 31—32) разъяснено нами въ значеніи «голова», «глава», «господинъ», «владыка». Оно налично не только въ халдскомъ, но и въ языкѣ II-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, т. е. такъ называемомъ ново-эламскомъ, въ послѣднемъ, какъ было указано[1], только въ формѣ tı *голова* въ значеніи возвратнаго мѣстоименія.

Для насъ сейчасъ, разумѣется, было бы важно констатировать, что то же слово въ формѣ tı'-ı[2] налично въ хетскомъ[3]. Можно всетаки сослаться на то, что въ этомъ случаѣ пытавшіеся пока разобрать хетскіе тексты болѣе или менѣе сходятся въ положительномъ его рѣшеніи. Во всякомъ случаѣ Jensen'у удалось удостовѣрить такое значеніе чередованіемъ t' съ идеограммой «господинъ»[4].

Вторая часть -ıшbа (архаич. -*ишbа) также проявляетъ формой свое эламское происхожденіе: это—мн. число на -bа || -ра или, что̀ тоже, -аb || -ар. И въ наличной формѣ эламскаго мн. числа слово -ıшbа < -*ишbа, по всей видимости, представляетъ двойникъ армянскаго народнаго слова иш-ар, равно ош-ар или ош-аф[5]; оно хорошо извѣстно намъ по древне-литературнымъ разновидностямъ армянской vıш-ар и грузинской vеш-ар. Теперь станетъ яснѣе,

---

[1] См. выше, стр. 31.

[2] Пишется также t-ı и t, resp. t'-ı'-ı, t'-ı, t'.

[3] Jensen, ZDMG, XLVIII, стр. 276, 278; его же *Hittiter und Armenier*, стр. 30, прим. 5, 69, 89, 91, 124, 129, 139, 148, 163, 216, 220.

[4] Ц. с., стр. 220.

[5] Слово въ разновидности ишар засвидѣтельствовано и въ средневѣковой армянской литературѣ въ качествѣ мужского имени. Къ тому, что о. Галустъ Теръ-Мкртчянъ выясняетъ въ статьѣ *Вишапъ или Ушапъ въ армянской припискѣ XIV-го вѣка* (XB, I, стр. 31,29 35), можно прибавить указаніе на случай появленія разновидностя ишар столѣтіемъ раньше въ Ани. I. А. Орбели обратилъ мое вниманіе на упоминаніе въ надписи 702-го года (1253 г. по Р. Х.) раскопанной мною въ 1893-мъ году церкви Богоматери Хамбушенцъ Ուշապենց դուռն *воротъ Ушапенцъ*. Въ подлинникѣ ի յՈւշապենց դուռն, т. е. съ предлогомъ ի въ видѣ ի յ передъ гласнымъ, что̀ можетъ ввести въ заблужденіе, внушивъ мысль о принадлежности յ названію Ուշապենց, т. е. о наличности чтенія Յուշապենց. Здѣсь не мѣсто выяснять, не имѣютъ ли эти Анійскія ворота отношенія къ одной изъ башенъ съ *драконами* (vıшар || ишар) въ городскихъ стѣнахъ, не находились ли они около такой башни?

какъ это столь архаическое въ Передней Азіи слово могло оказаться и въ сирійскомъ въ видѣ yawшpā (вѣрнѣе—yōшpā или yīшpā, если не касаться еще вопроса о φ вм. p) въ значеніи *великаго змія*[1]. Само по себѣ это слово, какъ теперь уже выяснено, есть «божество-рыба» или «богиня-рыба». Въ сочетаніи съ te (*te-uшpa > te-ıшpa) названіе получало лишь титулъ «господинъ», resp. «госпожа»: «господинъ (госпожа) вишапъ» или «господинъ (госпожа) виш'овъ», «владыка вишапъ», «главный вишапъ», «царь-вишапъ». Кстати, Jensen отмѣчаетъ случай въ хетской надписи Jerābīs II, 3, когда t'ı'ı *господинъ* появляется въ качествѣ титула какого-то божества.

Такимъ образомъ, мы получаемъ въ халдскомъ Teıшba < *Teuшba, т. е. въ *главѣ-ушбѣ* или *владыкѣ-ушбѣ* поддержку того, что въ каменныхъ рыбахъ-чудовищахъ, вишапахъ, найденныхъ на Гегамскихъ горахъ въ Эриванской губ., собственно на горахъ, примыкающихъ къ Севанскому озеру, мы имѣемъ изображенія боговъ-вишаповъ, именно боговъ стихій, воды и непогоды, чѣмъ являлся и главный вишапъ, владыка-vıшap или главарь-uшap, *Te-uшba, въ халдскихъ надписяхъ — Te-ıшba.

Халдскія надписи также подтверждаютъ, что это было божество водной стихіи и что культъ его особенно былъ развитъ на востокѣ, въ частности и на сѣверо-востокѣ отъ Ванскаго озера, именно на берегу озера Севана или, какъ всегда изъ предпочтенія, оказывавшагося русскимъ обществомъ и администраціею турецкимъ названіямъ передъ коренным мѣстнымъ, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Гокчи, точнѣе — Гӧкчи, ближе къ району открытыхъ нашей Гарнійской экспедиціею вишаповъ. Такое свидѣтельство даетъ извѣстная халдская надпись изъ Кёланы-Кирланы, собственно съ прибрежной скалы «въ самомъ центрѣ южнаго берега Гокчи»[2]. Это рѣдкая, единственная надпись, въ которой вмѣсто халдской троицы упоминается лишь одинъ богъ Teıшba. Чтобы не вносить въ дѣйствительное положеніе дѣла моего личнаго настроенія, я приведу соображенія М. В. Никольскаго, издавшаго надпись лѣтъ за четырнадцать до открытія вишаповъ:

«Вторая половина и конецъ надписи», писалъ М. В. Никольскій, «сильно изглажены прибоемъ волнъ, при сильномъ волненіи достигающихъ надписи, но въ ней говорится о сооруженіи дворцовъ и храмовъ, и поэтому нужно ожидать и имени того мѣста, гдѣ эти зданія были воздвигнуты. Есть основаніе думать, что это мѣсто и было тутъ на берегахъ Гокчи около над-

[1] Н. Марръ, *Армяно-сирійскія словарныя замѣтки.* վիշապ = ܝܘܫܦܐ (ЗВО, XIII, 1901, стр. 033—034).

[2] М. В. Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья* (Мат. по Археологіи Кавказа, вып. V), Москва 1896, стр. 129.

писи Кёланы-Кирланы; объ этомъ свидѣтельствуетъ буквальный смыслъ надписи («этотъ дворецъ я возстановилъ»), а также и то весьма интересное обстоятельство, что здѣсь два раза упоминается имя божества Теiшbа, занимающаго 2-е мѣсто въ урартской троицѣ (*Халди*, *Теишба* и *Ардини*). Идеограмма Теишба тожественна съ идеограммою ассирiйскаго божества *Раммана*, бога атмосѳеры, грома и молнiи и вообще водной стихiи. Нѣтъ сомнѣнiя, что характеръ урартскаго Теишба былъ одинаковъ съ Рамманомъ. Храмъ, о построенiи котораго говорится въ надписи, былъ посвященъ этому божеству, и это весьма понятно, такъ какъ большое озеро Гокча съ его дикими скалами, съ его вѣтрами и бурями, съ его красивыми голубыми волнами и богатствомъ животнаго царства могло считаться между прочимъ жилищемъ бога водной стихiи. Весьма возможно, что дикiй, скалистый лѣсъ близъ селенiя Кёланы-Кирланы заключалъ въ себѣ одну изъ центральныхъ твердынь урартскаго царства, основанную или можетъ быть возобновленную Русою I»[1].

Достойно сожалѣнiя, что у насъ не проявился дѣйственный интересъ для археологическаго изслѣдованiя столь важнаго пункта. Необходимость такого изслѣдованiя давно указана тѣмъ же московскимъ кунеологомъ:

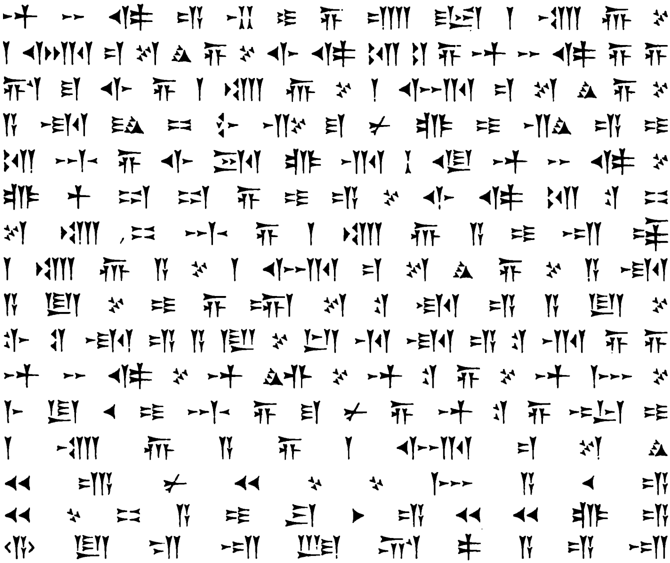
«Къ сожалѣнiю, пустынный и дикiй видъ берега», писалъ М. В. Никольскiй тогда же, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, «не располагалъ искать на его поверхности или подъ его насыпною почвою слѣдовъ древнихъ построекъ, и только показанiя надписи, обнаружившiяся уже послѣ экспедицiи, внушаютъ мысль о необходимости болѣе детальнаго обслѣдованiя мѣстности въ Кёланы-Кирланы и производства на ней пробныхъ раскопокъ»[1].

Такимъ образомъ, изслѣдованiя въ нашей области, откуда бы мы ни начинали ихъ, всегда приводятъ насъ неминуемо къ постановкѣ вопросовъ, требующихъ для своего правильнаго рѣшенiя комбинированныхъ данныхъ — и современныхъ живыхъ нарѣчiй и древностей, т. е. лингвистики, эпиграфики и вообще археологiи. Они же требуютъ для своей поддержки или провѣрки помощи и памятниковъ современной намъ мѣстной бытовой матерiальной и духовной культуры, т. е. помощи совершенно недостающихъ намъ орiентированныхъ теоретически по основамъ кавказской самобытности этнографическихъ изысканiй.

XIV.

Заключаю чтенiемъ и русскимъ переводомъ халдской надписи (табл. I), тѣмъ цѣльнымъ ея пониманiемъ, обоснованiю нѣкоторыхъ частей котораго посвящена въ значительной мѣрѣ настоящая работа.

[1] Ц. с., тамъ же.

^{d}D Q̇al-dı-e ^{i}DN ı-nı ^{i}TMPL ^{d}P Ru-sa-ше
^{d}P Ar-gıш-te-q̇ı-nı-ше шı-dı-ıш-tu-nı ^{d}D Q̇al-dı-nı nı
uш ma-шı-nı ^{d}P Ru-sa-ше ^{d}P Ar-gıш-te-q̇ı-nı-ше
a-lı ḳar-bı ^{i}sal-ϑı ma-nu u-ı gı e-ı
ıш-tı-nı шı-da u-rı шo-kı ^{d}D Q̇al-dı-ше
u-bar-du du-nı ı-e-ше шı-dı-ıш-tu-bı
te-ru-bı tı-nı ^{d}P Ru-sa-a-ı ^{i}U pa‹tar›ı || ^{i}U ^{i}patar‹ı› || ^{i}U tur
^{d}P Ru-sa-a-ше ^{d}P Ar-gıш-te-q̇ı-nı-ше a-lı
a lu-ше ı-nı ^{i}I-te tu-lı-e a lu-ше
pı-tu-lı-e a lu-ше ıp-q̇u-lı-e tu-rı-nı-nı
^{d}D Q̇al-dı-ше ^{d}D ^{i}TEIШBA-ше ^{d}D ^{i}ARDI-nı-ше ^{i}D-^{i}PL-ше
me-ku uı tı-nı ma-nu-nı ^{d}D ^{i}ARDI-nı ka-ı
^{d}P Ru-sa-a nı ^{d}P Ar-gıш-te-q̇ı
^{i}R ^{i}PT ^{i}R ^{i}RO ^{i}RO-^{i}PL-a-u-e
^{i}R ^{d}RO Bı-a-ı-na-u-e ^{i}R ^{i}R-u-e
a lu ıı ^{d}U Tu-uш-pa-a-e ^{i}URB

«^{d}бг Халду владыкѣ этотъ ^{i}храмъ ^{d}л Руса, | сынъ ^{d}л Аргиштея, возоб- 1, 2
новилъ. Для ^{d}бг Халда — | этотъ памятникъ. ^{d}л Руса, сынъ ^{d}л Аргиштея, 3
| говоритъ: «алтарь бога сдѣлавъ и его поставивъ, | сверхъ того (|| къ нему) 4, 5
дорогу, какъ ^{i}бг Халдъ | велѣніе изрекъ (|| положилъ), такъ я возобновилъ, 6
| довелъ я до конца къ себѣ въ ^{d}грд ^{i}го⌈род⌉ъ ^{d}л Русы (|| ^{d}грд ^{i}городъ ^{d}л Русы || 7
^{i}городъ ^{d}л Русы малый)». | ^{d}л Руса, сынъ ^{d}л Аргиштея, говоритъ: | «того, 8, 9
кто эту ^{i}надпись похитилъ бы, того, кто | испортилъ (|| стесалъ) бы ее, 10
того, кто разбилъ бы ее на куски, да проклянутъ | ^{d}бг Халдъ, ^{d}бг ^{i}теишба, 11
^{d}бг ^{i}солнце, ^{i}бог-и ^{i}мног-іе». | Для нихъ и для себя сдѣлалъ съ помощью ^{d}бг 12
^{i}солнца | ^{d}л Руса, что̀ есть сынъ ^{d}л Аргиштея (|| при ^{d}л Аргиштеѣ) | ^{i}царь 13, 14
^{i}могучій ^{i}царь странъ ^{i}мног-ихъ, | ^{i}царь ^{i}страны Біайнъ, ^{i}царь ^{i}цар-ей) | тотъ, 15, 16
кто сидитъ въ ^{d}грд Тушпѣ ^{i}городѣ“».

¹ бг Халду владыкѣ] букв. «(для) ^{d}бг Халда» быть можетъ «^{d}бг Халда милостью», см. стр. 10. — 7 ^{d}грд го⌈род⌉ъ ^{d}л Русы — малый] см. стр. 8. — 9, 10 того, кто] подлинникъ у насъ напечатанъ въ видѣ двухъ словъ a lише, но, быть можетъ, читать нужно al ише (см. Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 111=отд. отт., стр. 15).—9 эту ^{i}надпись] букв. эти ^{i}письмк-на, см. стр. 33 — 34. — 9 — 10 похитилъ бы ... испортилъ (|| стесалъ) бы ... разбилъ бы на куски] форма жел. наклоненія на -li (li-e, въ такомъ случаѣ -e мѣстоим. суффиксъ) или -le можетъ быть воспринята и какъ буд. время (см. стр. 35—36), и тогда тѣ же глаголы въ переводѣ могутъ гласить: «похититъ ... испортитъ (|| стешетъ) ... разобьетъ на куски». — 13 что̀ «есть сынъ ^{d}л Аргиштея» или «при ^{d}л Аргиштеѣ»] см. стр. 27.

Въ чтеніи Sayce'а лишь одинъ злокачественный недосмотръ: въ 4-й строкѣ у него два раза читается [illegible] zi=ʒi, при томъ въ его изданіи (стр. 112) въ видѣ [illegible], тогда какъ второй разъ на самомъ дѣлѣ [illegible] gi. Текстъ транскрипціи Sayce'а и въ остальномъ представляетъ отличный видъ, но это уже результатъ особой его системы, не вполнѣ раздѣляемой даже халдовѣдами-графистами, такъ [illegible] ше («še») онъ читаетъ s и слова соединяетъ или расчленяетъ невпопадъ, вм. идеограммъ мѣстами выставляетъ звуковые ихъ халдскіе (иногда мнимые) эквиваленты, мѣстами—ассирійскіе переводы, самые же переводы даетъ стереотипные, далеко не обоснованные, или новые столь же гадательные и т. п. Кое чего мы коснулись, когда разъяснили свое толкованіе, остальныя же расхожденія въ чтеніи и переводѣ требуютъ обсужденія всѣхъ параллелей, притомъ въ перспективѣ исторіи толкованій другихъ кунеологовъ, и нѣтъ основанія связывать такую работу съ одной какой либо надписью, тѣмъ болѣе съ надписью въ 16 строкъ, изъ Макинскаго ханства.

УКАЗАТЕЛИ.

Слова яфетическихъ языковъ и армянскаго расположены въ порядкѣ яфетидологическаго алфавита. Парныя цифры указываютъ строку и слово въ строкѣ подлинника Макинской надписи.

I. Халдскій словарь.

a (al? см. lu) *9*,1, *10*,2, *16*,1 тотъ.

alı || ale: alı *4*,1, *8*,5 говоритъ, стр. 16, 35, 36; — alıe id. 35.

alıe см. alı.

argı см. rg.

Argıшte || Argıшtı Аргишт$^{e}/_{i}$й: въ *составномъ* Им. Argıшteq̇ı [<Argıшteq̇ını] *13*,5, Р. Argıшteq̇ınıше *2*,2, *3*,6, *8*,4, стр. 29, 31.

^{i}ARDI-nı *12*,6 pl. t. Ардинъ *(богъ)*, Р. ^{i}ARDI-nı-ше *11*,6, стр. 44, 47.

aш- сюда см. aшrubı подъ r-.

aшq̇aaшte || aшq̇aaшtı глава ѣды, сотрапезникъ 29, Р. aшq̇aaшteeше 29, см. te.

-e *мѣст.* см. ye-.

e- *преф.* см. eurı.

-e||-ı *характ. Р. падежа* 28.

eı||ıı 27, см. gıeı||gıı подъ g- 1.

eurı см. urı 1.

ebanı см. ban-.

-ı см. -e.

«ıes» см. ye-.

ıeше см. ye-.

ıanı см. nan-.

ını *1*,4, *9*,3.

ıpq̇ulıe см. pq̇-.

ıшtını потомъ, затѣмъ 26, ıшtını шıda *5*,1—2 сверхъ того, къ тому стр. 26.

-ıшtubı см. шt-.

-u *суф. мн. ч.* 34, Р. *мн. ч.* -ue (-we) 34.

uı *4*,5, *12*,2 u (?), стр. 23, 27.

ubardu см. bar-.

1. urı *5*,3 вода, милость, *усѣч.* Р. urıe; — eurı id., *усѣч.* Р. eurıe 10, 25, 26.

2. urı см. r.

uш *3*,1 этотъ [< мой].

ye- (граф. ıe-) > e тотъ: -e тотъ 25, 26, Р. yeше (граф. ıeше, прежнее чтеніе ıes) *6*,3 такъ, такимъ образомъ, стр. 18, 20.

yeше см. *ye-.

ba- см. pa-.

ban- строить, населять (ср. man-): e-ban-ı страна 35.

bar- сказывать: ubardu *6*,1 приказаніе, велѣніе, стр. 20.

bı- см. bu-.

bu- > bı- *преф.* 37.

1. g- (< gw-), agubı я отвелъ 22, 25, 26, aguuı онъ отвелъ 22, 25, 26; — aшgubı я привелъ сюда 22, aшguuı онъ привелъ сюда 22.

2. g- (< *gy) gı eı, || gıı (фон. gı) поставивъ gıeı и поставивъ его *4*,6, стр. 21, 22, 23, 27.

gal см. sal.

galaϑı см. laϑ-.

gı: см. g- 2.

gıeı см. g- 2.

gıı см. g- 2.

«gıes» 29.

^{i}D-^{i}PL «боги», «боги многъ»-ıe, Р. ^{i}D-^{i}PL-ше *11*.7.

1. d (< dw) класть, положить, dunı 14.

2. d (< dw) сказать, dunı *6*,12 онъ изрекъ, стр. 14, 15.

dup- мн. ч. dupte надпись, письмо 33, 34, ^{i}ı-te (^{i}DUP-te) *9*,4.

«duprı» 12, см. patarı.

^{i}DMN ►[illegible] 9.

*van вода, см. *Ук. геогр. назв.*

kaı *12*,7 черезъ, съ помощью.

-kı образъ 19, см. шо-.

ḳarbı (Sc qarbı) *4*,2 богъ, стр. 18, 20, 23, 24.

*l⌈a⌉ϑ- молиться: ga-laϑ-ı алтарь 24; — sa-l⌈a⌉ϑ-ı *4*,3 алтарь, стр. 23, 24, 25.

·-lı (|| -le?) *суф. жел.* 36.

lu *16*,2 кто, Р. luше *9*,2, 6, *16*,3 (б. м., u, uше, *если читать* al u, al uше, см. a).

ma- см. pa-.

man- дѣлать (ср. ban), *дѣепр.* manu *4*,4 сдѣлавъ 21, 22, 23, 25, manubı я сдѣлалъ 23, manunı онъ сдѣлалъ *12*,4, стр. 23, 27.

manurı см. man-u, urı 2.

maшını см. шın-.

meku *12*,1 (б. м., meku-uı вм. mequı), стр. 27—28.

mequı см. meku, uı.

nan- строить, населять (|| man?): manı городъ 8, 12.

nı *2*,6, *13*,3 есть, стр. 27.

1. pa- > ba- *преф.* 14, 15.

2. -pa > -ba *элам. суф. мн. ч.* 44, 45.

patarı: pa‹tar›ı [|| tur, см. tur] *7*,6 городъ, стр. 8, 12, 13, 28.

pı имя 36.

pılı водопроводъ 14, 15.

pıt (фонет. φıϑ) 37.

pıt-: pıtulıe (pıtule?) *10*,1 испортилъ бы || стесалъ бы (его || ее?), стр. 36.

pıtulıe см. pıt-.

pq̇- (< pq̇w-): ıpq̇ulıe (ıpq̇ule?) *10*,4 искрошилъ бы, разбилъ бы на куски (его || ее?), стр. 36.

r- ходить, *побуд.* приносить, приводить 26, 29, (Sc «ar-»): urı *5*,3 дорога, стр. 20, 21, 22, 25, 26; — arunı онъ отвелъ 32; — aшrunı онъ привелъ сюда 32; — terubı *7*,1 я довелъ до конца, стр. 26, 32, я докончилъ, terunı онъ докончилъ.

^{i}RO- ^{i}PL-aue 14,5 Р. *мн.* «странъ» || «странъ мног»ихъ.

Rusa: Rusaa *13*,2 (см. nı, если не Р^{2}.=Отл. Rusaanı отъ Русы), Р. Rusaшe *1*,7, *2*,4, *8*,2 (Rusaaшe), *усѣч.* Р. Rusaaı (см. стр. 28).

rg (< *rgn) строить, населять: argı- || arge- домъ 29, см. Argıшte, *Ук. геогр. назв.* Arṭeуш.

sal || gal (hal?) 25.

salϑı (salaϑı) см. laϑ-.

«suraoe» см. Шuraue.

t говорить, сказать (ср. d- 1): tını сказанный, называемый 14, 15, 33.

1. te || tı голова 31, 32, 45, 46, см. Argıшte, aшq̇aaшte, r-, Teıшba; — tını *7*,2 себя (къ себѣ, отъ себя, свой) стр. 32, 33.

2. -te *суф. мн. ч.* 33.

^{i}TEIШBA Теишба, богъ, Teıшba 44, 46, 47, Р. ^{i}TEIШBAШE *14*,4, Teıшbaшe 44, прим., см. te.

terubı, terunı см. r-.

1. tını см. t.

2. tını см. te || tı.

tu (< *tuh) плѣнять, похищать, *жел.* tulıe (tule?) *9*,5 похитилъ бы (его || ее?), стр. 36, *аор.* tubı (< tuhubı) я плѣнилъ 16, см. tuq̇ı.

tur (^{i}TUR) [|| pa‹tar›ı, см. patarı] *7*,6 малый, стр. 8, 33.

ṭurınını см. tur-.

*tur-: turınını *10*,5 да разгнѣваются, да проклянутъ, стр. 16, 17.

tuq̇ı плѣнникъ 15, см. tu-.

шanue Р. *мн. ч.* тростниковыхъ полей *въ значеніи Н. падежа* въ тростниковыя поля 26.

II. Указатель разъясняемыхъ или привлекаемыхъ къ разъясненію словъ изъ другихъ языковъ.

санскр.

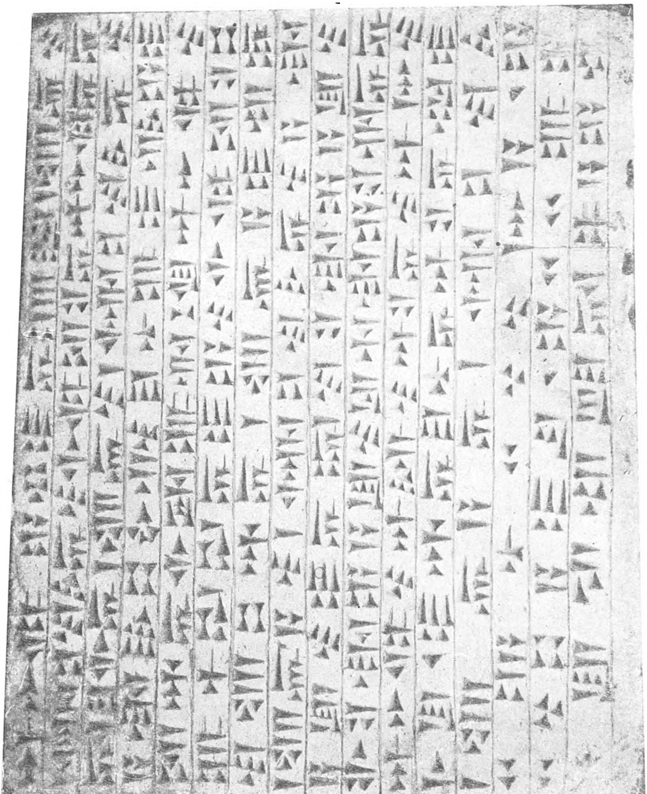
сван.

сир.

тур.

III. Указатель географическихъ и этническихъ названій.

Н. Марръ.

Къ вопросу о погребальныхъ обрядахъ турковъ и монголовъ.

Памятники прошлаго, оставленные кочевыми народами въ средне-азіатскихъ и черноморскихъ степяхъ, особенно курганы и такъ называемыя «каменныя бабы», долгое время были загадкой для ученыхъ. Объясненіе этихъ памятниковъ было связано съ тѣми же трудностями, какъ вообще рѣшеніе археологическихъ вопросовъ, когда изслѣдователь не имѣетъ возможности дополнять археологическій матеріалъ извѣстіями письменныхъ источниковъ. Не было никакихъ точныхъ данныхъ для установленія абсолютной и относительной хронологіи, для пріуроченія тѣхъ или другихъ памятниковъ къ опредѣленнымъ народамъ, извѣстнымъ изъ исторіи; столь же мало могло привести къ точнымъ выводамъ изученіе быта современныхъ кочевниковъ и сохранившихся въ степи преданій о старинѣ.

Благодаря открытію, въ 1889 г., орхонскихъ памятниковъ и дешифровкѣ, въ 1893 г., орхонскихъ надписей изслѣдователи средне-азіатской археологіи впервые получили въ свое распоряженіе точно датированный матеріалъ, пріуроченіе котораго къ опредѣленному историческому народу не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Этимъ открытіемъ, между прочимъ, какъ указано въ напечатанной въ 1915 г. статьѣ Н. И. Веселовскаго «Современное состояніе вопроса о каменныхъ бабахъ»[1], былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ объ извѣстныхъ подъ этимъ именемъ каменныхъ статуяхъ опредѣленнаго типа, встрѣчающихся на пространствѣ отъ Монголіи до черноморскихъ степей, именно мужскихъ и женскихъ фигурахъ, держащихъ въ рукахъ передъ пупкомъ чашу. Послѣ открытія орхонскихъ памятниковъ мы знаемъ, что эти статуи, въ надписяхъ названныя «балбалами», ставились турками въ память умершаго, первоначально для изобра

[1] Оттискъ изъ XXXII тома «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

женія убитыхъ имъ враговъ, впослѣдствіи, вѣроятно, съ иною цѣлью, такъ какъ рядомъ съ мужскими статуями встрѣчаются и женскія; возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ изображали самого покойника. Народъ, которому принадлежатъ орхонскіе памятники, впервые выступаетъ въ исторіи въ VI в. по Р. Хр., который и является terminus post quem для статуй этого типа; изъ разсказа Рубрука мы знаемъ, что еще въ его время, въ половинѣ XIII в., такія статуи ставились тогдашними кочевыми обитателями южно-русскихъ степей, кипчаками, извѣстными у русскихъ подъ именемъ половцевъ, у западныхъ европейцевъ подъ именемъ командовъ. Послѣ XIII в. такіе истуканы, насколько извѣстно, больше не ставились.

Изъ точно датированныхъ орхонскихъ памятниковъ и изъ «классическаго», по справедливому замѣчанію Н. И. Веселовскаго[1], описанія половецкаго погребенія у Рубрука, вѣроятно, придется исходить всѣмъ будущимъ изслѣдователямъ турецкихъ погребальныхъ обрядовъ. Въ настоящее время наукой, какъ видно, между прочимъ, и изъ статьи Н. И. Веселовскаго, для разрѣшенія этого вопроса сдѣлано еще очень мало. Установлено, что «каменныя бабы» ставились турками и изображали убитыхъ покойникомъ враговъ; но попрежнему остается невыясненнымъ происхожденіе этого обычая, установленіе такого типа статуй, хронологическая послѣдовательность встрѣчающихся разновидностей этого типа, отношеніе статуй типа «каменныхъ бабъ» къ другимъ человѣческимъ изображеніямъ, встрѣчающимся въ тѣхъ же степяхъ. Не произведена даже предварительная работа, выполненіе которой было бы въ настоящее время вполнѣ возможно; мы не имѣемъ сравнительнаго описанія орхонскихъ памятниковъ, сооруженныхъ при участіи китайскихъ мастеровъ, и другихъ мѣстъ погребенія, гдѣ встрѣчаются каменныя бабы. Такое изслѣдованіе, вѣроятно, выяснило бы, какія подробности въ этихъ сооруженіяхъ объясняются только участіемъ китайскихъ мастеровъ и какія связаны со степными обычаями. Извѣстно, что самое слово «балбалъ», хотя оно встрѣчается, повидимому, не только въ орхонскихъ, но и въ енисейскихъ надписяхъ[2], считается нетурецкимъ и что его пытаются объяснить изъ китайскаго языка. Нѣтъ также археологическихъ изслѣдованій, которыя бы выяснили связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ типомъ погребенія. Въ Европейской Россіи, по замѣчанію Н. И. Веселовскаго[3], всѣ каменныя бабы уже увезены съ

---

[1] Каменныя бабы, стр. 17 сл.

[2] Надпись Tsch M. a (6,4), ср. W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, S. 339 f. Ср. Атласъ древностей Монголіи, табл. XCIII, гдѣ, однако, можно разобрать соотвѣтствующія слова только на ретушированномъ эстампажѣ.

[3] Каменныя бабы, стр. 27.

кургановъ; въ Средней Азіи, вѣроятно, еще достаточно каменныхъ бабъ, оставшихся in situ, но онѣ, по замѣчанію А. В. Адріанова, стоятъ одиноко, отдѣльно отъ могилъ; только въ предѣлахъ Монголіи А. В. Адріановъ видѣлъ такія изваянія передъ могильными насыпями[1]. По замѣчанію Г. Н. Потанина[2] такіе случаи и въ Монголіи рѣдки. Наконецъ, извѣстія, преимущественно китайскія, о погребальныхъ обрядахъ того народа, которому принадлежатъ орхонскія надписи, еще не сопоставлены съ извѣстіями о погребальныхъ обрядахъ кочевниковъ болѣе раннихъ и болѣе позднихъ эпохъ. Въ наукѣ по этому вопросу были высказаны только отдѣльныя замѣчанія, безъ попытки привлечь къ изслѣдованію весь относящійся къ нему матеріалъ.

При такихъ условіяхъ было бы, конечно, преждевременно ставить вопросъ о погребальныхъ обрядахъ средне-азіатскихъ кочевниковъ во всемъ его объемѣ. Цѣль настоящей статьи—только дополнить статью Н. И. Веселовскаго нѣкоторыми данными, во-первыхъ, о послѣднемъ по времени кочевомъ народѣ, ставившемъ каменныя бабы, т. е. о половцахъ, во-вторыхъ, о народѣ, который изъ всѣхъ кочевниковъ достигъ наибольшаго политическаго могущества и о которомъ мы, поэтому, имѣемъ больше всего извѣстій, т. е. о монголахъ.

Принадлежностью обыкновеннаго половецкаго погребенія Рубрукъ считаетъ, во-первыхъ, холмъ, насыпанный надъ покойникомъ, во-вторыхъ, воздвигнутую въ честь его статую, обращенную лицомъ къ востоку. Богатые хоронились иначе; для нихъ строились мавзолеи въ видѣ остроконечныхъ домиковъ или кирпичныхъ башенъ, иногда въ видѣ каменныхъ домовъ. Вокругъ могилы одного половца, умершаго незадолго передъ тѣмъ, были поставлены жерди по четыремъ странамъ свѣта и были развѣшаны 16 лошадиныхъ шкуръ, по четыре съ каждой стороны; передъ могилой были поставлены мясо и кумысъ, хотя покойникъ считался христіаниномъ[3]. Описывая половецкое погребеніе, Рубрукъ не приводитъ мѣстныхъ терминовъ; этотъ пробѣлъ, что до сихъ поръ, кажется, не было замѣчено писавшими о каменныхъ бабахъ, отчасти восполняется словаремъ половецкаго

---

[1] Статья «Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное въ 1881 г.», въ Зап. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., т. XI, стр. 415. У С. Р. Минцлова (ЗВО. XXIII, 300) невѣрная ссылка на т. II. Въ послѣднемъ трудѣ А. В. Адріанова (Къ археологіи Западнаго Алтая = Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 62, 1916, стр. 45 и 49) говорится о двухъ каменныхъ бабахъ, стоявшихъ передъ курганами (въ мѣстности близъ Чернаго Иртыша); одинъ изъ этихъ кургановъ былъ раскопанъ изслѣдователемъ, но раскопки не дали никакихъ результатовъ.

[2] Очерки сѣв.-зап. Монг., II, 65.

[3] В. де Рубрукъ, Путешествіе въ восточныя страны, перев. А. I. Маленна, СПб. 1911, стр. 80.

языка, сохранившимся въ извѣстной венеціанской рукописи начала XIV в. Въ словарѣ термины, относящіеся къ погребенію, объяснены по-нѣмецки[1] и принадлежатъ къ матеріалу, собранному, по словамъ В. В. Радлова[2], нѣмецкими или венгерскими миссіонерами. Прежде всего приводится слово «курганъ» въ значеніи en gihoft grap, т. е. насыпной могильный холмъ. Слово «курганъ» въ живыхъ и литературныхъ турецкихъ нарѣчіяхъ, начиная съ языка орхонскихъ надписей, встрѣчается въ значеніи «крѣпость, укрѣпленіе»; только это значеніе приводится въ словаряхъ, въ томъ числѣ и въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» В. В. Радлова[3], хотя В. В. Радловъ въ своемъ изслѣдованіи о Codex Comanicus, вышедшемъ въ свѣтъ до начала печатанія словаря, приводитъ значеніе «Grabhügel», могильный холмъ[4]. Въ русскій языкъ оно перешло въ этомъ значеніи, очевидно, изъ половецкаго; въ Средней Азіи могильный холмъ называется иначе, обыкновенно «тепе» или «тюбе».

Послѣ слова «курганъ» приводится слово «iv» «des toden hws», т. е. домъ мертваго. Очевидно, имѣется въ виду обще-турецкое слово, въ орхонскихъ надписяхъ *äб*, въ словарѣ В. В. Радлова[5] ӧi, ӧi и ӳi (съ діалектическими формами äб, äп, äw, äв, еб, ӯ, ӳг̄, ӳг), значущее вообще «домъ». У половцевъ такъ, вѣроятно, назывались упомянутые Рубрукомъ каменные дома-мавзолеи.

Рядомъ съ iv стоитъ kesenä въ значеніи «der toden huw». Точное значеніе средне-германскаго слова «huw» мнѣ неизвѣстно, и получить объясненіе отъ спеціалистовъ мнѣ не удалось; издатель словаря графъ Кунъ переводилъ его словомъ «fossa», ровъ[6], причемъ ссылался на altaïcum «käzinti», но въ примѣчаніяхъ[7] предлагалъ переводить выраженіе «des toden huv» (sic) словомъ «tumulus», повидимому, сближая его съ Haufen. В. В. Радловъ[8] читалъ кäзäнä и переводилъ «Grabhügel». У киргизовъ слово кäсäнä до сихъ поръ значитъ «мавзолей»; извѣстно, между прочимъ, зданіе Кокъ-Кесене въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области, въ 4 или 5 верстахъ

---

[1] Codex Cumanicus, ed. Comes Géza Kuun, Budapestini 1880, p. 222.

[2] Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St.-P. 1887 (Mém. de l'Acad., t. XXXV, № 6), S. 1.

[3] Опытъ словаря, II, 570 и 940.

[4] Das türk. Sprachm., S. 29. Покойный П. М. Меліоранскій (Заимствов. вост. слова въ русской письменности до-монг. періода, стр. 14) считалъ «пріемлемымъ» мнѣніе, что старое турецкое слово получило новое значеніе подъ вліяніемъ перс. كورخانه.

[5] Опытъ словаря, I, 1171, 1335 и 1799.

[6] Cod. Cum., p. 222, 262.

[7] Ibid., p. 365.

[8] Das türk. Sprachm., S. 31; Опытъ словаря, II, 1174.

отъ желѣзнодорожной станціи Тюмень-арыкъ[1]. Возможно, что мы имѣемъ здѣсь, какъ полагалъ одинъ изъ мѣстныхъ киргизовъ[2], передѣлку персидскаго کاشانه, которое могло перейти къ половцамъ. Вѣроятно, такъ назывались упоминаемые Рубрукомъ кирпичные мавзолеи.

Всего интереснѣе послѣдній терминъ sin «des toden bilde», т. е. изображеніе умершаго; очевидно, это слово относится къ каменнымъ бабамъ. По замѣчанію Г. Н. Потанина, слово «сынъ» значитъ по-чувашски и по-татарски «образъ, лицо, изображеніе» (при этомъ дѣлается ссылка на «Чувашскій словарь» Золотницкаго), по-алтайски и по-сойотски — «олень-самецъ»[3]. Одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ XVIII в.,填алькъ, при описаніи енисейскихъ писаницъ приводитъ терминъ «синташъ» въ значеніи «олeній камень» (Hirschfelsen), т. е. «камень съ изображеніемъ оленя», какъ «ат-ташъ» — «камень съ изображеніемъ коня»[4]. Несомнѣнно, однако, что киргизское слово «сынъ-тасъ», приведенное Г. Н. Потанинымъ[5], какъ синонимъ монгольскаго «кишачило» (хöшö-чулу), образовано изъ словъ «сынъ» въ значеніи «изображеніе, фигура»[6] и «тасъ» (ташъ) камень. Искаженіе того же слова «сынъ» мы, по всей вѣроятности, имѣемъ въ словѣ Симъ-тюбе, какъ, по словамъ В. А. Каллаура, называется курганъ съ каменной бабой близъ Мерке, и въ словѣ «симъ-ташъ», какъ, по словамъ того же изслѣдователя, называются эти статуи въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ (авторъ приводитъ также терминъ сюретъ-ташъ); названіе «симъ-ташъ» носитъ также урочище въ низовьяхъ рѣки Таласа, «получившее это названіе отъ стоящаго въ долинѣ этого урочища камня высотою около 2 аршинъ»[7]. Изъ всего этого можно заключить, что послѣдній народъ, ставившій каменныя бабы, употреблялъ для обозначенія ихъ терминъ, сохранившійся въ степи до сихъ поръ. Трудно сказать, почему это слово, встрѣчающееся во многихъ нарѣчіяхъ и, повидимому, чисто-турецкое, замѣнено въ древнѣйшемъ турецкомъ письменномъ памятникѣ словомъ, которому приписываютъ китайское происхожденіе и которое, повидимому, нѣкогда тоже было широко распространено въ степи. Въ живыхъ нарѣчіяхъ оно въ первоначальномъ значеніи нигдѣ не сохранилось; по словамъ В. А.

---

[1] Протоколы Турк. Кружка Люб. Арх., VI, 98 и слѣд.; XIII, 26.

[2] Ibid., XIII, 12.

[3] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, прим. 4 къ гл. II (стр. 20).

[4] Falk. Beiträge zur topogr. Kenntniss des Russ. Reiches, I, 349. Ср. А. С. Уваровъ въ Трудахъ I Археол. Съѣзда, стр. 503; Н. И. Веселовскій, Кам. бабы, стр. 4, прим. 1.

[5] Очерки, II, 64.

[6] В. Радловъ, Опытъ словаря, IV, 628.

[7] Протоколы Турк. Кружка Люб. Арх., III, 9 сл.

Каллаура, въ Аулieатинскомъ уѣздѣ «балбалами» теперь называютъ небольшie участки съ валиками внутри городища[1]; возможно, что эти участки получили такое названie по сходству съ могильниками, при которыхъ находились каменныя бабы. Употреблялось ли слово «балбал» когда либо кочевниками черноморскихъ степей, пока не выяснено; положительное или отрицательное рѣшенie этого вопроса могло бы подтвердить или опровергнуть мнѣнie В. В. Радлова[2] и покойнаго П. М. Мелiоранскаго[3] о происхожденiи русскаго «болванъ», въ значенiи «идолъ» встрѣчающагося уже въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», отъ турецкаго «балбалъ». Половецкiй словарь приводитъ къ выводу, что во время его составленiя слова «балбал» у половцевъ не было, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что его не было и въ эпоху «Слова о Полку Игоревѣ».

Рубрукъ ничего не говоритъ о почитанiи каменныхъ бабъ; вообще мы не находимъ у него никакихъ данныхъ для подтвержденiя интереснаго разсказа Низами, приведеннаго мною въ отчетѣ о моей первой поѣздкѣ въ Среднюю Азiю, гдѣ, между прочимъ, описывается, какъ всадникъ, проѣзжавшiй мимо истукана, клалъ стрѣлу изъ своего колчана въ его колчанъ[4]. Послѣдняя подробность имѣетъ для насъ большой интересъ; мы увидимъ, что колчаны со стрѣлами были, по всей вѣроятности, также на истуканахъ, ставившихся впослѣдствiи монголами.

Въ литературѣ о каменныхъ бабахъ уже было обращено вниманie на фактъ, что Рубрукъ ничего не говоритъ о каменныхъ бабахъ внѣ Европейской Россiи[5]. Къ востоку отъ страны половцевъ имъ упоминаются только могильники въ видѣ большихъ площадей, вымощенныхъ камнями, причемъ нѣкоторыя площади были круглыми, другiя четыреугольными; съ каждой изъ четырехъ странъ свѣта стояло по «длинному камню». Очевидно, имѣются въ виду «кэрэксуры»[6] разныхъ типовъ, подробно описанныхъ въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголiи» Г. Н. Потанина; насколько мнѣ извѣстно, только разсказомъ Рубрука для этихъ могильниковъ устанавливается terminus ante quem. Близъ нѣкоторыхъ кэрэксуровъ стоятъ

---

[1] Протоколъ засѣд. Турк. Кр. Л. А. 29 авг. 1897 г., прилож., стр. 3. Ср. П. М. Мелiоранскiй въ ЗВО., XII, 4.

[2] Die altt. Inschr. der Mongolei, S. 235.

[3] Турецкiе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ» (1902), стр. 8 сл. Вторая статья о турецкихъ элементахъ и т. д. (1905), стр. 13 сл.

[4] В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азiю, стр. 20, прим. 4.

[5] В. А. Мустафинъ въ Прот. Турк. Кружка, III, 19.

[6] Монголы приписываютъ могильныя насыпи киргизамъ; отсюда, повидимому, и названiе (у Рамстедта, Zwei uigurische Runeninschriften, S. 40 χɪrgɪs-ūr).

каменныя бабы, но это, по словамъ Г. Н. Потанина, рѣдкое явленіе[1]. Рубрукъ такихъ кэрэксуровъ, очевидно, не встрѣчалъ.

Рубрукомъ, несмотря на его рѣдкую наблюдательность, не могъ, конечно, быть поставленъ вопросъ о чертахъ сходства и различія въ погребальныхъ обрядахъ различныхъ народовъ и о зависимости такихъ чертъ отъ причинъ этнографическаго и культурно-историческаго характера. Относящіеся къ этимъ вопросамъ факты только теперь начинаютъ выясняться. Любопытно, между прочимъ, отсутствіе каменныхъ бабъ около харабалгасунскаго памятника[2], поставленнаго въ началѣ IX в. въ честь уйгурскаго кагана. Едва ли можно объяснить этотъ фактъ тѣмъ вліяніемъ манихейства, о которомъ свидѣтельствуютъ харабалгасунскія надписи; манихейство было принято уйгурами недавно и едва ли успѣло измѣнить погребальные обычаи, которые у кочевниковъ, вообще, медленно вытѣснялись новой религіей, какъ показываетъ и разсказъ Рубрука о половецкомъ погребеніи. Если бы у уйгуровъ до принятія манихейства были каменныя бабы, то этотъ обычай, вѣроятно, сохранялся бы у нихъ и черезъ полвѣка послѣ перемѣны вѣры. Къ тому же каменныхъ бабъ нѣтъ и у открытой Рамстедтомъ могилы болѣе ранняго уйгурскаго кагана, умершаго въ 759 г., до принятія уйгурами манихейства[3]. Мы пока не знаемъ ни одного не-турецкаго народа, который бы воздвигалъ статуи этого типа, но не имѣемъ также доказательствъ, чтобы сооруженіе каменныхъ бабъ когда либо было обще-турецкимъ обычаемъ.

Монголы, выступающіе только въ XIII в., находились подъ вліяніемъ своихъ турецкихъ предшественниковъ, особенно уйгуровъ; кромѣ того мы въ ту же эпоху замѣчаемъ сильное вліяніе китайской государственности; кераитскій ханъ, бывшій до возвышенія Чингизъ-хана самымъ могущественнымъ лицомъ въ восточной Монголіи, и его сынъ носили китайскіе титулы, совершенно вытѣснившіе ихъ личныя имена. Тѣ же монголы, однако, находились подъ вліяніемъ первобытнаго шаманизма, сохранявшагося въ лѣсахъ Забайкалья, и потому, несмотря на вліяніе уйгурской и китайской культуры, при погребеніи потомковъ Чингизъ-хана совершались обряды, которые, вѣроятно, всѣмъ турецкимъ кочевникамъ показались бы пережиткомъ отдаленной эпохи.

---

[1] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 65. Ср. также слова С. Р. Минцлова въ ЗВО., т. XXIII о многочисленныхъ курганахъ (стр. 295) и крайне рѣдкихъ каменныхъ бабахъ (стр. 300) въ Урянхаѣ.

[2] Ср. описаніе его въ Сборн. трудовъ Орх. эксп., I, 4 сл.; W. Radloff, Die altt. Inschriften, S. 283; также въ «Атласѣ древностей Монголіи» таблицы XXVIII и XXX.

[3] О датѣ памятника G. J. Ramstedt, Zwei uigur. Runeninschriften, S. 45. О времени принятія уйгурами манихейства E. Chavannes и P. Pelliot въ JA, 11, I (1913), 199.

Представить полную картину монгольскаго погребенія или хотя бы погребенія монгольскихъ хановъ невозможно, пока мы не имѣемъ критическаго изслѣдованія всѣхъ извѣстій первоисточниковъ. Выполненіе такого изслѣдованія облегчается сравнительнымъ обиліемъ источниковъ, но затрудняется разбросанностью и разнообразіемъ матеріала. Такъ, напримѣръ, въ разсказахъ о погребеніи хановъ въ Персіи есть такія подробности, которыхъ нѣтъ въ разсказахъ о погребеніи хановъ въ Монголіи, и наоборотъ; не всегда ясно, имѣемъ ли мы право соединять всѣ эти разсказы въ одно цѣлое, предполагая, что обряды ханскаго погребенія были безусловно одни и тѣ же на всемъ пространствѣ монгольской имперіи и что передъ нами только фактъ случайнаго умолчанія отдѣльныхъ источниковъ о тѣхъ или другихъ частяхъ одного и того же церемоніала.

Всѣ источники согласны между собою въ томъ, что члены монгольскаго ханскаго рода на всемъ пространствѣ имперіи хоронились въ трудно доступныхъ мѣстахъ, преимущественно на высокихъ горахъ; ханскія кладбища были запретнымъ мѣстомъ, охранявшимся военными отрядами; даже людямъ изъ этой стражи было неизвѣстно точное мѣстоположеніе ханской могилы, не обозначавшееся никакими внѣшними знаками. Ханское кладбище, въ качествѣ запретнаго мѣста, вездѣ обозначается однимъ и тѣмъ же терминомъ — турецкимъ словомъ *курукъ*, причемъ пишется также *курикъ* и *гурукъ*[1]. Въ до-монгольскую эпоху мнѣ удалось найти только одинъ примѣръ употребленія слова «курукъ», именно въ разсказѣ Нершахи о ханѣ Шемс-ал-мулькѣ Насрѣ, правившемъ въ Самаркандѣ и Бухарѣ съ 1068 по 1080 гг. Шемс-ал-мулькъ скупилъ земли къ югу отъ Бухары, гдѣ теперь находится намазгахъ, устроилъ здѣсь ханское имѣніе и назвалъ его «курукомъ». Имѣніе было окружено высокой стѣной и занимало пространство около мили, т. е. отъ двухъ до трехъ верстъ въ окружности; внутри стѣнъ находилось пастбище для царскихъ коней, дворецъ, голубятня и паркъ для дикихъ звѣрей[2]. Какъ показываетъ турецкій терминъ, понятіе о «курукѣ» не было заимствовано Караханидами у населенія покоренныхъ ими бывшихъ областей халифата, но принесено изъ восточной части Средней Азіи, наравнѣ съ уйгурскимъ алфавитомъ и рядомъ культурныхъ словъ[3], встрѣчающихся въ поэмѣ Кудатку (или Кутадгу)-Биликъ и впослѣдствіи у

[1] Напр. قوريق у Рашид-ад-дина въ изд. Березина, Труды Вост. Отд. VII, 59; غروق тамъ же, стр. 191; въ изд. Катрмера, стр. 416; въ изд. Blochet, стр. 592 и слѣд.

[2] Nerchakhy, ed. Schefer, p. 27 sq. (غورق) Ср. В. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 112 сл.

[3] Любопытно, между прочимъ, что слово «карши» (дворецъ), которое впослѣдствіи было извѣстно мусульманскимъ авторамъ только какъ монгольское, встрѣчается уже въ Кудатку-Биликѣ. Ср. примѣры въ словарѣ В. В. Радлова, II, 207 сл.

монголовъ, заимствовавшихъ эти термины у того же культурнаго восточно-турецкаго народа, уйгуровъ.

Въ монгольскую эпоху словомъ «курукъ» обозначалось въ мусульманской Средней Азіи все заповѣдное и запрещенное[1], куда былъ закрытъ доступъ постороннимъ: участки земли, составлявшіе частную собственность или, чаще, собственность государя; дворецъ государя и въ особенности его гаремъ. «Курукчіями», наравнѣ со стражей ханскихъ кладбищъ, назывались также часовые, стоявшіе у входа въ ханскій гаремъ. Въ Монголіи кладбище съ могилами Чингизъ-хана и нѣкоторыхъ изъ его потомковъ называлось «великимъ курукомъ»[2], по-монгольски ихэ (јехе)-курукъ; употребленіе монгольскаго прилагательнаго показываетъ, что слово «курукъ» въ значеніи «ханское кладбище» вошло въ языкъ монгольскаго народа, хотя въ этомъ значеніи въ немъ не удержалось. Теперь, какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владимірцовъ, слово «курукъ», въ народномъ произношеніи «хуриг», значитъ по-монгольски только «запретное», особенно жилище правителя. Уйгурское слово, проникшее въ Туркестанъ и въ Монголію, первоначально, по всей вѣроятности, служило для обозначенія понятія, возникшаго подъ вліяніемъ китайской государственности, хотя впослѣдствіи турки ознакомились съ арабскимъ словомъ, выражавшимъ то же понятіе, возникшее въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ традицій передне-азіатскаго деспотизма. Слово «харимъ», какъ назывался, между прочимъ аббасидскій дворецъ въ Багдадѣ[3], впослѣдствіи вытѣснило въ Туркестанѣ слово «курукъ», какъ правовой терминъ[4].

Изъ разсказовъ Рашид-ад-дина можно заключить, что «куруки» были въ Монголіи еще до Чингизъ-хана; такъ говорится о разграбленіи врагами «части курука» Ванъ-хана кераитскаго[5]. Изъ текста не видно, идетъ ли рѣчь о ханскомъ пастбищѣ съ его стадами или о «запретныхъ рощахъ», какъ полагалъ русскій переводчикъ Рашид-ад-дина, проф. Березинъ[6], или, наконецъ, о ханскихъ кладбищахъ съ ихъ обстановкой. Запретнымъ становилось не только мѣсто погребенія умершаго хана, но и его имя, причемъ и въ этомъ случаѣ употребляется терминъ «курукъ»; такъ говорится, что послѣ смерти Джагатая его имя стало «курукомъ» и другое лицо,

[1] Ср. примѣры въ словарѣ Будагова, II, 52 сл. Текстъ Бабура о самаркандскомъ курукѣ въ изданіи Ильминскаго, стр. 60; въ изданіи Beveridge, стр. 48, текстъ съ пропусками.

[2] يكه قوروق у Рашид-ад-дина, изд. Blochet, 336 сл.

[3] Якутъ, II, 255,2. Kremer, Culturgeschichte, II, 57.

[4] В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 31.

[5] Труды Вост. Отд., VII, 126.

[6] Труды Вост. Отд. V, 99.

носившее то же самое имя, должно было называться иначе[1]. Пятый сынъ Угэдэя Каши получилъ свое имя потому, что родился въ годъ завоеванія Чингизъ-ханомъ Тангута, носившаго также названіе Каши (по-китайски Хэ-си, т. е. «страна къ западу отъ большой рѣки»); послѣ ранней смерти царевича «его имя сдѣлали курукомъ», и область стали называть только «Тангутъ»[2]. Къ этому обычаю, вѣроятно, относятся слова Плано Карпини[3], что «никто вплоть до третьяго поколѣнія не дерзаетъ называть умершаго его собственнымъ именемъ». У турецкихъ кочевниковъ мы, насколько извѣстно, примѣровъ такого запрещенія произносить имя умершаго не встрѣчаемъ.

Вообще у монголовъ культъ мертвыхъ и связанные съ нимъ шаманскіе обряды носили болѣе примитивный и потому болѣе варварскій характеръ, чѣмъ у извѣстныхъ намъ турецкихъ народностей. Какъ убѣдительно доказываетъ Н. И. Веселовскій[4], въ основѣ турецкихъ и монгольскихъ погребальныхъ обычаевъ лежитъ одна и та же шаманская идея, что убитые ханомъ или ради него люди должны служить ему на томъ свѣтѣ. У орхонскихъ турковъ отголоскомъ этой идеи былъ обычай воздвигать въ память умершаго статуи убитыхъ имъ враговъ; у монголовъ та же идея выражалась въ обычаѣ убивать всѣхъ встрѣчныхъ по пути похоронной процессіи отъ мѣста смерти хана до мѣста погребенія, причемъ имъ, по словамъ Марко Поло[5], говорили: «Иди на тотъ свѣтъ служить нашему государю»! Марко Поло увѣряетъ, что послѣ смерти Мункэ-хана такимъ образомъ погибло болѣе 20000 человѣкъ. Едва ли это соотвѣтствуетъ дѣйствительности; монгольскій обычай въ то время былъ всѣмъ извѣстенъ; къ тому же сами монголы тотчасъ послѣ смерти хана издавали приказъ о закрытіи путей, и каждый долженъ былъ оставаться тамъ, гдѣ его застигалъ приказъ, въ населенномъ мѣстѣ или въ пустынѣ[6]. Едва ли, поэтому, процессія встрѣчала на своемъ пути много народа.

Монгольскимъ обычаемъ вполнѣ объясняется, почему мы не находимъ въ мусульманскихъ источникахъ никакихъ свѣдѣній о составѣ и внѣшнемъ видѣ процессіи; говорится только, что тѣло клали въ ящикъ (сандыкъ) и

---

[1] Ibid., V, 47; VII, 59.

[2] Рашид-ад-динъ въ изд. Blochet, стр. 7. О названіи страны еще ibid. стр. 597, гдѣ транскрипція خوشى и невѣрный переводъ رودخانهٔ بزرك مغرب. Ср. мою статью въ Изв. Геогр. Общ. XXXV, 703.

[3] Перев. Малеина, стр. 11.

[4] Каменныя бабы, стр. 25 сл.

[5] Перев. Минаева, стр. 87. Д'Оссонъ (I, 381) ошибочно объяснялъ тотъ же обычай желаніемъ скрыть смерть государя.

[6] Ср. разсказъ о смерти Гуюка у Рашид-ад-дина въ изданіи Blochet, стр. 250 сл.

потомъ отвозили. О. Палладій[1] по нѣсколькимъ китайскимъ источникамъ приводитъ довольно подробныя свѣдѣнія, но нѣкоторыя подробности его разсказа вызываютъ сомнѣніе. Ящикъ дѣлали изъ душистаго дерева; покойника одѣвали и клали съ нимъ въ ящикъ золотые сосуды и другіе предметы, въ томъ числѣ чайникъ, котораго у монголовъ въ эту эпоху навѣрное не было. Въ мусульманской литературѣ мы имѣемъ только одинъ разсказъ о погребеніи съ монгольскимъ ханомъ драгоцѣнностей, именно разсказъ Вассафа о погребеніи Хулагу въ 1265 г.; съ нимъ будто бы положили въ могилу много золота и драгоцѣнныхъ камней[2]. Вопросъ былъ неясенъ и для современниковъ монгольскихъ хановъ; Плано Карпини говоритъ, что съ покойникомъ, особенно съ ханомъ, зарываютъ много золота и серебра[3]; Рубрукъ замѣчаетъ по этому поводу, вѣроятно, имѣя въ виду слова Плано Карпини: «Я не знаю того, чтобы они скрывали съ мертвыми сокровища»[4].

По даннымъ, собраннымъ у о. Палладія, гробъ сколачивался четырьмя золотыми обручами и ставился на катафалкъ изъ бѣлаго войлока и ковровъ. Процессія трогалась на третій день послѣ смерти хана; впереди ѣхала шаманка и вела на поводу лошадь съ богато убраннымъ сѣдломъ; на пути каждый день приносили въ жертву барана. Дальше прямо говорится о прибытіи къ мѣсту погребенія и о зарываніи тѣла; ничего не сказано объ обрядахъ оплакиванія въ ханскихъ ордахъ, о чемъ довольно подробно говоритъ Рашид-ад-динъ. У Чингизъ-хана, какъ у другихъ хановъ, были четыре главныхъ орды, по числу главныхъ женъ; для совершенія обряда оплакиванія гробъ съ тѣломъ каждый день переносили изъ одной орды въ другую; весь обрядъ продолжался три мѣсяца[5]. О томъ же самомъ говорится при описаніи погребенія Мункэ-хана, причемъ еще прибавляется подробность, что гробъ въ ордѣ ставился на тронъ[6].

О. Палладій приводитъ «монгольское преданіе», по которому могилы хановъ находились около горы Тасъ, къ сѣверу отъ Долоннора, на пути къ Кэрулюну. Рашид-ад-динъ указываетъ совершенно другое мѣсто — гору Бурханъ-халдунъ, называвшуюся также Будда-ундуръ[7]; изъ монгольскаго эпическаго сказанія видно, что эта гора находилась на пути отъ Толы къ

---

[1] Труды Пек. миссіи, IV, 251 сл.

[2] Вассафъ, литогр. изд., стр. 52. Ср. d'Ohsson, Hist. des Mongols, III, 407.

[3] Перев. Малеина, стр. 11 сл.

[4] Ibid., стр. 80.

[5] Труды Вост. Отд. Арх. Общ. XV, 144 сл.; текстъ, стр. 191 сл.

[6] Изд. Blochet, стр. 336.

[7] Ср. неудачный переводъ Blochet (ibid.) «le grand Bouddha»; это толкованіе совершенно исключается порядкомъ словъ; нѣтъ также, насколько извѣстно, примѣровъ употребленія монголами слова «Будда» въ этой формѣ. Ср. толкованіе слова «ундуръ», какъ существительнаго, у Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. V, 97; VII, 124.

Онону[1]. Комментаторъ Юань-чао-ми-ши, Сюй-сунъ, отожествляетъ гору Бурханъ съ горою Тэлэрги (пишется также Тэрэльчжи и Тэлэрцзи) въ Гэнтэѣ, гдѣ беретъ начало Ононъ[2]. Въ русской литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, упоминается только одна поѣздка вверхъ по Онону до его истоковъ и оттуда черезъ хребетъ Гэнтэй къ истокамъ Кэрулюна, именно поѣздка **Доржитарова**. Подробнаго описанія этой поѣздки мы не имѣемъ; издана только съемка пути, причемъ у верховьевъ рѣки упоминаются горячія минеральныя воды, еще выше — юрты звѣролововъ[3].

По монгольскому преданію, культъ горы Бурханъ-халдунъ возникъ еще при жизни Чингизъ-хана и не имѣлъ отношенія къ его могилѣ. Во время войнъ за обладаніе Монголіей Чингизъ-ханъ послѣ одной неудачи скрывался на этой горѣ; враги три раза объѣхали кругомъ, но не нашли его; послѣ своего избавленія Чингизъ-ханъ принесъ жертву горѣ, девять разъ преклонилъ колѣни, совершилъ возліяніе кумысомъ и завѣщалъ своимъ потомкамъ совершать жертвоприношенія въ память этого событія[4]. Говорится о лѣсѣ на горѣ Бурханъ-халдунъ, притомъ еще до Чингизъ-хана[5]; тѣмъ не менѣе въ разсказѣ о смерти Чингизъ-хана упоминается отдѣльно стоявшее дерево, подъ которымъ Чингизъ-ханъ желалъ быть похороненнымъ и вокругъ котораго послѣ похоронъ, въ тотъ же самый годъ, разроссся густой лѣсъ, такъ что даже «старые курукчіе» не знали, какъ пройти къ первоначальному дереву и къ могилѣ Чингизъ-хана[6]. Культомъ лѣса и древесныхъ насажденій вообще, повидимому, опредѣлялся выборъ мѣста для ханскихъ кладбищъ. Плано Карпини и его спутники проѣзжали мимо куста, посаженнаго ханомъ Угэдэемъ «за упокой своей души»; подъ страхомъ строгаго наказанія было запрещено срѣзывать въ этомъ мѣстѣ прутья[7]. Точное мѣстоположеніе этого куста или рощи, къ сожалѣнію, не указывается; очень вѣроятно, что Плано Карпини проѣзжалъ мимо той горы въ бассейнѣ верхняго Иртыша, на которой по Рашид-ад-дину былъ курукъ Угэдэя[8]. Монгольское названіе той мѣстности въ Персіи, гдѣ въ 1291 г.

---

[1] Труды Пек. миссіи, IV, 53 сл.

[2] Ibid. 143. Авторъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи (перев. П. С. Попова, стр. 347) помѣщаетъ ту же гору на южномъ берегу Толы.

[3] Ср. Записки Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ., VIII, 148.

[4] Труды Пек. миссіи, IV, 52.

[5] Разсказъ Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. V, 66 сл., VII, 83 сл. (особенно 85).

[6] Труды Вост. Отд., XV, 144 сл; текстъ, стр. 191 сл.

[7] Перев. Малеина, стр. 11. Ср. слова Н. И. Веселовскаго въ ЖМНПр. 1916, № 7, отд. II, стр. 95.

[8] Соотвѣтствующаго мѣста нѣтъ въ изданіи Blochet; ср. текстъ рукоп. Публ. библ. V, 3, 2, стр. 1060 сл. о горѣ: آنرا بولداق قاسر كويند وهمواره پر برف باشد واين زمان آنرا ايكه اوتير ميخوانند وازان كوه ييسون موران وتركان اوشورنرو(?) مى‌آيد ودر رودخانهٔ

былъ похороненъ ханъ Аргунъ, которое д'Оссонъ читалъ Avizé, вѣроятно надо читать *Оиръ* (лѣсъ)[1]. Разведеніе лѣса было лучшимъ средствомъ скрыть мѣсто погребенія, хотя, какъ замѣтилъ Н. И. Веселовскій[2], въ китайскомъ описаніи погребенія и у Плано Карпини одинаково говорится только о зарастаніи могилы травой, послѣ чего ее нельзя было распознать.

По словамъ Плано Карпини, «тайно въ полѣ» хоронили у монголовъ не только хановъ, но вообще знатныхъ лицъ[3]. Трудно, однако, сказать, насколько этотъ обычай былъ обще-монгольскимъ и насколько его можно считать племенной особенностью монгольскаго народа. Больше всего расходится съ этимъ обычаемъ курганное погребеніе, которое, однако, судя по монгольскимъ преданіямъ, не было безусловно чуждо монголамъ; А. М. Позднѣевъ[4] упоминаетъ о кругломъ курганѣ, который считается могилой богатыря Манлая, современника Хубилай-хана. Съ другой стороны мы не знаемъ, были ли извѣстны народу могилы турецкихъ хановъ и обозначались ли эти могилы какими нибудь внѣшними знаками. При раскопкахъ, произведенныхъ орхонской экспедиціей около памятника Бильге-хана, могильной ямы нигдѣ не оказалось, и В. В. Радловъ пришелъ къ заключенію, «что могильные памятники въ честь умершихъ тюркскихъ князей не ставились на самой могилѣ ихъ, но что для празднованія поминокъ строились особые памятники въ отдаленіи отъ самой могилы»[5].

Письменные источники монгольскаго періода ничего не говорятъ объ обычаѣ, который теперь также соблюдается безъ различія живущими въ лѣсахъ шаманистами-турками и монголами, именно объ устройствѣ для мертвыхъ, особенно для шамановъ, помостовъ или палатей на деревьяхъ[6]. Возможно, что на этотъ обычай намекаютъ слова монгольскаго эпическаго

اردش میریزد وازان کوه تا اردیشی دوروزه راه باشد وچاپار در حدود آن رودخانه قشلاق میکند. Кладбище, вѣроятно, называлось Ихэ (Jexe)-оиръ (большой лѣсъ). Ср. другія чтенія у Raverty, Tabaqat-i-Nasiri, p. 1143.

[1] D'Ohsson, IV, 58; въ литогр. изд. Вассафа, стр. 245 اوکیر.

[2] Каменныя бабы, стр. 12.

[3] Перев. Маленна, стр. 10 внизу.

[4] Монголія и монголы, II, 311.

[5] Сборникъ Трудовъ орхонской экспедиціи, IV, 7.

[6] Ср. Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 36—38 (объ алтайцахъ, урянхайцахъ и бурятахъ Аларскаго вѣдомства); о сойотахъ (урянхайцахъ) еще С. Р. Минцловъ въ ЗВО. XXIII, 294; также слова Гардизи о племени Фури въ моемъ «Отчетѣ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 87 (текстъ) и 111 (переводъ) О киргизахъ то же самое говоритъ (можетъ быть, по литературнымъ даннымъ) еще въ XVI в. османскій авторъ Сейфи (C. Schefer, Histoire de l'Asie Centrale, p. 302). Текстъ по Лейденской рукописи № 917, стр. 22: ادملری اولنده طپراغه دفن اتمزلر یوکسك اغاجلر واردر تابوتی ایله اول اغاچلره چقاریب قورلر کموکلری چوریوب توکلنجه طورر.

сказанія о «торжественныхъ похоронахъ»[1], устроенныхъ послѣ казни Чжамухѣ, сопернику Чингизъ-хана. Какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владимірцовъ, въ монгольскомъ подлинникѣ употреблено выраженіе, буквально значущее «возносить кости».

Замѣчательно, что мусульманскіе источники вообще ничего не говорятъ о принесеніи въ жертву при погребеніи хана людей и животныхъ; только въ разсказѣ Вассафа[2] о погребеніи Хулагу сказано, что съ ханомъ опустили въ могилу нѣсколькихъ красивыхъ дѣвушекъ въ нарядной одеждѣ и съ драгоцѣнностями. Плано Карпини[3] и Марко Поло[4] говорятъ только о принесеніи въ жертву лошадей, Сананъ-Сэцэнъ — лошадей и верблюдовъ, причемъ послѣдній приводитъ и названіе этого обычая — *хоилга*[5]. Исключительный случай человѣческаго жертвоприношенія имѣлъ мѣсто, по разсказу Сананъ-Сэцэна, еще въ концѣ XVI в., когда ханша Молонъ-хатунъ при погребеніи своего единственнаго сына велѣла зарѣзать сто дѣтей и сто верблюжатъ, чтобы они сопровождали на тотъ свѣтъ умершаго царевича[6]. Кости жертвеннаго животнаго сжигались; Плано Карпини самъ видѣлъ, какъ женщины собирались для сожженія костей «за упокой душъ людей». По китайскому разсказу, при кладбищѣ, въ 5 ли (т. е. около $2^1/_2$ в.) отъ могилы, оставляли трехъ чиновниковъ, которые каждый день, впродолженіе трехъ лѣтъ, сожигали жертвы въ ямѣ[7]. По разсказу Вассафа[8], послѣ смерти Аргуна эмиры его собственнаго десятка (употребленъ монгольскій терминъ *арбатэнъ*)[9] впродолженіе трехъ дней присылали пищу къ его могилѣ. Слова Рашид-ад-дина о трехмѣсячномъ оплакиваніи Чингизъ-хана, китайскаго разсказа объ отправленіи процессіи на третій день послѣ смерти и о трехлѣтнихъ жертвоприношеніяхъ, Вассафа о доставленіи пищи въ теченіе трехъ дней, Плано Карпини о троекратномъ истязаніи любимаго раба заставляютъ полагать, что придавалось значеніе числу три.

Представленія монголовъ о власти мертвыхъ надъ живыми намъ мало извѣстны; на существованіе такихъ представленій указываетъ страхъ не-

[1] Труды Пек. миссіи, IV, 114.

[2] Литогр. изд., стр. 52; d'Ohsson, III, 407; Катрмеръ, стр. 416.

[3] Перев. Малеина, стр. 11. Ср., однако, тамъ-же разсказъ о любимомъ рабѣ покойника, котораго трижды заставляли лежать подъ трупомъ такъ долго, что онъ начиналъ «какъ бы впадать въ агонію»; выдерживавшій эту пытку становился свободнымъ и знатнымъ; невыдержавшій, очевидно, зарывался вмѣстѣ съ хозяиномъ.

[4] Перев. Минаева, стр. 87.

[5] Ssanang Ssetsen, изд. Шмидта, стр. 235.

[6] Ibid., стр. 249.

[7] Труды Пек. миссіи, IV, 252.

[8] Литогр. изд., стр. 245; d'Ohsson, IV, 58.

[9] Въ текстѣ هرباتن; о начальномъ звукѣ см. П. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, ЗВО. XV, 162.

редъ произнесеніемъ имени умершаго, передъ оставленными имъ вещами, кромѣ того разсказъ объ убіеніи Чжамухи безъ пролитія крови, послѣ чего онъ становится духомъ-покровителемъ Чингизъ-хана[1], и вообще обычай казнить безъ пролитія крови людей ханскаго происхожденія[2]. Страхомъ передъ мертвыми и необходимостью умилостивить ихъ, вѣроятно, объясняется фактъ, что охрана ханскихъ кладбищъ поручалась людямъ изъ лѣсныхъ урянхитовъ, племени, за которымъ вообще признавали извѣстную шаманскую силу. По словамъ Рашид-ад-дина только лѣсные урянхиты не боялись грозы и кричали на громъ и молнію, тогда какъ всѣ другіе монголы во время грозы сидѣли по домамъ[3]. Другихъ примѣровъ такого явленія, какъ вѣра въ шаманскую силу цѣлаго племени, мнѣ въ исторіи средне-азіатскихъ кочевниковъ не приходилось встрѣчать.

Въ составъ курука кромѣ могилы хана входили его ставки, сохранявшіяся послѣ его смерти въ прежнемъ видѣ. Въ каждой ставкѣ продолжала жить до своей смерти одна изъ бывшихъ женъ хана. Плано Карпини[4] упоминаетъ объ ордѣ Джучи въ мѣстности къ востоку отъ Ала-куля (Рашид-ад-динъ[5] помѣщаетъ ее на Иртышѣ); при этомъ говорится, что татары «дворовъ князей и вельможъ не разрушаютъ, а всегда назначаютъ для управленія ими какихъ нибудь женщинъ, и имъ отдаютъ часть подарковъ, какъ обычно давали ихъ владыкамъ». Нѣсколько южнѣе, на берегу Эмиля, была орда Гуюка[6]; Рубрукъ[7] проѣхалъ мимо нея и на обратномъ пути даже видѣлъ ее, но проводники, по его словамъ, «не осмѣлились пристать къ этому двору». Послѣ смерти ханскихъ женъ въ ставкахъ, повидимому, не было никого изъ членовъ ханскаго рода, но при нихъ оставалось нѣсколько сотъ человѣкъ стражи, причемъ, по выраженію архимандрита Палладія, «служили тѣнямъ, какъ живымъ»[8].

При «великомъ курукѣ» сохранялись, по словамъ Рашид-ад-дина[9], девять ставокъ Чингизъ-хана, четыре главныхъ и пять другихъ; въ царствованіе внука Хубилая Тэмура (1294—1307) этими ставками завѣдывалъ старшій братъ Тэмура Камала. Кромѣ Чингизъ-хана, на томъ же кладбищѣ были похоронены Тулуй, Мункэ и Арикбуга; по словамъ Рашид-ад-дина,

---

[1] Труды Пек. миссіи, IV, 114.
[2] Ср. слова Марко Поло (перев. Минаева, стр. 112) о казни Наяна.
[3] Труды Вост. Отд. V, 141 сл.; VII, 186 сл.
[4] Перев. Малеина, стр. 51.
[5] Изд. Blochet, стр. 131,10.
[6] Ibid., 251,1.
[7] Перев. Малеина, стр. 113 сл.
[8] Труды Пек. миссіи, IV, 253.
[9] Изд. Blochet, стр. 593. Ср. d'Ohsson, I, 383; В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 20, прим. 3.

«сдѣлавъ ихъ изображенія, постоянно жгли (передъ ними) благовонія». Тамъ-же Камала построилъ капище для себя.

Изъ всей литературы монгольскаго періода только въ этомъ разсказѣ говорится о статуяхъ, стоявшихъ на ханскихъ кладбищахъ, вѣроятно при ханскихъ ставкахъ. Объ идолахъ, находившихся въ монгольскихъ юртахъ, говорятъ всѣ путешественники; по словамъ Рубрука[1], войлочная кукла, висѣвшая надъ головой хозяина юрты, называлась «братомъ хозяина», висѣвшая надъ постелью хозяйки — братомъ госпожи. Изъ словъ Плано Карпини[2] и Марко Поло[3] видно, что домашніе идолы выдѣлывались женщинами изъ войлока, шелка и сукна. Плано Карпини[4] кромѣ того упоминаетъ объ идолѣ, стоявшемъ на повозкѣ передъ ставкой; изъ его словъ не видно, былъ ли этотъ идолъ сдѣланъ изъ того же матеріала. Этому идолу, по словамъ Плано Карпини, поклонялись какъ Богу въ полдень и заставляли поклоняться покорившихся татарамъ знатныхъ лицъ; убіеніе князя Михаила Черниговскаго объясняется его отказомъ «поклониться на полдень Чингизъ-хану». Изъ этого можно заключить, что изображеніе, стоявшее у входа, т. е. у южной стороны ставки живого императора, считалось изображеніемъ Чингизъ-хана. Возможно, что передъ ставками мертвыхъ хановъ, гдѣ стража «служила тѣнямъ, какъ живымъ», ставились ихъ собственныя изображенія и что монголы, подъ вліяніемъ китайской культуры, научились выдѣлывать болѣе совершенныя статуи, чѣмъ прежнія войлочныя куклы.

Нѣкоторыя извѣстія о дальнѣйшей судьбѣ изображеній и ставокъ Чингизъ-хана мы находимъ только у Сананъ-Сэцэна, причемъ эти извѣстія очень кратки и частью легендарны. Монгольскій народъ быстро утратилъ память какъ о дѣйствительныхъ событіяхъ исторіи Чингизъ-хана, такъ и о мѣстѣ его погребенія. Гора Бурханъ-халдунъ упоминается у Сананъ-Сэцэна только въ разсказахъ о миѳическихъ предкахъ монголовъ; о ея мѣстоположеніи говорится только, что она была недалеко отъ Байкала[5]; Гэнтэй упоминается отдѣльно и не отожествляется съ горой Бурханъ-халдунъ, названіе которой, очевидно, сдѣлалось миѳическимъ. О погребеніи Чингизъ-хана говорится, что повозку съ тѣломъ привезли въ мѣстность Ихэ (Јехе)-Ӱтекъ, «между тѣневой стороной Алтай-хана и солнечной стороной Гэнтэй-хана»; такъ какъ всѣ попытки снять тѣло съ повозки были

---

[1] Перев. Малеина, стр. 71.
[2] Ibid., стр. 7.
[3] Перев. Минаева, стр. 88.
[4] Перев. Малеина, стр. 8.
[5] Ssanang Ssetsen, стр. 57 и 59.

тщетны, то надъ повозкой насыпали могилу и тутъ же построили восемь бѣлыхъ домовъ для поклоненія Чингизъ-хану[1]. Изъ этого можно заключить, что могилу Чингизъ-хана помѣщали къ югу отъ Гэнтэя. Подъ Алтаемъ, какъ замѣчаетъ и Шмидтъ, нельзя понимать тѣ горы, которыя носятъ это названіе теперь. Замѣчательно, что уже Марко Поло[2] называетъ «Алтаемъ» ту гору, гдѣ находились ханскія кладбища, хотя помѣщаетъ ее непосредственно къ югу отъ равнины Баргу или Забайкалья, т. е. на мѣстѣ Гэнтэя. «Тѣневая сторона Алтая» упоминается у Сананъ-Сэцэна еще въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ о царствованіи Хубилая, причемъ говорится, что Хубилай построилъ тамъ города Арулунъ-Цаганъ-балгасунъ и Эрчўгинъ-Ланъ-тингъ-балгасунъ[3]; изъ этого можно заключить, что рѣчь идетъ о горахъ въ южной Монголіи, на границѣ съ Китаемъ.

Девять ставокъ Чингизъ-хана, такимъ образомъ, обратились въ восемь бѣлыхъ домовъ или юртъ; Сананъ-Сэцэнъ, какъ мы видѣли, помѣщаетъ ихъ близъ могилы Чингизъ-хана, хотя въ то же время отличаетъ уряпхайцевъ, охранителей останковъ Чингизъ-хана, отъ ордосцевъ, охранителей восьми домовъ, составлявшихъ одну ставку или орду[4] (Шмидтъ полагаетъ, что отсюда и названіе племени и мѣстности Ордосъ)[5].

Въ первой половинѣ XV в., когда Монголія была завоевана ойратами, ханъ Адай искалъ убѣжища въ ордѣ Чингизъ-хана, но все-таки былъ схваченъ и убитъ. Ойратскій предводитель Тогонъ-тайши сталъ рубить саблей ограду орды и бѣлаго дома, хотя потомъ принесъ жертву Чингизъ-хану. Когда онъ уходилъ, то замѣтили, что большая стрѣла въ золотомъ колчанѣ Чингизъ-хана слегка дрожитъ; въ ту же минуту Тогонъ-тайши упалъ и лишился чувствъ; когда его раздѣли, то у него между лопатками оказалась рана, какъ отъ стрѣлы; когда осмотрѣли колчанъ Чингизъ-хана, то на большой стрѣлѣ нашли кровь[6]. Въ этой легендѣ, по всей вѣроятности, идетъ рѣчь о колчанѣ, прикрѣпленномъ или привѣшенномъ къ статуѣ Чингизъ-хана, подобно тѣмъ колчанамъ на половецкихъ каменныхъ бабахъ, о которыхъ говоритъ Низами.

Какъ замѣтилъ уже Рубрукъ[7], ворота монгольскихъ юртъ и ставокъ всегда были обращены къ югу; къ югу, очевидно, были обращены и стояв-

---

[1] Ibid., стр. 109.

[2] Перев. Минаева, стр. 87 и 92. Ср. также слова Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 347, что отъ мѣста сліянія Толы съ Орхономъ на СЗ «главнымъ узломъ всѣхъ горъ служитъ Алтай».

[3] Ssanang Ssetsen, стр. 115.

[4] Ibid., стр. 191 и примѣчаніе Шмидта, стр. 407 сл.

[5] Ibid., стр. 389 сл.

[6] Ssanang-Ssetsen, стр. 151.

[7] Перев. Малеина, стр. 71.

шія у воротъ ставокъ изображенія, въ отличіе отъ каменныхъ бабъ, обращенныхъ, какъ извѣстно, на востокъ. Культъ юга, въ противоположность прежнему культу востока, рѣзко отличаетъ монголовъ отъ турецкихъ народовъ до-монгольскаго періода, что нашло себѣ отраженіе и въ языкѣ. Орхонскій турокъ при опредѣленіи странъ свѣта становится лицомъ къ востоку, такъ что для него южная сторона является правой, сѣверная — лѣвой; въ монгольскомъ письменномъ языкѣ правой стороной называется западная, лѣвой — восточная[1]. Едва ли мы имѣемъ право считать это отличіе племенной особенностью монголовъ сравнительно съ турками. Культъ востока, связанный съ культомъ восходящаго солнца, былъ, повидимому, широко распространенъ у самыхъ различныхъ народовъ; мы находимъ слѣды его какъ въ индо-европейскихъ, такъ и въ семитическихъ языкахъ[2]; въ Средней Азіи китайцы отмѣчаютъ этотъ культъ у древнихъ кочевыхъ народовъ различнаго происхожденія. Если у хунновъ, считавшихся впослѣдствіи предками турковъ, государь утромъ выходилъ изъ лагеря покланяться восходящему солнцу[3], то и «восточные варвары» (дунъ-ху), ухуанцы, народъ во всякомъ случаѣ не-турецкій, жили въ круглыхъ юртахъ, изъ которыхъ выходъ былъ обращенъ къ востоку[4]. Обращеніе къ югу при религіозныхъ и въ частности погребальныхъ обрядахъ наблюдается, какъ извѣстно, въ Китаѣ и въ подчинившихся вліянію Китая культурныхъ областяхъ, напр., въ Кореѣ[5]; отсюда естественно возникаетъ предположеніе, что и въ степи культъ востока былъ вытѣсненъ культомъ юга подъ вліяніемъ китайской культуры. Изъ кочевыхъ народовъ мы встрѣчаемъ поклоненіе югу прежде всего у китаевъ или, какъ ихъ называли китайцы, киданей; по «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», составленной задолго до возвышенія киданей и образованія ими государства китайскаго типа, кидане при жертвоприношеніяхъ въ честь предковъ говорили имъ: «Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ кушайте, обратясь къ югу»[6]. Очень вѣроятно, поэтому, что культъ юга началъ распространяться въ Монголіи въ эпоху могущества киданей (X—XII вв.). При Чингизъ-ханѣ этотъ культъ сдѣлался оффиціальнымъ для всей степи, подчинившейся монголамъ, и въ настоящее время

[1] На это указалъ и Н. И. Весселовскій, Каменныя бабы, стр. 19.

[2] W. Barthold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, S. 11 (W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge). О семитическихъ словахъ и сопоставленіи ихъ съ индійскими см., напр., W. Gesenius, Handwörterbuch über das Alte Test., 10 изд., s. v. אחור.

[3] Іакинѳъ, Собр. свѣдѣній и т. д., I, 16.

[4] Ibid., 151.

[5] Ср. Описаніе Кореи (изд. мин. фин.), I, 388 сл.

[6] Іакинѳъ, Собр. свѣд., II, 91.

едва ли не во всѣхъ мѣстностяхъ Средней Азіи, входившихъ нѣкогда въ составъ монгольской имперіи, юрты кочевниковъ, какъ монголовъ, такъ и турковъ, обращены къ югу. Неяснымъ остается вопросъ, насколько монгольскіе ханы при этомъ опирались на религіозныя воззрѣнія своего народа. Есть указанія, что культъ восходящаго солнца былъ свойственепъ не только турецкому, но и монгольскому шаманизму. Ибн-ал-Асиръ[1] говоритъ о монголахъ, что они «поклоняются солнцу при восходѣ его»; то же самое отмѣтилъ въ своей статьѣ о «Черной вѣрѣ», т. е. о шаманизмѣ, Банзаровъ[2]. Въ настоящее время мы находимъ слѣды культа востока какъ у турецкихъ, такъ и у монгольскихъ народностей, если онѣ остались въ сторонѣ отъ политическихъ и культурныхъ движеній, вызванныхъ образованіемъ монгольской имперіи. Какъ у алтайцевъ, по наблюденію В. В. Радлова, голову жертвенной лошади повертываютъ на востокъ[3], какъ у якутовъ, по словамъ Сѣрошевскаго, въ глухихъ мѣстахъ сохранился обычай строить жилыя помѣщенія непремѣнно дверьми на востокъ[4], такъ и у бурятъ-шаманистовъ, по словамъ Б. Э. Петри[5], юрты до сихъ поръ обращены не въ южную, а въ восточную сторону. Какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владимірцовъ, монгольскія слова, служащія для обозначенія странъ свѣта, въ живыхъ нарѣчіяхъ иногда употребляются въ другомъ значеніи, чѣмъ въ письменномъ языкѣ; слово «барунъ», правый, въ письменномъ

---

[1] Изд. Торнберга, XII, 235, ср. переводъ бар. В. Г. Тизенгаузена въ Сборн. матер., относящихся къ ист. зол. орды, стр. 3 сл. То же самое, какъ мнѣ сообщилъ кн. И. А. Джаваховъ, говоритъ грузинскій анонимный историкъ XIV в.; по этому источнику монголы «обращались лицомъ въ сторону восхода солнца» и «поутру при восходѣ солнца» совершали три колѣнопреклоненія (Картл. Цховреба по рукоп. царицы Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 550 и 597). О самомъ источникѣ ср. теперь статьи кн. И. А. Джавахова и Б. Я. Владимірцова въ ИАН. 1917 г., стр. 1483 сл.

[2] Д. Банзаровъ, Черная вѣра, стр. 14. Ср. также интересныя, но не вполнѣ ясныя замѣчанія японскаго ученаго Ryuzo Torii, The ancient city of Shang-Ching, Kokka, Heft 249, Teil I u. ff., по ссылкѣ O. Münsterberg, Chinesische Kunstgeschichte, II, 38.

[3] W. Radloff, Aus Sibirien, 2-te Ausg., II, 25. Ср. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 79, прим. Ни у В. В. Радлова, ни у другихъ путешественниковъ я не нашелъ свѣдѣній о томъ, въ какую сторону были обращены примитивныя юрты алтайцевъ, т. е. коническіе шалаши. Г. Н. Потанинъ (Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 108) говоритъ только, что «юрта ставится у монголовъ дверями всегда на югъ». Изслѣдователь Алтая А. В. Адріановъ говоритъ только о бревенчатыхъ юртахъ, т. е. четыреугольныхъ бревенчатыхъ срубахъ, что «дверь продѣлывается въ короткой стѣнѣ, обращенной на югъ, ближе къ юго-восточному углу» (Зап. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., XI, 296). Коническихъ шалашей А. В. Адріановъ не встрѣчалъ (ibid. 356).

[4] В. Л. Сѣрошевскій, Якуты, I, 207.

[5] Въ докладѣ, читанномъ въ Этногр. Отд. Р. Геогр. Общ. 5 апр. 1913 г. По сообщенію докладчика, прямо по компасу на востокъ обращенъ одинъ изъ четырехъ столбовъ, на которые опирается юрта (бревенчатая); дверь по компасу обращена на юго-востокъ, но сами буряты говорятъ, что двери обращены у нихъ на востокъ.

языкѣ имѣетъ значеніе «западный», въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ — значеніе «южный», какъ въ турецкихъ орхонскихъ надписяхъ.

Память о шаманскихъ обычаяхъ, въ особенности обрядахъ погребенія, быстро исчезла въ Монголіи подъ вліяніемъ буддизма. Въ XVII в., уже послѣ принятія буддизма, совершилось, по разсказу Сананъ Сэцэна, перенесеніе «бѣлаго дома» Чингизъ-хана (здѣсь уже упоминается только одинъ домъ, т. е. одна юрта) съ его обстановкой на новое мѣсто, въ страну «дружественныхъ князей»[1]; вѣроятно, это то же мѣсто, на берегу рѣчки Чжамнакъ, впадающей въ Уланъ-моринъ, притокъ Хуанъ-хэ[2], гдѣ теперь стоятъ двѣ бѣлыхъ юрты, составляющія «великое эджэнъ-хоро», культъ котораго описанъ Г. Н. Потанинымъ[3]. При этомъ говорится также о перенесеніи «золотой пирамиды»; по замѣчанію Шмидта[4], неясно, находился ли въ этой пирамидѣ прахъ Чингизъ-хана или какого-нибудь другого властителя. Шмидтъ при этомъ напоминаетъ о золотыхъ пирамидахъ съ останками буддійскихъ святыхъ въ Тибетѣ, т. е. указываетъ на буддійскій характеръ обычая. Г. Н. Потанину разсказывали, что кости Чингизъ-хана хранятся въ задней изъ двухъ бѣлыхъ юртъ, по однимъ разсказамъ въ мѣдной, по другимъ — въ серебряной ракѣ. На южной сторонѣ Гэнтэя, можетъ быть тамъ-же, гдѣ было капище Камалы, теперь находится буддійскій монастырь, основанный въ 1654 г.[5]; А. М. Позднѣевъ говоритъ о ежегодномъ чествованіи Гэнтэйскихъ горъ и объ устройствѣ по этому случаю почтовыхъ станцій[6]; описаніе этого чествованія мнѣ въ литературѣ о Монголіи не удалось найти, но едва ли оно связано съ памятью о Чингизъ-ханѣ и о мѣстѣ его погребенія. Авторъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи приводитъ изъ другого письменнаго источника разсказъ о каменномъ изваяніи, въ которомъ будто бы видѣли изображеніе Чингизъ-хана и которое находилось въ западной Монголіи, у подошвы горы Сагари[7], близъ рѣки Кобдо; это была

---

[1] Ssanang Ssetsen, стр. 281.

[2] О мѣстоположеніи А. Баторскій, Монголія, стр. 132.

[3] Статья «Поминки по Чингисъ-ханѣ» (оттискъ изъ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXI).

[4] Ssanang Ssetsen, стр. 420.

[5] А. М. Позднѣевъ, Монголія и монголы, I, 493.

[6] Ibid., 463. Ср. также Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 347 о «ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ жертвахъ». Къ Гэнтэю, можетъ быть, вела та «древняя дорога Чингизъ-хана», остатки которой были найдены въ 1899 г. русской экспедиціей на пути изъ долины Толы въ долину Кэрулюна (ср. печатающуюся въ настоящее время въ изданіяхъ Геогр. Общ. работу А. Д. Руднева, стр. 19). О другой «дорогѣ Чингизъ-хана» (съ Кемчика черезъ Саяны долиной Енисея) ср. свѣдѣнія С. Р. Минцлова въ ЗВО. XXIII, 304 сл. и 311.

[7] Такого названія горы, повидимому, нѣтъ въ русской литературѣ о мѣстности близъ рѣки Кобдо; ср. указатели къ книгамъ А. Баторскаго, Монголія; Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Зап. Монголія.

«каменная статуя человѣка, одѣтаго въ монгольское народное платье»[1]. Насколько можно видѣть изъ свѣдѣній о человѣческихъ изваяніяхъ (по-монгольски хöшö-чулу), собранныхъ Г. Н. Потанинымъ[2], этого истукана теперь нѣтъ (едва ли его можно было бы отожествить съ Даинъ-батыромъ, стоящимъ у южнаго берега озера Даинъ-гулъ)[3]. Если онъ, дѣйствительно, имѣлъ отношеніе къ монгольскимъ ханамъ (что, конечно, очень сомнительно), то онъ, вѣроятно, изображалъ не Чингизъ-хана[4], но одного изъ потомковъ его сына Угэдэя, владѣвшихъ этой мѣстностью.

Ханскіе куруки, устроенные монголами внѣ предѣловъ Монголіи, подъ вліяніемъ ислама были забыты еще быстрѣе, чѣмъ куруки въ Монголіи подъ вліяніемъ буддизма. Свѣдѣнія крайне скудны; большею частью указывается только мѣсто погребенія хановъ, безъ какихъ либо свѣдѣній объ обстановкѣ курука; только Вассафъ[5], вѣроятно ошибочно, говоритъ объ устройствѣ, по монгольскому обычаю, «дахмы», т. е. гробницы. Мѣстомъ погребенія золотоордынскихъ хановъ считался Сарайчикъ, на нижнемъ теченіи Урала[6]; изъ словъ Абулгази[7] о погребеніи хана Тохтогу можно заключить, что ханы хоронились здѣсь еще до принятія татарами ислама. Ибн-Батута, проѣзжавшій здѣсь въ 1333 г., ничего не говоритъ о ханскихъ гробницахъ; около 1580 г. Сарайчикъ былъ разрушенъ до основанія русскими казаками, причемъ были извлечены даже мертвецы изъ могилъ[8]. Въ ногайской легендѣ о Тохтамышѣ и Едигеѣ, на которую обратилъ мое вниманіе П. А. Фалевъ, говорится о Сарайчикѣ, гдѣ погребены ханы и кости хановъ называютъ заповѣдными[9]. Впослѣдствіи мусульманскіе ханы строили мавзолеи мусульманскаго типа надъ могилами своихъ языческихъ предковъ[10]; такъ при описаніи похода Абдуллы-хана бухарскаго, въ 1582 г., въ мѣстности между Сары-су и горой Улутау упоминается «мазаръ»

---

[1] Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 449.

[2] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 64 сл.; объ изваяніяхъ близъ Кобдо стр. 67 и 71.

[3] Ibid., стр. 72.

[4] О статуѣ въ Урянхаѣ, которую иногда называли «Чингизъ-ханомъ», ср. ЗВО. XXIII, 299 сл. и табл. V, рис. 1. Къ монголамъ эта каменная баба обычнаго турецкаго типа, очевидно, никакого отношенія не имѣетъ.

[5] Литогр. изд., стр. 52 и 245. Ошибочно, конечно переводится слово غروق Рашид-ад-дина посредствомъ tombeau у Катрмера, стр. 417.

[6] Ср. ЗВО., XXI, 047.

[7] Изд. Демезона, стр. 174; перев., стр. 183.

[8] Карамзинъ, Ист. Г. Р., IX, 224, прим. 663.

[9] М. Османовъ, Ногайскіе и кумыкскіе тексты, стр. 47 ‘قان سوياى كيه ديب قان‌لاردى قويغان سراى‌جق. Ср. кирг. كيه‌لى въ слов. Будагова, II, 183. Въ слов. Радлова (II, 1343) кіjä «приносящій несчастіе; дурное предзнаменованіе».

[10] Ср. примѣры ЗВО., XXIII, 2.

Джучи-хана[1]. Трудно было бы, при такомъ искаженіи историческаго преданія, опредѣлить точное значеніе нѣкоторыхъ монгольскихъ терминовъ, относящихся къ обрядамъ погребенія, приведенныхъ въ сочиненіяхъ мусульманскихъ авторовъ и неизвѣстныхъ теперь самимъ монголамъ. Таково, напр., слово توكن въ значеніи «могила» (القبر) у араба-филолога[2] или словъ شنب кладбище مزارستان и شنب تاى «кладбищенскіе сторожа» (مزارجيلر) у Эвлія-Челеби[3].

Послѣднимъ сооруженіемъ языческаго типа въ степи является такъ называемыя «обо» (насыпныя кучи камней), которыя и теперь еще пользуются нѣкоторымъ культомъ, особенно у монголовъ. Большею частью, какъ извѣстно, обо не имѣютъ отношенія къ погребенію, служатъ только дорожными знаками и чаще всего ставятся на вершинахъ переваловъ. Таково было и единственное обо, о сооруженіи котораго мы имѣемъ точное историческое извѣстіе: по разсказу Мирхонда Улугбекъ въ 1425 г., во время похода противъ средне-азіатскихъ монголовъ, въ мѣстѣ Буралгу «воздвигъ сооруженіе, которое турки называютъ обо, высокое и крѣпкое, чтобы оно служило знакомъ»[4]. Встрѣчаются, однако, примѣры, что слово «обо» связывается съ курганнымъ погребеніемъ; такъ, по разсказу Валиханова, курганъ Идыге-обасы на вершинѣ утеса Идыге, составляющаго западную часть горы Улутау, считается могилой Едигея[5]. Возможно, что тотъ же терминъ иногда связывали съ каменными бабами. В. В. Сапожниковъ при описаніи своей поѣздки въ мѣстность къ востоку отъ Чернаго Иртыша упоминаетъ о «двухъ каменныхъ бабахъ, которыя и дали основаніе названію этого мѣста Кара-обо»[6].

В. Бартольдъ.

---

[1] عبد الله نامه рук. Аз. муз. 574 age, л. 334б, также Труды Вост. Отд., X, 307, 316 сл.

[2] П. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, стр. 89,17 и 110.

[3] Текстъ Эвлія-Челеби въ констант. изд., II, 292 и въ хрестоматіи В. Д. Смирнова (Образцовыя произведенія османской литературы), стр. 96. Ср. мою статью въ Этногр. Обоз., кн. 84—85 (1910), стр. 40. Ср. еще современное монг. булуш «древняя могила».

[4] Текстъ Мирхонда будетъ изданъ въ приложеніи къ моему труду «Улугбекъ и его время», печатающемуся въ Запискахъ Академіи Наукъ.

[5] Сочиненія Ч. Ч. Валиханова, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 224.

[6] В. В. Сапожниковъ, Монгольскій Алтай, Томскъ 1911 (Изв. Имп. Томскаго Университета, кн. 44), стр. 167.

Фрагментъ изъ Богазкöя въ собраніи Лихачева.

Еще въ декабрѣ 1907 покойный Г. Винклеръ обнародовалъ краткое сообщеніе о вавилонскомъ документѣ изъ Богазкöя [1], содержащемъ параллельный текстъ къ знаменитому договору хеттскаго царя Хаттушиля съ фараономъ Рамсесомъ Вторымъ, сохранившемуся въ двухъ не вполнѣ тожественныхъ редакціяхъ на стѣнахъ Рамессеума и Карнака [2]. Давно уже постулированная египтологами въ качествѣ оригинальнаго текста договора [3], эта вавилонская версія, по словамъ Г. Винклера [4], представляетъ какъ-бы предварительную дипломатическую ноту, заключающую нѣкоторые, очевидно подлежащіе обсужденію, пункты будущихъ договорныхъ статей. Точное содержаніе документа пока остается секретомъ нѣсколькихъ лицъ, работающихъ надъ изданіемъ принадлежащихъ Берлинскому музею богазкöйскихъ таблетокъ [5].

---

[1] H. Winckler, Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin n⁰ 35 (Dezember 1907), SS. 12—13, 20—21.

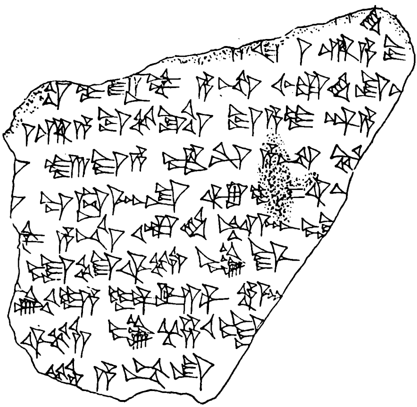
[2] Тураевъ, Исторія Древняго Востока, 1913, I, стр. 328—330.

[3] W. Max Müller, Der Bündnisvertrag Ramses' II und des Chetiterkönigs (= Mitteilungen der vorderasiatischen Gesellschaft 1902 n⁰ 5), S. 10 Anm. 5, S. 11 Anm. 7, S. 12 Anm. 4, S. 13 Anm. 3, 5, S. 15 Anm. 4, S. 16 Anm. 4, 7, S. 18 Anm. 5, 7, S. 19 Anm. 2, 6, 9, S. 21 Anm. 1, 2; — S. S. 26, 29—31.

[4] H. Winckler, l. c. S. 21: «Die Urkunde, welche als babylonischer Text der Vertragsbestimmungen angesehen werden kann, ist vielleicht nur eine vorläufig ausgetauschte Note, da sie nicht alle Bestimmungen des Vertrages enthalten hat. Auch Stücke von anderen Briefen beweisen, dass die vorauszusetzenden Verhandlungen mit einer der Würde der beiden Hofkanzleien entsprechenden Gründlichkeit geführt worden sind. Es muss mancher Monat verstrichen sein, ehe die mit dem sigillum regium versehene Urkunde endgültig festgestellt war».

[5] [Въ только-что дошедшемъ до меня Orientalistische Literaturzeitung XX (1917), n⁰ 5, Sp. 158 f., сообщается: «Prof. Eduard Meyer legte einen Aufsatz von Prof. Dr. Bruno Meissner in Breslau vor: Der Staatsvertrag Ramses II von Aegypten und Hattusils von Hatti in akkadischer Fassung. Der durch eine ägyptische Inschrift seit langem bekannte Vertrag der beiden Könige hat sich jetzt auf einer mehrfach lückenhaften Tontafel aus Boghazköi auch in keilschriftlicher Fassung gefunden. Der ägyptische Text ermöglicht, den keilschriftlichen, babylonisch-akkadischen, durchweg zu ergänzen. Beide Texte stimmen fast wörtlich über-

Я не могу поэтому на достаточныхъ основаніяхъ заключить, въ какой мѣрѣ совпадаетъ или расходится съ текстомъ Берлинской ноты неизданный маленькій фрагментъ, также изъ Богазкöя, хранящійся — вмѣстѣ съ кусочкомъ редактированнаго на хеттскомъ языкѣ оффиціальнаго документа — въ собраніи Лихачева. Вотъ надпись этого фрагмента:

Транскрипція.

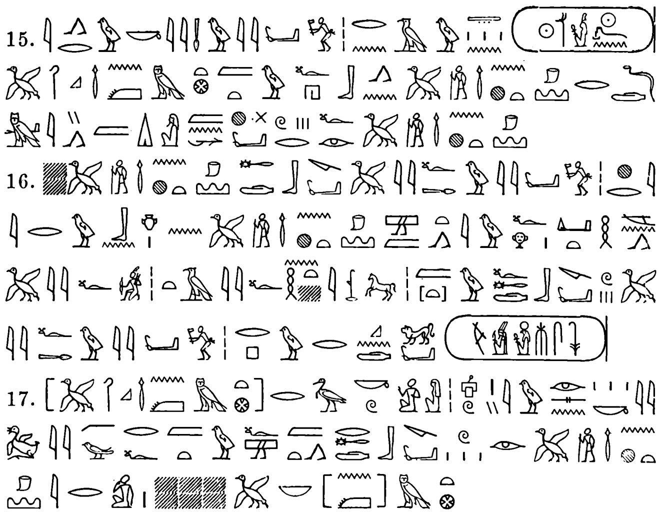
[........................] muḫ-ḫi [.........................]
[............]a(?)-di (?) ^{m}Ri-a-m[a-še-ša ma-a-i *A-ma-na ......]
[...........]. i-ra-ub a-na muḫ-ḫi-šú-[nu...............]
[............] ^{m}Ri-a-ma še-ša ma-a-i *A-[ma-na.............]
[...........]. um-ma-a al-ḳa a-na m[u(?)- ....]
[...........]. narkabâtê-šú û i-. . [.................]
[.......... i-ra-u]b a-na muḫ-ḫi ardâni a[d (?)- ....]
[..........^{m}Ḫa]-at-tu-ši-li šarru rabû [....................]
[....... û a]ḫi-ia i-šap-par ṣabê-[šú ....]
[..........^{m}Ḫa-at-tu]-ši-li šar ^{mât}Ḫa-at-[ti.................]
[....... Mu-ur-ši]-li a-bi-šú [.........................]

ein; es ist der erste Fall, dass uns jetzt derselbe Text sowohl in hieroglyphischem wie in keilschriftlichem Gewande vorliegt». Этотъ докладъ Мейсснера напечатанъ въ — сейчасъ мнѣ недоступныхъ — Sitzungsberichten der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften z. Berlin, 1917, XX—XXII (см. библіографію въ Orientalistische Literaturzeitung, XX (1917) n⁰ 8 Sp. 253).—24 января 1918].

Переводъ.

[........................] на [..........................]
[..............] .... Ріам[ашеша маи-Амана..................]
[............] разгнѣвается на нихъ [....................]
[............] Ріамашеша маи-А[мана ....]
[............] говоря: «приходи на п[омощь мнѣ................]
[............] свои колесницы и пусть [..................]
[..........разгнѣ]вается на рабовъ, учинив[шихъ злое ....]
[............Х]аттушиль, царь великій [...................]
[.....тогда бр]атъ мой пусть пришлетъ воиновъ [своихъ ....]
[........Хатту]шиль, царь страны Хат[ти ....]
[.............Мурши]ля, его отца [......................]

Общій смыслъ этихъ одиннадцати оборванныхъ строчекъ становится достаточно яснымъ при сравненіи съ египетской редакціей договора, начертанной на стѣнѣ Карнака. Въ качествѣ исходной точки сравненія особенно удобны строки 4—8 Лихачевскаго фрагмента, параллельныя слѣдующему пассажу карнакскаго текста[1]:

[1] Цитирую по изданію W. Max Müller, Der Bündnisvertrag Ramses' II und des Chetiterkönigs, Taf. VI—VII.

15. . . . «Если прійдетъ другой какой-нибудь врагъ на земли Рамсеса[1], великаго царя Египта, и онъ пошлетъ къ великому государю Хатти, говоря: «приходи ко мнѣ на помощь противъ него!», — то великій государь Хатти

16. [прійдетъ къ нему, и] великій государь Хатти одолѣетъ его враговъ. Если же не будетъ желаніемъ великаго государя Хатти выступить самому, то пусть онъ немедля пришлетъ свои войска и свои колесницы и пусть одолѣетъ врага. — Если-же разгнѣвается Рамсесъ маи-Амонъ,

17. [великій царь Египта], на рабовъ, что они учинили злое противъ него, и выступитъ онъ одолѣть ихъ, — тогда пусть поступаетъ великій государь Хатти заодно съ [Рамсесомъ маи-Амономъ], господиномъ Египта».

Мнѣ не кажется обоснованнымъ сомнѣніе въ приблизительномъ тожествѣ цитируемыхъ редакцій. Если вернуть на мѣсто презрительно выпущенное египетскимъ писцомъ имя варварскаго царя[2] и придать теченію египетской фразы вавилонскій характеръ, отбросивъ излишнія повторенія[3] и поставивъ сказуемыя позади подлежащихъ, — выдѣленные пассажи распредѣлятся строго по мѣстамъ, занимаемымъ ими въ вавилонскомъ фрагментѣ, позволяя установить первоначальную длину его строкъ. Въ этой — первой извѣстной — египто-вавилонской bilinguis интересенъ глаголъ ira'ub[4], — переведенная египетскимъ форма praesentis отъ √רהב, претеритальная форма котораго встрѣчается въ «хожденіи Иштаръ» (K. 162 recto 64): *Ereškigal imuršima ina pânîša ir'ub[5].

Строки 9 — 10 фрагмента Лихачева не совпадаютъ съ продолженіемъ карнакскаго текста; близкую по смыслу фразу содержали, какъ кажется[6],

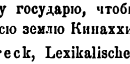
[1] Въ подлинникѣ поставлено тронное имя царя.

[2] W. Max Müller, l. c. S. 30.

[3] Строки 5—6 Лихачевскаго фрагмента, кажется, нѣсколько упрощали египетскій текстъ: «(Если онъ пошлетъ . . .) говоря: приходи ко мнѣ на помощь противъ него, — (то государь Хатти пусть пришлетъ свои войска и) свои колесницы и пусть (одолѣетъ врага)».

[4] Сравните Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln, n⁰ 162,33-41: ù e-pu-uš ardu-da a-na šarri bêli-ka ù bal-ṭa-da ù te-i-ti at-da ki-i šarru la-a ḫa-ši-iḫ a-na ^{mât}Ki-na-aḫ-ḫi gap-pa-ša ki-i i-ra-u-ub «и ты покорись царю, твоему государю, чтобы ты былъ живъ; ты вѣдь знаешь, что царь не желаетъ опаляться на всю землю Кинаххи!».

[5] Относительно √רהב ra'âbu см. M. Streck, Lexikalische Studien (= Babyloniaca II, 1908), SS. 178 f., 197, 211, 214.

[6] Распутывающимъ является здѣсь слово wšb «отвѣтъ». Вотъ предлагаемая М. Мюллеромъ (l. c. S. 14) реконструкція пассажа: « . . . So [schickt] er (d. i.

сильно попорченныя строки 18—19, излагавшія обязанности фараона по отношенію къ его хеттскому брату. Въ Лихачевской нотѣ рѣчь продолжаетъ итти объ обязательствахъ Хаттушиля: строка 9 содержитъ просьбу фараона прислать съ его вѣстникомъ хеттскія войска, строка 10—согласіе Хаттушиля на исполненіе этой просьбы. Здѣсь очевидно и заканчивалось исчисленіе взаимныхъ условій; слѣдующая 11-я строка, съ ея генеалогическимъ намекомъ, открывала нѣкоторый историческій экскурсъ, вѣроятно параллельный помѣщенному въ началѣ египетскаго извода[1].

Возникаетъ наиболѣе интересный вопросъ,—вопросъ въ сущности рѣшаемый уже нѣкоторыми неловкостями, замѣчаемыми въ употребленіи египетскимъ текстомъ мѣстоименныхъ суффиксовъ и глаголовъ «выходить» и «приходить». Лихачевскій фрагментъ, оканчивающій на 10-й строкѣ перечень взаимныхъ условій, очевидно не могъ излагать обязательства, принимаемыя на себя фараономъ, послѣ 4—10 строкъ: значитъ, онъ приводилъ эти обязательства передъ четвертой строкой, т. е. въ порядкѣ, обратномъ порядку египетскаго извода, какъ это и подтверждается строками 1—3 фрагмента. То-же самое слѣдуетъ, повидимому, принять, какъ правило, и для Берлинской предварительной ноты, и для всѣхъ вообще хеттскихъ редакцій договора, вплоть до упоминаемой въ египетской версіи серебряной таблицы, и видѣть въ этомъ руководящій обычай великодержавной азіатской дипломатіи XV—XIII вѣковъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о транскрипціи Ri-a-ma-še-ša имени фараона . Вокализація ria слова ⊙ r-ʿ, появляющаяся здѣсь въ началѣ имени[2], дѣлаетъ чтеніе ⊙ ria обязательнымъ для XV—XIII вѣковъ. Поэтому становится невѣроятной вокализація RAꜥÎ, предложенная Масперо[3]. Учитывая также неправильность, содержащуюся въ коптскомъ ⲣⲏ[4], я прихожу къ убѣжденію въ гласности произношенія въ этомъ словѣ ꜥ, какъ глухого Å, слившагося затѣмъ съ предыдущей гласной, т. е. въ циклѣ развитія: REꜥ > RE^{Å} > RÊ resp. RÎ. Что вавилонское *a* могло употребляться для передачи египетскаго *o*, слѣдуетъ въ достаточной мѣрѣ хотя-бы

Ramses) [seine Soldaten und seine Wagentruppen, und] sie [sind mit denen des Grossfürsten von] Chettê. [Er sendet sie (gleich) mit den Boten, und er lässt den Grossfürsten von Chettê?] sie sehen, (noch) während er Antwort zurücksendet zum Chettê-Land».

[1] Строки 7—14.

[2] Наряду съ Manaḫbiria etc. документовъ изъ Амарны.

[3] G. Maspero, À travers la vocalisation égyptienne (= Recueil de Travaux XXIV) p. 157 ff.

[4] A. Erman, Aegyptische Grammatik 1911, § 181.

изъ транскрипціи Ria-maše-*ša* мѣстоименнаго суффикса św[1], или изъ Amana-амоѹн, приводящихъ къ чтенію 'амо́н[2]. — Остается глагольная тема имени, — participium perfecti activi mś отъ основы mśj «рождать». Вавилонская транскрипція этой формы, *maše*, даетъ совершенно семитическій типъ вокализаціи причастій activi. Два возможныхъ чтенія формы, первоначальное *mâśe(i)*=فَاعِل и > *môśe(i)*=קֹטֵל съ естественнымъ *â* > *ô*, уживались одновременно въ различныхъ діалектахъ, судя по греческимъ транскрипціямъ, сохранившимъ обѣ вокальныхъ формы: *mâśē* (Ἄμασις) > *môśē* (Ἄμωσις); удареніе, согласно этимъ транскрипціямъ, было очевидно переходнымъ: *mấśē* въ status absolutus Ἄμωσις, Τέθμωσις) и *mâśḗ* въ формахъ съ мѣстоименнымъ объектомъ (Ραμεσσῆς).

Соотвѣтствіе ś=š важно для вавилонской фонетики. Египтяне эпохи 19 династіи уже смѣшивали въ письмѣ ś и s, что въ нѣкоторой степени располагаетъ къ чтенію *s* вавилонскихъ *š*; неизвѣстно однако, какъ далеко шло въ египетскомъ это смѣшеніе. Кромѣ того, въ транскрипціи Riamašeša можетъ оказаться повинной *хеттская*[3] національность автора изданнаго фрагмента.

В. Шилейко.

17 Января 1917.

---

[1] Первоначальное śau̯ > śō съ нормальнымъ разрѣшеніемъ дифтонга.

[2] Иначе G. Maspero, À travers la vocalisation égyptienne (=Recueil de Travaux XXII) p. 218 f.

[3] Почеркъ документа рѣзко отличенъ отъ почерка вышедшихъ изъ Египта документовъ архива Амарны.

Новыя данныя о самаркандскихъ памятникахъ.

Въ сочиненіи о Самаркандѣ и его святыняхъ[1], составленномъ, повидимому, въ 60-хъ годахъ XIX вѣка[2] мѣстнымъ мусульманскимъ ученымъ Абу-Тахиръ-ходжею, между прочимъ, упоминается объ исчезновеніи «въ дни опустошенія области» бронзовыхъ воротъ построенной Тимуромъ соборной мечети, извѣстной подъ названіемъ мечети Биби-ханымъ. Русскій переводчикъ труда Абу-Тахира замѣчаетъ по этому поводу: «На полѣ имѣющейся у меня «Тухфатъ-уль-хани» противъ того мѣста, гдѣ говорится о возвращеніи персидскаго войска вскорѣ послѣ смерти Надира изъ Самарканда, между прочимъ, сказано, что вмѣстѣ съ другимъ добромъ были имъ увезены и ворота самаркандской соборной мечети Биби-ханымъ. Трудно пока сказать, насколько это соотвѣтствуетъ правдѣ. Существующее же мнѣніе о томъ, что двери эти употреблены были эмиромъ Хайдаромъ на чеканку денегъ, кажется, до сего времени не подтвердилось писанными источниками»[3]. Преданіе о поступкѣ эмира Хайдера (1800 — 1826) слышалъ въ Бухарѣ въ 1841 г. Н. В. Ханыковъ, разсказывающій также, что «Надиръ-шахъ при взятіи Самарканда велѣлъ привезти къ себѣ» извѣстный нефритовый надгробный камень Тимура «и при этомъ случаѣ его раскололи надвое»[4]. Проф. Веселовскимъ было установлено, что, вопреки этому пре-

---

[1] Самарія. Сочиненіе Абу-Тахиръ-ходжи. Таджицкій текстъ, приготовленный къ печати Н. И. Веселовскимъ. Спб., 1904. Русскій переводъ В. Л. Вяткина въ Справочной книжкѣ Самаркандской области, вып. VI.

[2] В. Л. Вяткинъ писалъ (1899 г.), что Самарія написана около 65 лѣтъ тому назадъ (Справ. кн., 154), Н. И. Веселовскій,—что авторъ «составилъ свое описаніе въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія» (Самарія, стр. III), но, какъ было отмѣчено мною (ЗВО, XII, 0123, пр. 2) въ текстѣ говорится о постройкѣ зданія въ царствованіе эмира Музаффара, вступившаго на престолъ въ 1860 году (Самарія, ١٢, 11; Справ. кн., 167). Объ авторѣ Самаріи, что также не было замѣчено ни издателемъ, ни переводчикомъ, упоминаетъ авторъ труда о шейхахъ селенія Дахбидъ (о немъ ЗВО, III, 85 и сл.), какъ о «муфтіи дахбидскаго ордена» (ИАН, IX, 1898, 133,14).

[3] Справ. кн., 234.

[4] Н. Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго ханства, Спб., 1843, стр. 102 и 104.

данію, нефритовое надгробіе Тимура не было монолитомъ, но состояло изъ двухъ отдѣльныхъ кусковъ нефрита; мнѣніе проф. Веселовскаго вполнѣ подтверждается разсказомъ Мирхонда о двухъ камняхъ, привезенныхъ въ 1425 г. въ Самаркандъ изъ Семирѣчья Улугбекомъ[1]. Въ подтвержденіе преданія объ увозѣ Надиръ-шахомъ нефритоваго надгробія и бронзовыхъ воротъ проф. Веселовскій ссылается на приписку на поляхъ въ рукописи Тухфату-ль-хани, принадлежащей Сер-Али Лапину, гдѣ сказано, что «Надиръ-шахъ поручилъ одному изъ своихъ военачальниковъ взять въ Самаркандѣ литыя изъ бронзы ворота отъ медресэ Тимура и камень съ его могилы и доставить въ Мешхедъ, что и было исполнено. Когда Надиръ-шахъ прибылъ изъ хивинскаго похода въ Мешхедъ и тамъ ему были представлены привезенные памятники, онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и приказалъ отправить ихъ обратно». Кромѣ того проф. Веселовскій приводитъ сообщеніе проф. Жуковскаго, что приписка того же содержанія, и тоже на поляхъ, имѣется также въ рукописи Тухфату-ль-хани, принадлежащей Азіатскому Музею Академіи Наукъ[2].

Объ участи самаркандскихъ памятниковъ при Надиръ-шахѣ говорится, такимъ образомъ, въ трехъ рукописяхъ одного и того же историческаго труда, авторъ котораго по времени и мѣсту былъ близокъ къ разсказываемымъ имъ событіямъ[3], но вездѣ въ припискѣ на поляхъ, неизвѣстно кому принадлежащей, причемъ, судя по переводамъ В. Л. Вяткина и Н. И. Веселовскаго, текстъ соотвѣтствующей приписки въ различныхъ рукописяхъ не вполнѣ тождественъ. Изъ персидскихъ историковъ о дѣйствіяхъ персовъ въ Самаркандѣ говоритъ находившійся въ то время у Надира индіецъ Абдулкеримъ кашмирскій (на этотъ источникъ не обратили вниманія ни В. Л. Вяткинъ, ни Н. И. Веселовскій). По его разсказу[4], въ Самаркандъ былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ Лутфъ-Али-хана[5], которому и было дано порученіе вывезти камень и ворота; при этомъ камень разбился на четыре куска, изъ которыхъ одинъ достался автору (лично

---

[1] ЗВО, XXIII, 31. Ср. теперь текстъ въ ЗРАН, 8 сер., XIII, № 5 стр. ٢١.

[2] ЗВО, XVI, стр. XII. Рѣчь идетъ о рукописи Азіатскаго Музея с 581 b. Этого списка, какъ и другихъ академическихъ рукописей, въ настоящее время нѣтъ въ Петроградѣ.

[3] تحفة الخانى — произведеніе бухарскаго историка Мухаммедъ-Вефа Керминеги; авторъ началъ писать свой трудъ въ 1746 г. и довелъ его до смерти Мухаммедъ-Рахимъ-хана, послѣдовавшей въ 1759 г.

[4] The memoirs of Khojeh Abdulkurreem, transl. from the original persian by Fr. Gladwin, Calcutta 1788, p. 44 и 74.

[5] Авторъ называетъ его племянникомъ Надиръ-шаха; по словамъ Мухаммедъ-Казима (II, 266 a) онъ былъ сыномъ Баба-Али-бека, изъ племени كوسه احمدلو; также Эминъ, مجمل التاريخ بعدنادريّه, изд. O. Mann, Leiden 1891, p. ٣), дающій свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Лутфъ-Али-хана.

знавшему человѣка, бравшаго камень по порученію шаха) и былъ привезенъ имъ въ Индію[1]. Впослѣдствіи Надиръ, вернувшись въ Мешхедъ, велѣлъ отправить камень и ворота обратно; перевозка изъ Самарканда въ Мешхедъ и оттуда обратно въ Самаркандъ стоила большихъ денегъ.

Подробнѣе говоритъ объ этихъ дѣйствіяхъ Надира авторъ обширнаго труда, о которомъ до сихъ поръ не было, повидимому, никакихъ свѣдѣній, Мухаммедъ-Казимъ, везиръ города Мерва. Въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ въ настоящее время находится экземпляръ 2-го (327 листовъ[2] fol.) и 3-го (251 листъ[3] fol.) томовъ этой обширной исторіи Надиръ-шаха; 2-й томъ обнимаетъ событія отъ вступленія Надира на престолъ (1736 г.) до начала войны съ Турціей (1743 г.), 3-й томъ — событія послѣднихъ лѣтъ царствованія, причемъ разсказывается и объ отступленіи персидскаго войска, послѣ полученія извѣстія о смерти шаха, изъ Туркестана. Какъ должностное лицо, жившее въ Мервѣ, авторъ особенно подробно останавливается на событіяхъ, происходившихъ въ этомъ городѣ и вообще въ Средней Азіи (въ походахъ на Бухару и Хиву онъ принималъ участіе), но его разсказы о военныхъ дѣйствіяхъ въ Индіи и на Кавказѣ также очень подробны. Въ одномъ мѣстѣ онъ ссылается на слова своего отца, служившаго въ Дербентѣ и ѣздившаго оттуда въ Кандагаръ, изъ Кандагара въ Туркестанъ, изъ Туркестана въ Мервъ, изъ Мерва въ Багдадъ, изъ Багдада въ Тебризъ[4]. Конецъ сочиненія принадлежитъ не везиру Мухаммедъ-Казиму, но его сыну[5], принимавшему участіе въ отступленіи персидскаго войска изъ Туркестана послѣ смерти шаха. Рукопись, находящаяся въ Азіатскомъ Музеѣ, представляетъ копію, сдѣланную по всѣмъ правиламъ каллиграфическаго искусства, четкимъ и крупнымъ почеркомъ, съ шаблонными иллюстраціями (преимущественно картины битвъ). Встрѣчаются поправки и приписки на поляхъ, сдѣланныя другой рукой, можетъ быть, рукой автора.

Побѣды Надиръ-шаха надъ Абулфейзъ-ханомъ бухарскимъ и Ильбарсъ-ханомъ хивинскимъ были одержаны въ 1740 г.; кромѣ разсказа нашего автора и другихъ (менѣе подробныхъ) персидскихъ источниковъ мы

---

[1] Изъ этой подробности видно, что рѣчь идетъ о небольшихъ отколовшихся кускахъ, а не о большихъ частяхъ расколовшагося камня.

[2] Изъ нихъ 1-й и послѣдній бѣлые. На бѣломъ листѣ заглавіе كتاب نادرى.

[3] Изъ нихъ 1-й бѣлый, на немъ заглавіе نادرنامه.

[4] III, 126 a: محرّر ومؤلّفرا والدى بود در دمير قابئى دربند خدمتى بدان رجوع شده بود وازانجا به تنهائى بقندهار واز قندهار بتركستان وازانجا وارد مرو واز مرو به بغداد رفته واز بغداد وارد تبريز شد

[5] Начало III, л. 195 a: مسوّد اين اوراق وليد نر محمد كاظم وزير معروض ميدارد.

имѣемъ объ этихъ событіяхъ разсказы историковъ бухарскаго (Мухаммедъ-Вефа Керминеги) и хивинскаго (Муниса)[1], также еще не изданные. По словамъ Мухаммедъ-Казима, дѣйствительный правитель Бухары (власть хана была въ то время только номинальной) Хакимъ-аталыкъ доложилъ шаху передъ его уходомъ о мятежномъ настроеніи узбецкаго рода Юзъ, занимавшаго Самаркандъ; Надиръ-шахъ послалъ туда Лутфъ-Али-хана во главѣ отряда въ 20.000 человѣкъ; тому же отряду было поручено взять и привезти въ Персію «камень гробницы эмира Тимура гургана, состоявшій изъ одного куска нефрита, вмѣстѣ съ двойными воротами изъ сплава семи металловъ[2], находившимися въ мечети Ханымъ».

(II, 266 б) وسنك قبر امير تيمور كوركانرا كه از يكپارچهٔ يشم است با يك زوج
در هفت جوش كه در مسجد خانم وهمشيرهٔ (sic) [3] مرحوم مغفور نصب كرده اند بر
داشته در حيّن آمدن بارض فيض‌مدار بياورند

Лутфъ-Али-ханъ нашелъ Самаркандъ пустымъ, кромѣ небольшого числа жителей (около 1.000 семействъ), поселившихся въ цитадели[4]; военныя силы узбековъ находились на Сыръ-дарьѣ, куда и двинулись персы и въ короткое время привели враговъ къ покорности. Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій Лутфъ-Али-ханъ вернулся въ Самаркандъ. «Такъ какъ государемъ міра было дано такое повелѣніе, чтобы взять камень надгробія эмира Тимура гургана, состоявшій изъ одного куска нефрита, и двойныя литыя ворота, находившіяся въ мечети Ханымъ, жены этого государя, нагрузить ихъ на пушечные лафеты и привезти въ священный Мешхедъ, то согласно этому приказу, требовавшему исполненія, рабы шаханшаха, по своему высокому положенію подобные плеядамъ, нагрузили на пушечные лафеты тотъ камень вмѣстѣ съ воротами и увезли въ землю средоточія милости (Божіей)».

(II, 282 a) چون حسب الامر داراى جهان چنان بنفاذ پيوسته بود كه سنك مرقد
امير تيمور كوركانى كه از يكپارچهٔ يشم است و يكزوج در قاپئ ريخته كه در مسجد خانم
حرام [5] خاقان مرحوم مذكور نصب است انتزاع داده ودر بار عرّاده كرده بمشهد مقدّس
بياورند نظر بفرمان واجب الاذعان بندكان ثريّامكان شهنشاهى سنك مذكوررا مع در
در بار عرّادكان كرده نقل بارض فيض‌مدار ساختند

---

[1] О хивинской исторіи см. MélAs. X, 278 и Кауфманскій Сборникъ (Москва 1910), стр. 3 и сл.

[2] Металлы перечислены въ словарѣ Буллерса при словѣ هفت (т. II, стр. 1457 б).

[3] Въ рукописи слово همشيره зачеркнуто и надъ нимъ другой рукой написано جامع كه شهرت بمدرسه. Очевидно, по мысли автора должно было стоять: مسجد جامع كه شهرت بمدرسهٔ خانم دارد.

[4] II, 281 a: چون آبادى وجمعيّت در آن مملكت نبود در ميان ارك آن حصار بقدر يكهزار خانه‌وار از جماعهٔ فقرا ورعايا ساكن بودند.

[5] Слово حرام въ рукописи вписано другой рукой вмѣсто выскобленнаго слова, вѣроятно, همشيره.

Лутфъ-Али-ханъ черезъ Мервъ, Хауз-и-ханъ и Серахсъ достигъ Мешхеда, гдѣ сталъ ждать шаха. Надиръ прибылъ въ Мешхедъ[1] послѣ довольно продолжительныхъ остановокъ въ Мервѣ (днемъ его отъѣзда изъ этого города было 16-ое шавваля 1153 — 4 января н. ст. 1741 г.), Абивердѣ, Дерегезѣ и Келатѣ. Въ Мешхедѣ ему показали привезенные предметы. «Когда обладатель счастливаго созвѣздія, завоеватель міра, осмотрѣлъ тотъ камень и ворота, онъ на нѣкоторое время задумался, прочиталъ фатиху для успокоенія души эмира Тимура, обладателя счастливаго созвѣздія, и сказалъ: Нынѣ міръ, подобно шару, вертится въ моей рукѣ. Онъ сдѣлалъ камень своей гробницы изъ нефрита; мы выдѣлываемъ одну кольчугу изъ стали, другую изъ краснаго золота, осыпаннаго драгоцѣнными камнями, и сдѣлаемъ изъ нефрита полъ и облицовку нижней части стѣны куполообразнаго зданія. Тотчасъ онъ поручилъ правителямъ и начальникамъ областей увезти тотъ камень и ворота изъ священной земли и везти ихъ, отъ станціи до станціи, до славнаго города Бухары, оттуда, согласно приказанію Абулфейзъ-хана, привезти въ столичный городъ Самаркандъ и помѣстить на своемъ мѣстѣ такъ, какъ было раньше».

(II, 286 б) چون صاحبقران گیتی‌ستان ملاحظهٔ آن سنك ودررا نمود ساعتی تامّل کرده فاتحه بروح امیر تیمور صاحبقران خوانده فرمود که امروز جهان چون کوی در دست ما در گردش است واو سنك قبر خودرا از یشم نموده ما زرهی از پولاد وزرهی از زر سرخ مرصّع میسازیم وفرش وازارهٔ گنبذرا یشم خواهیم نمود در ساعت بعهدهٔ حکّام وضابطین ولایات مقرّر داشت که آن سنك ودررا منزل بمنزل از ارض اقدس حرکت داده به بلدهٔ فاخرهٔ بخارا برند وازانجا حسب الفرمودهٔ ابو الفیض خان بدار السلطنهٔ سمرقند برده بر نهج اوّل در جا ومکان خود قرار دهند

Разсказъ нашего автора не даетъ намъ прямого отвѣта на вопросъ о причинахъ, побудившихъ Надиръ-шаха вывезти изъ Самарканда нефритъ и ворота и потомъ отправить то и другое обратно. Изъ словъ, приписанныхъ авторомъ шаху, можно вывести заключеніе, что Надиръ хотѣлъ воспользоваться нефритомъ и воротами для своихъ построекъ, потомъ отказался отъ этой мысли. Постройки воздвигались имъ въ Дерегезѣ, въ мѣстѣ его рожденія (у Мухаммедъ-Казима مولدخانهٔ نادری, у Абдулкерима مولودگاه[2]),

---

[1] По Мехди-хану (тебризское изд. 1266 г., стр. 135) въ концѣ шавваля (до 18 янв. н. ст. 1741 г.), по Абдулкериму (Khojeh Abdulkurreem, 73) 19-го зу-л-ка'да (5 февр.).

[2] По Абдулкериму (64 и 72) именно это мѣсто получило названіе Хиваабадъ (или Хивакабадъ), вслѣдствіе поселенія тамъ вывезенныхъ изъ Хивы персидскихъ плѣнныхъ. Нашъ авторъ тоже разсказываетъ объ основаніи Хивакабада (II, 285 а), но не отождествляетъ его съ мѣстомъ рожденія Надира.

въ Келатѣ и въ Мешхедѣ. Въ Келатѣ[1], по словамъ Мухаммедъ-Казима, шахъ готовилъ себѣ гробницу изъ чернаго камня (سنك سياه); туда же по его приказанію былъ привезенъ мраморъ изъ Азербайджана и было перевезено нѣкоторое число людей (3.000 семействъ) изъ города Мераги той же области (II, 285 а). По поводу словъ о кольчугахъ интересно сообщеніе нашего автора, что среди подарковъ, поднесенныхъ Надиръ-шаху въ 1740 г. въ Бухарѣ, были мечъ и желѣзный нагрудникъ Тимура, шлемъ и кольчуга Чингизъ-хана[2]; едва ли, конечно, эти предметы вооруженія были подлинными. Мечъ Тимура видѣлъ въ 1903 г. Джексонъ въ тегеранскомъ дворцовомъ музеѣ[3].

В. Бартольдъ.

---

[1] По Абдулкериму (71 сл.) шахъ строилъ для себя гробницу въ Мешхедѣ. «Куполообразное зданіе» воздвигалось имъ въ мѣстѣ его рожденія, причемъ тамъ были поставлены три золотыхъ сосуда, одинъ надъ другимъ, и надъ ними была помѣщена сабля.

[2] II, 262а: ازان جمله يكى شمشير ويكى چهارآينهٔ امير تيمور كوركان ومغفر وزره جنكيز خان بود.

[3] A. V. W. Jackson. Persia past and present, New York—London. 1906, p. 422.

Замѣчанія на „Пословицы крымскихъ татаръ", изданныя П. А. Фалевымъ [1].

Въ «Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной коммиссіи» изданы подъ редакціей А. Н. Самойловича и П. А. Фалева «Пословицы, поговорки и примѣты крымскихъ татаръ, собранныя гг. А. А. Боданинскимъ Мартино и О. Мурасовымъ» [2].

Пословицамъ предпослано обширное предисловіе П. А. Фалева, заканчивающееся краткой библіографіей пословицъ (стр. 1—26). Содержаніе предисловія разносторонне: здѣсь П. А. Фалевъ говоритъ о пріемахъ изданія; извлекаетъ изъ рукописи собирателя (О. Мурасова) свѣдѣнія о состязаніяхъ пословицами въ Крыму; намѣчаетъ, наконецъ, рядъ вопросовъ, которые возникаютъ при изученіи пословицъ (соприкосновеніе между пословицами и пѣснями, вліяніе «ашиковъ», исторія отдѣльныхъ пословицъ и поговорокъ, и т. д. [3]). Конечно, вопросы эти отъ окончательнаго рѣшенія далеки, какъ это сознаетъ (на стр. 23) и авторъ. Но на всей работѣ лежитъ печать вдумчивости; пословичный турецкій матеріалъ распредѣленъ по главамъ, облегчающимъ поиски [4], подобраны (кое-гдѣ) османскіе ва-

---

[1] Статья просмотрѣна въ корректурѣ А. Н. Самойловичемъ, которому принадлежатъ примѣчанія, отмѣченныя буквами А. С. *Ред.*

[2] Вып. 52, Симферополь, 1915, стр. 1—67. — Чрезъ какіе фазисы прошло изданіе, — видно, отчасти, изъ протоколовъ Коммиссіи, см. «Извѣстія», № 49, стр. 247, № 50, стр. 293, № 51, стр. 336. Судя по послѣднему протоколу и по первой сноскѣ къ предисловію П. А. Фалева, въ которой выражается благодарность А. Н. Самойловичу за содѣйствіе, послѣдній редакторомъ изданія не состоялъ.

[3] Что касается лингвистическихъ замѣчаній, укажу, что мнѣ также приходилось въ Турціи слышать форму «каре» (стр. 3—4), см. также дальше въ пословицѣ № 176 «jaресi»; слово «кöпеджiк» (какъ уменьшительное отъ «кöпек» — собака) по османски не употребляется (стр. 6, примѣчаніе 3); хотя В. Х. Кондараки и передаетъ слово «илляхи» черезъ два «л» (стр. 17, примѣчаніе 5), но это — невѣрно.

[4] Внутри главъ пословицы идутъ въ алфавитномъ порядкѣ. Впрочемъ, какъ во всякой системѣ, произвольность не устранена совершенно; напр., дважды напечатанная пословица (подъ №№ 37 и 644) попала въ разныя главы.

ріанты (по сборнику Теке-задэ Саида «Дурӯб-і емсāl-і тӯркіје»). Въ лицѣ П. А. Фалева передъ нами новый турکологъ, обнаруживающій живой интересъ и начитанность въ памятникахъ народной литературы турецкихъ племенъ. Естественно, поэтому, желаніе задержаться подробнѣе на разборѣ «Пословицъ крымскихъ татаръ».

I.

Основныя черты турецкихъ пословицъ.

Для турка пословица представляетъ какъ бы завѣтъ предковъ потомкамъ, это — «слово предковъ», въ которомъ закрѣпленъ жизненный опытъ. Линія поведенія опредѣляется, такимъ образомъ, для потомка традиціей.

На эту сторону характера османцевъ обратилъ уже вниманіе въ XVI вѣкѣ цесарскій посолъ къ султану Сулейману Великолѣпному, баронъ Бусбекъ. Описывая заимствованные у грековъ обряды христіанскіе (освященіе морскихъ водъ передъ плаваніемъ), наблюдательный путешественникъ замѣчаетъ: «Они все еще держатся хорошаго мнѣнія о своихъ предкахъ; они говорятъ, что знаніе предковъ было болѣе глубоко, чѣмъ у нихъ, и потому благоразумнѣе оставлять все такъ, какъ они что нашли, — какъ бы это ни было вредно, — чѣмъ вносить измѣненія»[1].

Подчиненіе воли «словамъ предковъ» обезличиваетъ человѣка, и полное отсутствіе иниціативы производитъ впечатлѣніе наивности, граничащей съ анекдотической глупостью. Это сознаетъ уже и турокъ, «умъ котораго приходитъ потомъ» (см. 492, также 491). Классическій примѣръ наивности разсказанъ Бусбекомъ[2]. Гдѣ-то за Ангорой, на берегу рѣки Кызылъ-Ырмака онъ повстрѣчалъ крестьянина, который на вопросъ, какъ у нихъ ловятъ птицъ, отвѣчалъ, что поймать птицу имъ никогда не случалось; онъ только знаетъ, что птицы эти привыкли улетать, какъ только къ нимъ приблизиться.

Такъ перекидывается мостъ отъ прошлаго къ будущему, и находя въ пословицѣ отвѣтъ на запросы жизни, турокъ думаетъ, что исторія повторяется, что жизнь совершаетъ неизмѣнный круговоротъ, потому что неизмѣнна человѣческая природа. Между нравственнымъ обликомъ человѣка и его физическимъ строеніемъ находится полное соотвѣтствіе; чистота физическаго типа выявляется въ благородствѣ, наоборотъ, злая природа только указываетъ на дефекты физическіе. Понятно, съ этой точки зрѣнія, дѣленіе народа на «бѣлую кость» и «черную кость».

---

[1] Lettres du baron de Busbec. Переводъ аббата De Foy. Парижъ. 1748, т. II, стр. 111.

[2] Тамъ же, т. I, стр. 159. — Выше разсказанъ аналогичный отвѣтъ о ловлѣ рыбы: какъ только запустить руку въ воду, чтобы схватить рыбу, — немедленно она убѣгаетъ.

Духъ и матерія, характеръ и наружность для турка заключаютъ отраженіе закона о неизмѣнности природы.

Мысль эта, впрочемъ, была ясна уже давно; Эзопъ (изд. C. Halm'a, № 13) въ баснѣ объ эѳіопѣ—черномъ рабѣ—училъ, что «природа остается такой, какой была прежде», что нравственное совершенство невозможно для человѣка, природа котораго порочна. Воззрѣнія на неизмѣнность человѣческой природы выпукло раскрываются въ кодексѣ турецкой народной мудрости — въ пословицахъ [1].

«Отъ неразумнаго не бываетъ вѣрности, отъ благороднаго мужа — мученія» (151).

«Если умъ не вошелъ съ молокомъ матери, — онъ не войдетъ съ коровьимъ молокомъ» (157).

«Змѣя мѣняетъ свою шкуру, а не нравъ» (547).

«По матери выбирай дѣвицу, по основѣ — полотно» (286).

«Птица дѣлаетъ то, что видитъ въ своемъ гнѣздѣ» (559).

Въ пословицахъ, такимъ образомъ, опредѣленно развито ученіе о наслѣдственности. Наблюденія эти вѣрны не только для человѣка, но и для всей органической природы:

«Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ» (590).

На зло, впрочемъ, природа человѣческая болѣе податлива, оно воспринимается, какъ будто, скорѣе:

«Не прикасайся къ котлу,—запачкаешься; не приближайся къ злому, — отъ него пристанетъ бѣда» (112).

На Алтаѣ, правда, говорятъ:

«Съ добрымъ поведешься, — добро переймешь,
Съ худымъ поведешься, — худое переймешь» [2],

но эта пословица стоитъ все-таки одиноко, и общее наблюденіе сохраняетъ силу.

Если неизмѣнна природа, то и человѣкъ въ своихъ нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ долженъ быть неизмѣнно твердъ [3]. Вѣрность въ дружбѣ (476), уваженіе къ родителямъ и старшимъ (113, 294, 298); усидчивость и трудолюбіе (364, 408) — естественные логическіе выводы изъ основного взгляда на жизнь. Жители Крыма прекрасно усвоили

---

[1] Въ основу характеристики взятъ матеріалъ изъ «Пословицъ крымскихъ татаръ»; цифрами обозначаются нумера пословицъ.

[2] В. Вербицкій. Алтайскіе инородцы. М. 1893, стр. 192; также у киргизовъ, Н. Пантусовъ, *Учен. Зап. Казан. Унив.*, 1897, № 4, пословица № 82.

[3] «Надо играть честно!», «Надо жить честно!», — вотъ основной принципъ турка, вѣрно схваченный М. Горькимъ, который влагаетъ эти слова въ уста татарина «На днѣ».

твердость татарина въ словѣ, и на-слово заключаютъ съ нимъ всевозможныя сдѣлки. Литовскій митрополитъ Сестренцевичъ, наблюдавшій Крымъ въ XVIII вѣкѣ, говоритъ, что никто не спорилъ о первенствѣ, но дворяне, знатнѣйшіе по роду, уступали часто мѣсто дворянину низшей степени, если онъ былъ значительно старше ихъ лѣтами[1]. Кое-что, однако, въ этой «традиціонной» характеристикѣ турка уже уступка времени; такъ, на зарѣ исторіи, несомнѣнно, старики не пользовались почетомъ; это замѣтили уже китайцы[2]. Алтайская пословица, сохраняющая черты архаичности, говоритъ о презрѣніи къ старикамъ, какъ о чемъ то естественномъ: въ обществѣ они уже негодны, какъ старая лошадь[3]. Въ пословицѣ чувствуются отголоски обычая убиванія стариковъ.

Честно жить, однако, бываетъ иногда трудновато.

«Говорящій правду не угодитъ и отцу» (90).

«Кто говоритъ правду, того выгоняютъ изъ девяти государствъ»[4].

Цифра «девять», эпическая турецкая цифра, указываетъ, конечно, на то, что правда нетерпима во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Однако, необходимость правдивости отъ этого не колеблется; турку все-таки чуждъ житейскій оппортунизмъ образованнаго перса Саадія, который совѣтуетъ (въ «Гюлистанѣ») не откровенничать съ другомъ, изъ опасенія, чтобы впослѣдствіи — во время ссоры — тотъ не использовалъ слабыхъ сторонъ своего пріятеля[5]. Турецкая пословица, впрочемъ, вовсе не рекомендуетъ неосмотрительной словоохотливости (ср. особенно 125), это противорѣчило бы природѣ турка, который во всемъ любитъ степенность, медлительность. «Јаваш, јаваш!» (потихоньку, потихоньку), успокаиваетъ онъ не въ мѣру разошедшагося собесѣдника; на этомъ принципѣ построена была въ Турціи и международная политика Порты, которая оттягивала постоянно реформы. Турокъ знаетъ цѣну слова:

«Разъ скажи, а два раза выслушай» (72).

«Говори, прикусивъ языкъ» (84).

«Вѣрь больше своимъ глазамъ, чѣмъ чужимъ рѣчамъ» (68).

«Слова навлекаютъ на человѣка несчастье» (226).

Здѣсь, быть-можетъ, сказывается уже горькій опытъ.

---

[1] Османцы уже подзабыли этотъ обычай и, вспоминая, высмѣиваютъ татаръ: «татар бабасыны сатар» (татаринъ продаетъ своего отца); Вефикъ-паша. Изборникъ пословицъ, Константинополь, стр. 101.

[2] В. Радловъ. Къ вопросу объ уйгурахъ. СПб. 1893, стр. 78.

[3] В. Радловъ. Образцы, т. I, стр. 2, пословица 18.

[4] В. Х. Кондараки. Универсальное описаніе Крыма. Ч. XIII. СПб. 1875, посл. 56.

[5] Противъ довѣрчивости высказывается уже фараонъ Аменемхетъ I (XI дин.). Б. Тураевъ, Исторія Древняго Востока. I², 225.

Поэтому поспѣшность строго осуждается туркомъ, — она никогда не доводитъ до добра (15). Лишнее слово влечетъ за собою драку (264), «говорящій много ошибается» (139).

Вѣроятно, эта медлительность проистекаетъ изъ представленія (обычнаго у народовъ Востока) объ ограниченныхъ способностяхъ татарина и турка.

«Умъ татарина приходитъ потомъ» (492).

Чтобы какъ-нибудь смягчить горечь этого сознанія, татаринъ склоненъ высказываться такъ и о сосѣдяхъ:

«Русскій вспомнитъ поздно, а татаринъ — когда нельзя помочь»[1].

Однако отъ доктринерства и резонерства турокъ все таки далекъ, жизнь сложна, она требуетъ отъ человѣка компромиссовъ, уступокъ:

«Кто ищетъ друга безъ недостатковъ, тотъ остается безъ друга» (127).

Такъ, вокругъ человѣка замыкается кольцо: человѣкъ неизмѣненъ въ жизни, потому что на немъ отражается общій законъ природы, природа неизмѣнна, потому что и надъ ней царитъ суровый законъ неизмѣнности, предопредѣленной изначала,—законъ неотвратимости, рока. Здѣсь лежитъ разгадка консерватизма національнаго турецкаго характера, разгадка фатализма:

«Что начертано на челѣ, то увидятъ глаза» (16).

II.

Значеніе пословицы въ османской литературѣ.

Съ пословицей турокъ сроднился; она проникла во всѣ виды словеснаго творчества (очень много, напр., пословицъ у Абулъ-Гази)[2]. Но здѣсь я ограничиваю свою задачу указаніемъ значенія пословицы въ литературѣ османцевъ.

Принято говорить (Гиббъ), что персидская поэзія, обладая «могуществомъ Горгоны», убила въ османской поэзіи проблески самобытности. Персидскіе перепѣвы заполнили въ Турціи придворную поэзію; все, что тянулось къ меценатамъ, поддѣлывалось подъ настроеніе и вкусы двора.

Такъ ли, однако, глубоко захватила эта придворная поэзія широкіе общественные круги? Народъ въ массѣ былъ неграмотенъ или, во всякомъ случаѣ, малограмотенъ, вычурные образы, навѣянные персидской поэзіей, были для него непонятны. У него была своя литература, мало еще, впрочемъ, изученная: религіозныя потребности удовлетворялись, отчасти, религіозными поэмами («Мевлюд-и Наби» Сулеймана Челеби, «Мухаммедійэ» Языджи-

[1] В. Х. Кондараки, цит. соч., пословица 21.

[2] Пословицы имѣются въ древнѣйшемъ памятникѣ мусульманско-турецкой литературы, въ «Кутадгу-Биликъ» (XI в.). *А. С.*

оглу и др.), гдѣ въ реальныхъ, иногда чувственныхъ, краскахъ описывались и заповѣди, и эсхатологическія представленія; но, главнымъ образомъ, распространены были въ народѣ простыя по формѣ религіозныя стихотворенія, выходившія изъ дервишествующихъ, можетъ быть, даже сектантскихъ круговъ. Вмѣсто утонченной поэзіи народъ находилъ эстетическое наслажденіе въ дестанахъ, разнообразнаго содержанія: здѣсь были и эпическія описанія богатырскихъ подвиговъ сказочныхъ героевъ или разбойниковъ, юмористико-сатирическое изображеніе темныхъ сторонъ бытовыхъ явленій; были и дестаны, замѣнявшіе, такъ сказать, газету, фиксируя событія, только-что случившіяся и поразившія мысль народа (напр., описаніе пожара). Тѣневой (карагёзовскій) театръ, въ настоящее время обратившійся въ забаву для дѣтей, несомнѣнно, имѣлъ прежде значеніе политическое; въ пьесахъ, устами карагёзчика, выражалось общественное мнѣніе или настроеніе по поводу политики, внутренней и внѣшней. Печатный станокъ убилъ въ Турціи эту полународную литературу [1], и изученіе рукописей, вѣроятно, только отчасти возстановило бы передъ нами картину народной литературной жизни (больше надежды, конечно, на отысканіе религіозныхъ народныхъ произведеній).

Но между тѣмъ какъ отъ дестановъ, народнаго театра и т. д. писатель, поднявшійся до верховъ литературы, проникшій въ литературные «хальветы», отворачивался, — пословица, по своему нравоучительному характеру, оказывала на него болѣе сильное дѣйствіе, и поэты давно уже рѣшались обращать на пословицы вниманіе общества, — высшихъ круговъ его. Благодаря этому для сужденія о пословицѣ османской (въ ея прошломъ) мы располагаемъ исторической перспективой, при изученіи пословицы мы могли бы, иногда, выяснить время перваго появленія на османской почвѣ пословицы, установить, быть-можетъ, измѣненія во внѣшней формѣ пословицы.

Одна изъ первыхъ попытокъ стихотворной переработки пословицъ принадлежитъ современнику поэтессы Михри-хатунъ, Гювахи [2], — составившему сборникъ, обычно извѣстный подъ именемъ «Пендъ-намэ» (Книга увѣщаній) [3]. Пословицами вообще охотно пользуются поэты XVI вѣка, напр., Месихи въ «Шехръ-энгизъ» («Смутьянѣ»). Тяготѣніе къ пословицамъ осо-

[1] Въ одномъ изъ памятниковъ этой литературы, именно въ «Жизнеописаніи Сейидъ-Баттяля» встрѣчаются пословицы. *А. С.*

[2] А. Е. Крымскій (Исторія Турціи и ея литературы. М. 1910, стр. 62) хочетъ установить другое произношеніе «Гявахи»; мнѣ кажется, что форма «Гювахи», которая, по его же словамъ (тамъ же, примѣчаніе 2-е) болѣе употребительна, правильнѣе, какъ стоящая въ связи съ персидскимъ словомъ گُواه (свидѣтель).

[3] Отчасти сборникъ этотъ вошелъ въ собраніе пословицъ (500), изданныхъ, подъ редакціей O. Schlecta-Wssehrd, Восточной Академіей въ Вѣнѣ (Osmanische Sprichwörter. Wien. 1865, XII+180).—Пословицы, какъ сказано въ предисловіи, извлечены изъ двухъ рукописныхъ сборниковъ и изъ Гювахи. Изданіе состоитъ изъ текста, транскрипціи, перево-

бенно замѣтно у поэтовъ, которые вели веселую жизнь и не признавали условностей литературнаго языка. Поэтъ-гуляка Ревани (XVI в.) на упреки въ растратѣ богоугодныхъ приношенiй, назначенныхъ для Мекки, отвѣчалъ пословицей: «Кто держитъ въ рукахъ медъ, тотъ и палецъ облизываетъ»[1], и др. Поэтесса Михри-хатунъ начинаетъ одно стихотворенiе словами:

«Хоть всѣ говорятъ, что коротокъ умъ женщинъ»...[2].

Пословицы попадаются и у поэтовъ XVII вѣка: Вейси, напримѣръ, въ знаменитой касыдѣ «Насихат-и Исламбулъ» упоминаетъ ходячую на Востокѣ—у османцевъ, грековъ, армянъ—пословицу «рыба тухнетъ съ головы[3]». Бывало, что стихи поэтовъ шли въ народъ, такъ, пословица «Придешь съ деньгами въ рукахъ, скажутъ: эфенди приглашаетъ, а съ пустыми руками—скажутъ: эфенди почиваетъ» сочинена поэтомъ XVI вѣка Энделиби[4], и др.; пословичныя выраженiя поэта XVIII вѣка Сюмбюль-задэ Вехби цитуются иногда въ сборникѣ пословицъ Шинаси.

Первое знакомство съ османскими пословицами въ Европѣ восходитъ, повидимому, уже къ XV вѣку. Вольные и невольные путешественники въ Турцiю сохранили въ сочиненiяхъ упоминанiя (правда, случайныя) о пословицахъ. Такъ, напримѣръ, т.-наз. мюльбахскiй студентъ (XV в.) сообщаетъ commune proverbium..., quod Karaman beg stabit in aeternum («Караманскiй бей до скончанiя вѣковъ будетъ существовать»)[5].

III.

Исправленiя и разъясненiя; указанiя варiантовъ, турецкихъ и греческихъ.

Пониманiе пословицъ, несомнѣнно, представляетъ большiя затрудненiя: отражая бытъ чужой, отражая иногда, такъ-сказать, «живую старину», онѣ, быть можетъ, утратили уже смыслъ и для крымца; дословный, самъ по себѣ вѣрный, переводъ, оторванный отъ мiровоззрѣнiя народа, конечно, мало объяснитъ значенiе пословицы. Все это прекрасно зналъ П. А. Фа-

---

довъ (нѣмецкаго и французскаго), глоссарiя. Работа произведена была студентами Академiи и потому не безъ крупныхъ недочетовъ въ транскрипцiи и въ переводѣ; книжная форма сохранилась, напр., въ пословицѣ 249: «земан-le ве саман-ile». Изъ рукописныхъ собранiй Вѣнской Восточной Академiи заимствовалъ пословицы для своей хрестоматiи и M. Wickerhauser (Wien. 1853).

[1] В. Д. Смирновъ. Очеркъ исторiи османской литературы. Всеобщая исторiя литературы Корша-Кирпичникова, т. IV, стр. 472.

[2] Тамъ же, стр. 480.

[3] Тамъ же, стр. 502.

[4] В. Смирновъ. Цит. соч., стр. 433.

[5] А. Крымскiй. Исторiя Турцiи и ея литературы. М. 1916, т. I, стр. 166 съ примѣчанiемъ 1-мъ. — А. Е. Крымскiй говорилъ мнѣ, что пословицы двѣ попались ему также въ путешествiи де-ля Брокьера (XV в.).

левъ; вдобавокъ редакторъ былъ стѣсненъ матеріаломъ, который былъ переданъ въ его распоряженіе; онъ долженъ былъ подготовить для печати пословицы, собранныя и (отчасти) переведенныя другими лицами. Полное комментированіе, разумѣется, было бы непосильно ему; все-таки редакторъ могъ бы избѣжать ряда ошибокъ, извращающихъ иногда пословицу, поскольку это зависитъ исключительно отъ правильнаго пониманія текста.

Общіе принципы, принятые П. А. Фалевымъ при переводѣ пословицъ, высказаны имъ въ предисловіи (стр. 7): «При редактированіи я старался, по возможности, сохранить ихъ (гг. Боданинскаго и Мартино) переводъ; измѣнялъ его лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторы сборниковъ переводили не дословно, а по смыслу». Впрочемъ, иногда редакторъ отступалъ отъ этого, такъ, напр., пословица 269 переведена вольно, и картина обмыванія покойника пропала; изрѣдка, при переводѣ не принимается во вниманіе (необычный) порядокъ словъ въ предложеніи, измѣняющій смыслъ, напр., въ пословицѣ 509 [1].

Цѣль моей статьи — скромна: устранить ошибки, вкравшіяся въ изданіе [2], посильно объяснить нѣкоторыя пословицы и ввести, такимъ образомъ, собраніе въ оборотъ для будущаго изслѣдованія; быть можетъ, кое-что изъ моихъ крохъ будетъ и небезполезно. Замѣчанія мои слѣдуютъ въ порядкѣ нумераціи «Пословицъ крымскихъ татаръ».

1. Пословица эта записана была и отъ османцевъ въ Брусѣ моимъ ученикомъ В. М. Заваринымъ, см. также «Изборникъ пословицъ» А. Вефика-паши (منتخبات ضروب آثار سوزی), Константинополь s. a. [3], стр. 25. Вѣроятно, зашла отъ персовъ, у которыхъ также извѣстна (М. А. Гаффаровъ и Вл. Гордлевскій. Персидскія пословицы, Древн. Вост., т. IV, № 2).

---

[1] Можетъ быть, пословицы эти изъ коллекціи О. Мурасова; при группировкѣ пословицъ индивидуальный характеръ собраній пословичныхъ утратился, — пословицы у П. А. Фалева распылились.

[2] Очевидныя опечатки, — къ сожалѣнію, обильныя, — почти не отмѣчаются; конечно, объясняются опечатки просто, — неприсылкой, какъ сообщаетъ мнѣ П. А. Фалевъ, ему для прочтенія корректуръ. За рядъ указаній приношу благодарность преподавателю Лазаревскаго института С. Г. Дзеруньяну и студенту Московскаго университета А. Х. Халилеву.

[3] Сборникъ пословицъ А. Вефика-паши (вышедшій въ 1288 или 1289 г. хиджры) былъ переведенъ и на англійскій языкъ: E J. Davis. Osmanli proverbs and quaint sayings. London. (1898): VIII+401+168. (Текстъ, транскрипція и переводъ 4300 пословицъ). Такъ какъ на обложкѣ собиратель не обозначенъ, переводчикъ (а за нимъ и Th. Menzel, *Der Islam*, IV, стр. 131) ошибочно приписалъ сборникъ Ахмеду Мидхату, но въ принадлежности его Ахмеду Вефику никогда не было сомнѣнія: см. Belin. Bibliographie ottomane. Journal Asiatique 1873, 7-я серія, т. I, стр. 528—529 (ср. также рецензію Barbier de Meynard на сборникъ пословицъ J. Decourdemanche, тамъ же, 1878, 7-я серія, т. XI, стр. 276); также опредѣленно выражается и В. Д. Смирновъ (цит. соч., стр. 526), который въ 1875 г. былъ въ Константинополѣ.

2. Тоже по-османски (Вефикъ-паша, стр. 26).

3. Пословицу перевести лучше: «нельзя опредѣлить *границу* дарамъ Божіимъ».

5, 7. Точь-въ-точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 26).

9. Выраженіе «нішанлы кул» значитъ: мѣченый рабъ, т. е. имѣющій какой-нибудь недостатокъ или примѣту — безбородый, косой, рыжій; въ народномъ представленіи это — человѣкъ опасный[1] (Ср. ниже пословицы 61, 147. Ср. киргизскую пословицу: «Не попадайся въ руки слѣпому, не попадайся подъ глухого». П. Меліоранскій. Киргизскія пословицы и загадки, ЗВО, т. VII, стр. 43, № 31).

10. Тоже по-османски (Вефикъ-паша, стр. 27).

12. Точь-въ-точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 26).

14. Т. е. отъ человѣка зависитъ счастье или несчастье; тоже и по османски, см. Вефикъ-паша, стр. 11, также Вл. Гордлевскій, Образцы, 849.

15. Пословица представляетъ мысль, выраженную въ арабскомъ изреченіи, которое арабы считаютъ даже хадисомъ:[2] العجل من الشيطان; у османцевъ: انّ العجالة من الشيطان (это изреченіе встрѣчается уже у Гювахи: см. J. Hammer, Geschichte der osmanischen Dichtkunst, I, 288). Но, конечно, мысль о вредѣ торопливости — свойственна восточнымъ народамъ, ср. киргизскую пословицу «дѣло торопливаго не удается» (точнѣе: влечетъ вредъ), П. Меліоранскій, № 13, также конецъ № 17; также у сартовъ, армянъ и т. д. Ср. также по османски «бесмеlесіз іше шеjтан карышыр» — въ дѣло (которое начато) безъ молитвы (т. е. неосмотрительно, поспѣшно) вмѣшивается шайтанъ. Вл. Гордлевскій, стр. 56, № 1243.

17. Слово «кіjамет» значитъ еще: шумъ, драка, т. е. «одинъ смотритъ, другой — ѣстъ, — *вотъ и начинается драка, ссора*»; тоже по османски (Вл. Гордлевскій, стр. 17, № 353).

20. Это, пожалуй, не пословица, а повѣріе (магическая формула?): матеріальный ущербъ — произвольно созданный — предохраняетъ какъ бы отъ несчастія (смерти), потому что жизнь человѣка отъ природы уже построена на равновѣсіи между суммой добра и зла. Въ малоазійской сказкѣ о «Козьмѣ Скоробогатомъ», записанной Ф. Гизе (Fr. Giese, Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah. Halle a/S. New York. 1907, стр. 20), лисица утѣшаетъ post factum царскихъ посланцевъ, говоря: «башымыза геlіджек малымыза геlсін! (= геlміш)». Повѣріе это распространено было и въ античной древности, гдѣ на стражѣ закона равновѣсія стояла Немесида; вотъ такъ,

[1] Ср. также замѣчанія Лэна (о слѣпыхъ въ Египтѣ) къ переводу «Тысячи и одной ночи» (Москва, изд. Сытина 1904 г.), т. I, стр. 763.

[2] Въ Бейрутѣ добавляютъ: والتأنّى من الرحمن.

напр., Поликратъ, тираннъ Самосскій, смущенный рѣчами друга своего, Амасиса, объ измѣнчивости счастья, бросаетъ въ море драгоцѣннѣйшій перстень, чтобы утишить зависть боговъ (Геродотъ, III, 39, слѣд.). Ср. также суевѣріе, распространенное между крымскими татарами: «для заболѣвшаго смерть лошади—хорошее предзнаменованіе». Н. Марксъ. Легенды Крыма[1]. М. 1914. вып. II, стр. 26.

22[2]. Искаженъ смыслъ пословицы (сбила, очевидно, оригинальная конструкція съ дѣепричастіемъ на «уб»). «Пусть Богъ, наславъ горе..., не заставитъ искать лѣкарства!». Т. е. пусть Богъ не насылаетъ горя и не заставитъ искать лѣкарства! Пословица эта — османская, по указанію собирателя, О. Мурасова—употребляется безъ второго члена «хекіме дава веріп»: «Аллаһ дерт веріп һекіме-һакіме мўһтадж етмесін».—Въ дѣепричастіи на «уп» скрытъ оттѣнокъ условный.

23. П. А. Фалевъ обращаетъ мое вниманіе, что на стр. 15 переводъ, данный для этой пословицы, — невѣренъ.

25. Т. е. онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

27. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 185).

28. 2-я пословица (сообщенная въ примѣчаніи 5-мъ) извѣстна и османцамъ (Вефикъ-паша, стр. 213).

29. Это — персидская пословица (М. А. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, цит. соч., № 26), проникшая и къ сартамъ (В. П. Наливкинъ. Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка. Самаркандъ. 1898, стр. 164), и къ османцамъ (Вефикъ-паша, стр. 48); извѣстна и караимамъ (В. Радловъ. Образцы, т. VII, № 18).

По поводу этой пословицы не безынтересно вспомнить слова Д. Кантеміра, цит. соч., стр. 207: «...Паче же въ толикой происходятъ суперстиціи, яко псовъ, кошекъ, птицъ и рыбъ, подъ видомъ милостыни, питаютъ, на семъ утверждающе аксіоматѣ: «маглук біlмезсе, гаlік біlўр», ...«на доброхотность дающаго..., а не на взимающаго благодареніе взирающи».

30. Точь въ точь какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 62).

31. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 182).

32. Извѣстна и османцамъ (Вл. Гордлевскій, стр. 57, № 1262).

33. Точь въ точь, какъ у османцевъ (Вл. Гордлевскій, стр. 57, № 1263).

37. По османски говорятъ: «Казык-мы какаджаксын бу дўнјада?» (Не колъ ли собираешься ты вбить на этомъ свѣтѣ?), т. е. не вѣчно же будешь ты жить на свѣтѣ!

---

[1] Пословицы и поговорки, попадающіяся въ текстѣ, сообщаются только въ переводѣ, см. рецензію (мою) на легенды въ *Этногр. Обозр.*, 1915, № 3—4, стр. 119.

[2] По поводу пословицы 21 замѣчу, что упоминаніе камня «джада» въ переводѣ П. А. Фалева произошло по ошибкѣ переводчика: «джедемен» значитъ «большая медвѣдица». *А. С.*

38. Одного происхожденія и караимскій варіантъ (В. Радловъ, VII, № 445). Пословица эта извѣстна и сартамъ; упоминаніе объ Индіи, какъ будто, говоритъ за то, что возникла пословица въ Азіи (у персовъ?).

39. Ср. османскія пословицы (мое собраніе, 989, 1279).

40. Тоже по османски (мое собраніе, 1305). П. А. Фалевъ (въ предисловіи, на стр. 22) возводитъ, повидимому, какъ крымскую, такъ и османскую пословицу къ преданію о муфтіи Джемали, который въ корзинѣ спускалъ мусульманамъ отвѣты на запросы (J. Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman, IV, стр. 361). В. М. Заваринъ видитъ отраженіе преданія въ загадкѣ о Зембилли Ахмедѣ («Османскія загадки, собранныя въ Брусѣ», Древности Восточныя, т. IV). Предположеніе В. М. Заварина, пожалуй, тоже безосновательно (въ загадкѣ сохранилось бы *имя отца* Джемали), потому что общеніе съ людьми, находящимися внизу, посредствомъ корзины, кажется, обычно; обычно оно и на Востокѣ.

Здѣсь, въ пословицѣ, заключаются, очевидно, отголоски разсказа о чудесной корзинѣ, открывающей тайны упоенія; она упоминается уже у поэта Низамія (1143—1203) въ «Семи красавицахъ», см. разсказъ индійской царевны: А. Крымскій. Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи. М. 1912, ч. II, стр. 174 слѣд.; тема о «градѣ упоенныхъ» (шеhр-медhӯшāн), куда поднимаются въ корзинѣ, встрѣчается и въ «Тысячѣ и одной ночи», см. V. Chauvin. Bibliographie des ouvrages arabes, т. V, стр. 242—244. Кайлюсъ извлекъ разсказъ изъ повѣсти османскаго писателя Ламіи (А. Крымскій, цит. соч., стр. 174).

Въ Турціи поговорка «онъ спустился съ неба въ корзинѣ» употребляется родителями, когда они желаютъ отвязаться отъ дѣтей, которыя пристаютъ съ разспросами, какъ они явились на свѣтъ Божій. Азербайджанцы, по сообщенію М. А. Гаффарова, говорятъ: «кöктен зембіl-іle ендірмезlер (или: гöндермезлер)!», т. е. съ неба не спускаютъ (или: не посылаютъ) въ корзинѣ; смыслъ пословицы—прозаическій: нужно трудиться,— не въ корзинѣ съ неба спускается хлѣбъ.

42. Вѣроятно, это—занесенное отъ арабовъ семитское представленіе о лицемѣріи духовенства, проповѣдниковъ и т. д. (всп. евангельскія слова апостола Матѳея); ср. османскую пословицу (мое собраніе, 1288); у караимовъ перенесено на поповъ (В. Радловъ, VII, № 402).

43. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 317); близкій варіантъ по османски: «Намас јабана чікмас» значитъ: Лицемъ къ пустынѣ (т. е. на вѣтеръ, зря) онъ не молится[1]; вѣрный переводъ пословицы крымской данъ В. В. Радловымъ. Опытъ словаря, III, столб. 276.

[1] По моему мнѣнію, османскій варіантъ значитъ: «Молитва зря не пропадаетъ». *А. С.*

47. А. Е. Крымскій указываетъ мнѣ, что онъ слышалъ на Ливанѣ схожую пословицу: «ін касаба 'l-hасӯду, фа-ш-шаjтāну аwlа» («Если выигралъ завистникъ, то шайтанъ и того больше»); пословица эта, повидимому, восходитъ къ хадису: шайтанъ, исконный врагъ рода человѣческаго, торжествуетъ, когда въ человѣкѣ раскрываются отрицательныя стороны характера.

48. На эту пословицу существуетъ у османцевъ разсказъ о Наср-эддинѣ, дочери котораго были замужемъ—одна за земледѣльцемъ, а другая—за черепичникомъ (слышалъ въ 1913 г. въ Малой Азіи отъ армянина, уроженца Сивасскаго вилайета). Тоже у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 340). Ср. персидскую пословицу (М. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 286).—Пословица эта, несомнѣнно,—«сгущенная басня», одинъ изъ древнихъ варіантовъ басни—у Эзопа (изд. C. Halm'a, № 166 «Отецъ и дочери»).

49. Пословица возникла, быть-можетъ, подъ религіознымъ воззрѣніемъ на терпѣніе; точь въ точь и по османски (Вефикъ-паша, стр. 165).

51. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 100).

54. Османское выраженіе «фелеjін (а не: «фелекін») чемберіндеп гечмек» соотвѣтствуетъ русскому «пройти сквозь мѣдныя трубы»; въ смыслѣ: испытать удары судьбы употребляется «фелектеп гечмек» (см. Сами-бей, قاموس تركى, II, стр. 1004).

56. Тоже по османски: «jалыныzлык тек Дженаб-ы Хакка маhсусдур» (Вефикъ-паша, стр. 282).—Ср. пословицу: «jалыныzларын рефікі шеjтан олур» (товарищемъ одинокихъ бываетъ шайтанъ). Вефикъ-паша, стр. 282.

57. Тоже по османски (мое собраніе, № 888 съ примѣчаніемъ 7).

59. Въ значеніи «вставать» въ Крыму употребляется глаголъ «турмак».—Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 20), только вмѣсто «дур»—«гіт» (ступай); я въ значеніи «дур» (вставай) слышалъ въ этой пословицѣ «калк».

60. Есть близкій алтайскій варіантъ (В. Вербицкій. Алтайскіе инородцы. М. 1893, стр. 196).

61. Османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 23)... «капунда ісе, коw дышары» (...а если онъ у твоихъ дверей, гони его вонъ!).

64. Одинаково по османски, Вефикъ-паша, стр. 194; почти также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 365).

65. Тоже по османски, Вефикъ-паша, стр. 21.

66. По-азербайджански выраженію «кашыны бер» соотвѣтствуетъ—«каш кабак туршатмак (или: тöкмек)» окислить брови, вѣки, т. е. строить кислую физіономію.

67. «Дуран», пожалуй, лучше перевести: «кто встаетъ».—Вѣроятно, пословица эта внушена наблюденіями надъ верблюдами.

68. Два рядомъ стоящіе исходные падежа немного подозрительны.— Османецъ еще осторожнѣе, онъ говоритъ: «гöзўне біlе іnанма!» (Не вѣрь даже своимъ глазамъ!).

70. Возникла, быть можетъ, подъ русскимъ вліяніемъ?

72. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 84).

76. Глаголъ «біlмек» здѣсь употребленъ не въ смыслѣ: знать, а цѣнить.

78. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 132, 168).

82. «Бадрак», повидимому,— слово персидское بدرک.

86. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 185). Ср. также: «доҕру јоlдан шашма!» (Не сбивайся съ прямого пути) или (у Вефика-паши, стр. 185) «доҕру јоlдан Аллаһ шашырмасын!».

87. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 185).

89. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 184).

90. О неугодности правды у османцевъ рядъ пословицъ (Вефикъ-паша, стр. 184); изъ-за правды человѣкъ теряетъ даже жизнь: «доҕру (сöј lеjен) адамын тепесі деlік олур»—у правдиваго человѣка макушка дѣлается дырявой (потому что пуля попадаетъ ему въ голову). — Другой крымскій варіантъ у Н. Маркса. Легенды Крыма. М. 1914, вып. II, стр. 19.

94. Тоже (по смыслу) по османски. Вефикъ-паша, стр. 34.

95. Вѣроятно, это — старая турецкая пословица (см. Н. Пантусовъ, № 122 — киргизскій варіантъ, совпадающій съ крымскимъ), также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 4), у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 48).

97. Это — старая пословица; на Алтаѣ записана В. Вербицкимъ, стр. 197, у киргизовъ — Н. Пантусовымъ, № 77; есть и у османцевъ, Вефикъ-паша, стр. 62, арабскій варіантъ (Вл. Гордлевскій, Древн. Вост., IV, посл. 42) говоритъ уже о сирійской религіозной нетерпимости.

99. Пословица, напечатанная въ примѣчаніи (2-мъ), очевидно, была написана арабскимъ шрифтомъ; ее нужно такъ читать: «Халкынг-*малына*, алманынг *далына* гоз *тікме*!» «Деjмек» (такъ напечатано) — глаголъ непереходный, и сочетаніе «гоз деjме» — невозможно.

100. Конечно, «еманет» или «аманат» — какъ это видно хотя бы изъ русскаго языка — и въ Крыму можетъ значить: заложникъ, но проще понять слово въ смыслѣ «вещь, данная на храненіе». Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 43); на ряду со словомъ «һіjанет» (въ народномъ османскомъ языкѣ употребляющимся въ значеніи прилагательнаго) говорятъ еще: «һіjанетlік».

104. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 37; بات, вѣроятно, опечатка вмѣсто بيت, см. Вл. Гордлевскій, стр. 41, № 972).

105. Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 44).

106. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 148, 150).

107. Пословицу эту — «зор-на гузеllік болмас» я понялъ бы такъ: «насильно *милъ* не будешь».

110. Ср. по османски (Вл. Гордлевскій, стр. 13, № 254, слѣд.).

111. Вм. «темпе» нужно, конечно: «тепме» (по-османски и «текме»); также и у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 242).

112. Близокъ варіантъ, сохранившійся у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 430).

114. Въ переводъ пословицы вкралась опечатка: вм. «берущаго» нужно «бѣгущаго».

117. Другіе варіанты этой широко распространенной пословицы указаны у R. Altenkirch'a. Die Beziehungen zwischen Slaven und Griechen in ihren Sprichwörtern. Archiv für slavische Philologie, Band XXX (1908), стр. 358.— Пожалуй, все таки, пословица—происхожденія восточнаго: въ ней, какъ будто, сказывается и восточное раболѣпіе, и восточная система наказанія; персидскій варіантъ у М. Гаффарова, Вл. Гордлевскаго, стр. 17, № 470.

118. Переводъ не совсѣмъ удачный, лучше: «прослывешь отъ того, съ кѣмъ водишься».

122. Есть караимскій (В. Радловъ, VII, № 253) и османскіе варіанты (Вефикъ-паша, стр. 235, Вл. Гордлевскій, стр. 19, № 425).

127. Пословица извѣстна и караимамъ (В. Радловъ, VII, № 364). Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 216).

130. Слово «нефіс» переведено неточно—черезъ «корысть», лучше—страсть, себялюбивыя побужденія.

132. Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 164).

133. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 352). Встрѣчается и у киргизовъ, значитъ, это — старая пословица. П. Меліоранскій, № 17.

137. Пословица извѣстна и на Алтаѣ, однако объ обще-турецкомъ происхожденіи ея говорить, пожалуй, рискованно: естественное наблюденіе надъ человѣкомъ у брода могло возникнуть самостоятельно. Ср. также по османски (Вефикъ-паша, стр. 169).

139. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 117).

141. Ср. по арабски (Вл. Гордлевскій, № 53) и по османски (Вефикъ-паша, стр. 279). — Въ текстѣ или въ переводѣ неисправность: «бурунгы» значитъ: прежній, но въ переводѣ «сегодняшнее (яйцо)», можетъ быть, должно читать «бугункі» (какъ и въ османскомъ варіантѣ пословицы)?—Пословица въ такой же формѣ извѣстна и грекамъ, см. D. Sanders, Das Volksleben der Neugriechen dargestellt und erklärt aus Liedern, Sprichwörtern... Mannheim. 1844, стр. 223, № 37.

143. Собственно: пусть вѣтеръ возьметъ (т. е. развѣетъ) (слова) изъ твоихъ устъ; пословица употребляется по поводу непріятныхъ словъ, исходящихъ отъ человѣка, отъ котораго ничего подобнаго нельзя было ожидать; въ противномъ случаѣ неудовольствіе слушателя выражается рѣзче — въ формѣ зложеланія: «ділін lal олсун, ділін сынсын» пусть языкъ твой онѣмѣетъ, пусть обломается у тебя языкъ[1].

144. Тоже по османски (съ діалектическими уклоненіями): Вефикъ-паша, стр. 14.

145. Ср. по османски (Вефикъ-паша, стр. 123, 52).

146. Вѣроятно, это—старая пословица; извѣстна у узбековъ (М. Терентьевъ, стр. 74).

148. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 20).

150. И по османски (Вефикъ-паша, стр. 195).

151. Въ примѣчаніи (2-мъ) опечатка: не «асмас» а: «азмас».

152. Есть османскій варіантъ къ помѣщенной въ примѣчаніи (3-мъ) пословицѣ (Вефикъ-паша, стр. 196).

154. Можетъ быть, не «акыллы», а «ак(ы)лы».

153. Рядъ варіантовъ подобранъ у R. Altenkirch'a, цит. соч., стр. 351, но онъ затрудняется рѣшать, кто у кого заимствовалъ. — Есть караимскій варіантъ («бін акыллы»): В. Радловъ, VII, № 71.

159. Это, какъ будто,—османскій стихъ.—Варіантъ («арсыз . . .») у G. Jacob'a: Der Bruder Hahn, стр. 73; въ примѣчаніи Г. Якобъ отмѣчаетъ, что въ сборникѣ Дэвиса пословица сообщена въ искаженномъ видѣ, въ оригиналѣ (Вефикъ-паша, стр. 189) пословица ясна: عارسز ندن عارلانور چولده گير صالللانور.

160. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 15).—Другой крымскій варіантъ у В. Х. Кондараки, № 41 «плюнь вверхъ, — упадетъ въ глаза, плюнь внизъ, — замарается борода». Въ греческихъ пословицахъ (R. Altenkirch, стр. 351) мысль та же, но форма другая.

164. Ср. по османски «башында тобрасы (метатеза вм. торбасы) ексік» (Вефикъ-паша, стр. 78).

165. Почти также у караимовъ («іміш» вм. «дыр»). В. Радловъ, VII, № 81. Есть близкій османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 21).

167. Ср. по персидски (М. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 11, № 90).

169. Въ пословицѣ заключенъ намекъ на глупость; ср. османскую сказку о «дуракѣ», который мочится съ дерева, наводя всадниковъ, сидя-

---

[1] Ср. по русски: «Языкъ бы у него обломался» (слышалъ въ дер. Красавкѣ Чернскаго уѣзда).

щихъ внизу, на предположеніе, что это идетъ дождь. J. Kúnos, Oszmán-török népköltési gyüjtemény. Budapest. 1889, I, сказка № 13, стр. 57.

170. Есть османскій варіантъ (Вл. Гордлевскій, стр. 15, № 308) «изъ за одной блохи онъ сжигаетъ одѣяло»; въ этой формѣ пословица могла быть заимствована у грековъ (R. Altenkirch, стр. 36); также у караимовъ (В. Радловъ, VII, 401); вѣроятно, изъ Турціи пословица занесена въ Крымъ; упоминаніе шубы въ крымскомъ варіантѣ говоритъ о восточномъ укладѣ жизни: на Востокѣ охотно носятъ теплое платье и лѣтомъ.

171. Сохранившаяся риѳма («баш» — «јаш»)—въ узбецкомъ (М. Терентьевъ, стр. 74—75) и крымскомъ варіантахъ указываетъ, повидимому, что это — старая пословица.

172. Очень близка къ османской пословицѣ («оҕлан» вм. «бала»): (Вл. Гордлевскій, стр. 3, № 5).

173. Очень близокъ османскій варіантъ (Вл. Гордлевскій, стр. 35, № 831, ср. также пословицы въ сборникѣ Вефика-паши, стр. 93); крымскій варіантъ совпадаетъ съ персидскимъ (М. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 25, № 243).

174. Варіантъ у G. Jacob, Der Bruder Hahn, стр. 53.—Выраженіе «корејім сені!» значитъ: «Ну ка, молодецъ (постарайся)!». Ср. также крымскую поговорку: «Міръ — точильное колесо»: Н. Марксъ, I², стр. 25.

176. Вѣроятно, это—обще-турецкая пословица: извѣстна и на Алтаѣ (В. И. Вербицкій. Алтайскіе инородцы. М. 1893, стр. 194), и у киргизовъ (П. Меліоранскій, № 73), да и на всемъ мусульманскомъ Востокѣ у персовъ и у арабовъ (въ той же формѣ, какъ у киргизовъ—«рана отъ копья»).

178. Вѣроятно, всетаки, пословица зародилась на Востокѣ: неожиданно, спустя долгое время, встрѣчая на пути стараго случайнаго знакомаго, человѣкъ отмѣчалъ неподвижность горъ, возвышающихся надъ ландшафтомъ. Персидскій варіантъ у М. Гаффарова, Вл. Гордлевскаго, стр. 6, № 29, сартскій — у В. Наливкина, стр. 163, османскій — у Вефика-паши, стр. 176; другіе варіанты этой пословицы подобраны у R. Altenkirch'а, цит. соч., стр. 345. R. Altenkirch отказывается установить первоисточникъ.

179. Есть османскіе варіанты (Вефикъ-паша, стр. 104, Вл. Гордлевскій, стр. 42, № 997).

182. Есть почти буквально совпадающій османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 109, Вл. Гордлевскій, стр. 24, № 569).—Пословица, конечно, зашла отъ османцевъ, которые могутъ дѣлать наблюденія надъ верблюдомъ.

183. Мотивъ ранней, преждевременной (въ молодости) смерти обычно разрабатывается и въ османской пѣснѣ (причитаніяхъ).

184. Ср. по османски يولجى يولندن قالمز (Вефикъ-паша, стр. 287).

186. Съ варіантомъ, сообщеннымъ въ 5-мъ примѣчаніи, совпадаетъ османская пословица (Вефикъ-паша, стр. 247).

187. Есть узбецкій (М. Терентьевъ, стр. 71) и османскій (Вефикъ-паша, стр. 137) варіанты. Пожалуй, переводъ возможенъ другой: «Онъ говоритъ, заставляя друзей плакать»..., т. е. въ пословицѣ выражено разочарованіе, ср. заключеніе пѣсни № 13 въ сборникѣ Ф. Гизе, стр. 59.

188. Есть буквальный османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 137); почти также и у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 152.

190. Есть караимскій (В. Радловъ, VII, № 151) и османскіе варіанты: 1) чіј таук, 2) кокмуш таук. Вефикъ-паша, стр. 137.

191. Переводъ непонятный.

192. Есть близкій османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 42).

193. Это — стихъ Саадія изъ «Гюлистана».

194. Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 42) и караимскій (В. Радловъ, VII, № 9).

196. Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 60).

197. Очень близокъ османскій варіантъ (разница только въ порядкѣ словъ): Вефикъ-паша, стр. 61.

199. Большой носъ и у османцевъ — признакъ гордости, ср. выраженіе: «бурну бӧјӳк» (гордый) или пословицу, сообщаемую Эвлія-челеби въ Путешествіи (т. II, стр. 113) «кулун бурнуну сефер кырар» (походъ сбиваетъ спесь у раба, т. е. вообще у подначальнаго). — Вторая половина пословицы (меринъ!) говоритъ, что въ первой — величина носа указываетъ и на мужскую силу.

202. Очень близокъ османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 40).

203. Вѣроятно, это — старая пословица, извѣстна и киргизамъ (Н. Пантусовъ, № 119, вмѣсто «онерсіз» — «джаман кісі»).

204. Въ дополненіе къ примѣчанію 2-му о значеніи соли сошлемся на то, что сказано у насъ въ примѣчаніи къ 22-й персидской пословицѣ собранія М. А. Гаффарова (указ. соч., стр. 5).

206. Вмѣсто «індже» должно быть «інджӳ» (інджі).

207. Буквальный османскій варіантъ у Вефика-паши, стр. 51.

209. Съ варіантомъ, сообщеннымъ въ примѣчаніи, совпадаетъ османская пословица (Вефикъ-паша, стр. 3).

210. Это — старая турецкая пословица, записанная и у киргизовъ (Н. Пантусовъ, цит. соч., № 48); османскіе варіанты: Вефикъ-паша, стр. 53 («аладжа»), G. Jacob, цит. соч., стр. 7; въ примѣчаніи ссылка на сборникъ Саида, Вл. Гордлевскій, стр. 37, № 877 («аладжаҕы»). — По османски слово «ала» (пестрый) понимаютъ иногда какъ арабское слово

اعلى — лучшій, съ оттѣнкомъ сарказма—злой; такимъ образомъ, пословица значитъ: зло человѣка—внутри (въ немъ самомъ), зло животнаго—снаружи.

212. Есть османскій варіантъ (только вм. неупотребительнаго по османски «ашалмас» — «јенмез»; Вефикъ-паша, стр. 53).

214. «Тазр», очевидно, вмѣсто «тазір», соединеніе словъ «јеріндe» (на своемъ мѣстѣ, умѣстный) и «тазр» (неосновательный выговоръ; уловка) — на первый взглядъ необычно.

217. Хотя пословица эта распространена повсемѣстно, все-же она могла возникнуть самостоятельно на Востокѣ, гдѣ женщина почетомъ не пользуется: алтайскій варіантъ у В. Вербицкаго, стр. 196, османскій — у Вефика-паши, стр. 206.

219. Тоже у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 438); у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 3; у османцевъ пословица эта также очень распространена, во второй части добавляютъ еще «бір гӯн» (однажды). — Въ пословицѣ скрывается предупрежденіе противъ обидчика.

220. Точь въ точь, какъ у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 216).

222. А. Х. Халилевъ увѣряетъ, что, насколько онъ помнитъ, пословица эта взята изъ какой-то сказки о дѣвицахъ; «кара кыз» значитъ, конечно,—«несчастная дѣвушка». Когда ей приходитъ чередъ дѣлать, уже оказывается поздно.

224. Первая половина пословицы извѣстна и караимамъ (В. Радловъ, VII, № 426). — «Калач» значитъ: бубликъ. Т. е. старые люди не сразу соглашаются на что нибудь, нужно умѣть приступить къ нимъ.

225. Есть близкій османскій варіантъ («һане» вм. «ода»). Вефикъ-паша, стр. 243.

226. Есть османскій варіантъ, лучше построенный синтаксически («чыкан» вм. «чыканы»). Вефикъ-паша, стр. 230.

227. Есть очень близкій османскій варіантъ («гӧрмејінджe» вм. «кормесе»). Вефикъ-паша, стр. 245.

229. Тоже у османцевъ, см. Вл. Гордлевскій. Османская свадьба. Этнографическое Обозрѣніе, 1914, № 3—4, стр. 1.

231. Вмѣсто «аӈырса» читай: «аӈрыса».

232. Въ пословицѣ отразился взглядъ на безполезность ученья для женщинъ.

234. Та же мысль у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 263), у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 118) и у киргизовъ (М. Терентьевъ, стр. 61).

237. Точь въ точь, какъ у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 247).

239. Въ пословицѣ выражается предпочтеніе, отдаваемое дѣвушкѣ передъ женщиной?

244. Есть османскіе варіанты (Вл. Гордлевскій, стр. 31, № 743 и прим. 3-е); ср. алтайскій варіантъ (В. Вербицкій, стр. 196); киргизскій (Н. Пантусовъ, № 71).

246. Есть османскій варіантъ (вмѣсто аз[hазз]—«севмез»). Вефикъ-паша, стр. 256.

247. Есть османскій варіантъ (Вл. Гордлевскій, стр. 3, № 8, также: Вефикъ-паша, стр. 233 съ продолженіемъ: «ікі гӧзӳ бірден чікар»).

250. Вмѣсто «акылымдан» лучше (безъ вставочнаго гласнаго) — «аклымдан».

254. Есть османскій варіантъ (... «меjвесіз аҕач»). Вефикъ-паша, стр. 277.

257. Въ текстѣ «герісінден» (отъ «гері»!), т. е. папаха у тебя изъ козьей шкуры, и ты ничего больше вѣдать не вѣдаешь.

258. Есть османскій варіантъ («рефікін еjісі-іlе Баҕдада гідіlір»). Вефикъ-паша, стр. 146.

259. Есть османскій варіантъ (... jакыштырыр). Вефикъ-паша, стр. 163. Глаголъ «уjдурур» неправильно переводить: «догадается», лучше «*что-нибудь* да придумаетъ» (т. е. догадается, быть можетъ, и неудачно).

261. Очень близокъ къ пословицѣ, сообщенной въ примѣчаніи, османскій варіантъ Вефика-паши, стр. 157. — Вмѣсто jаптыҕы» лучше бы — «jаптыҕыны».

264. Очень близокъ мой варіантъ (стр. 10, № 178, только, «лаф» вмѣсто «соз»), см. также первую половину пословицы у Вефика-паши, стр. 156. — Смыслъ пословицы: изъ за словъ возникаетъ драка.

265. Въ пословицѣ заключено сравненіе молодца съ рѣкой: оба неспокойны, — кипятъ, бурлятъ.

266. Очень близки османскіе варіанты (вм. катыка — йогуртъ): Вефикъ-паша, стр. 155, Вл. Гордлевскій, стр. 16, № 339, также — у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 339. Арабскій варіантъ въ сказкѣ объ Абу-Хасанѣ Мотѣ: Тысяча и одна ночь. II, стр. 22.

270. Вмѣсто «тонга»—«тоjга»; въ Крыму «тоj»—свадьба, а не пиръ; слово «кlкі», вѣроятно, объясняется дефектомъ рѣчи, гдѣ звукъ «к» вмѣсто«т», т. е. «кlкі»=тlкі, тікі (лисица). Лисій мѣхъ считается однимъ изъ лучшихъ; если хотятъ сказать, что кто-нибудь богатъ,—говорятъ: у него лисья шуба.

271. Есть близкій османскій варіантъ («топал-іlе гӧрӳшен аксамаjа алышыр»): Вефикъ-паша, стр. 182. Вмѣсто «агренур» — «огренур».

274. Въ текстѣ стоитъ дѣепричастіе «дедікче», точнѣе поэтому вмѣсто «если назвать» перевести: «если называть»; «салланыр» переведено тоже неудачно, лучше—«начнетъ раскачиваться, ходить съ развалкой» (кокетничая).

276. Есть такой же османскій варіантъ, конечно, съ замѣной формы на «ган» причастіемъ прошедшаго времени: Вефикъ-паша, стр. 282.

278. Въ пословицѣ скрыто магическое представленіе о тѣсной связи между словомъ и природой человѣка.

282. Выраженіе «алынг беlli» не значитъ, конечно, «извѣстна твоя хитрость»: «алынг» = «hалынг», т. е. извѣстно твое положеніе; когда человѣку 50 лѣтъ, нечего уже ждать отъ него. Возможно, что шутка эта записана неполно: по османски постепенное увяданіе человѣка подмѣчено для возраста въ 60, 70 лѣтъ; такъ говорятъ: «...jетміш — аклы башындан гітміш» — а въ 70 лѣтъ съ умомъ ты прощайся на вѣкъ!.

283. Тоже по османски («аҕламаjан чоджуҕа меме вермезlер»): Вефикъ-паша, стр. 18, и по гречески: R. Altenkirch, стр. 41.

284. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 18).—Эта мысль о «слезахъ бѣдныхъ матерей» выражена въ стихотвореніи Некрасова «Внимая ужасамъ войны», написанномъ во время русско-турецкой войны 1877—78 гг.

286. Почти точь въ точь и по османски (Вефикъ-паша, стр. 28).

У южныхъ турокъ эта пословица была, такъ сказать, «перелицована», — приноровлена къ измѣнившимся условіямъ быта, у киргизовъ въ пословицѣ чувствуется еще удаль охотничьяго быта: «выбирай дочь по матери, изъ перепеловъ выбирай бѣлаго» (М. Терентьевъ, стр. 63). Первая половина извѣстна и грекамъ (R. Altenkirch, стр. 26), но о заимствованіи пословицы не можетъ быть рѣчи.

287. «Ата баласы» лучше бы перевести: «*родовитый* парень».

288. Для пословицы («атаj баласы алтмышка кельмij акыл балык болмас») данъ невозможный переводъ: «Отцовскій сынъ не будетъ умной «акыл»!) рыбой, не достигнувъ 60-ти лѣтъ». Нужно: пока сынъ почтеннаго человѣка не достигнетъ 60-ти, — онъ не войдетъ въ разумъ (собственно: умъ [его] не будетъ совершеннолѣтнимъ (ар. بالغ). Т. е., человѣкъ только въ 60 лѣтъ остепенится какъ слѣдуетъ.

290. Ср. османскую пословицу «ат алырсан, кула ал, аврат алырсан, тулу ал» (Вефикъ-паша, стр. 3).

293[1]. Въ караимскомъ вар. вм. «джалчымас» — «гӱн гӧрмез» (не увидитъ счастья): В. Радловъ, VII, № 44; въ Каз.-татар. (Изв. О-ва ист., арх. и этн., т. XIII, вып. 5): «мантумаз» не уживается; обезсиливаетъ.

294. Въ пословицѣ характерно сочетаніе «баба, ана» (впрочемъ, см. 366) вмѣсто обычнаго въ османскомъ языкѣ «ана, баба» (родители), см.

---

[1] По поводу пословицы 292 см. Н. Ашмаринъ, Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ-мохаммеданъ (Москва 1901), стр. 20 (№ 25, переводъ на стр. 22). *А. С.*

K. Foy, Studien zur osmanischen Syntax (Mittheilungen d. Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin, Jahrgang II, стр. 123—124).

295. Вмѣсто «ушак», пожалуй, лучше бы: «ушап» или «ошап» (т. е. дѣепричастіе на «уб»).

298. Близокъ османскій варіантъ Вефика-паши, стр. 74. — Вмѣсто «клпе» нужно: «кімс».

299. Есть османскій варіантъ (съ перестановкой частей): Вл. Гордлевскій, стр. 50, № 1146 (съ примѣчаніемъ 3-мъ).

300. Выраженіе «кор болмас» не значитъ: «не опозорится», а: «не будетъ несчастливъ».

302. Эта пословица (съ перестановкой частей) отмѣчена и у киргизовъ (М. Терентьевъ, стр. 61); очевидно, это старая пословица. — Въ ней выражена и степенность турка, предпочитающаго тишину, и любовь къ дѣтямъ, въ которыхъ онъ видитъ Божіе благословеніе.

306. Это — старая турецкая пословица; буквально совпадаетъ алтайскій варіантъ, записанный В. Вербицкимъ, стр. 189, также у В. В. Радлова (Образцы, т. I, стр. 3, № 30, у П. А. Фалева, стр. 15 — lapsus «мышь» вм. «собака»).

308. Ср. ту же османскую пословицу про врага: Вл. Гордлевскій, стр. 33, № 774. — Намекъ на завистливость рода, члены котораго боятся возвышенія однихъ надъ другими.

309. Полное совпаденіе первой пословицы, сообщенной въ примѣчаніи, съ османской: Вефикъ-паша, стр. 60.—Почему то слово «евlад» передано чрезъ «потомокъ», нужно — «родной сынъ».

310. Первая половина пословицы извѣстна и по османски («комшунуп .....»): Вефикъ-паша, стр. 221—222.

312. Есть близкій османскій варіантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 31, № 738, также: Вефикъ-паша, стр. 56.—Здѣсь, можетъ быть, отмѣчается наблюденіе надъ баранами: они быстро размножаются, потому что рано встаютъ; да и первое значеніе слова «döl», кажется, «дѣтеныши».

318. Это — старая пословица; записана была на Алтаѣ (В. В. Радловъ, Образцы, т. I, стр. 6, № 89).

319. Т. е., дочь сосѣда такъ же сверкаетъ, какъ кнутовище, обитое оловомъ. — «Колаjлы» (В. Радловъ, Опытъ словаря, II. столб. 587) значитъ: пріятный, подходящій, полезный.

326. Пословица широко распространена на Востокѣ: у узбековъ (М. Терентьевъ, стр. 70), османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 224), арабовъ; однако, вскрывая обычное затаенное нерасположеніе мужниной родни къ невѣстѣ, пословица могла возникнуть самостоятельно.

329. Не заключенъ ли здѣсь намекъ на обиліе плѣнницъ въ Крыму?

330. Есть очень близкіе османскіе варіанты: Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 702, Вефикъ-паша, стр. 26.

331. Очень близокъ варіантъ караимскій (В. Радловъ, VII, № 440), а также варіантъ В. Х. Кондараки (цит. соч., № 62).

333. Слово «кујсуз» (= һујсуз) не значитъ: «безъ дурныхъ качествъ», а «капризный», «злой».

334. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 68).

337. Встрѣчается у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 346) и у киргизовъ (П. Меліоранскій, № 20, А. Диваевъ Турк. Вѣд., 1906, № 113).

338. Т. е., послѣ свадьбы жена уже потеряла всякое значеніе; о женѣ въ свадебномъ ритуалѣ см. Вл. Гордлевскій, Османская свадьба, Этнографическое Обозрѣніе, 1914, № 3—4, стр. 6—7, 21—23.

340. Очень близокъ османскій варіантъ (вмѣсто «созін — «һујун»): Вефикъ-паша, стр. 116.

341. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 14). Близкій варіантъ греческій у R. Altenkirch'a, цит. соч., стр. 39. Алтайскій варіантъ заключаетъ, какъ будто, противоположную мысль, ср. В. Вербицкій, стр. 190 «(Какъ только) хлѣба соли моей стало («болды»!) мало, такъ и голова моя стала плѣшива (отъ заботъ?)».

342. Также по османски (Вефикъ-паша, стр. 32) — Въ пословицѣ заключенъ намекъ на человѣка, который, растративъ деньги, подаетъ потомъ вымышленный счетъ.

343. Есть близкій (болѣе складный) османскій варіантъ («ак акча кара гўн ічін-дір» — бѣлая денежка на черный день): Вефикъ-паша, стр. 39.— R. Altenkirch (цит. соч., стр. 25—26) полагаетъ, что эта пословица зашла къ славянамъ отъ грековъ. Турецкая форма пословицы тождественна съ ново-греческой и южно-славянской.

345. Т. е. дать въ долгъ деньги, — все равно, что носить камень, который въ концѣ концовъ нужно будетъ выбросить.

346. Тоже и по османски: Вефикъ-паша, стр. 22.

348. Въ пословицѣ видно вліяніе религіи (богословской учености), подрывающей устои родового быта.

349. Очень близкій варіантъ османскій у Вефика-паши, стр. 22; грубый османскій варіантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 9, № 151.

351. Тоже и по османски (при чемъ глаголъ «сормак» управляетъ дательнымъ падежемъ; исходный пад. — какъ въ крымской пословицѣ — придаетъ оттѣнокъ выспрашиванія, допроса): Вефикъ-паша, стр. 24.

353. Ср. османскую пословицу («араба кырылынджа, јол гӧстерен чок

олур» — когда сломается арба, много находится людей, которые показываютъ дорогу): Вефикъ-паша, стр. 11.

355. Близокъ османскій варіантъ («артык мал гöз чікармаз»): Вефикъ-паша, стр. 11.

356. Первыя два положенія и въ османской пословицѣ, третье иначе: «кöпрӳ гечені» (мостъ принадлежитъ тому, кто перешелъ его): Вефикъ-паша, стр. 3. — Мосты въ Турціи, перекинутые черезъ рѣчки, протекающія въ горахъ, играютъ, конечно, большую роль въ жизни страны: тутъ прятались (прячутся?) частенько разбойники, и кто благополучно проскользнулъ черезъ опасное мѣсто, уже почиталъ себя счастливымъ. Такъ, думаю, возникли пословицы: «пока переходишь мостъ, и медвѣдя (козу, свинью) назовешь дядей»; объясненіе П. А. Фалева (предисловіе, стр. 21—22) кажется мнѣ натянутымъ.

357. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 3; и по ново-гречески: R. Altenkirch, цит. соч., стр. 32. Смыслъ пословицы еще отчетливѣе вскрывается въ той же пословицѣ, гдѣ только время употреблено «настоящее-будущее»: «інерсін, кузум, інерсін, аттан ешеје бінерсін!».

358. По османски («... гері дöнмез»): Вефикъ-паша, стр. 5; также по персидски (М. А. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 22, № 202).

360. Т. е. голодный ни о чемъ не хочетъ слышать.

364. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 79, Вл. Гордлевскій, стр. 26, № 609.—Слово «баҕ» значитъ не «садъ», а «виноградникъ», «даҕ»— гора, лѣсъ на горѣ. Смыслъ пословицы: ... «а запустишь, обратится въ лѣсную чащу». Выраженіе «даҕа бардым» значитъ: «я пошелъ въ лѣсъ (въ горахъ)».

365. Т. е. пищу, что на базарѣ, всѣ пожираютъ глазами, — пищей (на базарѣ) не насытишься.

368. Есть близкій османскій варіантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 39, № 928.

369. Близкій османскій варіантъ у Вефика-паши, стр. 95.

370. По османски говорятъ: «бöјӳк гемінін бöјӳк тајфесі» (у большого корабля и команда большая): Вефикъ-паша, стр. 96.

Пословица, вѣроятно, заимствована у грековъ, ср. R. Altenkirch, цит. соч., стр. 339 (ναῦς μεγάλη κινδύνους μεγάλους ἔχει).

371. Въ османскомъ варіантѣ вмѣсто «саткан»—«тутан»: Вефикъ-паша, стр. 80, также у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 59; такой же алтайскій варіантъ (В. Вербицкій, стр. 196) и узбецкій (М. Терентьевъ, стр. 72).

373. Есть османскіе варіанты («баскысыз таһтајы .... сеl алыр»): Вефикъ-паша, стр. 79, см. также въ моемъ собраніи, стр. 62, № 1348.

377. Также и по османски: Вефикъ-паша, стр. 95. Форма «гумушіјі»

подозрительна, не винительный же этотъ падежъ отъ искусственно образованнаго прилагательнаго «гумуші»; вѣроятно, нужно: «гумушні».

381. Очень близки караимскій (В. Радловъ, VII, № 134) и османскій варіанты: Вефикъ-паша, стр. 140, также у меня, стр. 25, № 580 (вмѣсто «дост олан»—«конушан»). И крымская, и османская пословицы напоминаютъ стихъ Хафиза, у персовъ вошедшій въ общее употребленіе (М. Гаффаровъ-Вл. Гордлевскій, стр. 32, № 301).

382. Точь въ точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 131.

386. У Вефика-паши, стр. 137 наоборотъ (почти какъ въ пословицѣ, сообщенной въ примѣчаніи): «достлук кантар-ла, алыш-веріш — міскаl-іlе». Также у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 153.

391. Тоже по-османски: Вефикъ-паша, стр. 58.

395. Очень близокъ османскій варіантъ (вмѣсто «беті» — «јӱзӱ»): Вефикъ-паша, стр. 121.—Та же мысль—о связи между природой и наружностью — что и въ пословицѣ 278. «Ак јӱзlӱ» значитъ: чистый, непорочный, въ противоположность: «кара јӱзlӱ».

396. Ср. по османски: «ħісап білмејен касап еlінде не сатыр калыр, не месат» (Вефикъ-паша, стр. 121).—Въ текстѣ стоитъ «насат», что переведено: «огниво»; очевидно, крымское «насат» соотвѣтствуетъ османскому «месат» (= مصاد изъ араб. مشحذ); «месад» означаетъ ножъ мясника.

397. Тоже по османски («евдекі пазарлык чаршыја ујмаз»): Вефикъ-паша, стр. 44. Т. е. домашніе разсчеты (предположенія о цѣнахъ) на базарѣ могутъ оказаться неправильными.

399. Есть османскіе варіанты: «кечіје джан кајгусу, . . .», Вефикъ-паша, стр. 226; («чобана»), тамъ же, стр. 116, Вл. Гордлевскій, стр. 23, № 541, также у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 273; очень близокъ варіантъ киргизскій (П. Меліоранскій, № 33); по всей вѣроятности, это — старая, обще-турецкая пословица.

401. Тоже и по османски: Вефикъ-паша, стр. 167.

402. По османски («. . . гӧнlӱ олунджа кадар, . . .»): Вефикъ-паша, стр. 149, Вл. Гордлевскій, стр. 39, № 926.

404. По османски: «іјне-іlе кују казар» (иглой роетъ онъ колодезь): Вефикъ-паша, стр. 58.

407. Очень близокъ османскій варіантъ («іішін јокса, ...; борджун јокса, . . .»): Вефикъ-паша, стр. 57, Вл. Гордлевскій, стр. 39, № 922.

410. А. Х. Халилевъ слышалъ: «јарашыр». Ср. османскую пословицу «јолджу јолунда герек: аз олсун, уз олсун»: Вефикъ-паша, стр. 287.

412. Такъ же, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 210.

413. Точнѣе: судья сумѣетъ скрыть ошибку свою, сумѣетъ выпутаться.

414. Есть османскій варіантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 16, № 330.

417. Къ пословицѣ, сообщенной въ примѣчаніи, близокъ османскій варіантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 13, № 274. — Вмѣсто «јуварландур» — нужно: «јуварланур».

418. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 12.—Выраженіе «міннет етмек» не значитъ: «служить», а: «быть обязану», «чувствовать себя обязаннымъ».

419. Ср. османскую пословицу: «кашыы-ilе једірір, сапы-ilе гöз чікарыр» (изъ ложки своей кормитъ, а ручкой ея тычетъ въ глазъ): Вефикъ-паша, стр. 209; также по гречески: R. Altenkirch, цит. соч., стр. 24.

420. Въ переводѣ пропущено слово «его» (т. е. мальчика-ученика).

421. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 421).—Саванъ (у персовъ, по крайней мѣрѣ) необходимъ потому, что на немъ человѣкъ въ могилѣ будетъ записывать грѣхи и, закутавъ потомъ шею въ саванъ, предстанетъ на Страшный Судъ: если грѣховъ у него много, то саванъ задушитъ его.

422. Та же пословица по османски построена въ видѣ вопроса: Вефикъ-паша, стр. 228.—Щедрость въ старину внѣдрялась при воспитаніи, какъ необходимое условіе благородства.

423. Слово «ызан» (т. е. hізан)—значитъ: длинная полоса земли.

425. Есть близкій османскій варіантъ «el eli јур, el-де јӳзӳ»: Вефикъ-паша, стр. 40, почти также у меня, стр. 7, № 100.

426. Вѣроятно, эта—старая пословица, въ ней выражено нравственное превосходство бія надъ рабомъ; киргизскій варіантъ (въ переводѣ) изданъ А. Диваевымъ (Турк. Вѣд., 1906, № 113, пословица 19).

427. Тоже по османски («бін дереден . . .»): Сами-бей, Словарь, т. I, стр. 608. — Намекъ на человѣка, который подъ разными предлогами хочетъ отговориться, отдѣлаться.

428. Ср. османскую пословицу «кыркындан сонра öјреніп сексенінде саз чаладжак» (онъ начнетъ учиться на сазѣ, когда ему стукнетъ 40 лѣтъ, и заиграетъ въ 80 лѣтъ): Вефикъ-паша, стр. 213.

431. Ср. по османски: «налбанд-гібі ѓяh налына, гяh — мыкына вурур»: Вефикъ-паша, стр. 264.

432. Т. е., какъ самъ плохъ, такъ и добро его.

433. Т. е., не разсказывай сказки, не ври! — Часто говорятъ въ Турціи: «курт масалы!» (=вздоръ); у Вефика-паши, стр. 219 («курт масалы окур»).

434. «Гöрмек» употребляется не только въ смыслѣ: «видѣть», но и «познать».

435. Не очень удачная пословица.

436. Повидимому, пословица представляетъ «сгущенный» разсказъ о

какомъ-то мурзакѣ на тему о глупости; возможно, что насмѣшливые разсказы о мурзакахъ — притѣснявшихъ народъ — объединились вокругъ ихъ имени уже послѣ паденія Крымскаго ханства.

439. Очень близкій варіантъ сообщаетъ В. Х. Кондараки, цит. соч., № 18 («Сдѣлай такъ, чтобы...»); тоже по османски («јансын», вм. «јанды»): Вефикъ-паша, стр. 267. Смыслъ пословицы — ни прибыли, ни убытка. По османски въ ходу еще выраженіе «чевір, каз јанмасын» (поверни [вертелъ] чтобы гусь не подгорѣлъ), оно встрѣчается въ сказкѣ на тему о состязаніи въ ловкости между разбойникомъ и карманникомъ: выбравъ обворованнаго имъ падишаха въ судьи, воръ въ то же время кричитъ сотоварищу, чтобы онъ внимательно приглядывалъ за гусемъ (см. сборникъ сказокъ «Біllёр кёшкь»).

440. Тоже по османски (въ прошедшемъ категорическомъ): Вефикъ-паша, стр. 66, Вл. Гордлевскій, стр. 29, № 681.

441. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 53 («бѣлила»).

442. Тоже по османски («ортак чок олунджа, зарар аз олур»): Вефикъ-паша, стр. 65.

443. По османски пословица эта имѣетъ еще продолженіе (... «коч јіјіт bel bellep»): Вефикъ-паша, стр. 97.

445. Тоже по османски («сакал быјыа денк олмајінджа, бербер не јапсын?»): Вефикъ-паша, стр. 166.

446. Т. е., «баклуши бьетъ».

447. Очень близокъ османскій варіантъ («су тестісі су јолунда кырылыр»): Вефикъ-паша, стр. 168.

448. Ср. въ моемъ собраніи, стр. 9, № 159.

449. Ср. по османски («діленджінін торбасындан екмек јеміш») у Вефика-паши, стр. 143.

450. Тоже по османски («серчеден»...») Вефикъ-паша, стр. 151.

451. Домъ, какъ символъ очага, въ глазахъ османца священенъ. Ср. османскія проклятія: Вл. Гордлевскій, стр. 80.

452. Варіантъ былъ напечатанъ выше, см. 397.

455. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 204.

456. Ср. по османски: «чобанын армааны чам сакызы»: Вефикъ-паша, стр. 116.—Пословица восходитъ къ стиху персидскому برگ سبز یست تحفهٔ درویش * چه کند بی‌نوا همین دارد («Подарокъ дервиша, это—какой-нибудь зеленый листъ; чтó дѣлать бѣдняжкѣ, вѣдь только это у него и есть»).

457. Есть очень близкій (и лучшій) османскій варіантъ («hаным кырарса, — каза, hалајік кырарса, — bela»): Вефикъ-паша, стр. 124.

459. Есть караимскій варіантъ (В. Радловъ, VII, № 259). Скрыта, конечно, иронія: воры отнимаютъ у беевъ деньги. — Ср. греческую посло-

вицу: «всякій что-нибудь да долженъ вору и могущественному»: D. Sanders, стр. 225, № 60.

460. Пословица представляетъ какъ бы выводъ изъ разсказовъ о хитрыхъ ворахъ.

461. Ср. османскую пословицу «мўсафірін шашкыны ев саһібіні аҕырлар» (гость, что поразсѣяннѣе, угощаетъ хозяина дома): Вефикъ-паша, стр. 256, Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 720.

465. Ср. османскую поговорку «я буду у него на свадьбѣ таскать воду рѣшетомъ»: Вл. Гордлевскій, стр. 14, № 279.

466. Вм. «олер» чит. «олур»; въ текстѣ сказано эвфемистически: «будутъ запретны» (для ѣды), потому что передохнутъ.

468. Пословица эта говорится о человѣкѣ косомъ («шашы адам»); по османски: «шеші (или въ рѣчи: «шеш») беш гӧрўр».

469. Какъ общее заключеніе (выраженное въ неопредѣленномъ наклоненіи), пословица — странна.

470. Пословица эта — османскій варіантъ ея у Вефика-паши, стр. 52 — въ Турціи связана съ разсказомъ о придворномъ шутѣ (султана Махмуда II), Инджили-чаушѣ[1]. Однажды султанъ приказалъ шуту разузнать для него, кто и что хуже всего между людьми, животными и плодами. Долго искалъ Инджили-чаушъ. Наконецъ попалъ онъ въ Трапезунтъ и увидалъ, что верхомъ на ослѣ ѣдетъ лазъ и держитъ въ рукѣ черешни. Тогда онъ явился во дворецъ и отвѣчалъ султану стишкомъ:

«Ешек ўстўнде лаз,
Теркіје баҕламыш ікі каз,
Елінде бір топ кіраз!».

(Верхомъ на ослѣ—лазъ, въ торокахъ привязано два гуся, а въ рукѣ онъ держитъ черешни). Ср. Вл. Гордлевскій, стр. 46, № 1066.

Въ глазахъ османца лазъ надѣленъ несимпатичными чертами; и только, если хотятъ лаза выдѣлить, говорятъ: «лаз дыр, амма шеһбаз (или: «сербест»)» — онъ — лазъ, однако храбръ (свободный, смѣлый человѣкъ); да и то нерѣдко слово «шеһбас» замѣняютъ: «шарбас» (пустомеля): Вл. Гордлевскій, стр. 45, № 1065. Лазъ, гусь и оселъ — символъ глупости; по османски говорятъ: «лаз аклы — каз аклы» (умъ лаза, что умъ гуся): Вефикъ-паша, стр. 249; глупость лаза вошла и въ анекдоты: Вл. Гордлевскій, Матеріалы по османскому фольклору. Живая Старина, 1911, вып. I.

[1] О немъ собрано мною въ Турціи много анекдотовъ, но большинство изъ нихъ таково, что опубликованіе ихъ встрѣтило бы затрудненія.

Черешня считается вредной ягодой, см. въ моемъ собраніи пословицу 626, на стр. 27: «Черешня сказала: если бы вслѣдъ за мной не было тутовой ягоды, я въ щепку обратила бы станъ тѣхъ, кто ѣстъ меня».

Иногда на вопросъ о наихудшемъ человѣкѣ отвѣчаютъ поговоркой объ юрюкѣ (риѳмуется съ «ерік»—слива): Вл. Гордлевскій, стр. 43, № 1037.

473. Пословица эта случайно попала въ отдѣлъ VI («этнографическія и историческія пословицы»): здѣсь рѣчь идетъ не о персидскомъ цырюльникѣ, а о цырюльникѣ неопытномъ[1] («аджемі», а не: «аджем»!).

474. По османски извѣстно только начало: «бір балык башы, бір кыја красі» (Веѳикъ-паша, стр. 83).—Пословица говоритъ о скупости грековъ, въ противоположность широкому размаху османцевъ.

475. Первая половина пословицы извѣстна и по османски: «карт ѓаур імана геlмес» (матерой гяуръ не обратится въ [истинную] вѣру): Веѳикъ-паша, стр. 207.

476. По османски вторая половина пословицы такъ гласитъ: «. . . јені досттан һајр геlмез» (. . . отъ новаго друга не будетъ добра): Веѳикъ-паша, стр. 37.

478. Это не пословица, а насмѣшливая прибаутка, которую распѣваютъ надъ анатолійцами, чѣмъ приводятъ ихъ въ гнѣвъ.—Вмѣсто «донгалак» нужно: «дангалак».

480. Въ пословицѣ высказанъ взглядъ мусульманина на иновѣрца, христіанина и еврея. Условія приготовленія пищи (закланіе убойнаго животнаго), одинаковыя у мусульманъ и евреевъ, заставляютъ мусульманина предпочитать, конечно, столъ еврейскій христіанскому столу; но, отвергая Іисуса Христа, евреи какъ бы обнаруживаютъ вѣроломство; въ глазахъ мусульманина еврей издавна былъ синонимомъ хитрости, коварства, поэтому ночевка въ домѣ христіанина безопаснѣе. Однако изъ пословицы я никакъ не сталъ бы выводить намековъ на средневѣковую легенду о ритуальномъ убійствѣ: такъ склоненъ былъ объяснять пословицу одинъ крымскій татаринъ, освѣдомитель П. А. Фалева; правда, это было, какъ пишетъ мнѣ П. А. Фалевъ, уже послѣ процесса Бейлиса.

Легенда о ритуальномъ убійствѣ широко все-таки распространена на Востокѣ.

Отголоски средневѣковой легенды о ритуальномъ убійствѣ, впрочемъ, встрѣчаются и въ Крыму: А. Х. Халилевъ разсказывалъ мнѣ, что въ дѣтствѣ неоднократно старухи пугали его, чтобы онъ далеко не уходилъ, а то схватятъ его евреи и убьютъ, а кровь запекутъ въ мацу.

[1] Любопытно, однако, что одинаковый процессъ мысли наблюдается и у персовъ, которые говорятъ: این ترکی شد («онъ сдѣлался туркомъ», т. е. онъ проявилъ безтолковость).

Въ Персіи, какъ я слышалъ отъ М. Джафара, ходитъ разсказъ, что евреи сажаютъ ребенка въ чанъ и восклицая: «О Мухаммедъ!», показываютъ ему яблоко; когда мальчикъ протягиваетъ рученки,—его убиваютъ. Евреи на Востокѣ обратились, повидимому, въ пугало для дѣтей, — въ «буку». (Напоминаетъ культовой обрядъ у хлыстовъ, и важно, кажется, для выясненія вопроса о происхожденіи секты). Ср. Крымскій. Ист. Турціи. М. 1916, стр. 92, прим. 2.

Въ Турціи отголоски ея слышны были въ XVII вѣкѣ въ Трапезунтѣ (см. В. Смирновъ. Грамота султана Османа II семейству іудейки Киры. Восточныя Замѣтки. СПБ. 1895, стр. 48—49); вѣрило въ нее и константинопольское простонародье (еще въ XIX вѣкѣ), см. повѣсть Ахмеда Мидхата изъ эпохи янычаръ «Долабдан темаша». Константинополь. 1307 г. х., стр. 28.

Между арабами вѣра эта, пожалуй, еще сильнѣе. Я помню, напр. какъ въ Дамаскѣ мои хозяева квартирные, православные христіане, наивно разсказывали (въ 1906 году) всякіе ужасы, которые будто бы совершаются въ еврейскомъ кварталѣ. Нашъ консульскій агентъ въ Багдадѣ М. М. Поповъ передавалъ мнѣ разсказъ о томъ, какъ однажды мальчикъ-мусульманинъ, схваченный евреями, былъ отведенъ въ синагогу; его уже связали, но случайно проходившій мимо водоносъ услыхалъ крики мальчика и спасъ его. По сообщенію М. М. Попова, арабамъ (багдадскимъ) извѣстенъ и османскій варіантъ пословицы, напечатанный у П. А. Фалева подъ № 480.

Г. Усмановъ (татаринъ изъ Елабуги), повторяя легенду, нашедшую выраженіе въ Мултанскомъ дѣлѣ, говорилъ мнѣ въ Уфѣ, что во время молитвы, совершаемой вотяками, въ священной рощѣ, жертвенный котелъ ежегодно требуетъ крови; поэтому вотяки убиваютъ мусульманъ. Убійства, конечно, не зафиксированы; тѣмъ не менѣе татары складываютъ на смерть единовѣрцевъ-мусульманъ, пропавшихъ безъ вѣсти, причитанія.

Повидимому, легенда возникаетъ тамъ, гдѣ борются между собою двѣ религіи, и господствующая, загоняя въ подполье все, что уклоняется отъ «нормы», измышляетъ всякій вздоръ. Вліяетъ, впрочемъ, и литературная традиція.

482. Вторая половина пословицы «таук сатар баласы» переведена невѣрно: не «сынъ продавца куръ», а: «сынъ его продаетъ куръ». Въ пословицѣ чувствуется антагонизмъ между Крымомъ и Казанью. Такъ крымчакъ выражаетъ презрѣніе казанскому татарину.

484. Полемизируя съ А. А. Боданинскимъ, П. А. Фалевъ (предисловіе, стр. 10—11) не считаетъ исключеннымъ вопросъ о заимствованіи пословицы изъ Турціи, гдѣ политика Шахинъ-Гирея-хана вызвала даже со стороны Вехби сатиру. Но сатира Вехби преслѣдовала цѣль политическую, а народные круги въ Турціи, вѣроятно, оставались равнодушны или,

быть можетъ, одинаково были настроены какъ противъ ставленника русскихъ, такъ и противъ самихъ русскихъ; все-таки я не думаю, чтобы даже въ шутку отдано было тамъ предпочтеніе «казакамъ»[1]. — Мнѣ кажется, вопросъ объ османскомъ происхожденіи пословицы рѣшается отрицательно еще вслѣдствіе сообщенія В. Х. Кондараки (Универсальное описаніе Крыма, часть X. СПб. 1875, стр. 19): раздраженные руссофильскимъ поведеніемъ хана, «большинство татаръ не переставало кричать, что они готовы умереть подъ русскимъ кнутомъ, нежели повиноваться ему».

485. Выраженіе «азір джевап» значитъ: «остроумный».

487. «Оңмаjаджак» значитъ «тотъ, изъ котораго не выйдетъ проку».

489. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 68.—Ср. османскій варіантъ изъ Брусы (записанный В. М. Заваринымъ) «інсан зӱjӱртіедікче ескі дефтер jоклар» (когда человѣкъ бѣднѣетъ, онъ обычно перебираетъ старыя (записныя) книги, гдѣ записаны долги).

490. Османская пословица, какъ будто, древнѣе, по презрительному взгляду на свой народъ: ивовыя дрова — не дрова, (такъ и) турчанкѣ не бывать матроной (Вл. Гордлевскій, стр. 43, № 1936).

491. «Татаринъ умнѣетъ послѣ суда», т. е., когда проигралъ тяжбу. Можетъ быть, здѣсь чувствуется глухое недовольство порядками, воцарившимися въ Крыму съ 1783 года, когда земли беззастѣнчиво отбирались отъ татаръ; татаринъ неожиданно узнавалъ, будто земля, на которой онъ жилъ испоконъ вѣку, запродана имъ какому-нибудь чиновнику, но протестъ или судъ были безполезны.

492. По османски вообще о туркѣ («тӱркомъ» называетъ себя османецъ, по преимуществу, въ противоположность другимъ подданнымъ, немусульманамъ): Вл. Гордлевскій, стр. 43, № 1026.

493. Похлебка изъ пшена — остра (на вкусъ).

494. Ср. османскую пословицу: «чінґаненін екмеjі дӱшӱне гірер» («цыгану снится его хлѣбъ»). Вефикъ-паша, стр. 116.

495. Также у караимовъ (В. Радловъ. VII, № 407)[2].

---

[1] Русскихъ въ Турціи — особенно въ низшихъ кругахъ — называютъ «москофъ» («москаль»), но тамъ, гдѣ народъ сталкивается съ русскими, вблизи деревень эмигрантовъ изъ Россіи — некрасовцевъ, старообрядцевъ —, въ ходу также наименованіе «казакъ». Я помню, такъ величалъ меня постоянно въ 1905 г. мой брусскій пріятель Омаръ.

[2] Этой пословицей заканчивается глава VI (Этнографическія и историческія пословицы); ради полноты помѣщаемъ въ примѣчаніи еще одну пословицу изъ статьи А. Олесницкаго «Матеріалы по изученію крымской народной поэзіи». СПб. 1913 (изъ «Восточнаго Сборника Общества русскихъ оріенталистовъ», т. I, стр. 45): «Кызылташнын папасы кібік учту» (улетѣлъ какъ кызылташскій священникъ); на убійство его сложена была въ Крыму пѣсня.

496. Т. е., пусть чужбина будетъ моей родиной, а адъ—моей лавкой, иначе: все равно гдѣ жить, былъ бы только заработокъ.

497. Багдадъ считается самымъ счастливымъ и богатымъ городомъ, и состоятельные хаджи обыкновенно, на обратномъ пути изъ Мекки, заѣзжаютъ въ Багдадъ.

498. «Кочер», вѣроятно, вм. «кочераҕач» — (ось) палка, на которой двигается колесо, ср. выраженіе «кочері сынган» (у него сломалась ось).

500. Ср. османскую пословицу: «сора-сора Кабе булунур» (разспросы доведутъ до Каабы): Вефикъ-паша, стр. 169; Вл. Гордлевскій, № 1163: Багдадъ.

501. По османски я слышалъ: «доҕдуун јере бакма, дојдуҕуна бак!» (думай не о томъ мѣстѣ, гдѣ родился, а гдѣ нашелъ пропитаніе). Въ киргизскомъ варіантѣ чувствуется бо́льшая привязанность къ «родинѣ», — мѣсту постоянной кочевки: «ер туҕан джерінä, іт тојҕан джерінä» (молодецъ стремится туда, гдѣ родился, собака [дурной человѣкъ]—туда, гдѣ она сыта): Н. Пантусовъ, № 133.

503. Ср. персидскую пословицу (М. Гаффаровъ—Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 284).

505. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 130. Вмѣсто «дердіні» читай: «дердні».

507. Вѣроятно, пословица заимствована у русскихъ.

515. Пословица переведена невѣрно. Здѣсь «авырдыр» состоитъ изъ двухъ словъ: «аҕыр» (тяжелый) и связки «дыр», и пословица значитъ: камень тяжелъ тамъ, гдѣ упалъ, т. е., всякая вещь дорога на своемъ мѣстѣ; также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 167), у персовъ (М. Гаффаровъ—Вл. Гордлевскій, стр. 13, № 109) и у арабовъ (Вл. Гордлевскій, № 33). Ср. 615.

516. Тоже по османски («діші-іle» вмѣсто «діш-іle): Вефикъ-паша, стр. 185.

518. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 24, также Вл. Гордлевскій, стр. 21, № 487; очень близкій варіантъ у караимовъ: В. Радловъ, Образцы, т. VII, № 36.

524. Въ примѣчаніи опечатка: вмѣсто «курта» читай: «курт».

525. Тоже и по османски: Вефикъ-паша, стр. 7.

526. Близокъ османскій варіантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 21, № 486.

527. У В. Х. Кондараки — «заяцъ», цит. соч., № 44, тоже у караимовъ В. Радловъ, VII, № 220 и у османцевъ: Вефикъ-паша, стр. 163, Вл. Гордлевскій, стр. 56, № 1466. — «Тау» не: «лѣсъ», а «гора».

528. Тоже и по османски (только вм. «сасыр» — «кокар»): Вефикъ-паша, стр. 80, персидскій варіантъ у М. Гаффарова—Вл. Гордлевскаго, стр. 22, № 198. — Пословица эта (извѣстная и грекамъ: R. Altenkirch,

цит. соч., стр. 349—350), по всей вѣроятности, турками заимствована у грековъ, какъ вообще и слова, касающіяся мореходства, рыбнаго царства и т. д.

529. Тоже и у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 80), у османцевъ (только вм. «бакмас» онъ не смотритъ, — болѣе подходящее «бакылмаз» — не смотрятъ): Вефикъ-паша, стр. 81. Вѣроятно, это — старая обще-турецкая пословица, извѣстная и на Алтаѣ (В. Вербицкій, стр. 200): «Князь не смотритъ въ зубы тому, кто даритъ ему» («бірьгэнын тыжін» — что́ дарятъ ему?).

536. Вмѣсто «катыга» нужно читать, вѣроятно: «казыга», имѣется въ виду колъ, вокругъ котораго вертится на харманѣ лошадь.

537. Османскій варіантъ: «домуздан бір кыл чекмек фајдеден hali дејil»: Вефикъ-паша, стр. 186. — «Копса» не значитъ «сломится», а «оторвется».

540. Тоже по османски (съ замѣной слова «кој» — «којун»): Вефикъ-паша, стр. 274, Вл. Гордлевскій, стр. 23, № 534, по арабски — «коза» (Вл. Гордлевскій, № 59). — Рядъ восточныхъ и западно-европейскихъ варіантовъ приведенъ у R. Altenkirch'а, цит. соч., 341.

541. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 272, Вл. Гордлевскій, стр. 17, № 373.

542. Мотивъ «тоски по родинѣ» проникаетъ все османское народное творчество; тоска рождаетъ глубокія лирическія пѣсни; тоскуетъ, наряду съ человѣкомъ, и все живое въ природѣ. Я вспоминаю меланхолическій разсказъ мухаджира изъ Болгаріи, слышанный мной еще въ 1905 году въ Брусѣ. Мухаджиръ говорилъ: «Не знаю, есть ли тамъ у васъ такая птица, ее зовутъ соловей. Сидѣлъ онъ въ золотой клѣткѣ надъ рѣкой, которая катила воды къ роднымъ его полямъ, и ему доставляло удовольствіе наклоняться къ водѣ. «*Ватанъ*, *ватанъ*!» (О, родина, о родина!), — вздыхала птица».

547. Очень близокъ къ османской пословицѣ варіантъ, сообщенный въ примѣчаніи («курт тӱјӱнӱ дејіштірір, hујупу дејіштірмез»): Вефикъ-паша, стр. 218, также и по гречески: R. Altenkirch, стр. 351.

548. Тоже по османски (Вл. Гордлевскій, стр. 19, № 429). — Смыслъ пословицы раскрывается изъ османскаго варіанта «іт іті танымајор, іт-те кујруҕуну»: Вефикъ-паша, стр. 54.

549. По османски, оболочка — «капук».

550. Есть османскіе варіанты (о крысѣ), Вл. Гордлевскій, стр. 65, №№ 1422, 1423; также ново-арабскій варіантъ, Вл. Гордлевскій, Арабскія пословицы, записанныя въ Дамаскѣ, № 62 (Древности Восточныя, т. IV); крымскіе: 1) В. В. Радловъ, VII, № 428 (у караимовъ); 2) В. Х.

Кондараки, цит. соч., № 40 («кто съ вороной пируетъ»....). — Другой крымскій варіантъ у Н. Маркса, II, стр. 21.

551. Пословица извѣстна на Алтаѣ (В. Вербицкій, стр. 198), также и по османски (только «ојмаз»): Вефикъ-паша, стр. 207 и по ново-гречески (R. Altenkirch, стр. 355); арабскій варіантъ — крыса (Вл. Гордлевскій, № 72).

552. Очень близокъ османскій варіантъ («карынджадан ібрет ал јаздан кышы каршылар» — съ лѣта встрѣчаетъ [= готовится] зиму): Вефикъ-паша, стр. 213.

553. Выраженіе «карынджанын чоҕу» не значитъ: «чего много у муравья», а: (большое) количество муравьевъ.

554. Тоже по османски (el-ile...»): Вефикъ-паша, стр. 41.

556. Есть османскій варіантъ («іт ўрер, керван — гӧчер» — караванъ откочевываетъ): Вефикъ-паша, стр. 54. — Частица «дыр» дѣлаетъ логическое удареніе на словѣ «кӧпек»: что касается собаки, собака-то.

557. Точь въ точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 235 (съ измѣненіемъ конструкціи); Вл. Гордлевскій, стр. 19, № 430; также и у караимовъ (только: «сўркетірlер»): В. Радловъ, VII, № 251.—Подбирать падаль на улицѣ — одно изъ позорныхъ занятій въ Турціи.

559. Почти также и у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 432).

561. Переводъ данъ непонятный: «посмотри на красное у муравья и спроси о его крови». Вотъ правильный переводъ: «изучи муравья (гляди на его положеніе, характеръ [алын=һалын(ы)], и (тогда) соси (корень «сормак значитъ и «сосать») его кровь!», т. е. стóитъ ли обижать незначительнаго человѣка?

562. Есть очень близкій османскій варіантъ «бені сокмаjан јылан бін јыл јашасы(н)»: Вефикъ-паша, стр. 90, Вл. Гордлевскій, стр. 68, № 1491.

565. Есть близкій греческій варіантъ (о быкѣ): R. Altenkirch, стр. 28; у южныхъ славянъ, какъ въ Крыму и Турціи,—оселъ (тамъ же); вѣроятно, турками пословица заимствована.

566. Частая и въ Турціи поговорка, употребляется по поводу невѣроятныхъ разсказовъ, османскій варіантъ (почти тождественъ) см. у Вефика-паши, стр. 282.

568. Въ текстѣ допущена какая-нибудь ошибка, вѣроятно, вмѣсто «баласы» должно быть «баласыны».

570. А. Х. Халилеву извѣстенъ изъ дѣтскихъ воспоминаній этотъ заговоръ, только безъ обращенія къ мышкѣ.

571. Вѣроятно, заимствована у грековъ, гдѣ сохраняетъ ту же форму: R. Altenkirch, стр. 32—33.

573. Очень близокъ османскій варіантъ (только глаголъ «бакар»): Вл. Гордлевскій, стр. 18, № 386; почти также — у караимовъ (только «суjу» вм. болѣе правильнаго: «су»): В. Радловъ, VII, № 218. — Ср. еще у Н. Маркса, II, 17: «пѣтухъ благодаритъ Бога».

574. Также у караимовъ В. Радловъ, VII, № 230. Есть османскій варіантъ («голодная курица видитъ во снѣ кормъ»): Вл. Гордлевскій, стр. 18, № 384. — Пословица употребляется о человѣкѣ, который живетъ иллюзіями.

575. Ср. османскую пословицу («девеjе демішлер: еніші-мі северсін, јокушу-му? — дӳз башына-мы јыкылды, hiч сӧјlемедӳн — деміш» — «у верблюда спросили: что ты любишь, спускъ или подъемъ, онъ сказалъ: на голову твою равнина что ли свалилась, отчего ты не говорилъ ничего): Вефикъ-паша, стр. 141.

576. Вмѣсто «табалынгдан» должно быть: «табанынгдан».

578. Въ пословицѣ заключается предостереженіе человѣку, который рано берется за что-нибудь.

580. Близокъ османскій варіантъ «уммадыђын деlіктен тіlкі чікар»: Вефикъ-паша, стр. 73.

582. Очень близокъ османскій варіантъ («. . . . меркебін . . . . олур»): Вефикъ-паша, стр. 128, Вл. Гордлевскій, стр. 21, №№ 488, 489.— Очевидно, пословица представляетъ какой-то «сгущенный» разсказъ.—Пословицѣ «*hile*-ile». . . (оселъ, пріобрѣтенный хитростью, гибнетъ отъ воды) въ Турціи дается такое объясненіе: оселъ былъ унесенъ у разбойниковъ разлившимся горнымъ потокомъ.

Ср. также пословицу османскую «hile-ile геlен паранын еджеlі судан олур» (деньги, пріобрѣтенныя хитростью, пропадаютъ въ водѣ). Пословица связывается въ Турціи съ разсказомъ о человѣкѣ, который продавалъ молоко, наполовину смѣшанное съ водой. На пароходѣ деньги у него украла обезьяна и половину бросила въ море. Но человѣкъ не сердился, зная за собой вину.

583. Есть османскіе варіанты («чађырылан (или: істеніlен) јере ерінме, ... гӧрӳнме»): Вефикъ-паша, стр. 113, Вл. Гордлевскій, стр. 31, № 740 («Не лѣнись, когда тебѣ говорятъ: приходи, но и не показывайся тамъ, куда тебя не зовутъ»); извѣстна и караимамъ (В. Радловъ, VII, № 408).

585. Пословица не совсѣмъ ясна; ср. киргизскую пословицу: «пѣшій не пылитъ, одинокій молчитъ» (А. Диваевъ, Турк. Вѣд., 1906, № 113, пословица 25).

586. Очень близокъ османскій варіантъ (только «серт» вмѣсто «катты»): Вефикъ-паша, стр. 286.

587. Ср. по османски «ходкой лошади прибавляютъ кормъ»: Вл. Гордлевскій, стр. 22, № 513, Вефикъ-паша, стр. 286.

588. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 4.—Близокъ османскій варіантъ «аҕач фідан ікен, еҕіlір»: Вефикъ-паша, стр. 16.

589. Есть близкій османскій варіантъ: Вефикъ-паша, стр. 7; употребляется также въ видѣ вопроса: «аджы патlіджана крау-мы чалар?» — Смыслъ тотъ, что со здоровымъ человѣкомъ ничего не можетъ приключиться. Эта пословица приведена и Х. Ксенофонтовымъ, цит. ниже соч., № 4, съ замѣчаніемъ: «злые у турокъ считаются крѣпче добрыхъ».

591. Есть османскій варіантъ «еlмас чамура атсалар, јене еlмас» (хотя бы алмазъ бросили въ грязь, онъ все же алмазомъ останется): Вефикъ-паша, стр. 43.

594. Близокъ османскій варіантъ «демір кызгын ікен, дӧwӱlӱр»: Вефикъ-паша, стр. 106; также Вл. Гордлевскій, стр. 41, № 894.

595. Точь въ точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 89, Вл. Гордлевскій, стр. 26, № 615, также и у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 36, у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 28); другіе варіанты приведены у R. Altenkirch'a, стр. 348—349. (Я думалъ бы, что происхожденія пословица восточнаго: въ греческомъ варіантѣ — «дыня», да и на Востокѣ въ лѣтнюю жару больше цѣнятся эти плоды).

597. Вполнѣ совпадаетъ съ османской пословицей: Вефикъ-паша, стр. 33.

599. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 53.

600. Ср. по османски: «ішlејен демір ышылар, ішlенмејен мушылар (или: пасланыр калыр)»: Вефикъ-паша, стр. 57.

601. По османски тоже (только вм. «парлар»—«ышылар»): Вл. Гордлевскій, стр. 27, № 627.

602. Очень близокъ османскій варіантъ (дѣйств. зал.: «јумазлар» вм. страдат.): Вефикъ-паша, стр. 210.

604. Почти въ такой же формѣ пословица извѣстна и османцамъ: «гӧктен не јаҕар-да, јер кабуl етмез?» (Что такое можетъ упасть съ неба, что земля не приметъ?): Вефикъ-паша, стр. 246.

607. Въ такой же формѣ, какъ въ Крыму, извѣстна и киргизамъ (Н. Пантусовъ, № 85), на Алтаѣ (В. Вербицкій, стр. 188): «ууска јарашбас» (не приличествуетъ рту).

609. Тоже по османски («атеш» вм. «од»): Вефикъ-паша, стр. 6.

610. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вл. Гордлевскій, стр. 62, № 1340.

611. Близокъ османскій варіантъ («су буланмајынджа, турулмаз»): Вефикъ-паша, стр. 168.

613. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вл. Гордлевскій, стр. 62, № 1350; «дамлајы»....: Вефикъ-паша, стр. 181.

617. Ср. по османски: «уджуз етін јаһнысы (или: öкÿзÿн кыјмасы) татсыз олур»: Вефикъ-паша, стр. 71.

618. Почти также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 374) и у османцевъ («даулун»), Вефикъ-паша, стр. 71 («чок»), Вл. Гордлевскій, стр. 28, № 665.

619. Почти также по османски («уммадыҕын»): Вефикъ-паша, стр. 73, («уммадык»): Вл. Гордлевскій, стр. 64, № 1387, также у караимовъ («уммаз»): В. Радловъ, VII, № 51; варіантъ арабскій—Вл. Гордлевскій, № 87.

624, 625. На пословицу, какъ будто, не похоже. Въ послѣднемъ реченіи заключенъ намекъ на сбродъ: «кыр» не значитъ: гора, а необработанное поле.

628. Слово «кадріні» не очень, какъ будто, умѣстно; не переводная ли это пословица?

632. Такой же варіантъ, какой сообщенъ въ примѣчаніи, есть и у османцевъ: Вефикъ-паша, стр. 132.

633. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 95. Ср. греческую пословицу: «то, что случается ночью,—то видитъ день и смѣется». D. Sanders, стр. 227, № 80. Ср. еще у меня въ «Османскихъ сказаніяхъ и легендахъ», *Этногр. Обозр.*, 1916, № 3—4, стр. 11.

636. Ср. османскій варіантъ («гÿзеlе бакмак севап-дыр» — смотрѣть на красоту—богоугодное дѣло): Вефикъ-паша, стр. 246.

637. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 242.

640. Смыслъ пословицы: во всякомъ дѣлѣ бываютъ сначала затрудненія.—Тоже по арабски: Вл. Гордлевскій, (протоколы), стр. 104, № 6.

641. Точно также и по османски (Вефикъ-паша, стр. 276). Я бы перевелъ: «у всякаго *возраста* — свой недостатокъ». Есть караимскій варіантъ (съ перестановкой: В. Радловъ, VII, № 161).

643. Ср. османскіе варіанты: 1) «геч олсун-да, гÿч олмасын» (пусть будетъ поздно, да не трудно), 2) «геч іште һајр вардыр» (чтó поздно, то— благополучно): Вефикъ-паша, стр. 241.

646. Т. е., все ему приходилось испытать.

647. Ср. по османски: «ölÿм гендже, iħтiјара бакмаз» (смерть не смотритъ ни на молодого, ни на стараго).

649. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 391).

650. Ср. османскую пословицу «раħат јашајан раħатсыз ölÿр» (кто живетъ спокойно, — неспокойно умираетъ): Вефикъ-паша, стр. 146.

651. Ср. по османски: «сабаħ ола, ħајры гele» (пусть настанетъ утро и съ нимъ добро!): Вефикъ-паша, стр. 164.

652. Ср. по османски: «бір тарлада ħем от бітер, ħем бок» (на одномъ полѣ растетъ и хорошая трава, и сорная).

655. Очень близокъ османскій варіантъ: «јашын јанында куру-да јанар» (Вефикъ-паша, стр. 280); также Вл. Гордлевскій, стр. 65, № 1415.—Логическое удареніе на словѣ «куру»—странно, мы ожидали бы, собственно, обратнаго построенія: «рядомъ съ сухими (дровами) и мокрыя горятъ», но эта несообразность, быть можетъ, говоритъ за то, что пословица — неудачный переводъ съ персидскаго языка; по персидски, по сообщенію М. А. Гаффарова, говорятъ: تر وخشك باهم ميسوزند (сырое и сухое вмѣстѣ горятъ).

658. Ср. по османски: «ујку — ölÿмÿн кардашы» (Вефикъ-паша, стр. 73).

660. Ср. по османски «јаҕмурдан качаркен, долуја тутулду» (убѣгая отъ дождя, попалъ подъ градъ): Вефикъ-паша, стр. 281.

662. «Озмак», собственно, значитъ: опередить, обогнать. — Близка киргизская пословица: «Родится дурное даже у хорошаго человѣка, — не найти средства (исправить это); родится у дурного хорошее — не найдется ему ровни» (П. Меліоранскій, № 15, ср. также № 16). Ср. также азербайджанскую пословицу «оттан кÿl тöкер, кÿlден — от» (отъ огня идетъ пепелъ, изъ пепла — огонь). Ср. курдскую пословицу «отъ скверныхъ людей рождается хорошій». С. Егіазаровъ, Курды (*Зап. Кавк. Отд.* И. Р. Г. О., кн. XIII, вып. 2, стр. 158, № 24).

664. Ср. по османски: «генчlіјін кыјметі бilінсе, коджалыҕын шікајеті аз олур» (если бы вѣдома была цѣна молодости, на старости мало было бы жалобъ): Вефикъ-паша, стр. 244.

666. Та же мысль выражена по османски другими словами: «генчlікте—ölÿм, коджалыкта—јоклук гÿч» (трудна въ молодости смерть, въ старости—бѣдность): Вефикъ-паша, стр. 244.

Примѣты:

1) У османцевъ ладонь чешется передъ письмомъ.

4) Одинаковая примѣта о подергиваніи глазъ — у киргизовъ: А. Ди-

ваевъ. Этнографическіе матеріалы, вып. VII. Ташкентъ, 1901, стр. 56. (Оттискъ изъ «Сборн. мат. для статистики Сыръ-Дарьинской области», т. IX).

8) Подразумѣвается, очевидно, — «во снѣ».

11) Это какъ будто — загадка, а не примѣта. — «Чӯјlемек» значитъ: забить деревянными гвоздями.

12) Переводъ неудачный и непонятный; вотъ смыслъ: въ мартѣ неожиданно могутъ быть такіе холода, что только скорехонько выглянешь за дверь, схватишь лопату, что тамъ стояла, и бросишь ее въ печь: всѣ дрова (заготовленныя на зиму) уже вышли.

14) Счетъ у османцевъ идетъ такимъ образомъ — «арбаін» («чille», какъ и въ Крыму) — четыредесятница, т. наз. «кара кыш» — «лютень» (отъ 9-го декабря до 19-го января), затѣмъ — 50 дней — «hамсін» (съ 20-го января до 9-го марта); итого — девяносто дней; но у Д. Кантеміра (цит. соч., стр. 261—262) счетъ — иной: «іді арбаін» (праздникъ четыредесятницы — 9-го марта), затѣмъ — «hамсін», и съ 1-го іюня лѣто.

Крымскій календарь сообщенъ у Ѳ. Хартахая. Историческія судьбы крымскихъ татаръ. *Вѣстн. Евр.*, 1867, № 2, стр. 141.

Выраженія и прибаутки:

13) Ср. по османски: 1) «ајаклары јере басмајор»: Вефикъ-паша, стр. 31, 2) «ајаклары јерден кесілді»: G. Jacob, стр. 109, прим. 2. — Въ выраженіи заключенъ намекъ на радость, какъ и по русски: «ногъ подъ собой не чувствуетъ».

IV.

Заключеніе.

Привлекая для сравненія, хотя и въ небольшомъ объемѣ, пословицы народовъ, которые должны были оставить слѣдъ въ Крыму, мы можемъ сдѣлать кое-какіе выводы о составѣ «Пословицъ крымскихъ татаръ». Подборъ османскихъ варіантовъ (изъ сборника Ахмеда Вефика-паши[1] и изъ моего собранія) обнаружилъ, что свыше $^1/_4$ пословицъ, собранныхъ въ Крыму, находятъ, если не буквальное совпаденіе, то очень тѣсное приближеніе (въ формѣ!) къ османской пословицѣ. Отсюда, однако, было бы, пожалуй, неосмотрительно предполагать исключительное заимствованіе крымцами пословицъ изъ Турціи: тождественность формы пословицы, при бли-

[1] Краткая характеристика сборника дана мной въ статьѣ «Изъ исторіи османской пословицы и поговорки». *Живая Старина*, 1909, вып. II—III, стр. 109—110.

зости лингвистической, вполнѣ понятна, хотя долгія политическія и культурныя взаимоотношенія, конечно, также не могли не оказать сильнѣйшаго вліянія.

Насколько устойчивъ крымскій пословичный матеріалъ, видно, отчасти, изъ сравненія «Пословицъ крымскихъ татаръ» съ пословицами, перепечатанными акад. В. В. Радловымъ изъ караимской «меджумы» конца XVIII или начала XIX вѣка[1]: это какъ бы промежуточное звено, открывающее точки соприкосновенія какъ съ крымскими, такъ и съ османскими пословицами. О помѣстной распространенности пословицъ въ Крыму говоритъ также то, что близкіе варіанты пословицъ встрѣчаются и въ сборникѣ В. Х. Кондараки; здѣсь, кстати, упомяну, что въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ хранится работа («дипломная») А. Н. Марисова (окончившаго Спеціальные Классы Института въ 1913 году), который, между прочимъ, собралъ въ 1912 году въ Крыму 104 южно-бережныхъ пословицъ и 25 ногайскихъ; довольно большое количество ихъ (свыше 30) совпадаетъ съ пословицами, изданными П. А. Фалевымъ.

На этомъ, конечно, задача изслѣдователя пословицъ не можетъ останавливаться: необходимо выяснить степень вліянія Византіи на османскія (а, стало-быть, и на крымскія) пословицы; византійскія пословицы, — какъ замѣтилъ уже К. Крумбахеръ[2], — обнаруживаютъ сходство какъ съ османскими, такъ, особенно, съ арабскими пословицами. Вопросъ о томъ, кто у кого заимствовалъ, османцы у византійцевъ или, наоборотъ, — рѣшается сравнительно просто въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда пословица говоритъ о значительной степени культурности народа, несвойственной еще недавнимъ кочевникамъ.

Въ конечномъ итогѣ должны быть привлечены еще пословицы другихъ турецкихъ народовъ; точнѣе: пословицы турокъ, живущихъ въ Азіи — на Алтаѣ[3], пословицы киргизскія — должны представлять исходный пунктъ; такимъ образомъ, легче удастся отдѣлить позднѣйшія культурныя наслоенія, отразившіяся на пословицахъ турокъ, отброшенныхъ на крайній западъ

---

[1] Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ, часть VII, стр. XVIII. — «Меджума» интересна тѣмъ, что пословицамъ (расположеннымъ, конечно, въ алфавитномъ порядкѣ) предшествуетъ шутливый зачинъ: основныя слова начинаются неизмѣнно съ того звука, на который идутъ пословицы.

[2] Karl Krumbacher, Mittelgriechische Sprichwörter. München 1893, стр. 22. (Цитую по И. Тимошенку. Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ. *Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1894, № 3—4, стр. 135; книги Крумбахера въ университетской библіотекѣ нѣтъ).

[3] Вскользь, алтайскія пословицы привлечены и П. А. Фалевымъ, стр. 14—15; пословицы, приведенныя изъ Г. Вамбери, взяты изъ перваго тома «Образцовъ народной литературы» акад. В. В. Радлова.

этнографической карты турецкихъ племенъ. Это было бы монографическое обслѣдованіе турецкихъ пословицъ, о которомъ давно уже мечталъ И. Н. Березинъ[1]; но оно должно быть предоставлено не «стамбульскимъ филологамъ», а русскимъ оріенталистамъ, которые могутъ входить въ непосредственное общеніе, — на территоріи Россійскаго государства, — съ турецкими народами. Для этого необходима правильная организація на мѣстахъ собиранія произведеній устнаго народнаго творчества[2].

Въ высшей степени желательно было бы привлечь къ собиранію пословицъ въ Крыму мѣстныхъ жителей, предложивъ имъ, помимо точнаго обслѣдованія района, подробнѣе сообщать и мѣстныя (народныя) объясненія пословицъ, и случаи ихъ примѣненія въ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ дополненіе къ перечисленнымъ въ предисловіи П. А. Фалева матеріаламъ для библіографіи пословицы[3], отмѣчаю (въ хронологическомъ порядкѣ) пропущенныя книги, заключающія въ себѣ османскія пословицы. Книги, заглавіе которыхъ сопровождаются знакомъ * (звѣздочкой), мнѣ извѣстны изъ вторыхъ рукъ[3].

*G. B. Donado di Nicolo. Della letteratura dei turchi. Венеція. 1688, 1690 (2-е изданіе).

Тамъ—спеціальный отдѣлъ «Raccolta curiosissima d'adaggi turcheschi».

Д. Кантеміръ. Книга систіма или состояніе мухаммеданскія религіи. СПб. 1722, т. I.

Мнѣ попалось въ текстѣ пять «сентенцій» или «аксіомъ» (см. стр. 30[4], 207, 227, 230, 296).

[Holdermann]. Grammaire turque, Constantinople. 1730.

Между различными оборотами разбросано до 10 пословицъ.

Fundgruben des Orients. Wien. 1809.

---

[1] Народныя пословицы турецкаго племени. *Библіотека для Чтенія*, 1856, VI, стр. 107.

[2] Полезно было бы издать на русскомъ (а, можетъ быть, и на турецкихъ языкахъ) программу для собиранія произведеній устнаго творчества у турецкихъ народовъ.

[3] Библіографія пословицъ (турецкихъ) собрана, отчасти, въ трудѣ I. Иллюстрова «Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ» М. 1915. Изданіе 3-е, стр. 56—58. — Пособіемъ для дополненій, отчасти, служилъ мнѣ сборникъ J. A. Decourdemanche Mille et un proverbes turcs. Paris. 1878 (= Bibliothèque orientale et elzévirienne, XX), стр. 109 — 115. За нѣкоторыя справки, сдѣланныя по моей просьбѣ въ петроградскихъ библіотекахъ, приношу благодарность Л. И. Жиркову.

[4] Сообщена сентенція, высказанная татариномъ въ Меккѣ, когда онъ увидалъ «богатства премногія, а похищающа ихъ никого же» («мал—коп, алган—джок»).

На стр. 449 данъ текстъ и латинскій переводъ 24 пословицъ — Sententiae turcicae e variis auctoribus collectae et translatae a Rev.... Hoeck, directore Academiae linguarum orientalium.

Нѣкоторые обычаи турецкіе въ пословицахъ. *Историческій, статистическій и географическій Журналъ*. 1829, № 5, Смѣсь, стр. 168.

Сообщены 2 пословицы (?), съ объясненіями:

«Ни одинъ франкъ не выноситъ денегъ изъ Турціи».

«Что Богъ написалъ на твоемъ челѣ, рано или поздно, непремѣнно съ нами случится».

Н. Коноплевъ. Турецкія пословицы. *Молва* (приложеніе къ *Телескопу*), 1832, № 78, стр. 310. Приведено 20 пословицъ.

Н. Коноплевъ. Турецкія пословицы. *Молва*, 1834, № 43, стр. 259—262.

Приведено 25 пословицъ. На стр. 262 (въ примѣчаніи) Н. Г. Коноплевъ говоритъ: «Я имѣю 357 турецкихъ [османскихъ] пословицъ, которыя намѣренъ издать въ особой книжкѣ. Сіи пословицы для насъ должны быть интересны, потому что между ними есть такія, которыя употребляются у насъ и на Руси».

Судьба рукописнаго собранія, принадлежавшаго преподавателю арабскаго языка въ Московскомъ университетѣ въ первую половину 30-хъ годовъ XIX вѣка, мнѣ неизвѣстна; это тѣмъ болѣе жаль, что Н. Г. Коноплевъ (умеръ въ 1855 г.) былъ, повидимому, первый русскій османистъ, собиравшій произведенія устнаго творчества.

Пословицы, сообщенныя въ *Молвѣ* за 1834 г., переводились какъ будто иногда по смыслу, а не дословно: ср., напр., пословицу: «люди — не горы — сходятся между собою» (здѣсь пропускъ, вѣроятно, см. въ «Пословицахъ крымскихъ татаръ», 178); интересны пословицы: № 11 («никакимъ образомъ не произноси словъ: земля имѣетъ уши»), ср. пословицу 599; № 25 («гдѣ лошадь *курда* потоптала землю, тамъ трава не растетъ»), — обыкновенно такой отзывъ дается о туркѣ.

Х. Ксенофонтовъ. Турецкія и татарскія пословицы. *Закавказскій Вѣстникъ*, 1848, № 43.

Насколько можно судить по транскрипціи пословицъ (9), сообщенной Л. И. Жирковымъ, это, скорѣе, азербайджанскія пословицы[1].

Bianchi et Kieffer. Dictionnaire turc-français et français-turc. Paris. 1841—1850.

---

[1] Въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ хранится рукопись: «Ксенофонтовъ, Собраніе турецкихъ и татарскихъ пословицъ и поговорокъ. Въ Тифлисѣ 1849». (B. Dorn, Chronologisches Verzeichniss..., стр. 591). *А. С.*

*Вахидъ. Собраніе пословицъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Константинополь. 1276 г. х.[1] (литографированное изданіе).

N. Mallouf. Dictionnaire français-turc et turc-francais. Paris. 1854—1862—1867.

*Turkish proverbs translated into english. Venice. Printed at the armenian monastery of S. Lazzarus. 1868, 36 стр., 180 пословицъ, въ армянской транскрипціи и переводѣ.

*Емсаli (?)[2]. Константинополь. 1286 г. (= 1869). Султанская типографія.

М. Терентьевъ. Хрестоматія турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб. 1876.

На стр. 5—21 идутъ османскія пословицы (текстъ и переводъ), заимствованныя, по всей вѣроятности, изъ изданія Вѣнской академіи (1865 г.).

* Dschulardian. Собраніе пословицъ [4214 №№]. Венеція. 1882.

Jean D. Démetriades. Proverbes turcs-français. Constantinople. 1888. 25 стр.

Въ сборникѣ — 353 пословицы; въ предисловіи Ж. Деметріадисъ говоритъ, что собиралъ пословицы изъ книгъ и, въ особенности, «dans la conversation populaire».

Въ 80-хъ годахъ изданъ былъ въ Константинополѣ на османскомъ языкѣ — арабскимъ и армянскимъ шрифтомъ — сборникъ сказокъ *Хоросъ Кардашъ* («Братецъ Пѣтушокъ»), гдѣ разсказъ пересыпанъ пословицами и изреченіями. Сборникъ этотъ дважды былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ: 1) Г. Якобомъ (въ 1906 г.), Türkische Bibliothek, 5 Band, 2) Э. Зейделемъ (въ 1909 г.), Der Bruder Kikeriki. Dresden.

Въ изданіи проф. Г. Якоба пословицы (90) даны въ транскрипціи (удачно отдѣляющейся въ текстѣ благодаря курсиву) и въ нѣмецкомъ переводѣ; Э. Зейдель напечаталъ одинъ (нѣмецкій) переводъ, пословицы онъ сличалъ въ изданіяхъ сборника и находитъ между ними нѣкоторую разницу.

J. Kúnos. Kisázsiai török nyelvjárások. *Nyelvtudományi Közleménnyek*, т. XXII, вып. 2, 4. Будапештъ. 1890.

---

[1] См. Th. Menzel, *Der Islam*, IV, стр. 131.

[2] Повидимому, пропущено какое-то слово (имя собирателя?), иначе непонятенъ мѣстоименный аффиксъ 3-го лица. (Заглавіе выписано у J. Decourdemanche'a).

На стр. 113—121 2-го выпуска сообщено 40 пословицъ, собранныхъ въ округахъ Брусы и Айдына; на стр. 261—274 (вып. 4-й)— 165 пословицъ брусскихъ.

A. Merx. Türkische Sprichwörter ins Deutsche übersetzt. Venedig. 1893. 2-te Ausgabe. 335 пословицъ (въ армянской транскрипціи).

В. Смирновъ. Очеркъ исторіи турецкой литературы (Всеобщая исторія Корша-Кирпичникова, т. IV. СПб. 1892), стр. 432—434.

Пословицы приведены, вѣроятно, изъ сборниковъ Дица и Вефика-паши.

O. Jehlitschka. Türkische Konversations-Grammatik. Heidelberg. 1895.

J. Kúnos. A dunai tatárok nyelvéröl (Über die Sprache der Donautataren). *Keleti Szemle*, т. V (1904).

На стр. 300—304 дана въ транскрипціи и (мадьярскомъ) переводѣ 61 пословица; пословицы, вѣроятно, записаны на островѣ Ада-калэ (на Дунаѣ).

J. Kúnos. Janua linguae ottomanicae. Budapest. 1905.

Дано въ транскрипціи 120 пословицъ (изъ константинопольскихъ сборниковъ?).

J. Kúnos. Das türkische Volksschauspiel. Leipzig. 1908.

На стр. 18 сообщается пословица изъ Эвлія-челеби: «что ты бѣгаешь, какъ гончая Эфели-оглу [родоначальникъ Хаджи-Эйвада]?».

Н. Мартиновичъ. Поѣздка въ Брусу. СПб. 1908 (Оттискъ изъ *Извѣстій Русскаго Географическаго Общества*, т. XLIV, вып. 1-й).

На стр. 23 данъ переводъ 12 пословицъ.

«Мусавверъ Невсал-і Османі» (Иллюстрированный Османскій календарь) на 1326 г. х. 2-й годъ изданія. Составители: Экремъ Решадъ и Османъ Феридъ. Константинополь. 1326 г. х. 254 стр.

Начиная со стр. 62 по 248 стр., внизу на каждой страницѣ по пословицѣ, это уже подражаніе европейской календарной модѣ.

*А. С. Діамантарасъ. Османскія пословицы, загадки и пѣсни. Аѳинскій этнографическій журналъ Λαογραφία, т. III (1911—1912 гг.), вып. 1—2, стр. 227—242.

Вл. Гордлевскій. Образцы османскаго народнаго творчества. Москва. 1916.

Дано въ транскрипціи, съ примѣчаніями 1545 пословицъ; система распредѣленія не очень удачная.

Кромѣ того, у меня находится сборникъ османскихъ пословицъ (армянскимъ шрифтомъ), списанный для меня въ 1906 году (съ пропускомъ нѣкоторыхъ грубыхъ пословицъ) со своего оригинала владѣльцемъ, г. Бояджіаномъ, жителемъ города Нигдэ (въ Малой Азіи)[1].

Вл. Гордлевскій.

Москва, октябрь 1915 г.

---

[1] Въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ хранится рукопись, вѣроятно, первой половины XIX вѣка, изъ собранія Бахрушина за № 42904, гдѣ на стр. 42 и дал., 129, 148 помѣщено свыше 20 пословицъ (османскихъ?) въ переводѣ. [Библіографическая литература указываетъ еще: Proverbi turchi. Arch. tradiz. pop. VIII, 1, стр. 26—8; 2, стр. 174—6; 3, стр. 415 сл. *А. С.*].

Ассиріологическія замѣтки.

I.

Титулы SAL, NIN и SAL.ME LUGAL въ документахъ XXVIII—XXIV вѣковъ.

Полковникъ Allotte de la Fuÿe первый установилъ смыслъ термина SAL, обозначающаго въ пресаргоническихъ документахъ жену патеси, въ частности — Барнамтарру, супругу патеси Лугальанды[1]. Постоянство употребленія этого титула въ примѣненіи къ супругѣ патеси достаточно убѣдительно доказывается таблеткой АО. 3415[2], идущей отъ времени Гудеа и упоминающей жену патеси Ура, также съ титуломъ SAL[3].

Эта таблетка и документы, перечисленные Allotte de la Fuÿe, кажутся мнѣ единственными, содержащими этотъ титулъ. Несравненно чаще встрѣчается, начиная съ династіи Агаде[4], упоминаніе титула NIN, примѣняемаго исключительно къ супругамъ царей. Я уже пытался конъектурально возстановить имя одной изъ царицъ[5], — Саммурамать, супруги Шаргали-шарри; мнѣ представляется теперь возможнымъ найти еще одно утерянное имя, — супруги Дунги, второго царя династіи Ура.

---

[1] Revue d'Assyriologie IX, pp. 143—152.

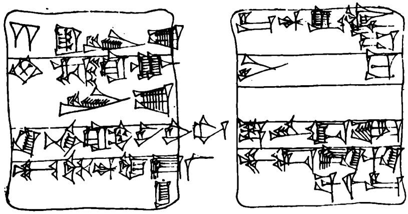
[2] Thureau-Dangin, Recueil de Tablettes Chaldéennes, n⁰ 248.

[3] В. Шилейко, Вотивныя Надписи, стр. XXIX, прим. 1.

[4] Въ пресаргоническихъ таблеткахъ встрѣчается, можетъ быть, въ nin-ni gar-ra Никольскій, Документы отчетности I, n⁰ 23 лиц. III, 12 etc.

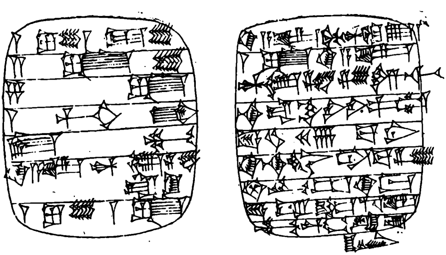
[5] В. Шилейко, Вотивныя Надписи, стр. XXIV, прим. 4. — Я вынужденъ снова и снова настаивать на отожествленіи этой царицы съ Семирамидой греческаго преданія. Вновь изданный (Scheil, Nouveaux renseignements sur Šarrukin въ Revue d'Assyriologie XIII, 1916, n⁰ 4, pp. 175—179) маленькій фрагментъ изъ Варки, содержащій шумерійскую версію Саргоновой легенды въ редакціи эпохи Исина, сообщаетъ о сватаніи Саргона I за супругу его врага, урукита Лугаль-заггиси (rev. 1—2). Эта черта, совпадающая кое съ чѣмъ въ біографіи вавилонянки, умѣвшей плѣнить сердце мальчика Адад-нирари III (о ней см. теперь E. Unger, Reliefstele Adad-niraris III aus Saba'a und Semiramis, 1916), далекимъ эхо еще откликается въ греческой Семирамидѣ.

Датированная 57-мъ годомъ Дунги таблетка въ собраніи Лихачева читается:

лиц.	1	II ganam lú-Su	2 овцы отъ народа Су,
		šag nam-ra-ak lú-Su[1]	изъ добычи, (взятой отъ) Су, —
		ki-Na-ra-am-í-lí-ta	отъ Нарâм-или
		mu-Gím-*Nin-lil-lá-šú	для Гим-Нинлиль
обор.	1	Ur-*Gál-alim sūm	Ур-Гальалимъ, мясникъ,
		í-ku	взялъ въ распоряженіе.
		itu šes-da-kú	мѣсяцъ šes-da-kú,
		mu us-sa Ki-maš^{ki}	годъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ
		ba-ḫúl	былъ разрушенъ Кимашъ.

Упоминаемый здѣсь Ур-Гальалимъ, мясникъ Гим-Нинлиль, въ другомъ документѣ[2] носитъ званіе sūm nin, — «мясника царицы». Вотъ еще одна неизданная таблетка, также изъ собранія Лихачева, говорящая въ пользу отожествленія Гим-Нинлиль съ женой Дунги:

[1] Какъ видно изъ даты слѣдующаго года, подъ «народомъ Су» понимаются здѣсь жители Харши и Хумурти.

[2] L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, n⁰ 126 (8-й годъ Бур-сина). Придворныя должности часто не зависѣли отъ смѣны государей: Schileico, Revue d'Assyriologie XI, pp. 62—63.

лиц.	I udu-še I síl-še	1 жирный баранъ, 1 жирный ягненокъ,
	II gukkal-še	2 жирныхъ праздничныхъ барана,
	V gukkal	5 праздничныхъ барановъ, —
	é-mu	на кухню
	ki-a-nág *Dun-gi-ra-šú[1]	для жертвенника Дунги;
	I udu-še I gukkal	1 жирный баранъ, 1 праздничный баранъ, —
обор.	ki-a-nág Gím-*Nin-lil-lá	для жертвенника Гим-Нинлиль;
	I gukkal ki-a-nág *Dun-gi-zi-im-ti[2]	1 праздничный баранъ — для жертвенника Дунги-зимти;
	Na-ra-am-i-li pa-ím	надсмотрщикъ: Нарâм-или.
	itu-ud-XXVIII-ba-ni	На 28 день мѣсяца
	ki-Na-lul-ta ba-zid	выдано Налулемъ
	šag Urim^{ki}-ma	въ Урѣ.
	itu ū-bí-kú	мѣсяцъ ū-bí-kú (3-й),
	mu *Bur-*Sin lugal	годъ воцаренія Бур-Сина.

Эта таблетка — подобно предыдущей происходящая изъ Дрехема — перечисляетъ жертвы, принесенныя при воцареніи Бур-Сина манамъ его родныхъ; Гим-Нинлиль названа здѣсь непосредственно вслѣдъ за покойнымъ Дунги[3].

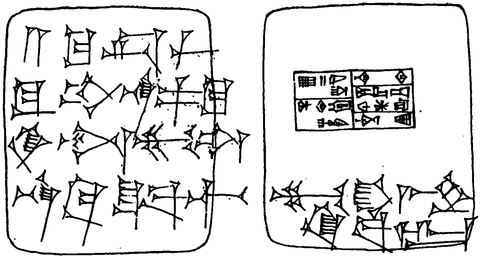
[1] Болѣе полная форма царскаго имени, звучавшаго *Dungi-rama.

[2] Ср. L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, n⁰ n⁰ 76—78; Никольскій, Документы отчетности II, n⁰ 250; старшій сынъ царя? — Другія дѣти Дунги (кромѣ Бур-сина):

1. Gimil-*Enlil: Genouillac, La Trouvaille de Dréhem, 1912, n⁰ 86 obv. 2 (55-й годъ Дунги).
2. Ur-*Sin: Genouillac, Trouv. n⁰ 81 rev. 8 (55-й годъ); AM. n⁰ 1 obv. 2 (54 г.); Никольскій² n⁰ 460 rev. 6 (55-й г.).
3. Lú-*Nannar: Legrain n⁰ 24 obv. 4 (54 г.), n⁰ 28 obv. 9 (54-й г.), Никольскій², n⁰ 460 obv. 11 (55-й г.).
4. Nadi: Genouillac, Trouv. n⁰ 81 obv. 10 (55-й г.).
5. Lugal-á-zid-da: Legrain, n⁰ 24 obv. 2 (54-й г.); Никольскій², n⁰ 530 obv. 3 (54-й г.).
6. Me-*Dungi, дочь: SA. n⁰ 12 obv. 2 (55-й г.).
7. Šat-*Sin, дочь: Legrain, n⁰ 31 rev. 1 (56-й г.); Genouillac, Trouv. n⁰ 85 obv. 3 (57-й г.).

[3] Другія упоминанія Гим-Нинлиль: Legrain, Le temps des rois d'Ur, n⁰ 278 obv. 2, n⁰ 298 rev. 2.

Можетъ быть, также правленію Дунги[1] принадлежитъ и слѣдующій документъ, — таблетка МА. 9612 Эрмитажа, называющая въ оттиснутой на ней печати титулъ SAL.ME LUGAL:

лиц.	1	II túg uš-bar	2 тканыхъ одежды,
		túg geštin-na PA.TÚG	— одежды . . . . , —
		ki-Arad-mu-ta	отъ Арад-му
		Na-di šu-ba-ti	Нади получилъ.
обор.	1	mu Ša-aš-ru^{ki}	годъ, когда Шашру
		ba-ḫul	былъ завоеванъ.

ПЕЧАТЬ:

1	É-a-í-ša[2]	Эа-иша,
	SAL.ME ki-ág lugal	любимая наложница царя;
2	Na-di	Нади,
	dumu Ur-ab-ba-dingir-ra (?)	сынъ Ур-абба-дингирры,
	arad-zu	твой слуга.

Я перевожу здѣсь «наложница», согласно вавилонской передачѣ SAL.ME черезъ tikiltu[3] «наперсница», ж. р. отъ tiklu. Изъ числа царскихъ SAL.ME мнѣ знакома еще только одна, — Башауша[4], наложница Иби-Сина.

---

[1] Или Бур-Сина.

[2] Женская форма, параллельная мужскому Ea-išû (permansivum глагола išû). Ср. имя Mama-išâ луврской печати (W. H. Ward, Cylinder Seals n° 352).

[3] Thureau-Dangin, Revue d'Assyriologie IX, p. 21 note 1; Jensen, Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1913, S. 508; Dhorme, Revue d'Assyriologie XI, p. 106.

[4] Никольскій, Документы отчетности II, n° 484.

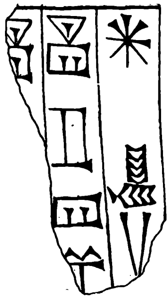
II.

Надписи государей изъ дома Ур-Бау въ русскихъ собраніяхъ.

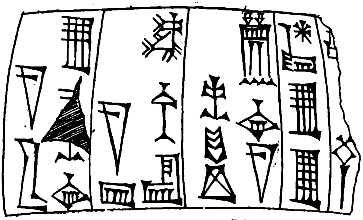
1. Статуи Гудеа.

(Собраніе Голенищева, n⁰ 5144,1-5).

Пять фрагментовъ двухъ статуй изъ сѣраго камня, болѣе чѣмъ вѣроятно изображавшихъ патеси Гудеа. Два кусочка, принадлежавшіе плечамъ статуй, содержатъ легенду:

n⁰ 5144,5.	*Nidaba	Нидабѣ,
	nin giš-túg-pi	госпожѣ разумѣнія,
	ni[n. . . . . . .]	владычи[цѣ . . . . . .]
		. . . .

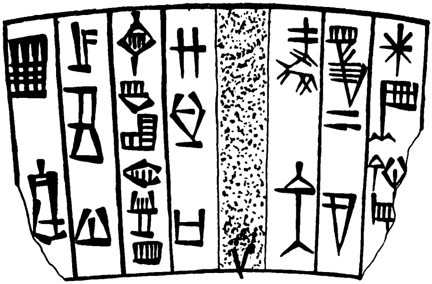
n⁰ 5144,1.	[. . . .].-gid	[. . . . .]
	*En-lil-ge	Энлиля,-
	alan-na-ni mu-tud	свою статую изваялъ
	nam-til-la-ni-šú	и за свою жизнь
	é-a mu-na-ni-gub	во храмѣ ее поставилъ.

Богиня Нидаба, покровительница письменнаго искусства, упоминается цилиндромъ А Гудеа, V 25, XVII 15, XIX 21.

2. Надпись Наммахни.

(Собраніе Голенищева, n⁰ 5152).

Фрагментъ вотивной булавы изъ сѣраго камня. Легенда:

*Gál-alim	Галь-алиму,
lugal-a-ni	своему царю,
nam-til	за жизнь
[Nam-maḫ-n]i	Наммахни,
pa-te-si	патеси
Lagaš^{ki}-ka-šú	Лагаша,
Ur-ab-ba[1]	Ур-Абба,
sukkal-maḫ	великій визирь,
[dumu *Utu-kam pa-ge]	[сынъ Уту-кама, старосты,]
[ù nam-til-la-ni-šú]	[и за свою жизнь]
[a-mu-na-ru]	[посвятилъ].

Надпись позволяетъ возстановить текстъ двухъ фрагментовъ вотивныхъ булавъ: Cros, Nouvelles fouilles de Tello p. 241 A, p. 242 E; вторая изъ этихъ булавъ посвящалась богу Ури-зидъ (*Urí-zid).

Имя патеси было умышленно стерто на булавѣ. Изъ 14 дошедшихъ отъ Наммахни надписей только четыре сохранились вполнѣ: кирпичъ Découvertes en Chaldée, II, pl. 37 n⁰ 10, дверной камень ibid. pl. 27 n⁰ 1, блюдо Heuzey, Revue d'Assyriologie, II, p. 79 (и Découvertes en Chaldée, Partie épigraphique, p. LVIII) и булава Cuneiform texts, I, 96—6—15, 1; на че-

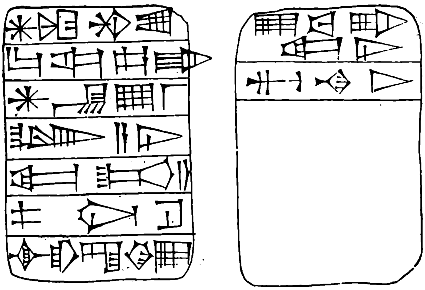
[1] Вѣроятно тожественный съ Ур-Аббой, патеси Лагаша при царѣ Ур-Энгурѣ. Сравните исторію рода великаго визиря Лани, внукъ котораго, великій визирь Арад-Наннаръ, получилъ патесіатъ Лагаша при царѣ Иби-Синѣ (Nouvelles fouilles de Tello p. 183 и AO. 4198, ibidem p. 185).

тырехъ другихъ[1] имя было умышленно стерто, а послѣднія шесть разбиты[2], — вѣроятно еще въ древности: ударъ во всѣхъ шести случаяхъ пришелся по имени патеси.

3. Надпись Гудеа.

(Эрмитажъ).

Вотивная таблетка изъ чернаго діорита, инвентарный nº мнѣ неизвѣстенъ. Легенда:

лиц.	1	*Nin-gir-su	Нингирсу,
		ur-sag KAL-ga	могучему воину
		* En-lil-lá	Энлиля,
		lugal-a-ni	своему царю, —
	5	Gú-dē-a	Гудеа,
		pa-te-si	патеси
		Lagaš^{ki}-ge	Лагаша,
обор.	1	é-Ba-gà-ka-ni	его храмъ въ Бага
		mu-na-dū	построилъ.

Эта надпись позволяетъ отнести къ правленію Гудеа таблетку AO. 3349[3], помѣченную, «построеніемъ храма въ Бага»[4]. Фрагментъ параллельнаго текста въ Берлинѣ: VA. 2101[5]; самый храмъ, посвященный Нингирсу, упоминается цилиндромъ А Гудеа, II 7, 9, X 27.

---

[1] Женская статуэтка Déc. en Chaldée, Partie épigraphique, p. LVIII; булавы Golén. nº 5152, AO. 309 и Découvertes, Partie épigr. p. LVIII.

[2] Ваза Découvertes en Chaldée, pl. 44 bis nº 5, булавы VA. 3042 (= Vorderasiatische Schriftdenkmäler, I, nº 12), Nouvelles fouilles de Tello p. 241 A, p. 242 C, D и E.

[3] Thureau-Dangin, Recueil de Tablettes Chaldéennes, nº 212.

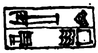
[4] Шилейко, Вотивныя надписи, 1915, стр. XXVII, прим. 8.

[5] Vorderasiatische Schriftdenkmäler I, nº 18.

4. Цилиндръ Ка-азага.

(Эрмитажъ, МА. 17397).

Каменный цилиндръ исключительно тонкой работы. Двойной Эабани, одолѣвающій льва; справа внизу—Гильгамешъ, возвращающійся отъ истоковъ обѣихъ рѣкъ. Легенда:

Ka-azag	Ка-азагъ,
dub-šar	секретарь.

Принадлежность цилиндра сыну Наммахни доказывается несравненнымъ изяществомъ выполненія печати, представляющей одинъ изъ лучшихъ образцовъ искусства XXV вѣка. Въ эпоху этой печати Ка-азагъ очевидно еще не былъ наслѣдникомъ престола[1]; цилиндръ принадлежитъ, слѣдовательно, правленію Ур-Нингирсу или Гудеа.

5. Надпись Ур-Гара.

(Собраніе Голенищева, n⁰ 5151).

Вотивная булава изъ зеленоватаго камня, фрагментъ. Легенда:

*Dun-šag-ga-na	Дуншаггапѣ,
dumu ki-ág	любимому сыну
*Nin-gir-su-ka	Нингирсу,
lugal-a-ni	своему царю,—
nam-til	за жизнь
Ur-Gar	Ур-Гара,
pa-te-si	патеси
Lagaš^{ki}-ka-šú	Лагаша,
Nin-ka-gi-na	Нинкагина[2],
dumu Ka-[azag]	дочь Ка-[азага],
da[m-ni]	[его ж]ена,
[ù nam-til-la-ni-šú]	[и за свою жизнь]
[a-mu-na-ru]	[посвятила].

[1] Сравните карьеру патеси Лугаль-ушумгаля, первоначально также «секретаря» (Шилейко, Вотивныя надписи, стр. 13—14).

[2] Шилейко, Вотивныя надписи, стр. XXVIII примѣчаніе 1.

Параллельный текстъ содержался, можетъ быть, на фрагментѣ булавы Nouvelles fouilles de Tello p. 241 B, сдѣланной изъ характернаго чернаго съ широкими бѣлыми пятнами мрамора, свойственнаго нѣкоторымъ булавамъ Наммахни. Надпись голенищевскаго фрагмента окончательно опредѣляетъ мѣсто Ур-Гара въ ряду государей династіи, помѣщая его послѣ Ка-азага.

Отъ времени Ур-Гара сохранилась еще одна только надпись, — на женской статуэткѣ Découvertes en Chaldée, Partie épigraphique p. LVIII. Первая колонна этой надписи отбита; вотъ двѣ остальныхъ:

II, 1	nam-til	за жизнь
	Ur-gar	Ур-Гара,
	pa-te-si	патеси
	Lagaš^{ki}-ka-šú	Лагаша,
5	[Nin-gán-dú]	[Нин-ганду,]
III, 1	dumu Ur-*Ba-ú	Дочь Ур-Бау,
	pa-te-si	патеси
	Lagaš^{ki}-ka-ge	Лагаша, —
	ù nam-til-la-ni-šú	и за свою жизнь
5	a-mu-na-ru.	посвятила.

Имя дочери Ур-Бау, — жены Наммахни и бабки жены Ур-Гара, — въ подлинникѣ тщательно стерто. Отъ патеси Ка-азага, тестя Ур-Гара, не сохранилось ни одной надписи [1]; въ какомъ видѣ дошли до насъ документы Наммахни, я уже говорилъ. Кто-то преслѣдовалъ самую память объ этой вѣтви династіи, уничтожая имена Наммахни и Ка-азага и истребляя въ документахъ Ур-Гара то женское имя, на которое опиралось право Ур-Гара на престолъ. Кто былъ гонителемъ? Отвѣтъ не кажется мнѣ невозможнымъ.

Три слѣдующихъ за Ур-Гаромъ патеси [2], — Лу-Гула, Лу-Бау и Ур-Мама, — правили по одному только году [3]. Власть переходитъ затѣмъ, — судя по палеографическимъ даннымъ, безъ всякаго промежутка, — въ руки Ур-Аббы [4], патеси при царѣ Ур-Энгурѣ. Сыну Ур-Энгура, царю Дунги,

[1] Таблетки съ его именемъ: АО. 3310, АО. 3311 и АО. 3890. Таблетка Ур-Гара: АО. 3308. Таблетка Наммахни: АО. 3309.

[2] Шилейко, Вотивныя надписи, стр. XXVIII.

[3] Таблетки съ ихъ именами: АО. 3328, АО. 4309 (Nouvelles fouilles de Tello p. 184), АО. 3327 и АО. 3306. Вотивная надпись Ур-Мамы: АО. 3284 (Découvertes en Chaldée, Partie épigraphique p. LVIII).

[4] Thureau-Dangin, Recueil de Tablettes Chaldéennes, n° n° 261—265 и 287.

посвящена надпись нѣкоего Ур-Нингирсу[1], глубокаго старца, какъ должно заключить изъ его первосвященническихъ титуловъ[2],—котораго Thureau-Dangin[3] считаетъ тожественнымъ съ патеси Ур-Нингирсу, сыномъ Гудеа[4]. Это предположеніе подкрѣпляется для меня тѣмъ исключительнымъ культомъ, какимъ окружена была память Гудеа при царяхъ династіи Ура[5].

Если такое отожествленіе правильно, истребленіе имени Наммахни объясняется просто и легко. Гудеа владѣлъ престоломъ въ качествѣ зятя Ур-Бау[6]; его первая жена, дочь Ур-Бау, умерла прежде своего супруга[7]. Ур-Нингирсу, наслѣдовавшій своему отцу, былъ сыномъ второй жены Гудеа; его право на тронъ слѣдовательно не было безусловнымъ. Удачнымъ претендентомъ выступилъ болѣе законный наслѣдникъ, другой зять Ур-Бау, женатый на его дочери Нин-ганду патеси Наммахни, свергнувшій Ур-Нингирсу. Власть перешла затѣмъ къ сыну Наммахни отъ Нин-ганду, патеси Ка-азагу, а по его смерти къ мужу его дочери Нинкагины, патеси Ур-Гару. Вотъ маленькая таблица преемниковъ Ур-Бау:

1. Ур-Бау

♀Нин-...† + 2. Гудеа + ♀Гим-Дунпае ♀Нин-ганду + 4. Наммахни
(дочь Ур-Бау) (дочь Ур-Бау)

3. Ур-Нингирсу 5. Ка-азагъ

♀Нин-кагина + 6. Ур-Гаръ
(дочь Ка-азага)

Послѣ трехъ эфемерныхъ патеси, едва-ли принадлежавшихъ къ дому Ур-Бау, верховная власть надъ страной переходитъ въ руки династіи Ура, по своимъ основаніямъ нашедшей нужнымъ вернуть былой почетъ остававшемуся еще въ живыхъ сыну Гудеа. Свое реставрированное вліяніе этотъ послѣдній использовалъ прежде всего для посмертной мести человѣку, нѣкогда безповоротно отнявшему у него тронъ.

---

[1] Cuneiform Texts V n⁰ 12218.

[2] Découvertes en Chaldée pl. 26 n⁰ 5, pl. 37 n⁰ 8.

[3] Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften S. 147 Anm. 1.

[4] Découvertes en Chaldée pl. 37 n⁰ 9; Cuneiform Texts X n⁰ 86917. — Новыя надписи патеси Ур-Нингирсу: Шилейко, Вотивныя надписи, стр. 18, Découvertes en Chaldée pl. 46 n⁰ 9 и Cuneiform Texts XXIII n⁰ 104721.

[5] Jauneau, Une dynastie Chaldéenne, 1911, считалъ даже поэтому Гудеа современникомъ Дунги.

[6] Découvertes en Chaldée pl. 22 bis n⁰ 2, Partie épigraphique p. LIX и Thureau-Dangin, Revue d'Assyriologie VII p. 186.

[7] Печать Menant, Catalogue des cylindres orientaux du cabinet royal des médailles de la Haye, p. 59, называетъ уже другую жену Гудеа, нѣкую Gim-*Dun-pa-è.

III.

Неизданная надпись Дунги.

Фрагментъ вотивной булавы изъ чернаго базальта, на которомъ вырѣзана эта надпись, — n^{0} 5150 бывшаго собранія Голенищева, — принадлежитъ Московскому Музею Изящныхъ Искусствъ; я привожу легенду по фотографическому снимку съ фрагмента.

[*X]	[Богу X,]
[lugal-a-ni]	[своему государю,]
[nam-til]	[за жизнь]
[*Dun-gi]	[Дунги,]
[nitaḫ KAL-ga]	[мощнаго мужа,]
[lugal Urim^{k}]^{i}-ma	[царя Ур]а,
lugal Ki-en-gi Ki-uri-ka-šú	царя Шумера и Аккада, —
Ur-Mes	Ур-Месъ,
dumu I-lam-lam-mu-ma-ge	сынъ Илам-ламмумы,
a-mu-na-ru	принесъ въ даръ.

Имя царя не сохранилось въ уцѣлѣвшихъ строкахъ фрагмента, но его легко возстановить. Цари второй династіи Ура дважды мѣняли свою титулатуру, — при основателѣ дома Ур-Энгурѣ, прибавившемъ къ титулу Урскаго царя[1] титулъ царь Шумера и Аккада[2], и при его сынѣ Дунги, во второй половинѣ своего правленія замѣнившемъ эти слова универсальнымъ царь четырехъ странъ свѣта[3], удержаннымъ его преемниками. Палеографически позднѣйшая Ур-Энгура, надпись датируется первой половиной правленія Дунги. — Имя жертвователя булавы, Ur-Mes, представляетъ обычное сокращеніе полной формы Ur-*Mes-lam-ta-é-a; семитическое имя его отца (Ilam-lammû-ma ср. Ilam-išû, женск. Ea-išâ, Mama-išâ), встрѣчается здѣсь, сколько я знаю, впервые.

---

[1] F. Thureau-Dangin, Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften, 1907, XX, A, Ur-engur a, b, f, h, n.

[2] Thureau-Dangin, SAKI XX A, Ur-engur c, d, e, g, i, k, l, m; Dungi a, b, c, d, e, f, h, i, k, l, m, n, p, w, a′, b′, c′.

[3] Thureau-Dangin, SAKI XX A, Dungi g, o (?), s, t, y, e′.

IV.

Объ одной ханаанской поговоркѣ.

Риб-Адди библскій пишетъ фараову: eḳlija aššata ša lâ muta mašil aššum bali irišim *мое поле подобно женѣ безъ мужа, затѣмъ что нѣтъ земледѣльца*[1]. Какъ видѣли Д. Миллеръ[2] и О. Веберъ[3], въ этой фразѣ заключена цитата поговорки: *жена безъ мужа подобна полю безъ пахаря.*

Невавилонское происхожденіе цитаты очевидно. Сравненіе жены съ воздѣланной землей обычно для классическаго Востока[4], дальнѣйшее развитіе подобія, однако, необходимо зиждилось на нѣкоторыхъ данныхъ, всего естественнѣе—на омофоніи. Слова *жена* и *мужъ*, *земля* и *земледѣлецъ* созвучны только въ ханаанской группѣ семитическихъ языковъ: אשה בלא איש כאדמה בלא אדם *жена безъ мужа, какъ поле безъ пахаря*, и этимъ рѣшается вопросъ объ оригинальномъ языкѣ поговорки.

Я думаю, что эта маленькая «притча» (מָשָׁל) была извѣстна автору второй главы Бытія. На протяженіи короткаго разсказа здѣсь использованы оба сочетанія: וְאָדָם אַיִן לַעֲבֹד אֶת־הָאֲדָמָה Бытія II 5, ср. Бытія II 6, и дальше: לְזֹאת יִקָּרֵא אִשָּׁה כִּי מֵאִישׁ לֻקֳחָה־זֹּאת Бытія II 23.

В. Шилейко.

[1] J. A. Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln n⁰ n⁰ 74 17-19, 75 15-17, 81 37-38, 90 42-44.
[2] D. H. Müller, Semitica I S. 30 ff.
[3] O. Weber, Die Literatur der Babylonier und Assyrer, 1907, S. XVI, 307.
[4] Spiegelberg, Der alte Orient VIII n⁰ 2 S. 30.

Персидскія народныя четверостишія.

II.

Персидскія народныя четверостишія, какъ уже было указано[1], представляютъ особую форму народной поэзіи и выдѣлены поэтому въ особую группу среди матеріаловъ по народному творчеству Персіи, собранныхъ мною въ 1912—1914 гг.

Четверостишія эти записаны были мною въ 1913 и 1914 гг. въ центральной и южной Персіи, въ различныхъ пунктахъ послѣдней, которые приводятся вмѣстѣ съ датой записи подъ каждымъ четверостишіемъ. Четверостишія расположены въ алфавитномъ порядкѣ конечныхъ буквъ риѳмы, въ предѣлахъ-же одинаковой конечной буквы риѳмы четверостишія расположены въ алфавитномъ порядкѣ начальныхъ буквъ каждаго.

1] Äга́р му́рдум[2] гузōрі́нум[3] са́ре рō   Сезо́ ву нōссэзо́ бäр мäн зäнäд пō
Jéкī гӯjäд ке īн гӯре kapі́бä[4]   Jéкī гӯjäд ке дōҕ äз jōр дōрä́[5]

اگر مُرْدُم گذارینُم سرِ را   سزا و ناسزا بر من زند پا
یکی گوید که این گورِ غریبه   یکی گوید که داغ از یار داره

Если я умру, меня похороните при дорогѣ,
Достойный и недостойный пройдутъ надо мною;
Одинъ скажетъ — это могила пришлеца,
Другой молвитъ: страданье отъ друга онъ имѣетъ.

Сивендъ — Шпразъ 1914.

---

[1] ЗВО, XXIII, стр. 313 сл.

[2] v. му́рдäм. [3] v. Ш. гузōрі́нäм (діалект.) = مرا بگذارید.

[4] v. С. kapі́бäн, зäмі́нäн = زمین است; غریب است; v. Ш. ке захм äз мōр дōрé. [5] v. Ш. ке кōм äз дil нäдīдé.

2] Бебăндäм шōl бiăндōзäм kaдăкрō   Беѓăрдäм дōуре дунjōjе фäläкрō
Беѓăрдäм тō бiбiнäм чăшме зōрī   Бўшўрäм hăр дў дăсте бīнäмăкрō

ببندم شال بِانْدازم قدکرا   بگردم دَوْرِ دنیای فلکرا
بگردم تا ببینم چشمِ زاری   بُشورم هر دو دستِ بینمکرا

Повяжу я (поясную) шаль, наброшу на плечи «кабā»[1] изъ «кадака»[2],
Поскитаюсь я по свѣту и по міру;
Поскитаюсь, чтобы повидать заплаканныя очи,
Умою обѣ руки не извѣдавшія соли[3].

Ширазъ 1914.

3] Бесōзäм рўjе хўд мäн īн зäмўнрō   Бусўзўнäм дile пīр у џäвўнрō
Бесōзäм чīне зўlфäм halkă halkă   Бiјōрäм дăр кăмăндäм ōшiкўнрō

بسازم روی خود من این زمانرا   بُسوزانم دل پیر و جوانرا
بسازم چینِ زلفم حلقه حلقه   بیارم در کمندم عاشقانرا

Разукрашу я свое лицо въ настоящее время,
Сожгу сердце старца и юноши;
Завью кудряшки локоновъ своихъ колечками,
Завлеку въ петлю аркана своего влюбленныхъ.

Ширазъ 1914.

4] Буläндī мīзäнéм бéшноу сäдōрō   Сăге Leilī негīред ōшенōрō
Сăге Leilī бе мō ōшнō нèмīшéд   Нéкун ваквăк ке īн соудō нèмīшéд

بلندی میزنم بشنْوَ صدارا   سگِ لیلی نگیرد آشنارا
سگِ لیلی به ما آشنا نمیشد   نکن وُقُوق که این سَوْدا نمیشد

Я громко кричу — прислушайся къ крику,
Собака Лейлӣ не нападаетъ на знакомаго;
Собака Лейлӣ съ нами знакома не станетъ,
Не лай, вѣдь это дѣло не выгоритъ.

Ездъ 1913.

---

[1] Верхняя мужская одежда — родъ кафтана безъ воротника, съ открытой грудью.
[2] Тонкая матерія разныхъ цвѣтовъ, которую ткали въ Ездѣ, родъ сатина.
[3] т. е. я всегда встрѣчалъ со стороны людей одну лишь неблагодарность (дăстäм бīнäмăк шуд) и поэтому перестану имѣть съ ними дѣло.

5] *Бе бо̄дӯму́[1] гузо́рäм шуд худо́јо̄   Ду́го̄ духту́ уббо́läм шуд худо́јо̄
Нijáт ка́рдäм џоlовiро̄ бiгӣрáм   Ке думбо̄lí суво́рäм шуд худо́јо̄

به بادامو گذارم شد خدایا   دوتا دُختو اُبالم شد خدایا
نیت کردم جُلوبرا بگیرم   که دُنبالی سُوارم شد خدایا

Чрезъ рощу миндальныхъ деревьевъ мнѣ проходить пришлось, о Боже!
Двѣ дѣвушки навстрѣчу мнѣ попались, о Боже!
Задумалъ я впереди шедшую поймать,
Позади шедшая верхомъ на мнѣ усѣлась, о Боже!

Керманъ 1913.

6] Бiјо́у бо̄д у буро́у бо́де саhарго́   Хäбáр äз мäн бéбäр Пӯзé Кадäмго́
Бугу́ дilвáр доhо́јäт мӣресо́нум[2]   Бе џеlгéје Кáрсе Дäш́т[3] му́рдум бе сäрмо́[4]

بیاو باد و بُرَوْ بادِ سحرگا   خبر از من ببر پوزه قدمگا
بُگو دِلْوَر دُعایت میرسانُم   به جلگهٔ قصرِ دشت مردُم به سرما

Приди, вѣтеръ, и отправляйся, вѣтеръ утренней зари,
Вѣсть обо мнѣ снеси въ Пӯзэ Кадамга̄хъ[5];

---

[1] Сортъ горнаго миндальнаго дерева съ мелкими несъѣдобными плодами.
* v. ibid. всего четверостишія:

Ду́го̄ духтáр вäр ӣн гоудо́l мӣрáфт   Јéкӣ пӣш у јéкӣ думбо́l мӣрáфт
Нijáт ка́рдäм џоlовiро̄ бèгӣрáм   Ке думбо̄lí мiсо́lе бо̄д мӣрáфт

Двѣ дѣвушки по этому оврагу шли,
Одна впереди, а другая позади шла;
Я вознамѣрился впереди (шедшую) поймать,
Позади (шедшая) подобно вѣтру (быстро) шла.

v. Е. того-же четверостишія:

Ду́го̄ духтáр láбе дӣво́l ди́дäм   Јéкӣ пӣш у јéкӣ думбо́l ди́дäм
Нijáт ка́рдäм ке пӣши́шро̄ бiгӣрáм   Ке ду́мбо̄lи́ш че kу́рсе мо̄h ди́дäм

Двухъ дѣвушекъ на краю стѣны увидѣлъ я,
Одну впереди, а другую позади увидѣлъ я;
Я вознамѣрился переднюю поймать,
Позади (стоявшую) подобной диску мѣсяца увидѣлъ я.

[2] v. Кен. мӣрäсу́нäм. [3] v. Кен. Јäздехо́сс — Ездеха̄стъ, лежащій въ 8 фарс. къ в. отъ Шираза; другой Е. находится въ гярмесӣрѣ—жаркой полосѣ Фарса въ булюкѣ Мазӣджа̄на, на пути изъ Да̄ра̄ба въ Ла̄ръ, фарс. въ 15 отъ послѣдняго (Фа̄рс-на̄мэ, II, 291); наконецъ, наиболѣе извѣстный путешественникамъ Е. лежитъ на большой караванной дорогѣ изъ Исфагана въ Ширазъ, въ 11 фарс. отъ А̄ба̄дэ. [4] v. Кен. ѓäрмо́. [5] Пӯзé Ķадäмго́ называется южный выступъ (پوزه) горнаго кряжа Ку́hе Раhмáт, у подошвы сѣв. выступъ

Скажи: «возлюбленная, молитву о тебѣ я сообщаю —
Въ равнинѣ Касре Дашта[1] умеръ я отъ стужи».

Сивендъ — Кенāрэ 1914.

7] Дiläм мiхőд бегiрäм Mōhгуlÿpō   Ћäмÿп чäшмő дурÿшт у хȳшгеlÿpō
Ћäмÿн духтÿ ке дőрäд хőle нiкÿ   Дilōрőм у каша́ңг у макбȳlÿpō

دِلم میخواد بگیرم ماهگُلورا   همان چشما دُرُشْت و خوشگِلورا
همان دُختو که دارد خالِ نیکو   دلارام و قشنگ و مقبولورا

Сердце мое желаетъ, чтобы я взялъ Māhгуль,
Ту самую большеглазую и красивую;
Ту самую дѣвушку, которая имѣетъ прелестную родинку,
(Дѣвушку) сердце успокаивающую, прекрасную и миловидную.

Керманъ 1913.

8] Земестÿп бőдäст у ба́рфäст у сäрмő   Тȳвестÿп ōтéше ѓа́рмäст у ѓäрмő
Че хȳш бōша́д боhőр у еiд у ноурÿз   Ке häр џō мiрäсí гȳjéп бèфäрмő

زمستان بادست و برفست و سرما   تاوستان آتشِ گرمست و گرما
چه خوش باشد بهار و عید و نوروز   که هرجا میرسی گویند بفرما

Зимою — вѣтеръ, снѣгъ и холодъ,
Лѣтомъ — горячій зной и жара;
Какъ хорошо бываетъ весною и въ праздникъ «ноуруза»:
Всюду куда ни придешь — говорятъ «пожалуйста»!

Ездъ 1913.

9] *Саhаргőhī рäсiдем дäр Хурäмшő   Бедiдем духта́рī ка́рдем тäмōшő
Бегÿфтем духтерéк бÿсī бе мō деh   Бегÿфт еi бihajő jőрем äз iнџő

котораго (Пÿзé Туфäңiчi) лежатъ развалины Персеполя. Въ этомъ южномъ выступѣ высѣчена площадка, отъ которой вверхъ и внизъ идутъ двѣ высѣченныхъ въ скалѣ лѣстницы. См. Мухаммадъ Насиръ Фурсати Хусейни-и-Ширāзи. Āсāр-и-ʿАджамъ. Бомбей. 1312, стр. ٢٤٥ — ٢٤٦.

[1] Касре Даштъ (قصر الدشت—зàмокъ равнины) находится въ булюкѣ Кемина (Фāрснāмэ, II, 260) въ разстояніи около 2 фарс. отъ Калилака, центра булюка, въ 3 фарс. отъ Сивенда и въ фарс. 14 къ с.-в. отъ Шираза. Названіе свое эта деревня получила отъ развалинъ кирпичнаго зданія (قصر), строителемъ котораго мѣстное преданіе считаетъ Баhрāма Гȳра, поселившаго въ немъ одну изъ своихъ красавицъ — царевенъ.

سحرگاهی رسیدم در خُرَمْشا بدیدم دختری کردم تماشا
بگفتم دخترک بوسی به ما ده بگفت ای بیحیا یارم از اینجا

Однажды на зарѣ пришелъ я въ Хуррамшāхъ [1],
Увидѣлъ одну дѣвушку, залюбовался (ею);
Сказалъ я: дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай;
«Эй, безстыжій, (вѣдь) другъ мой здѣсь (поблизости)», молвила она.

Ездъ 1913.

10] Гýle махмāl [2] мáзäн тӯ пō бе дäрjṓ Мáхӯр ʒусте́ берṓjе мṓle дуңjṓ
Мáхӯр ʒусте́ ке мäрдýм мṓle дōрáн [3] Черṓʒе ка́с пäсӯзáд тō бе фäрдṓ

گُلِ مَخْمَل مزن تو پا به دریا مخور غُصّه براي مالِ دُنیا
مخور غُصّه که مردُم مال دارند چراغ کس نسوزد تا به فردا

Цвѣтикъ амаранта, не старайся понапрасну,
Не тоскуй по богатствамъ свѣта;
Не тоскуй (о томъ), что люди богатства имѣютъ,
Ничей свѣтильникъ не горитъ до завтрашняго дня.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

11] Láбäт kанд у доhṓнäт шīр у хурмṓ Тӯ ва'дéjе чiнíн бäр мō нäфäрмṓ
Äѓáр ке ва'деhṓт häмé чiнíнен Кенṓре ва'деџṓт мýрдум зе сäрмṓ

لبت قند و دهانت شیر و خُرما تو وعدهٔ چنین برما نفرما
اگر که وعدهات همه چنینند کنارِ وعدجات مُردُم ز سرما

---

[1] Деревня въ 2 фарс. къ з. отъ Езда, на пути въ Тафтъ, населенная гебрами.
* v. всего четверостишія:

Cahalrṓhī рäсíдäм бṓʒе пестé Бедíдäм духтäрý ӯнџṓ нiшäстé
Бегýфтäм духтäрý jäi бӯс бе мō деh Бегýфт еі бīhajṓ jṓрäм нiшäстé

Однажды на зарѣ пришелъ я въ садъ фисташковыхъ деревъ,
Увидѣлъ (ту) дѣвушку усѣвшуюся тамъ;
Сказалъ я: «дѣвушка, одинъ поцѣлуй намъ дай»,—
Сказала она: «эй безстыжій—(вѣдь) другъ мой (здѣсь) сидитъ».

[2] Gomphrena globosa, globe amaranth.
[3] v. Ш. первыхъ трехъ стиховъ:

Берōдáр тӯ мáшīн бäр рýjе дäрjṓ
Бäфṓ бäр ка́с нäдōрáд мṓle дуңjṓ
Берōдáр ʒам мáхӯр шýкре худṓ кун

Братъ, ты не садись на поверхность моря,
Вѣрности никому не соблюдаетъ богатство міра;
Братъ, не тоскуй, возблагодари Бога

Губы твои (какъ) сахаръ, а ротъ твой (какъ) молоко съ финиками,
Ты такое обѣщаніе намъ не изволь давать;
Если-же твои обѣщанія всѣ таковы,
У края обѣщаній твоихъ умру я отъ холода.

Исфаганъ (бахтіяр.) 1913.

12] Муса̀lмōну́н бѐбīні́д тōlі́ʻ мо́рō — Ке емша́б мі̇бäра́н aḣво́le мо́рō
Ке емша́б мі̇бäра́н а́ӈдäш бѐбäнда́н — Пäрīшу́н мі̇шäва́д aḣво́le мо́рō

مسلمانان ببینید طالع مارا — که امشب میبرند احوالِ مارا
که امشب میبرند عقدش ببندند — پریشان میشود احوالِ مارا

Мусульмане, воззрите на нашу звѣзду (счастья) —
Сегодня ночью уведутъ наше счастье;
Сегодня ночью уведутъ (и) замужъ ее выдадутъ, —
Тревожнымъ станетъ наше настроеніе.

Шиpазъ 1914.

13] Не́је шіши́бу́р ка́ма́р бäсте́ бе шіш џо — Мі̇ју́не ōшікӯн у шōуке paʻнṓ
Ḣäр у́нка́с ке зебу́не неі бѐдӯна́ — Не́је шіши́бу́р мі̇гӯја́д lōм äле́ф lō

نیِ شِشبُر کمر بسته به شِش جا — میانِ عاشقان و شوقِ رعنا
هر آنکس که زبانِ نیْ بداند — نیِ شِشبُر میگوید لام الف لا

Тростникъ шестинадрѣзный [1], опоясанный въ шести мѣстахъ [2],
Между влюбленными и страстью къ прелестницѣ;
Всякій тотъ, кто языкъ тростника познаетъ,
(Услышитъ, что) тростникъ шестинадрѣзный говоритъ: «лямъ алефъ-ля» [3].

Керманъ 1913.

14] Ве́le kōlīчебо́фум дäсс ма̀рīзо́ — *Ḣapі́pe сі̇несо́фум дäсс ма̀рīзо́
Тӯ ке kaiчі́ зäні́ бō ру́је kōlі́ — **Мі̇ју́не пäнџе́ ву ша́ссäт ма̀рīзо́

ولِ قالیچه‌بافم دست مریزا — دریرِ سینه صافم دست مریزا
تو که قیچی زنی با روی قالی — میانِ پنجه و شستت مریزا

[1] т. е. съ шестью междоузліями.
[2] т. е. перетянутый въ мѣстахъ междоузлій зеḣ'омъ — тонкой бычачьей жилой.
[3] т. е. по-арабски «нѣтъ» — отрицательный отвѣтъ прелестницы.
* v. Кен.: Дӯвōре́ бо̀ріка́llо́ дäсс ма̀рīзо́.
Вторично молодецъ ты! да будетъ тебѣ благо!
** v. Кен.: Ӈуlо́ме зäрхäрі́дум дäсс ма̀рīзо́.
Я златомъ купленный рабъ (твой), да будетъ тебѣ благо!

Цвѣтикъ мой ткущій коверъ, да будетъ тебѣ благо[1]!
Шелкъ мой гладкогрудый, да будетъ тебѣ благо!
Ты ножницами подстригаешь поверхность ковра,
Между ладонью и большимъ пальцемъ твоимъ да будетъ тебѣ благо!

Сивендъ — Кенāрэ 1914.

15] Вélāм дäр гäрмесіl ӯмäд бе бōlō   Рікōбäш нукрé ву зīнäш мінаllō
Бурбу тӯ ōбе сäрhäд нéше џун[2] кун   Вélāм рäфт у мäрō ōтéш бе џун мӯнд

ولم در گرمسیل آمد به بالا   رکابش نقره و زینش منلّا
برو تو ابِ سرحد نشِ جان کن   ولم رفت و مرا آتش به جان موند

Цвѣтикъ мой въ гярмесирѣ[3] взобрался на верхъ,
Стремя у нея изъ серебра, а сѣдло ея...
Ступай, ты, воду сарhада[4] выпей на здоровье,
Цвѣтикъ мой ушелъ, и у меня на душѣ огонь (страданія) остался.

Ширазъ 1914.

16] *Älō môhe булäн меhмӯнäм емшäб   Гедō бӯдäм вélī суlтӯнäм емшäб
Хäбäр бäр мōдäре пірäм рäсӯнід   Ке дур рō бäр садäф мīншӯнäм емшäб

الا ماهِ بلند مهمانم امشب   گدا بودم ولی سلطانم امشب
خبر بر مادرِ پیرم رسانید   که دُر را بر صدف مینْشانم امشب

---

[1] дäсс мäрīзō, въ правильной формѣ دست مریزاد, значитъ: да не разсыпется, да не истлѣетъ твоя рука!—формула одобренія и благопожеланія.

[2] = نوش جان.

[3] Гярмесиръ (множ. ч. гäрмесірōт)—мѣстности по побережью Персидскаго залива, отличающіяся жаркимъ климатомъ, куда перекочевываютъ племена Фарса съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ холодовъ; тур. кышлак.

[4] Сарhадъ (множ. ч. сäрhадōт), иначе сäрдесір—мѣстности, расположенныя высоко надъ уровнемъ моря, на склонахъ горныхъ хребтовъ и въ горныхъ долинахъ, отличающіяся умѣреннымъ климатомъ, обиліемъ растительности, вкусной родниковой водой, зимой-же сильными холодами и большимъ количествомъ осадковъ, когда дороги въ этихъ мѣстностяхъ становятся непроходимыми изъ-за массы снѣга. Сюда перекочевываютъ весной изъ гярмесира кочевыя племена Фарса; тур. jaiлak.

* v. Ш. всего четверостишія:

Біjō сäрве чäмäн меhмӯнäм емшäб   Гäдō бӯдäм вälī суlтӯнäм емшäб
Бе дäсте нōзӯкäт ƃоlīчé бéндоз   Ке тō дур дäр садäф беншӯнäм емшäб

Приди, кипарисъ (растущій) на лужайкѣ — я въ гостяхъ сегодня ночью;
Нищимъ былъ я, но царь я сегодня ночью;
Рукою нѣжною своей коверъ ты разстели, —
Чтобы жемчужину въ раковину всадилъ я сегодня ночью.

Эй высокій мѣсяцъ, — я въ гостяхъ сегодня ночью,
Нищимъ былъ я, но царь я сегодня ночью;
Вѣсть престарѣлой матери моей вы сообщите,
Что жемчужину въ раковину всажу я сегодня ночью.

Керманъ 1913.

17] Біјō сокы́ ке меhмўн дōрāм умшāб Нä тāмбōкý нä kaljўн дōрāм умшāб
Хўдäт äррé бўбуррí тíзе џўнум Хўдäт шäмшíр бäр дōрí бäнде џўнум

بیا ساقی که مهمان دارم اُمشب نه تنباکو نه قلیان دارم اُمشب
خودت ارّه بُبُرّی تیز جانُم خودت شمشیر بر داری بندِ جانُم

Прійди, кравчій, гостя имѣю я сегодня ночью;
Ни табаку, ни кальяна не имѣю я сегодня ночью;
Самъ ты пилой распили быстро мою душу,
Самъ ты мечъ подними на связки моей души.

Ширазъ 1914.

18] Сетōре́ ōсемўн мīшмōрäм емшāб[1] Бе бōліпум мāјō[2] бīмōрäм[3] емшāб[1]
*Бе бōліпум мāјō[3] хōбе хўшī кун Тäмўме душмäнўн бідōрäн емшāб[1]

ستاره آسمان میشمارم امشب به بالینُم میا بیمارم امشب
به بالینُم میا خواب خوشی کن تمام دشمنان بیدارند امشب

---

[1] v. И. емшōу. [2] v. К. біjō. [3] v. И. Е. К. тäб дōрāм.
* vv. второй половины четверостишія:

И. Берōу бō рāхте хōбе хўд бéкун нōз Тäмўм hämсōдегўн бīдōрен емшōу

Ступай, на постели своей ты понѣжься, —
(Вѣдь) всѣ сосѣди бодрствуютъ сегодня ночью.

Е. Бе бōлінäм мāјō тäбдōр мішí Гіріфтōре тäбе біпір мішí

Къ изголовью моему не подходи,—одержимымъ лихорадкой станешь,
Плѣнникомъ жестокой лихорадки станешь.

К. Ке мīдўзäм чекмé мōhўте мішкí Бе бōлінäм мīјōјäд јōрäм емшāб

Сошью я сапоги изъ чернаго сукна, —
Къ изголовью моему придетъ мой другъ сегодня ночью.

v. Е. всего четверостишія:

Сетōре́ ōсемўн мīшмōрäм емшāб Гедō бўдäм вéлі султōнäм емшāб
Саhаргō џōје мäн мäстōне́ бéндōз Ке пōбäнде гўле бīхōрäм емшāб

Звѣзды небесныя считаю я сегодня ночью,
Нищимъ былъ я, но царь я сегодня ночью;
На зарѣ постель для меня упоительно приготовь —
Во власти розы безъ шиповъ я сегодня ночью.

Звѣзды небесныя считаю я сегодня ночью,
Къ изголовью моему не подходи—я боленъ сегодня ночью;
Къ изголовью моему не подходи, засни сладкимъ сномъ,
Всѣ враги (мои) бодрствуютъ сегодня ночью.

Исфаганъ (бахт.) — Ездъ — Керманъ 1913.
Ширазъ 1914.

19] Са́ре ку́hе булά́н меhму́нäм емшά́б — Нä́до̄рά́м хӯне́ ву веiлу́нäм емшά́б
Біjо̄ ділбάр мά́ро̄ меhму́не хӯд кун — Бе зі́ре häр дӯ läб дäнду́не хӯд кун

سرِ کوهِ بُلند مهمانم امشب — ندارم خانه و وَیلانم امشب
بیا دلبر مرا مهمانِ خود کن — به زیرِ هر دو لب دندانِ خود کن

На вершинѣ высокой горы я въ гостяхъ сегодня ночью —
Не имѣю дома и скитаюсь сегодня ночью;
Пріиди, красавица, меня гостемъ своимъ сдѣлай,
Подъ обѣими губами (меня) зубами своими сдѣлай!

Исфаганъ 1913.

20] Сä́во̄ре ά́спе хо̄lо̄хо̄lä́м емшά́б — Гуlо̄́б бäр зу́lфе веl по̄шо̄́нäм емшά́б
Бе дά́сте но̄зу́кäт ҕо̄lі̄че́ мά́ндо̄з — Ке меhму́не пäрі̄рухсо̄́рäм емшά́б

سوارِ اسپِ خالاخالم امشب — گلاب بر زلفِ ول پاشانم امشب
به دستِ نازُکت غالیچه منداز — که مهمانِ پریرخسارم امشب

Всадникомъ на пѣгомъ конѣ я нынѣшней ночью,
Розовую воду на кудри цвѣтика лью я нынѣшней ночью;
Рукою нѣжною своей ты коврикъ не стели,
Въ гостяхъ у красавицы съ ланитами пери я нынѣшней ночью.

Ширазъ 1914.

21] Шά́бі̄ ке бі̄ тӯ бу́дäм до̄д äз ӯн шäб — Шά́бі̄ ке бо̄ тӯ бу́дäм jо̄д[1] äз ӯн шäб
Шά́бі̄ ке Leilí jäз[2] Мäџну́н[3] џедо́[4] шуд[5] — Фуҕо̄́н у но̄lе́[6] ву фäрjо̄́д äз ӯн шäб

شبی که با تو بودم یاد از آن شب — شبی که بی تو بودم داد از آن شب
شبی که لیلی از مجنون جدا شد — فُغان وناله و فریاد از آن شب

[1] v. Ш. о̄h. [2] v. Ш. бо̄. [3] v. Ш. Нäџмо̄́н (тахаллусъ народнаго поэта изъ Фарса). [4] v. Ш. сево́. [5] v. Ш. га́йт. [6] v. Ш. hезо̄ру́н но̄lе́.

Та ночь, когда съ тобой я былъ—(сколько) воспоминаній отъ той ночи!
Та ночь, когда безъ тебя я былъ, — (сколько) жалобъ отъ той ночи!
Та ночь, когда Лейлӣ съ Меджнӯномъ разлучилась —
(Сколько) жалобныхъ криковъ, стенаній и воплей отъ той ночи!

Кевāрэ — Ширазъ 1914.

22] Bélӓм дáссе ħенōī̆ дōрáд умшáб   Бе пō ќáпше мӓшōī̆ дорáд умшáб
Шáбе éідӓн вélӓм хеірṓте бáхчін   Дīlӓм méіle ѓӓдōī̆ дōрáд умшáб

ولـم دستِ حـنـائی دارد اُمـشـب   به پا کپشِ مشائی دارد اُمشب
شبِ عـیـدن ولـم خیـرات بُخْچِـن   دلـم مَیْـلِ گـدائی دارد اُمـشـب

Цвѣтикъ мой руки въ хеннѣ имѣетъ сегодня ночью,
На ногахъ туфли съ узкимъ перехватомъ имѣетъ сегодня ночью;
Ночь подъ праздникъ — цвѣтикъ мой раздаетъ милостыню,
Сердце мое склонность къ нищенству имѣетъ сегодня ночью.

Ширазъ 1914.

23] Äѓáр jṓре мáро дīдī бе хӓlвáт   Бугӯ́ еі бīвӓфṓ ву бīмурувваáт
Тӯ ке рáфтī нӓгу́фтī чӯн кунáм мӓн   Чі чōрé бӓр дīle пур хӯп кунáм мӓн

اگر یـارِ مرا دیـدی بـه خـلـوت   بـگـو ای بیـوفـا و بـیـمـروّت
تو که رفتی نگفتی چون کنم من   چه چاره بر دلِ پُر خون کنم من

Если друга моего ты увидишь наединѣ,
Скажи (ему): о вѣроломный и безчеловѣчный!
Ты вѣдь ушелъ (и) не сказалъ, какъ мнѣ поступить,
Какъ мнѣ помочь сердцу истекающему кровью?

Керманъ 1913.

24] Älṓ духтáр бенṓзӓм ħоуц̦ у мóуц̦ӓт   Гуlӯбáнде теlṓ бō ц̦у́фте ц̦óузӓт
Äѓáр чáрхе фӓláќ бӓр мō нӓхáпдӓд   Ħӓмéш бōзī́ купáм бӓр ку́нц̦е ħóузӓт

الا دخـتـر بنـازم هَوْج و مُوجـت   گـلـوبـنـدِ طـلا بـا جُـفـتِ جَوْزت
اگـر چرخِ فـلـک بـر مـا نـخـنـدد   همەش بازی کنم بر کُنجِ حَوْضت

Эй дѣвушка, я возгоржусь миловидностью твоей,
Ожерельемъ золотымъ съ парой грудей твоихъ;

Если небосводъ надъ нами не посмѣется,
Я постоянно забавляться буду въ уголкѣ водоема твоего[1].

Керманъ 1913.

25] Äло̄́ духта̄́р тӯ до̄ні́ jу худо̄́jет — Ке мäн о̄шíк шуда́м бäр чо̄р ђо̄́jет
Äвва́l läб у дуву́м дäнду́н сеjу́м чäши́м — Ке чо̄ру́м хо̄lеhо̄́jе пу́ш̆те по̄́jет

الا دختر تو دانی و خدایت — که من عاشق شدم بر چار جایت
اوّل لب و دُوُم دندان سیُم چشم — که چارُم خالهای پُشتِ پایت

Эй дѣвушка, ты знаешь, и Богъ твой (знаетъ),
Что я влюбился въ четыре мѣста (у) тебя:
Первое — губы, второе — зубы, третье — глаза,
А четвертое — родинки на подъемѣ твоей ноги.

Ездъ 1913.

26] Бе́деh бу́сі̄ äз і̄н зі̄́ре демо̄́ђат — Ке мäн мі̄ра́м бе діl мі̇мӯна́ до̄́ђат
Ке мäн мі̄ра́м бі̇jо̄jа́м jо̄ на̇jо̄jа́м — Зе мурђу́не häво̄́ гі̄ра́м суро̄́ђат

بده بوسی از این زیرِ دماغت — که من میرم به دل میمانه داغت
کة من میرم بیایم یا نیایم — ز مرغانِ هوا گیرم سُراغت

Дай поцѣлуй одинъ въ ямочку подъ носикомъ твоимъ,
Я вѣдь ухожу — на сердцѣ (у меня) останется страданіе по тебѣ;
Я вѣдь ухожу — прійду иль не прійду —
У птицъ небесныхъ я справлюсь о тебѣ.

Керманъ 1913.

27] Беродáр пуш̆т беро̄да́рзо̄де́ häм пуш̆т — Дірáхте бі̄ беро̄да́р кеі куна́д руш̆т
Дірáхте бо̄ беро̄да́р ка́ңге́ ка́ңге́ — Дірáхте бі̄ беро̄да́р рі̄ше́ äш хуш̆к

برادر پُشت برادرزاده هم پشت — درختِ بی برادر کی کند رُشت
درختِ با برادر کنگه کنگه — درختِ بی برادر ریشه اش خشک

Братъ есть сильная опора, племянникъ — также есть опора,
Дерево безъ брата[2] когда даетъ ростъ?
Дерево съ братомъ (даетъ) много вѣтвей,
Дерево безъ брата — корень его сухой.

Ширазъ 1914.

---

[1] т. е. я постоянно буду цѣловаться съ тобой; hоуз—здѣсь въ значеніи «ротъ, уста».
[2] т. е. садовника.

28] Боhо̄р ӯма̄д ке духтäрhо̄ шуда̄н Ке häр ка́с пӯle до̄ра̄д мідähа̄н дäст мäст
Ма̄не бı̄чо̄ре́ ке пӯlı̄[1] нäдо̄шта̄м Lä́га̄д зäд ке ценоҕе сı̄на̄м ешка̄ст

بهار آمد که دخترها شدند مست   که هر کس پول دارد میدهند دست
من بیچاره که پولی نداشتم   لگد زد که جناغ سینهم اشکست

Весна наступила, и дѣвушки опьянѣли,
Всякому, кто деньги имѣетъ, онѣ отдаются;
Я несчастный ни гроша не имѣлъ, —
Пинкомъ ударила она (меня такъ), что кость груди моей сломалась.

Керманъ 1913.

29] Бе kурбӯне туфäңге пур jаро̄kат Бе kурбӯне дӯ зуlфӯне сijо̄häт[2]
*Ке häр бо̄ҕ мı̄рäвäм[3] се́іlı̄ нäдо̄ра̄д Тӯ ке рäфтı̄ jу мäн мӯрдäм феро̄kат

به قربانِ تفنگِ پُر یراقت   به قربانِ دو زلفانِ سیاهت
که هر باغ میروی سُبْلی ندارد   تو که رفتی و من مُردم فراقت

Пусть жертвою я стану ружья вполнѣ снаряженнаго твоего,
Пусть жертвою я стану двухъ черныхъ локоновъ твоихъ;
Въ какой-бы садъ я ни пошелъ—онъ не имѣетъ (пріятнаго) зрѣлища,
Ты вѣдь ушелъ, а я умеръ отъ разлуки съ тобой.

Исфаганъ — Ездъ 1913.

30] Бе kурбӯне дӯ чäшме пур ҕазо̄lät Ä́га̄р куштé шуда̄м хӯнäм hаlо̄lät
Ä́га̄р куштé шуда̄м kа́рбäм бèбäн-дı̄д Бе рӯjе сı̄нéjе пур хатт у хо̄lät

به قربانِ دو چشمِ پُر غزالت   اگر کُشته شدم خونم حلالت
اگر کُشته شدم قبریم ببندید   به رویِ سینهٔ پُر خطّ و خالت

Пусть жертвою я стану двухъ глазъ твоихъ точь въ точь какъ у газели,
Если убитъ я буду — кровь моя не запретна для тебя;

[1] пӯl = $\frac{1}{2}$ шāhı̄, мѣдная монета, равная 25 динарамъ, вѣсомъ въ $2\frac{1}{2}$ грамма.
[2] v. Е. jаро̄kат. [3] v. И. мı̄рäвı̄.
* v. И. двухъ послѣднихъ стиховъ:
Ке häр бо̄ҕ мı̄рäвı̄ lо̄lé гузо̄рäм Бе зı̄ре lо̄lеhо̄ сı̄бı̄ гузо̄рäм —
Въ какой-бы садъ ты не пошелъ — тюльпаны (тамъ) я посажу,
(А) подъ тюльпанами одно яблоко я положу.

Если убитъ я буду — могилу мою устройте
На груди твоей всей въ рисункахъ и родинкахъ.

Ширазъ 1914.

31] Бе kурбу́не дӯ чӓ́шме сурмері́зӓт — Суhī́le Муштӓрі́ hӓр дӯ ќӓні́зӓт
Ӓ́ќӓр jӓќ бусе́ї дӓ́стӓм бі́гірі́ — Нӓбі́ні дṓӻе фӓрзӓ́нде азі́зӓт

به قربان دو چشم سرمه‌ریزت — سُهیل و مُشتری هر دو کنیزت
اگر یک بوسهٔ دستم بگیری — نبینی داغ فرزند عزیزت

Пусть жертвою я стану двухъ глазъ твоихъ сыплющихъ сурьму,
Канопусъ и Юпитеръ — оба прислужницы твои;
Если однимъ (только) поцѣлуемъ ты мнѣ поддержку окажешь,
Да не увидишь ты страданія по дорогомъ своемъ ребенкѣ[1].

Ширазъ 1914.

32] Бе kурбу́не дӯ чӓ́шме мӓ́ссе мӓ́ссӓт — Тӯ kыīlу́н[2] чōk мӓ́кун мі́сӯзӓ́д дӓ́ссӓт[3]
Тӯ kыīlу́н[2] чōk мӓ́кун ӓз мō hару́мӓн[4] — Ке мӓн чōk мі́кунӓ́м мі́дӓ́м бе дӓ́сcӓт[5]

به قربان دو چشم مست مستت — تو قلیان چاق مکن میسوزد دستت
تو قلیان چاق مکن از ما حرومن — که من چاق میکنم میدم به دستت

Пусть жертвою я стану двухъ хмельныхъ глазъ твоихъ,
Ты кальяна не начиняй — обожгутся твои руки;
Ты кальяна не начиняй, для насъ онъ запретенъ —
Я самъ начиню (его) (и) дамъ тебѣ въ руки.

Ширазъ 1914.

33] Бе kурбу́не дӯ чӓ́шму́не ӻазṓlӓт — Херōму́н сōхте́ї бō jӓќ нігṓhӓт[6]
Херōму́н сōз сӓ́lве рōсету́нрō — Бе сӓр сōjе́ фекӓ́н ін діl ӻамі́нрō

به قربان دو چشمان غزالت — خرامان ساختهٔ با یک نگاهت
خرامان ساز سلو راستانرا — به سر سایه فکن این دل غمینرا

---

[1] т. е.: Клянусь, что ты не увидишь своего дорогого ребенка мертвымъ.
[2] v. kаіlу́н. [3] v. шӓ́ссӓт. [4] v. hарṓмӓ. [5] Ср. ЗВО, т. XXIII, стр. 42, № 7.
[6] v. нігṓрӓт.

Пусть жертвою я стану двухъ глазъ твоихъ (какъ у) газели,
(Смотрящаго на тебя) стройно качающимся ты сдѣлала однимъ твоимъ [взглядомъ;
Стройно качающимися сдѣлай прямые кипарисы,
Тѣнь брось на голову этого скорбнаго сердцемъ [1].

Ширазъ 1914.

34] Бе kурбýне дӯ зýlфе чíне чíнäт *Äѓäр кōфäр бешí мīјóм бе дíнäт
Äѓäр тýхмī шевí саhрó бепóшäм Мīшäм ōб у мīјóм рýје земíнäт

به قُربانِ دو زلفِ چین چینت   اگر کافَر بشی میام به دینت

اگر تُخمی شوی صحرا بپاشم   میشم آب و میام روي زمینت

Пусть жертвою я сдѣлаюсь двухъ локоновъ твоихъ кудрявыхъ,
Если невѣрующей ты станешь — я перейду въ твою вѣру;
Если сѣменемъ ты станешь — въ полѣ (тебя) посѣю я,
Сдѣлаюсь водой я и потеку на твою землю.

Исфаганъ — Ширазъ 1914.

35] Бе kурбýне дähýне тäңге тäңгет Бе kурбýне дӯ чäшмýне kашäңгет
Бе kурбýне дӯ пäнц пäнце бylӯрíг Ке häр дäм мīкýнī тīмóре рäңгет

به قربانِ دهانِ تنگ تنگت   به قربانِ دو چشمانِ قشنگت

به قربانِ دو پنج پنجِ بلوریت   که هر دم میکنی تیمارِ رنگت

Пусть жертвою я стану ротика маленькаго твоего,
Пусть жертвою я стану двухъ глазъ прекрасныхъ твоихъ;
Пусть жертвою я стану двухъ ладошекъ хрустальныхъ твоихъ —
Ты каждое мгновеніе заботишься о краскѣ на лицѣ твоемъ.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

36] Бе kурбýне сáре зýlфе сіјóhäт Һälóкäм кáрдéī äз јäк нігóhäт
Бе уммíдī кäзíн кучé біјóī Дӯ чäшмýнум інтізóр мýндé зе рóhäт

---

[1] т. е. утѣшь его.

* т. Ш. 2 — 4 стиховъ:

Бе häр міllä́т рäвí ōјäм бе дíнäт
Бе häр міllä́т рäвí hōсыl нäрýјäд
Шäвäм абр у бебóрäм бäр зäмíнäт

Въ какую-бы религіозную общину ты ни вступишь — я перейду въ твою вѣру;
Въ какую-бы религіозную общину ты ни вступишь — урожай не выростетъ,
Я стану облакомъ и прольюсь дождемъ на твою землю.

به قربانِ سرِ زلفِ سیاهت   هلاکم کردهٔ از یک نگاهت
به امُیدی کزین کوچه بیائی   دو چشمانُم انتظار مانده ز راهت

Пусть жертвою я стану кончика черныхъ локоновъ твоихъ,
Погубила ты меня однимъ взглядомъ твоимъ;
Въ той надеждѣ, что по этой улицѣ прійдешь ты,
Два глаза мои въ ожиданіи остались (устремленными) на дорогу твою.

Ширазъ 1914.

37] Біjő áспе kызы́l бӯса́м рікő́бäт   Сäд у пäнџő тӯма́н дő́дäм боhő́jäт
Бе діl шő́дäм ке äрзӯ́нäт хäрīдä́м   Земесту́н ӯмä́д у хéірäт нäдīдä́м

بیا اسپِ قِزِل بوسم رکابت   صد و پنجا تومن دادم بهایت
به دل شادم که ارزانت خریدم   زمستان آمد و خیرت ندیدم

Прійди, (мой) конь поцѣлўю твое стремя,
Сто пятьдесятъ тумановъ далъ я (какъ) цѣну тебѣ;
Въ сердцѣ радостенъ я, что дешево тебя купилъ я,
Зима пришла, и добра отъ тебя не видалъ я.

Ширазъ 1914.

38] Біjő[1] духта́р[2] бе џу́не jäќ[3] берő́рäт   Ма́ќäш[4] сурмé бе[5] чäшму́не хумő́рäт
*Ма́ќäш[4] сурмé ке бī сурмé рäшīдī   **Ќäбő́бäм[6] ќа́рдī[7] jу сīхäм ќäшīдī

بیا دختر به جانِ یک برارت   مکش سُرمه به چشمانِ خُمارت
مَکش سُرمه که بی سُرمه رشیدی   کبابم کردی و سیخم کشیدی

Прійди, дѣвушка, (заклинаю тебя) душой одного брата твоего,
Не наводи сурьмы на глаза хмельные твои;
Не наводи сурьмы, вѣдь безъ сурьмы ты отважна —
Жаркимъ ты сдѣлала меня и на вертелъ нанизала.

Исфаганъ — Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

---

[1] v. К. Älő; Ш. Бурбу. [2] v. И. хőhа́р. [3] v. Ш. дӯ, чőр.
[4] v. И. Бéќäш; К. Ш. Ма́кун. [5] v. И. бе īн чä́шме; К. бäр īн чä́шмő; Ш. ке чäшму́нäт хумő́рäт (خمارست). [6] v. Ш. Ћälőкäм. [7] v. Ш. ќäрдéī.

* v. К. второй половины четверостишія:

Äга́р сурмé кунī џӯн мīсету́нī   Ма́кун сурмé ке бī сурмé џäву́нī

Если сурьму наведещь — душу ты возьмешь,
Не наводи сурьмы, вѣдь безъ сурьмы ты молода.

** v. Ш.: Äга́р сурмé кунī хӯнäм бірīзī

Если сурьму наведешь — кровь мою прольешь.

39] *Бiјō̆ духтä́р гу́lе бō̆ђат џäву́нäст   Ћäмéш сурх у сäфі́де ађрäву́нäст
Шäфōkä́т кун гу́lе бō̆ђат бе дilвä́р   Ке фäрдō̆ пі́ше мōlі́к [1] тäрџуму́нäст [2]

بیا دختر گلِ باغت جوانست   همه‌ش سرخ و سفید اَغْرَونست
شفاقت کن گلِ باغت به دِلْوَر   که فردا پیشِ مالک ترجمانست

Прійди, дѣвушка, цвѣты сада твоего молоды,
Всѣ они красные, бѣлые и багряные;
Смилуйся и подари розу сада твоего возлюбленной,
Вѣдь завтра предъ владѣльцемъ (сада) нужно дать отчетъ.

Шираз 1914.

40] Бiјō̆ му́рђе сäфі́де ќä́м муhаббä́т   Мä́рō веl ќä́рдī ју рä́фтī бе ђурбä́т
Бе ђурбä́г рä́фтī ју héiфäт нä̀јӯмä́д   Нäгу́фтī бä́р сä́ре јō̆рäм чè ӯмä́д

بیا مُرغِ سفیدِ کم مُحَبّت   مرا ول کردی و رفتی به غُربت
به غُربت رفتی و حَیْفَت نَیامد   نگفتی بر سرِ یارم چه آمد

Прійди, птица бѣлая мало благосклонная,
Меня ты покинула и улетѣла на чужбину;
На чужбину улетѣла ты и жаль тебѣ (меня) не стало,
(И) не сказала ты: «надъ головою друга моего что̀ разразилось?».

Шираз 1914.

41] Тӯ ке бōlō̆је бу́нī гуl бе џō̆јäт   Нä̀дōрä́м зäр бі̀рīзä́м пі́ше пō̆јäт
Теlō̆ ву нуђре́ī kу́рбī нä̀дōрä́д   Сä́ре џу́нäм федō̆је хō̆ке пō̆јäт

تو که بالای بونی گل به جایت   ندارم زر بریزم پیشِ پایت
طلا و نقرهٔ قُربی ندارد   سرِ جانم فدایِ خاکِ پایت

Ты на крышѣ, розы на мѣстѣ твоемъ,
Я не имѣю золота, дабы сыпнуть (его) къ ногамъ твоимъ;
Золото и серебро цѣнности какой-либо не имѣютъ —
Голова и душа моя (да будутъ) жертвою праха ногъ твоихъ.

Шираз 1914.

---

* v. первой половины четверостишія:

Ху́дäт häм мōlі́кī häм бōзiјō̆рī   Ху́дäт муздурі́зī куll iхтiјō̆рī

Самъ ты и владѣлецъ и земледробъ,
Самъ ты выплачиваешь заработокъ, и полный распорядитель.

[1] v. Allō̆.

[2] v. рōссегō̆рī; тäрџуму́н, кромѣ того, имѣетъ еще значеніе штрафа.

42] Чінін ке мі̂раві́ ка́рдäм добјäт
Ке lа'нäт бäр тӯ ву аhд у бäфојäт
Äга́р хоhі́ бе ҕäірäм јо̄ре гірі
Зäна́м о̄hі бе да́рде діl бе́мірі́

چنین که میروی کردم دُعایت
که لعنت بر تو و عهد و بفایت
اگر خواهی بغیرم یار گیری
زنم آهی به دردِ دل بمیری

Такъ какъ ты уходишь — я помолился о тебѣ,
Проклятіе да будетъ надъ тобой и клятвой вѣрности твоей,
Если ты хочешь друга (иного) помимо меня избрать,
Вздохну я (тяжко), и ты въ страданіи сердца умрешь.

Исфаганъ 1913.

43] Че со̄зäм ке ді́lä́м фäрму́не мäн ніст
Нешо́не зендегі́ бäр џу́не[1] мäн ніст
Бе häр ка́с[2] дӯсті́ ка́рдäм душма́нäм[3] шуд
Ді́га́р јäк џоу нäма́к бäр ну́не мäн ніст

چه سازم که دلم فرمانِ من نیست
نشانِ زندگی بر جانِ من نیست
به هر کس دوستی کردم دشمنم شد
دگر یک جَو نمک بر نانِ من نیست

Что̀ мнѣ дѣлать — сердце мое мнѣ не подвластно,
Признака жизни въ душѣ моей нѣтъ;
Всякій съ кѣмъ я дружбу свелъ, врагомъ моимъ сталъ,
Больше ужъ ни одной крупинки соли на хлѣбѣ моемъ нѣтъ[4].

Ширазъ 1914.

44] *Ћусеіно̄ тӯ ма́кун таhрі́фе јо̄рет
Бера́фтäм хӯне́ет ді́дäм ніго̄рет
**Ке јо̄ре тӯ ка́нізу́не гу́lе мäн
Немі́ду́не́м куџо́ га́ште́ дӯчо̄рет

حسینا تو مکن تعریفِ یارت
برفتم خانهات دیدم نگارت
که یارِ تو کنیزانِ گلِ من
نمیدانم کجا گشته دوچارت

Хусейна̄, ты не расхваливай друга своего, —
Я сходилъ въ домъ твой (и) видѣлъ красавицу твою;
Другъ твой въ служанки (годится) цвѣтику моему,
Не знаю, гдѣ она тебѣ повстрѣчалась.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

---

[1] v. ду́ше. [2] v. ка́сі. [3] v. душма́н.

[4] т. е. всѣ оказались неблагодарными.

* v. Ш.: Ћусеіно̄ чӯн куні́м таhрі́фе јо̄рет—Хусейна̄, какъ мы станемъ расхваливать друга твоего?

** v. Ш.: Ка́нізо̄је ка́нізо̄је ве́lум бӯд — (Другъ твой) въ служанкахъ, въ служанкахъ моего цвѣтика была.

45] Хӯдäт дӯрī хäтī äз дӯр бéфріст — *Сухäнhōје хӯше макбӯle бéфріст
Äѓäр чїзī нäдōрī мäн нäмīхōм — Хӯдäт дӯрī бе пеіђӯмäт різōјäм

سُخَنهاى خوش مقبول بِفرِست — خودت دورى خطى از دور بِفرِست
خودت دورى به پيغامت رضايم — اگر چيزى ندارى من نميخوام

Самъ ты далекъ, (хоть) одну черточку издалека пошли,
Рѣчи пріятныя и милыя пошли;
Если ничего ты не имѣешь — я (ничего) не хочу,
Самъ ты далекъ — вѣстью о тебѣ я удовольствуюсь.

Исфаганъ — Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

46] **Хӯдäм īнџō [1] ву јōрäм ѓäрмесі-рäст [2] — Сāре рōhäм [3] дірāхте зäнџефіlāст [4]
Дірāхте зäнџефіlāм дӯнé ќāрдāст [5] — Ђāме ōlāм [6] мāрō дīвӯнé [7] ќāрдāст [5]

---

* v. И. второго стиха:

Äѓāр гуl нісс нішӯне хōрī бéфріст

Если розы нѣтъ — (какъ) знакъ одинъ шипъ пошли.

v. Ш. 2 — 4 стиховъ:

Хāтī бōрīктāр äз äбрӯ бéфріст
Ке hāр чäн дäстехāт невіштāн нäдōрī
Бе мāрге мäн бе зӯдī зӯд бéфріст

Черточку тоньше бровей (твоихъ) пошли;
Хотя ты рукопись писать не собираешься,
Заклинаю тебя смертью своей — съ быстротой скорѣй пошли.

v. К. всего четверостишія:

Äѓäр чїзī нäдōрī мäн нäхōhāм — Бе німе мāђзе бōдōмī різōјäм
Дӯ пäнџ бӯсе саhāрäт kōні ністäм — Бе јäќ бӯсé сāре шōмäт різōјäм

Если ты ничего не имѣешь — я (тоже ничего) не хочу,
Половинкой миндалинки довольствуюсь;
Десятью поцѣлуями твоими на зарѣ я не удовлетворенъ,
Однимъ поцѣлуемъ твоимъ въ началѣ вечера я удовольствуюсь.

[1] v. Ш. īнџōм.

[2] v. Е. дäр Kilīle (كيل آباده въ Пуштекӯhѣ, въ 16—17 фарс. отъ Езда).

[3] v. Е. рōјäм. [4] v. Ш. зäнџефīlен. [5] v. Ш. ќāрдé, кірдé.

[6] v. И. јōрōн; v. Ш. ділвāр. [7] v. дīјӯнé.

** v. Е. Ш. перваго стиха:

Хäбāр ӯмāд ке јōрäм дäр Kilīlен —

Вѣсть пришла, что другъ мой въ Килилѣ.

خودم اینجا و یارم گرمسیرست　　سر راهم درخت زنجفیلست
درخت زنجفیلم دانه کردست　　غم عالم مرا دیوانه کردست

Самъ я здѣсь, а другъ мой въ гярмесирѣ,
У края дороги моей стоитъ имбирное дерево;
Имбирное дерево мое плоды дало,
Печаль міра меня безумнымъ сдѣлала.

Исфаганъ — Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

47] Ді́ля́м äз ђуссе́је дунјṓ кäбṓбäст　　Нäмӣдӯнāм черṓ бáхтäм бе хṓбäст
Шäб у рӯз рӯз у шäб фікрі тӯ дōрáм　　Бу́кун рáhмī ке ōхы́р ін савṓбäст

دلم از غصّهٔ دنیا کبابست　　نمیدانم چرا بختم به خوابست
شب و روز روز و شب فکر تو دارم　　بکن رحمی که آخر این صوابست

Сердце мое отъ тоски (въ) этой жизни (превратилось въ) жаркое,
Не знаю я почему счастье мое спитъ;
Ночь и день, день и ночь помыслы о тебѣ я имѣю,
Окажи (хотя) нѣкоторое состраданіе, вѣдь это наконецъ вполнѣ заслуженно.

Исфаганъ 1913.

48] *Дӯ пäнц рӯзäст сäдṓје мäн гіріфтäст　　Ђáме ōлáм зе[1] цӯнäм[2] рō гірі́фтäст[3]
**Ђáме ōлáм[4] jäк[5] рӯз[6] jō дӯ рӯзäст[6]　　Ђáме мäн рӯз бе рӯз бōлṓ гірі́фтäст[7]

دو پنج روزست صدای من گرفتهست　　غم عالم ز جانم را گرفتهست
غم عالم یک روز یا دو روزست　　غم من روز به روز بالا گرفتهست

(Уже есть) десять дней (какъ) я охрипъ,
Печаль мірская въ душу мою путь избрала;

---

* v. Ш. перваго стиха:

Ђáмум ђам бīд ке бōлṓjäш ђам уфтṓд —

Печаль моя была печалью, и на нее (еще) печаль свалилась.

[1] v. Ш. бе.　[2] v. Ш. цӯнум.　[3] v. Ш. цäңѓ уфтṓд.　[4] v. Ш. häр кäс.
[5] v. Ш. jäi.　[6] v. Ш. рӯзäн.　[7] v. Ш. бōлōтáр уфтṓд.

** v. И.

Ђáме häр кäс ке бі́нī jäк дӯ рӯзäст —

Печаль всякаго, кого увидишь, (продолжается) одинъ два дня.

Печаль мірская длится одинъ день или два дня, —
Печаль моя день за днемъ усилилась.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

49] Дўтō духтāр дäр īн маhlé hajőтäст   Jéкīш канд у jéкīш мícle нäбőтäст
Бе kурбўне сáре kандí бèѓäрдáм   Ке kандí беhтāр äз шőхе нäбőтäст

دوتا دختر در این مَحْلَه حیانست   یکیش قند و یکیش مثل نباتست
به قربان سر قندی بگردم   که قندی بهتر از شاخ نباتست

Двѣ дѣвицы въ этомъ кварталѣ обитаютъ,
Одна изъ нихъ (какъ) сахаръ, а другая подобна леденцу;
Пусть стану я жертвою головы дѣвицы сахарной,
Вѣдь сахарная лучше кусочка леденца.

簡Ездъ 1913.

50] *Сетōрé ōсемўн[1] нáхше[2] зäмíнäст[3]   Хўдäм äнгуштáр у jőрäм[4] нiгíнäст[3]
Худōвáндō нiѓähдőре нiгíн бōш[5]   Ке jőре[6] äввál у ōхы́р häмíнäст[3]

ستاره آسمان نقش زمینست   خودم انگشتر و یارم¹ نگینست
خداوندا نگهدار نگین باش   که یار اوّل و آخر همینست

Звѣзды небесныя есть картина земли,
Самъ я перстень, а другъ мой (драгоцѣнный) камешекъ (въ этомъ перстнѣ);
О Господи, хранителемъ камешка ты будь,
Такъ какъ другъ первый и послѣдній — таковъ.

Исфаганъ — Ездъ — Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

51] Саhаргőhī рäсíдем дäр харōбőт   Бедíдäм духтáрï мīкáрд бīдőд
Бегўфтем духтерéк бўсī бе мō деh   Педáр сäѓ духтерў душнőм мīдőд

سحرگاهی رسیدم در خرابات   بدیدم دختری میکرد بیداد
بگفتم دخترک بوسی به ما ده   پدر سگ دخترو دُشنام میداد

Однажды на зарѣ пришелъ я въ притонъ разгула,
Увидѣлъ одну дѣвушку—до совершенства въ непотребствѣ она дошла;

---

[1] v. К. дäр häвő   [2] v. К. нáкшäш   [3] v. Ш. зäмíнä; нiгíнä; häмíнä
[4] v. Ш. Фōjíз   [5] v. Ш. нiгíнä   [6] v. К. jőрäм; v. Ш. kőре
* v. И. перваго стиха:

Äз īнцő тō бе Кōшўн häшт у нíмäст —
Отсюда до Кашана восемь съ половиной.

Сказалъ я: «дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай», —
Собачья дочь та дѣвушка ругательства давала.

Ездъ 1913.

52] Cahapгōhī гузáштäм пýште бýнäт
Шенíдäм бýје мīхáк äз деhýнäт
Касáм хýрдī ке мäн мīхáк нä-хўрдáм
Шеhōдáт мīдähäд häp дӯ lӓбýнäт

سحرگاهی گذشتم پُشتِ بونت
شنیدم بوی میخک از دهانت
قسم خوردی که من میخک نخوردم
شهادت میدهد هر دو لبانت

Однажды на зарѣ прошелъ я по твоей кровлѣ,
Услыхалъ запахъ гвоздики изъ устъ твоихъ;
Ты поклялась: «гвоздики я не ѣла» —
Но свидѣтельствуютъ (объ этомъ) обѣ губы твои.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

53] Cahalrōhī берáфтäм дäр Чäм у Тäфт
Бедíдäм духтáрī хуммóр мīрáфт
Бегýфтäм духтäрáк јäк бӯс бе мō деh
Себý äндóхт у ōhӯвóр мīрáфт

سحلگاهی برفتم در چم و تفت
بدیدم دختری خُمّار میرفت
بگفتم دخترک یک بوس به ما ده
سبو انداخت و آهووار میرفت

Однажды на зарѣ отправился я въ Чамъ[1] (что возлѣ) Тафта,
Увидѣлъ одну дѣвушку — навеселѣ она шла;
Сказалъ я: «дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай»,
Кувшинъ сбросила она (съ плеча) и какъ газель она шла[2].

Ездъ 1913.

54] Cáре сáңгī че kailýнум шекáссáт
Кýбóрī бō дíle тáңгум пешäссáт
Черó kам мīхӯрí äз бáhpi kailýн
Бувӯрī мýсле мäн пählý пешäссáт

---

[1] Чамъ — деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Тафта; Тафтъ — селеніе въ 5 фарс. къ ю.-з. отъ Езда, расположенное въ предгорьяхъ Шӣркӯhа; центръ одноименнаго булюка и излюбленное дачное мѣсто жителей Езда. Описаніе Тафта см. N. de Khanikoff. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris. 1861, p. 203 — 5; A. Houtum Schindler. Reisen im südlichen Persien 1879. Zeitschrift d. Ges. für Erdkunde zu Berlin XVI (1881), S. 321 — 2: Баумгартенъ. Поѣздка по Восточной Персіи... 1894. Сборникъ... Матеріаловъ по Азіи Вып. LXIII СПб. 1896, стр. 157 — 8.

[2] т. е. пустилась на утекъ.

سرِ سنگی چه قلیانم شکستست　　غباری با دلِ تنگم نشستست
چرا غم میخوری از بهرِ قلیان　　بلوری مثلِ من پهلو نشستست

(О) край камня когда кальянъ мой разбился,
Пыль на сердце стѣсненное мое усѣлась;
Зачѣмъ печалишься ты изъ-за кальяна? —
Хрусталь подобный мнѣ рядомъ (съ тобой) усѣлся.

Сивендъ 1914.

55] Сáре кӯ́hе булáн дíґäм бе бóрäст　　Ду чäш́мӯ́не мáнäм дäр рóhе jóрäст
Äґáр jóрäм бìjōjáд сӯ́jе мäнзíl　　Дíläм мӯнáнде káддäш бīкарóрäст

سرِ کوهِ بلند دیگم به بارست　　دو چشمانِ منم در راهِ یارست
اگر یارم بیاید سوی منزل　　دلم مانندِ قدّش بیقرارست

На вершинѣ высокой горы мой котелокъ на огнѣ,
Два глаза мои (устремлены) на путь друга;
(О) если (бы) другъ мой пришелъ въ (мое) жилище!
Сердце мое подобно его (стройно качающемуся) стану не знаетъ покоя.

Керманъ 1913.

56] Шáбе чōршäмбéде мóhе alӯмáт　　Че бäд кíрдäм ке бäдhó бäр мäн ӯмáд
Шáбе чōршäмбéде мóhе сафáр бӯд　　Ферóke дӯрí jäз мурдáн бäтáр бӯд

شبِ چارشنبهِ ماهِ علامت　　چه بد کِردم که بدها بر من آمد
شبِ چارشنبهِ ماهِ صفر بود　　فراقِ دوری از مردن بتر بود

Ночь на среду[1] и мѣсяцъ съ (дурной) примѣтой,
Что̀ дурного я сдѣлалъ, что несчастія на меня обрушились!
Ночь на среду и мѣсяцъ сафаръ были,
Разлука и отдаленіе хуже смерти были.

Ширазъ 1914.

57] Шáбе éiдäст у дäр бōзóр kыjӯмáт　　Ке дíлбáр ва'дé фäрмӯ́д у нäjӯмáд
Ке дíлбáр ва'дé фäрмӯ́д у káрáм káрд　　Кыjӯмáт ӯмáд у дíлбáр нäjӯмáд

شب عیدست و در بازار قیامت　　که دلبر وعده فرمود و نیامد
که دلبر وعده فرمود و کَرَم کرد　　قیامت آمد و دلبر نیامد

[1] Считается дурной примѣтой, если новолуніе падаетъ на ночь подъ среду.

Ночь подъ праздникъ, и на базарѣ свѣтопреставленіе,
Возлюбленная обѣщать изволила и не пришла;
Возлюбленная обѣщать изволила и ласку оказала,
Свѣтопреставленіе наступило, а возлюбленная не пришла.

Сивендъ 1914.

58] Ша́бе мähто̄́б беро̄́je бо̄р ху́бäст | Нішеста́н бäр кено̄́ре jо̄р ху́бäст
Нішеста́н бäр кено̄́ре jо̄р нä чäнду́н | Міjу́не мähру́м у гуlзо̄́р ху́бäст

شب مهتاب براي بار خوبست | نشستن بر كنار يار خوبست
نشستن بر كنار يار نه چندان | ميان محروم و گلزار خوبست

Лунная ночь для навьючки (каравана) хороша,
Возсѣдать рядомъ съ другомъ хорошо;
Не столько возсѣдать рядомъ съ другомъ, —
(Сколько) среди запретнаго и цвѣтника хорошо.

Іездъ 1913.

59] Шäні́дäм ке ве́läм jо̄́рī гіруфта́т | Гу́lо̄ веl кірде́ ву хо̄́рī гіруфта́т
Аґа́р бäр[1] мäн беhта́р хӯб ко̄́рī кірда́т | Äґа́р бäр[1] мäн бäтта́р гуhко̄рі́ кірда́т

شنيدم كه ولم يارى گرفتت | گلا ول كرده و خارى گرفتت
اگر بر من بهتر خوب كارى كردت | اگر بر من بتّر گهكارى كردت

Я слышалъ, что цвѣтикъ мой иного друга избрала,
Розу покинула и какой-то шипъ избрала;
Если (этотъ другъ) лучше меня — хорошее дѣло она совершила,
Если (— же онъ) хуже меня — дрянное дѣло она совершила.

Шиpазъ 1914.

60] Азі́зо̄ ро̄h у рäфто̄́рäт ма́ро̄ куш́т | Туре́нџ у ђабђа́б у[2] хо̄́läт ма́ро̄ куш́т
Туре́нџ у ђабђа́б у[2] хо̄́lе іlо̄hі́[3] | Седо̄́je ќа́пше бурђо̄́läт[4] ма́ро куш́т

عزيزا راه و رفتارت مرا كشت | ترنج و غبغب و خالت مرا كشت
ترنج و غبغب و خال الهى | صداي كپش برغالت مرا كشت

Дорогая, правъ и поступки твои меня сразили,
Груди и подбородокъ и родинка твоя меня сразили;

---

[1] бäр = äз. [2] v. Ш. Тере́нџе куnку́nе. [3] v. Ш. худо̄і́. [4] v. Ш. буlђо̄́рäт.

Груди и подбородокъ и родинка божественная,
Скрипъ туфель юфтяныхъ твоихъ меня сразилъ.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

61] Азīзӯн lӓззӓте дунјŏ зе мŏlӓст — Нӓ ӓз akl у ħӯш у нӓ ӓз кӓмŏlӓст
Џӓвӯнī ке нӓдŏрӓд мŏlе дунјŏ — Ӓґӓр Џӓмшīр бувӓд ке[1] бī кӓмŏlӓст

عزیزان لذّتِ دُنیا ز مالست — نه از عقل و هوش و نه از کمالست
جوانی که ندارد مالِ دُنیا — اگر جشیر بُوَد که بی کمالست

Дорогіе (друзья), сладость этой жизни отъ богатства происгекаетъ,
Ни отъ ума и смегливости, ни отъ совершенныхъ качествъ не проистекаетъ;
Юноша, который не имѣетъ богатства этой жизни,
Если (даже) Джамшидомъ былъ-бы, все таки безъ совершенныхъ качествъ бываетъ.

Исфаганъ 1913.

62] *Ђарīб уфтŏдé ӓм дӯр ӓз belŏјӓт — **Бе пīше кі берӓм[2] дŏд у шекŏјӓт
Зе[3] дӓссе коум у хыше[4] кӓм тааccӯб[5] — Бесŏзӓм kal'ӓī дӯр ӓз belŏјӓт

غریب افتاده ام دور از ولایت — به پیش که برم داد و شکایت
ز دستِ قوم و خویش کم تعصُّب — بسازم قلعهٔ دور از ولایت

Я оказался чужениномъ вдали отъ (родного) края,
Къ кому пойду я искать справедливости и жаловаться?

---

[1] v. ŏхыр

* v. И. Ш. перваго стиха:

Ділī дŏрӓм пур ӓз џірме џерŏħӓт —

Сердце я имѣю полное гноя и ранъ.

** v. И. 2 — 4 стиховъ:

Рӓвӓм кӓсрī бесŏзӓм дӯр ӓз belŏјӓт
Еґӓр гӯјéн черŏ дӯр ӓз belŏјӓт
Ħӓмī гӯјӓм бе дӓсті кŏуме бī ħӓмŏјӓт

Пойду, зȧмокъ я построю вдали отъ (родного) края;
Если мнѣ скажутъ, почему вдали отъ (родного) края,
Я буду говорить: изъ-за притѣсненія родичей не оказавшихъ (мнѣ) защиты.

[2] v. Ш.: Рӓвӓм дӓр пīше кі. [3] v. Ш Ӓз. [4] v. Ш. коумедӯне.

[5] v. Ш. тефŏкам (اتفاق).

Изъ-за притѣсненія родичей мало приверженныхъ (ко мнѣ)
Построю я крѣпостцу вдали отъ (родного) края.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

63] *Ќӓмӓнд ӓндо̄зӓм у о̄јӓм бе бўнӓт — Бiгi̅рӓм гӯшéје та́хте рӓвўнӓт
Ӓѓӓр шамшi̅р бебандан kоумедўнӓт — Бе дандуп вар ќанам хо̄l ӓз lӓбўнӓт

کمند اندازم و آیم به بونت — بگیرم گوشهٔ تخت روانت
اگر شمشیر ببندند قومدانت — به دندان ور کنم خال از لبانت

Арканъ заброшу я и взберусь на крышу къ тебѣ;
Возьмусь за уголокъ «тахте равāна»[1] твоего;
Если съ саблями нападутъ на меня твои домочадцы,
(Все таки) зубами я сорву родинку съ губъ твоихъ.

Ширазъ 1914.

---

* v. всего четверостишія:

а) Бе пўш̆те бўнӓм ўмӓд kад булi̅ӓндi̅ — Мäцо̄lӓм нi̅ст ке бèндо̄зӓм ќӓмӓндi̅
Ќӓмӓнд ӓндо̄хтӓм у о̄јӓм бе сўјӓт — Бегi̅рӓм гӯшéје та́хте рӓвўнӓт

На крышу ко мнѣ пришла станомъ высокая,
Возможности у меня нѣтъ забросить арканъ;
Арканъ забросилъ я и прійду къ тебѣ,
(Или) возьмусь за уголокъ твоего «тахте равāна».

в) Бебандум банде бўрӓм банде бўнӓт — Кешӓм шамшi̅р бе рўје kоумедўнӓт
Ӓѓӓр lўфте худо̄ бо̄шӓд бе Мансўр — Ќӓцӓк мӓн вар ќӓнӓм хо̄l ӓз lӓбўнӓт

Привяжу я поводъ моего гнѣдка къ твоей крышѣ,
Обнажу я мечъ противъ твоихъ родичей;
Если милость Бога будетъ къ Мансӯру,
Укусомъ я вырву родинку съ губъ твоихъ.

Данное четверостишіе и его варіанты являются отвѣтомъ на приводимое ниже четверостишіе, вмѣстѣ съ послѣднимъ представляя собою тенцону.

Сувōре бўр мӓшоу тӯ hӓмчi туркўн — Бе маhlé мо̄ нӓјоу hӓр субh у hӓр шўм
Ке hӓр вахт kоумедўне мӓн бўдўнӓн — Нӓ цўн тӯ дӓр бāрi̅ нӓ бўр зе меiдўн

Не садись верхомъ на гнѣдого (коня) ты подобно туркамъ,
Въ кварталъ нашъ не пріѣзжай каждое утро и каждый вечеръ;
Какъ только родичи мои узнаютъ,
Ни жизнь ты не спасешь, ни гнѣдого (не уведешь ты) съ поля битвы.

Ширазъ 1914.

[1] паланкинъ; фотографич. снимокъ его см. ЗВО, XXIII, таб. VII.

64] Гузáшт äз пíше рýјäм сäрв kōмáт Кыјōмáт мīкунáд ōн kадд у kōмáт
Муäззíн ѓäр бèбīнáд kадд у kōмáт Бе kад kōмáт бемőнäд тō kыјōмáт

گذشت از پیش رویم سرو قامت قیامت میکند آن قدّ و قامت
مؤذّن گر ببیند قدّ و قامت به قد قامت بماند تا قیامت

Прошелъ передъ моимъ лицомъ тотъ, станъ котораго какъ кипарисъ,
Свѣтопреставленіе дѣлаетъ тотъ ростъ и станъ;
Муэззинъ если увидитъ (тотъ) ростъ и станъ,
На возгласѣ «кыяма»[1] застрянетъ до страшнаго суда.

Керманъ 1913.

65] Гýlе сурх у сäфíд дӯ дäстéје јōст Ацáб еі дilбáрī[2] häмсōјéје мōст
Нішýнäт мīдäháм ѓäр мīшінōсí Булáн бōlő ке сōјáш бäр сáрс мōст

گل سرخ و سفید دو دستهٔ یاست عجب ای دلبری همسایهٔ ماست
نشانت میدهم گر میشناسی بلند بالا که سایه‌ش بر سر ماست

Роза алая и бѣлая, два букета сирени,
Что за удивительная красавица по сосѣдству съ нами;
Примѣты (ея) тебѣ я укажу, если ты (ее) узнаешь:
Высокая ростомъ, тѣнь ея падаетъ на нашу голову[3].

Исфаганъ 1913.

66] Мáрō дíдī нäхȁндīдí häмýн бäст Хýдäм дӯнáм ке јőре дīѓáрī häст
Берóу јőре нóвäт äрзӯнíјäт бōд Худő őбе мáрō цýге дīѓáр дōд

مرا دیدی نخندیدی همان بست خودم دانم که یار دیگری هست
برو یار نوت ارزانیت باد خدا آب مرا جوی دگر داد

Меня ты увидѣла, (привѣтливо) не улыбнулась — этого достаточно,
Я знаю самъ (уже), что другъ иной есть (у тебя);
Ступай, другъ новый твой достойнымъ для тебя да будетъ,
Богъ воду для меня изъ ручья другого даровалъ.

Исфаганъ 1914.

---

[1] Возглашеніе въ началѣ молитвы: قَدْ قامَتِ الصَّلٰوة.

[2] v. духтáрī.

[3] т. е. она питаетъ склонность ко мнѣ.

67] Мусälмōну́н бѐбīні́д шäб че ва́х-тäст[1]
*Ке булбу́l мīцähäд тäрке́ бе тäрке́

Ке булбу́l мäст у шеідо̄́ ву дірах-тäст[2]
**Ке јōр äз häм сево̄́ ка́рда́н че са́хтäст

مسلمانان ببينيد شب چه وقتست
که بلبل مست و شيدا و درختست
که بلبل ميجهد ترکه به ترکه
که يار از هم سوا کردن چه سختست

Мусульмане, посмотрите — ночь, который часъ?
Соловей упоенъ и неистовствуетъ на деревѣ;
Соловей перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку,
А друга разлучать съ собой какъ тяжело!

Ездъ — Керманъ 1913.

68] Мусälмōну́н ді́lämрō ђам гірі́фтäст
Діра́хте ноучѐ ву бо́раш ха́līlí

Діра́хте новчѐрō шäбнäм гірі́фтäст
hämé дäр ватáн у мō дäр ђарīбí

مسلمانان دلمرا غم گرفتست
درخت نوچه را شبنم گرفتست
درخت نوچه و بارش خليلی
همه در وطن و ما در غريبی

Мусульмане, сердцемъ моимъ печаль завладѣла,
Деревцо молодое роса покрыла;
Деревцо молодое — плоды его халӣлӣ,
Всѣ — на родинѣ, а мы — на чужбинѣ.

Исфаганъ 1914.

69] Мijу́не Феізōбо́д јеќ на́hре о́бäст
На́дōра́м ќōсыдī ба́реш фірі́стäм

Гуl у гуlзо̄ре мäн і́нäст ке хо̄бäст
Еѓа́р мі́сlе ма́нäст hо̄lеш ха́ро̄бäст

ميان فيضاباد يک نهر آبست
گل وگلزار من اينست که خوابست
ندارم قاصدی برش فرستم
اگر مثل منست حالش خرابست

---

[1] v. E. ва́хте [2] v. E. шеідо̄је діра́хте

* v. E.: Ке булбу́l мі́неші́нäд шо̄х бäр шо̄х
Соловей пересаживается съ вѣтки на вѣтку.

** v. E.: Ке тäрќ äз јо̄ре хӯд ка́рде́н че са́хте
А съ другомъ своимъ разлучаться какъ тяжело!

v. Ш. всего четверостишія:

Діра́хте хаlхо̄lі́ шо̄хäш хаlīlí
Іlо̄hī бѐшка́на́д шо̄хе хаlīlí

hämé дäр Шīро̄з у мäн дäр ђарīбí
Ке мäн тōка́т на́до̄ра́м дäр ђарīбí

Дерево хальхальское, вѣтви его халӣлӣ,
Всѣ въ Ширазѣ, а я на чужбинѣ;
О Боже, пусть сломится вѣтка «халӣлӣ» —
Я силы не имѣю (оставаться) на чужбинѣ.

Среди Фейзāбāда[1] есть одинъ ручей воды,
Роза и цвѣтикъ мой вотъ каковы — спятъ;
Не имѣю я посланца, (чтобы) къ ней послать (его),
Если она подобна мнѣ, то ея состояніе удрученное.

Ездъ 1913.

70] Ніго̄́рō ін hämé ђеіз у ђазäб чіст   Ділäт бäр мō нäмі̇сӯзäд сäбäб чіст
Шä̆мо̄́l äз џōнíбе Бађдо̄́д хíзäд   Гуно̄́hе мардýме Шаттуl Арäб чіст

نگارا این همه غَیْض و غضب چیست   دلت بر ما نمیسوزد سبب چیست
شمال از جانبِ بغداد خیزد   گناهِ مردمِ شطّ العرب چیست

Красавица, весь этотъ яростный пылъ и гнѣвъ что такое?
Сердце твое (изъ жалости) къ намъ не сгораетъ — что за причина?
Сѣверный вѣтеръ со стороны Багдада подымается, —
Въ чемъ (-же) виноваты люди Шатт-уль-Араба?

Керманъ 1913.

71] Веlōјáт дӯр у мäн дӯ́ре веlōјáт   Мä ке дуlвáр нäмі̇бīнáм чè бōјáд
Берáм бе Шōhвеlí мäпзél бèгīрáм   Ке бálкум ділвáр ōјáд мäн бі̇бīнáм

ولایت دور و من دورِ ولایت   مه که دُلْور نمیبینم چه باید
برم به شاه ولی منزل بگیرم   که بلکُم دِلْور آید من ببینم

(Родной) край далеко, и я вдали отъ (родного) края,
Я вѣдь возлюбленной не увижу — что-же должно (дѣлать)?
Пойду я въ Шāhвелӣ[2], стоянку (тамъ) устрою,
Быть можетъ возлюбленная моя придетъ, чтобы я (ее) увидѣлъ.

Сивендъ 1914.

72] Вélум тӯ́hе дерīчé сäр ка́шīдáт   Дӯ зуlфӯ́неш бō о̄́бе зäр ка́шīдáт
Дӯ чäш̆мӯ́неш місо̄́lе мōдé ōhӯ́   Бе џо̄́је вäсмé lӯlӯфáр ка́шīдáт

ولُم توي دریچه سر کشیدت   دو زلفانش با آبِ زر کشیدت
دو چشمانش مثالِ ماده آهو   به جایِ وسمه لولوفر کشیدت

---

[1] Деревня въ 4 фарсахахъ отъ Тафта на пути въ Аба̄ркӯhъ.
[2] Имāмзāдэ около Веhбеhāна.

Цвѣтикъ мой въ дверцу голову просунула,
Два локона своихъ водою золотой обмыла;
Два глаза своихъ подобныхъ (глазамъ) самки-газели
Вмѣсто васмы ненюфаромъ она подвела.

Сивендъ 1914.

73] Béle мäст у туфäңґ мäст у хӯдäм мäст
Сäд у пäнџō гуlӯlé бäр káдäм häст
Бiґīрáм пōчéje кӯhe булäндí
Беџáңґäм тō нäфäс дäр kōlíбäм häст

ولی مست و تفنگ مست و خودم مست
صد و پنجا گلوله بر قدم هست
بگیرم پاچهٔ کوه بلندی
بجنگم تا نفس در قالبم هست

Цвѣтикъ мой пьянъ, ружье (мое) пьяно, и самъ я упоенъ,
Сто пятьдесятъ пуль на станѣ моемъ находится;
Примусь я (взбираться) по склону высокой горы,
Стану я сражаться, пока дыханіе въ тѣлѣ моемъ есть.

Ширазъ 1914.

74] Bélум kaljӯн бе дáссе чäп гiруфтáт
Héje kaljӯн бе зīре läб гiруфтáт
Тесаддýk кун néje kaljӯн бéґäрдýн
Тäмýме џíсме џýнäм тäб гiруфтáт

ولم قلیان به دست چپ گرفتت
نی قلیان به زیر لب گرفتت
تصدّق کن نی قلیان بگردان
تمام جسم جانم تب گرفتت

Цвѣтикъ мой кальянъ въ руку лѣвую взяла,
Трубку кальяна въ губы (свои) взяла;
Милость окажи — трубку кальяна поверни, —
Всѣмъ тѣломъ и душой моими лихорадка овладѣла.

Ширазъ 1914.

75] Äґáр дóдī нäмíссӯнí чè мīшýд
Гýlī äз бóђе вácläт káм нäмīшýд
Äґáр jäк бӯсé мīдōдí бе ōшýk
Дäр ӯн шäб ӯн шäфōхóhe тӯ мīшýд

اگر دادی نمیستانی چه میشد
گلی از باغ وصلت کم نمیشد
اگر یک بوسه میدادی به عاشق
در آن شب آن شفاخواه تو میشد

Если справедливаго воздаянія ты не получишь, что случилось-бы?
Одной розой изъ сада соединенія съ тобой меньше не стало-бы;

Если-бы одинъ поцѣлуй дала ты любящему,
Въ ту ночь онъ желающимъ здоровья тебѣ сталъ-бы.

Керманъ 1913.

76] Äґáр дӯнә́м вéläм ђамгі́р бōшáд — Előџе рäфтáнäм шäбгі́р бōшáд
Előџе рäфтáнäм шäбгі́ре īвőр — Äґáр бäр ґäрдáнäм зäнџі́р бōшáд

اگر دانم ولم غمگیر باشد — علاج رفتنم شبگیر باشد
علاج رفتنم شبگیرِ ایوار — اگر بر گردنم زنجیر باشد

Если я узнаю, что цвѣтикъ мой печальнымъ будетъ,
Цѣлебной помощью въ отправленіи моемъ заря будетъ;
Цѣлебная помощь въ отправленіи моемъ — (утренняя) заря и вечеръ,
Если (даже) на шеѣ моей цѣпь будетъ.

Керманъ 1913.

77] Берáфтäм Ћōџīōбőд Ћōџīōбőд — Бічīнáм сі̇бе шірі́н бáћре нӯмзőд
Бічīнáм сі́бе шірі́н нőре бісjőр — Бу̀сӯзáд тōlí у бáхте тӯ нӯмзőд

برفتم حاجی اباد حاجی آباد — بچینم سیبِ شیرین بهرِ نامزاد
بچینم سیبِ شیرین نارِ بسیار — بسوزد طالع و بختِ تو نامزاد

Я отправился въ Хāджӣāбāдъ, въ Хāджӣāбāдъ[1]
Нарвать сладкихъ яблокъ для обрученной;
Нарвать сладкихъ яблокъ (и) много гранатъ —
Пусть сгоритъ звѣзда счастья твоего, обрученная!

Ширазъ 1914.

78] Берóу бōд у берóу бōд у берóу бōд — Рафі́ке рäфтéрō кі мі̇кунáд jōд
Рафі́ке рäфтé мі́сlе мурдé дōрáд — Ке хőке мурдéрō кеі мі̇бäрáд бōд

برَو باد و برَو باد و برَو باد — رفیق رفته را که میکند یاد
رفیقِ رفته مثلِ مرده دارد — که خاکِ مرده را کی میبرد باد

Ступай вѣтеръ, ступай вѣтеръ, ступай вѣтеръ!
Товарища ушедшаго кто станетъ вспоминать?
Товарищъ ушедшій сходство съ мертвецомъ имѣетъ,
А прахъ мертвеца когда доноситъ вѣтеръ?

Исфаганъ (бахт.) 1913.

---

[1] Деревня въ долинѣ Хафрака, на пути изъ Сивенда въ Кенāрэ, расположенная у подошвы горы Хусейнъ-кӯһъ, верстахъ въ пяти къ в. отъ Накши-Рустэма. Къ с. отъ этой деревни, въ одной изъ горныхъ разсѣлинъ находится извѣстная надпись Шапура I.

79] Бéзäн нéiрō дíлäм фäрвŏз дōрä́д | ћäвŏје сарћäде Шīрŏз дōрä́д
Бéзäн нéiрō мукŏм äз неi бèѓäрдŷн | Бе ћäр нäћвī ке дiлбä́р нōз дōрä́д

بزن نَیْرا دلم فرواز دارد | هوای سرحدِ شیراز دارد
بزن نیْرا مقام از نی بگردان | به هر نحوی که دلبر ناز دارد

Играй на флейтѣ — сердце мое рвется въ даль,
Желаетъ отправиться въ «сарћадъ» и Ширазъ;
Играй на флейтѣ, напѣвы флейты перемѣняй
На всякій ладъ — вѣдь возлюбленная кокетничаетъ.

Керманъ 1913.

80] *Булä́н бōлŏ бе межгŷн тīр мīкä́рд[3] | Дíлäм[1] äз[2] зендегуни́ сīр мīкä́рд[3]
Шекŏlе мäрдумŷн кóукä́сс[4] кä́му-тä́р | Шекŏlе мō[5] кä́lŏђе[6] пīр мīкä́рд[3]

بُلَند بالا به مژگان تیر میکرد | دلم از زندگانی سیر میکرد
شکالِ مردمان کوکست کموتر | شکالِ ما کلاغ پیر میکرد

Высокая ростомъ рѣсницами стрѣляла,
Сердце мое жизнью сытымъ она дѣлала;
Дичью людей куропатки бываютъ и голуби,
Дичью нашей ворону старую она дѣлала.

Сивендъ — Ширазъ 1914.

81] Булä́н бōлŏје кермŷни́ lä́бет канд | Бéдеһ бŷсī бèфä́рмŏ кеiмéтеш чäнд
Боћŏје бŷсе тŷ кеiмéт ресíдé | Бухōрŏ ву Сефōћŷн у Сäмäркä́нд

بُلَند بالای کرمانی لبت قند | بده بوسی بفرما قیمتش چند
بهای بوسِ تو قیمْت رسیده | بخارا و سفاهان و سمرقند

Высокая ростомъ керманка, губы твои (какъ) сахаръ,
Дай поцѣлуй одинъ, пожалуйста скажи, цѣна его во сколько;
Цѣна поцѣлуя твоего достигла
(Цѣны) Бухары, Исфагана и Самарканда.

Ездъ 1913.

---

* v. Ш.: Кä́мŷн äбрŷ ву межгŷн тīр кä́рдī
Съ бровями какъ лукъ ты рѣсницами стрѣльнула.

[1] v. Ш. Дíлäмрō. [2] v. Ш. он. [3] v. Ш. кä́рдī. [4] кä́бк у. [5] v. Ш. мäн. [6] v. Ш. kalŏђе.

82] Боhṓр ӯма́д ке гуlhṓ чӣдӓні́ шуд Lӓбу́не духтӓру́н бу́сӣдӓні́ шуд
Lӓбу́не духтӓру́н чӯн hӓсте́ lӣму́ Хӓба́р ӯма́д ке lӣму́ хӯрдӓні́ шуд

بهار آمد که گلها چیدنی شد   لبان دختران بوسیدنی شد
لبان دختران چون هسته لیمو   خبر آمد که لیمو خوردنی شد

Весна пришла, и цвѣты надо срывать,
Губы дѣвушекъ надо цѣловать;
Губы дѣвушекъ какъ косточки лимона —
Вѣсть пришла, что лимоны надо ѣсть.

Керманъ 1913.

83] Бе ӣн духта́р бугу́ ке діl неба́ндӓд Дӯ дӓсмṓlе ка́ту́неш[1] сӓр неба́ндӓд
Мӓн ӓз зішт у џеву́н пӓрвṓ на̀дōра́м Худṓ бахт у kазṓрō hӓм беба́ндӓд

به این دختر بگو که دل نبندد   دو دستمال کتانش سر نبندد
من از زشت و جوان پروا ندارم   خدا بخت و قضارا هم ببندد

Этой дѣвушкѣ скажи, чтобы не увлекалась,
Два платка полотняныхъ своихъ на голову не повязывала;
Я о безобразномъ и молодомъ (нисколько) не забочусь —
Богъ счастье и судьбу (самъ) создаетъ.

Ездъ 1913.

84] Бе мӓрду́м дōд у бӓр мӓн дōд у бӣдṓд Бе мӓрду́м џоур у бӓр мӓн џоур у фӓрјṓд
Зе бṓђе мӓрдуму́н бідӣ бурі́дӓн Зе бṓђе мӓн бурі́дӓн са́рве ōзṓд

به مردم داد و بر من داد و بیداد   به مردم جوْر و بر من جوْر و فریاد
زباغ مردمان بیدی بریدند   زباغ من بریدند سرو آزاد

У людей жалобы на жестокость, а у меня на жестокость и несправедливость,
У людей притѣсненіе, а у меня обида и крикъ отчаянія;
Въ саду людей одну какую-то иву срѣзали,
Въ саду моемъ срѣзали вольный кипарисъ.

Керманъ 1913.

85] Біјṓ бōд у буро́у дӓр Гуlшӓнōбṓд Сӓlу́ме мӓн рӓсу́н бӓр са́lве ōзṓд
Бугу́ бōд у ке ӓз kо́уlе Перӣшу́н Тӯ Шӣрі́нӣ гуза́р кун су́је Фӓрhṓд

---

[1] v. џеву́неш.

بیا باد و برو در گلشناباد   سلام من رسان بر سرو آزاد
بگو باد و که از قول پریشان   تو شیرینی گذر کن سوی فرهاد

Прійди, вѣтеръ, и отправляйся въ Гульшанāбāдъ,
Привѣтъ мой передай кипарису вольному;
Скажи, вѣтеръ, со словъ Перӣшāна:
«Ты Шӣрӣнъ, (такъ) перейди къ Фарhāду».

Шіразъ 1914.

86] Пäрізод у пäрізод у пäрізод   Че рýзе нáhсī бӯд мōдáр мáрō зōд
Ке ӯ џýшäш гіріфт шіре ђáмäм дōд   Бузýрґäм кáрд у дáсте нōкáсäм дōд

پریزاد و پریزاد و پریزاد   چه روز نحسی بود مادر مرا زاد
که او جوشش گرفت شیر غم داد   بزرگم کرد و دست ناکسم داد

Ангелочекъ, ангелочекъ, ангелочекъ!
Что за день злополучный былъ, когда мать меня родила;
Ее волненіе охватило, (и) молоко печали мнѣ она дала,
Взростила она меня и въ руки негодяя отдала меня.

Исфаганъ 1913.

87] Че сóзäм ке земӯнá муфлíсум кірд   Telό бýдäм бе мӯнáнде мíсум кірд
Кабóје ноу нäдōрáм мäн бӯпӯшáм   Кабóје куhнé хόре мäџlíсум кірд[1]

چه سازم که زمانه مُفْلِسُم کِرد   طلا بودم به مانند مِسُم کِرد
قبای نو ندارم من بپوشم   قبای کهنه خوار مجلِسُم کِرد

Что̀ подѣлать мнѣ, что судьба бѣднякомъ меня сдѣлала;
Золотомъ былъ я, на подобіе мѣди меня сдѣлала;
Кабā новой не имѣю я, чтобы облачиться,
Кабā старая презрѣннымъ (въ глазахъ) общества меня сдѣлала.

Кенāрэ 1914.

88] Чѐ мīбýд шäб нäмīбýд рӯз мīбýд   Һäмīшé сōl у мō ноурýз мīбýд
Чѐ мīбýд ѓäр худōвéн hукм мī-кáрд   Ке мáрге нōѓähýн häргíз нäмī-бýд

چه میبود شب نمیبود روز میبود   همیشه سال و ما نوروز میبود
چه میبود گر خداوند حکم میکرد   که مرگ ناگهان هرگز نمیبود

---

[1] Ср. ЗВО, XXIII, стр. 52, № 47.

Что̀ было-бы: ночь не была-бы, день былъ-бы,
Всегда годъ и мѣсяцъ ноурӯза былъ-бы;
Что̀ было-бы, если-бы Господь повелѣлъ,
Что-бы смерть внезапная никода не была?

Ездъ 1913.

89] Чѐ мі̄шу́д цу́не ма̃н цу́не тӯ мі̄шу́д   Чѐ мі̄шу́д цӯн бе kурбу́не тӯ мі̄шу́д
Чѐ мі̄шу́д кöсеhо̄́jе häр дӯ ча́німäм   Бе цо̄́jе чäкмé дäр по̄́jе тӯ мі̄шу́д

چه میشد جانِ من جانِ تو میشد   چه میشد جان به قربانِ تو میشد
چه میشد کاسهاي هر دو چشمم   به جاي چکمه در پاي تو میشد

Что̀ стало-бы: душа моя душой твоею стала-бы;
Что̀ стало-бы: душа (моя) жертвою (за) тебя стала-бы;
Что̀ стало-бы: орбиты сбоихъ глазъ моихъ
Вмѣсто сапоговъ на ногахъ твоихъ стали-бы.

Исфаганъ 1913.

90] Хäба́р ӯма́д ке jо̄́ра̃м ка́дхудо̄́ шуд   Ді́лäм тӯ рі̄хт у ра́нгäм ка́hрубо̄́ шуд
Бе діл гу́фта̃м цäвӯні́ häст до̄jі́м   Черо̄́ jо̄́рäм . . . äз мäн цудо̄́ шуд

خبر آمد که یارم کدخدا شد   دلم تو ریخت و رنگم کهرُبا شد
به دل گفتم جوانی هست دایم   چرا یارم ... از من جُدا شد

Вѣсть пришла, что другъ мой женился,
Сердце мое упало, и цвѣтъ лица моего янтаремъ сталъ;
Сердцу я сказалъ — молодость существуетъ постоянно,
Почему другъ мой со мною разлучился?

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

91] Ху́дäт ра́фті̄ хыjо̄́лäт пі́шäм ӯма́д   Зäді́ ті́рі̄ ніго̄рі́нäм[1] па̃с ӯма́д
Зäді́ зо̄ну́ бе зо̄ну́ве бузургу́н   Нäгу́фті̄ са́ре jо̄́ре дäрві́шäм чѐ ӯма́д

خودت رفتی خیالت پیشم آمد   زدی تیری نگارینم پس آمد
زدی زانو به زانوی بزرگان   نگفتی سرِ یارِ درویشم چه آمد

Самъ ты ушелъ — мечта о тебѣ предо мной явилась,
Ты метнулъ стрѣлу — красавица моя назадъ отошла;
Ты преклонилъ колѣна къ колѣнамъ вельможъ[2],
Ты не сказалъ, надъ головою друга-дервиша моего что̀ стряслось.

Исфаганъ 1913.

---

[1] v. ніго̄́рäм.   [2] т. е. ты сидѣлъ въ обществѣ вельможъ.

92] Діра́хте пӓрпӓру́к со̄је́ нӓ̀до̄ра́д Табі́бе му́lке мо̄ хо̄је́ нӓ̀до̄ра́д
Табі́б ӓз му́lке Іскӓнда́р біјо̄рі́д Ке пӓнџ мӓн кīр у сад мӓн хо̄је́ до̄ра́д

درخت پَرْپَرُک سایه ندارد طبیب مُلکِ ما خایه ندارد
طبیب از مُلکِ اسکندر بیارید که پنج من کیر و صد من خایه دارد

Дерево «парпарукъ» тѣни не имѣетъ,
Врачъ царства нашего scrotum не имѣетъ;
Врача изъ царства Александра приведите, —
Въ пять мановъ penis и въ сто мановъ scrotum онъ имѣетъ.

Ездъ 1913.

93] Ді́lе та́ңгī ке мӓн до̄ра́м кі̀ до̄ра́д Ру́хе зӓрдı ке мӓн до̄ра́м кі̀ до̄ра́д
Је́кī гӯја́д ке зӓрді́је зӓмі́не Ху́дӓм дӯна́м ке до́ӡе нōзені́не

دلِ تنگی که من دارم که دارد رخِ زردی که من دارم که دارد
یکی گوید که زردیِ زمینه خودم دانم که داغِ نازنینه

Сердце стѣсненное, которое я имѣю, кто имѣетъ?
Лицо желтое, которое я имѣю, кто имѣетъ?
Одинъ (кто-нибудь) скажетъ, что (это) — желтизна земли,
(Но) самъ я знаю, что (это) слѣды страданій (по моей) нѣжной (подругѣ).

Ширазъ 1914.

94] Ді́lӓм дīвӯне́ бӯд дīвӯнета́р шуд Һакі́м ӯма́д бе бо̄lі́нӓм бӓта́р шуд
Һакі́м ӯма́д дӓво́је о̄шікы́ до̄д Мусо́lе ноуке́рī со́lӓм бе сӓр шуд

دلم دیوانه بود دیوانه‌تر شد حکیم آمد به بالینم بتر شد
حکیم آمد دوایِ عاشقی داد مثالِ نَوْکری سالم به سر شد

Сердце мое безумно было, безумнѣй стало,
Врачъ прибылъ къ изголовью моему — (мнѣ) хуже стало;
Врачъ прибылъ, лекарство отъ любви мнѣ далъ —
Подобно слугѣ годъ мой пришелъ къ концу [1].

Ширазъ 1914.

95] Ді́lе мӓн [2] дӓр ӡарі́бі́ во̄ нӓ̀мīша́д [3] Ка́сı һӓмда́рде мӓн [2] пӓідо́ нӓ̀мīша́д [3]
Ка́сı һӓмда́рде мӓн [2] бо̄ша́д бе-ро̄да́р Беро̄да́р бі [4] педа́р пӓідо́ нӓ̀мīша́д [3]

---

[1] т. е. я излечился отъ любви. [2] v. И. мо̄. [3] v. И. нӓ̀мīшу́д. [4] v. К. lо̄.

دلِ من در غریبی وا نمیشد   کسی همدردِ من پیدا نمیشد
کسی همدردِ من باشد برادر   برادر بی پدر پیدا نمیشد

Сердце мое на чужбинѣ радостнымъ не станетъ,
Кто-нибудь сочувствующій моему страданію не появится;
Человѣкъ сочувствующій моему страданію (моимъ) братомъ будетъ.
(Но) братъ безъ отца не появится[1].

Исфаганъ-Керманъ 1913.

96] Дӯ пäнц ру́зäст ке бу́је гул нä̀јӯмä́д — Сäдо̄́је чаhчáhе булбу́л нä̀јӯмä́д
Бері́д[2] äз бо̄ђебу́не гул бепу́рсі̄д[3] — Черо̄́ булбу́л бе су́је[4] гул нä̀јӯмä́д

دو پنج روزست که بویِ گل نیامد   صدایِ چهچهٔ بُلْبُل نیامد
برید از باغبانِ گل بپرسید   چرا بُلْبُل به سویِ گل نیامد

(Уже) десять дней какъ запахъ розы не донесся,
Звукъ трелей соловья не донесся;
Ступайте, у садовника розы спросите,
Почему соловей къ розѣ не прилетѣлъ.

Исфаганъ-Керманъ 1913.

97] Дӯ пäнц ру́зäст ке чо̄́häм о̄б нä̀до̄рä́д — Дӯ чä́шмі го̄б сіјо̄́häм[5] хо̄б нä̀до̄рä́д
Худо̄ве́ндо̄ бе́деh бо̄ру́не раhме́т — Ке о̄б äз чо̄ кешı̄дä́н до̄ре́ заhме́т

دو پنج روزست که چاهم آب ندارد   دو چشم گاب سیاهم خواب ندارد
خداوندا بده بارانِ رحمت   که اب از چا کشیدن داره زحمت

(Уже) десять дней какъ колодезь мой воды не имѣетъ,
Два глаза чернаго быка моего сна не имѣютъ,
О Господи, подай дождь милосердія (Твоего)[6]
Вѣдь воду изъ колодца накачивать тяжело[7].

Исфаганъ 1913.

98] Дӯ чä́шму́нум бе чä́шму́не веl уфто̄́д — Че мä́hто̄́бі ке дä́р бо̄́ђе гул уфто̄́д
Ц̦оlоудо̄́р ко̄фilé lä́нц̦ѓä́р буру́ні̄н — Ке ко̄́ре мо̄ дä́р і̄нц̦о̄́ мушкіl уфто̄́д

---

[1] т. е. никто не сочувствуетъ мнѣ. [2] = برويد. [3] v. K. бупу́рсі̄д.
[4] v. K. céile. [5] v. cijо̄́hі̄. [6] пошли благодатный дождь. [7] Ср. ЗВО, XXIII, стр. 338, № 44.

دو چشانم به چشمان ول افتاد چه مهتابی که در باغ گل افتاد
جلودار قافله لنگر برونبن که کار ما در اینجا مشکل افتاد

Два глаза мои съ глазами цвѣтика встрѣтились,
Подобно лунному свѣту, который въ садъ съ розами упалъ;
Вожатый каравана, вы тише погоняйте:
Дѣло наше въ этомъ мѣстѣ труднымъ стало.

Шиpазъ 1914.

99] Земестӯн ӯма́д у гуlhṓрō хуш́ ка́рд Ма́рō сӑр ка́рде́је о̄ше туру́ш ка́рд
Ilṓhī хеір нӑбīна́д īн кесōтí Тӑму́ме мӑрдумṓнрō ку́lе пу́ш ка́рд

زمستان آمد و گلهارا خشك كرد مرا سركردهٔ آش ترش كرد
الهی خیر نبیند این کساتی تمام مردمانرا كول پشت كرد

Зима пришла и цвѣты изсушила,
Меня начальникомъ похлебки кислой сдѣлала[1];
О Боже, добра да не увидитъ этотъ застой въ дѣлахъ —
Всѣхъ людей какъ куль на спинѣ она сдѣлала[2].

Ездъ 1913.

100] Сетōре́ мíсlе мӑн шӑб дӑр нӑјōја́д Ка́сī чӯн мíсlе мӑн мōда́р нӑзōја́д
Чӯ ка́штīјӑм міју́пе мо́уце дӑрјṓ Һӑміп тӑрса́м ке ка́штім дӑр нӑјōја́д

ستاره مثلِ من شب در نیاید کسی چون مثلِ من مادر نزاید
چو کشتیم میانِ موج دریا همین ترسم که کشتیم در نیاید

Звѣзда подобная мнѣ ночью не восходитъ,
Никого подобнаго мнѣ мать не рождаетъ;
Какъ корабль я среди волнъ моря,
Того боюсь я, что корабль мой не выберется (цѣлымъ).

Шиpазъ 1914.

101] Саhаргṓhī рӑсíдем Раhметōбṓд Бедíдем духта́рī мīга́шт дīlшṓд
Бегу́фтем духтере́к бусī бе мō деh Һӑмīраксíд у хӑндíд бӯсе́ мīдṓд

سحرگاهی رسیدم رحمتاباد بدیدم دختری میگشت دلشاد
بگفتم دخترك بوسی به ما ده همیرقصید و خندید بوسه میداد

---

[1] т. е. заставила меня ѣсть. [2] т. е. безпомощными.

Однажды на зарѣ пришелъ я въ Раhметāбāдъ[1]
Увидѣлъ одну дѣвушку — гуляла она весело;
Сказалъ я: «дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай»,
Она плясала, хохотала и поцѣлуи (намъ) давала.

Ездъ 1913.

102] Са́ре да́сте кōко́м шiш дукме́ дōра́д   Ка́де бōрі́к у шо́lе ṭерме́ дōра́д
Ћäмі́н џōру́ куні́д ōбī бѐпōші́д   Ке кōко́м та́ре меhмӯнī мі̀јōја́д

سرِ دستِ کاکم شِش دُکمه دارد   قدِ باریک و شالِ ترمه دارد
همین جارو کنید آبی بپاشید   که کاکم ترِ مهمانی میاید

Концы рукавовъ брата моего шесть пуговицъ имѣютъ,
Станъ тонкій и (поясную) шаль (изъ) тармаламы онъ имѣетъ;
Сейчасъ-же подметите, воды побрызгайте (на землю),
Вѣдь братъ мой сейчасъ въ гости (къ намъ) придетъ.

Шиpазъ 1914.

103] Са́ре ку́hе булa̋н хӯш хаlвéтī бӯд   Ту́рō бӑр мō мі̀дōде́н наhме́тī бӯд
Ту́рō бӑр мō нѐдōде́н дōд у бīдо́д   Ке ьшкам мі̀куна́д häр дäм ту́рō jōд

سرِ کوهِ بُلَند خوش خلوتی بود   ترا بر ما میدادند نعمتی بود
ترا بر ما ندادند داد و بیداد   که عشقم میکند هر دم ترا یاد

На вершинѣ высокой горы пріятное уединеніе было,
Тебя за насъ выдавали — блаженство было;
Тебя за насъ не выдали — о горе, пощади!
Любовь моя каждое мгновеніе тебя вспоминаетъ.

Ездъ 1913.

104] Са́рум[2] чӯн гӯ бе[3] меіду́не[4] тӯ[5] ѓäрда́д[6]   Ді́lум[7] äз аhд у[8] пеіму́н бӑр нäѓа́рдäд[9]
Äѓа́р дунјо́[10] бе нōмӑрдо́н[11] дähа́д кōм   *Куну́м са́брī ке тō до́урī бѐѓäрда́д

---

[1] Раhметāбāдъ — деревня въ 2 фарсахахъ отъ Езда.
[2] v. Ш. Са́рім.   [3] v. Ш. дäр.   [4] v. Ш. īн меіду́н.   [5] Ш. оп.
[6] v. Ш. бѐѓäрда́.   [7] v. Ш. Ді́lім.   [8] v. Ш. а́hде.   [9] v. Ш. нä̀ѓäрда́.
[10] v. Ш. доуlа́т.   [11] v. Ш. нōмӑрду́м.
* v. Ш. Ніші́нäм тō бе мäн доурӯн бѐѓäрда́ — Я посижу пока судьба комнѣ не повернется.

سرم چون گو به میدان تو گردد   دلم از عهد و پیمان بر نگردد
اگر دنیا به نامردان دهد کام   کنم صبری که تا دَوْری بگردد

Голова моя какъ мячъ на ристалищѣ твоемъ катается,
Сердце мое отъ договора и клятвеннаго обѣщанія (въ вѣрности) не [отступитъ;
Если жизнь недостойнымъ поблажаетъ,
Я нѣсколько потерплю, чтобы кругъ (неудачъ) завершился.

Исфаганъ (бахт.) 1913. Шира́зъ 1914.

105] Са́рӓм дӓрд мі́куна́д сандál бі̆jо̄рі́д[1]
Табі́б[2] ӓз[3] му́lке Іска́ндáр бі̆jо̄рі́д[1]
Табі́б[2] ӓз[3] му́lке Іска́ндáр нӓ чӓнду́н[4]
*Небо̄те хо̄ссé ӓз Бáндáр бі̆jо̄рі́д[1]

سرم درد میکند صندل بیارید   طبیب از مُلکِ اسکندر بیارید
طبیب از مُلکِ اسکندر نه چندان   نباتِ خاصّه از بندر بیارید

Голова моя болитъ — сандалу[5] принесите,
Врача изъ царства Александра приведите;
Не столько врача изъ царства Александра,
Сколько отмѣннаго леденца изъ Бендера привезите.

Керманъ 1913. Шира́зъ 1914.

106] Са́рӓм дӓрд у са́рӓм дӓрд у са́рӓм дӓрд
Бе ру́jӓм во̆ куні́д бо̄ѕе гу́lе зӓрд
Бе ру́jӓм во̆ куні́д ра́нгӓм бӗбі́нід
Мі́со̄lе ка́hрубо̄ ра́нгӓм шудé зӓрд

سرم درد و سرم درد و سرم درد   به رویم وا کنید باغ گل زرد
به رویم وا کنید رنگم ببینید   مثالِ کهربا رنگم شده زرد

Голова моя болитъ, голова моя болитъ, голова моя болитъ,
Лицо мое раскройте — (вы увидите) садъ желтыхъ цвѣтовъ;
Лицо мое раскройте, на цвѣтъ лица (моего) посмотрите:
Подобно янтарю цвѣтъ лица (моего) сталъ желтымъ.

Керманъ 1913. Шира́зъ 1914.

---

[1] v. Ш. бі̆jо̄рі́н.   [2] v. Ш. Һакі́м.   [3] v. Ш. дӓр.   [4] v. Ш. на́бо̄ша́д.

[5] Кусокъ сандаловаго дерева толкутъ въ порошокъ, смѣшиваютъ съ водой и полученную массу употребляютъ въ качествѣ притиранія при головной боли.

* v. Ш.: Ка́фа́н дӓр бӯхчéі ді́lвáр дӓр о̄рі́н — Саванъ изъ узла возлюбленной моей) вытащите.

107] Суhīl äз кӯ дäмі́д у мі̇дурӯхшід — Вäлī Зеilō[1] бе Зеіно̄[1] бӯсé бäхшід
Дӯ зулфӯне сіјо̄ро̄ со̄јебӯн кун — Ке рӯје нōзӯкäт мі̇сӯзä́ хӯршід

سُهیل از کو دمید و میدُرُخْشید — ولی زَیْلا به زَیْنا بوسه بخشید
دو زلفانِ سیارا سایه‌بان کن — که رویِ نازُکت میسوزه خورشید

Канопусъ изъ-за горъ взошелъ и засверкалъ,
Но Зейнальāбидūнъ Зейнабѣ поцѣлуи дарилъ;
Два локона черныхъ (своихъ) зонтикомъ ты сдѣлай,
Вѣдь лицо нѣжное твое обожжетъ солнце.

Керманъ 1913.

108] Суhīl дäр[2] кӯ зäнäд булђо̄р сӯзä́д — Дilǟм äз[2] џо̄нíбе дilдо̄р сӯзä́д
Суhīl дäр[2] кӯ зäнä́д дäр со̄lī јäк бо̄р — Дíle мäн со̄äтī сад бо̄р сӯзä́д

سهیل در کو زند بلغار سوزد — دلم از جانبِ دلدار سوزد
سهیل در کو زند در سالی یک بار — دلِ من ساعتی صد بار سوزد

Канопусъ изъ-за горъ восходитъ, «булгāръ» онъ сожигаетъ,
Сердце мое въ отношеніи возлюбленной пламенѣетъ;
Канопусъ изъ-за горъ восходитъ ежегодно одинъ разъ,
Сердце мое каждый часъ сто разъ пламенѣетъ.

Ширазъ 1914.

109] Сіјо̄ чäшмī ке нōрäнџī бе мäн до̄д — Бе діl гуфтäм худо̄ гäнџī бе мäн до̄д
Сäре дäступ гірӯфт бӯрдум бе хӯнä́ — Äз ӯн кӯнџе lä́бäш бӯсī бе мäн до̄д

سیا چشمی که نارنجی به من داد — به دل گفتم خدا گنجی به من داد
سرِ دستم گرُفت بردُم به خانه — از آن کُنجِ لبش بوسی به من داد

Черноокая, которая померанецъ мнѣ дала! —
Сердцу (своему) сказалъ я: «Богъ сокровище мнѣ далъ»;
За руку меня взяла, повела меня въ домъ,
Изъ того уголка губъ своихъ одинъ поцѣлуй мнѣ дала.

Исфаганъ (бахт.) 1913. Ширазъ 1914.

110] Шäбе ä́бräст у бо̄рӯн хо̄hä́д ӯмä́д — Џолоудо̄ре Сефо̄hӯн хо̄hä́д ӯмä́д
Дӯто̄ јо̄рīм ке äз häм rellé до̄рīм — Шäбе rellегузо̄рӯн хо̄hä́д ӯмä́д

---

[1] Зеilō и Зеіно̄ — уменьшительныя отъ زین‌العابدین и زینب.

[2] Чередованіе въ значеніи предлоговъ «дäр» и «äз».

شب ابرست و باران خواهد آمد جلودار سفاهان خواهد آمد
دوتا یاریم که از هم گلّه داریم شب گلّه گذاران خواهد آمد

Ночь облачная, и дождь пойдетъ,
Вожатый Исфагана придетъ;
Мы два друга — другъ на друга жалобу имѣемъ,
Ночь изложенія жалобы наступитъ.

Керманъ 1913.

111] Шӓбе шамбе́ хыјо̄l[1] ӓз јо̄рӓм ӯмӓ́д Дӯ шамбе́ ko̅сы́де дiлдо̄рӓм ӯмӓ́д
Се шамбе́[2] чӓнім бе ро̄h у дiл[2] бе уммі́д[3] Ке чо̄р шамбе́ гӯле бі̄хо̄рӓм ӯмӓ́д

شب شنبه خیال از یارم آمد دوشنبه قاصد دلدارم آمد
سه شنبه چشم به راه و دل به امّید که چهار شنبه گل بیخارم آمد

Въ ночь на субботу мечта о другѣ пришла,
Въ понедѣльникъ гонецъ возлюбленной пришелъ;
Во вторникъ глаза (устремленные) на дорогу и сердце въ надеждѣ,
А въ среду роза безъ шиповъ моя пришла.

Ездъ — Керманъ 1913. Шираз 1914.

112] Шӓбе мӓhто̄б дiге́р а́бреш куџо̄ бӯд Зӓне бi̅ве́ дiге́р шӓрмеш куџо̄ бӯд
Зӓне бi̅ве́ еге́р kоум у еге́р kы̅ш Һӓмíн гӯјӓд еі до̄д ӓз шоуhӓре пi̅ш

شب مهتاب دگر ابرش کجا بود زن بیوه دگر شرمش کجا بود
زن بیوه اگر قوم و اگر خویش همین گوید ای داد از شوهر پیش

Ночь лунная, гдѣ-же ея облака бываютъ?
Женщина-вдова, гдѣ-же ея стыдъ бываетъ?
Женщина-вдова, если она (даже) соплеменница и если она родня,
Только и говоритъ: увы! (гдѣ мой) прежній мужъ!

Ездъ 1913.

113] Шӓбе мӓhто̄б у фо̄нӯсі̅ нӓмі̅хо̄д Сӓфӓр кӓрдӓн бе і̅н дӯрі́ нӓмі̅хо̄д
Һӓме́ гӯјӓн сӓфӓр дӯрі́ ӓз дӯссі́ Нӓ бе дӯрі́ нӓ бе дӯссі́ нӓмі̅хо̄д

شب مهتاب و فانوس نمیخواد سفر کردن به این دوری نمیخواد
همه گویند سفر دوری از دوستی نه به دوری نه به دوستی نمیخواد

---

[1] v. К. Ш. хӓбӓ́р; хыјо̄le јо̄рӓм. [2] v. К. Ш. інтiзо̄ри́ш мi̅кӓшíдум.
[3] v. ро̄hе дiл.

Ночь лунная и фонаря не нужно,
Путешествовать въ такую даль не нужно;
Всѣ говорятъ — далекое путешествіе изъ-за дружбы,
Ни въ (такую) даль, пи изъ-за дружбы не нужно.

Шираз 1914.

114] Шӓ́бī ке мӓнзіlӓм тӯ ōсіјōу бӯд — Дӯ lе́ңге ґӓндӯ́м у јӓк lе́ңге џоу бӯд
Берōје хōтыре јӓк пíре тōтӯ́ — Шӓб у рӯз рáхте мӓн дōјíм гірōу бӯд

شبی که منزلم تو آسیاو بود — دو لنگه گندم و یک لنگه جَو بود
برای خاطرِ یک پیره تانو — شب و روز رختِ من دایم گِرَو بود

Въ ту ночь когда стоянка моя была на мельницѣ,
У меня было два вьюка пшеницы и одинъ вьюкъ ячменя;
Ради одной старой лошадки
Ночь и день платье мое постоянно въ закладѣ было.

Ездъ 1913.

115] Шӓ́бī ке мӓнзіlум дӓр Чо́hе Нӓр бӯд — Хурōкӓм ṓбе шӯр у џóуе тӓр бӯд
Біјṓу Хōмбṓз біјóу еі тӯ́lфе нōдӯ́н — Ке оуlṓде Кавṓм бӯ́рдум бе зендӯ́н[1]

شبی که منزلُم در چاهِ نر بود — خوراکم آبِ شور و جَو تر بود
بیاو خانباز بیاو ای طُفل نادان — که اَوْلادِ قوام بُردم به زندان

Въ ту ночь когда стоянка моя была въ Чāhе Нарь[2],
Моей ѣдой была соленая вода и мокрый ячмень;
Приди, Хāмбāзъ[3], приди, о дитя неразумное —
Приверженцы Кавāма[4] повели меня въ темницу.

Ширазъ 1914.

116] Шутӯ́р бе́ңґӓр ке Leilí бōр мīбӯ́рд — Џоhṓз рӓңгíн ке бī ōбсṓр мīбӯ́рд
Сӓр оусṓреш бе дáссе чӓ́рхе ґӓрдӯ́н — Діle ђамнṓк бе нáзре бōр мīбӯ́рд

شتر بنگر که لیلی بار میبُرد — جهاز رنگین که بی آبسار میبُرد
سر اَوْسارش به دستِ چرخِ گردان — دلِ غمناک به نذرِ بار میبُرد

---

[1] Пѣсня Аскеръ-хана, своими набѣгами наводившаго ужасъ на окрестности Шираза, схваченнаго Кавāм-уль-Мулькомъ и казненнаго въ Ширазѣ въ 1909 г.

[2] Деревня въ булюкѣ Мазāджāна.

[3] Сынъ Аскеръ-хана.

[4] Кавāм-уль-Мулькъ.

Посмотрите на верблюда, (на которомъ) Лейлӣ поклажу везла,
Сѣдло раскрашенное безъ недоуздка (на себѣ) онъ несъ;
Конецъ его недоуздка въ рукахъ вертящагося колеса [1],
Сердце печальное вмѣсто обѣщанной поклажи онъ несъ.

Ширазъ 1914.

117] *Шуту́р хўбӓст ке бо̄рӓш пӓмбе́ бо̄шӓ́д   Џӓвў́н хўбӓст [2] lа́бӓш пур хӓнде́ бо̄шӓ́д
Џӓвў́нī ке нӓ̀до̄рӓ́д мо̄́lе дуңјо̄́   Бѐмӣрӓ́д беhта́рӓст [3] то̄ [4] зенде́ бо̄шӓ́д

شتر خوبست که بارش پنبه باشد   جوان خوبست لبش پُر خنده باشد
جوانی که ندارد مالِ دنیا   بمیرد بهترست تا زنده باشد

Хорошо, когда ношей верблюда хлопокъ [5] бываетъ,
Хорошо, когда губы юноши полны смѣха бываютъ;
Юноша, который не имѣетъ богатства этого міра,
Лучше пусть умретъ, нежели живъ будетъ.

Исфаганъ — Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

118] Шумо̄́ ке мӓрдумў́не īн дiјо̄́рīд   Бiјо̄ӣд у дiга́р ӓрза́н мӓ̀ко̄рīд
Ке са́хтӓш кiшта́н у о̄сӯн дерīда́н [6]   Ке о̄да́мро̄ мӣкуша́д ва́хте рīда́н

شما که مردمانِ این دیارید   بیائید و دگر ارزن مکارید
که سختش کِشتن و آسان دریدن   که آدمرا میکُشد وقتِ ریدن

Вы вѣдь люди этой мѣстности,
Придите и больше проса не засѣвайте;
Тяжело его сѣять и легко пожинать,
Человѣка убиваетъ онъ во время испражненія.

Керманъ 1913.

119] Шӓнӣдӓм булбў́лī дӓр до̄́ме саjјо̄́д   Һӓмӣ ӓз ы́шке гуl мӣка́рд фӓрјо̄́д
Ке еі саjјо̄́д дӓр до̄ме бӓlо̄́јӓм   Бе рў́је гуlру́хī мӓн муптӓlо̄́јӓм

---

[1] т. е. небеснаго свода; судьбы.

* v. Ш: Дiра́хт хў́бӓн сад у сī ка́ңӣ бо̄шӓ́д — Хорошо, когда дерево о ста тридцати вѣтвяхъ бываетъ.

[2] v. Ш. хў́бӓн. [3] v. Ш. беhта́рӓн. [4] v. Е. Ш. ке.

[5] Вьюки съ хлопкомъ, въ силу своей упругости, равномѣрно давятъ на всю поверхность вьючнаго сѣдла (џоhо̄́з) и, плавно и ритмически раскачиваясь при ходьбѣ верблюда, не стѣсняютъ его движенія впередъ.

[6] = درویدن.

شنیدم بلبلی در دام صیّاد   همی از عشق گل میکرد فریاد
که ای صیّاد در دام بلایم   به روی گلرخی من مبتلایم

Слышалъ я, однажды соловей въ силкѣ охотника
Отъ любви къ розѣ жалобно стеналъ:
«Эй, охотникъ, я (очутился) въ сѣтяхъ напасти,
Изъ-за (прекраснаго) лица розоликой я подвергся испытанію».

Керманъ 1913.

120] Садáф[1] дäр Кōзерун дур дäр[2] Фатōбōд   Зäнōје рӯмешӯрі Доулäтōбōд
Ӓгäр хоhі ке хӯбӯнрō бібіні   Бурбу дäр кӯнџе маhléје[3] Ріџōбōд

صدف در کازرون دُر در فتحاباد   زنای رومشور دولتاباد
اگر خواهی که خوبانرا ببینی   بُرو در کُنج محّلهٔ رِجاباد

Раковина въ Казерунѣ, жемчужина въ Фатhāбāдѣ[4],
Женщины съ немытыми лицами въ Доулетāбāдѣ[5];
Если хочешь ты красавицъ увидѣть,
Ступай въ уголокъ квартала Риджāбāда[6].

Сивендъ — Ширазъ 1914.

121] Аџäб бōді бе рӯје гуlшäн ӯмäд   Ке џуне рäфте[7] äм бōз бäр тäн ӯмäд
Міјӯне häр дӯ дідéје Ja'кӯб роушäн   Ке бӯје Јӯсуф äз пірōhäн ӯмäд

عجب بادی به روی گلشن آمد   که جانِ رفته‌ام باز بر تن آمد
میانِ هر دو دیدهٔ یعقوب روشن   که بوی یوسف از پیراهن آمد

---

[1] v. C. Сáрäм.

[2] v. C. äз; предлоги äз, бäр и дäр въ языкѣ сивендцевъ чередуются между собою въ значеніи.

[3] v. C. маhléје кӯнџе.

[4] Фатhāбāдъ — административный центръ (قصبه) булюка Марведашта; лежитъ на ю.-з. отъ Накши Рустэма, въ 9 фарсахахъ къ с. отъ Шираза, на правомъ берегу р. Пульвара и состоитъ приблизительно изъ 250 дворовъ (Фāрс-нāмэ, II, 300).

[5] Доулетāбāдъ находится въ 2 съ лишнимъ фарсахахъ къ ю. отъ Фатhāбāда, въ Марведаштѣ.

[6] Риджāбāдъ—тамъ-же, около 2 фарс. къ ю.-в. отъ Фатhāбāда, вблизи Кенāрэ, южнѣе послѣдняго.

[7] v. III. рäфтäнум.

Что за удивительный вѣтеръ на цвѣтникъ повѣялъ,
Такъ что душа отлетѣвшая моя въ тѣло возвратилась;
Средина обоихъ глазъ Іакова просвѣтлѣла,
Когда запахъ Іосифа отъ (его) сорочки повѣялъ.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

122] Азізӓм мітӓвýнӓм тáрке џӯн кáрд — Нӓшōјӓд тáрке јōре меhребýн кáрд
Діl інџō дiлбáр інџō мӓн мусōфір — Сӓфáр бі дiлбáрӓм кеі мітӓвýн кáрд

غزیزم میتوانم ترکِ جان کرد — نشاید ترکِ یارِ مهربان کرد
دل اینجا دلبر اینجا من مسافر — سفر بی دلبرم کی میتوان کرد

Дорогой мой, я могу съ душой моей разстаться,
(Но) не слѣдуетъ съ другомъ добрымъ разставаться,
Сердце (мое) здѣсь, возлюбленная (моя) здѣсь, (а самъ) я путешествовать собрался —
Путешествіе безъ возлюбленной моей когда-же можно совершить!

Ширазъ 1914.

123] Азізýн бáр дiлӓм ђам мігузōрід — Нӓмáк бáр џýне пур захм мігузōрід
Нӓмáк шýрӓст у зáхмӓм тōзé мáгзōр — Мáрō кýшті бе шӓhр ōвōзé мáндōз

عزیزان بر دلم غم میگذارید — نمک بر جانِ پر زخم میگذارید
نمک شورست و زخم تازه مگذار — مرا کُشتی به شهر آوازه منداز

Дорогіе (мои), на сердце мое печаль вы налагаете,
Соль на душу (мою) израненную вы посыпаете;
Соль солона, а раны мои свѣжи — не посыпай (соли),
Меня ты сразила, — по городу молву (объ этомъ) не распространяй.

Керманъ 1913.

124] Азізýн діl бе хӯбýн мітӓвýн дōд — Бе јōре меhребýн џӯн мітӓвýн дōд
Ӓгáр бōшáд рiзōје бōђебӯні — Кӓлíде џӯн бе џōнýн [1] мітӓвýн дōд

عزیزان دل به خوبان میتوان داد — به یارِ مهربان جان میتوان داد
اگر باشد رضای باغبانی — کلیدِ جان به جانان میتوان داد

---

[1] v. дáстӓш.

Дорогіе (мои), сердце красавицамъ можно отдать,
Другу милому душу можно отдать;
Если послѣдуетъ согласіе па охрану сада,
Ключъ (сада) души душенькѣ можно отдать.

Исфаганъ 1913.

125] Азӣзӯ́н нӯ́шӓм ӯма́д нӯ́шӓм ӯма́д   Булӓ́н бо̄ло̄́је махма́l[1] пӯ́шӓм ӯма́д
Нiјӓ́т ка́рдӓм ке дӓр хо̄́бӓш бѐбiна́м   Бе бiдо̄рі́ бе ру̇́је кӯ́шӓм ӯма́д

عزیزان نوشم آمد نوشم آمد   بُلَند بالای مخمل پوشم آمد
نیت کردم که در خوابش ببینم   به بیداری به روي کوشم آمد

Дорогіе (мои), сладость пришла ко мнѣ, сладость пришла ко мнѣ,
Высокая ростомъ одѣтая въ бархатъ пришла ко мнѣ;
Я вознамѣрился во снѣ ее увидѣть, —
На яву на колѣни она пришла ко мнѣ.

Керманъ 1913.

126] Ђарiбі́ сахт ма́ро̄ дiлгі́р до̄ра́д   Фӓлӓ́к бӓр[2] ѓӓрдӓ́нӓм зӓнџі́р до̄ра́д
Фӓлӓ́к ӓз ѓӓрдӓ́нӓм зӓнџі́р бӓр до̄р   Ке ђурба́т[3] хо̄́ке[4] до̄мӓнгі́р до̄ра́д

غریبی سخت مرا دلگیر دارد   فلک بر گردنم زنجیر دارد
فلک از گردنم زنجیر بر دار   که غُربت خاکِ دامنگیر دارد

Чужестранство сильно меня удручаетъ,
Небо на шеѣ моей цѣпь держитъ;
Небо, съ шеи мой цѣпь сними —
Вѣдь чужбина почву цѣпкую имѣетъ.

Исфаганъ — Керманъ 1913.

127] Фӓлӓ́к до̄д у фӓлӓ́к до̄д у фӓлӓ́к до̄д   Фӓлӓ́к та́хте Сулеiмӯ́н до̄д бӓр бо̄д
Сулеiмӯ́нi ке һукм бӓр[5] бо̄д мiка́рд   Хӯ́дӓш мiді́д[6] ке та́хтӓш ро̄ бӓра́д[7] бо̄д

فلک داد و فلک داد و فلک داد   فلک تختِ سلیمان داد بر باد
سلیمانی که حُکم بر باد میکرد   خودش میدید که تختش را برد باد

[1] v. атlác. [2] v. И. дӓр. [3] v. И. ђарiбі́. [4] v. И. о̄́һе. [5] v. Ш. ӓз.
[6] v. Ш. мiра́фт. [7] v. Ш. та́хтӓш мі̇бӓра́д.

Горе отъ неба, горе отъ неба, горе отъ неба!
Небо тронъ Соломона пустило на вѣтеръ;
Соломонъ, который повелѣвалъ вѣтромъ,
Самъ видѣлъ, какъ тронъ его уноситъ вѣтеръ.

Исфаганъ 1913. Шираз 1914.

128] Фäлáк дӯр äз рафіке хӯшгілäм ќäрд   Чӯ булбул бýдам џудṓ äз гýлäм ќäрд
Нäмі̄хōстáм äз ін рафік џудōí   Мäн äз дṓђе џудōí кōмілäм ќäрд

فلک دور از رفیقِ خوشگِلم کرد   چو بلبل بودم جدا از گُلم کرد
نمیخواستم از این رفیق جدائی   من از داغِ جدائی کامِلم کرد

Небо далекимъ отъ прелестнаго товарища меня сдѣлало,
Какъ соловей я былъ — разлучило меня съ розой;
Я не хотѣлъ съ этимъ товарищемъ разлуки,
Меня отъ страданій разлуки совершеннымъ[1] сдѣлало.

Ширазъ 1914.

129] Фäлáк дідí че тíре[2] кōрíјум зäд   Нä дäр хṓбум[3] нä дäр бідōрíјум зäд
*Ilōhi хеір нäбіні мáрде саjjṓд   Ке тīр бäр шеддéје[4] мурвōрíјум зäд

فلک دیدی چه تیرِ کاریُم زد   نه در خوابُم نه در بیدار یُم زد
الٰهی خیر نبینی مردِ صیّاد   که تیر بر شدّهٔ مُرواریُم زد

Небо, ты видѣлъ, что за мѣткую стрѣлу въ меня метнуло,
Ни во снѣ меня, ни на яву меня не поразило;
О Боже, добра да не увидишь ты, человѣкъ-охотникъ —
Вѣдь стрѣлу въ кисточку четокъ жемчужную мою метнуло.

Ширазъ 1914.

130] Фäлáк рӯзі ке сäр бṓре ђáмум ќäрд   Мáнō дӯр äз хыш у kоум häмéмум ќäрд
Берṓте ђам невіштé дōд бе дáстäм   Мýсеѓäрдýне кýlle ōlámум ќäрд

---

[1] کامل — состарившійся, въ противоположность جاهل — молодой.
[2] v. тíрі. [3] v. хōб у. [4] шеддé = мäнгуlé.
* v. второй половины четверостишія:

Бе пýште хӯнéје Маhмýде Lōpí   Бе зíре чōдыре гуlнōрíјум зäд

Позади дома Маhмӯда Ларӣ
Въ шатрѣ гранатового цвѣта меня поразило.

فلک روزی که سر بارِ غم کرد   منا دور از خویش و قوم همه‌م کرد

براتِ غم نوشته داد به دستم   موسه گردانِ کلِّ عالمم کرد

Небо въ тотъ день, когда поверхъ вьюковъ печали меня навьючило,
Меня далекимъ отъ всѣхъ моихъ родичей и соплеменниковъ сдѣлало;
Свидѣтельство на полученіе печали написавъ, дало мнѣ въ руки,
Игрушкой въ рукахъ всего міра меня сдѣлало.

Ширазъ 1914.

131] *Ка́де са́рвäт ilōhī хам нäга́рдäд   Дíle шо́дäт бе дбуре[1] ƃам нäга́рдäд
**Ilōhī бōшí jу сад cōlé бōшí   Ке cōjа́т бäр[2] са́ре[3] мō[4] ка́м нäга́рдад

قدِ سروت الهی خم نگردد   دلِ شادت به دورِ غم نگردد

الهی باشی و صد ساله باشی   که سایه‌ت بر سرِ ما کم نگردد

Станъ (прямой какъ) кипарисъ твой, О Боже, пусть не сгибается,
Сердце радостное твое вокругъ печали пусть не вращается;
О Боже, будь ты (живымъ) и сто лѣтъ будь ты (живымъ),
Тѣнь твоя надъ головою нашей пусть не уменьшается.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

132] Ка́lōƃы[5] ке бō мō дäмсо́з бōша́д   Ба́hзе ӯн шōhíнī ке дäр бōз[6] бōша́д
Аƃӯрí läңѓ тӯ кеі дідí бéle мäн   Ке häр дäм мīкуні́ дäрд äз дíle мäн

کلاغی که با ما دمساز باشد   به ز آن شاهینی که در باز باشد

اغوری لنگ توکی دیدی ولِ من   که هر دم میکنی درد از دلِ من

Воронъ, который съ нами покладистъ будетъ,
Лучше того бѣлаго сокола, который...
Агӯрӣ хромая, ты когда видѣла цвѣтика моего?
Вѣдь каждое мгновеніе ты причиняешь боль сердцу моему.

Ширазъ 1914.

---

* v. Ш. Дíläм мīхо́д ке са́lвäт хам нäга́рдäд — Сердце мое желаетъ, чтобы кипарисъ твой не сгибался.   [1] v. до́уräш; v. Ш. по́jе.

** v. И. Ilōhī зенде́ бōшí häр mäh у cōl — О Боже, живымъ ты будь каждый мѣсяцъ и годъ; v. Ш. (евр.) Захӯ́те Мӯше́ ву Арӯ́н у Марjа́м—Клянусь Моиссемъ, Арономъ и Маріей.   [2] v. дäр; v. Ш. äз.   [3] v. са́рӯн.   [4] v. Ш. мäн.

[5] v. Cijо́hī.   [6] б. м. дäр пäрво́з?

133] Гӯlе сӯрхӓм[1] черо̄ ра̊ңгӓт шуде́[2] зӓрд   Мӓќа̊р бо̄де хазо̄н[3] ӓз[4] тӯ гуза̊р ќа̊рд
*Мӓн[5] ӓз[6] бо̄де хазо̄н[3] гіlе́[7] нӓдо̄ра̊м   Ке[8] һӓр ко̄рі̄ са̊рӓм ӯма̊д худо̄ ќа̊рд

گل سرخم چرا رنگت شده زرد   مگر باد خزان از تو گذر کرد
من از باد خزان گله ندارم   که هرکاری سرم آمد خدا کرد

Моя алая роза, почему цвѣтъ твой сталъ желтымъ?
Развѣ осенній вѣтеръ пронесся надъ тобой?
Я на осенній вѣтеръ не жалуюсь —
Вѣдь каждое дѣло, на мою голову пришедшее, Богъ устроилъ.

Исфаганъ — Керманъ 1913. Сивендъ — Ширазъ 1914.

134] Гӯlі̄ мі̄хо̄м ке чо̄рде́һ со̄lе́ бо̄ша̊д   Дӯ по̄је но̄зӯкӓш бӓр чо̄lе́ бо̄ша̊д
Дӓмо̄да̊м мі̄зӓна̊д дафті̄н бе ко̄рӓш   Бађаlхо̄бе ма̊не бі̄чо̄ре́ бо̄ша̊д

گلی میخوام که چارده ساله باشد   دوپای نازکش بر چاله باشد
دمادم میزند دفتین به کارش   بغل خواب من بیچاره باشد

Розу хочу я, которая четырнадцати лѣтъ была-бы,
Двѣ ножки нѣжныя ея на «чо̄лэ» были-бы;
Непрестанно бьетъ она желѣзнымъ гребнемъ о свое издѣліе[9] —
Спящей въ объятіяхъ со мной была-бы.

Ездъ 1913.

135] Lӓбӯнӓт[10] бо̄ lа̊бум[11] хӯш[12] тӯм[13] до̄ра̊д[14]   Чӯ[15] бӓрре́ ме́іlе[16] шіре хӯм[17] до̄ра̊д[14]
Lа̊бі̄ ке[18] бо̄ lа̊бӓт о̄мӯхте́ ќа̊рді̄   Lа̊бе бӯсі̄де́[19] кеі о̄рӯм до̄ра̊д[14]

---

[1] v. Ш. сӯрхум. [2] v. Ш. шуда̊т. [3] v. С. Ш. казо̄н. [4] v. И. К. бӓр; К. ӯма̊д тӯро̄ зӓд. [5] v Ш. Мӯ. [6] v. Ш. бӓр. [7] v. И. гіlе́; Ш. gellé.
[8] v. Ш. Бе; И. К. Ке һӓр ко̄р бӓр са̊рӓм; Ш. Ке һӓр чі бӓр.
* v. К. второй половины четверостишія:

Бурбу бо̄де хазо̄н һӓргіз нӓјо̄і̄   Ке ра̊ңге гуlӓно̄рӓм ќа̊рде́і̄ зӓрд

Ступай, осенній вѣтеръ, никогда (больше) не приходи,
Цвѣтъ (лица моего) похожій на цвѣты граната ты сдѣлалъ желтымъ.

[9] т. е. коверъ, тканьемъ котораго она занята и который растянутъ на рамѣ (тӓндо̄р), горизонтально поставленной на землѣ; передъ рамой въ землѣ сдѣлано углубленіе (чо̄lе́), куда ставятъ ноги во время работы.
[10] v. И. Lӓбӯнӓм. [11] v. И. lӓбӯнӓт. [12] v. И. оп. [13] مزه = طعم.
[14] v. И. до̄реп. [15] v. И. Ш. Че. [16] v. И. меіl бе. [17] v. И. хӯн.
[18] v. И. Lӓбӯнӓм. [19] v. И. о̄мӯхте́.

لبانت با لبم خوش طعم دارد — چو برّه میلِ شیر خوم دارد
لبی که با لبت آموخته کردی — لب بوسیده کی آروم دادرد

Губы твои съ моими губами сладкій вкусъ имѣютъ,
Какъ ягненокъ склонность къ молоку свѣжему имѣетъ;
Губы, которыя къ губамъ своимъ ты пріучила, —
Губы, вкусившія поцѣлуя, когда покой имѣютъ?

Исфаганъ (бахт.) 1913. Ширазъ 1914.

136] Мусälмōнýн [1] dīläм jōде [2] ватáн кáрд [3] — Нäмīдӯнáм ватáн кі jōде мäн кáрд [3]
*Нäмīдӯнáм педáр бӯд jō берōдáр — **Jакын дӯнáм ке мōдáр jōде мäн кáрд [3]

مسلمانان دلم یادِ وطن کرد — نمیدانم وطن که یادِ من کرد
نمیدانم پدر بود یا برادر — یقین دانم که مادر یادِ من کرد

Мусульмане, сердце мое вспомнило о родинѣ,
Не знаю я, на родинѣ кто вспомнилъ обо мнѣ;
Не знаю я, отецъ былъ (это) или братъ,
Съ увѣренностью знаю, что мать вспомнила обо мнѣ.

Керманъ 1913. Кенāрэ — Ширазъ 1914.

137] Мусälмōнýн мусälмӯні нäдōрíд — Hämé ѓáбрīд у iмӯні нäдōрíд
Dílō ѓáбрī бе díне ѓáбр тō кеі — Мусälмӯн шоу бе díне ѓáбр тō ке[1]

---

[1] v. Ш. Худōвéндō. [2] v. Ш. méile. [3] v. Кен. кірд.

* v. К.: Ватáн hічкáс нáбӯд ɧеір äз берōдáр — На родинѣ никого не было кромѣ брата.

v. Кен.: Нäдōрáм дäр ватáн кáс jōре dílсӯз — Не имѣю я на родинѣ никого сердобольнымъ другомъ.

v. Ш.: Нäмīдӯнáм рафíкäст jō берōдáр — Не знаю я, товарищъ (это) или братъ

** v. Кен.: Хӯшäш бōшáд ке Суɧрō jōд äз мäн кірд — Да будетъ радостно сй, вѣдь (это) Сугрā вспомнила обо мнѣ.

v. Ш.: Сälōмáт бōшáд ӯнке jōде мäн кáрд — Да будетъ благополучіе тому, кто вспомнилъ обо мнѣ.

v. Ш.: Хӯшäш бōшáд берōдáр jōде мäн кáрд — Да будет радостно ему, (вѣдь это) братъ вспомнилъ обо мнѣ.

v. Е. всего четверостишія:

Dílорōjе хӯшī дōрéм бе Кермӯн — Нäмīдӯнáм ке ѓáбрäст jō мусälмӯн
Äjō ѓáбрō мусälмӯн шоу чè мīшé — Бе díне хӯд пешеімӯн шоу чè мīшé

Красавицу прелестную имѣю я въ Керманѣ,
Не знаю, гебрка она или мусульманка;
Эй гебрка, мусульманкой стань, — (отъ этого) что сдѣлается?
Въ вѣрѣ своей раскайся — (отъ этого) что сдѣлается?

مسلمانان مسلمانی ندارید　　همه گبرید و ایمانی ندارید
دلا گبری به دینِ گبر تا کی　　مسلمان شو به دینِ گبر تا کی

Мусульмане, мусульманства вы не имѣете,
Всѣ вы гебры и (истинной) вѣры не имѣете;
О сердце, ты гебръ, въ религіи гебровъ доколѣ (будешь ты коснѣть)?
Мусульманиномъ стань, въ религіи гебровъ доколѣ (будешь ты коснѣть)?

Керманъ 1913.

138] *Мäн äз мōда́р безо́дäм мōда́рäм мурд　　Ма́рō[1] до́дäн бе дōjé[2] дōjéм[3] äм мурд
**Мäн äз шíре бузЂōlé[4] шуда́м kōнí　　Фäла́к бäр ѓäішт у[5] бузЂōlém[6] äм мурд

من از مادر بزادم مادرم مُرد　　مرا دادند به دایه دایهم هم مُرد
من از شیرِ بزغاله شدم قانع　　فلک بر گشت و بزغالهم هم مُرد

Я отъ матери родился — мать моя умерла,
Меня отдали кормилицѣ — кормилица моя также умерла;
Я молокомъ козы удовольствовался,
Счастье[7] отвернулось, и коза моя также умерла.

Ширазъ 1914.

139] Ма́hе мäн бäзм у аjо́не[8] кі ѓäрда́д　　Бе рух ша́hме шäбесто́не кі ѓäрда́д
Ма́hе мäн рäфтéі бо́[9] пуштéjе бу́м　　Бе пōін häм пäзäр кун еі ділōру́м

مه من بزم و عیانِ که گردد　　به رخ شمع شبستانِ که گردد
مه من رفتهٔ با پشتهٔ بام　　به پائین هم نظر کن ای دلارام

Мѣсяцъ мой пиромъ яснымъ кого станетъ?
Лицомъ (своимъ) какъ свѣчей опочивальни кого станетъ?
Мѣсяцъ мой, ты ушла на крышу (дома),
Внизъ также посмотри, о сердце-успокаивающая!

Ширазъ 1914.

---

* v.: Ма́нäк тíфлī бу́дäм ке мōда́рäм мурд — Вѣдь я ребенкомъ былъ, какъ мать моя умерла.

[1] v. Ма́нäк.　[2] v. тōjé.　[3] v. тōjéм.　[4] v. бузkōlé.

** v. Ма́нäк пōбäстéjе бузЂōlé ка́рдäн — И вотъ меня пристроили къ козѣ.

[5] v. páhмī на́кäрд.　[6] v. бузkōlém.　[7] собств. небо, небесный сводъ.

[8] = بزم عیان　[9] = به.

140] Нӓфӓ́с бӓр неі зӓнӓ́м тō неі бехōнӓд   Ке шōјӓд рōзе мӓн бō кӓс нӓгу́јӓд
Ӓгӓ́р неі рōзе мӓн бō кӓс бегу́јӓд   Ōте́ш бӓр неі зӓнӓ́м тō неі бесу́зӓд

نَفَس بر نی زنم تا نی بخواند   که شاید رازِ من با کس نگوید
اگر نی رازِ من با کس بگوید   آتش بر نی زنم تا نی بسوزد

Подую я въ тростникъ, чтобы тростникъ запѣлъ,
Быть можетъ мою тайну онъ никому не сумѣетъ разсказать;
Если тростникъ мою тайну кому-нибудь разскажетъ,
Огонь (страсти) вдуну я въ тростникъ, чтобы тростникъ сгорѣлъ.

Исфаганъ 1913.

141] Bélӓм ӓз capһáде бōlō мījōјӓ́д   Ху́де ӓсп у чапáр һӓмрō мījōјӓ́д
Telōӓш вō кунíд дóурӓш бігірíд   Сáре сōl рӓфтá ву һōlō мījōјӓ́д

ولم از سرحدِ بالا میاید   خودِ اسپ و چپر همرا میاید
... وا کنید دَوْرش بگیرید   سرِ سال رفته و حالا میاید

Цвѣтикъ мой изъ верхняго «сарһада» прибываетъ,
Съ конемъ и въ сопутствіи чапара прибываетъ;
. . . раскройте, ее вы окружите —
Ровно годъ какъ ушла и (только) теперь прибываетъ.

Шираз 1914.

142] Béle мӓн бу́рџе бōlō сӓр дӓр ōву́рд   Díle кӓм сáбре мӓн тōкáт нӓјōву́рд
Дӓмōдӓ́м бӯд ке мӓн вel рō бібінӓ́м   Дӓрічӓ́ бібӓфō сӓр дӓр һӓвō бурд

ولِ من برجِ بالا سر در آورد   دلِ کم صبرِ من طاقت نیاورد
دمادم بود که من ولرا ببینم   دریچه بیبفا سر در هوا برد

Цвѣтикъ мой въ башнѣ наверху высунула голову,
Сердце малотерпѣливое мое не выдержало;
Непрестанно (можно) было (-бы) мнѣ цвѣтика видѣть,
Да дверца вѣроломная захлопнулась.

Шираз 1914.

143] Béle мӓн Шӓһрбōну́ ну́ме дōрӓ́д   Бе дáстӓш тӓрке́је бōду́ме дōрӓ́д
Бе дáстӓш тӓрке́је бōду́м у бōкӣ   Ху́дӓш ōшік мáрō бӓдну́ме дōрӓ́д

ولِ من شهربانو نام دارد   به دستش ترکۀ بادام دارد
به دستش ترکۀ بادام و باقی   خودش عاشق مرا بدنام دارد

Цвѣтикъ мой Шаһрбāнӯ имя имѣетъ,
Въ рукахъ своихъ вѣтку миндаля имѣетъ;
Въ рукахъ ея вѣтка миндаля осталась —
Сама она влюблена, а меня опозореннымъ оставила.

Керманъ 1913.

144] Béle мäн lōilöje ѓäһвōрé мīкíрд[1]   Седöje нōзýкäш дil пōрé мīкíрд[1]
Седöje нōзýке lōilöje дilбáр   Ешōрá бäр мáне бīчōрé мīкíрд[1]

ول من لایلای گهواره میکرد   صدای نازکش دل پاره میکرد
صدای نازک لایلای دلبر   اشاره بر من بیچاره میکرد

Цвѣтикъ мой колыбель качала,
Голосокъ тонкій ея (мое) сердце раздиралъ;
Голосокъ тонкій баюканья возлюбленной (моей)
На меня несчастнаго указывалъ[2].

Ширазъ 1914.

145] Һäр ӯн jöрī ке méile jōр дōрáд   Че пäрвö äз дäр у дīвöр дōрáд
Нiгöрäм нōзенíн еi рīзé дäндýн   Тýрō äз ьшке мäн бäрáн[3] бе зендýн

هر آن یاری که میل یار دارد   چه پروا از در و دیوار دارد
نگارم نازنین ای ریزه دندان   ترا از عشق من برند به زندان

Каждый тотъ другъ, который склонность къ (своему) другу питаетъ,
Какую боязнь передъ дверью и стѣной питаетъ?
Красавица моя, нѣжная, съ мелкими зубами!
Тебя изъ-за любви ко мнѣ ведутъ въ темницу,

Исфаганъ 1913.

146] *Jéкī нóумäд[4] jéкī äз Lōр нóумäд[4]   Jéкī äз џōнíбе дilдōр нóумäд[4]
**Jéкī нóумäд je[5] аһвölī бiгīрáм[6]   Бiöīнáм дilхýшäт[7] jō дilгiрýнäт[8]

---

[1] v. мīкáрд.   [2] Ср. В. Жуковскій. Колыбельныя пѣсни etc., стр. 100.

[3] v. мībäрáн, бýрдäн.

* v. Кен.: Jéкī äз ѓäрмесíре Lōр нóумä—Одинъ кто-либо изъ гярмесира и Лара не пришелъ.

[4] v. ibid. нóумä.   [5] v. ibid. ке.   [6] v. ibid. бýпурсáм.   [7] v. ibid. дilхýшäсс.   [8] v. ibid. дilгiрýнä.

** v. Ш. второй половины четверостишія:

Jéкī нóумäд бе ī маһмӯрíje џам   Jéкī нóумäд бе пíше jöре һäмдáм.

Одинъ кто-либо не пришелъ по этому общему порученію,
Одинъ кто-либо не пришелъ къ другу близкому.

یکی نَوْمد یکی از لار نَوْمد   یکی از جانب دلدار نَوْمد
یکی نَوْمد یه احوالی بگیرم   ببینم دلخوشست یا دلگرونت

Одинъ кто-либо не пришелъ, одинъ кто-либо изъ Лара не пришелъ,
Одинъ кто-либо со стороны возлюбленной не пришелъ;
Одинъ кто-либо не пришелъ, чтобы я (о ней) хоть коротко освѣдомился,
(И) увидалъ, весела или печальна она сердцемъ.

Кена̄рэ — Ширазъ 1914.

147] Ӓз ӯн бо̄lо̄́ мӏjо̄́д jäќ џуфт џoloудо̄́р   Куду́м ко̄ко̄́ ху́мін[1] нӏмче́ kalaмко̄́р
Ке рі́шеш во̄ву́дін[2] рі́ша́ бо̄ рі́ша́   Са́ре ча́ңгеш hо̄џу́м[3] keilу́не шӏша́

از اون بالا میاد یک جُفت جُلَوْدار   کدام کاکا خومن نیمچه قلمکار
که ریشش واوودِن ریشه با ریشه   سرِ چنگش هاجُم قیلونِ شیشه

Оттуда сверху идетъ одна пара вожатыхъ (каравана),
Который (изъ нихъ) мой братъ? — (Одѣтый въ) полукафтанъ (изъ) ка-
Борода его растрепалась на множество прядей, — [лямкара[4].
Въ руки ему я подамъ стеклянный кальянъ.

Ширазъ 1914.

148] Бебу́ррӓм да́сте усто̄ду́не дургя́р[5]   Діга́р ба́р hӓм нӓба́ндӓд тахте́ ву дӓр
Че ко̄р до̄рі́ бе усто̄ду́не[6] дургя́р[5]   Ке бӓр hӓм ро̄ст о̄вурде́ тахте́ ву дӓр

ببُرّم دستِ استادانِ دُرگر   دگر بر هم نبندد تخته و در
چه کار داری به استادانِ دُرگر   که بر هم راست آورده تخته و در

Отрѣжу я руки мастеровъ-дверодѣлателей,
Больше какъ попало не станутъ прибивать дверныя доски;

---

[1] = خودماست. [2] = شدهاست. [3] = میدهم. [4] набивной ситецъ.
* v. Ш. всего-четверостишія:

Ӓз ӯн бо̄lо̄́ мӏjо̄́д kо̄фile̋ сӓңгі́н   Кудум jо̄́ре ма́нӓт по̄туве́ рӓңгін
По̄туве́тро̄ во̀ куна́м рі́ша́ бе рі́ша́   Ну́кіш мурво̄рі́ jу бі́хеш бӓнӓфша́

Оттуда сверху идетъ тяжело навьюченный караванъ.
Который (изъ нихъ) мой другъ? Тотъ у котораго цвѣтныя гетры;
Гетры твои я вскрою бахромка за бахромкой —
Кончикъ ихъ — жемчугъ, а низъ — фіалка.

[5] v. Ш. дуlі́га́р. [6] v. Ш. ӯн усто̄́де.

Чтò за дѣло тебѣ до мастеровъ-дверодѣлателей —
Вѣдь они правильно сложили дверныя доски.

Исфаганъ 1913.

149] Bijō̆ бо̆де себо̆ ву су́бhе дilгíр   Хäбä́р äз мäн бéбäр бе мо̄дä́ре пíр
Бугў́ фä́рзä́н доhо̆jёт мīрäсу́нäд   haló̆läм кун ке шäбhо̆ до̄дéī шíр

بیا بادِ صبا و صُبحِ دلگیر   خبر از من ببر به مادرِ پیر
بگو فرزند دُعایت میرساند   حلالم کن که شبها دادهٔ شیر

Приди, вѣтеръ разсвѣта и утро сердцеплѣняющее,
Вѣсть отъ меня снеси къ матери старой;
Скажи: дитя (твое) молитву о тебѣ посылаетъ,
Прости меня — вѣдь по ночамъ ты (мнѣ) давала молоко.

Сивендъ 1913.

150] Bijō̆ духтä́р бijō̆ мо̄но̄рé духтä́р   Берéнџе роуђä́не гӯшт äз кä́мӯтä́р[1]
Берéнџе роуђä́не бӯшко̆бе чīní   Дӯ дä́стäм гä́рдä́не jо̆ре läшäní

بیا دختر بیا ماپاره دختر   برنج روغن گوشت از کموتر
برنج روغنِ بوشقابِ چینی   دو دستم گردنِ یارِ لشنی

Приди, дѣвушка, приди, луноподобная дѣвушка!
Рисъ, масло и мясо голубя!
Рисъ, масло и тарелка фаянсовая, —
Двѣ руки мои (покоятся) на шеѣ друга «ляшани»[2].

Шиdo 1914.

---

[1] = کبوتر.

[2] Lä́шäní Tá́ште Обо̄дé — деревня въ 4—5 фарсахахъ къ ю.-в. отъ Кā̆дирā̆бā̆да и Мургаба; жители не брезгаютъ грабежемъ каравановъ.

Lä́шäní — небольшое полукочевое племя иранскаго происхожденія; живутъ въ Хафракѣ, въ 2 — 3 фарс. отъ Сейдӯна, лѣтомъ въ шатрахъ (чо̄дíр нiшíн) по склонамъ горъ, на зиму-же строятъ хижины изъ камня и покрываютъ ихъ тростникомъ; такія постройки называются «кӯмä́». Lä́шäní состоятъ изъ 35—40 семействъ (хо̄нво̄дé), занимаются скотоводствомъ и выдѣлкой ковровъ; говорятъ на языкѣ близкомъ къ діалекту луровъ.

По даннымъ А. Г. Туманскаго «Лешени — самое большое племя «фарсовъ» кочевниковъ—1,000 шатровъ, лѣтуютъ у Серчехана, недалеко отъ Нейриза, зимуютъ въ Пешенганѣ (Фичеганъ) въ 15 фарсахахъ къ сѣверо-востоку отъ Шираза». См. его «Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно 1894 г.». Сборникъ... матеріаловъ по Азіи. Изд. Военно-Ученаго Ком. Гл. Штаба. Вып. LXV. СПб. 1896, стр. 77.

151] Педа́р ху́бáсс[1] ке[2] мōда́р бálке бeһта́р *Нắдōра́м мiвéi мíсle берōда́р
**Берōда́р мiвéје бō̆ʒe біһíштă Ху́шăш бōшắд педа́р ке і мiвé кештắ

پدر خوبست که مادر بلکه بهتر   ندارم میوهٔ مِثْلِ برادر
برادر میوهٔ باغ بهشته   خوشش باشد پدر که این میوه کشته

Отецъ хорошъ, но мать пожалуй лучше,
Я не имѣю плода, подобнаго брату;
Братъ (есть) плодъ райскаго сада,
Отцу да будетъ благо, что онъ посѣялъ этотъ плодъ.

Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

152] Тӯ ін бу́н у мăн ін бу́не берōба́р Тăму́ме џíсм у џу́нăм шудé lōʒа́р
Ilōһi һăр ке мăнрō ăз тӯ сăвō кáрд Бегăрдắд тō kыјӯмăт бі берōда́р

تو این بون و من این بون برابر   تمام جسم و جانم شده لاغر
الهی هر که منرا از تو سوا کرد   بگردد تا قیامت بی برادر

Ты на этой крышѣ, а я на этой крышѣ насупротивъ,
Все тѣло и душа моя похудѣли;
О Боже, всякій кто меня съ тобою разлучилъ, —
Пусть будетъ до страшнаго суда безъ брата.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

153] Тӯ ке бōlōје бу́нi ру́је тăндōр Бе џу́не шіһ берōрет сăр буlắн дōр
Мӯ ке сăр буlắн дōра́м тӯ чè дӯні́ Тō нōрō нăшкені́ ту́меш нăдӯні́

تو که بالای بونی روی تندار   به جانِ شِش برارت سر بُلند دار
مو که سر بُلند دارم تو چه دانی   تا نارا نشکنی طعمش ندانی

---

[1] v. Ш. ху́бін. [2] v. К. у. [3] v. К. нōзенíнăт; v. Ш. нōзенíнін.

* v. К. второго стиха:

Берōда́р мiвéје ру́је земíнăст (Ш. земíнін) — Братъ — (прекраснѣйшій) плодъ на землѣ.

** v. двухъ послѣднихъ стиховъ:

Ш. Берōда́р ʒам мăхӯр дуніјō һăмíнін Ке доуlắт сōјéје субһ у нăсíнін

Братъ, не печалься, (вѣдь) міръ таковъ, —
Вѣдь богатство (какъ) тѣнь утромъ и на закатѣ.

Ты на крышѣ, (сидишь) на «тандāрѣ» [1],
Заклинаю (тебя) душою шести братьевъ твоихъ — голову ты подними,
(Если) я голову подниму, ты чтò узнаешь?
Пока гранатъ не разломишь, вкусъ его не узнаешь.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

154] Чéше ōhý чéше тӯhí чéше мōр   Ке хōб äз чéшме мäн бурдé чéше jōр
Дiлōрӯнум дiлōрӯнум mahál нīсс   Нäмīдӯнáм гelé дōрáд jō mahál нīсс

چشمِ آهو چشمِ توهی چشمِ مار   که خواب از چشمِ من برده چشمِ یار
دلارانم دلارانم محل نیست   نمیدانم گله دارد یا محل نیست

Глаза газели, глаза выпуклые, глаза змѣи!
Сонъ изъ глазъ моихъ похитили глаза друга,
Сердцепокоющая моя, сердцепокоющая моя, (удобнаго) времени нѣтъ,
Не знаю я, жалобу имѣетъ она, или (удобнаго) времени нѣтъ.

Ширазъ 1914.

155] Чунӯ́н рō мīрäві́ дáстет бе дīвṓр   Нäмīпурсí alṓце дáрде бīмṓр
Alṓце дáрде бīмōрӯ́н табíбáст   Alṓце ōшiкӯ́нрō дīдáне jōр

چنان را میروی دستت به دیوار   نمیپرسی علاج درد بیمار
علاج درد بیماران طبیبست   علاج عاشقانرا دیدن یار

Такъ по дорогѣ ты идешь, рукой своей (опираясь) о стѣну,
Не спрашиваешь ты лекарства отъ страданій немощнаго;
Лекарство отъ страданій немощныхъ есть врачъ,
Для влюбленныхъ лекарство — свиданіе съ другомъ.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

156] Чунӯ́н рō мīрäві́ häмвṓр бе häмвṓр   Бе шälвṓре kасáб бō ќáфше бylђṓр
Бе зáхме пōр у пīhрṓрет нȁмурдӯ́м   Ке мушкіl џӯн берéм äз зáхме емсṓl

چنان را میروی هموار به هموار   به شلوارِ قصب با کفشِ بلغار
به زخم پار و پیرارت نمردم   که مشکل جان برم از زخمِ امسال

---

[1] Рама (стоячая или лежачая) для тканья ковровъ; на нее натягивается основа.

По дорогѣ ты идешь такъ плавно, плавно,
Въ шальварахъ изъ «касаба», въ туфляхъ изъ юфти;
Отъ раненій въ прошломъ и позапрошломъ году твоихъ я не умеръ,
Но едва-ли душу (свою) спасу я отъ раненій нынѣшняго года.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

157] Худо̄ве́ндо̄ се да́рдем до́дӣ јӓк бо̄р Ђарӣбӣ́ ју рӓ́hе дӯр у ђа́ме јо̄р[1]
Ђарӣбӣ́ ју рӓ́hе ду́рӓм чѐ мӣбу́д Ђа́ме јо̄р у ђа́ме јо̄р у ђа́ме јо̄р

خداوندا سه دردم دادی یک بار غریبی و ره دور و غم یار
غریبی و ره دورم چه میبود غم یار و غم یار و غم یار

О Господи, Ты три печали даровалъ мнѣ сразу:
Чужбину, далекій путь и печаль о другѣ [1];
Чужбина и далекій путь для меня что̀ составляютъ?
Печаль о другѣ, печаль о другѣ и печаль о другѣ — (вотъ что важно для меня).

Ездъ 1913.

158] Дӣло̄ бу́ѓзӓр зе тӓн џо́нӣ бе дӓст о̄р Федо́ кун џо̄н у џо̄но́нӣ бе дӓст о̄р
Бе hӓр о̄лӯде́ до̄мо́нӣ ме́зӓн чӓңѓ Беро́у по̄кӣзе́ до̄мо́нӣ бе дӓст о̄р

دلا بگذر ز تن جانی به دست آر فدا کن جان و جانانی به دست آر
به هر آلوده دامانی مزن چنگ برَوْ پاکیزه دامانی به دست آر

О сердце, отъ тѣла отрѣшись и душу ты заполучи,
Пожертвуй душу ты и душеньку заполучи;
За всякаго съ измаранной полой ты не цѣпляйся,
Ступай, кого-нибудь ты съ чистою полой заполучи.

Ездъ 1913.

159] Да́ме оуше́і[2] ве́lӓм[3] џу́фте сӓфӣдо́р[4] hӓме́[5] су́бhе[6] пӓсі́н о̄јӓ́м бе дӣдо́р
Шӓні́дам мӣве́је бо́ђат фуру́шін[7] Фурӯшӓнде́[8] ту́ӣ[9] бӓнде́[10] хӓрӣдо́р

---

[1] Ср. В. Жуковскій. Колыбельныя пѣсни, стр. 27.

[2] сивенд.; бахтіяр. оушо́. [3] v. Е. Дӓр ін бо̣lо̄хӯне́.

[4] v. Е. сефӣдзо́р; سپیدار — populus alba, употребляется для настилки крыши.

[5] v. Е. Бе hӓр. [6] v. Е. субh у. [7] сивенд.; v. Е. ресӣде́. [8] v. Е. Ферӯшенде́. [9] v. Е. шумо́ї. [10] v. Е. мӓн.

دم اوشهٔ ولم جفت سفیدار   همه صبح و پسین آیم به دیدار
شنیدم میوهٔ باغت فروشن   فروشنده توئی بنده خریدار

Возлѣ двора цвѣтика моего (есть) пара бѣлыхъ тополей,
Всегда утромъ и предъ закатомъ я прихожу на свиданіе,
Слышалъ я — плоды сада твоего продаются,
Продавецъ ты, (а) рабъ (твой) покупатель.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

160] Ду́тō гу́рге äцäl пеідо́ шуд äз дӯр   Гірīбу́нäм гіріфтäт мīбäрäд зӯр
Рафīку́н шäрбéге éішäм буну́шīд   Гáhī талх у гáhī шірін гáhī шӯр

دوتا گرگ اجل پیدا شد از دور   گریبانم گرفتت میبرد زور
رفیقان شربت عیشم بنوشید   گهی تلخ وگهی شیرین گهی شور

Два волка смерти показались издалека,
За воротъ меня схватили и уводятъ силою;
Товарищи, напитокъ жизни моей испейте:
То онъ горекъ, то онъ сладокъ, то онъ солонъ.

Ширазъ 1914.

161] Дӯ чäшму́нäм[1] бе дäрд ӯмáд[2] бе jäк бōр   Зе бáскä[3] герjä кáрдäм[4] äз ђáме jōр
*Бéдеh дäсмōlе дäсс чäшмäм бебáндäм   Ке шōjäд[5] хӯб шäвäд äз[6] бу́jе дäсмōl

دو چشمانم به درد آمد به یک بار   ز بسکه گریه کردم از غم یار
بده دستمال دست چشمم ببندم   که شاید خوب شود از بوی دستمال

Два глаза мои заболѣли сразу,
Отъ того что много плакалъ я отъ печали по другѣ;
Дай платокъ, (что) въ рукахъ (у тебя) — глаза мои (имъ) повяжу,
Быть можетъ лучше станетъ (имъ) отъ запаха платка.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

---

[1] Ш. чäшму́нум. [2] v. Ш. (сивенд.) ōмéі. [3] v. Ш. Ке бáскäм. [4] v. Ш. кірдäм. [5] v. Ш. Зе бälкäм. [6] v. Ш. бäр.

* v. Ш. Бéдеh дäсмōl бебáндäм ру́jе чäшмäм — Дай платокъ — повяжу я на глаза свои.

162] Дӯ се рӯзӓн ке бӓр[1] јӧрум[2] шудум[3] дӯр — Кенӧре[4] Џаhрум у Рӯдхӯнеје Шӯр
hӓр ӯнкӓс ке мӓн[5] ӓз јӧрум[2] кунӓд дӯр[6] — Зӓбӯнӓш lōl беѓӓрдӓд[7] дīдеєш[8] кӯр

دو سه روزن که بر یارُم شدُم دور — کنارِ جهروم و رودخانهٔ شور
هر آنکس که من از یارُم کند دور — زبانش لال بگردد دیده اش کور

Уже нѣсколько дней какъ отъ друга своего я удалился:
Нахожусь возлѣ Джаhрума[9] и Соленой Рѣки[10];
Всякій, кто меня отъ друга моего отдалитъ, —
Языкъ его нѣмымъ пусть станетъ, (а) глаза его слѣпыми.

Сивендъ — Ширазъ 1913.

163] Дӯкӯhӓ ӯмӓдӓм бōlӧје Кулвӧр — Дīлум мīхӧст берӓм бӓр дīдӓне јӧр
Земестӯнӓт[11] мӓџӧle рӓфтӓнум нīсс — Боhӧр мīрӓм ке сарhӓд ѓӓштé гулзӧр

دوکوهه آمدم بالای کُلوار — دلُم میخواست برم بر دیدنِ یار
زمستانست مجالِ رفتنُم نیست — بهار میرم که سرحد گشته گلزار

Въ Дӯкӯhэ[12] я пришелъ, что выше Кульвāра,
Сердце мое желало, чтобы я пошелъ на свиданіе съ другомъ;
(Теперь) зима, возможности отправиться у меня нѣтъ,
Весною отправляюсь, когда «сарhадъ» станетъ цвѣтникомъ.

Ширазъ 1914.

164] Саhаргӧhī рӓсīдӓм бӧѓе ӓнџīр — Бедīдӓм духтӓрī мīѓӓшт дīlгīр
Бе ӯ аhвōl кӓрдӓм hōle зӧрӓш — Бегӯфтō јӧре мӓн кӓрдӓн бе зӓнџīр

سحرگاهی رسیدم باغ انجیر — بدیدم دختری میگشت دلگیر
به او احوال کردم حالِ زارش — بگفتا یارِ من کردند به زنجیر

---

[1] v. Ш. ӓз. [2] v. Ш. јӧрӓм. [3] v. Ш. шудӓм. [4] v. Ш. Міјӯне.
[5] v. Ш. мӓр'ӓз. [6] v. Ш. севō кірд. [7] v. Ш. ѓардӓд. [8] v. Ш. дīдејеш.

[9] Городъ къ ю.-в. отъ Шираза съ населеніемъ около 9000 чел. Главное занятіе жителей составляетъ земледѣліе и культура финиковыхъ пальмъ; по количеству добываемыхъ финиковъ Джаhрумъ не уступаетъ даже Басрѣ.

[10] Течетъ вблизи Джаhрума, на в. отъ него.

[11] = زمستانست. [12] Дӯкӯhэ — д. въ $3^1/_2$ фарс. къ с.-з. отъ Шираза.

Однажды на зарѣ пришелъ я въ садъ фиговыхъ деревьевъ,
Увидѣлъ одну дѣвушку — бродила она уныло;
У нея я справился о состояніи ея печальномъ, —
Сказала она: «друга моего въ цѣпи заковали».

Ездъ 1913.

165] Саhаргáh хōб дідäм бō діle зōр   Äгáр гá сäр ноhōдäм дōмáне jōр
Гáhī бе īн ōсӯдегí рōзí нäбӯдáм   Ке тō маhшáр шäвáм äз хōб бīдōр

سحرگه خواب دیدم با دل زار   اگر گه سر نهادم دامن یار
گهی به این آسودگی راضی نبودم   که تا محشر شوم از خواب بیدار

На зарѣ во снѣ я видѣлъ съ сердцемъ угнетеннымъ,
Какъ будто голову я положилъ на полу (платья) друга;
Ни на одинъ мигъ при такомъ покоѣ согласенъ не былъ я (на то),
Чтобы до страшнаго суда проснулся я отъ сна.

Ширазъ 1914.

166] Аџáб кӯhе[1] булáндī дōрá Џӯпōр   Jäкōjáк мīнäмōjäд хӯнéjе jōр
Нішӯнī[2] мíдäháм гäр бèшінōсí[3]   Сáре[4] кӯфте чäпäш дōрá дӯтō хōl

عجب کوه بلندی داره جوپار   یکایک مینماید خانهٔ یار
نشانی میدهم گر بشناسی   سر کُفْت چپش داره دوتا خال

На удивленіе высокую гору имѣетъ Джӯпāръ[5],
Постепенно показывается домъ подруги;
Одну примѣту дамъ (тебѣ), если ты узнаешь:
У лѣвой щеки имѣетъ она двѣ родинки.

Ездъ — Керманъ 1913.

167] Гӯlе сурх у сäфíд у дӯнéjе нōр   Мō нōбáсте тӯjäм еі нōзäнíн jōр
Мō нōбáсте тӯjäм шähре ђарīбí   Мáкун нōмäрдí jу хӯбум нігáh дōр

گل سرخ و سفید و دانهٔ نار   ما پابست تویم ای نازنین یار
ما پابست تویم شهر غریبی   مکن نامردی و خوبم نگه دار

Роза алая и бѣлая, зернышко гранатовое,
Мы во власти твоей, о нѣжный другъ;

---

[1] v. Е. бӯрџе. [2] v. К. Нішӯнīт. [3] v. К. Е. нōмеш нäмīгáм. [4] v. К. häмӯн.

[5] Селеніе, расположенное къ югу отъ г. Кермана, у подошвы с.-з. склона одноименной горы, двойная вершина которой достигаетъ 12850 футовъ надъ уровнемъ моря. См. A. Houtum Schindler, Reisen im südlichen Persien, S. 350.

Мы во власти твоей въ городѣ чужбины,
Не проявляй безчеловѣчности и хорошо меня береги.

Шираз 1914.

168/ *Вäфõ[1] хõстум[2] äѓäр нä jōр бісjõр   Гу́lī хõстум[2] äѓäр нä хōр бісjõр
Гу́lī хõстум[2] ке сōjäш бѐнешíнум   Äѓäр нä сōjéje дīвõр[3] бісjõр

وفا خواستُم اگر نه یار بسیار   گلی خواستُم اگر نه خار بسیار
کلی خواستُم که سایه‌ش بنشینُم   اگر نه سایهٔ دیوار بسیار

Вѣрности я пожелалъ, вѣдь иначе друзей много;
Одну розу пожелалъ я, вѣдь иначе шиповъ много;
Одну розу я пожелалъ (такую), чтобы въ тѣни ея мнѣ посидѣть,
Вѣдь иначе тѣни (отъ) стѣны (бываетъ) много.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

169] *Béle бōlōбуlа́ндум ту́je нīмдäр   Micõle[4] џу́че кӯhí мìкäшé[5] сäр
Нішíнум hа́мчі саjjōдī ка́мíнеш   Ба́сō бõре дíѓäр ōjäд бе шäбчäр

ول بالابلندم توی نیمدر   مثالِ قوچِ کوهی میکشه سر
نشینُم همچه صیّادی کمینش   بسا بارِ دگر آید به شبچر

Цвѣтикъ высокаго роста мой въ полуоткрытую дверь
Подобно горному барану протягиваетъ голову;
Сяду я какъ охотникъ въ засадѣ противъ нея —
Много разъ еще придетъ она въ ночное.

Шираз 1914.

170/ Béle бōlōбуlа́ндім ду́нéje нōр   Міjу́не мō ву тӯ jäќ lу́je дīвõр
Міjу́не мō ву тӯ kōсы́д нäмıхõд   häмé субh у нäсí ōíм бе дīдõр

---

[1] v. Бäфõ.   [2] v. мīхõм.   [3] v. дīфõl.

* v. К. всего четверостишія:

Äѓäр jõре мäні häмвõр häмвõр   Ке бõшäд jõре нōhäмвõр бісjõр
Назáр бäр сōjéje зу́lфе тӯ дōрäм   Ке бõшäд сōjéje дīвõр бісjõр

Если ты другъ мой — будь-же подходящимъ,
Вѣдь друзей неподходящихъ бываетъ много;
Взглядъ на тѣнь локоновъ твоихъ я устремилъ,
Вѣдь тѣни (отъ) стѣны бываетъ много.

* v. Béle Нäџмõн нішесте́ ту́je нīмдäр — Цвѣтикъ Наджма усѣлась между створокъ двери.

[4] v. Мусõle.   [5] v. мìкäшäд.

ولِ بـالابلـنـدِم دانـهٔ نـار   مـیـانِ ما و تو یـک لُـوی دیـوار
مـیـانِ ما و تو قـاصـد نـمـیـخـواد   همه صبح و پسـی آئیم به دیدار

Цвѣтикъ высокаго роста мой, зернышко гранатовое,
Между нами и тобой одинъ слой стѣны[1];
Между нами и тобой гонца не нужно —
Всегда по утрамъ и вечерамъ мы приходимъ на свиданіе.

Ширазъ 1914.

171] Béle мӯ тӱјe нӣмдӓр мӣкӓшé сӓр   Гуlӧб ӓз гуl гірíфт ӣн мӧhe хӧвӓр
Худӧјӧ нácle lур шӣрін зӓбӧнен   Хӱдеш мӓсс бӱд у мӧрӧ кірдé кӧфӓр

ولِ مـو توی نیـمـدر میکشه سر   گلاب از گل گرفت این ماهِ خاور
خدایـا نسلِ لُر شیرین زبـانـن   خودش مست بود و مارا کِرده کافَر

Цвѣтикъ мой въ полуоткрытую дверь протягиваетъ голову,
Розовую воду у розы взялъ этотъ мѣсяцъ востока;
О Боже, племя луровъ краснорѣчиво, —
Сама она хмѣльна была, а насъ сдѣлала невѣрующимъ.

Ширазъ 1914.

172] Бе Ноубӓндегӱн рӓсідӓм бӧ іззӓт у нӧз   Бе тӱпе сӯзӓні јӓк фӧуџе сӓрвӧз
Сӓвӧрі бӧсірі дӓр шӣд бе меідӱн   Бе умміде худӧ гӣрӓм Мӓзӣџӱн

به نوبندگان رسیدم با عزّتِ و ناز   بـه تـوپ سـوزنی یـک فوجِ سرواز
سـوارِ باسری در شید به میدان   بـه امّـیـدِ خدا گـیرم مـزیجـان

Въ Ноубандегāнъ[2] я прибылъ съ почетомъ и важностью,
Съ пушкой игольчатой (и) однимъ полкомъ солдатъ;
Всадники бāсирӣ[3], выступайте на поле битвы,
Съ надеждою на Бога возьму я Мазӣджāнъ[4].

Ширазъ 1914.

173] Се рӱзӓн рӓфтӣ ју сī рӱзӓт емрӱз   Земессӱн рӓфтӣ ју ноурӱзӓт емрӱз
Хӱдӓт гӱфтӣ ке мӓн енсӧфе дӧрӓм   Шумӧрӗ кун бéбӣн чӓн рӱзӓт емрӱз

سه روزن رفتی و سی روزت امروز   زمستان رفتی و نَوْروزت امـروز
خـودت گفتی کـه من انصاف دارم   شماره کن ببین چند روزت امروز

[1] стѣна въ одинъ кирпичъ.
[2] Въ 3 фарс. къ ю.-в. отъ Фесā, на пути въ Дāрāбъ.
[3] Племя, входящее въ составъ племенъ Хамсэ, качующихъ въ Фарсѣ. См. G. Demorgny. Les reformes administratives en Perse. Les tribus du Fars. Revue du Monde Musulman V. 22 (1913), p. 100—107.
[4] Центръ одноименнаго булюка между Дарабджирдомъ на с. и Ларемъ на ю.

На три дня ушла ты — тридцать дней (уже) сегодня,
Зимою ушла ты — ноурӯзъ (уже) сегодня;
Сама ты сказала: «я справедливостью обладаю», —
Подсчетъ сдѣлай, посмотри, сколько дней (уже) сегодня.

Сивендъ 1914.

174] Ацǻб ōб у hǻвōī дōрé Шīрōз | Ке зäнhō бīhajōī дōрé Шīрōз
hǻмé чōдӯр сǻфід у ноуарӯсен | Чепōн мӯрʒī бе думбōlе хурӯсен

عجب آب و هوائی داره شیراز | که زنها بیحیائی داره شیراز
همه چادر سفید و نوعروسن | چنان مرغی به دنبال خروسن

Удивительный климатъ имѣетъ Ширазъ!
Женщинъ безстыдныхъ имѣетъ Ширазъ!
Всѣ (онѣ) въ бѣлыхъ покрывалахъ и (какъ) новобрачныя,
Такъ-же какъ курица (бѣгаютъ) вслѣдъ за пѣтухомъ.

Ездъ 1913.

175] *Ацǻб ǵäрд у ʒубōрī [1] дідäм емрӯз [3] | Бе тōбессӯн [2] боhōрī дідäм емрӯз [3]
**Бе тōбессӯн боhōрум моусíме гуl | Гӯlе häргíз нäчīдé чідäм емрӯз [3]

عجب گرد و غباری دیدم امروز | به تابستان بهاری دیدم امروز
به تابستان بهارم موسم گل | گل هرگز نچیده چیدم امروز

Удивительную пыль увидѣлъ я сегодня,
Лѣтомъ — нѣкую весну увидѣлъ я сегодня;

---

* v. Кен. всего четверостишія:

Ацǻб ǵäрд у kубōрī дідäм емрӯз | Ацǻб тоусӯн боhōрī дідäм емрӯз
Мijӯне чеllé ву нōфе земессӯн | Гӯlе häргíз нäчīдé чідäм емрӯз

Удивительную пыль увидѣлъ я сегодня,
Удивительно: лѣтомъ—нѣкую весну увидѣлъ я сегодня,
Въ срединѣ (большой) сороковицы [a] и въ разгаръ [b] зимы
Розу никогда не сорванную сорвалъ я сегодня.

a. Большая сороковица—چلّۀ بزرگ—періодъ въ сорокъ дней отъ 1 جدی (10 декабря) до 10 دلو (20 января), послѣ котораго слѣдуетъ малая сороковица — چلّۀ کوچک — отъ 10 دلو (20 января) до 1 حوت (10 февраля), продолжающаяся 20 дней.

b. собств: пупъ зимы.

[1] v. Т. бухōрī. [2] v. Т. Земістōнрō — Зимой.

** v. Т. второй половины четверостишія:

häмӯн jōрī ке бō мō нōз мīкäрд | Зе думбōlеш шаʒōlī дідäм емшōу

Тотъ самый другъ, который съ нами жеманился —
Вослѣдъ ему шакала увидѣлъ я сегодня ночью.

[3] v. Т. емшōу.

Лѣтомъ — весна у меня, пора розъ —
Розу не сорванную никогда сорвалъ я сегодня.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

176] Káде[1] jо̄ра̀м[2] місо̄lе[3] тäркéје рäз Гіріфтé бо̄ре Бендéр мі̄бäбрд Jäз
*Гіріфтé бо̄ре Бендéр рäфт дäрво̄зé Харі̄дé тýпе махмál мі̄кунáд ѓäз

قد یارم مثال ترکهٔ رز گرفته بارِ بندر میرود یز
گرفته بارِ بندر رفت دروازه خریده توپ مخمل میکند گز

Станъ друга моего — подобіе виноградной лозы;
Получивъ вьюки Бендера[4], отправляется (другъ) въ Ездъ;
Получивъ вьюки Бендера, отправился онъ къ воротамъ,
Купивъ кусокъ бархата, мѣритъ (его) гязами[5].

Керманъ 1913.

177] Ке зäнџіl ѓäрдáнäм мі̄рáм бе Ші̄ро́з Бе дáссе lýррäм у jäќ фоуџе сäрво̄з
Черо̄ Аскáр хо̄н ді̄дé äш пáшуд кýр Бе До̄ро̄б куштé шуд Шähбо̄зе зуlфбýр

که زنجیل گردنم میرم به شیراز به دست لُرّم و یک فَوْجِ سرواز
چرا اصغرخان دیده اش نشد کور به داراب کشته شد شهبازِ زلفبور

Цѣпь на шеѣ моей, (и) я отправляюсь въ Шираз,
Въ рукахъ луровъ я и одного полка солдатъ;
Почему глаза Аскеръ-хана не ослѣпли? —
Въ Да̄ра̄бѣ убитъ Шаhба̄зъ[6] рыжекудрый.

Ширазъ 1914.

178] Lа́бе бýн ӯмäді́ чо̄рkáд[7] сäр äндо̄з[8] *Дý џуфт тóуkе telо̄ бäр ѓäрдáн äндо̄з
Äѓáр тóуkе telо̄ kýlбі̄ нäдо̄рáд *Мáро̄ фі̄рӯзé кун[9] зіре lаб äндо̄з

---

[1] в. Ш. káде бо̄lо̄і. [2] в. Ш. вélум. [3] в. Ш. чýн. [4] Бендеръ Аббасъ.

[5] Гязъ = $1/2$ зäрʿа = 51—52 см.

* в. Ш.: Бе kурбýне äџгушто̄је буlýрíш — Пусть жертвою я стану пальчиковъ ея хрустальныхъ.

[6] Сынъ Аскеръ-хана.

[7] v. E. чо̄дýр; v. K. кіші̄. [8] v. E пäс андо̄з. [9] v. K. кýнџе.

* v. E.: Мáро̄ тóуkе telо̄ кун ѓäрдáн äндо̄з — Меня ожерельемъ золотымъ ты сдѣлай (и) набрось на шею.

** v. K.: Äѓáр фі̄рӯзé häм kýрбі̄ нäдо̄рáд — Если бирюза также цѣнности какой-либо не имѣетъ.

*** v. И.: Мáро̄ сіјá хо̄lі̄ кун кýнџе lаб äндо̄з — Меня черной родинкой ты сдѣлай (и) въ уголкѣ губъ (своихъ) ты прилѣпи.

لب بون امدی چارقد سرانداز   دو جفت طوق طلا بر گردن انداز
اگر طوق طلا قربی ندارد   مرا فیروزه کن زیر لب انداز

На край крыши ты пришла въ платкѣ на голову наброшенномъ,
Двѣ пары ожерелій золотыхъ на шею (себѣ) набрось;
Если ожерелье золотое цѣнности какой-либо не имѣетъ
Меня бирюзой ты сдѣлай подъ губами (своими) помѣсти.

Исфаганъ — Ездъ — Керманъ 1913.

179] Мусȁlмōнӳн дílум шеідŏст емрӳз   Ке jŏрум дӯр у нōпеідŏст емрӳз
Бе зíре чӓ́ше мӓн hōсы́l бѐкōрíд   Ке ŏбе чӓ́ше мӓн дӓрjŏст емрӳз

مسلمانان دلم شیدا ست امروز   که یارم دور و ناپیداست امروز
به زیر چشم من حاصل بکارید   که آب چشم من دریاست امروز

Мусульмане, сердце мое неистовствуетъ сегодня,
Вѣдь другъ мой далекъ и невидимъ сегодня;
Подъ глазами моими (цѣлый) урожай посѣйте,
Вѣдь вода глазъ моихъ (льется) моремъ сегодня.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

180] Нігōрíнум бе мӯ lац кӓрдé емрӳз   Сӓр у гӓрдáн бе мӯ кац кӓрдé емрӳз
Ке hӓр кӓс jŏре мӯ сýlhӓш бíjōрáд   Немŏзе рӯзéӓш hац кӓрдé емрӳз

نگارینم به مو لج کرده امروز   سر و گردن به مو کج کرده امروز
که هر کس یار مو صلحش بیارد   نماز روزه اش حج کرده امروز

Красавица моя на меня разсердилась сегодня;
Голову и шею отъ меня отвернула сегодня;
Всякій кто подругу мою примиритъ (со мною)
Молитву и постъ свой онъ сдѣлаетъ хаджемъ[1] сегодня.

Ширазъ 1914.

181] Булӓндíjе вélум hīч кӓс булáн нīсс[2]   Бе макбӯlí вélум гуl дӓр чӓмáн нīсс[2]
Хӓбáр ӯмáд чӓмáн ōтéш гíруфтé   Чӓмáн мīсӯзáд у мŏрō хӓбáр нīсс[2]

بلندی ولم هیچ کس بلند نیست   به مقبولی ولم گل در چمن نیست
خبر آمد چمن آتش گرفته   چمن میسوزد و مارا خبر نیست

---

[1] т. е. въ награду за примиреніе его молитва и постъ по своему религіозному значенію станутъ равными цѣлому паломничеству въ Мекку.

[2] v. III.

Высотою роста моего цвѣтика никто не высокъ,
По миловидности моего цвѣтика розы на лугу нѣтъ;
Вѣсть пришла, что лугъ огнемъ объятъ —
Лугъ горитъ, а у насъ (объ этомъ) вѣсти нѣтъ.

Кенāрэ 1914.

182] Бījōбýи рäфте́ äм џóī бäläд nīсс Ке сäрмō хӯрде́ äм jäќ lō нäмäд nīсс
Ilóhī бу̀бурáм дáсте нäмäдмōl Нäмáд тáнѓäсс у џóje häp дýмӯн nīсс

بيابان رفته‌ام جائى بلد نيست كه سرما خورده‌ام يك لا نمد نيست
الهى ببُرم دست نمدمال نمد تنگست وجاي هردومان نيست

Въ пустыню я ушелъ, ни одного мѣста я не знаю,
Смерзъ я и куска войлока (у меня) нѣтъ;
О Боже, отрѣжу я руку валяльщика войлока —
Войлочная бурка тѣсна и мѣста (для) насъ обоихъ (въ ней) нѣтъ.

Ширазъ 1914.

183] *Бijóу[1] ке џýнум äз џýнäт џедó nīсс[2] **Бijóу[1] ке мäџlíсум[3] бī тӯ сафó nīсс[2]
***Бijóу[1] тō рóзе дil бōhám бèгӯíм Бèбīнíм бīбäфōí[4] џōнíбе кīсс[2]

بياو كه جانم از جانت جدا نيست بياو كه مجلسم بى تو صفا نيست
بياو تا رازِ دل باهم بگوئيم ببينيم بيبفائى جانب كيست

---

* v. И.: Чунýн рō мīрäвí jäќ дäм бéкун īст — Ты такъ по дорогѣ идешь — (на) одинъ мигъ остановись.

v. К. Кен.: Бijó џóнō (Кен. џóнум) бijó ýмрäм (Кен. ýмрум) бijó nīџ — Приди, душа (моя), приди, жизнь моя, подойди ближе.

** v. И. К.: Меiýне мō ву тӯ дiѓáр ќáсī nīсс (И. nīст) — Между нами и тобой больше ужъ никого нѣтъ.

*** v. И.: Зебýне зäрѓäрí бōhám бèгӯíм — На языкѣ заргярскомъ другъ съ другомъ поговоримъ.

Языкъ заргярскій есть условный языкъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (зäрѓáр) въ Персіи. Вся хитрость заключается въ прибавленіи послѣ каждаго слога новаго слога, начинающагося согласнымъ звукомъ «з» съ соотвѣтствующимъ гласнымъ даннаго слога; напр.: безе́ бīзí нīзíм бīзí бäзä́ фōзōзí џōзó nīзí безе́ кīзíсс = бèбīнíм бīбафōí џōнíбе кīсс. Ср. H. Brugsch. Reise der K. Preuss. Gesandtschaft nach Persien. B I, S. 339. Кромѣ языка «зäрѓäрí» употребительны и другіе условные языки, напр. «зебýне баззōзí» въ Ширазѣ — языкъ баззāзовъ — торговцевъ бумажной мануфактурой.

[1] v. К. Бijō. [2] v. Кен. nī, кī, И. кīст. [3] v. Кен. мäнзílум. [4] v. К. бīвäфōhí.

Приди — душа моя отъ души твоей неотдѣлима,
Приди — въ собраніи моемъ безъ тебя нѣтъ веселья;
Приди — тайну сердца другъ другу мы разскажемъ,
Посмотримъ — вѣроломство на сторонѣ кого.

Исфаганъ (бахт.) — Керманъ 1913.
Кенāрэ 1914.

184] Ђусеіно̄́ бу́рре ху́бä бу́рре ху́бäсс   Еѓäр пуlóу небо̄́шед шуllé ху́бäсс
Зäнум зіштäст[1] беро̄́је ку́нџе хӯнé[2]   Хäрум lä́ңѓäст[3] беро̄́је куррé ху́бäсс

حُسَيْنا بُرّه خوبه بُرّه خوبست   اگر پُلَو نباشد شُلّه خوبست
زنُم زِشْتست براي كنجِ خونه   خرُم لنگست براي كُرّه خوبست

Хусейнā,
Если пилава не будетъ, то и «шуллэ»[4] хороша;
Жена моя безобразна — для домашняго уголка (хорошо),
Оселъ мой хромъ — для осленка (онъ) хорошъ[5].

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

185] Дӯ чä́шме мä́ссе мä́ссäт мо̄ ѓíle кīсс   Хáме ѓīсу́т бе kyllо̄́бе дíle кīсс
Мä́но̄ вel кíрдī тӯ ђéiфäг нä̀јӯмä́д   Бе рӯ́је сīнéје тӯ мäнзíle кīсс

دو چشمِ مسِ مست ما گل[6] كيست   خم گيسوت به قُلّاب دل كيست
منا ول كِردي تو حَيْفَت نيامد   به روي سينهٔ تو منزل كيست

Два глаза съ сильной поволокой твоихъ...?
Завитки косъ твоихъ крючкомъ для чьего сердца являются?
Меня покинула ты (и) жаль тебѣ (меня) не стало, —
(Теперь) на груди твоей чья стоянка?

Сивендъ 1914.

186] Сáре ку́ђе буlä́н älмо̄́се älмо̄́с   Муро̄́де мäн бéдеђ еі ђазрéте Аббо̄́с
Муро̄́де мäн бéдеђ ке бī муро̄́дäм   Ке хä́рмä́н ку́фтäм у банду́ре бо̄́дäм

[1] v. Е. Зéне мäштí.   [2] v. Ш. беро̄́је бäчé ху́бäст.   [3] v. Е. Зéне зіштäм.

[4] Похлебка изъ муки; иначе — шуlí.

[5] т. е. для развода ословъ. Семейная жизнь Хуссйна и его жены Аѣӯрí стала сюжетомъ насмѣшливыхъ стишковъ.

[6] Б. м. مايل.

سرِ کوهِ بُلَند الماس الماس   مرادِ من بده ای حضرت عبّاس
مرادِ من بده که بی مرادم   که خرمن کوفتم و بَنْدورِ بادم

На вершинѣ высокой горы (разсыпаны) алмазы,
Желаніе мое исполни, о святой Аббасъ[1]!
Желаніе мое исполни — желаннаго я не имѣю,
Хлѣбъ въ снопахъ я обмолотилъ и ожидаю вѣтра[2].

Ширазъ 1914.

187] Сäфäр дäр пı̄ш дōрáм дı̄дá вō пäс   Нäмı̄шáд рōст дiлгӯı̄ бе häр кäс
Äгáр мýрдум бiнвı̄сiн мäзőрум   Фулӯнı̄[3] мурдé äст[4] дőђе фулӯ́н[5] кäс

سفر در پیش دارم دیده وا پس   نمیشد راست دلگوئی به هر کس
اگر مردُم بنویسین مزارُم   فلانی مرده است داغ فلان کس

Путешествіе впереди имѣю, глаза (обращаю) назадъ,
Невозможна искренняя сердечная бесѣда со всякимъ;
Если умру я, напишите на моемъ надгробіи:
Такой-то умеръ отъ страданій по такому-то.

Сивендъ — Ширазъ 1914.

188] Äз ӯн бōлő мı̄јōјáд kырмiзı̄ пӯш   Шäkáр кýнџе lá бäт мı̄зäнáд џӯш
Äз ӯн кýнџе láбäт бӯ́је hыl ōјá   Џедōı̄ бäр мáне тӯ мушкiл ōјá

از آن بالا میاید قرمزی پوش   شکر کنج لبت میزنند جوش
از آن کنجِ لبت بویِ هِل آیه   جدائی بر منِ تو مشکل آیه

Оттуда сверху подходитъ одѣтый въ красное,
Сахаръ въ уголкѣ губъ твоихъ вскипаетъ;
Изъ того уголка губъ твоихъ запахъ кардамона доносится,
Разлука для меня и тебя трудной оказывается.

Ширазъ 1914.

189] Äз ı̄н пőје сäфı̄́д у нáрме сiмкáш   Äз ı̄н рō рäфтáнäт дil мı̄зäнáд kаш
Нäмı̄дӯвáм дiлōрýне кi бōшı̄́   Зäдı̄́ дäр хäрмáне ýмрум тӯ ōтáш

ازین پایِ سفید و نرم سیمکش   ازین را رفتنت دل میزند غش
نمیدانم دلارانِ که باشی   زدی در خرمنِ عمرُم تو آتش

---

[1] Племянникъ сына халифа Али Хусейна, шіитскій святой, павшій въ битвѣ у Кербелä въ 680 г.

[2] Чтобы провѣять обмолоченный хлѣбъ.

[3] С. Фелӯні.   [4] v. С. мурдäт äз.   [5] С. фелӯ́н.

От этихъ ногъ бѣлыхъ, мягкихъ какъ «сӣмкяшъ»[1],
Отъ этого твоего хожденія по дорогѣ сердце (мое) замираетъ;
Не знаю я, чьей сердце-успокаивающей ты будешь,
Скирды жизни моей ты подожгла.

Ширазъ 1914.

190] *Ӓз īн кӯчé гузӓр кірдӓм кӓм у бīш | Муhаббатōје веl мīсlе[2] ӓвӓl нīсс
Нéшуд хӓlфӓт ке мӓн бō[3] веl бупӯрсӓм | Думōҕ тōу дōдéне веl бī сӓбӓб[4] нīсс

ازین کوچه گذر کردم کم و بیش | محبتهای ول مثل اول نیس
نشد خلوت که من با ول بپرسم | دماغ تاو دادن ول بی سبب نیسّ

По этой улицѣ я проходилъ много разъ,
Любовь цвѣтика (теперь) не похожа на первую (любовь);
Не удалось остаться наединѣ, дабы я у цвѣтика спросилъ —
Отворачиваніе носа цвѣтикомъ — не безъ причины.

Сивендъ 1914.

191] Бе Бӓм рӓфтӓм бе таhрīфе ӓнōреш | Іlōhī сӓр вігӯн гӓрдӓд гудōреш
Һӓр ӯнкӓс ӓз гудōре Бӓм бенōlӓд | Ченōре[5] Сеід Һусеінī јōдегōреш

به بم رفتم به تعریف انارش | الهی سرنگون گردد گدارش
هر آنکس از گدار بم بنالد | چنار سید حسینی یادگارش

Въ Бамъ я отправился, наслышавшись о его гранатахъ;
О Боже, пусть опрокинется его перевалъ;
Всякій кто отъ перевала Бама застонетъ,
Чинаръ Сейида Хусейнӣ (да будетъ) воспоминаніемъ о немъ.

Керманъ 1913.

---

[1] Штукатурка изъ глины съ навозомъ, поверхъ которой намазывается известка.
[2] v. мӯсlе. [3] v. дӓр. [4] v. џіhӓт.
* v. Кеп. всего четверостишія:

Дӓре кӯчӓт гузӓр кірдӓм hīч маhӓl нīсс | Муhаббӓтōі вélум фӓнде ӓвӓl нīсс
Ӯтōҕ (v. сӓрō) хоlī нӓмīшӓ веl бèпурсӓм | Дӓмōҕ тōу дōдéне веl бī сӓбӓб нīсс

У входа въ улицу твою прошелъ я — ни малѣйшаго вниманія (ко мнѣ),
Любовныя ласки цвѣточка моего (ужъ) не такія какъ въ началѣ;
Комната (v. домъ) никакъ не опустѣетъ, чтобы я спросилъ у цвѣтика. —
Отворачиваніе носа цвѣтикомъ не безъ причины.

[5] v. Дірӓхте.

192] Хӯшō Ӈуртōпасі́н ōв у häвōјеш   Кенōре чäшме́ ву сеіl у сäфōјещ
Ні̣гōре мähвäшӯн ра́де бе гуlґäшт   Куну́м ӌӯнум песōре хōке пōјеш

خوشا غُرتاپسین آو و هوایش   کنار چشمه وسَیْل وصفایش

نگارِ مَهْوَشان رده به گُلْگَشت   کُنُم جانُم نِثارِ خاکِ پایش

Какъ хорошъ Гуртāпасӣнъ и его климатъ;
(Какъ хорошъ) берегъ ручья и упоительные виды его!
Луноподобныя красавицы отправились на прогулку среди розъ —
Душу свою я разсыплю во прахъ ея ногъ.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

193] Са́ре кӯhе буlа́н ӯма́д kабōпӯш   Баӈа́l мурвōрі́ ју ōhӯ са́ре дӯш
Че ді̣да́м īн бе думбōlеш да̇ві́да́м   Сеlеhпӯш у зереhпӯш і ӈазабпӯш

سرِ کوه بُلند آمد قباپوش   بغل مرواری و آهو سرِ دوش

چه دیدم این به دُنبالش دویدم   سلحپوش و زرهپوش و قصبپوس

На вершину высокой горы пришелъ одѣтый въ «кабā»,
На груди (у него) перлы и газель на плечѣ;
Когда увидѣлъ я его, вослѣдъ ему я побѣжалъ,
Обвѣшанному оружіемъ, одѣтому въ панцырь и (платье изъ) «касаба».

Ездъ 1913.

194] *Сälōме сад сälōм еі бӯте äбрīшум пӯш   Теlō бäр ґäрдäнäт дурдōне́ бäр гӯш
Муhаммäд hа́мчі тӯlфі ші́ре мӯнä   Бігі́р да́ссäш[1] бе́бäр бōзōр бе́фрӯш

سلام صد سلام ای بتِ ابریشم پوش   طلا بر گردنت دُردانه بر گوش

محمّد همچه طفلی شیر مانه   بگیر دستش ببر بازار بفروش

Привѣтъ и сто привѣтовъ, о разодѣтый въ шелкъ кумиръ,
Золото на шеѣ у тебя и жемчужины въ ушахъ;

---

* v. И. (бахт.) Бе́lе бōlō буlа́н дурдōне́ да̇р гӯш
Бе јäк ӈамзе́ ді́lуме бӯрдī äз hӯш
Äґäр хōhі́ ке Фōјі́з бäнде́ ґäрде

Цвѣтикъ высокаго роста съ жемчужиной въ ушахъ,
Однимъ игривымъ взглядомъ сердце мое ты отвлекла отъ здраваго разсудка;
Если ты хочешь, чтобы Фāизъ сталъ (твоимъ) рабомъ...

[1] v. И. да́стум.

Мухаммадъ на нѣкое грудное дитя походитъ, —
Возьми его (за) руку, отведи на базаръ (и) продай.

Шираэъ 1914.

195] Шáбе дӯш у шáбе дӯш у шáбе дӯш́ Хӯ́де [1] сімінтáні ѓáштім hамо̄ђӯ́ш
Хӯ́де [1] ділбáр џено̄́ђі бáсте́ бӯді́м Ке ділбáр јо̄д бӯд мáнро̄ феро̄мӯ́ш́

شب دوش وشب دوش وشب دوش — خود سیمین تنی گشتیم هم آغوش
خود دلبر جناغی بسته بودیم — که دلبر یاد بود من را فراموش

(О) ночь вчерашняя, ночь вчерашняя, ночь вчерашняя!
Вмѣстѣ съ нѣкой сребротѣлой мы другъ друга обнимали;
Вмѣстѣ съ сердцепохитительницей на грудной косточкѣ мы побились [объ закладъ [2] —
Сердцепохитительница помнила, (а) я забылъ.

Ездъ 1913.

196] Шáбе мо̄́häст [3] у [4] гургӯ́н мі̇бäрáн [5] мі̇ш́ Дӯ зулфӯ́нäт hамо̄јіl [6] кун бі̇јо̄́ пі̇ш́
Äгáр häмсо̄дегӯ́н [7] äз тӯ бѐпурсáн [8] Бугӯ́ [9] хéіре [10] худо̄́ до̄́дäм бе дäр-ві́ш [11]

شب ماهست وگرگان میبرند میش — دو زلفانت حمائل کن بیا پیش
اگر همسادگان از تو بپرسند — بگو خیر خدا دادم به درویش

Ночь лунная, и волки утащутъ овцу,
Два локона своихъ ты перевязью сдѣлай (и) подойди поближе;
Если сосѣди у тебя спросятъ,
Скажи: милостыню Божью дала я дервишу.

Шираэъ 1914.

197] Bе́läм äз хӯне́ дäр ӯмáд бäче́ дäр дӯш́ Шекáр кӯ́нџе läбӯ́нäш мі̇зäнáд џӯш́
Бі̇јо̄́ духтáр бе џӯ́не јäќ беро̄́рäт Шекáр дäр бо̄р до̄рі́ ӯ́ро̄ мáфрӯш́

---

[1] = با.

[2] џено̄́ђ бäнді́ — пари на грудной косточкѣ курицы или другой птицы, состоящее въ томъ что два держащихъ пари условливаются не произносить опредѣленное слово, разламываютъ грудную косточку пополамъ и каждый хранитъ при себѣ доставшуюся ему половинку. Если одинъ изъ нихъ, по забывчивости, произнесетъ это слово, другой предъявляетъ ему свою половинку косточки, и пари считается проиграннымъ.

[3] v. мähто̄́б. [4] v. ке. [5] v. мі̇бäрáд. [6] v. шäмо̄јіl. [7] v. häмсо̄јегӯ́н.
[8] v. бі̇до̄́р ѓáштäн. [9] v. Бегӯ́. [10] v. дäр ро̄́hе. [11] v. до̄д дäрві́ш.

ولم از خانه در آمد بچه در دوش   شکر کنج لبانش میزند جوش
بیا دختر به جانِ یك برارت   شکر در بار داری اورا مفروش

Цвѣтикъ мой изъ дому вышла съ ребенкомъ на плечѣ,
Сахаръ въ уголкѣ губъ ея вскипаетъ;
Приди, дѣвушка, заклинаю тебя душою одного брата твоего,
Сахаръ во вьюкахъ имѣешь ты — его не продавай.

Шираѕъ 1914.

198] Дi̇lӓм мi̇сӯзӓ́д џо̄́но̄ то̄ са́ре но̄ф   Ӓѓӓ́р бо̄вӓ́р нӓ̀до̄рí сiне́ бе́шко̄ф
Дi̇lӓм бу́рдī дiѓӓ́р дӓ̀р kа́сде џу́нī   Азīзу́н hӓр чi мi̇бīнíд бе iнсо̄́ф

دلم میسوزد جانا تا سرِ ناف   اگر باور نداری سینه بشکاف
دلم بردی دگر در قصدِ جانی   عزیزان هر چه میبینید به انصاف

Сердце мое пламенѣетъ, душечка, до кончика пупка,
Если ты не вѣришь — грудь (мою) ты разсѣки;
Сердце мое ты похитила, а дальше покушаешься на душу;
Дорогіе (мои), все что вы видите, безпристрастно оцѣните.

Шираѕъ 1914.

199] Ilо̄́hī рахне́ бӓр сенду́н куна́д ышk   Дӯ сад му́lке џуhу́н веiру́н куна́д ышk
Пеlӓ́ңгу́н пӓңѓ рíзӓн фīl денду́н   Мера́ус бӓр ѓӓрда́не шīру́н куна́д ышk

الهی رخنه بر سندان کند عشق   دوصد ملكِ جهان ویران کند عشق
پلنگان پنگ ریزند فیل دندان   مَرْوس بر گردنِ شیران کند سشق

О Боже, трещину въ наковальнѣ дѣлаетъ любовь,
Двѣ сотни царствъ міра опустошенными дѣлаетъ любовь;
Леопарды когти ломаютъ (отъ любви), слоны — клыки,
Петлю на шею львовъ накладываетъ любовь.

Исфаганъ (бахт.) 1913

200] Ӯмӓдӓ́м бо̄ [1] Сӓlвесту́н бо̄ дílе тӓңѓ   Нӓ̀jӯмӓ́д kо̄сы́дī бо̄ Мӓhд kуlí lӓңѓ
Ко̄ко́м Кӓl Мӓhд kуlí бӓ́lkӓм куні ко̄р   Ке Ӓ́скӓ́р шīре нӓр уфто́д бе ӓмбо́р

[1] = бе.

امدم با سلوسنان با دل تنگ | نیامد قاصدی با محمد قلی لنگ
کاکام کل محمد قلی بلکم کنی کار | که اصغر شیر نر افتاد به انبار

Прибылъ я въ Сарвестāнъ[1] съ сердцемъ стѣсненнымъ,
Не пришелъ какой-либо гонецъ съ Мухаммадъ-кулӣ хромымъ;
Братецъ мой, Кяль[2] Мухаммадъ-кулӣ, быть можетъ ты что-либо подѣлаешь?
Вѣдь Аскеръ (-ханъ), храбрый левъ, попалъ въ амбаръ[3].

Шиpазъ 1914.

201] *Хӯдум lăңг у xăрум lăңг у дilум тăңг | Бе бо̂рум шіше́ ву **сăр бо̂рум hei сăңг
Тӯ ке ăз бо̂ре хӯд ăндіше́ дōрі | ***Черō бăр бо̂ре дīгăр мīзăнí сăңг

خودمُ لنگ و خرمُ و دلمُ تنگ | به بارُم شیشهو سر بارُم هی سنگ
تو که از بارِ خود اندیشه داری | چرا بر بارِ دیگر میزنی سنگ

Самъ я хромой и оселъ мой хромой и сердце мое стѣсненное,
Во вьюкахъ моихъ стекло, а поверхъ вьюковъ — камни;
Ты вѣдь о вьюкахъ своихъ думу имѣешь,
Зачѣмъ (-же) во вьюки другого ты бросаешь камни.

Шиpазъ 1914.

Mīш[4].

202] Зе бăртăңг у зе бăртăңг у зе бăртăңг | Ке пăшме мăн шăвăд kōlíje hăф-рăңг
Тӯрō ке сăр бурăн чӯђăст у кундă | Мăрō ке сăр бурăн гӯштăст у думбă

میش

زِ برتنگ و زِ برتنگ و زِ برتنگ | که پشم من شود قالی هفترنگ
ترا که سر بُرَند چوغست[5] و کُنده | مرا که سر بُرَند گوشتست و دُنبه

[1] Сарвестāнъ. — центръ одноименнаго булюка въ 14 фарс. къ в. отъ Шираза.

[2] = کربلائی.

[3] въ амбаръ Кавāм-уль-Мулька, т. е. въ руки Кавāм-уль-Мулька.

* v. Дilăм тăңг у зăміп тăңг у ōсемӯн тăңг — Сердце мое стѣсненно и земля тѣсна и небо тѣсно.

** v. ро̂hăм гăч у сăңг.

*** v. Ђăме ōlăм бе џӯнăм мīкунăд џăңг — Печаль міра съ душой моей борется.

[4] Тенцона — споръ виноградной лозы и овцы — џăңге рез у мīш. См. слѣд.

[5] چوب = چوغ.

Овца.

. . . .

Шерсть моя становится ковромъ семицвѣтнымъ;
У тебя когда голову срѣжутъ — остаются полѣнья и пень,
У меня когда голову срѣжутъ—остаются мясо и (жирный) курдюкъ.

Ширазъ 1914.

Рез.

203] Зе бӓртӑңг у зе бӓртӑңг у зе бӓртӑңѓ — Ке пӑшме тӯ шӓвӓ̆д kōlíje hӓфрӑ̆ңѓ
Мӑ̆рō ке сӓр бурӑ̆н ōрӑ̆м ңӓвӯні́ — Тӯ̆рō ке сӓр бурӑ̆н бі̄ңӯ̆п бѐмӯні́

رز

زِ برتنگ و زِ برتنگ و زِ برتنگ — که پشم تو شود قالی هفترنگ
مـرا که سـر بُرَند آرم جـوانی — تُرا که سر بُرَند بیجان بمانی

Виноградная лоза.

. . . .

Шерсть твоя становится ковромъ семицвѣтнымъ;
Когда голову у меня срѣжутъ — я приношу молодость,
Когда голову у тебя срѣжутъ — ты бездыханной останешься.

Ширазъ 1914.

204] Ӓѓӓ́р хōhí бѐчі̄ні́ дӓсте́је гуl — Ѣерӑ́у ӯп хӯнеhṓје сі̄не́је туl
Һаме́ чӯп маhве́ше бōlṓ буlӑ́нде — Реві́ште коуќ дōре́н зӯ́не[1] буlбӯ́l

اگر خـواهـی بچینی دسـتـهٔ گُل — برو آن خـابـهـای سینهٔ تُل
هـمـه چون مَـهْـوَشِ بـالا بلنده — روشْ کوك دارند زونِ بلبُل

Если ты хочешь нарвать букетъ цвѣтовъ,
Отправляйся въ тѣ дома, что на склонѣ холма;
Всѣ (онѣ тамъ) подобны луноликимъ высокаго роста,
Походкой куропатки обладаютъ и языкомъ соловья.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

[1] Діалект. зӯп = زبان.

205] Бебу́ррäм kalа́мī äз чу́бе фiлфíl Бäр ōрäм kōђéзī äз пäрдéје дil
Нäвíсäм нōмéī äз бähре јōрäм Бе ōбе дīдé ву хӯнōбéје дil

بُبّرم قلمی از چوبِ فلفل بر آرم کاغذی از پردهٔ دل
نویسم نامهٔ از بهر یارم به آب دیده و خونابهٔ دل

Вырѣжу я калямъ изъ дерева перцоваго,
Вытащу я бумагу изъ сердечной оболочки;
Напишу я письмо для друга своего
Водою глазъ и сукровицею сердца.

Исфаганъ 1913.

206] Бе пу́ште бу́нäм ӯмäд хäрмäне гуl Ху́дäш гуl бӯд у џӯмäш нáхче булбу́l
Äгäр хōhí ке гуl дäр бäр бiгīрí Бу́кун сабр у сабӯрí ју таамму́l

به پشت بانم آمد خرمن گل خودش گل بود و جامهش نقش بلبل
اگر خواهی که گل در بر بگیری بکن صبر و صبوری و تحمّل

На крышу мою пришла (похожая) на кучу розъ,
Сама она роза была, а платье ея (въ) рисункахъ соловьевъ;
Если хочешь ты розу въ объятія схватить,
Потерпи, повремени и подожди.

Шиpазъ 1914.

207] Бе ку́hī пō кешīдáн нiст мушкíl Бе[1] häфтōд у дӯ мillа́т бурдéī дil
Бе гуl бӯ[2] ву бе kад сälв у бе рух мō Ту́нī[3] бō Јӯсуфī умрӯ мукōбíl

به کوهی پا کشیدن نیست مشکل به هفتاد و دو ملّت بردهٔ دل
به گل بو و به قد سلو و به رُخ ما تونی با یوسفی امرو مقابل

По горѣ карабкаться не трудно,
У семидесяти двухъ народовъ похитилъ ты сердце,
По запаху ты роза, ростомъ — кипарисъ и лицомъ мѣсяцъ,
Іосифу по красотѣ сегодня равенъ ты.

Шиpазъ 1914.

208] Ту́рō мīбīнäм у мīсӯзäм еі веl Бе hасрäт ху́не дil мīхӯрäм еі веl
Шäнíдäм ке ту́рō бäр мäн нäмīдáн Ту́рō вäр дōрäм у бу́грӯзäм еі веl

---

[1] = Зе. [2] вм. Бе бӯ гуl. [3] сивенд. = توئی.

ترا میبینم و میسوزم ای ول   به حسرت خونِ دل میخورم ای ول
شنیدم که ترا بر من نمیدنند   ترا ور دارم و بگروزم ای ول

Тебя я вижу и сгораю отъ любви, о цвѣтикъ,
Въ горести (мое) сердце кровью обливается, о цвѣтикъ;
Я слышалъ, что тебя за меня не отдадутъ —
Тебя я заберу и убѣгу, о цвѣтикъ.

Шираз 1914.

209] Тӯ ке jо̄́рī jу нōjо̄́рī чè hōсы́l   Гу́le су́рхī jу пур бо̄́рī чè hōсы́l
Еѓа́р jōку́т у мурвōрі́д бèрīзі́   Тӯ ке jо̄́ре ділōзо̄́рī чè hōсы́l

تو که یاری و ناياری چه حاصل   گلِ سرخی و پر باری چه حاصل
اگر یاقوت و مروارید بریزی   تو که یارِ دلازاری چه حاصل

Другъ-ли ты или недругъ — что за польза?
Роза-ли алая и въ полномъ цвѣту ты — что за польза?
Если яхонты и жемчугъ ты разсыпешь,
Ты вѣдь другъ сердцетерзающій — что за польза?

Ездъ 1913.

210] Ху́шō ру́зī ке гуl бу́дī мӯ буlбу́l   Беhа́м до̄́шітīм дӯ сад нōзу тäкäббу́р
Ilо̄́hī хӯне́je бäдгу́ бèсӯзä́д   Гуl äз буlбу́l рäмі́д у буlбу́l äз гуl

خوشا روزی که گل بودی مو بلبل   بهم داشتیم دو صد ناز و تکبّر
الهی خانهٔ بدگو بسوزد   گل از بلبل رمید و بلبل از گل

Хорошъ тотъ день, когда ты розой была, а я соловьемъ,
Вмѣстѣ мы имѣли двѣ сотни жеманства и кичливости;
О Боже, домъ сплетника пусть сгоритъ —
Роза отъ соловья пугливо убѣжала, а соловей отъ розы.

Шираз 1914.

211] Ділäм та́нѓäст місо̄́le ча́шіме ҕalбо̄́l   Ру́хäм за́рдäст місо̄́le ко̄́hе дīво̄́l
Ру́хäм за́рдäст у аhво̄́lī нèдōре́м   Бе ҕеір äз тӯ діѓа́р jо̄́рī нèдōре́м

دلم تنگست مثالِ چشمِ غلبال   رخم زردست مثالِ کاهِ دیوال
رخم زردست و احوالی ندارم   به غیر از تو دگر یاری ندارم

Сердце мое тѣсно на подобіе отверстій рѣшета,
Лицо мое желто на подобіе соломы стѣпы;
Лицо мое желто и настроенія я не имѣю,
Кромѣ тебя я больше друга не имѣю.

Ездъ 1913.

212] Дίlум мīхőст äз īн меһмӯнίје веl   Кабőбī бýкунýм äз пäрдéје дίl
Ќäбőбе бī нäмáк тýмī нäдōрé   Бе kурбýне lábe тӯмдőрет еi веl

دلم میخواست ازین مهمانی ول   کبابی بکنم از پردهٔ دل
کباب بی نمک طعمی نداره   به قربن لب طعمدارت ای ول

Сердце мое желало для этого пріема гостемъ цвѣтика,
Чтобы я жаркое приготовилъ изъ сердечной оболочки;
Жаркое безъ соли вкуса не имѣетъ, —
Пусть стану я жертвою губъ вкусныхъ твоихъ, о цвѣтикъ!

Исфаганъ (бахт.) 1913.

213] Дίlум[1] міхőст[2] ке тäнһő[3] бίнäмäт веl[4]   *Мејýне бőђ у сōјéје серенцдél
Неһýм[5] läб бе láбäг[6] зōнý бе зōнý   **Дȁр ōрίм kысséје сад сōlé äз дίl

دِلم میخواست که تنها بینمت ول   میان باغ و سایهٔ سرنجدل
نِهم لب به لبت زانو به زانو   درآریم قصّهٔ صد ساله از دل

Сердце мое желало, чтобы я наединѣ повидалъ тебя, (о) цвѣтикъ,
Среди сада и тѣни дикой маслины;
Приложу губы (свои) къ губамъ твоимъ, колѣни къ колѣнямъ,
Изъ сердца мы воспроизведемъ расказъ, (котораго хватитъ) на сто лѣтъ.

Исфаганъ (бахт.) — Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

---

[1] v. E. III. Дίlӓм.   [2] v. III. мīхőд.   [3] v. E. тäһнő.   [4] v. III. äi веl.
[5] v. III. Нішίнäм.   [6] v. III. läб.

* v. E.: Чáме рӯдхӯнé ву сōјé серенцél — На берегу рѣки и въ тѣни дикой маслины.

v. III.: Ке бäр сáрäм дірáхте сäнцáт äі веl — Надъ головой моей дерево дикой маслины, о цвѣтикъ.

** v. III.: Бýкунáм геllе́је чäн сōlá äi веl — Печально жаловаться я буду втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, о цвѣтикъ.

214] Дӯ чäшмӯнум бе чäшмӯнäт муттасíl
Тӯ ке чäшмäт бе чäшмемӯн нäбурд веl
Че hаммōlī муттасíl зíре бōрін
Ќäшäм бōре ғäмäм мäнзíl бе мäнзíl

دو چشمانم به چشمانت متّصل
تو که چشمت به چشمان نبرد ول
چه حمّالی متّصل زیرِ بارن
کشم بار غم منزل به منزل

Два глаза мои на глаза твои пристально устремлены,
Вѣдь глаза твои на глаза наши не устремлялись, (о) цвѣтикъ!
Какъ носильщикъ безпрерывно подъ (тяжестью) ноши находится,
Тащу я бремя печали своей отъ стоянки до стоянки.

Ширазъ 1014.

215] Рäсíдум бō дäм у häiвӯнäт äi веl
Шäнíдум kylkýle kailӯнäт äi веl
Тасаддӯk кун нéју kailӯн бèѓäрдӯн
Мäн у kailӯн бälōѓäрдӯнäт äi веl

رسیدم با دم و اَیْوانت ای ول
شنیدم غلغلِ قلیانت ای ول
تصدّق کن نی و قلیان بگردان
من و قلیان بلاگردانت ای ول

Достигъ я до края эйвана[1] твоего, о цвѣтикъ;
Услышалъ бульканье кальяна твоего, о цвѣтикъ;
Милость окажи — трубку кальяна поверни,
Я и кальянъ — (жертва) для отвращенія зла отъ тебя.

Сивендъ 1914.

216] Сáре Бáнде Äмíр у гӯшéје пуl
Kадäмгōhе Alí бӯд сӯмбе Дуlдӯl
Арák дäр сīнéје сōфе Муhаммáд
Чекīдé бäр земíн hōсыl шудá гуl

سرِ بندِ امیر و گوشهٔ پُل
قدمگاهِ علی بود سنبِ دُلْدُل
عرق در سینهٔ صافِ محمّد
چکیده بر زمین حاصل شده گُل

У Банде Амӣра[2] и угла моста
Мѣсто стопы Алӣ было и копыта Дульдуля;
Потъ на груди чистой Мухаммада
Палъ каплями на землю, (и) выросли (здѣсь) розы.

Ширазъ 1914.

---

[1] Эйванъ то-же что ливанъ — высокая комната безъ лицевой стѣны, въ центрѣ одной изъ сторонъ четыреугольника, который представляютъ персидскіе дома и каравансараи.

[2] Плотина построенная около 970 г. по Р. Х. буидомъ Азуд-уд-Доулэ на нижнемъ теченіи р. Кура, въ 2 фарс. къ в. отъ впаденія въ нее р. Пульвара.

217] Са́рäт нōзä́м ке сäрса́р дōрі́ ei вel　　Місṓle бäррá вäрмá́р дōрі́ ei вel
Місṓle бäррéi тōзé регōí　　Дäмōдä́м мéіle мōдä́р дōрі́ ei вel

سرت نازم که سرسر داری ای ول　　مـثـال برّه وَرْمَر داری ای ول
مـثـالِ بـرّهٔ تـازه رهـائـی (?)　　دمادم میلِ مادر داری ای ول

Головой твоей я возгоржусь, вѣдь ты взбалмошна, о цвѣтикъ,
На подобіе ягненка безсмысленно пуглива ты, о цвѣтикъ;
На подобіе ягненка недавно выпущеннаго на волю (?)
Постоянно склонна ты къ матери (бѣжать), о цвѣтикъ.

Шираз 1914.

218] Са́ре чäшмé ке ṓбум дṓді ei вel　　Місṓle рішгé тṓбум дṓдī ei вel
Ке чäн вáхтī бе пṓhе тӯ дуві́дам　　Бе jäќ lahзä́ џäвṓбум дṓдī ei вel

سرِ چشمه که آبُم دادی ای ول　　مـثـالِ رشته تابُم دادی ای ول
که چند وقتی به پاي تو دویدم　　به یك لحظه جوابُم دادی ای ول

У источника когда воды мнѣ ты дала, о цвѣтикъ,
Подобно ниткѣ ты меня ссучила, о цвѣтикъ;
Сколько времени у ногъ твоихъ я бѣгалъ, —
Въ одно мгновеніе отвѣтъ мнѣ ты дала[1], о цвѣтикъ.

Кенāрэ 1914.

219] Са́рī нōі́н са́рī бōлṓ кун ei вel　　Нігṓhī бäр ді́лäм hōлṓ кун ei вel
Муhаммá́д hа́мчі тýlфī шīре мýнä　　Бèџумбýнаш дáмī lōлṓ кун ei вel

سری پائین سری بالا کن ای ول　　نگاهی بر دلم حالا کن ای ول
محمّد همچه طفلی شیر مانه　　بجنبانش دمی لالا کن ای ول

---

* v. Ш. всего четверостишія:

Сäрōса́р чäшмéје ṓбī тӯ дōрі́　　Місṓle рішгé тṓбī тӯ дōрі́
Нäдōні́стäм че бäд кі́рдäм че таксы́р　　Черṓ häмчýн џäвṓбī тӯ дōді́

Сплошь повсюду источникъ воды ты имѣешь,
Какъ нитка извиваешься ты;
Я не дознался какое зло я совершилъ, какой проступокъ,
Зачѣмъ подобный отвѣтъ ты (мнѣ) дала?

[1] џäвṓб дōдä́н въ большинствѣ случаевъ въ разговорномъ языкѣ имѣетъ значеніе дать отрицательный отвѣтъ, отказать.

Голову внизъ (опусти), голову вверхъ подними, о цвѣтикъ,
(Хоть) однимъ взглядомъ на сердце мое теперь посмотри, о цвѣтикъ;
Мухаммадъ на нѣкое дитя грудное походитъ —
Покачай его (и) одно мгновеніе побаюкай (его), о цвѣтикъ [1].

Шираз 1914.

220] Се веl[2] дōру́м[3] ке ĥäр се пīра́нäш[4] гуl   Jéкī[5] ка́бк[6] у jéкī[5] тӯтí jу булбу́l
Ке дäсс кíрдум[7] ке тӯтíрō бìгīру́м[8]   Ке ка́бк[6] äз[9] кӯ рäмíд[10] у булбу́l äз гуl

سه ول دارُم که هر سه پیرنش گُل   یکی کبك و یکی طوطی و بُلْبُل
که دست کِردُم که طوطی‌را بگیرُم   که کبك از کو رمید و بلبل از گُل

Три цвѣтика я имѣю, — у всѣхъ трехъ ихъ сорочка въ цвѣтахъ;
Одна (изъ нихъ) куропатка, одна — попугай, а одна — соловей;
Когда я протянулъ руку, чтобы попугая поймать,
Куропатка въ горы умчалась, а соловей отъ розы улетѣлъ.

Ширазъ 1914.

221] Сіjő чäш́м у сіjő бурм у сіjő хōl   Біjő бу́сī бéдеĥ гőбäт куна́м бōр
Нä īн гōб у нä īн бōр у нä īн jōр   Серíне шуш́ берőр нä̀кірда́м īн кōр

سیا چشم و سیا بُرم و سیا خال   بیا بوسی بده گابت کنم بار
نه این گاب و نه این بار و نه این یار   سرین شُش برار نکردم این کار

Черноокая, чернобровая, съ черной родинкой,
Приди, одинъ поцѣлуй (мнѣ) дай — быка [11] твоего навьючу;
Ни этотъ быкъ, ни эта поклажа и ни эта подруга,
Клянусь головой шести братьевъ — я не совершилъ этого дѣла.

Ширазъ (спв.) 1914.

---

[1] Ср. В. Жуковскій. Колыбельныя пѣсни, стр. 101, № 3.

[2] v. jōр. [3] v. дōра́м. [4] v. jőре мäн. [5] v. jéкīш. [6] v. ка́бг.

[7] v. кíрдäм. [8] v. бìгīра́м. [9] v. дäр. [10] v. бенőläд.

[11] Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга Персіи быки и коровы служатъ верховыми и вьючными животными.

222] Ђарīбі̇ jу ђарīбі̇ jу таhаммýl — Бе häр хо̄́рī рäсáм нóмäш нäháм гуl
Бе häр нōкáс рäсáм гӯjáм берōдáр — Бе häр мýрђī рäсáм гӯjáм тӯ булбýl

غـریـبـی و غـریـبـی و تحمّل — به هر خاری رسم نامش نهم گل
به هر ناکس رسم گـویـم برادر — به هر مـرغـی رسم گویم تو بلبل

Чужбина и чужбина и терпѣнiе!
Съ какимъ-бы шипомъ я ни повстрѣчался, имя ему я налагаю «роза»,
Съ какимъ-бы негодяемъ я ни повстрѣчался, (его) я называю «братъ»,
Съ какой-бы птицей я ни повстрѣчался, говорю: ты «соловей».

Ширазъ 1914.

223] Нäмі̇тӯнáм ђáмäт бáр дōрáм äз дil — Нäмі̇тӯнáм бесо̄́зäм дӯре мäнзі̇l
*Нäмі̇тӯнáм сабӯрі̇ пīше гīрáм — Дӯ по̄́jäм тō бе зōнý мӯндé дäр гіl

نمیـتـانـم غمت بر دارم از دل — نمیـتـانـم بـسـازم دور مـنـزل
نمیـتـانـم صبوری پیش گیـرم — دو پایم تا به زانو مانده در گل

Я не могу печаль о тебѣ удалить изъ сердца,
Я не могу устроить вдали (отъ тебя) жилище;
Я не могу терпѣливость избрать удѣломъ, —
Двѣ ноги мои по колѣна увязли въ глинѣ.

Керманъ 1913.

224] Нéjе häфбáн тӯ ђōhі́l у мӯ кōмі́l — Бено̄́līм тō бено̄́līм äз тáhе дil
Тӯ мі̇нōlі́ мáрō сáбзī бурі́дäн — Мӯ мі̇нōláм ке дӯр уфто̄́дäм äз вel

نی هفتبند تو جاهل و مو کامل — بنالیم تا بنالیم از ته دل
تو مینالی مرا سبزی بریدند — مو مینالم که دور افتادم از ول

Тростникъ съ семью перехватами, ты молодъ, а я старъ,
Застонемъ, чтобъ застонать изъ глубины сердца;
Ты стонешь, (говоря): меня зеленымъ срѣзали,
Я стону (отъ того) что далеко отъ цвѣтика я оказался,

Ширазъ 1914.

---

* v.: Нäмі̇тӯнäм дáмī бī тӯ ні̇ші́нäм — Я не могу одинъ мигъ безъ тебя усидѣть.

225] *Ве́ля̈м по̄́је пя̈ті́ ма́гзо̄р тӯ бя̈р[1] гіl   **Ке о̄ті́ш бя̈р са́ря̈м мі̇сӯзя̈́д я̈і веl
Я̈з ін пу́сте са́ря̈м ка́пші̄ бѐсо̄зя̈́м   Бе по̄́је веl куня̈́м[2] мя̈нзі́l бе мя̈нзіl

ولم پاي پتی مگذار تو بر گل   که آتش بر سرم میسوزد ای ول
ازین پوست سرم کپشی بسازم   به پاي ول کنم منزل به منزل

Цвѣтикъ мой, ноги голыя (свои) не ставь ты въ грязь,
Огонь надъ головой моей пылаетъ, о цвѣтикъ;
Изъ этой кожи (на) головѣ моей я туфли изготовлю,
На ноги цвѣтика надѣвать я буду стоянка за стоянкой.

Ширазъ 1914.

226] Пя̈сіні́ ке фя̈до̄́ џо̄ру́ куні́ веl   Бе ді̄дя̈́ я̈́шке бо̄ру́ мі̇куні́ веl
Мя̈ѓя̈́р о̄ші́k бе чя̈ш́му́ня̈т ђарі́бя̈   Ка́дя̈т я̈з дӯр пя̈һну́ мі̇куні́ веl

پسینی که فدا جارو کنی ول   به دیده اشکی بارو میکنی ول
مگر عاشق به چشمانت غریبه   قدت از دور پهنو[3] میکنی ول

Передъ вечеромъ, когда дворъ ты подметаешь, цвѣтикъ,
Изъ глазъ слезы дождемъ ты проливаешь, цвѣтикъ;
Развѣ любящій въ глазахъ твоихъ чужой,
(Что) станъ свой издали (уже) ты прячешь, цвѣтикъ.

Ширазъ 1914.

227] Һејо̄́ро̄ ко̄́ре бі такді́р мушкіl   Бе џя̈́ңге шір бі шя̈мші́р мушкіl
Сухя̈́н до̄ністе́ гуфт біч̌о̄ре́ дя̈рві́ш   Зя̈́не џо̄һіl бе ма́рде пір мушкіl

هیارا کار بی تقدیر مشکل   به جنگ شیر بی شمشیر مشکل
سخن دانشته گفت بیچاره درویش   زن جاهل به مرد پیر مشکل

---

[1] v. бо̄.   [2] v. Ке ру́дя̈м по̄ куня̈́д.

* v. И. (бахт.) всего четверостишія:

Мя̈не́һ по̄́је петі́те бя̈р са́ре геl   Чеpо̄́ һя̈р дя̈м зя̈ні́ хя̈нџя̈́р бе і деl
Мя̈п я̈з пу́сте та́нум ка́пші̄ беду́зум   Куну́м по̄́је ве́lум мя̈нзе́l бе мя̈нзе́l

Не ставь ноги голыя свои въ грязь,
Зачѣмъ каждое мгновеніе разишь ты кинжаломъ въ это сердце;
Я изъ кожи тѣла своего туфли сошью,
Надѣвать я буду на ноги цвѣтика моего стоянка за стоянкой.

** v. III.: Са́ре мя̈н мі̇сӯзя̈́д то̄ гӯше́је ді́l — Голова моя пылаетъ до уголк сердца.

[3] = پنهان.

О друг, дѣло заранѣе не предрѣшенное трудно.
Въ борьбѣ со львомъ безъ сабли (очень) трудно;
Понявъ въ чемъ дѣло молвилъ бѣдный дервишъ:
Съ молодой женой человѣку старому (очень) трудно.

Шира́зъ 1914.

А. А. Ромаскевичъ.

Петроградъ.
1. X. 1916.

Астрономическія и этническія значенія двухъ племенныхъ названій армянъ.

Наук «Хайкъ», родоначальникъ армянъ, «Оріонъ» || «созвѣздіе маговъ», «мушки» || «месхи», «абхазы» и hay-q «хаи», національное названіе армянъ, «созвѣздіе Кони», «сваны», «hоны» || «іоны», «эніохи».

I.

Объ армянахъ цѣлый рядъ этнологическихъ преданій частью національныхъ, т. е. сохраненныхъ самими армянами, частью иноземныхъ. Преданія сильно расходятся. Они армянамъ даютъ различное происхожденіе. Въ этомъ нѣтъ ничего подозрительнаго, ничего возбуждающаго сомнѣнія въ дѣйствительности самихъ преданій или обезкураживающаго изслѣдователей началъ армянской націи, поскольку мы стоимъ на почвѣ реальныхъ представленій. А почвой реальныхъ представленій объ исторически извѣстномъ армянскомъ народѣ является то, что армяне — метисы, армянская нація — terque quaterque мѣшанаго типа народъ[1], и у нея, очевидно, должно быть и есть не одно родословіе.

Подлинное родословіе армянъ должно, до момента окончательнаго слiянія разныхъ этническихъ теченій въ одномъ типѣ, мѣняться въ зависимости отъ того, о какомъ входящемъ въ составъ армянскаго народа племенномъ, томъ или иномъ яфетическомъ основномъ слоѣ идетъ рѣчь, или о какомъ лежащемъ въ основѣ армянскаго этническаго типа расовомъ слоѣ, аріоевропейскомъ или яфетическомъ, говоритъ преданіе. Сомнѣніе и

[1] Этимъ утвержденіемъ я отнюдь не думаю, насколько это касается нашего этнологическаго міровоззрѣнія, выдѣлять армянъ какъ исключительное явленіе, я лишь констатирую фактъ и признаю одну только исключительность въ отношеніи армянъ: вопросъ о мѣшаности ихъ типа легче освѣщается, по этому вопросу матеріалы обильны, и рѣшеніе, по всякомъ случаѣ освѣщеніе его — задача первой очереди по кавказовѣдѣнію.

недовѣріе должно возбуждать такимъ образомъ не расхожденіе преданій, а, наоборотъ, единство. Въ этомъ смыслѣ грѣшили армянскіе историки, по духу своей эпохи желавшіе всему армянскому народу, то непосредственно, то черезъ возглавлявшую его наиболѣе національную по ихъ представленіямъ династію — Багратидскую, дать единство происхожденія отъ іудейскаго народа или вообще отъ библейскихъ родоначальниковъ, въ согласіи съ матеріалами библейскихъ традицій. Въ этомъ смыслѣ еще болѣе грѣшила индоевропеистическая лингвистическая теорія, твердящая до сего часа, вопреки всѣмъ матеріальнымъ фактамъ, объ единствѣ происхожденія армянскаго языка. Арменисты изъ лингвистовъ-индоевропеистовъ, ничѣмъ не смягчавшіе тяжести своихъ утвержденій, бросавшихся на вѣсы этнологическаго вопроса объ армянахъ, не сопровождали своего теоретическаго построенія, соотвѣтственно съ положеніемъ дѣла формулированными, сообщеніями о фактахъ иного порядка хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой это дѣлали армянскіе историки, въ первую голову—Моисей Хоренскій. Армянскіе историки все-таки жизненно разнообразили унитаризмъ, утверждавшійся національной исторіографіею о происхожденіи армянскаго народа, сообщеніемъ народныхъ преданій этногеническаго значенія касательно различныхъ племенъ, и ими, этими преданіями, осложнялась и пестрилась цѣльность состава армянской націи. Лингвисты-индоевропеисты серьозно вовсе и не считались съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей: примѣняя въ обратномъ смыслѣ положеніе «cogito, ergo sum», они не размышляли вовсе о вещахъ, не существовавшихъ для нихъ, такъ какъ они не знали ихъ и знать о нихъ не хотѣли.

Въ связи съ этимъ незамѣтно вводилось въ сознаніе ученыхъ круговъ, какъ бы лингвистически-научно укрѣплялось положеніе объ единствѣ происхожденія армянскаго народа. Между тѣмъ вопросъ назрѣваетъ еще иной, именно явилось ли въ Арменіи какое-либо аріоевропейское этническое объединеніе, племенное, въ чистомъ видѣ или оно было уже яфетизовано на подступахъ къ кавказской территоріи, въ частности у межи коренныхъ земель исторически извѣстныхъ армянъ. Въ работѣ нашей «Классификація племенъ Кавказа», рабочемъ проспектѣ по изслѣдованію этническаго состава населенія этого края, пришлось къ слову сказать, какъ бы подѣлиться новостью слѣдующаго содержанія: «назрѣваетъ постановка вопроса о томъ, не были ли яфетическіе языки, слившіеся съ аріоевропейскимъ въ двухъ извѣстныхъ намъ языковыхъ типахъ Арменіи, гибридными еще до послѣдняго процесса слиянія съ инородными слоями, вообще до появленія аріоевропейцевъ въ предѣлахъ Арменіи»[1]. Но назрѣлъ и приходится ставить другой вопросъ—

[1] Классификація племенъ Кавказа, изд. КИПС, стр. 20.

вопросъ и о мѣстѣ и о времени скрещенія яфетическаго племени съ арійскимъ или аріоевропейскимъ, разъ скрещеніе могло произойти за предѣлами Арменіи?

Въ этомъ смыслѣ и въ настоящее время ничего реально опредѣленнаго не даетъ намъ и преданіе, сообщаемое Геродотомъ, что армяне отселенцы или выселенцы (ἄποικοι) фригійцевъ. И фригійцы, и связанные съ ними этнически ѳракійцы сами стоятъ подъ вопросомъ: какого они въ первичномъ зернѣ происхожденія? Рѣчи уже не можетъ быть, чтобы мы въ нихъ имѣли чистыхъ аріоевропейцевъ. Археологія сейчасъ бдительно стоитъ реаліями на стражѣ положенія, что ѳракійскій народъ не исчерпывается, да и не характеризуется тѣми культурными началами, которыя опредѣляютъ однихъ европейцевъ, да и вообще аріоевропейцевъ, если вообще за примитивомъ той или иной расы признавать право исключительной принадлежности ему матеріальныхъ памятниковъ изъ всего вѣка опредѣленной культуры.

Изъ иноземныхъ источниковъ о происхожденіи армянъ мы имѣемъ возможность выяснить реальное значеніе мѣстныхъ кавказскихъ племенныхъ преданій. И въ нихъ разнообразіе насъ не должно смущать. Наоборотъ, надо быть на стражѣ его сохраненія въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, разносоставностью армянскаго метисованнаго племени, и не давать вводить себя въ заблужденіе унитаризму національной армянской или грузинской исторіографіи, тѣмъ болѣе, что матеріалы, сообщаемые національными историками-унитаристами Кавказа, вовсе не такъ согласно говорятъ въ пользу ихъ унитаристическаго построенія. Этнологическіе вопросы національная исторіографія, естественно для своего подхода, рѣшаетъ въ призмѣ интересовъ единства происхожденія того или иного народа. Общественные, а отнюдь не научные интересы заставляли выдвигать положеніе о непрерывности и цѣльности племенного состава народовъ, когда подъ названіемъ армянъ въ Арменіи и грузинъ въ Грузіи такіе единые въ мнимой, хронологической непрерывности племенныя объединенія являются строителями національной армянской или грузинской и затѣмъ и общей кавказской культуры. Въ той части, гдѣ національные историки, такъ въ частности армянскіе, пользуются въ изложеніи мѣстныхъ преданій чуждыми элементами изъ письменнаго источника, на стражѣ быть не трудно. Легко, напр., совлечь библейскую оболочку съ того, *что́* и особенно *какъ* національные историки повѣствуютъ о началахъ армянскаго народа. Но задача значительно осложняется, когда дѣло касается того, что́ имѣетъ характеръ мѣстнаго преданія. Большая опасность изъ корыта за одно съ водой выплескать ребенка, живое, народное, точнѣе — племенное преданіе, идущее съ необы-

чайной цѣнностью изъ поколѣнія въ поколѣніе съ опредѣленнымъ этническимъ теченіемъ, кровно родное для представляющаго такое теченіе слоя въ составѣ изучаемаго народа. И наоборотъ, въ подлинныя изначальныя племенныя преданія легко внести индивидуальныя или позднѣйшія народныя плетенія, часто плоды такъ называемой «народной этимологіи», или возвести на нихъ надстройки изъ мѣстныхъ этническихъ, географическихъ и лингвистическихъ данныхъ. И здѣсь только длительной долгой кропотливой работой дѣйствительно изначальное племенное преданіе можно высвободить изъ культурно-исторической отдѣлки, плода работы національнаго писателя, особенно когда его унитаристическому міровоззрѣнію внѣшне соотвѣтствуетъ фактическое положеніе этнологическихъ данныхъ въ толкуемыхъ этническихъ названіяхъ, въ области лингвистическаго подхода и ихъ созвучіе, часто случайное. Въ этой линіи и яфетидологъ можетъ быть вовлеченъ въ защиту или поддержаніе освѣщенія, не имѣющаго ничего общаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла, дѣйствительнымъ составомъ племенныхъ слоевъ армянскаго народа и ихъ соотношеніемъ. Такое вовлеченіе произошло со мною въ толкованіи термина Hayk. Сдѣлана, какъ сейчасъ я вижу, ошибка, когда Hayk былъ отожествленъ съ ḣayq[1]. Объ этомъ приходится спѣшить высказаться печатно, такъ какъ выясненіе истиннаго происхожденія имени Hayk бросаетъ свѣтъ на неправильность признанія въ исторической жизни армянскаго національнаго объединенія только двухъ верховодившихъ народовъ, армянъ и ḣайевъ, слѣдовательно, подрывается основаніе для распредѣленія наличныхъ языковъ Арменіи между двумя племенами — армянами и ḣаями; приходится отказаться отъ называнія языковъ Арменіи армянскимъ и ḣайскимъ. Вопросъ, конечно, самъ по себѣ былъ ясенъ, что въ лингвистической номенклатурѣ слѣдовало держаться соотвѣтственной терминологіи, и тутъ, пока выяснится окончательно соотношеніе двухъ, теперь уже трехъ (да трехъ ли только?) языковъ Арменіи, мы легко можемъ обойтись различеніемъ ихъ по образованію мн. числа, въ одномъ случаѣ съ q (ք), а въ другомъ съ r (ր). И если бы рѣчь шла или пока бы рѣчь шла и идетъ о языкахъ Арменіи, мы бы могли называть ихъ по армянскимъ названіямъ буквъ qey (քէ) и rey (րէ), служащихъ начертаніями соотвѣтственныхъ согласныхъ звуковъ, показателей множественности: одинъ изъ занимающихъ насъ языковъ естественно именовать кейскимъ (qey'скимъ), другой — рейскимъ (rey'скимъ): 1) кейскій это тотъ языкъ, который мы доселѣ называли ḣайскимъ, это — языкъ, лежащій въ основѣ древнелитературнаго языка армянъ; 2) рейскій языкъ,

[1] Н. Марръ, *Надпись Русы II изъ Маку* (ЗВО, XXV), стр. 7.

тотъ, который доселѣ у насъ именовался армянскимъ, языкъ, дожившій до нашихъ дней сравнительно въ чистомъ для его природы видѣ и лежащій въ основѣ новолитературнаго языка армянъ, съ особой послѣдовательностью въ основѣ новолитературнаго языка армянъ кавказскихъ, менѣе — малоазійскихъ. Такимъ образомъ въ предѣлахъ Арменіи, пока рѣчь идетъ объ языкахъ Арменіи или точнѣе объ арменійской группѣ языковъ[1], положеніе остается количественно посуществу прежнее — противополагаются другъ другу два языка.

Однако образованіе мн. числа съ каждымъ изъ указанныхъ согласныхъ разнствуетъ еще по гласному элементу. Въ рейскомъ языкѣ арменійской группы языковъ первичная огласовка—«а», именно окончаніе + е - ar, ослабляющее еа въ новой стадіи развитія въ «е» — -er[2]. Но въ яфетическихъ языкахъ есть образованіе мн. числа съ плавнымъ r и при иныхъ огласовкахъ, именно о (→ u) и е (→ ı). Слѣдовательно, принимая во вниманіе, что существуетъ цѣлый кругъ языковъ, имѣющихъ мн. число на r, мы должны терминъ рейскій использовать примѣнительно ко всей группѣ, различая каждый языкъ по разновидности огласовки. Въ связи съ этимъ арменійскій рейскій языкъ точнѣе слѣдуетъ опредѣлять словами «типа а» или именовать акающимъ. То же самое надо имѣть въ виду съ терминомъ «кейскій». Правда, въ арменійскомъ кейскомъ языкѣ показатель множественности появляется въ именахъ обыкновенно безъ огласовки или безъ ясной огласовки, съ неопредѣленнымъ ə ը — ⌜ը⌝ք ⌜ə⌝q; но, во-первыхъ, въ мѣстоименіяхъ имѣемъ и q (ք) съ огласовкой, и не только съ а (ա), притомъ перемѣщенно — -qa (вм. -aq), напр. no-qa *они*, но и съ e‖ı, — -qe‖-qı (а не -eq‖-ıq) и даже u (← o) — -qu, напр. ameneqe-an «всѣ они», amene-qı-n «всѣ они», no-qı-n «тѣже самые», amenequ-m-b-q «всѣми ими» и т. п. Главное же то, что есть яфетическіе языки, которые мн. число на r образуютъ нормально или съ огласовкой а (-aq ∽ -qa) или е (-eq ∽ -qe) или о (-oq ∽ -qo) и т. п. Слѣдовательно, и терминъ кейскій собственно—групповой: онъ обнимаетъ кругъ яфетическихъ языковъ, образующихъ мн.

---

[1] Независимо отъ того, что «армянскій» или «арменскій» (armenus) есть видовой терминъ, въ качествѣ родового лучше пользоваться терминомъ «арменійскій» (armeniacus) и соотвѣтственно и именовать всю группу — арменійской. Названіе «языки Арменіи» способно, особенно внѣ контекста, порождать недоразумѣніе, такъ какъ въ предѣлахъ Арменіи были въ древности также, какъ нынѣ, языки и не принадлежащіе арменійской группѣ, напр. курдскій.

[2] Объ ослабленіи еа > е см. Н. Марръ, *Гр.* § 54,4; что же касается звука е, предшествующаго въ данномъ случаѣ гласному а, это пережитокъ сращеннаго съ основною именного окончанія, яфетическаго характера им. падежа е‖ı, что и сохраняетъ въ современной стянутой ослабленной разновидности суффикса -er, діалектически и -ır.

число на r, каждый изъ которыхъ съ той или иной огласовкой или вовсе безъ огласовки.

Въ каждомъ уже изъ двухъ арменiйскихъ языковъ имѣемъ въ дошедшемъ до насъ ихъ видѣ мѣшаный типъ, помѣсь кейскаго и съ рейскимъ, равно рейскаго и съ кейскимъ, и соотвѣтственно въ образованiи мн. числа, напр., даже кейскiй проявляетъ въ томъ или иномъ случаѣ показатель множественности r, а въ рейскомъ, болѣе подвергшемся влiянiю кейскаго или смѣшенiю съ нимъ, наблюдается цѣлая категорiя, такъ въ глаголахъ, съ образованiемъ мн. числа на q по усвоенiю. Но въ кейскомъ языкѣ, менѣе гибридизованномъ морфологически въ отношенiи мн. числа съ рейскимъ языкомъ, рядомъ съ заднеязычнымъ показателемъ множественности q наблюдаемъ и переднеязычный — ϑ, съ оглаской — ϑa и т. п.: ϑ, ϑa, ϑu, ϑı, но этотъ рядъ используется лишь въ косвенныхъ падежахъ, собственно въ части косвенныхъ падежей. Есть и другiе еще показатели множественности, но они или общiе у кейскаго съ рейскимъ, какъ, напр., n, или рѣдко употребительны въ одномъ изъ двухъ арменiйскихъ языковъ, какъ напр. глухой зубной t, съ огласовкою—te‖tı въ кейскомъ языкѣ, напр. manʳəˡk-tı/te *отроки* отъ manuk *отрокъ* или, что̀ съ нашей тезой роднѣе, q̇aḷ-tı (‖ q̇aḷ-te) *халды понтiйскiе* отъ основы племенного названiя q̇aḷ-(↙ haḷ-), отъ котораго съ заднеязычнымъ показателемъ множественности первичнаго вида k — q̇al-k имѣемъ греческое названiе металла *χαλκός*, первоначально *бронза*, потомъ и *мѣдь*, продукты племенной матерiальной культуры того же народа, въ древности или, вѣрнѣе, раньше у грековъ извѣстнаго подъ тѣмъ же названiемъ съ губнымъ показателемъ множественности — -ub (-υβ)—→ -ıb — халибы (χάλ-υψ или χάλ-υβ-ος), какъ именовался раньше у грековъ же не только самъ этотъ яфетическiй народъ металлургъ, но и произведенiе его племенной матерiальной культуры — *сталь*[1]. Попутно укажу и на то, что съ основой этого племенного названiя неразрывно связано и названiе рѣки Haļys не по связи съ этническимъ названiемъ этого народа, занимавшаго въ древности болѣе обширную территорiю, а по родству корня, такъ какъ Haļy-s значитъ *рѣка, вода* и основа hal означаетъ не только «течь», «бѣгать» «двигаться» (арм. q̇aḷ-am), но и гнать (арм. hal-at-em)[2], «плавить» (hal-em), что̀ уже по своему существу связывается съ названiемъ такого народа металлурга, какъ халибы.

[1] По многократности дачи мною этого здѣсь лишь повторяемаго разъясненiя qaḷtı (съ сугубымъ мн. числомъ q̇aḷ-tı-q) можно не ссылаться на литературу. Еще менѣе основанiя ссылаться на тѣ извѣстные индоевропеистическiя этимологiи, авторы которыхъ не сознавали реальнаго тожества основъ χαλκός и χάλυβος, или χάλυψ. Вѣроятно, отъ того же корня (q̇l > ql) произведено грузинское qlıb-ı.

[2] Сюда же со сванской огласовкой др.-л. арм. ḫel-um *лить*.

На Кавказѣ, въ частности и въ Арменіи классификація языковъ и по сей день, тѣмъ болѣе для древности, имѣетъ существенное значеніе для этнической номенклатуры, отнюдь не наносной. И, наоборотъ, правильное использованіе племенныхъ названій содѣйствуетъ установленію болѣе реальнаго представленія и о сложномъ составѣ метисованныхъ языковъ, какими въ данномъ случаѣ являются арменійскіе языки или арменійская группа языковъ. Они выпукло намѣчаютъ соотношенія между наличными въ этомъ составѣ этническими слоями и сродными слоями сосѣдящихъ народовъ. И это въ сугубой степени вынуждаетъ спѣшить покончить съ тѣмъ разъясненіемъ происхожденія Հայկ, которымъ, независимо отъ намѣреній автора, поддерживалась его терминологія по классификаціи языковъ Арменіи, принятая имъ по другимъ основаніямъ, номенклатура съ особымъ фиксированнымъ опредѣленіемъ терминовъ «армянскій» и «hайскій».

II.

Hayk есть терминъ астрономическій, названіе свѣтила, по традиціонному армянскому толкованію — «Оріонъ»[1] и имя прародителя армянъ Хайка; hay-q этническій терминъ, названіе армянъ. Казалось бы, имя прародителя армянъ Hayk и національное названіе ихъ самихъ hay-q спаяны другъ съ другомъ неразрывными узами генетическаго родства. Въ связи съ этимъ мною былъ разъясненъ конечный k въ имени Hayk какъ показатель множественности[2], архаичная разновидность того показателя множественности, которая налицо въ этническомъ терминѣ hay-q. Въ результатѣ этого толкованія было выставлено мною положеніе, что національное названіе армянъ hay-q находится въ связи съ названіемъ свѣтила Hayk, такъ какъ это, молъ, былъ, вѣроятно, національный богъ армянскаго народа, hay'евъ, впослѣдствіи герой эпическихъ сказаній: hay'и поклонялись богу свѣтилу Hayk'у и назывались по его имени hayq, т. е. hай'ами[3]. Но изъ такого разъясненія выходило, что терминъ Hayk, имѣетъ ту же исторію, что hay-q, названіе армянъ, которое представляетъ пережитокъ термина hanı + o-q̇, эквивалента «эніохъ»[4]. И это обстоятельство чрезвычайно смущало. Оно было источникомъ колебанія въ формулировкѣ, казалось, окончательнаго пріобрѣ-

---

[1] У мокскихъ армянъ это же названіе Оріона сохранилось съ придаткомъ окончанія мн. числа -ır въ видѣ Q̇eq-ır («ղւէքիր» по записи Орбели): въ немъ основа q̇eq- есть передача Hayk'а.

[2] Н. Марръ, ц. с., стр. 4—5.

[3] Ц. с., стр. 4, 7.

[4] Н. Марръ, *Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію*, стр. 332 сл. Подробнѣе и болѣе разработанно см. Кавказскія племенныя названія и мѣстныя параллели, § 8.

тенія науки, разъясненія и Hay'ka отожествленіемъ его съ hay-q'омъ [1]. Сомнѣніе возникало отъ того, что въ hayk'ѣ, при архаичности наличнаго въ немъ исходнаго согласнаго k, показателя множественности, становилось затруднительнымъ объяснить исчезновеніе n не въ паузѣ. И сомнѣніе было вполнѣ основательное. Теперь напали мы на настоящее объясненіе термина Hayk, названія по національной традиціи прародителя армянъ, которое имѣетъ свою исторію, независимую отъ исторіи термина hay-q. Названіе прародителя Hayk'a также этническій терминъ. Если докапываться коренного состава этого термина по до-исторической его природѣ, по всей видимости, и въ немъ k есть показатель множественности, но это относится къ исторіи возникновенія и развитія яфетическо-семитическихъ корней, вообще вопроса объ ихъ трехсогласности («трехбуквенности»). Нѣтъ основанія отказываться и отъ положенія, что соотвѣтственный народъ уже hayk (а не hay-q) поклонялся богу свѣтилу Hayk'y и назывался по его имени, по имени своего національнаго божества, или говоря точнѣе и этнологически—своего *тотема*, только надо считаться еще съ одной звуковою особенностью, повидимому, морфологическаго происхожденія въ этомъ же терминѣ. Въ памятникахъ древне-армянской литературы Hayk появляется и въ формѣ согласной основы съ носовымъ исходомъ n, принимаемымъ обыкновенно за опредѣлительный членъ, тогда какъ въ древне-литературномъ арменійскомъ языкѣ, въ *кейскомъ* языкѣ, собственныя имена не могутъ быть снабжаемы членомъ. Слѣдовательно, существуетъ, во-первыхъ, форма съ утратой согласнаго исхода n (позднѣйшая?) Hayk⌈ə⌉, отъ котораго налицо составныя haykazən (←hayk-azun) *хайкидъ* (букв. «родъ Хайка»), Haykaberd *Хайкабердъ* (букв. «крѣпость героя» или «хайка-народа» || «хайкскаго народа») и производныя Hayk-ak *Хайкакъ* (букв. «Хайчекъ»), но существовала и форма Hayk-ən (←Hayk-un).

Какъ бы то ни было съ разновидностями названія божества и затѣмъ свѣтила, по поклонявшійся ему народъ былъ не hай'скимъ, не hаями (hay-q, hay + e-ar → hay + -er), одноименными съ эніохами (hen + ı-oq) [2], а hайками.

Спирантъ h въ hay совершенно иного происхожденія, чѣмъ въ hayk'ѣ; h въ немъ перебойный эквивалентъ сибилянта s, причемъ какъ hay⌈n⌉←han-ı съ групповыми перегласовочными разновидностями, по-

---

[1] Н. Марръ, *Надпись Русы II изъ Маку*, стр. 5: «Однако, можно колебаться, правда ли Hayk *Хайкъ* и hayq *хаи (армяне)* — разновидности одного и того же слова, а не созвучныя слова различнаго происхожденія» и т. д.

[2] Н. Марръ, *Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію* (къ этнологическимъ вопросамъ), ИАН, 1913, стр. 325 сл., съ той оговоркой, что въ Heniοq нѣтъ основанія не видѣть полностью подлинную мѣстную разновидность племенного названія, а не греческое искаженіе.

являлся въ видѣ heyn (←hen-ı), hoyn←hon-ı (huyn←hun-ı) и т. п. природно, разумѣется, въ средѣ яфетидовъ со спирантными языками, такъ по сибилянтнымъ языкамъ ихъ перегласовочно диффенцированныя соотвѣтствія звучали san-ı‖шon-ı, resp. son|шen и т. д., не говоря о подъемныхъ перерожденіяхъ -ṫan, ṭen и т. п. Уже обращалось вниманіе, что gens Sannorum Heniochorum Плинія носила двойное названіе[1]: оно сложено изъ сибилянтной разновидности со спирантной (san‖hen), причемъ послѣдняя въ формѣ мн. числа -oq̇ (hen+ı-oq̇). Если бы отъ первичной или, во всякомъ случаѣ, слабой ступени сибилянтной разновидности san сохранилось образованіе съ глухимъ показателемъ множественности k, архаичнымъ какъ въ hayk, то этническій терминъ звучалъ бы sank (ср. san-ık). У hay'евъ былъ свой предметъ культа, также свѣтило и животное. Какое было это свѣтило и какое животное, вопросъ, требующій особаго разъясненія, но во всякомъ случаѣ не созвѣздіе маговъ или Оріонъ.

III.

О народѣ hayk'овъ, правда, мы ничего не узнаемъ отъ историковъ, если не имѣть въ виду отраженія его племенныхъ преданій въ родословіяхъ хозяевъ армянской земли, въ частности hайкидской династіи, но всѣ прекрасно освѣдомлены о народѣ, носившемъ ту разновидность или тѣ разновидности этого же названія, которыя вскрываетъ лингвистическая палеонтологія въ этомъ малоговорящемъ при поверхностномъ къ нему отношеніи армянскомъ терминѣ.

Въ полное отличіе отъ спиранта h‖s въ hay'ѣ, звукъ h въ hayk'ѣ является перебоемъ губного p→b, подобно h въ hayr *отецъ* и т. п. Это самый точный, безукоризненно закономѣрный представитель прототипа *hark, эквивалента этническаго термина pask [bask→φasq], разновидности хорошо известнаго племенного названія masq̇‖шoшoq̇‖mesq̇, resp. по спирантной вѣтви — me⌈h⌉q̇. Это то названіе, которое за историческій періодъ жизни Кавказа носили и до нашихъ дней сохранили различные яфетическіе народы и племена отъ крайняго юга Арменіи до крайняго сѣвера Кавказа. Въ числѣ этихъ народовъ то же названіе сохранили, притомъ отнюдь не по случайному заимствованію одного лишь именованія своего, современные обитатели сѣверо-западной области Кавказа — абхазы, по-грузински a-φq̇az'ы[2], собственно a-bas-k'и→a-baz-g'ы (a-vaz-g'ы) или a-φas-q̇'и, безъ абхазскаго именного префикса pask→bask→φasq и т. д.

---

[1] Nat. hist., VII, 11; см. I. Орбели, *Городъ близнецовъ* Διοσχουριάς и *племя близнецовъ* ἡνίοχοι, стр. 214.

[2] Н. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»*.

Если армянскіе историки не сознавали факта восхожденія Hayk прежде всего къ Hark, исключающаго всякую его связь съ hay (←han-ı), resp. мн. ч. hay-q, то они во всякомъ случаѣ располагали подлинно народными преданіями о прародителѣ Hayk'ѣ, въ которыхъ можно видѣть отложеніе дѣйствительной исторіи термина Hayk: по Хоренскому, повѣствующему со словъ болѣе древняго историка, Хайкъ (Hayk) «отправляется съ прочими своими домочадцами на сѣверо-западъ, приходитъ, поселяется на одномъ плоскогоріи и называетъ его, это плоскогоріе, Харкъ (Harq)»[1].

Армянскимъ историкамъ извѣстна и разновидность термина безъ перебоя губного въ спирантъ въ основѣ имени одного изъ армянскихъ родоначальниковъ — Pasq-am, съ суффиксомъ -am, общимъ для многихъ армянскихъ именъ этническаго происхожденія, какъ то — Geḷ-am (Geǧ-am), [←*Ger-am]; образовательный элементъ -am имѣетъ параллели въ видѣ -an ‖ -ar[2], -un ‖ ur[3] и т. п.

Сейчасъ нѣтъ надобности приводить всю многочисленную родню этого термина, сохранившагося по-нынѣ также въ бассейнѣ Вана и въ названіи мокцевъ или моковъ (mo‹ꝓ›k ‖ mouk → muuk). Приблизительно въ этомъ районѣ и застаетъ ассирійская лѣтопись, въ XI-мъ вѣкѣ до Р. Х., племя мушковъ, тогда, разумѣется, иной этнической консистенціи. Когда однако мы находимъ носителей того же племенного названія въ другихъ мѣстахъ по письменнымъ источникамъ позднѣе, это еще не значитъ, что въ реальности ихъ не было въ тѣхъ именно мѣстностяхъ до того момента. Хронологія мушковъ, resp. месховъ ‖ асковъ, насколько она до-историческая, т. е. наиболѣе важная для этногеніи, менѣе всего можетъ быть установлена на основаніи письменныхъ источниковъ. По письменнымъ источникамъ также трудно было бы выяснить и установить площадь первоначальнаго разселенія мушковъ-мошоховъ, какъ и картвеловъ.

---

[1] Нисколько не реально толкованіе самимъ Хоренскимъ этого преданія на почвѣ этимологизаціи: онъ усматриваетъ въ Harq'ѣ нарицательное имя въ формѣ им. падежа мн. числа «отцы» (I, 10). Сохранилась и более древняя въ отношеніи 3-го коренного форма этой основы въ видѣ arg уже со значеніемъ административнымъ въ argapet см. Н. Марръ, Армянскій терминъ arq-ay [«магъ» ‖ «жрецъ» > «жрецъ-вождь» ‖ «жрецъ-царь» > «вождь» ‖] «царь», приложеніе къ протоколу заседанія Отд. Ист. Наукъ и Филологіи 28 янв. 1920 г.

[2] Объ этническомъ значеніи geḷ, основы эпонимнаго имени Geḷ-am, и раннемъ ея появленіи въ письменныхъ документахъ, такъ въ халдскихъ надписяхъ ванскихъ царей и ея переживаніяхъ въ средневѣковой армянской географической номенклатурѣ см. цит. работу: Армянскій терминъ arqay и т. д.

[3] Отъ формы на -or > -ur отъ той же основы — *paskor > pasq-ur ‖ pask·onḑ > pas-unḑ см. Н. Марръ, *Ossetica-Japhetica*. I. Фaqonḑ-ı осетинскихъ сказокъ и яфетической терминъ фaskunḑ «магъ», «вестникъ», «вѣщая птица», стр. 2081 сл. У насъ однако имѣется сомнѣніе, нѣтъ ли случая семасіологической контаминаціи на почвѣ созвучія нашего этническаго термина съ названіемъ птицы, образованнымъ при помощи префикса pa-: pa-skunḑ (ср. skwınϑ-a *воробей* и т. п.).

Какъ то В. Ф. Миллеръ по вопросу писалъ: «остатки мусковъ [мушковъ] въ 8 вѣкѣ и позднѣе живутъ въ восточной части Малой Азіи (Малой Арменіи, Понтѣ), и имя ихъ сохранилось доселѣ въ названіи месховъ, народца картвельскаго (грузинскаго) племени, живущаго въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи»[1]. Нынѣ и по имени почти не живущіе въ Ахалцихскомъ уѣздѣ месхи, дѣйствительно, были не народцемъ, а народомъ громаднаго культурно-историческаго значенія, не меньшаго, чѣмъ расы или урарту. Месхи не теряли еще своего культурнаго значенія и въ средніе вѣка, когда они были грузинизованы, стали частью картвельскаго, грузинско-картвельскаго народа, но раньше эти яфетиды, и лишь постольку родственные съ грузинами-яфетидами, были самостоятельнымъ народомъ. Не остатки мушковъ, а ихъ сородичи, раскинуты по Кавказу, и за его предѣлами, не только на западъ въ Малой Азіи, но и далеко на востокъ, можно было бы думать, въ противоположность двинувшимся на западъ расамъ или урарту, да и на сѣверъ[2]. Во всѣ эти стороны они заносили свое племенное названіе и сохраняли его и тогда, когда, скрещиваясь съ другими племенами яфетической и иной породы, этнически перерождались. Эти месхи имѣютъ занять насъ не разъ въ вопросахъ внѣ-кавказской племенной номенклатуры, связанной съ Кавказомъ. У термина не только какъ слова, но и какъ племенного названія, повторяю, весьма многочисленная родня, но сейчасъ мы останавливаемся лишь на одной кавказской линіи, связанной неразрывно съ Hayk'омъ. Въ этой линіи дѣло не ограничивается номенклатурной связью: ее реально поддерживаетъ пережиточная языковая связь объединяемыхъ общимъ племеннымъ названіемъ народовъ, несмотря на то, что они также успѣли переродиться этнически и отнюдь не говорятъ уже на языкахъ тожественной природы.

IV.

Основа этого этническаго термина и при сохраненіи губного безъ перебоя, въ видѣ ли глухого p или эквивалентныхъ замѣстителей (ƀ—>φ↖ш‖v) означаетъ также свѣтило, какъ и перебойный его эквивалентъ hayk. Въ грузинскомъ mask‖vask, resp. varsk находится въ основѣ слова maskulav-ı‖

[1] Кавказское языкознаніе и вопросы исторической этнографіи Передней Азіи (ЭО, 1906, № 1 и 2, стр. 10).

[2] Но, какъ выяснилось затѣмъ, месхи и на западѣ достигли крайняго предѣла, оставивъ за собой даже расеновъ-урарту Аппеннинскаго полуострова. О яфетическомъ происхожденіи баскскаго языка (предварительное сообщеніе) въ Прилож. къ Прот. Отд. Ист. наукъ и филологіи отъ 28 апрѣля 1920 г., см. ниже, стр. 253.

varsklav-ı *звѣзда*[1]. Въ этихъ разновидностяхъ имѣемъ и mask→masq, отъ которой налицо образованіе по шипящей группѣ съ суффиксомъ -ur — м. masq-ur *гороскопъ* и т. п.

Этнологически и эта разновидность не менѣе важна, такъ какъ vask— основа названія абхазовъ (a-bask → a-vazg).

V.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ Арменіи къ населенію ея прилагались два различныхъ этническихъ термина въ значеніи армянина — hay и hayk, оба въ произношеніи спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, второй кромѣ того съ діалектическимъ закономъ о перебоѣ губного въ спирантъ (p ‖ h ↗q), общимъ у армянскаго съ лезгинскимъ (онцукумскимъ: b ‖ h→-). Населенію той же исторически армянской территоріи не было чуждо и третье, общеизвѣстное названіе армянъ—arm-en, resp. aram-en — въ формѣ этническихъ терминовъ на -ık въ видѣ ram-ık, но въ живомъ народномъ употребленіи — въ лексиконѣ дошедшихъ до насъ двухъ языковъ арменійской группы, кейскаго и рейскаго, это племенное названіе извѣстно лишь въ значеніи соціальнаго термина, названія простонародія. Наконецъ, въ устахъ населяющихъ ту же площадь курдовъ армяне носятъ названіе fēlâ. Есть еще названіе армянъ—грузинское: someq, также этническій терминъ, но сугубый по составу. Каждое независимое названіе по природѣ принадлежитъ одному изъ племенъ, входившихъ въ племенной составъ армянскаго народа. Въ составѣ сложнаго армянскаго этническаго типа, если подходить лингвистически, элементы имѣются различныхъ типологическихъ категорій числомъ не меньше, а больше, чѣмъ число перечисленныхъ названій армянъ. Пока неизвѣстно, какое названіе носило аріоевропейское племя, вошедшее въ этническій составъ армянскаго народа, и гдѣ его искать? Естественно его бы искать въ данномъ нами исчерпывающемъ перечнѣ названій армянскаго народа. Но едва ли эти поиски могутъ намъ дать прямой и положительный отвѣтъ, такъ какъ большинство названій, именно и «армянинъ», и «hайк», resp. hайкидъ (haykazən), и hай и, разумѣется, «сомехъ» не только прилагались первоначально къ племенамъ Арменіи чистой яфетической природы, но они и по корню и по формѣ — этническіе термины яфетическаго происхожденія. Остается одно курдское названіе армянъ — felé (فله), но если даже оно дѣйствительно племенное названіе, а не передача арабскаго соціальнаго термина faʿah, мы этимъ путемъ дойдемъ развѣ до главнаго

[1] Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова margarey пророкъ*, ИАН, 1909, стр. 1156. Ср. Кавказскія племенныя названія и ихъ мѣстныя параллели.

источника иранскихъ аріоевропейскихъ элементовъ въ языкахъ Арменіи, а не до вкладчика основного аріоевропейскаго ихъ слоя[1].

Антропологическое изслѣдованіе, когда оно будетъ произведено исчерпывающе, быть можетъ, намъ дастъ возможность разложить армянскій народъ на пять, если не болѣе типовъ, по числу племенныхъ названій отложившихся въ немъ этническихъ слоевъ. Весьма вѣроятно, такую же поддержку найдутъ многочисленныя племенныя названія армянъ въ соотвѣтственномъ числѣ бытовыхъ типовъ, въ соотвѣтственныхъ категоріяхъ типологическихъ явленій, но какъ быть съ распредѣленіемъ пяти племенныхъ названій армянъ, когда въ нашемъ распоряженіи лишь два основныхъ типа арменійской рѣчи, кейскій и рейскій, два языка Арменіи — кейсій и рейскій.

VI.

Подходя съ точки зрѣнія народнаго самоопредѣленія самихъ армянъ, мы должны были бы рѣшить, что рейскій языкъ, основной слой современной рѣчи армянъ, есть һайскій языкъ, это языкъ һайевъ, какъ называютъ себя современные армяне. Подходя съ точки зрѣнія культурно-историческаго національнаго самоопредѣленія армянъ, выраженнаго лишь въ письменныхъ ихъ источникахъ — въ армянской исторической литературѣ, кейскій, основной слой древнелитературной рѣчи армянъ, есть һайкскій языкъ (һaykakan), это языкъ һайковъ или һайкидовъ, по-армянски — һайказновъ (һaykazən, һaykazun): это они, по-природѣ «һайкорѣчивые» (по-армянски — һaykaƀan'ы), были создателями или основополагателями средневѣковой общественности въ Арменіи, древней армянской христіанской культуры, древней литературы армянъ. Но ясное дѣло, терминъ «һайкскій» (һaykakan) своей простотой такъ же не покрываетъ реально наличнаго древне-литературнаго языка, далеко не идеально чистаго кейскаго, а съ примѣсью и рейской рѣчи, не говоря объ элементахъ другихъ типологическихъ категорій, какъ названіемъ «һайскій» (һayereyn → һayrēn или һayeren) отнюдь не опредѣляется полностью матеріальный составъ современной ар-

[1] «Армянинъ» по-курдски согласно сборнымъ даннымъ словаря Жабы — فله felé, flah (Kl), «одинъ армянинъ» — فلکی (< فلەیکی), «армянскій языкъ» — فلکی زبانی, «армянские деревни» — گوندید فلان, иное какъ будто fallah (SG) *крестьянинъ, христіанинъ*, föllah (S) *христіанинъ*. Можно бы думать, что послѣдніе два — дѣйствительно, فلاح felah, но не созвучныя предшествующія слова, куда примыкаютъ и записанныя I. А. Орбели Ֆըլա՛ fəḷá *армянинъ*, Ֆըլաի fəḷái *армянскій языкъ*, Ֆըլաիստա՛ն Fḷáistán *Арменія*. Этническій терминъ, если бы онъ оказался отличнымъ отъ арабскаго слова, могъ бы быть возведенъ фонетически къ архетипу — *φarϑa, т. е. parϑew'у или пареянину.

мянской рѣчи, насыщенный примѣсью кейской рѣчи, помимо другихъ еще конструктивныхъ для ея реальнаго типа элементовъ. Можно бы не притязать на обхватъ всѣхъ элементовъ, наличныхъ въ двухъ дошедшихъ до насъ реально языкахъ, кейскомъ и рейскомъ, и довольствоваться дать каждому изъ нихъ составное названіе по безспорной скрещенности въ немъ кейской рѣчи съ рейскимъ, это въ древнелитературномъ, или рейской рѣчи съ кейскимъ, это въ современномъ, т. е. можно бы попытаться получить составныя названія ихъ съ постановкой на первомъ мѣстѣ племенного названія, опредѣляющаго основной слой даннаго языка. В такомъ случаѣ такъ называемый древнелитературный армянскій языкъ долженъ былъ называться не просто hайскимъ, а hайк⌜o⌝-hайскимъ, а говорившій на немъ народъ — hайк⌜o⌝hаями (hayk⌜o⌝hay'ями), а такъ называемый современный армянскій языкъ долженъ былъ называться не просто hайскимъ, а hай⌜o⌝hайкскимъ, говорящіе же и говорившіе[1] на немъ — hай⌜o⌝hайками. И послѣднее названіе, дѣйствительно, существовало, и его сохранили грузины, естественно, въ произношеніи сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ. Вѣдь терминъ someq̇ (← son-mesq̇, resp. шon-mesq̇ ‖ san-mask) *сванομесхъ*, не что иное, какъ сибилянтная разновидность *hay-hayk'а *хай⌜o⌝хайка,* будучи гибриднымъ — въ составѣ so- (son), эквивалента термина hay (← hayn), и meq̇ (← mesq̇ ‖ masq̇ ↗ pask → basg → φasq̇), эквивалента термина hayk.

Грузины, слѣдовательно, называли и продолжаютъ называть армянъ не особымъ какимъ-либо этническимъ терминомъ, а тѣмъ, точнѣе, сліянно тѣми двумя терминами, какими армяне раздѣльно пользовались для именованія двухъ арменійскихъ народовъ, hay'евъ (‖ so⌜n⌝'овъ) и hayk'овъ (‖ mesq̇'овъ), отложившихся основными слоями природной своей рѣчи въ двухъ реально сохранившихся языкахъ Арменіи, hайскомъ (hayeren) и hайкскомъ (haykakan). Для Арменіи грузинскій гибридный терминъ someq̇ (‖ *hay-hayk) болѣе реально историченъ и объективенъ, чѣмъ простыя армянскія названія, субъективныя, будетъ ли это по народному самоопредѣленію — hay, или по культурно-историческому, т. е. національному самоопредѣленію — hayk, resp. haykazən ‖ haykazun. Но тотъ же терминъ someq̇ у грузинъ являлся съ извѣстнаго момента камнемъ преткновенія въ отношеніи Грузіи. Имѣя въ краѣ до-историческую давность съ точки зрѣнія національной исторіи и грузинской, и армянской, someq̇ первоначально означалъ гибридное племенное объединеніе или первичнаго населенія Арме-

---

[1] Вѣдь онъ существовалъ и въ древности, какъ самостоятельный языкъ народно, хотя и не литературно.

ніи, чисто яфетическаго, или вторичнаго ея населенія — мѣшанаго уже съ аріоевропейцами, яфетидо-аріоевропейцами. Позднѣе, по мѣрѣ дальнѣйшаго перерожденія части того же со-мехскаго ‖ *hай-hайкскаго населенія въ предѣлахъ Грузіи въ грузинъ, этническій терминъ someq сталъ означать грузинское племя, сохранивъ однако исторически-преемственно первоначальное свое значеніе какъ этническаго термина, наименованія населенія Арменіи. Грузинскій языкъ использовалъ двѣ возможности образованія имени мѣста отъ одного и того же племеннаго названія someq съ помощью двухъ разновидностей окончанія -eϑ ‖ -ıϑ: Somq-eϑ въ значеніи *Арменіи*, а Somq-ıϑ въ значеніи грузинской области, населенной грузинизованными или огрузинившимися someq'ами, хотя Somq-eϑ и Somq-ıϑ формально означаютъ одинаково *Сомехія*, *Сомехская страна* (букв. pl. t.: *«сомехи»*); грузинскій языкъ использовалъ мѣстный суффиксъ мн. числа -ar для образованія названія населенія огрузинившейся Сомехіи — somqıϑ-ar *сомехіецъ* = грузинъ изъ Сомехіи въ отличіе отъ someq *сомехъ=армянинъ*, someq-n *армяне* (им. п. someq-ı, someq-n-ı), и всетаки это не избавило грузинъ отъ смѣшенія терминовъ, а иногда въ связи съ нимъ, при недостаточной ихъ звуковой дифференцированности, и смѣшенія понятій. На той же почвѣ возникло извѣстное лѣтописное преданіе грузинъ, поражавшее при незнаніи всѣхъ этихъ сложныхъ обстоятельствъ метисацій и перерожденій, — преданіе о томъ, что сначала грузины говорили (qarϑvel'ы) по-сомехски, а затѣмъ они стали говорить по-грузински (qarϑulad *«по-картски»* или «по-картвельски»). Но судьбой огрузинившейся части гибриднаго народа «someq» мы сейчасъ не будемъ заниматься, какъ и судьбой огрузинившейся части отложившихся въ гибридизованномъ народѣ someq'ѣ, т. е. son-mesq'ѣ простыхъ по составу народовъ, напр., месховъ или меховъ.

Для насъ важнѣе прослѣдить реально-лингвистическую связь входящихъ въ составъ гибриднаго арменійскаго народа so-meq (son-mesq) ‖ *hay-hayk простыхъ арменійскихъ народовъ hay'евъ [‖ son'овъ] и hayk'овъ [‖ mesq'овъ, resp. mask'овъ ↗ pask'овъ → basg'овъ и т. д.] съ одноименными народами, не подвергшимися гибридизаціи съ аріоевропейскимъ народомъ, именно съ сонами (точнѣе — шонами) или сванами и a-bask'ами → a-bazg'ами или абхазами.

VII.

Пока достаточно отмѣтить одно основное типологическое явленіе для каждаго изъ двухъ обсуждаемыхъ арменійскихъ языковъ, hайскаго ‖ сонскаго и hайкскаго ‖ месхскаго именно образованіе мн. числа: какъ извѣстно, hайскій ‖ сонскій языкъ образуетъ мн. число съ показателемъ множествен-

ности r (почему онъ и названъ рейскимъ), а ḩайкскій || месхскій языкъ — съ показателемъ множественности q (почему его и именуемъ кейскимъ). Намъ сейчасъ нѣтъ надобности входить въ исторію этихъ формативовъ, какъ и въ то, напр., какъ фактически распредѣляется данный образовательный элементъ мн. числа по яфетическимъ языкамъ, господствуя особенно въ нѣкоторыхъ группахъ лезгинскихъ языковъ. Намъ сейчасъ достаточно знать, что образованіе мн. числа на -ar (+ e-ar → + e-r), природное для ḩайскаго || сойскаго (сонскаго) арменійскаго языка, дѣйствительно, раздѣляется съ нимъ сонскимъ или сванскимъ языкомъ, въ которомъ мн. число образуется обычно съ помощью суффикса -ar, а образованіе мн. числа на -q, природное для ḩайкскаго || месхскаго, resp. mask'скаго ↗ баскскаго языка, является существенно характернымъ для образованія мн. числа въ a-bask'скомъ a-basg'-скомъ языкѣ, т. е. опять-таки, дѣйствительно, раздѣляется съ нимъ (ḩайкскимъ языкомъ) абхазской рѣчью.

Болѣе того, въ абхазскомъ языкѣ имѣемъ и тотъ второй уже переднеязычный показатель множественности ϑ̇, который присущъ лишь арменійскому языку ḩaйk'овъ, но не ḩайевъ, причемъ лишь въ опредѣленныхъ косвенныхъ падежахъ, но такъ какъ въ абхазскомъ языкѣ нѣтъ склоненія, то въ немъ два показателя множественности распредѣляются между двумя категоріями иного порядка, именно переднеязычный ϑ̇ усвоенъ разумнымъ предметамъ, а заднеязычный q — неразумнымъ.

Тотъ же переднеязычный показатель множественности ϑ̇, уже десибилованный в видѣ ϑa → ϑ, присущъ и грузинскому, но лишь древнелитературному грузинскому, возникшему среди сои-меховъ, т. е. опять-таки связанъ съ языковой природой племени месховъ || басковъ или, что̀ то же, ḩайковъ.

VIII.

Такимъ образомъ одни и тѣ же племенныя названія яфетическаго происхожденія, самостоятельно или въ гибридномъ объединеніи, носятъ народы различнаго племеннаго состава съ различными языками, какъ то армяне, грузины, сваны и абхазы.

Недоразуменія предупреждаются тѣмъ, что термины успѣли дифференцироваться исторически или по развѣтвленіямъ яфетической семьи. Къ перечисленнымъ разновидностямъ присоединяется еще представитель сибилянтной вѣтви, названія ḩay || so←son, приуроченный къ лазскому племени, въ разновидностяхъ какъ свистящей группы — san, ṭan, ṭen (d̆en), такъ шипящей — *šan, ṭan (d̦en), ṭen и т. п.

IX.

На территоріи позднѣйшей Арменіи племенное названіе hayk также было одновременно и этническимъ терминомъ, наименованіемъ народа, и словомъ, означающимъ свѣтило, здѣсь уже спеціально «Оріонъ» или «созвѣздіе трехъ маговъ», которое, слѣдовательно, и являлось божествомъ народа hayk'овъ. Это передалось преемственно позднѣйшему населенію Арменіи, уже извѣстному подъ названіемъ то армянъ (у иранцевъ, сирійцевъ, грековъ и др.), то hay'евъ (у самихъ армянъ), то someq'овъ (у грузинъ и другихъ народовъ Кавказа), то felé (у курдовъ). Передалось имъ, называвшимъ себя уже хаями (hay-q, hay+e-ar→hay-er), вмѣстѣ съ представленіемъ о Hayk'ѣ, какъ героѣ, вмѣстѣ съ этническими сказаніями о немъ.

Въ семасическомъ отношеніи все вскрытое лингвистической палеонтологіею въ отдаленіи, глубинѣ временъ, съ реальностью и яркостью свѣтилъ, наблюдаемыхъ въ телескопѣ, устанавливаетъ, что Hayk это названіе само по себѣ лишь звѣзды, но звѣзды по преимуществу обращавшей на себя вниманіе и поэтовъ, и ученыхъ, именно Оріона; Hayk это «гигантъ», «титанъ», «исполинъ»[1], прародитель одного племенного слоя армянской націи, именно hayk'скаго, и въ этомъ смыслѣ опять-таки названіе созвѣздія Оріона, оно же названіе героя-исполина племени-примитива, такъ какъ восемь звѣздъ, входящихъ въ составъ этого созвѣздія, представляютъ гиганта съ контурами фигуры, проходящими черезъ пять звѣздъ (λ, α, γ, $\varkappa$, β) при поясѣ изъ трехъ звѣздъ со свѣшивающимся мечемъ въ видѣ двухъ звѣздъ (ϑ, ι), плотно примыкающихъ другъ к другу. Hayk это царь-жрецъ.

Слѣдовательно, по тремъ звѣздамъ Оріонъ долженъ былъ называться три hайка, resp. три маргара ‖ *ʳhˀаркара[2]. Совпаденіе съ этимъ искомымъ, теоретически востанавливаемымъ harkar'омъ слова arkar въ составѣ киргиз-казацкаго названія Оріона иш-arkar *три аркара* вызываетъ сомнѣніе въ народной этимологіи, отожествляющей этотъ астрономическій терминъ съ монгольскимъ словомъ arqar («архар») *баранъ*; это сомнѣніе вызывается отчасти и потому, что терминъ arkar въ его дальнѣйшей разноводности arka (ср. арм. arqay) появляется въ названіи того же созвѣздія у алтайцевъ—Учь-Арка (ср. далѣе — уже мѣстное перерожденіе erek у черневыхъ татаръ — уч-ерек), между тѣмъ ни въ алтайскомъ arka, ни у черневыхъ татаръ erek не означаетъ «горнаго барана», да и по-монгольски «горный баранъ» — архар,

---

[1] Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть признана его діалектическая разновидность, съ окончаніемъ -ar > ay, — həsk-ay (> ʳəˀskay) *исполинъ*.

[2] Г. Н. Потанинъ, *Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ*, Москва 1899, стр. 628, см. Куфтинъ, ц. с., стр. 128.

если и можетъ звучать аркар[1], въ названіи Оріона вовсе и не находимъ[2]. Мы все-таки не рѣшились бы указать на это поразительное совпаденіе, имѣющее видъ случайнаго созвучія, когда матеріалъ сличается изъ такихъ разобщенныхъ и ничего общаго, казалось бы, не имѣющихъ районовъ, какъ киргизскій и яфетическо-аріоевропейскій армянскій міръ, если бы не открытіе на Памирѣ яфетической лингвистической родни (вершики ‖ бурешки), и наличіе въ ихъ рѣчи особой связи съ армянской рѣчью въ элементахъ даже индоевропейскихъ, и если бы яфетическій міръ своими матеріалами не вынуждалъ насъ искать его наслѣдія въ связи съ вопросами о скиѳахъ-сакахъ, о хазарахъ и въ районѣ разселенія киргизовъ[3].

X.

Не будемъ сейчасъ осложнять вопроса, какимъ путемъ это произошло, согласно ли теоріи анимистической или тотемической, но анализъ его эквивалентныхъ основъ pask ‖ mask—>marg намъ уже вскрылъ, что этотъ же терминъ и производные отъ него означали не только *пророка*, *мага*, *волхва*[4], но и *птицу*, *вѣщую птицу*, впослѣдствіи полу-антропоморфизованную птицу *сиринъ*, вообще чудесную птицу[5]. Въ какой мѣрѣ съ тѣмъ первобытнымъ религіознымъ представленіемъ, анимистическаго оно или тотемическаго происхожденія, связано то, что далѣе звѣрь или птица (а не только птица сиринъ), отожествляется съ душой, это также особый вопросъ, но фактъ, что для исторіи семасики эта первобытная психологическая атмосфера имѣетъ громадное значеніе: въ ней именно должны найти дѣйствительное разрѣшеніе многіе наши недоумѣнные, а иногда кажущіеся простыми и легко рѣшаемые вопросы по семасіологіи, а не въ нашихъ

---

[1] Наоборотъ, въ родной средѣ нашъ яфетической терминъ могъ бы звучать и arɋar («архар»), болѣе того, въ немъ звукъ q долженъ былъ пройти эту ступень развитія по исторіи африкатовъ (ḱ > ğ > ɋ).

[2] По-монгольски Оріонъ — «гурба марал» діалектически по нарѣчіямъ а) Кешихтэн — «гурба марыл», б) Найманъ — «гурба мыші», в) Найманъ и Баринъ — «гурба нохоі», г) Дурбут-бэйсэ — «горван нох». (А. Д. Рудневъ, *Матеріалы по говорамъ восточной Монголіи* СПб. 1911, подъ словами «гăрба», «марăл», «нох»), т. е. то «три самки благороднаго олѣня (марал и разновидности)», то «три собаки (нох)».

[3] Потанинъ киргиз-казацкое названіе «уш-аркар» переводитъ (ц. с., стр. 628) «три каменныхъ барана», Куфтинъ (ц. с., стр. 128) — «три горныхъ барана», причемъ этотъ переводъ основанъ на признаніи въ словѣ монгольскаго архар (Куфтинъ, ц. м.).

[4] Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова margarey пророкъ*, ИАН, 1909, стр. 1153 сл.

[5] Н. Марръ, *Ossetica-Japhetica*, I, ц. м., стр. 2079 – 2093, 2094—2096 сл.

гипотетическихъ построеніяхъ о связи понятій[1]. Когда изслѣдователей средневѣковой литературы анализъ апокрифическаго сказанія о волхвахъ приводилъ какъ къ источнику въ армянскую страну, то, какъ лишній разъ видно, нѣтъ дыма безъ огня: помимо связи въ именахъ трехъ маговъ Багдасара, Гаспара и Мелкона, сказаніе, использованное въ христіанской легендѣ, могло, дѣйствительно, имѣть генезисъ въ культурно-исторической средѣ, гдѣ народъ, магъ и свѣтило носили одно и тоже названіе[2]. Но для выясненія этихъ далеко идущихъ нитей, связывающихъ популярную христіанскую легенду съ опредѣленной племенной основой необходимой культурно-исторической среды, требовалось бы, да и теперь не поздно, углубленіе историко-литературнаго анализа съ перенесеніемъ бремени доказательнаго матеріала съ письменныхъ памятниковъ на устные народные источники соотвѣтственной среды. Пересмотръ въ этомъ смыслѣ народной, въ частности сказочной литературы армянъ и сродныхъ съ ними народовъ Кавказа неизбѣженъ и потому, что въ ея матеріалахъ мы видимъ пережитки и того явленія, когда народъ и то или иное животное, четвероногое или пернатое, у армянъ преимущественно какъ будто птица, носятъ одно и то же названіе. Далеко не единственный у армянъ случай съ Torq'омъ, чрезвычайно важнымъ не для кавказской лишь номенклатуры названіемъ. На этотъ случай обратилъ вниманіе Н. Г. Адонцъ[3], между тѣмъ такіе случаи поддерживаются не только народными преданіями, нашедшими слабое или капризное отраженіе у древнихъ армянскихъ писателей, но и современнымъ армянскимъ народнымъ эпосомъ. По яркому выявленію родства имени, отъ племени перешедшаго на олицетворяющаго его героя, съ названіемъ птицы особо выдѣляется одна малоизвѣстная въ литературѣ армянская эпическаго цикла сказка о Мокосѣ, записанная на чарсанчагскомъ нарѣчіи[4]. Въ ней старшій сынъ Мокоса Sın-am носитъ весьма популярное въ сказкахъ названіе чудесной птицы sınama-hawq «птица *Синамъ*»[5], и это же имя героя въ то же время построено безукоризненно правильно по типу яфетическихъ,

---

[1] По всей видимости, соотвѣтственнаго разъясненія ждетъ тотъ фактъ, что г. merϑq̇-al || м. martıq-ol *ласточка* одного корня со словомъ означающимъ «звѣзду» (г. va^r^'skulavı, см. Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова margarey пророк*, стр 1156) и съ терминомъ vask, основой этническаго названія абхазовъ.

[2] Н. Марръ, *Армянскій терминъ arqay* и т д.

[3] *Торкъ — богъ древнихъ армянъ* (на арм. языкѣ) въ Յուշարձան'ѣ, стр. 389—394, см. также Н. Марръ, *Osseticа-Japhetica*, ц. изд., стр. 2096.

[4] *Մոկոս. ժողովրդական վէպ (Չարսանճագի բարբառով. պատմեց Մինաս Բաբար. գրի առաւ Ս. Հայկունի)* [Мокосъ. Народная повѣсть (на чарсанчагскомъ нарѣчіи), разсказалъ Минасъ Бабаръ, записалъ С. Хайкуни], Эчміадзинъ 1896.

[5] См. между прочимъ появленіе птицы Синамъ въ роли иранскаго Симурга (Н. Марръ *Osseticа-Japhetica*, I, стр. 2089).

наличныхъ пережиточно и у армянъ племенныхъ названій съ суффиксомъ -an[1].

XI.

Природа термина hayk, какъ названія армянскаго народа, собственно одного изъ основныхъ слоевъ, отложившихся въ немъ, выступаетъ довольно ярко и въ историческихъ сочиненіяхъ армянъ съ повѣствованіями объ ихъ генезисѣ. Національный историкъ hayk'овъ, повидимому, погибъ: его освѣщеніе сохранилось у Анонима, произведеніе котораго внесено въ начало *Исторіи походā Иракла*, принадлежащей перу Себэоса, и отъ Анонима, или, правильнѣе, сродного съ нимъ источника, изложеніе родословія завѣщанно усвоено Моисеемъ Хоренскимъ.

Произведеніе Анонима цѣнно въ томъ отношеніи, что въ немъ преданіе о мѣшанности армянскаго народа выступаетъ безъ всякихъ прикрасъ, и довольно полно, несмотря на то, что, помимо внесенія библейскихъ элементовъ, мѣсто обезображено дефектностью чтенія.

О мѣшаномъ генезисѣ армянскаго народа, съ hайками въ составѣ, можно дѣлать выводы и по даннымъ Хоренскаго, насколько можно придавать реальное значеніе сообщаемому у него родословію армянъ, насколько постепенно выясняется восхожденіе предложенныхъ имъ списковъ родоначальниковъ армянскаго народа, съ разсказами о нихъ, къ армянскимъ племеннымъ преданіямъ. Достаточно указать въ спискѣ hайкидовъ съ одной стороны на фактъ сліянія арамидовъ или арменидовъ съ hайкидами, съ другой стороны — на схожденіе вмѣстѣ въ родословіи армянскаго народа эпонимныхъ именъ, представляющихъ племенное названіе mask ↗ pask въ разновидностяхъ по различнымъ языкамъ арменійской группы, съ одной стороны по языку спирантной вѣтви — Hayk, Hayk-ak, съ другой по языкамъ различныхъ группъ сибилянтной вѣтви — Pasq-am, то Perṭ[2], то безъ функціональнаго согласнаго k ‖ q, но съ префиксомъ a-: A-mas-eay. Но у Анонима прямое заявленіе о томъ, что съ арамeнидами («родомъ Араменака», azg Aŕamenakay) смѣшались потомки mask'овъ, resp. marsk'овъ, эпонимный герой которыхъ Maseak ‖ Maŕseak обращенъ въ книжно-научной оболочкѣ армянскаго историка въ Marseak'a (Maseak'a), домочадца Авраама, бѣглеца

---

[1] Въ самой сказкѣ вскрывается, что основа имени именно sin: отъ нея, съ озвонченнымъ первымъ коренным — s > z, образованы два имени, одно составное — Zina-qar, другое производное съ префиксомъ ma- — Ma-zin. Для исторіи имени не случайно, что и основа sin > Ʒin означаетъ животное пернатое, у армянъ нынѣ «коршунъ».

[2] О связи perṭ *блестящій* съ той же основой 'vaʳr'sk- *звѣзда*, см. Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго словā margarey пророкъ*, ц. м., стр. 1155, 2.

высланца изъ Дамаска, опять съ использованіемъ созвучія Mask'a, resp. Maseak'a съ Da-mask'омъ [1].

XII.

Любопытно отмѣтить, что въ родословіи и по передачѣ Моисея Хоренскаго, какъ и у Анонима, этнологически важными для состава армянскаго народа племенами являются арамиды и хайкиды, но никакъ не хаи (ḣay-q). Даже въ именахъ родословія ни разу не появляется эпонимъ ḣay, если его представителемъ не считать имени «хой» (Հոյ), разновидности въ такомъ случаѣ племенного названія ḣay, съ перегласовкой «а» въ «о» [2]. Такое ничтожное отраженіе значенія ḣайскаго племени въ основной исторіи армянскаго народа тѣмъ более поразительно, что авторъ, М. Хоренскій, ее, эту исторію армянъ, пишетъ по національному самосознанію его эпохи, сравнительно поздней, какъ исторію хайевъ (ḣay + o-ϑ), да и родословіе въ первой книгѣ онъ даетъ именно «великихъ хайевъ» (ḣay + o-ϑ meṫa-ϑ). Единственнымъ объясненіемъ такому соотношенію сильной заинтересованности Хоренского въ судьбахъ ḣайевъ и слабаго отраженія именно хайскаго родословія въ его трудѣ мы можемъ признать отсутствіе въ армянскомъ народѣ хайскихъ племенныхъ преданій, исчезновеніе изъ народной памяти армянъ традицій того именно племени, названіемъ котораго они сами однако себя величали и величаютъ. Такимъ племенемъ безъ корней въ яфетической по началу этнической и территоріальной средѣ естественнѣе бы всего признать то аріоевропейское племя, которое скрестилось съ яфетическими народами арменійской группы. Для него именно и не досчитываемся мы особого названія. Однако, ḣay || ḣoy, какъ и его эквиваленты по свистящей породѣ so- ← son (→ swan), resp. šon, san (ṫan) || šan (ṫan) и т. д., безспорно яфетическаго происхожденія, и въ нихъ имѣемъ названія такихъ также безспорно яфетическихъ народовъ, какъ сваны и лазы или чаны. И мы должны бы остаться безъ возможности найти какое либо реально-историческое названіе для влившагося въ племенной составъ армянскаго народа аріоевропейскаго слоя, если бы стали упорно исходить изъ казалось бы незыблемаго положенія, что аріоевропейская этническая масса, наличная въ скрещенномъ и антропологически, и лингвистически этнологическомъ типѣ арменійской группы,

---

[1] Трудно предположить, что армянскимъ историкомъ, кромѣ чисто внѣшняго созвучія, руководило дѣйствительное знаніе построенія термина Da-mask (De-mašk-u) || Do-mesk (Da-mešk-, De-mešk || Du-mušk по извѣстной нормѣ яфетической морфологіи. Къ этому термину вернемся особо.

[2] Акад. В. В. Латышевъ обратилъ мое вниманіе на то, что кавказское племенное названіе Χοι извѣстно еще Гекатею.

явилась на арменійскую территорію въ дѣвственно непочатомъ видѣ своего аріоевропеизма и, принесши свое аріоевропейское названіе, въ сохранности передала его всему этническому объединенію Арменіи. Но мы не имѣемъ никакого основанія считать это положеніе незыблемымъ ни съ исторической, если смотрѣть глазами Геродота, видѣвшаго въ армянахъ отселенцевъ фригійцевъ, ни съ этнологической точки зрѣнія, поскольку въ племенной составъ армянскаго народа даетъ возможность заглянуть лингвистическая палеонтологія номенклатуры. Въ составѣ армянскаго народа нѣтъ ни одного племени съ аріоевропейскимъ названіемъ, нѣтъ и племени съ названіемъ фригійскимъ, если даже сочтемъ доказаннымъ, какъ то въ наукѣ принято безъ достаточнаго обоснованія, что фригійцы съ ѳракійцами изначально аріоевропейскіе, вообще чистые аріоевропейскіе народы, хотя бы по языку. При скрещенности племенного состава армянскаго народа, особенно при расовой его гибридности мы въ правѣ бы ожидать и гибриднаго этническаго термина именно отъ перваго момента этногеническаго скрещенія. Впослѣдствіи теряло реальное значеніе двусложное племенное названіе, когда говорившіе на гибридномъ яфетическо-аріоевропейскомъ языкѣ сомехи грузинизовались или среди самаго этого племени, именовавшагося двухсоставнымъ названіемъ so-meq или его спирантной разновидностью *hay-hayk, самосознаніе одного изъ основныхъ вошедшихъ въ составъ этого этническаго объединенія племенъ становилось общенароднымъ и выносило на поверхность именно соотвѣтственное простое племенное названіе, въ данномъ случаѣ hay, взамѣнъ терявшаго реальный смыслъ и потому у себя на родинѣ изчезавшаго, да и исчезнувшаго, гибриднаго термина *hay-hayk. Въ психологическомъ воспріятіи самого народа его племенной составъ, матеріально продолжавшій быть гибриднымъ, становился единымъ, переживъ расщепленіе первичнаго единства племени — примитива отъ гибридизаціи, т. е. получается формула: по субъективному психологическому воспріятію — $A \rightarrow AB \rightarrow A$, по объективному матеріальному положенію дѣла — $A \rightarrow AB \rightarrow A(B)$ или $B(A)$, т. е. формально въ обоихъ случаяхъ — $1 \rightarrow 2 \rightarrow 1$, съ той качественной варіаціею, что первая единица по составу представляемаго тѣла — простая, вторая, что въ концѣ формулы, — сложная (скрещенная). Слѣдовательно, первоначально это двусложное племенное названіе, въ сибилянтной разновидности so-meq, фактически засвидѣтельствованное, несомнѣнно знаменовало и психологически явно матеріальную реальность — наличіе въ именовавшемся такъ народѣ двухъ расовыхъ слоевъ, аріоевропейскаго и яфетическаго, и если однако обѣ части этого двухчленнаго названія являются одинаково яфетическими, то въ моментъ скрещенія по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, или so (← son) или meq (← mesq), была названіемъ уже гибриднаго

аріоевропейско-яфетическаго племени. Такимъ простымъ названіемъ прегнантнаго содержанія намъ представляется именно so ⟵ son, ввиду слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Яфетическое племенное названіе so ⟵ son, какъ мы уже видѣли, фонетически дифференцируясь по различнымъ вѣтвямъ и группамъ яфетической семьи языковъ, служитъ названіемъ этническихъ единицъ различныхъ консистенцій и армянъ (ħay ‖ ħoy) ⟵ ħan-ı ‖ ħon-ı), и свановъ (шon ‖ son ⟵ so), и лазовъ или ч̂ановъ (san ‖ шan[1] ↗ ťan ‖ ṭan, равно ďen ‖ ṭen и т. п.).

2) То же яфетическое названіе son, resp. шon могло перейти, очевидно, и на совершенно ино-расовое племя, и его спирантная разновидность ħoyn (⟵ ħon-ı) ‖ ħuyn (⟵ ħun-ı), она же yoyn изъ yon-ı, эквивалентъ общеизвѣстнаго племенного названія іонянинъ, обратилась въ названіе такого чистаго, по существующему представленію, аріоевропейскаго народа, какъ эллины или греки: армяне иного названія для грековъ какъ yoyn ⟶ yuyn ‖ *ħoyn ⟶ ħuyn и не знаютъ.

3) Всѣ именуемые этимъ племеннымъ названіемъ народы гибридны по составу, и если гибридность одного изъ нихъ, именно свановъ, представляетъ скрещеніе племенъ спирантной и шипящей природы все одной и той же яфетической расы, то съ армянами и лазами или чанами мы находимся уже въ области расовой гибридизаціи: для армянъ доказательство этого положенія на лицо, въ отношеніи чановъ мы въ не столь благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ наличный представитель этого народа лишь пережитокъ слившагося съ аріоевропейскимъ слоемъ того народа, который послужилъ затѣмъ образованію двухъ гибридныхъ разновидностей этническихъ объединеній — ħайской (армянской) на востокѣ и ħонской (греческой) на западѣ. У наличнаго остатка этого этногенически важнаго чанскаго племени, современныхъ чановъ или лазовъ, языкъ проявляетъ двустороннія интимныя связи, съ одной стороны съ ħайскимъ языкомъ, вообще съ языками Арменіи, съ другой — съ греческимъ языкомъ, съ послѣднимъ — обиліемъ греческихъ словъ, иногда даже въ составѣ сложныхъ образованій, оказывающихся лазо-греческими.

4) «Сон» и его разновидности входятъ въ составъ большинства гибридныхъ этническихъ терминовъ яфетическаго Кавказа въ его приморскомъ краѣ и непосредственно примыкающихъ къ нему областяхъ, т. е. въ районѣ, чрезвычайно важномъ для міровой этногеніи, особенно для этногеніи культурныхъ народовъ Запада по связанности Черноморскаго побережья со Средиземноморскимъ міромъ, прежде всего съ Элладою; эти гибридные этническіе

[1] Гурійскія фамиліи San-ık-ı-ďe и Шan-ı-ďe сохраняютъ до нашихъ дней эти двѣ разновидности (шan, san, resp. san-ık) занимающаго насъ племенного названія.

термины съ «сон» или его разновидностями въ составѣ слѣдующіе—swano-kolq̌'и, eger-swan'ы, ber-ǎen'ы и so-meq̌'и. Если пока оставить въ сторонѣ swano-kolq̌'овъ и e-ger-swan'овъ, двѣ разновидности одного и того же по составу входящихъ въ нихъ племенныхъ названій (swan = swan, kol-q̣ ‖ ger-) термина, имѣющаго насъ занять особо, остаются два для насъ чрезвычайно важныхъ этническихъ термина — ber-ǎen и so-meq̌, оба являющіеся племенными названіями по господствующему въ наукѣ представленію чистыхъ аріоевропейскихъ народовъ — грековъ и армянъ. Въ отношеніи армянъ намъ теперь извѣстно, въ какой степени далеки они отъ чистаго аріоевропейскаго типа, если вообще онъ мыслимъ въ живой реальности, какую ярко выраженную гибридизацію аріоевропейской природы съ яфетической представляютъ они и въ рѣчи, въ обоихъ своихъ языкахъ, и въ кейскомъ, и въ рейскомъ. Относительно грековъ яфетидологическая работа лишь начинается, и того, что наблюдено, не торопимся обобщать. Но кавказская этническая номенклатура въ отношеніи обоихъ названныхъ народовъ устанавливаетъ одно и тоже положеніе, вскрываетъ аріоевропейско-яфетическую двусоставность каждаго изъ нихъ: въ грекахъ — ber-ǎen'ахъ ‖ ber-d̂an'ахъ, (отсюда бц. ber-ǎa)[1] — она вскрываетъ скрещеніе иверовъ или иберовъ (ber-) съ чанами или ченами (-d̂an ‖ -ǎen), въ армянахъ — so-meq̌'ахъ — месховъ (meq̌'овъ) съ сонами (→ сванами ‖ санами и т. п.). Расходятся греки съ армянами по двумъ различнымъ яфетическимъ племеннымъ слоямъ, у армянъ — месхскому или hайскому, у грековъ — иверскому или берскому; сближаются они второй частью своихъ названій, прегнантно носящей въ себѣ указаніе на аріоевропейско-яфетическій слой, такъ какъ при всемъ бросающемся въ глаза и воспринимаемомъ слухомъ расхожденіи наличныя въ нихъ племенныя названія ǎen ‖ ǎan и so (son) — лишь частичные представители одного и того же этническаго термина вмѣстѣ съ рядомъ другихъ еще сибилянтныхъ представителей — san ↗ ṫan ‖ šon ↗ ṭon ‖ sen ↗ ṫen ‖ ṭen и т. п., и того же этническаго термина представителями по спирантной вѣтви языковъ, если ограничиться одними лишь основными разновидностями, являются съ одной стороны — han ‖ hon ‖ hen, resp. han-ı ‖ hon-e/ı ‖ hen-ı, откуда и hay, усвоенное какъ національное племенное названіе армянами, уже гибридизованными съ аріоевропейцами, съ другой — yoyn ‖ hoyn ← hon-ı, присвоенные какъ племенное названіе грекамъ. Въ разновидностяхъ ли сибилянтной вѣтви или спирантной, архетипы šon ‖ hon, яфетическія племенныя названія, и являлись прегнантными по содержанію: носители ихъ были двояшки или двуприродны, яфетидо-аріоевропейцы, понятно, если это не

[1] См. Марръ, Кавказскія племенныя названія и ихъ мѣстныя параллели.

переживки яфетическихъ народовъ, реликтовые представители, какъ сваны, а новообразованія, возникшія у открытыхъ міровыхъ переселенческихъ путей, именно у побережья Чернаго моря, на грани, быть можетъ, перваго схожденія аріоевропейскаго этническаго міра съ яфетическимъ.

Само собою понятно, что если армянскій народъ представляетъ цѣлый клубокъ этническихъ скрещеній, то тѣмъ болѣе основаній ожидать многогранности племенного состава въ греческомъ народѣ. Какъ со-мехское ‖ *һай-һайкское по названію армянское скрещеніе, принимая даже прегнантность термина «һай», прикрывающаго собою гибридизацію аріоевропейцевъ съ яфетидами, не исчерпываетъ полноты племенного состава армянъ, такъ и бер-дзенское (*ибер⌜о⌝-чанское) ‖ *иберо-іонское по кавказскому названію греческое скрещеніе, съ параллельной прегнантностью эквивалентнаго яфетическаго термина «дзен» или, что тоже, «іонъ», разумѣется, не исчерпываетъ полноты племенного состава эллиновъ. Эллиновъ съ тѣмъ же райономъ черноморскаго побережья связываетъ и ихъ названія «а-хаи» и «греки», этническіе термины также яфетическаго происхожденія. Вопросъ объ этногеническомъ значеніи яфетидовъ въ возникновеніи эллинскаго народа нельзя разлучать и съ долею участья пелазговъ въ племенномъ его составѣ. Однако это все вопросы, привходящіе въ большую проблему о происхожденіи не только грековъ, но и всего средиземноморского населенія, носителя живыхъ силъ, творцовъ міровой европейской культуры, и насъ здѣсь занять не могутъ даже въ предѣлахъ нашей весьма частичной компетенціи[1].

По части же о хаяхъ въ занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ о племенномъ составѣ армянъ остается указать предметъ племенного культа, тотема и впослѣдствіи бога, которому носившее это названіе яфетическое племя, до гибридизаціи съ аріоевропейцами, поклонялось, отожествляясь съ нимъ или отожествляя его съ собою, въ видѣ-ли свѣтила и животнаго, четвероногаго и пернатаго, или одновременно и четвероногаго и пернатаго, правильнѣе — крылатаго. Исходя изъ лингвистической реальности, мы видимъ, что съ нашимъ племеннымъ названіемъ, болѣе того со многими его разновидностями у яфетидовъ связано представленіе о конѣ. Въ разновидностяхъ сибилянтной породы ṭen служитъ у грузинъ для образованія отыменнаго

[1] Въ видѣ сказки однако я вынужденъ былъ изложить то, что рисуется воображенію яфетидолога и за предѣлами его спеціальнаго міра въ докладѣ, прочитанномъ на ученомъ собраніи Академіи Исторіи Матеріальной Культуры—«Кавказъ и третій этническій элементъ въ Средиземноморской культурѣ», да и на такое изложеніе рѣшился я, когда въ томъ мірѣ оказался живой яфетическій народъ — баски, что было яфетидологически вскрыто и опредѣлено послѣ того, какъ настоящая замѣтка не только возникла, но получила окончательную отдѣлку, см. выше, стр. 239.

глагола, ṭen-eb-a означающаго «гнать *коня* (ṭen)», т. е. ṭen означало «конь». «Лошадь» же означала и разновидность той же основы съ звонкимъ представителемъ 1-го коренного ďen, какъ то находимъ во второй части гибриднаго племенного названія грековъ — ber-ďen: отъ этой разновидности, съ потерею носового исходнаго согласнаго въ армянскомъ мы имѣемъ ďı *лошадь*. Разновидность той же основы съ удвоеніемъ перваго коренного средней уже звонкости ǯ, именно ǯq̇ налицо въ грузинскомъ словѣ ǯq̇en *лошадь*. Параллельно такому использованію сибилянтныхъ разновидностей въ значеніи *лошади*, нами не исчерпанному, наблюдается употребленіе спирантныхъ представителей въ томъ же значеніи, такъ hon-e←hun-e у древнихъ грузинъ означало *коня*, вообще *лошадь* (отсюда г. unagır, св. hun-gır *сѣдло*); «коня» означало и слово *hen-ı, откуда др.-лит. терминъ армянъ heyn-q *наѣздъ*, «разбойничій наѣздъ», букв. «кони» (ср. др. л. арм. asp-atak отъ п. asp *лошадь*)[1]. Такимъ образомъ слово hay (←han-ı), племенное названіе, одновременно могло означать *коня*, и такъ могло именоваться у нихъ не свѣтило Оріонъ, а другое созвѣздіе: было ли это созвѣздіе «Пегасъ», раньше называвшееся у Птолемея Конемъ (Ἵππος), или, какъ у киргизовъ, звѣзды Медвѣдицы[2], или созвѣздіе Возницы, у hайевъ именовавшееся, можетъ быть, терминомъ «Кони», мы сейчасъ не спѣшимъ рѣшать по различнымъ соображеніямъ. Прежде всего насъ смущаетъ неразъясненность связи греческаго термина Ἡνίοχος *возница*, какъ названія созвѣздія. Если такое пониманіе термина есть, дѣйствительно, плодъ греческой этимологизаціи надъ унаслѣдованнымъ отъ яфетидовъ словомъ henıoq̇, то послѣднее въ качествѣ названія свѣтила, хотя бы и *созвѣздія Возницы*, на яфетической почвѣ могло означать «кони»: henı-oq̇ есть правильное мн. число съ показателемъ множественности q̇ при огласовкѣ o, отъ hen-ï, прототипа армянской основы heyn въ разобранномъ выше словѣ heyn-q[3].

Съ другой стороны, представленіе о «конѣ», сравнительно позднее для

---

[1] Теперь, слѣдовательно, мы не можемъ уже раздѣлять утвержденія I. А. Орбели «разумѣется, въ дѣйствительности по происхожденію это hone, hune не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ племени» (ц. с., стр. 215), притомъ именно потому, что найденъ, какъ то предпочтительно I. А—чъ склонялся признать правильнымъ, «болѣе желательный и болѣе рѣшающій выходъ» для объясненія этническаго термина ἡνίοχοι, чѣмъ греческая этимологизація съ отожествленіемъ ἡνίοχοι *возница* (ц. с., стр. 210), причемъ открывается и та почва, на которой греки «имѣли достаточное основаніе признать въ созвучномъ названіи сосѣдняго племени свои слова *поводья*, *вожжи*, а затѣмъ и *возницы*» (ц. с., стр. 215).

[2] Чоканъ Валихановъ, Сочиненія (Зап. И. Р. Г. Общ. отд. этн., т. XXIX, стр. 19); Б. А. Куфтинъ, *Календарь и первобытная астрономія киргиз-казацкаго народа* (ЭО, кн. CXI—CXII, 1916, № 3—4, стр. 126: «двѣ крайнихъ звѣзды Малой медвѣдицы — бѣлая и сивая лошадь: Ак-боз-ат и Кок-боз-ат».

[3] Подробности см. еще Н. Марръ, *Кавказскія племенныя названія и мѣстныя параллели*, § 8.

начальныхъ, этногеническихъ эпохъ яфетическаго міра, набѣгающее теперь въ лексическихъ матеріалахъ въ связи съ племеннымъ названіемъ hay, можетъ быть вторичной замѣной иного существа, также быстро и плавно бѣгущаго или текущаго. Корню разбираемаго этническаго термина природно присущее значеніе «течь», «плавить», «расплавляться», «бѣгать», «гнать» и т. п., и по связанности ли съ этими корнями или съ дѣятельностью народа-металлурга, наше племенное названіе, какъ уже извѣстно, означаетъ и металлъ, именно «желѣзо», также объединяющее у яфетидовъ «землю» съ «небомъ», называющимся прямо-таки *желѣзомъ*, и небесныя явленія съ предметами, если можно такъ сказать, матеріальной культуры, что впрочемъ наблюдаемъ въ семасикѣ не только нашего этническаго термина, да и его разновидностей, такъ, напр. шan-ϑı→шan-ϑ *молнія* (арм.), и *раскаленное желѣзо* (арм., г.), *искра* (арм.), но и другихъ яфетическихъ названій, напр., отъ mes-q̇ ‖ mes-t — me-q̇ (→*meʳhˀ-q̇) *громовая стрѣла*, *громовой ударъ* и meq̇ *гвоздь*, спец. *мѣдный гвоздь* (арм., п. میخ), а также, казалось бы, безъ функціональнаго конечнаго согласнаго q̇ — mıs *медъ*, но терминъ этотъ, весьма распространенный также на Западѣ, и представленный въ рядѣ особыхъ разновидностей, требуетъ освѣщенія съ подходомъ отъ другихъ матеріаловъ. Здѣсь отмѣтимъ лишь безспорный фактъ: племенное названіе, означающее въ одной разновидности — Hayk *Оріонъ*, въ другой разновидности meq̇ означаетъ *гвоздь*, что бросаетъ примиряющій насъ свѣтъ на появленіе одного и того же слова у армямъ bewer въ значеніи *гвоздя*, а у курдовъ péwör («պեւո̈ր», péwår = «պեւա̈ր», péwrən = «պեւրէն») въ значеніи Оріона. Или еще племенное названіе, уже занимающее наше вниманіе, означая *коня* или *коней*, означаетъ и «молнію», и какъ будто словесно подводитъ насъ къ громоносной или, точнѣе, молніеносной колесницѣ, въ этотъ разъ—уже окрещеннаго въ библейское имя Ильи пророка. Вообще въ развитіи яфетической семасіологіи въ части такихъ доисторическихъ терминовъ приходится держаться больше связи образовъ, чѣмъ связи понятій. Самое представленіе о лошади, вызываемое словомъ hune у грузинъ въ литературныхъ памятникахъ, рисуетъ особо быстрое животное, оно приближается къ представленію, вызываемому терминомъ гaш→гaј, въ кавказскихъ сказкахъ означающимъ «крылатаго коня», терминомъ также яфетическаго этническаго происхожденія громаднаго распространенія. Съ заднеязычнымъ показателемъ множественности это племенное названіе, уже гaшq, въ перестановкѣ, какъ въ названіи рѣки Аракса — гaqш отъ яфетидовъ заимствовано и въ значеніи коня иранцами: это чудесный конь иранскаго этническаго героя Рустема, а за тѣмъ вообще «лошадь». При дальнѣйшихъ палеонтологическихъ изысканіяхъ въ яфетическихъ матеріа-

лахъ можетъ вскрыться, что животное тотемъ хайскаго племени было порвоначально не «конь», даже не «крылатый конь», а какая либо «птица»[1].

Словомъ, heniоq̇'ы и ихъ тезки хаи (hayq) въ эпохи чистаго ихъ яфетидизма назывались такъ, и тѣмъ же названіемъ ихъ именовался предметъ ихъ культа, тотемъ, крылатое животное — кони или крылатые кони (или птица?), и то или иное свѣтило небесное, созвѣздіе Пегасъ или созвѣздіе Возница.

Этотъ культъ однако не былъ донесенъ до армянской почвы хаями, утратившими его, надо полагать, въ процессѣ гибридизаціи съ аріоевропейцами, во всякомъ случаѣ намъ пока не удается уловить ни его отложенія въ родословіяхъ армянскихъ историковъ или въ христіанской терминологіи, ни его пережитковъ въ армянскихъ народныхъ сказкахъ. Съ затемненіемъ преданія о свѣтилѣ, тотемѣ этого народа, не находятся ли въ согласіи болѣе поздніе тотемные его же представители и въ металлахъ — желѣзо и въ животныхъ — лошадь? Остается теперь не менѣе важный, если не болѣе, для Кавказа, тотъ, уже третій племенной составъ армянскаго народа — подлинно армянскій, съ которымъ въ этнической связи находятся святыни karap-et ‖ kerp, также одно время названія племенного бога. Но здѣсь придется вскрыть явленіе обратное съ участью термина hayk ‖ mesq̇: переходъ на армянъ племенного названія подлинныхъ грузинъ.

Н. Марръ.

---

[1] Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ считаться и съ тѣмъ, что позднѣе этническій терминъ понимали какъ «конь», и съ этимъ связано не только названіе рѣки Ἵππος, по-грузински — Ӡq̇enis-ṫḳal-ı, но и, какъ указалъ любезно В. В. Латышевъ, горъ — Ἱππικὰ ὄρη.

По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргиштія [1].

Время начертанія нашей надписи легко опредѣляется временемъ царствованія упоминаемаго въ ней ванскаго правителя. Если это былъ Руса II, то памятникъ датируется серединою VII вѣка до Р. X., такъ какъ Русу II обычно отождествляютъ съ тѣмъ Русою, о которомъ говоритъ Ассурбанипалъ, принявшій его посольство послѣ разгрома Элама, имѣвшаго мѣсто около 655 года. Но Руса II, современникъ Ассурбанипала, называетъ себя сыномъ Эримена [2], тогда какъ авторъ изслѣдуемой надписи именуетъ своимъ отцомъ Аргиштію. Въ текстѣ Макинской надписи имя Русы сопровождается поясненіемъ Ar-giш-te-q̇i-ni-ше, то есть тѣми же самыми знаками, которые на другихъ ванскихъ надписяхъ, напримѣръ Атамханской, поставлены послѣ имени царя Сардура [3]. Слѣдовательно Руса Макинской надписи не тождественъ съ Русою II, а представляетъ собою другого ванскаго правителя и, повидимому, брата Сардура II, значитъ дядю его сына Русы I, и въ такомъ случаѣ давность памятника отодвигается вглубь на цѣлое столѣтіе, ко временамъ, примѣрно, ассирійскаго Саргона; самая хронологическая послѣдовательность ванскихъ Русъ мѣняется на еди-

[1] Текстъ Макинской надписи опубликованъ въ 1912 году Sayce'омъ въ JRAS (The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland), въ статьѣ подъ заглавіемъ A new Vannic Inscription, и нынѣ подробно съ лингвистическими объясненіями разбирается Н. Я. Марромъ въ настоящемъ томѣ ЗВО, въ особомъ изслѣдованіи «Надпись Русы II изъ Маку». Помѣщаемая здѣсь моя замѣтка была доложена 27 апрѣля 1920 г. въ засѣданіи Разряда археологіи Кавказа и яфетическаго міра Россійской Академіи Исторіи Матеріальной Культуры.

[2] Мат. по Арх. Кав., вып. V, стр. 69, Армавирская надпись, и тамъ же, на стр. 122, статья «Кёланы-Кирланы».

[3] Ц. с., Атамханская надпись, стр. 115, стк. 2.

ницу, причемъ современникъ Ассурбанипала обратится уже въ Русу III, такъ какъ до него царствовало въ Ванѣ не менѣе двухъ Русъ[1].

Такая перемѣна въ общепризнаваемой до сего времени хронологіи ванскихъ правителей отразится и на опредѣленіи времени нѣкоторыхъ другихъ халдскихъ памятниковъ, потому что не одна только Макинская надпись принадлежитъ Русѣ, сыну Аргиштія; ему же принадлежитъ, напримѣръ, надпись церкви Зовартноцъ[2], давность которой отодвинется также на столѣтіе.

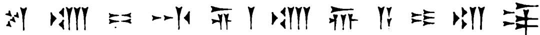
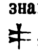
Измѣненіе въ датировкѣ памятника, и тѣмъ болѣе письменнаго, можетъ имѣть существенное значеніе. Клинопись, при ея чтеніи, возбуждаетъ многія сомнѣнія, и постоянно приходится прибѣгать къ сравненію съ другими надписями для уясненія смысла изучаемой. Между тѣмъ такой промежутокъ времени, какъ столѣтіе, могъ отразиться на составѣ словъ и даже на грамматикѣ. Живая рѣчь мѣняется внутренними переживаніями и внѣшними заимствованіями: въ частности и въ нашемъ памятникѣ встрѣчается знакъ, до сего времени не попадавшійся въ халдской клинописи, но сходный съ ассирійскою. Тѣмъ осторожнѣе нужно быть при параллельномъ изученіи нѣсколькихъ текстовъ, обращая больше вниманія на тексты имъ современные. Поэтому надписи Русы, сына Эримена, уже не могутъ служить главнѣйшимъ матеріаломъ для объясненія Макинской, и отойдутъ на второе мѣсто, предоставивъ первое текстамъ Аргиштія и его сыновей, Русы и Сардура II. Это въ особенности отразится на послѣдующемъ толкованіи термина urі, неяснаго въ Макинской надписи, но въ значительной мѣрѣ объясняемаго сравненіемъ съ текстомъ Сардарабадской, и такое сравненіе будетъ еще обоснованнѣе, если мы въ авторѣ послѣдняго памятника, царѣ Аргиштіи, признаемъ отца упоминаемаго въ Макинской надписи Русы. Вмѣстѣ съ тѣмъ для уясненія текста желательно обратить вниманіе на всякія подробности, хотя бы, на первый взглядъ, и не существенныя; между прочимъ, можетъ имѣть значеніе указаніе на обнаруженіе Макинской надписи при постройкѣ моста, очевидно вблизи рѣки, и на обнаруженіе ея въ развалинахъ древняго города въ предѣлахъ Макинскаго ханства, а не въ царской резиденціи Тушпѣ (Ванѣ)[3].

[1] По халдскимъ клинописямъ удается прослѣдить династію царей Вана въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ отца къ сыну, а именно: Лутипри, Сардуръ (около 830 г.), Ишпуини, Менуа, Аргиштій, Сардуръ (около 745 г.), Руса (около 715 г.). Засимъ, послѣ нѣкотораго перерыва, слѣдуютъ: Эрименъ, Руса (около 655 г.), Сардуръ (около 645 г.). Упоминается еще одинъ Аргиштій (около 710 г.). Очевидно имъ заполняется, можетъ быть и не всецѣло, указанный перерывъ, поэтому М. В. Никольскій считаетъ его сыномъ Русы. Въ этотъ перечень нужно включить еще нашего Русу, помѣстивъ его рядомъ со вторымъ Сардуромъ. Такимъ образомъ въ приведенномъ, можетъ быть еще не полномъ, спискѣ попадаются два Аргиштія, три Сардура и три Русы. Ср. М. В. Никольскій въ Древ. Вост., т. I, вып. 3.

[2] В С. Голенищевъ — «Надпись древне ванскаго царя Русы II», въ ЗВО, т. XIII, стр. 086.

[3] Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 1-3.

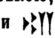
Въ Макинской надписи Руса выступаетъ въ обликѣ мирнаго правителя, сооружающаго храмъ для прославленія боговъ и себя. Онъ упоминаетъ въ текстѣ лишь существа высшаго порядка: божественную троицу, включающую національнаго бога Халда, засимъ иноземнаго, но акклиматизировавшагося, по словообразованію родственнаго Эламу, бога Теишбу «владыку вишапа» - «царь-рыбу» и бога Солнце (Ардини или Арди). Къ нимъ присоединяются другіе боги безъ особаго поименнаго ихъ перечисленія, просто «боги многіе», а потомъ самъ царь. Для этихъ высокихъ особъ сооруженъ въ Макинскомъ ханствѣ храмъ, увѣковѣченный сохранившеюся надписью. Такой характеръ текста въ значительной мѣрѣ объясняетъ многія его особенности и подтверждаетъ, такъ сказать, наличіе культурныхъ заданій въ работѣ ванскихъ правителей. Изслѣдователь халдскихъ клинописныхъ памятниковъ М. В. Никольскій пришелъ къ заключенію, что Аргиштій направлялъ всю свою энергію на исполненіе самыхъ неотложныхъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ предпріятій; онъ, Аргиштій, не нашелъ времени и силъ для сооруженія храмовъ, что осталось на долю его «преемника»[1]. Ознакомившись съ Макинскою надписью, мы можемъ сказать, что созидательная «культурная» дѣятельность выпала на долю его ближайшихъ «преемниковъ», потому что и Руса, сынъ Аргиштія, занимался сооруженіемъ не однихъ только, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, построекъ. Такимъ образомъ, Макинская надпись принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ изъ открытыхъ до сего времени ванскихъ письменъ, указывающихъ на мирную культурно-культовую работу, и въ этомъ ея особая цѣнность.

Въ Макинской надписи останавливаетъ на себѣ особое вниманіе седьмая строка
Въ концѣ строки стоитъ различно толкуемый и впервые встрѣчающійся въ халдскихъ клинописяхъ знакъ . Н. Я. Марръ допускаетъ двоякое его объясненіе, въ зависимости отъ чего и приводитъ двойной переводъ этого мѣста. По одному толкованію, знакъ могъ образоваться изъ соединенія двухъ знаковъ: одного , означающаго ра, и другого , означающаго і. Если первый изъ нихъ наложить на второй, то и получится помѣщенное въ подлинникѣ сложное начертаніе. Въ этомъ случаѣ идеографическое выраженіе будетъ означать ра + і или ра - і, поставленное подъ титломъ, которое раскрывается полнымъ словомъ ра - tar - і, что значитъ «городъ». По второму толкованію, болѣе простому и потому легче пріемлемому, знакъ не представляетъ собою никакого условнаго сокращенія,

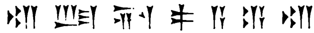
[1] Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 60-61.

а является совершенно особымъ начертаніемъ, встрѣчающимся въ ассирійской клинописи именно въ этомъ самомъ видѣ и въ значеніи tur «малый». Послѣднее толкованіе легче подходитъ къ тексту Макинской надписи, тѣмъ болѣе, что tur не ассирійское природное слово, а иноземное, яфетическое, попавшее въ ассирійскую клинопись, повидимому, путемъ заимствованія. И самъ Н. Я. Марръ предлагаетъ первое толкованіе «съ большою нерѣшительностью».

Если мы остановимся на второмъ толкованіи и будемъ понимать знакъ въ буквальномъ его смыслѣ по ассирійскому силлабарію, то послѣднія два слова получатъ ясный переводъ   то есть urbs tur, что значитъ «городъ малый».

Какъ интересную особенность, соединяющую оба толкованія, можно отмѣтить общность понятія, выражаемаго словами, съ одной стороны, tur и patara, съ другой стороны urbs и patarı. Дѣло въ томъ, что отъ яфетическаго корня ptr имѣется грузинское patar-a, «малый»-«маленькій», равнозначущее яфетическому слову ассирійской рѣчи tur «малый». Въ то же время въ халдской клинописи встрѣчается свое patarı, до сего времени понимаемое всѣми халдовѣдами въ значеніи «города», равнозначущее не родственному начертанію urbs[1]. Такимъ образомъ tur и patarı въ общемъ объемѣ яфетической рѣчи имѣютъ внутреннюю связь: patara соединяется съ tur, а patarı, при данномъ его толкованіи, соединяется съ идеограммою urbs. Впрочемъ эта интересная подробность не отражается, мнѣ кажется, на Макинской надписи, такъ какъ все же въ конечномъ своемъ значеніи халдской рѣчи оба слова различны по смыслу: «городъ» и «малый» означаютъ собою два совершенно различныхъ понятія. Къ тому же, толкованіе знака какъ попытки, не встрѣчающейся въ другихъ надписяхъ, идеографически представить звуковой составъ слова «городъ» (patarı) осложняется еще тѣмъ, что передъ нимъ стоитъ вполнѣ ясное начертаніе , несомнѣнно выражающее идеограмму именно «города», и тогда у насъ получится натянутый переводъ, состоящій изъ повторенія двухъ сходныхъ словъ «городъ городъ». Кромѣ того, идеограмма, означающая «городъ», и послѣднее слово седьмой строки, въ случаѣ его чтенія въ томъ же значеніи «города» patarı, даютъ неправильное построеніе фразы, не соотвѣтствующее тому, которое имѣется въ концѣ надписи на шестнадцатой строкѣ, гдѣ находимъ ясный образецъ размѣщенія словъ въ сочетаніи съ наименованіемъ города. Тамъ мы встрѣчаемся совсѣмъ съ другою разстановкою, а именно названіе города стоитъ не передъ двумя одинаковыми знаками а между

[1] Н. Я. Марръ—«Надпись Русы II изъ Маку», стр. 8-9.

ними и значится «[d]городъ Тушпа [i]городъ», то есть «Тушпа — градъ» «Tuшpa — māni», а не «Тушпа [i]городъ [d]городъ».

Въ другихъ памятникахъ попадаются единичныя идеограммы, стоящія передъ названіемъ города, какъ это мы видимъ въ Ганлиджинской и Даш-Керпинской надписяхъ[1]; встрѣчается и слово patari послѣ имени города, какъ это сдѣлано въ надписяхъ Мелазгердской и Зовартноцкой, но два одинаковыхъ по смыслу термина должны были бы раздѣлиться собственнымъ именемъ такъ же, какъ двѣ идеограммы разъединились названіемъ города Тушпы. Между прочимъ, въ надписяхъ Зовартноцкой и Мелазгердской помѣщена именно такая разстановка словъ съ patari на концѣ и детерминативомъ впереди, а въ серединѣ названіе: urbs Tu-uш-pa-e pa-ta-ri[2].

Къ изложенному рѣшаюсь присоединить и свои сомнѣнія относительно правильности перевода patari словомъ «городъ». Нѣкоторая моя нерѣшительность вызвана стойкостью специалистовъ, не сомнѣвающихся въ правильности такого перевода. Но сомнѣнія мои заключаются въ томъ, что слово pa-ta-ri попадается въ очень немногихъ надписяхъ и В. С. Голенищевъ, разбирая въ 1900 году Зовартноцкую надпись[3], нашелъ такое слово только въ изданной Шейлемъ Мелазгердской надписи[4], изслѣдованной затѣмъ въ 1910 году М. В. Никольскимъ[5], при чемъ оба, и В. С. Голенищевъ и М. В. Никольскій, читаютъ клинописные знаки какъ pa-ta-ri и переводятъ ихъ словомъ «городъ». Шейль употребилъ въ переводѣ то же самое слово «городъ», но клинописные знаки растолковалъ иначе: первый знакъ pa онъ отбросилъ, а второй прочелъ невѣрно. Въ итогѣ получилось dup-ri или um-ri. Шейлю хотѣлось на этомъ мѣстѣ видѣть терминъ, равнозначущій идеограммѣ urbs: его онъ и перевелъ. Между тѣмъ, у насъ имѣется другой принципъ толкованія, это — лингвистическій анализъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Зовартноцкой надписи, такъ же какъ и въ Мелазгердской, pa-ta-ri стоитъ послѣ Tu-uш-pa-e, передъ которымъ поста-

---

[1] Ганлиджинскую надпись см. Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 89; Даш-Керпинскую см. Н. Я. Марръ — «Надпись Сардура II въ Даш-Керпи», Зап. Кав. Муз. 1919 г., стр. 28.

[2] М. В. Никольскій — «Клинообразная надпись изъ Мелазгерда», ЗКО, т. VI, стр. 182-184; Н. Я. Марръ — «Матеріалы по халдской эпиграфикѣ изъ команд. I. А. Орбели въ Турецкую Арменію», ЗВО, т. XXIV, стр. 100, 101 и 111; A. H. Sayce — «The cuneiform inscriptions of Van», p. 483, 519.

[3] В. С. Голенищевъ — «Надпись древне ванскаго царя Русы II», въ ЗВО, т. XIII, стр. 026.

[4] Scheil — «Inscription vannique de Mélasgert», въ Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptienne et assyrienne, за 1896 г.

[5] ЗКО, т. VI — «Клинообразная надпись изъ Мелазгерда».

вленъ обычный знакъ , и если здѣсь pa-ta-ri имѣетъ дѣйствительно тождественное съ идеограммою значеніе, то по общей системѣ халдской клинописи непонятно, почему авторъ текста измѣнилъ принятому стилю, поставивъ рѣдко встрѣчающееся слово вмѣсто характерной идеограммы, сказавъ urbs Tu-uш-pa-e pa-ta-ri, вмѣсто urbs Tu-uш-pa-e urbs.

Возникаетъ вопросъ: не скрывается ли въ этомъ рѣдкомъ для халдской клинописи словѣ тотъ же самый яфетическій терминъ, который у яфетическихъ народовъ образованъ отъ корня ptr въ значеніи «малый»? Тогда и самое слово халдскихъ надписей pa-ta-ri, въ общемъ яфетическомъ его смыслѣ, могло бы въ Зовартноцкой надписи имѣть такое же значеніе какъ грузинское patar-a, армянское puṭur, оттѣняя текстъ надписи urbs Tu-uш-pa-e pa-ta-ri, означающій «городъ Тушпа малый», можетъ быть даже совсѣмъ другой городъ, названный такъ въ отличіе отъ столицы. Въ такомъ случаѣ, переводъ знака въ Макинской надписи терминомъ tur совпадетъ съ болѣе сложнымъ объясненіемъ спорнаго знака сочетаніемъ pa-i подъ титломъ.

Допустимость подобнаго толкованія подтверждается, мнѣ кажется, тѣмъ, что общепринятый переводъ термина patari все же представляется предположительнымъ и М. В. Никольскій, разбирая текстъ надписи изъ Мелазгерда и ссылаясь лишь на четыре памятника, а именно на упомянутую выше Зовартноцкую надпись и еще на три другія надписи, найденныя Бельномъ и Леманномъ въ Турецкой Арменіи, находитъ значеніе этого термина «въ смыслѣ города наиболѣе подходящимъ»[1]. При такихъ условіяхъ, казалось бы вполнѣ возможнымъ не придерживаться объясненій халдовѣдовъ и въ переводѣ слова patari предпочесть обоснованное на лингвистическихъ фактахъ чисто яфетидологическое толкованіе, тѣмъ болѣе, что разсужденія Шейля о необходимости присвоенія ошибочно прочтенному имъ слову dupri именно значенія «городъ» въ виду того, что dupri (patari) поставлено за именемъ города, замѣняя идеограмму urbs, будто бы всегда слѣдующую за этимъ именемъ, не точно: помѣщеніе двухъ идеограммъ, одной впереди, а другой послѣ наименованія города, не обязательно (Ганлиджинская и Даш-Керпинская надписи). Интересно тутъ же замѣтить, что въ Ганлиджинской надписи, послѣ словъ urbs Ir-da-ni-u-ni, стоитъ созвучное pa-ta-ri слово pa-ri, переводимое М. В. Никольскимъ «отъ» и не связываемое съ самимъ названіемъ города.

Остановившись на приведенномъ толкованіи urbs tur, буквально «городъ малый», обратимся къ предшествующимъ словамъ, помѣщеннымъ въ началѣ

[1] Тамъ же.

седьмой строки, . Первое изъ нихъ, te-ru-bi сомнѣнія не возбуждаетъ: это глагольная форма въ первомъ лицѣ «я довелъ до конца» «я докончилъ»; второе, ti-ni, толкуется различно, какъ производное отъ глагола t «говорить», въ данномъ случаѣ «называемый» (called), или какъ образованное отъ существительнаго te || ti «голова», въ значеніи притяжательнаго мѣстоименія «свой», здѣсь «къ себѣ». Перваго объясненія придерживается Сэйсъ[1], ко второму объясненію склоняется Н. Я. Марръ при толкованіи этого слова въ данномъ контекстѣ[2].

Для уясненія смысла этого знака можетъ имѣть значеніе то, что онъ встрѣчается въ томъ же самомъ начертаніи не только въ седьмой строкѣ, но и ниже, въ двѣнадцатой строкѣ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ переводъ его ясенъ. Тамъ ti-ni стоитъ передъ глаголомъ ma-nu-ni и въ переводѣ значитъ «для себя сдѣлалъ». Частичка ni въ глаголѣ ma-nu-ni указываетъ на третье лицо «онъ сдѣлалъ», а въ существительномъ и мѣстоименіи означаетъ особый придатокъ, характеризующій принадлежность «для». Въ этомъ смыслѣ Н. Я. Марръ, ссылаясь на примѣры изъ языковъ мегрельскаго и сванскаго, объясняетъ встрѣчающіеся въ текстѣ въ строкѣ тринадцатой Ru-sa-a-ni и въ строкѣ двѣнадцатой , переводя послѣднее «для себя»; первое въ переводѣ значитъ «для Русы». Разница въ строкахъ седьмой и двѣнадцатой заключается только въ томъ, что то же ti-ni сопровождается разными глаголами, въ первомъ случаѣ te-ru-bi, а во второмъ ma-nu-ni, при чемъ ti-ni въ седьмой строкѣ стоитъ послѣ глагола, а въ двѣнадцатой передъ нимъ. Повидимому, такая разстановка значенія не имѣетъ, а потому, если за одинаковымъ начертаніемъ того же ti-ni сохранить то же значеніе, придаваемое ему окончаніемъ ni, означающимъ принадлежность «для», то переводъ текста клинописи Макинской надписи будетъ въ первомъ случаѣ «для себя я докончилъ», а во второмъ «для себя онъ сдѣлалъ».

Впрочемъ, наше заключеніе было бы ошибочно, если бы мы падежное окончаніе царскаго имени въ концѣ Макинской надписи объяснили бы исключительно наличіемъ въ текстѣ слова ti-ni. При параллельномъ изученіи настоящей надписи съ текстами другихъ ванскихъ надписей, мы легко убѣдимся, что имена ихъ авторовъ въ концѣ письменнаго памятника обычно снабжаются тѣмъ же знакомъ внѣ зависимости отъ наличія въ текстѣ

[1] Sayce—«A new Vannic Inscription». То же значеніе придаетъ слову ti-ni В. М. Никольскій. См. Армавирская и Сардарабадская надписи въ Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 50, 55.

[2] «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 31-33, 45-46, от. от.

слова ti-ni. Это вполнѣ подтверждается сравненіемъ съ опубликованными М. В. Никольскимъ надписями[1], хотя бы съ Каракалинскою надписью. Тутъ поставлено Ar-gi-iш-ti-ni съ титуломъ царя и указаніемъ на его мѣстопребываніе въ городѣ Тушпѣ, то есть съ тѣми же дополненіями какъ и въ Макинской надписи, но безъ слова ti-ni, что не мѣняетъ, а лишь подтверждаетъ приведенное выше толкованіе: имя царя съ окончаніемъ 𒉌 такъ же какъ и отдѣльно взятое ti-ni, съ тѣмъ же конечнымъ знакомъ, оба независимо другъ отъ друга, какъ при взаимномъ сочетаніи въ Макинской надписи, такъ и безъ него въ Каракалинской, свидѣтельствуютъ объ особо выражаемомъ ими характерѣ принадлежности, отмѣчаемой знакомъ 𒉌 и переводимой словомъ «для», или «въ честь», какъ это дѣлаетъ М. В. Никольскій[2].

Каждый воздвигаемый памятникъ, а равно и сама надпись, имѣютъ цѣлью прославленіе. Они создаются въ честь, для увѣковѣченія можетъ быть даже не столько боговъ, сколько самого царя. Но въ этомъ лишь особый оттѣнокъ рѣчи, такъ какъ царь все же связываетъ себя съ небесными покровителями. Поэтому ti-ni въ текстѣ Макинской надписи, въ двѣнадцатой строкѣ, согласуется такъ же какъ и Ru-sa-a-ni, не находясь съ нимъ въ неразрывной связи. По сравненію съ другими, упомянутыми выше, надписями, очевидно, что имя царя оканчивалось бы на ni и въ томъ случаѣ, если бы ti-ni вовсе отсутствовало въ данномъ текстѣ.

Отсюда можно придти къ очень заманчивому заключенію: хотѣлось бы въ частицѣ ni, присоединенной къ существительному te или ti «голова», видѣть въ данномъ контекстѣ окончаніе множественности при сохраненіи его прямого значенія принадлежности, что допустимо по примѣрамъ другихъ словообразованій[3]. Тогда ti-ni, но конечно не имя царя Ru-sa-a-ni, означало бы принадлежность многимъ лицамъ, и въ седьмой и двѣнадцатой строкахъ Макинской надписи означало бы не только «для Русы», но вообще для всѣхъ упоминаемыхъ лицъ, то есть для боговъ и для царя. Но если въ седьмой строкѣ это легко можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ Ru-sa-a-i здѣсь поставлено совсѣмъ съ другимъ окончаніемъ и такимъ образомъ оторвано отъ ti-ni, то въ двѣнадцатой допускается съ нѣкоторою оговоркою, потому что послѣ ti-ni тутъ все же слѣдуетъ лишь одинъ Руса, съ тѣмъ же окончаніемъ на ni, предшествующее же ему божественное имя Ardi-ni стоитъ особо (Ardi-ni ka-i) и случайно заканчивается такимъ же знакомъ 𒉌: это

[1] М. В. Никольскій — ц. с.

[2] См. текстъ надписей, изданныхъ въ ц. с., напримѣръ та же Сардарабадская, гдѣ Ar-gi-iш-ti-ni переведено «въ честь Аргишти», Эйлярская, гдѣ Hal-di-ni-ni переведено «для халдійцевъ». Ср. ц. с., стр. 27.

[3] Н. Я. Марръ — «Надпись Сардура II въ Даш-Керпи», стр. 12.

имя имѣетъ въ своей основѣ знакъ ni и безъ падежной прибавки, что явствуетъ изъ одиннадцатой строки, гдѣ начертано то же имя въ Р. падежѣ Ardı-ni-ше. Въ такомъ случаѣ слово tı-ni можетъ имѣть характеръ множественнаго числа лишь при его обособленности, при одинаковомъ съ именемъ царя согласованіи, но не съ нимъ непосредственно, что, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ возможно. Въ двѣнадцатой строкѣ такое толкованіе какъ будто бы подтверждается наличіемъ передъ tı-ni слова me-ku-ui, переводимаго «для нихъ». Въ этомъ примѣрѣ tı-ni подкрѣпляетъ предыдущее слово, съ которымъ вмѣстѣ означаетъ «для нихъ» «для себя», подразумѣвая въ обоихъ тѣхъ же боговъ и царя. Крайне желательно было бы такое же объясненіе примѣнить и къ седьмой строкѣ, такъ какъ странно допустить, чтобы храмъ строился для боговъ и для царя, а водопроводъ, или каналъ, воздвигался бы лишь для одного Русы.

Насколько ясно падежное окончаніе Ru-sa-a-ni въ тринадцатой строкѣ, настолько же не ясно согласованіе царскаго имени въ седьмой, гдѣ оно заканчивается точно воспроизведеннымъ на снимкѣ надписи знакомъ ı, а не ni а не . Въ седьмой строкѣ отчетливо читается Ru-sa-a-ı, съ характернымъ для яфетическихъ языковъ окончаніемъ на ı въ Р. падежѣ, очевидно требующимъ иного толкованія. Повидимому различіе въ окончаніяхъ царскаго имени въ двухъ мѣстахъ той же надписи объясняется различіемъ согласованія его съ близъ стоящими словами. Въ такомъ случаѣ возможно, что въ тринадцатой строкѣ это имя согласовано такъ же, какъ и предыдущее tı-ni, а въ седьмой строкѣ оно согласовано или съ предыдущими глаголами ui-dı-ıш-tu-bı и te-ru-bı, которые по своей формѣ аориста требуютъ подлежащаго именно въ Р. падежѣ, или съ идеограммою urbs . Въ первомъ случаѣ нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ падежное окончаніе Ru-sa-a-ı, характеризованное звукомъ ı, такъ какъ въ верхней строкѣ той же Макинской надписи аористъ ui-dı-ıш-tu-bı согласовалъ съ собою подлежащее Ru-sa-ше въ Р. падежѣ на ше , но въ этой строкѣ рѣчь идетъ въ третьемъ лицѣ, такъ какъ глаголъ оканчивается на ni, тогда какъ въ седьмой авторъ надписи говоритъ уже самъ отъ своего имени и глаголы оканчиваются на bı: ui-dı-ıш-tu-bı, te-ru-bı. Этимъ можетъ быть и объясняется усѣченная форма Р. падежа на ı въ седьмой строкѣ.

Во второмъ случаѣ, при согласованіи съ идеограммою urbs, царское имя должно было бы заканчиваться на тотъ же гласный характеръ Р. падежа, на е, которое имѣетъ названіе города Тушпы въ шестнадцатой строкѣ, несомнѣнно согласованное съ идеограммою. Слово Тушпа, Tu-uш-pa-a-e, поставлено въ шестнадцатой строкѣ въ Р. падежѣ съ обычнымъ для

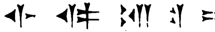
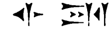
такого сочетанія словъ гласнымъ характеромъ этого падежа именно на е . Слѣдовательно и Руса въ седьмой строкѣ Ru-sa-a-i должепъ былъ бы, при согласованіи его съ такою же какъ и въ шестнадцатой строкѣ идеограммою urbs, имѣть въ концѣ такое же падежное окончаніе, какое имѣетъ приведенное выше Tu-uш-pa-a-e, то есть е, а не i, въ связи съ чѣмъ и должно было бы писаться Ru-sa-a-e, а не Ru-sa-a-i. Впрочемъ подобное однообразіе при согласованіи словъ въ сходныхъ по построенію фразахъ не можетъ быть навязано халдскимъ авторамъ. Намъ лишь хотѣлось бы видѣть у нихъ сознательную послѣдовательность при соблюденіи одинаковыхъ формъ въ одномъ и томъ же текстѣ; по общаго грамматическаго правила, требующаго послѣ детерминатива постановки собственнаго имени въ Р. падежѣ на е, нѣтъ и, какъ сейчасъ мы увидимъ, означенное окончаніе въ названіяхъ городовъ послѣ детерминатива вовсе не обязательно.

Правильность такого толкованія, съ одной стороны, подтверждается примѣромъ Зовартноцкой надписи, гдѣ названіе «Тушпа» согласовано съ детерминативомъ urbs, и поставлено съ гласнымъ окончаніемъ Р. падежа на е: urbs Tu-uш-pa-e pa-ta-ri, съ другой стороны не подтверждается примѣрами Ганлялжинской и Даш-Керпинской надписей, въ которыхъ послѣ того же знака стоитъ названіе города безъ такой согласовки: urbs Ir-da-ni-u-ni, городъ Ирданіуни, и urbs Ma-ka-al-tu-u-ni, городъ Макалтуни[1]. Значитъ, терминъ городъ въ халдской рѣчи не всегда требуетъ согласованія съ собою въ формѣ Р. падежа на е, но допускаетъ и другія падежныя окончанія, а можетъ быть и разные падежи въ зависимости отъ построенія всей фразы. Въ такомъ случаѣ Ru-sa-a-i можетъ оказаться Р. падежомъ при идеограммѣ urbs, что въ переводѣ на русскій языкъ дастъ «Русы городъ малый». Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что слово Руса безусловно является собственнымъ именемъ царя, а не названіемъ города: это явствуетъ изъ поставленнаго передъ нимъ детерминатива, вполнѣ схожаго съ детерминативами передъ царскими именами той же надписи. Слѣдовательно, при такомъ толкованіи, мы имѣемъ не городъ Русу, а городъ царя Русы, то есть принадлежащій ему, быть можетъ, какъ владѣльцу вообще всего Ванскаго государства.

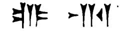
[1] Н. Я. Марръ—«Надпись Сардура II въ Даш-Керпи», стр. 28; «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 28, от. от.; М. В. Никольскій—Ганлялжинская надпись, ц. с., стр. 89; В. С. Голенищевъ—«Надпись древне-ванскаго царя Русы II», ЗВО, т. XIII, стр. 091. Разнообразіе падежныхъ окончаній, напримѣръ въ Р. падежѣ, а съ другой стороны совпаденіе одинаковыхъ въ разныхъ падежахъ, указываютъ на то, что самое представленіе о падежахъ у насъ не соотвѣтствуетъ конструкціи халдской грамматики.

Если, такимъ образомъ, при разборѣ текста седьмой строки Макинской надписи руководствоваться параллельными сравненіями со сходнымъ словообразованіемъ въ другихъ болѣе ясныхъ мѣстахъ этой же надписи и въ иныхъ клинописныхъ памятникахъ, а приведенныя выше объясненія признать допустимыми, то вся строка будетъ въ русскомъ переводѣ значить: или «докончилъ для себя (и для боговъ) я Руса въ городъ малый» или «я докончилъ для себя (и для боговъ) въ Русы городъ малый».

Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ и толкованіе слова шестой строки ші-dі-іш-tu-ні. Здѣсь помѣщена несомнѣнно глагольная форма отъ корня шt «строить». Къ этой формѣ добавленъ предлогъ ші-dі, означающій производное слово отъ основы «верхъ», отсюда же встрѣчающійся въ пятой строкѣ ші-da «сверхъ». Глаголъ съ прибавкою предлога ші-dі получаетъ особый смыслъ, придаваемый ему этимъ предлогомъ. Глаголъ получаетъ характеръ строительства наверху или строительнаго движенія вверхъ, буквально «строить верхъ» «строить вверхъ», и въ послѣднемъ случаѣ, имѣя поступательное строительное значеніе, можетъ быть переведенъ однимъ словомъ «воздвигать». Но такъ какъ строительныя работы производятся не только надъ новыми постройками, но и надъ старыми, то этотъ же глаголъ могъ употребляться при возстановленіи разрушенныхъ зданій, получая характеръ возстановленія, чѣмъ, мнѣ кажется, и объясняется обычный его переводъ словомъ «возобновлять». Такой переводъ въ другихъ надписяхъ въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуетъ ихъ смыслу, такъ какъ глаголъ ші-dі-іш-tu-ні обыкновенно сопровождается непосредственнымъ указаніемъ на руины, и тутъ, дѣйствительно, возобновляются старыя зданія строительною работою вверхъ, но въ Макинской надписи не содержится никакихъ указавій на работы по возстановленію какого либо разрушеннаго строенія[1]. Здѣсь слова «руины» «развалины» совершенно отсутствуютъ, ввиду чего по тексту этой надписи можно придти къ заключенію, что упоминаемый въ ней храмъ представлялъ собою новое строеніе. Въ такомъ случаѣ, при переводѣ Макинской надписи казалось бы вполнѣ возможнымъ придерживаться русскаго слова «воздвигать», какъ наиболѣе близкаго къ халдскимъ шt «строить» и шіdі «верхъ».

Если глаголу ші-dі-іш-tu-ні, въ Макинской надписи, придавать значеніе «онъ воздвигъ», то царь Руса, въ данномъ примѣрѣ, занимался новою строительною работою: онъ воздвигалъ, но даже и въ томъ случаѣ, если этотъ же глаголъ переводить «онъ возобновилъ», придавая работамъ Русы лишь характеръ реставраціонной работы, то все же онъ осуществлялъ ар-

[1] Ср. Мат. по Арх. Кав., в. V, вторая и третья Ташбурунскія надписи, стр. 28-30, Сардарабадская надпись, стр. 55, Армавирская, стр. 67 и др.

хитектурныя заданія и это вполнѣ естественно, такъ какъ глаголъ, основную часть котораго составляетъ предлогъ шdi, болѣе всего подходитъ къ труду надъ архитектурными строеніями. Въ такомъ смыслѣ онъ и употребленъ въ началѣ текста Макинской надписи: ^{d}D Qal-di-e ^{i}DN i-ni ^{i}TMPL ^{d}P Ru-sa-ше ^{d}P Ar-giш-te-qi-ni-ше шi-di-iш-tu-ni, что въ русскомъ переводѣ можетъ означать: «^{d}бога Халда ^{i}милостью этотъ ^{i}храмъ ^{d}л Руса ^{d}л Аргиштея сынъ воздвигъ». Въ томъ же значеніи воздвиженія постройки можетъ быть понятъ глаголъ шi-di-iш-tu-bi и въ шестой строкѣ: «я воздвигъ»; тогда предшествующее слово u-ri, образованное отъ корня r «ходить», и какъ «вода» ur-i, скорѣе могло бы означать послѣднее, предполагая строеніе для воды, въ данномъ случаѣ водопроводъ, такъ какъ дорога не могла быть архитектурной постройкой, тогда какъ каналъ и водопроводъ имѣли именно эти формы. На возможность подобнаго толкованія термина uri указываетъ седьмая строка Сардарабадской надписи, гдѣ, въ связи съ такимъ терминомъ, говорится про рѣку Мапу. Казалось бы, что здѣсь идетъ рѣчь именно о проводкѣ воды каналомъ, или какимъ либо инымъ сложнымъ сооруженіемъ, такъ какъ въ самомъ текстѣ упоминаются прочныя строенія изъ камня[1].

Н. Я. Марръ, въ личной бесѣдѣ, далъ мнѣ крайне цѣнныя указанія, подтверждающія основательность перевода u-ri словомъ «вода». Н. Я. Марръ устанавливаетъ наличіе термина uri какъ разъ въ этомъ значеніи въ языкѣ баскскомъ, по словообразованіямъ родственномъ месхскому. Въ такомъ случаѣ и пятый знакъ первой строки можетъ быть толкуемъ какъ «милость», а не «господинъ» или «владыка», тѣмъ болѣе, что означенный знакъ, по утвержденію Н. Я. Марра, въ «нашей (то есть Макинской) надписи появляется въ такомъ сочетаніи, въ какомъ въ иныхъ надписяхъ стоитъ фонетически написанное слово ur-i (P.: ur-i-e), съ префиксомъ e-uri (P.: eurie)... слѣдовательно, каково бы ни было идеографическое значеніе начертанія , за словомъ uri не можемъ въ параллельномъ чтеніи не признать значенія „милость" (←вода), оправдываемаго и яфетическимъ языкознаніемъ и контекстомъ»[2].

При указанномъ объясненіи, начало Макинской надписи будетъ гласить «Бога Халда милостью этотъ храмъ Руса, сынъ Аргиштея, воздвигъ.» Такой текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ концу надписи, гдѣ сказано, что строительныя работы произведены не для одного бога Халда, а «для нихъ», то есть для упомянутыхъ въ одиннадцатой строкѣ боговъ Халда, Тейшбы, Ар-

[1] Ц. с., стр. 55.

[2] Н. Я. Марръ—«Надпись Русы II изъ Маку», стр. 10, от. от., и «Изъ поѣздокъ въ Сванію», Хр. Вост., II, стр. 28-29.

дини и многихъ другихъ. Такимъ образомъ, храмъ не могъ быть воздвигнутъ лишь для Халда, и начало надписи «богу Халду владыкѣ этотъ храмъ воздвигъ» не согласуется съ концомъ ея, тогда какъ текстъ: «бога Халда милостью этотъ храмъ воздвигъ» вполнѣ отвѣчаетъ всему смыслу обращенія царя Русы.

Изслѣдованіе баскскаго языка, къ которому приступаетъ въ настоящее время Н. Я. Марръ, помимо цѣннѣйшаго указанія на принадлежность этого языка къ семьѣ яфетическихъ, даетъ полное подтвержденіе многимъ теоретическимъ выводамъ, дѣлаемымъ на основаніи матеріаловъ по сравнительному изученію кавказскихъ языковъ. Въ частности, объясненіе слова ur1 въ значеніи «вода» приведено Н. Я. Марромъ по теоретическимъ заключеніямъ, и теперь правильность всѣхъ такихъ научныхъ, но все же построительныхъ для языкознанія, выводовъ вполнѣ подтверждается реальнымъ примѣромъ изъ баскскаго языка.

Наличіе рядомъ двухъ глаголовъ ш1-d1-1ш-tu-b1 и te-ru-b1, относящихся къ одному и тому же строенію, можетъ получить свое объясненіе: оба они не замѣняютъ другъ друга, не являются повтореніемъ, потому что первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ характеръ длящагося дѣйствія «воздвигать», а второй заканчиваемаго «доводить до конца», здѣсь въ вольномъ переводѣ «достраивать». Форма аориста въ первомъ глаголѣ придастъ ему въ нашемъ представленіи то же значеніе законченнаго дѣйствія, но, очевидно, яфетидъ временъ царствованія Русы чувствовалъ различіе во внутреннемъ смыслѣ обоихъ словъ и помѣстилъ ихъ умышленно, дополняя вторымъ первое, что и дало помѣщенную въ нашей надписи фразу: «я воздвигъ достроилъ», собственно «докончилъ» «довелъ до конца».

Для кого производилась вся эта работа? Для боговъ и для царя. Такъ объясняетъ самъ Руса въ концѣ своей надписи. Все сдѣлано для божественной троицы Халда, Теишбы, Солнца (Ардини), многихъ другихъ боговъ и для царя, очевидно какъ ихъ ближайшаго сподвижника на землѣ, поэтому въ седьмой строкѣ надписи помѣщено то же t1-n1, то есть «для себя» «для нихъ всѣхъ».

Въ этомъ смыслѣ и высказался царь Руса, сынъ Аргиштія, въ своемъ обращеніи, начинающемся съ четвертой строки Макинской надписи: «алтарь бога сдѣлавъ и его поставивъ, сверхъ того водопроводъ (каналъ), какъ богъ Халдъ велѣніе изрекъ, такъ воздвигъ достроилъ (буквально докончилъ) для себя (для нихъ, то есть и для боговъ) я Руса въ городъ малый || или въ Русы городъ малый», то есть въ то поселеніе, гдѣ былъ для халдскихъ боговъ и въ прославленіе властителя сооруженъ храмъ.

Наконецъ, какъ возможный варіантъ перевода того же мѣста Макин-

ской надписи, укажемъ на нѣсколько иную согласовку словъ, взявъ параллельный текстъ двухъ надписей: Сардарабадской и нашей,

Сардарабадская надпись.	стк. 6:	ḳı-u-ra-a-nı ḳu-ul-dı-nı ma-a-nu
	стк. 7:	u-ı gı-ı ıш-tı-nı шı-da u-rı
Макинская надпись.	стк. 4:	ḳar-bı sal-ϑı ma-nu u-ı gı e-ı
	стк. 5:	ıш-tı-nı шı-da u-rı

Главныя предложенія слѣдуютъ далѣе: въ Сардарабадской надписи имъ будетъ: «отъ рѣки Ману... я вывелъ»[1], а въ Макинской: «воздвигъ, достроилъ для насъ (tı-nı) я Руса въ городъ малый || въ Русы городъ малый». Приведенныя выше строки содержатъ придаточныя предложенія съ безличною аористно-причастною глагольною формой на u въ одномъ случаѣ и на ı въ другомъ. Такими глаголами въ обѣихъ надписяхъ являются: ma-a-nu (ma-nu) отъ основы man «строить» «дѣлать» и gı-ı (gı) отъ корня g «вести» «проводить»[2]. Слово u-rı уже разобрано выше, остаются еще два слова, одинаковыя по начертанію и въ той и въ другой надписяхъ: ıш-tı-nı и шı-da. Первое значитъ «потомъ» «затѣмъ», второе «сверхъ», при чемъ эти два слова можно было бы не соединять въ одно цѣлое: потомъ + сверхъ, что даетъ «сверхъ того». Эти два слова вовсе не такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы въ данномъ построеніи означать одно понятіе. Въ Каракалинской надписи, гдѣ конструкція фразы примѣрно такая же, ıш-tı-nı сопутствуется иными словами: u-ı a-ı-nı-ı ıш-tı-nı a-ı u-rı. То же самое и въ Зовартноцкой надписи: u-ı gı e-ı ıш-tı-nı ma-nu (u)-rı. Отсюда я дѣлаю выводъ, что интересующій насъ терминъ можетъ быть понимаемъ въ буквальномъ его смыслѣ «потомъ», и тогда оторванное отъ него шı-da сохранитъ также свое прямое значеніе «сверхъ», а весь переводъ получитъ уже не тотъ характеръ, который ему придается до сего времени, и даже u-rı можно сохранить въ чистомъ его видѣ, безъ отождествленія съ предназначаемою для него постройкою, безъ замѣны его настоящаго смысла «вода» нѣсколько произвольнымъ «водопроводъ».

Термины u-ı и e-ı въ Макинской надписи не поддаются точному объясненію. Н. Я Марръ усматриваетъ въ нихъ частицу, союзъ или мѣстоименный элементъ. Переводъ первыхъ двухъ словъ я заимствую у Н. Я. Марра и у М. В. Никольскаго безъ повторенія ихъ толкованій[3].

Цитованное мѣсто Сардарабадской надписи, при переводѣ, прекрасно дѣлится по строкамъ:

---

[1] Ср. Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 25.

[2] Тамъ же, стр. 22, 23 и 27.

[3] Н. Я. Марръ, ц. с., стр. 27; М. В. Никольскій, ц. с., стр. 55 и 58.

стѣны крѣпкія сдѣлавъ,
... проведя затѣмъ сверхъ воду (отъ рѣки Ману... я вывелъ)

Макинская надпись соединяетъ обѣ строки:

алтарь бога сдѣлавъ, ... проведя ...
затѣмъ сверхъ воду, (воздвигъ достроилъ для насъ я Руса въ городъ малый || въ Русы городъ малый)

Здѣсь уже получается полное представленіе о той сложной архитектурной работѣ, которая передавала воду надземною постройкою.

Настоящую мою замѣтку окончу краткимъ упоминаніемъ о трехъ главныхъ божествахъ, очевидно виднѣйшихъ покровителяхъ ванскаго народа: только они поименно названы въ Макинской надписи. Первымъ поставленъ богъ Халдъ. Это, внѣ сомнѣнія, національное божество халдскаго народа. Второе мѣсто занялъ Теишба, то есть тотъ «владыка вишапъ», изображенія котораго въ образѣ чудовищной рыбы найдены въ предѣлахъ Эриванской губерніи. Каменные вишапы являются интереснѣйшимъ образцомъ внѣшняго изображенія, несомнѣнно уже отживающаго свой вѣкъ, натуралистическаго божества. Н. Я. Марръ говоритъ, что, по словообразованію, Теишба чуждъ халдской почвы, онъ принесенъ сюда изъ другихъ странъ. Если это такъ, то все же онъ принесенъ не изъ странъ семитическихъ, не изъ Ассиріи, ближайшаго культурнаго сосѣда Вана, имѣвшаго на него сильное вліяніе, такъ какъ по своему имени этотъ богъ типиченъ для яфетическихъ народовъ.

Первую составную часть слова Теишба составляетъ te || tı «голова», или, съ выпаденіемъ гласнаго, «глава», отсюда «властелинъ» «владыка». Окончаніе второй части: ba скорѣе всего указываетъ на Эламъ, гдѣ показатель множественности имѣетъ звонкій характеръ pa || ba, или, съ перестановкою гласнаго звука, ap || ab. Съ такимъ окончаніемъ мы имѣемъ эламское образованіе ıш·ba ← uш-ba. Но это не исключительно эламское слово, его же мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ, сохранившихъ въ своей рѣчи яфетическія основы, напримѣръ у армянъ иш-ар, въ древне литературной разновидности vıш-ар, у грузинъ veш-ар. При такихъ условіяхъ, сознавая несомнѣнность принадлежности эламскаго языка къ семьѣ яфетическихъ и встрѣчаясь, въ то же время, съ чисто яфетическимъ словообразованіемъ въ наименованіи бога, мы неизбѣжно признаемъ въ немъ, уже по одному его имени и широкому распространенію въ предѣлахъ яфетическаго міра, божество не узко національное, а божество расовое, составляющее собственность яфетической семьи народовъ, и, при томъ, божество не астральное.

Изслѣдователи древнихъ Сузъ де-Морганъ, Потье и сочлены ихъ по научной экспедиціи въ Персіи неоднократно указываютъ на то, что стилизація рисунка на эламской керамикѣ свидѣтельствуетъ о сохранившемся въ искусствѣ пережиткѣ, уже вымершаго въ культѣ, обоготворенія природы. Божество перестало жить на землѣ и переселилось на небо, обратившись изъ натуралистическаго въ астральное. Живыя существа стали лишь слугами боговъ. Тѣмъ болѣе интересно для насъ наличіе, еще въ VII вѣкѣ до Р. Х., Теишбы-Вишапа, къ тому же въ единеніи съ чисто астральнымъ халдскимъ богомъ Арди или Ардини (богомъ Солнце). Такое единеніе тоже характерно для яфетическаго міровоззрѣнія, которое связало небо съ землею: то и другое отождествляется съ желѣзомъ, и при томъ не только въ миѳѣ, но и въ самомъ названіи erkin и erkir: первое означаетъ небо, а второе землю. Тутъ мы останавливаемся передъ еще мало изслѣдованною областью яфетическаго культа.

И. Мѣщаниновъ.

Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея символическое значеніе [1].

Летитъ птица перната,
Безъ глазъ, безъ крылъ,
Сама свиститъ, сама бьетъ.

Въ описаніи свадьбы царя Михаила Θеодоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрѣшневою въ 1626 г. встрѣчаемъ одну интересную подробность, касающуюся стрѣлы. На другой день послѣ вѣнчанья царь и царица появлялись передъ боярами, «и раскрывалъ государыню царицу бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, покровъ поднявъ стрѣлою. А послѣ того пожаловалъ государь, велѣлъ видѣть свои царскіе и царицыны очи всѣмъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ въ сѣнникѣ» [2]. Буквально то же самое обстоятельство повторилось на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Маріею Ильиничною Милославскою въ 1648 году: и раскрывалъ государыню царицу бояринъ Борисъ Ивановичъ (Морозовъ), а покровъ поднялъ стрѣлою [3]. Въ Домостроѣ объ этомъ обрядѣ ничего не говорится.

Д. И. Языковъ, напечатавшій «Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ у Русскихъ», утверждалъ, что сѣнникъ внутри оболакивался запонами, а по четыремъ угламъ втыкались стрѣлы, а на стрѣлахъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ государь приказывалъ, да по колачу. Въ каждомъ углу ставилось по оловенику меда [4].

---

[1] Докладъ, читанный въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія въ сентябрѣ 1917 г. Вскорѣ послѣ доклада Н. И. Веселовскій передалъ эту статью мнѣ для помѣщенія въ Запискахъ; и тогда и позже неоднократно Н. И, высказывалъ увѣренность, что не увидитъ въ печати этой своей «послѣдней» работы, которою онъ очень дорожилъ. Предположенія Н. И. оправдались: онъ успѣлъ просмотрѣть и вернуть мнѣ корректуру только первыхъ четырехъ гранокъ, смерть помѣшала ему довести до конца эту работу. Статья печатается по сличенію съ черновою рукописью: переписанная самимъ Н. И. чистая рукопись и корректура послѣднихъ пяти гранокъ затерялась въ квартирѣ покойнаго въ теченіе времени послѣ его кончины, до принятія его бумагъ подъ охрану Археологическаго Института. *І. Орбели.*

[2] Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа». СПб. 1849, кн. 6-я, стр. 82.

[3] Тамъ же, стр. 94.

[4] Библ. для Чтенія 1834, VI, отд. III, стр. 21.

Старинные свадебные обряды изложены и объяснены Н. П. Степановымъ въ его книгѣ «Народные праздники на святой Руси». Авторъ говоритъ: «Окручивая невѣсту, дѣвичью косу ея раздѣляли стрѣлою *(символъ любви)* .....Стрѣла, которою на другой день брака, когда просыпалась молодая, приподымали съ нея покровъ, въ свадебномъ обрядѣ служила знаменіемъ *плодородія* и вмѣстѣ съ тѣмъ была орудіемъ, *освящающимъ* брачный союзъ»[1]. Г. Степановъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своихъ толкованій, и насколько эти толкованія имѣютъ значеніе, мы увидимъ дальше.

Въ такихъ обрядахъ, каковы свадебные, ничего не можетъ быть случайнаго, и всякая мелочь непремѣнно имѣетъ опредѣленный смыслъ. Доискаться этого смысла не всегда легко и не всегда удается, потому что древній бытъ и древнія религіозныя воззрѣнія народа намъ во всей полнотѣ неизвѣстны. Я поставилъ себѣ задачей изслѣдовать значеніе стрѣлы въ обрядахъ, при чемъ оговариваюсь, что не имѣю въ виду разсматривать въ полномъ объемѣ этотъ вопросъ, имѣющій на западѣ довольно обширную литературу, чтобы не загромождать основную мысль разными подробностями, такъ какъ держусь мнѣнія, что «много доказать — ничего не доказать». Кромѣ того всѣ приводимые въ иностранной литературѣ факты сводятся, какъ мнѣ кажется, къ одному основному принципу, который я надѣюсь установить за стрѣлою.

Въ нашей старинной литературѣ стрѣла описывается неоднократно. Богатыри Дюкъ Степановичъ и Михаилъ Казариновъ обладаютъ очень цѣннымъ оружіемъ, у нихъ: «Тугой лукъ разрывчетой, а цена тому луку три тысячи, потому цена луку три тысячи, полосы были серебрены, а рога красна золота, а и титивочка была шелковая, а белова шолку шимаханскова, и колчанъ пошолъ съ каленныхъ стрелъ, а во колчане было за триста стрелъ, всякая стрела по десяти рублевъ»[2], и проч.

Но русская литература не даетъ никакихъ указаній на значеніе стрѣлы въ обрядахъ, для нашей цѣли надо обратиться на Востокъ, гдѣ стрѣла играетъ роль въ различныхъ обрядахъ и въ настоящее время.

У кочевыхъ народовъ Средней и Сѣверо-восточной Азіи стрѣла выдѣляется изъ числа другого оружія на первый планъ[3]. По мѣстнымъ легендамъ и сказкамъ герой прокладываетъ себѣ дорогу въ лѣсу пущенной

[1] «Народные праздники на Святой Руси». СПб. 1900, стр. 87—88.

[2] Сборникъ Кирши Данилова. СПб. 1901, стр. 11, 84—85.

[3] При клятвахъ и на Востокѣ прибѣгали къ разному оружію, такъ какъ любое изъ нихъ одинаково могло поразить клятвопреступника. Въ алтайскихъ сказкахъ люди, при заключеніи союза дружбы, «конецъ пики нюхали, лезвеё меча лизали» (Н. Я. Никифоровъ, Аносскій Сборникъ, Записки зап.-сиб. отд. Р. Г. О., т. XXXVII, 1915, стр. 29, 39).

стрѣлой[1]; стрѣлою онъ пробиваетъ скалу, преграждающую ему путь[2]; стрѣлою онъ разсѣкаетъ рѣку и переходитъ по обнажившемуся дну ея. Онъ стрѣляетъ въ звѣзды на небѣ и сшибаетъ ихъ[3]. Очевидно, стрѣла на Востокѣ, по своимъ боевымъ свойствамъ, являлась оружіемъ исключительной техники и еще на нашихъ глазахъ не хотѣла склониться передъ пулей, удерживаясь въ китайскихъ войскахъ до самаго конца XIX столѣтія.

У восточныхъ народовъ стрѣлы имѣютъ наименованія. Въ монгольскомъ сказаніи о Чингизъ ханѣ упоминаются стрѣлы съ именами *Анхуа* и *Коибуръ*[4]. Замѣчательно, что стрѣла кайбиръ извѣстна и въ настоящее время у алтайцевъ по свидѣтельству Г. Н. Потанина, сообщившаго, что ее знаютъ и крестьяне Иркутской губерніи[5]. Особенно богатый матеріалъ о стрѣлѣ даютъ народныя сказки. Одинъ богатырь, отправляясь на подвиги, обратился къ своей матери съ вопросомъ: «Если спросятъ мое имя, что сказывать»? Мать отвѣчала ему: «Твое имя Ерь-сару, твоя лошадь Ербей Ширбей, твоя стрѣла Джесь-тумана»[6]. У богатыря Гунынъ Настай Мекеле стрѣла по имени Галынъ Табыкъ, величиною съ небольшую степь, выстругана изъ дерева Цангысъ, оперена перьями птицы Чакцагай-Куукюнъ; развилокъ у нея былъ съ сѣдло; всего въ колчанѣ было 30 такихъ стрѣлъ[7].

Если къ богатырю приходитъ другой, незнакомый богатырь, то хозяинъ, желая узнать, пришелъ ли къ нему гость съ добрыми или дурными намѣреніями, предлагаетъ ему, въ видѣ испытанія, взаимно стрѣлять другъ другу въ грудь: у кого намѣренія чистыя, отъ того стрѣла отскочитъ, въ противномъ случаѣ убьетъ[8]. На этомъ же основаніи стрѣла разрѣшаетъ

---

[1] Аносскій Сборникъ, стр. 34.

[2] Очерки с. з. Монголіи, IV, стр. 585. Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. (Якутскія сказанія). СПб. 1878, ч. II, стр. 812.

[3] Г. Н. Потанинъ, Ерке. Томскъ, 1916, стр. 3, 43.

[4] Труды Пекинской духовной миссіи, т. IV, стр. 107.

[5] Н. Я. Никифоровъ, Аносскій Сборникъ, стр. 88, 96, 105, 178, 285 и въ другихъ мѣстахъ. Про волшебную стрѣлу кайбуръ (кайбур-јебе) можно отмѣтить, что она не превосходила другія величиной; когда Канъ-Тади вынулъ свою стрѣлу кайбуръ, оказалось, что она на семь карышевъ (четвертей) короче стрѣлы богатыря Когъ-Айры (тамъ же, 178).

[6] Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи. СПб. 1883, вып. IV, стр. 344. Джесь значитъ мѣдь, тумана — слово неизвѣстное. Условно можно перевести: мѣдная Тумана. Замѣчу, что по Рашидъ эд-Дину, одинъ изъ предковъ Чингизъ хана назывался Тумена ханъ. (Тр. Вост. отд. Арх. Об., ч. XIII, стр. 22). Интересъ здѣсь заключается въ томъ, что составленіе сказки относится къ тому отдаленному времени, когда въ Сѣверо-восточной Азіи наконечники для стрѣлъ изготовлялись изъ мѣди.

[7] Тамъ же, стр. 433—434.

[8] Разныя монгольскія сказки тамъ же. Повидимому, это свойство стрѣлы было перенесено на ружье. Казакъ-киргизъ, цѣлуя дуло ружья въ удостовѣреніе своей клятвы, вѣритъ, что пуля поразитъ клятвопреступника.

споръ противниковъ. Два соперника, претенденты на дочь Бурканъ Халамы, Ертене-мергенъ и Акъ-ханъ, должны были разрѣшить споръ о невѣстѣ. Ертене сказалъ: «я сяду на порогъ, ты стрѣляй въ меня; убьешь — жена твоя! Потомъ ты сядь; я убью — я возьму дочь Бурканъ Халамы». Сѣлъ Ертене-мергенъ на порогъ, выстрѣлилъ Акъ-ханъ, стрѣла ударилась объ Ертене-мергена и отлетѣла прочь. Сѣлъ Акъ-ханъ на порогъ; дунулъ на него Ертене, Акъ-ханъ ударился о каменный косякъ двери и умеръ [1].

Когда подвиги богатыря Ерь-сару оспаривали передъ ханомъ другіе богатыри, его соперники, Джетытасы, онъ сказалъ хану: «прикажи, чтобъ Джетытасы вмѣстѣ со мною выстрѣлили въ небо; кто не правъ, того стрѣла, обратно возвращаясь, убьетъ». Ханъ отдалъ приказъ, стали стрѣлять, выстрѣлилъ Ерь-сару, его стрѣла упала мимо; Джетытасы выстрѣлили и были убиты своими стрѣлами [2].

Приведу еще одинъ примѣръ изъ бурятскихъ сказокъ. Въ сказкѣ о Ханъ-гужирѣ конь бросилъ дядѣ Зотонъ-хара одну стрѣлу и сказалъ: «Стрѣляй въ меня! Если стрѣла попадетъ въ концы моихъ четырехъ копытъ, то ты свой; если не свой, то стрѣла воротится въ колчанъ» [3]. Стрѣла, по вѣрованію бурятъ, обладаетъ разумомъ, ей можно сдѣлать внушеніе и она исполнитъ порученное ей дѣло [4].

Въ алтайскихъ сказкахъ упоминаются стрѣлы о девяти глазкахъ [5].

Замѣтимъ еще, что герой стрѣляетъ только одинъ разъ и если сдѣлаетъ промахъ, то не повторяетъ попытки исправить ошибку, а случается—отрубаетъ большой палецъ правой руки, чтобы никогда уже больше не стрѣлять.

Чтобы выяснить роль стрѣлы въ обрядахъ, необходимо прослѣдить ея участіе въ главнѣйшіе моменты, съ человѣкомъ связанные, а именно: при рожденіи, во время свадьбы и на похоронахъ. Здѣсь главное мѣсто будетъ отведено бурятамъ, какъ наиболѣе изученному народу; а свѣдѣнія о другихъ народахъ послужатъ дополненіемъ къ основному изложенію.

I. По свидѣтельству Г. Н. Потанина, алтайцы, чтобы отогнать

---

[1] Тамъ же, стр. 424.

[2] Тамъ же, стр. 348.

[3] Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя М. Н. Хангаловымъ и др. (Записки вост.-сиб. отдѣла Р. Г. О. по отд. Этнографіи, т. I, вып. 1. Иркутскъ, 1889, стр. 64).

[4] Въ сказкѣ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, этотъ герой, получивши ударъ стрѣлой отъ невидимаго противника, «вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, налаживаетъ ее на лукъ и наговариваетъ ей, чтобъ она преслѣдовала (стрѣлявшаго), куда бы онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее». Стрѣла полетѣла въ Жоргодой-мэргына и погналась за нимъ; онъ впрыгнулъ въ море и обратился въ семьдесятъ молекъ (рыбокъ), стрѣла превратилась въ семь щукъ и проч. Совершивъ свое дѣло, стрѣла прилетѣла къ хозяину и вошла въ колчанъ («Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями». Зап. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. I, вып. 2. Иркутскъ, 1890, стр. 10—11).

[5] Аносскій Сборникъ, стр. 32.

діавола, похищающаго младенцевъ, вѣшаютъ въ люльку плеть, стрѣлку и колючее растеніе[1]. Употребленіе стрѣлы для насъ особенно важно, потому что цѣль, съ какою перечисленные предметы привѣшиваются къ люлькѣ или кладутся въ нее, вполнѣ опредѣленна. По наивному представленію шаманистовъ, злой духъ боится плети, и пережитки этого вѣрованія сохраняются и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, давно принявшихъ мусульманство. Такъ, у киргизъ-казаковъ и въ наше время можно было наблюдать, какъ баксы, приглашенный къ мучающейся въ родахъ женщинѣ, бѣгаетъ съ плетью въ рукахъ вокругъ ложа больной, чтобы выгнать вселившагося въ нее злого духа и препятствующаго появленію ребенка на свѣтъ. Для наибольшаго успѣха, баксы ударяетъ плетью не только по постели, но и по самой роженицѣ[2]. Иногда киргизъ-казачкѣ, ходящей взадъ и впередъ по юртѣ, держась за протянутую веревку, вѣшаютъ на шею плеть, чтобы отогнать албасту отъ роженицы[3].

Колючее растеніе тоже страшно злымъ духамъ и потому служитъ хорошей защитой отъ нихъ. Если спрятаться въ кустъ шиповника, то злой духъ никакими силами не въ состояніи взять оттуда спрятавшагося: онъ и близко не подойдетъ къ такому страшному предмету. У монголовъ существуетъ много разсказовъ на этотъ счетъ[4]. Въ люльку кладутъ и другіе острые предметы, напр., ножикъ, ножницы. Особенно интересно примѣненіе большихъ овечьихъ ножницъ, ихъ помѣщаютъ въ люлькѣ тогда, когда берутъ оттуда ребенка и занимаютъ въ люлькѣ его мѣсто[1]. Безъ этой предосторожности злой духъ овладѣетъ сперва помѣщеніемъ, а потомъ и ребенкомъ. Вмѣстѣ взятыя плеть, стрѣла и колючее растеніе должны усиливать дѣйствіе. Цѣль указанныхъ предосторожностей одна: отогнать злыхъ духовъ. Отсюда очевидно, что и стрѣлка принадлежитъ къ категоріи пред-

---

[1] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 27.

[2] И. И. Ибрагимовъ, «Этнографическіе очерки Киргизскаго народа» (Русскій Туркестанъ, М. 1872, стр. 121—123).

[3] «Киргизъ-кайсаки Большой, Средней и Малой орды» (Сибир. Вѣстн. 1820, ч. X, стр. 155).

[4] Укажу на алтайскую сказку «Аргачи и Кучечи», въ которой курмöси (духи, населяющіе воздухъ и похищающіе души людей) несли въ царство Ерлика только что похищенную душу дочери Тасъ-хана. Къ нимъ присоединился Аргачи и дорогой спросилъ: «вы чего боитесь на этомъ свѣтѣ?» — Мы боимся тэгэнека (шиповника) и толоно (боярышника); а ты чего боишься? — «О, я боюсь только масла въ пузыряхъ и связокъ курута». Улучивъ благопріятный моментъ, Аргачи вмѣстѣ съ похищенной душою бросился въ кустъ шиповника, откуда курмöси пробовали выгнать похитителя масломъ и сыромъ, которые Аргачи поѣдалъ съ удовольствіемъ. Въ концѣ концовъ курмöси отступились, и тогда Аргачи вернулъ душу дочери Тасъ-хана. «Аносскій Сборникъ», стр. 168, 235—236. См. также сказку «Сирота-парень» (Сказанія бурятъ, запис. разн. собирателями, стр. 59—60). Ибрагимовъ, стр. 123. Потанинъ, сказки Бамба Шиту и Дзулдзукъ (Очерки, IV, стр. 241—242) и Талынъ Хутылчи (тамъ же, стр. 243).

метовъ, устрашающихъ злыхъ духовъ. Запомнимъ это для усвоенія дальнѣйшихъ разсужденій и выводовъ. Въ оправданіе такой наивности злыхъ духовъ можно привести то соображеніе, что по понятію шаманистовъ злые духи во главѣ съ Ерликомъ, повелителемъ ада, не отличаются ни умственными способностями, ни сообразительностью и потому провести и обмануть ихъ совсѣмъ нетрудно. Въ алтайской сказкѣ Акъ-би конь учитъ Кудая (бога), какъ обмануть Ерлика и прибавляетъ: «Не очень-то большой разумокъ (у Ерлика); повѣритъ»[2]. Простоватый Ерликъ не можетъ справиться со смѣтливымъ богатыремъ, который въ сказкахъ одолѣваетъ подземнаго бога и, распявъ его на четыре кола (или привязавъ руки и ноги къ четыремъ коламъ, вбитымъ въ землю), жестоко сѣчетъ его прутьями шиповника[3].

Иногда къ люлькѣ привѣшиваютъ въ видѣ амулета небольшой колчанъ со стрѣлами (ог-ча), если младенецъ мальчикъ, а если дѣвочка, то — веретено (предметъ острый, колющій)[4].

По наблюденіямъ Г. Н. Потанина, дюрбюты дѣлаютъ въ люлькѣ надъ головой ребенка войлочную стѣнку, поддерживаемую обручемъ; на ней вѣшается серебряный маленькій лукъ и три стрѣлы, что, по мнѣнію дюрбютовъ, содѣйствуетъ укрѣпленію физическихъ силъ ребенка[5]. Мнѣ кажется, что «мнѣніе» дюрбютовъ въ данномъ случаѣ является прямымъ недоразумѣніемъ, потому что они не могутъ не знать подлинной цѣли, для которой подвѣшиваются къ люлькѣ лукъ и стрѣлы.

У киргизъ подъ изголовье младенца теперь кладутъ саблю и коранъ.

Можетъ быть и у насъ въ древности клали желѣзные предметы въ люльки младенцамъ для отогнанія нечистой силы. Когда морской царь обратился къ Садко съ вопросомъ, какъ на Руси:

Булатъ ли желѣзо дороже красна золота
Али красно золото дороже булатъ-желѣза?

Садко отвѣчалъ:

Дороже у насъ на Руси красно золото,
А булатъ-желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ[6].

---

[1] А. А. Кузнецовъ, «Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ». Минусинскіе и ачинскіе инородцы. Красноярскъ, 1898, стр. 130.

[2] Аносскій Сборникъ, стр. 145—146. См. также сказку Канъ-Таджи, сынъ Акъ Бöка, стр. 187—189, 192—194; сказку Алтынъ-Кучкашъ, стр. 281.

[3] Тамъ же, стр. 145—146.

[4] Кузнецовъ, стр. 130—131.

[5] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. II, СПб. 1881, стр. 31.

[6] Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Ч. I, М. 1861, стр. 366.

Въ этихъ словахъ, не вполнѣ опредѣленныхъ, Г. Н. Потанинъ положительно видитъ указаніе на обычай класть въ люльки стрѣлки[1]; но для защиты младенцевъ отъ злыхъ духовъ съ тѣмъ же успѣхомъ служатъ ножъ, сабля, топоръ и ножницы. Поэтому осторожнѣе будетъ о стрѣлѣ здѣсь не говорить.

А. И. Ивановъ доставилъ мнѣ слѣдующую замѣтку, имѣющую для моей темы существенное значеніе:

«Уже въ обрядникѣ Ли-цзи — составленіе котораго относится къ доханьскому времени, отмѣчается обычай вывѣшиванія у дверей дома, гдѣ только что родился мальчикъ, лука изъ тутоваго дерева и 6 стрѣлъ изъ травы[2]. Объясняется этотъ обычай тѣмъ, что 6 стрѣлъ символизировали якобы отношеніе мальчика къ небу, землѣ и четыремъ странамъ свѣта. Однако въ текстѣ не говорится о вывѣшиваніи, а сказано шэ — стрѣлять. На сѣверѣ Китая и стрѣляютъ, при рожденіи мальчика, изъ лука. Самый матеріалъ (тута для лука и артемизія для стрѣлъ), какъ дѣйствительное для отогнанія злыхъ духовъ средство, указываетъ и на значеніе самой стрѣлы».

Въ китайскомъ разъясненіи, явно искусственномъ, любопытно то, что сами китайцы утеряли смыслъ стрѣлянія изъ лука при рожденіи мальчика. Между тѣмъ съ точки зрѣнія шаманства здѣсь все понятно, все ясно. Начать съ того, что стрѣляютъ въ воздухъ, конечно, въ злыхъ духовъ, только при рожденіи мальчика, а не дѣвочки. У многихъ восточныхъ народовъ рожденіе сына считается предпочтительнымъ передъ рожденіемъ дѣвочки, потому что сынъ будетъ продолжателемъ своего рода и не дастъ «очагу погаснуть», тогда какъ дочь уйдетъ въ другую семью и станетъ содѣйствовать продолженію чужого рода. На этомъ основаніи мальчика называютъ *керек бала*—нужное дитя, про дѣвочекъ же говорятъ *керек јок бала*—ненужное дитя[3]. У киргизъ есть поговорка: «худая жена дѣвицу родитъ»[4]. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дѣвочекъ не надо оберегать отъ злого начала. Ее также стараются защитить отъ невидимой силы только другими мѣрами, болѣе подходящими для дѣвочки, напр., веретеномъ, острый конецъ котораго соотвѣтствуетъ острію наконечника стрѣлы.

Не слѣдуетъ думать, что стрѣляніе въ воздухъ есть простая формальность; напротивъ, шаманистъ увѣренъ, что стрѣла исполнитъ свое назначеніе. Что стрѣляя въ воздухъ, можно задѣть злого духа, хотя и при извѣстныхъ условіяхъ, это мы знаемъ изъ повѣрій другихъ народовъ не

---

[1] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 673.

[2] Ср. Нань-цзы чу шэнъ и-санъ-ху-пынъ-ши лю-шэ тянь-ди сы-фанъ.

[3] Аносскій Сборникъ, стр. 6.

[4] Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 821—822.

миновавшихъ въ древности шаманства. П. Демидовичъ сообщилъ намъ крайне интересный фактъ изъ вѣрованій бѣлоруссовъ. Когда поднимается вихрь, бѣлорусъ убѣжденъ, что это ѣдетъ «чортово вясельле». Если въ это время бросить въ вихрь какое либо острое орудіе, то на немъ можно замѣтить кровь; это означаетъ, что брошенное орудіе попало въ чорта[1].

II. Свадебные обряды даютъ намъ самый обильный матеріалъ о стрѣлѣ. Литература по этому вопросу въ послѣднее время значительно обогатилась, благодаря трудамъ серьезныхъ наблюдателей и путешественниковъ по Средней и Сѣверо-восточной Азіи. Сдѣлаемъ выборку тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей темѣ.

На Востокѣ свадьба требуетъ разнообразныхъ и сложныхъ обрядностей, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ мѣры предосторожности противъ злыхъ духовъ, которые могутъ имѣть на свадьбѣ обильную и интересную для себя добычу и поэтому стремятся присоединиться къ пирующимъ. Съ нашей точки зрѣнія эти мѣры до крайности наивны; но не такъ смотрятъ на нихъ, даже теперь, азіатскіе народы. М. Н. Хангаловъ обнародовалъ слѣдующій фактъ: «Обыкновенно у Унгинскихъ бурятъ свадебный поѣздъ уѣзжаетъ къ жениху за одинъ или два дня раньше назначеннаго срока, или послѣ; это дѣлается для того, чтобы обмануть злыхъ и нечистыхъ духовъ, которые обманутые не ѣдутъ на свадьбу, а остаются въ ожиданіи назначеннаго срока»[2]. И у насъ на Руси при свадебныхъ обрядахъ примѣнялись мѣры, чтобы обмануть злыхъ духовъ, старающихся вредить невѣстѣ. Съ этою цѣлью на ея голову надѣвали шапку жениха и дѣлали другія обрядовыя переодѣванія, чтобы ввести въ заблужденіе нечистую силу[3]. Очевидно, и наши предки считали злыхъ духовъ въ достаточной степени глупыми, какъ это отразилось въ шаманскихъ вѣрованіяхъ.

Обратимся къ бурятской свадьбѣ. У Хангалова читаемъ: «при выѣздѣ (когда невѣсту везутъ къ жениху) каждый старается выѣхать впередъ, ибо по мнѣнію бурятъ на заднюю телѣгу или на сани садятся нечистые и злые духи, которые тоже ѣдутъ на свадьбу; кто послѣ всѣхъ выѣдетъ, къ тому подсядутъ злые и нечистые духи, и съ нимъ или съ его конемъ по дорогѣ что нибудь случится»[4].

---

[1] П. Демидовичъ, «Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ». Этногр. Обозр., 1896, № 1, стр. 101.

[2] «Свадебные обряды, обычаи, повѣрья и преданія у Бурятъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства Балаганскаго округа» (Этногр. Обозр. 1898, № 1, стр. 51). Попытка г. Хангалова объяснить происхожденіе этого обычая не можетъ быть признана сколько нибудь удачной.

[3] Е. Г. Кагаровъ, О значен. нѣкот. рус. свад. обрядовъ. Извѣстія Академіи Наукъ, 1917 г., № 9, стр. 649.

[4] Свад. обряды, стр. 51—52.

Объ этомъ свадебномъ поѣздѣ Г. Н. Потанинъ сообщилъ много интереснаго. Невѣстина свита, приближаясь къ жилищу жениха, посылаетъ впередъ верховыхъ посланниковъ («туруши»); одинъ изъ нихъ держитъ стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ; на другомъ концѣ стрѣлы привязанъ кадыкъ (кусокъ бѣлой матеріи). Этотъ туруши, прискакавъ къ дому жениха, бросаетъ лошадь, не привязавъ къ столбу (другіе должны подобрать ее), вбѣгаетъ въ юрту, и не оглядываясь и ни съ кѣмъ не здороваясь, стремительно подходитъ къ западной тенге (подпоркѣ), которая находится между очагомъ и семейною кроватью, и втыкаетъ въ нее свою стрѣлу такъ, чтобы она была обращена хвостомъ своимъ на востокъ[1]. Затѣмъ онъ садится на самое почетное мѣсто или гдѣ вздумается; если мѣсто занято, онъ грубо сталкиваетъ съ него сидящаго, хотя бы то былъ почтенный старикъ; если то молодой, то садится къ нему прямо на голову. Затѣмъ онъ здоровается со сватомъ; является угощеніе[2]. Потанинъ ограничился фактическимъ изложеніемъ дѣла и никакихъ разъясненій этому обряду не далъ.

Подобное же описаніе находимъ у М. Н. Хангалова. Когда туруше подъѣдетъ къ дому родителей жениха, онъ соскакиваетъ съ коня, бросивъ поводья на сѣдло, не привязывая коня, и входитъ въ юрту, держа въ рукѣ стрѣлу, которую, входя въ юрту, втыкаетъ покрѣпче въ столбъ юрты (въ хойморъ тэнги, въ другіе же столбы юрты ея по обычаю втыкать нельзя), гдѣ она остается до окончанія свадьбы; если стрѣла худо воткнута, то ее не поправляютъ до тѣхъ поръ, пока стрѣла сама не упадетъ на полъ, и тогда снова ее втыкаютъ, но это считается худымъ признакомъ: новобрачные будутъ несчастливы, и кто-нибудь изъ нихъ умретъ. Стрѣла означаетъ душу человѣка: какъ отъ привезенной стрѣлы въ колчанѣ (хадак) прибавляется въ юртѣ стрѣла, такъ и невѣста должна умножить потомство мужа[3]. Эта мысль была высказана Хангаловымъ и въ другомъ мѣстѣ: когда невѣста вступала въ жилище мужа, она, въ числѣ обрядовъ, клала въ огонь нѣсколько полѣнъ, а лежавшія уже тамъ нѣсколько передвигала. По мнѣнію Хангалова, какъ отъ новыхъ полѣнъ увеличивается огонь, такъ и она должна увеличивать общество, въ которое вступаетъ[4]. Г. Хангаловъ не пояснилъ, самъ ли онъ додумался, что стрѣла означаетъ душу человѣка, или такое представленіе сложилось у народа? Во всякомъ случаѣ это толкованіе ошибочно, какъ будетъ выяснено дальше. Какъ наблюдатель, Хангаловъ едва ли имѣетъ соперниковъ сколько нибудь ему равносильныхъ; но

[1] Когда везутъ стрѣлу, ее затыкаютъ за поясъ.

[2] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 31. См. также статью М. Т. Поротова «Къ антропологіи бурятъ. Буряты-Аларцы». СПб. 1895, стр. 45—46.

[3] Свадебные обряды, стр. 54.

[4] М. Н. Хангаловъ, Зэгэтэ-оба (Изв. вост.-сиб. отд. Р. Г. О., т. XIX, № 3, стр. 14.

что касается толкованій, то это самая слабая сторона въ его научной дѣятельности. Въ той же статьѣ Хангалова находимъ дополнительное сообщеніе къ тому же обряду. «У бурятъ Бильширскаго инородческаго вѣдомства на свадьбу ѣдутъ тоже со стрѣлою; иногда втыкаютъ ножикъ на мѣсто стрѣлы; нѣкоторые буряты этотъ ножикъ берутъ, а когда у новобрачныхъ родится ребенокъ, тогда этимъ ножомъ отрѣзываютъ пупокъ»[1].

Особенно интересно описаніе свадьбы у бурятъ при отсутствіи жениха. Обычный свадебный обрядъ, совершаемый въ домѣ жениха, въ своей существенной части состоитъ въ слѣдующемъ: когда невѣсту выводятъ изъ юрты, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, и они, взявшись за руки, идутъ кругомъ юрты, причемъ женихъ идетъ съ правой стороны невѣсты. «Если жениха на свадьбѣ нѣтъ по какому нибудь случаю и свадьбу приходится дѣлать безъ него, что случается у бурятъ, тогда невѣста, идя подъ шалью (большую шаль несутъ надъ женихомъ и невѣстой посторонніе мущины, поддерживая за четыре угла), въ правой рукѣ держитъ стрѣлу, которая замѣняетъ жениха; безъ стрѣлы совершать обрядъ нельзя, потому что на правой рукѣ невѣсты на мѣсто жениха пойдетъ духъ, за котораго невѣста выйдетъ замужъ, т. е. послѣ свадьбы она скоро должна помереть»[2]. Что стрѣла можетъ замѣнять жениха, это толкованіе Хангалова, для насъ нисколько не обязательное; не такъ легко разрѣшаются древніе обряды, смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени утратился.

[Стрѣла играетъ роль въ свадебныхъ обычаяхъ и тибетцевъ, но объяснения этой роли пока еще нѣтъ, есть только предположеніе, что стрѣла является пережиткомъ обычая умыканія невѣстъ. Стрѣла, повидимому, дважды встрѣчается въ упомянутыхъ обрядахъ: 1) при прибытіи невѣсты въ юрту родныхъ жениха, невѣста сажается на войлокѣ у новой юрты, лицомъ къ лунѣ съ зерномъ и стрѣлою и 2) передъ выѣздомъ невѣсты ей втыкаютъ сзади въ платье стрѣлу, украшенную 5 драгоцѣнными камнями и 5 лентами, пяти цвѣтовъ, такъ чтобы кончикъ стрѣлы касался головного убора][3].

Вернемся къ русской царской свадьбѣ. Когда государь и государыня вошли въ церковь для вѣнчанія, на государева аргамака сѣлъ конюшій бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ; а въ сани на государынино мѣсто сѣлъ окольничій князь Григорій Константиновичъ Волконскій. Послѣ вѣнчанія царь Михаилъ Федоровичъ съ новобрачною отправились изъ церкви въ грановитую палату, царь на аргамакѣ, царица въ саняхъ. А какъ царь и великій князь пріѣхалъ отъ церкви, ссѣлъ съ коня у лѣстницы, и

[1] Тамъ же, стр. 55.
[2] Тамъ же, стр. 66.
[3] Ср. С. Ольденбургъ, Новыя книги о Тибетѣ, II, ЖМНП, 1907, № 9, отд. 2, особенно стр. 253 и 263.

царица и великая княгиня вышла изъ саней, и царь и вел. кн. взявъ царицу за руку, шелъ съ нею тою же лѣстницею въ грановитую палату.... А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время какъ государь былъ въ сѣнникѣ, съ голымъ мечемъ, а на царицыно мѣсто въ сани сѣлъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ на конюшню. То же повторилось и на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича: «сѣлъ на аргамака конюшій бояринъ Иванъ Васильевичъ Морозовъ и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ государь былъ въ сѣнникѣ, и во всю ночь съ голымъ мечемъ»[1]. Остановлюсь на этой мелкой, повидимости, подробности: какъ только царица выходила изъ саней, ея мѣсто сейчасъ же занималъ бояринъ. Ради чего это дѣлалось? Мнѣ кажется, что здѣсь повторенъ мотивъ, намъ уже извѣстный: когда младенца берутъ изъ люльки, туда кладутъ ножницы, безъ этой предосторожности злой духъ можетъ поселиться въ люлькѣ и причинить младенцу вредъ. Подобное же явленіе надо видѣть и здѣсь. Если сани, на которыхъ пріѣхала невѣста въ церковь, оставить пустыми, то въ нихъ водворится злой духъ и на обратномъ пути новобрачной во дворецъ причинитъ ей вредъ, испортитъ ее.

Тоже самое приходится сказать и относительно царскаго аргамака; его нельзя держать свободнымъ, потому что на него сядетъ злой духъ съ цѣлью воспользоваться женихомъ для своихъ злыхъ умысловъ на обратномъ пути; а опасность для жениха въ данномъ случаѣ, какъ сейчасъ увидимъ, была еще болѣе серьезная, чѣмъ для невѣсты.

Отъ кого оборонялъ конюшій бояринъ новобрачныхъ въ брачную ночь? Конечно, какъ показываетъ вся обстановка, не отъ людей, для этого охрана въ лицѣ одного боярина была бы слишкомъ ничтожной, а отъ другой, невидимой напасти[2]. И на этотъ разъ Востокъ поможетъ намъ разобраться въ данномъ дѣлѣ.

Можно было бы ограничиться замѣчаніемъ, что бояринъ оберегаетъ новобрачныхъ отъ навожденій злой силы; но мы имѣемъ возможность ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Бѣда угрожаетъ исключительно жениху, а не невѣстѣ. По шаманской демонологіи, не вполнѣ до насъ дошедшей, есть существо опасное для жениха. Подробными свѣдѣніями объ этомъ существѣ мы обязаны В. А. Гордлевскому, который нашелъ ихъ въ суевѣріяхъ османскихъ турокъ[3]. Въ числѣ зловредныхъ духовъ (джинновъ), подстерегающихъ человѣка, турки признаютъ *Алъ-карысы*, это—джиннъ жен-

---

[1] Сахаровъ, Сказанія, кн. VI, стр. 80, 81, 92.

[2] См. Е. Г. Кагаровъ, О знач. нѣкот. русскихъ свадебныхъ обр., стр. 647.

[3] В. А. Гордлевскій, «Изъ османской демонологіи» (Этнографическое Обозрѣніе; Москва, 1914, № 1—2, стр. 23—28).

щина; у нея волосы спутанные и спускаются до пятъ, руки тоненькія, какъ пальцы, на нихъ всего два пальца. Она жадно глядитъ на рожениць и жениховъ, къ роженицамъ она является подъ видомъ бабки и, улучивъ удобный моментъ, похищаетъ сзади легкое. Къ женихамъ она подступаетъ подъ видомъ матери или родственницы и старается похитить у нихъ печень, которая, слегка поджареная, составляетъ для Алъ-карасы самое любимое лакомство. Съ Алъ-карысы можно бороться и уберечь отъ нея, какъ роженицу, такъ и жениха, для чего необходимо принять надлежащія мѣры. Алъ-карысы боится иголки (колющее) и если около роженицы кладутъ иголку, то Алъ-карысы боится уже подойти къ постели роженицы; а если смѣло продѣть иголку сзади въ полы Алъ-карысы, когда она пробирается за легкимъ, такъ она, будто зачарованная, останется въ домѣ и будетъ работать служанкою, а можетъ сдѣлаться женою хозяина. Однажды мужъ спросилъ такую жену: «Отчего это вы ѣдите печень рожениць и жениховъ?... вы не знаете жалости.... ну какъ можно убивать жениха наканунѣ свадебной ночи»? Алъ-карысы отвѣтила: «разъ въ недѣлю всѣ мы, наши отцы, матери, родственники, собираемся въ одно мѣсто, гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Одинъ разводитъ огонь, а другіе разбредаются по городу. Кому удастся захватить окровавленную печень, — несетъ ее къ костру; тогда, чуть-чуть поджаривъ, мы ѣдимъ наполовину сырую печень и веселимся». Далѣе Алъ-карысы добавила: если взять угольевъ, на которыхъ жарилась печень, мелко истолочь ихъ и дать выпить человѣку, у котораго три-четыре часа тому назадъ была вынута печень, онъ опять оживетъ. Мужъ прослѣдилъ за своей женой, собралъ угольевъ и на обратномъ пути услыхалъ въ одномъ домѣ материнскія причитанья надъ покойникомъ: «Ахъ, птенчикъ ты мой, такъ и не достигъ ты своего желанія, пришлось тебѣ умереть въ свадебную ночь»! Этотъ человѣкъ оживилъ покойника, вливъ ему въ ротъ раствора угольевъ, на которыхъ жарилась его же, покойника, печень.

Это сообщеніе представляетъ особенный интересъ. Не смотря на исламъ, у османскихъ турокъ сохранились обрывки древнихъ шаманскихъ вѣрованій, конечно, не въ первоначальной чистотѣ; но сущность совершенно ясна. Нельзя сомнѣваться, послѣ приведенныхъ свѣдѣній, что и у насъ нѣкогда была распространена въ народѣ вѣра въ существованіе злого духа, стремившагося причинить вредъ жениху въ брачную ночь, что этотъ злой духъ боялся остраго или колющаго предмета и бѣжалъ отъ него, что опасность ограничивалась одною только ночью и въ дальнѣйшей охранѣ не представлялось надобности. Если мы примѣнимъ эти объясненія къ описанію царской свадьбы, то тѣ обряды, которыхъ я коснулся здѣсь, полу-

чать надлежащій смыслъ и яркое освѣщеніе. Что подлинный смыслъ обнаженнаго меча въ нашихъ обрядахъ утратился, можно видѣть у Сахарова же въ главѣ: Нарядъ, какъ охранять домъ и все жилое у молодаго князя (стр. 109). «Да дать ясельничему булатной мечъ, чтобы съ тѣмъ мечемъ караулить клѣть, гдѣ будетъ опочивать князь съ княгиней, чтобы не учинили какого лиха». Т. е. здѣсь имѣются въ виду лихіе люди, а не духи.

І. А. Орбели сообщилъ мнѣ, что у кавказскихъ армянъ и теперь сохраняется обычай, въ силу котораго, при возвращеніи новобрачныхъ изъ церкви, у дверей дома становится «крестный братъ» (*хачегбайр* — лицо, держащее надъ брачущимися крестъ во время вѣнчанія) и держитъ *обнаженную* шашку горизонтально поперекъ двери; новобрачные должны пройти подъ этою шашкою и только они одни. При этомъ на порогѣ со стороны мужа кладется тарелка, которую онъ разбиваетъ ударомъ ноги. Мѣстами (напр., въ Делижанѣ, Казанскаго уѣзда) этотъ обрядъ совершается у входа въ храмъ, тогда тарелка отсутствуетъ. То же наблюдается и у грузинъ, по крайней мѣрѣ тифлисскихъ. Шашка въ данномъ обрядѣ препятствуетъ злому духу прослѣдовать за новобрачными въ ихъ домъ, какъ это явствуетъ изъ всего предшествовавшаго изложенія; символическое значеніе разбиваемой тарелки понятно безъ поясненія.

Если бы потребовать развить тему о боязни злыхъ духовъ остраго оружія, то недостатка въ матеріалѣ не встрѣтится. Не желая загромождать статью подробностями, я всетаки приведу еще одинъ примѣръ. Казанскій татаринъ Каюмъ Насыровъ отмѣтилъ, что у мѣстныхъ татаръ существуетъ повѣрье, что джинны боятся желѣза, а потому тѣ татары, которые въ это вѣрятъ, кладутъ подъ постель топоръ или какое либо другое орудіе [1]. Помимо свойства желѣза, устрашающаго злого духа тѣмъ, что изъ металла можно приготовить оружіе, здѣсь придется обратить вниманіе не столько на металлъ, сколько на острый предметъ, изъ него сдѣланный. Злой духъ настолько боится остраго орудія или оружія, что не рискнетъ приблизиться къ такому опасному мѣсту, оставитъ молодыхъ въ покоѣ, а больше ничего и не требуется [2].

Доминиканецъ Вильгельмъ Рубрукъ, посѣтившій въ Монголіи ханшу Коту, видѣлъ тамъ слѣдующее колдовство: четыре меча, извлеченные изъ

---

[1] «Повѣрья и обряды Казанскихъ татаръ». (Зап. Р. Г. О. по отд. Этнографіи, т. VI, Спб. 1880, стр. 255).

[2] Почему бы эту идею объ острыхъ и колющихъ предметахъ не перенести и на нашъ *осиновый колъ*, который вбиваютъ въ могилу колдуновъ? И въ такомъ случаѣ обычай получилъ бы подходящее освѣщеніе. Подобное существуетъ и у бурятъ, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ. Были въ Балаганскомъ вѣдомствѣ случаи, когда при похоронахъ черной шаманки, возбудившей противъ себя ненависть народа, поступали слѣдующимъ образомъ: въ

ноженъ до половины, оберегали больную, одинъ у изголовья ложа ея, другой у подножія, а два другіе по одному съ обѣихъ сторонъ входа[1].

Итакъ, въ старинной русской свадьбѣ долго, до половины XVII ст., удерживались языческіе, т. е. шаманскіе обряды, имѣвшіе въ свое время надлежащій смыслъ. Соблюдались ли эти обряды сознательно или безсознательно, иначе говоря, по традиціи, для меня существеннаго значенія не имѣетъ. Какъ называлось у насъ вредное существо, которое угрожало жениху; какъ народъ представлялъ это существо въ своемъ воображеніи и какія придавалъ ему свойства, — это, повидимому, останется тайной; но идея, повторяю, должна быть общей съ турецкой идеей, воплощенной въ Алъ-карысы[2].

Не встрѣтилъ я такого духа и у бурятъ, у нихъ имѣется нѣчто иное, а именно Öхинъ хара тэнгэри (Черная дѣвица), которая насылаетъ разныя болѣзни людямъ и скоту, особенно она поражаетъ женщинъ и мужчинъ безплодіемъ и насылаетъ всякія болѣзни половыхъ органовъ[3].

І. А. Орбели сообщилъ мнѣ, что на свадьбѣ, на которой онъ присутствовалъ въ 1911 г. въ Моксѣ, въ Ванскомъ вилайетѣ, передъ тѣмъ, какъ жениху отправиться въ церковь, послѣ освященія его платья, священникъ заперъ ключемъ небольшой (висячій) замочекъ, отдалъ его жениху, а ключъ сохранилъ у себя; присутствующіе объяснили, что это дѣлается для того, чтобы кто нибудь, питая злобу къ жениху, не «связалъ» его такимъ же, или инымъ, способомъ и тѣмъ самымъ не лишилъ бы его мужской силы: второй разъ уже связать нельзя, и священникъ такимъ образомъ предохраняетъ жениха отъ злой силы; по минованіи установленнаго срока, по «снятіи вѣнцовъ», священникъ вернетъ ключъ новобрачному и тѣмъ разрѣшитъ его.

гробѣ изъ осины положили шаманку внизъ лицомъ; потомъ вырыли глубокую яму, въ которую опустили гробъ, осиновыми кольями пригвоздили шаманку къ землѣ, придавили осиною (дерево нечистое по понятію бурятъ) и засыпали землею. (М. Н. Хангаловъ, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ». Зап. Вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. II, в. I, стр. 85—86).

[1] Русскій переводъ А. І. Малсина, стр. 132.

Я намѣренно избѣгаю европейской ученой литературы по намѣченной темѣ, потому что мой методъ иной, вполнѣ самостоятельный, не навѣянный ни чьимъ вліяніемъ, и мои положенія всѣ основаны на шаманскомъ культѣ. Но если бы я хотѣлъ въ томъ или иномъ случаѣ опереться на авторитетъ западныхъ ученыхъ, это не составило бы значительнаго труда. Такъ, для значенія обнаженнаго меча въ связи съ чародѣйствомъ въ древнихъ классическихъ миѳахъ, самъ собою напрашивается Комментарій Э. Нордена на Энеиду Виргилія (P. Vergilius Maro. Aeneis Buch VI, erklärt von Eduard Norden. Leipzig, 1903, S. 162, 201—202).

[2] Замѣчу, что тонкія руки Алъ-карысы не чужды и нашимъ миѳологическимъ представленіямъ. Во Владимірской губерніи русалкамъ приписываютъ руки тощія и холодныя. Д. К. Зеленинъ, «Очерки русской миѳологіи». Петрогр. 1916, стр. 133.

[3] М. Н. Хангаловъ, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ». Зап. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. II, вып. I, Иркутскъ, 1890, стр. 14.

Злые духи боятся также звона металла, потому что и страшныя для нихъ острыя орудія звенятъ. Этимъ легко объясняется пришиваніе къ плащу шамана металлическихъ предметовъ, издающихъ сильный звонъ. Тамъ находятся мѣдные колокольчики, желѣзныя изображенія звѣрей и птицъ и т. п., помѣщается и желѣзный лучокъ съ наложенною стрѣлкой; онъ имѣетъ цѣлью отпугивать отъ камлающаго шамана злыхъ духовъ [1].

III. При похоронныхъ обрядахъ стрѣла также примѣняется у народовъ сѣверо-восточной Азіи. Указаніе на это далъ Хангаловъ.

Когда покойника у сѣверныхъ бурятъ доставляли къ мѣсту сожженія, одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана [2].

На этотъ разъ Хангаловъ не далъ намъ никакихъ объясненій этому обряду; возможно, что и сами буряты утратили смыслъ его и совершаютъ его по традиціи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ переднемъ пути стрѣляютъ назадъ съ цѣлью отогнать злого духа, который, по примѣру свадьбы, слѣдуетъ за похоронной процессіей сзади. Что стрѣлу брали затѣмъ въ домъ, это вызывалось, конечно, шаманской демонологіей, но ближайшее значеніе стрѣлы въ послѣднемъ случаѣ неясно.

Разберемся въ собранномъ матеріалѣ. Мы видѣли, что присутствіе стрѣлы въ обрядахъ понималось и объяснялось различно. То она являлась *символомъ любви*, очевидно подъ вліяніемъ греческаго Эрота, и отсюда выводили, что она *освящала* брачный союзъ; то ее считали *знаменіемъ плодородія*, на что не было уже никакихъ основаній. Въ шаманскихъ обрядахъ стрѣла замѣнялась ножомъ, а на сколько извѣстно, ножъ никакого отношенія къ любви не имѣетъ, поэтому и стрѣла у народовъ сѣв.-вост. Азіи никогда не служила символомъ любви. Какимъ образомъ стрѣла, въ свое время страшное оружіе, причинявшее людямъ смерть въ грозныхъ размѣрахъ, могла олицетворять любовь, мнѣ совершенно непонятно. Если бы стрѣла служила символомъ любви, то слѣдовало бы ожидать, что такой много знаменательный предметъ будетъ находиться въ рукахъ жениха, а между тѣмъ у жениха-то стрѣла никогда и не бываетъ; ею дѣйствуетъ обыкновенно дружка или кто-либо другой изъ свадебной свиты.

Это мы разсмотрѣли объясненія европейскихъ ученыхъ, перейдемъ къ азіатскимъ. Начнемъ съ толкованія, что стрѣла означаетъ *душу человѣка*. По шаманскимъ вѣрованіямъ духъ можетъ вселиться въ любой предметъ,

---

[1] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 50.

[2] М. Н. Хангаловъ, «Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ» (Этногр. Обозр., 1891, № 3, стр. 164).

напримѣръ въ знамя, можетъ сдѣлаться оборотнемъ; но чтобы стрѣла сближалась, хотя бы символически, съ человѣческою душою, на это въ шаманствѣ нѣтъ не только указаній, но и никакихъ намековъ. Если стрѣла символизируетъ *увеличеніе* женою *потомства* мужа, то казалось бы, что полезнѣе воткнуть въ столбъ не одну стрѣлу, а нѣсколько, хотя бы сотню, вѣдь это ничего не стоитъ. Да и самый способъ дѣйствія туруши, характеризуемый стремительностью и какъ-бы угрозой, показываетъ, что здѣсь нѣчто иное, чѣмъ символизація души. Къ тому же допускаемая замѣна стрѣлы ножомъ говоритъ не въ пользу Хангалова. Его же объясненіе, что стрѣла замѣняетъ отсутствующаго жениха, тоже не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Почему стрѣлѣ предоставлена такая честь, когда для замѣны отсутствующаго жениха можно прибѣгнуть къ болѣе наглядному и болѣе понятному способу? Напримѣръ, извѣстны случаи, когда вмѣсто настоящаго жениха съ невѣстой идетъ его замѣститель-мальчикъ. За то очень цѣнно сказанное мимоходомъ замѣчаніе, что безъ стрѣлы на мѣсто жениха пойдетъ духъ; только Хангаловъ не пояснилъ намъ, въ чемъ тутъ дѣло, а между тѣмъ нѣтъ никакой трудности дать надлежащее толкованіе. Какъ у колыбели младенца стрѣла отгоняетъ злого духа, такъ и здѣсь она производитъ то же дѣйствіе. Такимъ образомъ мы подошли къ разрѣшенію вопроса во всемъ его объемѣ. Стрѣла, какъ острый, колющій предметъ, подобно иголкѣ, ножу, топору, саблѣ, мечу, копью, а также колючему растенію, наводитъ страхъ на злого духа. Въ этомъ единственно и заключается свойство стрѣлы и ея значеніе въ обрядахъ, ничего другого въ ней нѣтъ, ни человѣческой души, ни плодородія, ни тѣмъ болѣе любви, только одинъ страхъ. Какъ только человѣкъ напалъ на эту мысль, онъ легко и просто порѣшилъ съ мучившими его вопросами о происхожденіи болѣзней, о разныхъ напастяхъ въ жизни и успокоился. Все это находилось въ прямой зависимости отъ шаманской демонологіи.

Какъ только мы свойство стрѣлы устрашать и отгонять злого духа примемъ за основаніе, то присутствіе ея въ обрядахъ сейчасъ же станетъ обязательнымъ, устранитъ всѣ другія произвольныя толкованія. Стрѣла отгоняетъ злого духа отъ колыбели младенца, это—понятно. Когда туруши втыкаетъ стрѣлу въ хойморъ тэнги, устанавливаемый между очагомъ и семейною кроватью, то дѣлается это съ цѣлью отогнать злого духа отъ новобрачныхъ въ первую ночь брака, т. е. съ простою практическою цѣлью, а вовсе не для символизаціи души и не для умноженія потомства. Понятно намъ раздѣленіе косы у невѣсты стрѣлою. Нѣжныя и слабыя существа, неспособныя къ сопротивленію, какъ дѣти и молодыя женщины, нуждаются въ защитѣ отъ нечистой силы; положеніе невѣсты особенно опасно: злой

духъ старается причинить ей вредъ, «испортить», непрочь даже похитить невѣсту. Раздѣленіе косы является однимъ изъ первыхъ пріемовъ приготовленія дѣвицы къ новой, супружеской жизни и потому теперь же необходимо закрыть злому духу подступъ къ невѣстѣ стрѣлою. Мотивъ все одинъ и тотъ же. Помимо того невѣстиной косѣ угрожаетъ какая-то опасность, которую надо устранить. Въ бурятскихъ сказаніяхъ мышь отгрызаетъ женскую косу и уноситъ ее[1]. На Востокѣ женщины привѣшиваютъ къ косамъ колокольчики и металлическіе предметы, быть можетъ не только ради украшенія, а и въ традиціяхъ охраны.

Стрѣлы св. Себастьяна въ западной Европѣ, на которыя мнѣ указалъ Б. Л. Богаевскій, и которыя изготовлялись во время эпидемическихъ болѣзней, имѣли, по моему мнѣнію тоже значеніе устрашенія, какое присуще имъ и въ восточной Азіи, только подъ христіанскимъ оттѣнкомъ. И европейцы думали такимъ средствомъ отогнать холеру, чуму и другія злыя силы.

Проф. Е. Г. Кагаровъ, въ своемъ изслѣдованіи «О значеніи нѣкоторыхъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ»[2], очень близко подошелъ къ рѣшенію вопроса о сущности предохранительныхъ мѣръ на свадьбѣ, и только осталось сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы дать надлежащее освѣщеніе тому или другому обряду. Въ самомъ дѣлѣ: почему стрѣльба, напримѣръ, имѣла апотропеическій, т. е. отвращающій характеръ, какъ это признаетъ цѣлый рядъ ученыхъ? Чтобы такое толкованіе не казалось произвольнымъ, слѣдовало выяснить, на чемъ оно основано. Отвращающій характеръ стрѣльбы не есть ея первоначальное свойство, а лишь дальнѣйшее его развитіе, вытекающее изъ того, что всякій острый, колющій, рѣжущій металлическій и даже деревянный предметъ страшенъ злымъ духамъ, которые не осмѣливаются къ нему приближаться. Отсюда вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе, то положеніе, что подобный *устрашающій* предметъ долженъ имѣть *отвращающее* значеніе, слѣдовательно, изслѣдователи, остановившись на второй стадіи, никакого произвола не совершили, только они не дошли до первой. Я не рѣшился бы назвать такіе обряды «религіозно-магическими»; подобные громкіе термины совсѣмъ не къ лицу дѣтски наивнымъ вѣрованіямъ младенствующаго человѣчества. Не такъ просто обстоитъ дѣло съ обрядомъ раскрыванія стрѣлою покрывала новобрачной. Здѣсь намъ придется обратиться въ область суевѣрій о дурномъ глазѣ.

Вѣра въ дурной глазъ есть явленіе общераспространенное и сильно укоренившееся въ людяхъ съ глубокой древности вплоть до образованнаго

---

[1] Е. Г. Кагаровъ уже отмѣтилъ, что длинные, развѣвающіеся волосы особенно доступны пагубному воздѣйствію демоновъ. Стр. 649.

[2] Извѣстія Акад. Наукъ, 1917 г., № 9.

общества нашихъ дней, и всегда, и вездѣ принимались, а равно принимаются и теперь разныя мѣры предосторожности противъ сглаза. Насколько дурной глазъ отравлялъ существованіе человѣка, можно видѣть изъ обширнаго труда Зелигманна, собравшаго поразительно богатый и разнообразный матеріалъ о дурномъ глазѣ. Авторъ — глазной врачъ въ Гамбургѣ заинтересовался данной темой съ исторической стороны и далъ этому явленію свои объясненія, которыя, по моему мнѣнію, не принадлежатъ къ числу пріемлемыхъ[1].

Б. В. Фармаковскій въ статьѣ «Живопись въ Пальмирѣ»[2] объяснилъ рисунокъ, изображающій глазъ, на который устремлены острыя орудія (мечъ, гвозди), а также хищныя животныя, птицы (пѣтухъ) и гады (змѣя, тарантулъ и два скорпіона)[3]. Такой рисунокъ имѣлъ значеніе амулета противъ колдовства и дурного глаза, гибельныя вліянія котораго устраняются окружающими глазъ изображеніями. На мусульманскомъ востокѣ боязнь сглаза, который извѣстенъ тамъ подъ арабскимъ названіемъ *назар* نظر, что значитъ *взглядъ* и *дурной глазъ*[4], развита до болѣзненности и вызвала разнообразную систему амулетовъ. Тамъ туземцы объясняютъ пользу амулетовъ тѣмъ, что человѣкъ, обладающій дурнымъ глазомъ, сперва взглянетъ на амулетъ, отразитъ на немъ свою злую силу, а потомъ посмотритъ на самое существо уже обезвреженнымъ окомъ[5]. Такое объясненіе не можетъ быть принято потому, что нѣкоторые амулеты отъ сглаза зашиваются въ одежду и не могутъ быть видимы посторонними людьми[6].

Лицо невѣсты до извѣстнаго момента скрыто отъ присутствующихъ покрываломъ и когда настаетъ время раскрыть покрывало, всѣ взоры присутствующихъ, а можетъ быть и злой силы, устремятся на новобрачную. Тутъ-то и грозитъ ей бѣда отъ сглаза; однако, стрѣла принесетъ пользу, устрашая все вредное для женщины. Конечно, стрѣла направлена не противъ молодой, а въ защиту женщины, чтобы на пути къ ней отразить злое начало во взглядахъ[7].

---

[1] Der böse Blick und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens aller Zeiten und Völker. Von Dr. S. Seligmann. 2 B. Berlin, 1910.

[2] Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, VIII, Софія, 1903.

[3] Подобный рисунокъ помѣщенъ у Зелигманна на обложкѣ и въ текстѣ (II, 117).

[4] Это слово *назар* извѣстно и у насъ въ южной Россіи, и напрасно проф. Н. Ѳ. Сумцовъ производитъ его отъ славянскаго глагола *назирать*, откуда — *назоръ*. («Культурныя переживанія», К. 1890, стр. 233).

[5] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 131.

[6] Записки Одесск. общ. Ист. и Др., т. XXV (1904), смѣсь, стр. 17.

[7] И ребенка оберегаютъ отъ сглаза. Когда у бурятской женщины родится ребенокъ, она долго не показывается никому на глаза, и въ юрту, гдѣ находится она съ новорожденнымъ, не допускается никто изъ постороннихъ, въ особенности женщины. Полгода послѣ

Профессору А. А. Дмитріевскому посчастливилось въ Малороссіи ознакомиться съ рукописью, въ которой между прочими «чинами» помѣщенъ «чинъ скрыванія новобрачныхъ», совершаемый въ Малороссіи и въ настоящее время. Сущность обряда, какъ видно изъ статьи г. Дмитріевскаго, заключается въ томъ, что на другой день послѣ вѣнчанія новобрачныхъ ведутъ въ церковь, гдѣ священникъ, во время особаго богослуженія, надѣваетъ на новобрачную покрывало изъ полотна или кисеи. Женихъ въ этомъ обрядѣ самостоятельной роли не играетъ[1]. Послѣ того въ домѣ новобрачныхъ исполняется обрядъ «разстрѣливанія новобрачной», этотъ обрядъ не помѣщенъ въ «чинѣ» и переданъ мнѣ профессоромъ Дмитріевскимъ устно по личнымъ наблюденіямъ въ Черниговской губерніи. Новобрачную, скрытую покрываломъ, сажаютъ на почетное мѣсто, въ уголъ, и мальчикъ, родственникъ ея, бросаетъ одинъ за другимъ нѣсколько камешковъ въ стѣну вокругъ головы молодой и затѣмъ раскрываетъ покрывало *заостренной* палкой, очевидно, за неимѣніемъ въ настоящее время стрѣлы.

По замѣчанію Г. Н. Потанина, нашъ народъ убѣжденъ, что свадьбы подвержены большимъ приключеніямъ, и дружка долженъ умѣть отвращать эти несчастія; каковы бываютъ «приключенія», можно увидѣть въ статьѣ этого автора[2].

По тѣмъ же соображеніямъ стараются отогнать злого духа отъ покойника и отъ участниковъ похоронной процессіи, такъ какъ на похоронахъ злымъ духамъ предстоитъ поживиться богатой добычей. Однимъ словомъ, шаманистъ былъ постоянно озабоченъ борьбой съ невидимымъ, но враждебнымъ ему міромъ, чтобы предупредительными мѣрами избѣжать катастрофы въ видѣ болѣзни или преждевременной смерти.

Надѣюсь, изъ всего изложеннаго будетъ понятно, почему стрѣлу иногда замѣняютъ ножомъ или саблею[3]. Если колючее растеніе, какъ шиповникъ, гонитъ прочь злого духа, то ножъ своимъ острымъ лезвіемъ еще болѣе страшенъ злымъ духамъ и, пожалуй не уступитъ стрѣлѣ; теоретически онъ даже равносиленъ съ нею; но въ практическомъ отношеніи стрѣла

того, какъ родился ребенокъ, около юртъ стоятъ сторожевые *зек*—березки съ протянутыми на нихъ нитками, ленточками или кусками невода, и при видѣ этихъ зек ни одинъ бурятъ, ни одна бурятка не войдутъ въ юрту. (Ольхонъ, хозяйство и бытъ бурятъ Еланцинскаго и Кутульскаго вѣдомствъ. Составилъ П. Е. Кулаковъ. Зап. Р. Г. О. по отд. статистики, т. VIII, в. I, СПб. 1898, стр. 35).

[1] См. журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей». Т. I, Кіевъ, 1885, стр. 41—50,

[2] «Юго-западная часть Томской губерніи» (Этнографическій Сборникъ, издаваемый Рус. Геогр. Общ., вып. VI, СПб. 1864, стр. 144).

[3] Если человѣка давитъ кошмаръ, «хара дарна», Халхасцы кладутъ подъ подушку на ночь саблю. (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, стр. 100). О значеніи сабли см. у Ибрагимова, стр 123.

имѣетъ то преимущество, что ею можно поражать враждебныхъ духовъ на значительномъ разстояніи, а потому она и должна была занять первенствующее мѣсто въ борьбѣ съ злымъ началомъ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ стрѣла примѣняется и при другихъ обрядахъ, уже подвергшихся вліянію буддизма. У Дюрбютовъ во время жертвоприношенія огню хозяинъ, вынувъ мясо изъ котла, колеблетъ имъ въ воздухѣ и читаетъ молитву, держа въ рукѣ «сумынъ» (стрѣлу), т. е. палочку съ пятью наконечниками, къ которымъ привязаны «пять цвѣтовъ», т. е. тряпочки пяти цвѣтовъ [1].

Аларскіе буряты во время жертвоприношенія огню ставятъ подлѣ огня ведро со сметаной, въ которое опущена стрѣла (уткэ); эта сметана поѣдается въ теченіе трехъ дней, и во все это время стрѣла остается въ ведрѣ [2].

Идея устрашенія злого духа какимъ либо символическимъ знакомъ или предметомъ очень распространена и въ наше время. Дюрбюты на двери въ юртѣ вѣшаютъ кость бутӧ чумыкъ, къ которой привязываютъ «бу», деревяшку; въ этой кости, украшенной деревяшкою, находятъ сходство съ человѣкомъ, стрѣляющимъ изъ ружья (ружье-бу); этотъ снарядъ будто бы отпугиваетъ отъ юрты читкура [3] (духъ, похищающій ребенка).

Исчерпать всѣ случаи, когда пользовались стрѣлой при совершеніи обрядовъ, теперь трудно; но и то, что доступно, не должно быть упущено. У бурятъ, во время общественной облавы на звѣрей, *зэгэтэ-аба*, производилась расправа съ виновными, нарушившими правила облавы. Сильно провинившихся устраняли отъ дѣлежа добычи или пускали въ нихъ стрѣлы, снявъ острые наконечники, или, наконецъ, ломали надъ преступникомъ стрѣлу, что считалось самымъ позорнымъ наказаніемъ [4].

И здѣсь стрѣла необходима своимъ устрашающимъ свойствомъ. Это такъ естественно и въ тоже время просто, что становится страннымъ, почему до сихъ поръ никто не далъ этого объясненія.

Н. Веселовскій.

---

[1] Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 90.

[2] Тамъ же, стр. 91.

[3] Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 132. На основѣ этой идеи и нашъ народъ въ крещенскій сочельникъ изображаетъ или выжигаетъ на притолкѣ дверей крестъ чтобы отогнать дьявола отъ жилища.

[4] М. Н. Хангаловъ, «Зэгэтэ-аба». Изв. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. т. XIX, № 3, Ирк, 1888, стр. 8.

О первоначальной формѣ купола Ахтамарскаго храма.

Корректура этой статьи была мнѣ возвращена послѣ просмотра въ октябрѣ 1918 года Яковомъ Ивановичемъ Смирновымъ, за нѣсколько дней до его смерти. Свѣтлой памяти его посвящаю эту работу.

Храмъ св. Креста на островѣ Ахтамарѣ, на Ванскомъ озерѣ, выдающееся значеніе котораго въ исторіи не только армянскаго искусства, но и искусства восточно-христіанскаго вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина, уже неоднократно отмѣчалось и, повидимому, признается теперь всѣми, посвятившими свои силы изученію византійскаго и даже русскаго искусства, до сихъ поръ главнымъ образомъ привлекалъ къ себѣ вниманіе тѣми богатѣйшими рельефами, которыми сплошь покрыты его стѣны снаружи[1].

Между тѣмъ, и въ отношеніи архитектурномъ, и по плану и по различнымъ особенностямъ конструкціи, церковь эта должна была бы быть поставлена въ одинъ рядъ съ наиболѣе выдающимися памятниками Арменіи, и матеріалъ для сужденій по этому вопросу, правда, очень скудный, сталъ доступенъ уже давно[2]. Именно одной изъ такихъ чертъ, характеризующихъ Ахтамарскій храмъ, какъ памятникъ совершенно исключительный въ ряду другихъ армянскихъ храмовъ, и посвящается настоящая замѣтка[3].

---

[1] Только сегодня, 2 іюня 1921 г., сдавая на машину къ печати свою статью, я имѣлъ возможность просмотрѣть проспектъ новаго обширнаго труда I. Стшиговскаго, Die Baukunst der Armenier und Europa, въ которомъ, кажется, должное вниманіе удѣляется и архитектурѣ Ахтамарскаго храма, не только его рельефамъ.

[2] Впрочемъ точный его планъ изданъ лишь въ 1913 г. въ трудѣ W. Bachmann, Kirchen und Moscheen im Armenien und Kurdistan. Л. 1913.

[3] Я имѣю въ виду издать особо приготовленное мною еще весной 1912 г. подробное описаніе Ахтамарскаго храма и его рельефовъ, со включеніемъ всѣхъ надписей, находящихся на островѣ; печатаніе этой работы я до сихъ поръ откладывалъ въ надеждѣ побывать еще разъ на Ахтамарѣ и пополнить свое описаніе и снятые мною въ 1912 г. фотографіи.

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ рельефовъ, украшающихъ снаружи церковь, — изображеніе строителя церкви, Васпураканскаго царя Гагика Арцруни, наглядно представляющее торжественный нарядъ армянскаго царя первой половины X вѣка и передающее даже рисунокъ ткани.

Рельефъ этотъ находится на западной стѣнѣ западнаго крыла храма, къ сѣверу отъ окна, противъ находящагося къ югу отъ того же окна рельефа Спасителя.

Въ исторіи Ѳомы Арцруни, въ одномъ изъ двухъ очерковъ, посвященныхъ церкви св. Креста[1], находимъ упоминаніе объ этомъ рельефѣ, при описаніи фасада западнаго крыла храма:

...Նմանահան ճշգրտութեամբ յաւրինեալ է (ճարտարապետ Մանուէլն) ընդ դէմ Փրկչին և զփառազարդ պատկեր արքային Գագկայ որ մեծապարծ հաւատով բարձեալ ունի զեկեղեցին ի վերայ բազկացն, իբրև զսափորն ոսկի լի մանանայիւն, և իբրև տուփ մի ոսկի անուշահոտութեամբ լցեալ. կայ առաջի Տեառն կերպագրեալ այնպէս՝ որպէս թէ թողութիւն խնդրեսցէ մեղաց։[2]

«...съ портретной точностью изобразилъ (архитекторъ Мануэлъ) противъ Спасителя и украшенное славой изображеніе царя Гагика, который съ великой вѣрой подъялъ церковь на руки[3], какъ золотой сосудъ, полный манной, или какъ золотой ларецъ, наполненный благовоніями; изображенный такъ, пребываетъ (царь) передъ Господомъ, какъ бы прося объ оставленіи грѣховъ».

Дѣйствительно, изображеніе Гагика если не является портретнымъ (оно слишкомъ грубо), то во всякомъ случаѣ содержитъ не одну индивидуальную черту, указывающую на стремленіе мастера изобразить не человѣка вообще, а опредѣленное лицо. Это особенно замѣтно, если сравнить рельефъ Гагика съ рельефами, изображающими различные ветхозавѣтныя сцены и даже съ рельефами армянскихъ князей, мучениковъ Саргиса и Амазаспа, умершихъ задолго до изсѣченія ихъ рельефовъ. Разумѣется, наиболѣе индивидуальныя черты носитъ не лицо, а нарядъ царя, его мантія и, особеннно, корона. Но въ данный моментъ насъ интересуетъ не изображеніе самого царя, а та модель построенной имъ церкви, которую царь держитъ на локтевой части лѣвой руки.

---

[1] Оставляю сейчасъ въ сторонѣ вопросъ о согласованіи этихъ двухъ отрывковъ, быть можетъ — результата компиляціи двухъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ исторіи, въ полномъ объемѣ приписываемой по традиціи Ѳомѣ Арцруни.

[2] Ѳома Арцруни, К-поль, стр. 335.

[3] *Բազուկ* — локтевая часть руки.

Модель эта выполнена въ чрезвычайно высокомъ рельефѣ, такъ что полностью показаны не только западное крыло крестообразной церкви, но и лицевыя, сѣверная и южная, стороны боковыхъ крыльевъ. Модель невелика, нижняя площадь ея имѣетъ съ С. на Ю. — 0,42 м., съ В. (отъ руки) на З. — 0,25 м., вышина южнаго фасада 0,49, общая вышина съ куполомъ — 0,63 м.; но, несмотря на это, вся модель въ общемъ вполнѣ выдержана и правильна, архитектурныя формы сохранены; не разработаны и потому не точны лишь верхнія части башенокъ, помѣщенныхъ въ углахъ креста, и уменьшено число ступеней импоста: представлены лишь двѣ ступени.

На модели видны всѣ три глубоко врѣзанныя двери, сѣверная, западная и южная; надъ дверьми, въ согласіи съ дѣйствительностью, показаны глубоко врѣзанныя среднія окна фасадовъ, надъ которыми видны наличники съ отходящими концами, въ видѣ ⌒. По сторонамъ дверей вырѣзаны треугольныя ниши, увѣнчанныя такими же, какъ у оконъ, наличниками. Перекрытіе крыльевъ храма, съ фронтонами, и угловыхъ частей, надъ башенками, согласно съ дѣйствительностью.

Въ виду такой точности модели особый интересъ пріобрѣтаетъ верхняя часть модели, — барабанъ и куполъ. Барабанъ представленъ восьмиграннымъ, причемъ видны лишь семь граней; на граняхъ барабана показаны пять оконъ, сѣверное, сѣверо-западное, западное, юго-западное и южное. Такимъ образомъ, изображеніе барабана существенно упрощено; въ дѣйствительности граней шестнадцать, съ восемью окнами, такъ что число граней уменьшено на половину, а число оконъ и ихъ размѣщеніе сохранены согласно дѣйствительности. Вокругъ барабана внизу представленъ карнизъ.

Наиболѣе существенное отличіе модели отъ нынѣшняго вида самого храма представляетъ покрытіе купола, не пирамидальное, не коническое, а, совершенно опредѣленно, — полусферическое; это ясно видно и на снимкѣ В. Бахманна[1] и, особенно, на фотографіи Е. А. Лалаяна[2], и на моемъ снимкѣ. Въ верхушкѣ купола, западная часть которой отбита, благодаря чему особенно ясно видна на снимкахъ полусферическая форма покрытія купола, выдолблено вертикальное гнѣздо, несомнѣнно служившее для укрѣпленія въ немъ креста, вѣроятно металлическаго[3].

---

[1] Bachmann, тбл. 39.

[2] Ե. Լալայեան. *Աղթամարի սուրբ Խաչ վանքը* (Ազգ. Հանդ., XXII) и отд. отт.: *Վասպուրականի նշանաւոր վանքեր*, Ա պրակ, табл. [3].

[3] Поврежденіе купола произошло, очевидно, при извлеченіи этого креста, быть можетъ золоченнаго, изъ гнѣзда; оно было причинено, какъ мнѣ сообщалъ въ 1912 г. одинъ изъ членовъ монастырской братіи, грабителями, искавшими будто бы внутри модели скрытаго

Въ настоящее время куполъ церкви св. Креста имѣетъ покрытіе не полусферическое, а пирамидальное; такимъ образомъ, модель, какъ я старался подчеркнуть, — вполнѣ точная, вѣроятно представляетъ первоначальный видъ храма, позже подвергшагося частичной перестройкѣ. Трудно предположить, чтобы, хорошо передавъ даже менѣе важныя части храма, мастеръ исказилъ такую существенную черту, значенія которой онъ не могъ не сознавать, — тѣмъ болѣе, что это не могло быть вызвано стремленіемъ облегчить или упростить работу, чѣмъ, единственно, объясняется уменьшеніе на модели числа ступеней импоста и числа граней барабана, послѣднихъ — просто въ силу необходимости.

Вопросъ о первоначальной формѣ купола Ахтамарской церкви св. Креста, пріобрѣтаетъ особый интересъ и даже, я бы сказалъ, особую остроту, въ виду того, что, по крайней мѣрѣ — въ позднѣйшей перспективѣ, та или другая, полусферическая или пирамидальная (или коническая), форма покрытія можетъ являться чертой, опредѣляющей и догматическую принадлежность строителей къ византійскому халкедонитству или армянскому антихалкедонитству. Первое время послѣ того, какъ я убѣдился въ столь существенномъ отличіи модели отъ храма, мнѣ даже казалось, что форма покрытія купола модели можетъ служить указаніемь на ромейское, происхожденіе архитектора Мануэла, одного изъ тѣхъ мастеровъ, которые принадлежали по словамъ Ѳомы Арцруни къ разнымъ національностямъ (յամենայն ազգաց).

Такая моя поспѣшность въ сужденіи можетъ объясняться тѣмъ, что, потому ли что ихъ не было вовсе, потому ли что они всѣ были перестроены, — намъ неизвѣстенъ ни одинъ полусферическій куполъ на армянской церкви, въ предѣлахъ Арменіи. Поэтому, если даже совершенно отказаться отъ преувеличенія значенія первоначальной формы купола церкви св. Креста для выясненія вопроса о національности или исповѣданіи ея строителя, полусферичность купола Ахтамарскаго храма ни въ какой мѣрѣ не теряетъ своего интереса.

Въ связи съ этимъ большое получаетъ для насъ значеніе одна изъ немногочисленныхъ надписей церкви св. Креста и, безспорно, наиболѣе интересная изъ нихъ, даже въ томъ обрывочномъ видѣ, въ какомъ она до сихъ поръ была извѣстна. Сохранность этой надписи настолько плоха, что Н. Саргисянъ[1] смогъ прочесть лишь нѣсколько отдѣльныхъ словъ (чтеніе Е. А. Лалаяна[2] отличается отъ чтенія Саргисяна только тѣмъ, что въ

сокровища; любопытно, что въ своихъ поискахъ они будто бы руководствовались приведеннымъ выше «указаніемъ» историка Ѳомы Арцруни. Мнѣ кажется, мой освѣдомитель заблуждался, относя поврежденіе модели къ недавнему времени.

[1] Տեղագրութիւնք եւն., 277.

[2] Лалаянъ, 210, отд. отт. 18.

его изданіи не сохранено раздѣленіе строкъ и текстъ напечатанъ строчными буквами); тѣмъ не менѣе, было ясно, что надпись эта относится къ куполу храма; въ изданіи Саргисяна надпись читается такъ:

...ԽԱՐՀԱԿԱԼ ԹԱԳԱ
ՒՈՐՈՒԹԵ...
ՀԱՅԿԱԶԵԱՆ
...ՑԻ ԶԳՈՒՄԲԷԹ
...ՀԱՅՈՑ

Упоминаніе въ этой надписи о куполѣ побудило меня съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ ней, и, при благопріятномъ освѣщеніи, мнѣ удалось, хотя и съ большимъ трудомъ (я не располагалъ лѣстницей), прочесть весь сохранившійся текстъ надписи.

Надпись находится на южной стѣнѣ восточнаго крыла церкви, вверху, подъ фризомъ.

Вся надпись очень испорчена, такъ какъ камень промытъ водою и вывѣтрился, а правая сторона надписи (т. е. концы строкъ) не сохранилась вовсе: тутъ вставленъ новый камень, судя по ширинѣ котораго, въ каждой строкѣ недостаетъ по 10—12 буквъ. Надпись довольно крупными, хорошо вырѣзанными буквами, читается такъ:

ՅԱՇԽԱՐՀԱԿԱԼԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹ̅Ե̅Ն
ԱՆԻՆԵՒԻՀԱՅԿԱԶՆԵԱՆԹՈՒԱԿԱՆԻՍ:░
ԱՆՈՍՀԱՅՈՑԿԱԹՈՂԿ░ՈՒԹԵՐՈՐԴԱՄԻՆ
ՒԹ̅Ե̅ԻՄՈ:ՎԵ░░░ՆՈՐՈԳԵՑԻԶԳՈՒՄԲԵ
Ս░ԽԱՉԻՍԶՈՐԷՐՇԻՆԵԱԼԻՀԻՄԱՆ
ԳԱԳԻԿԹԱԳԱՒՈՐՀԱՅՈՑ:ՈՎՈ
ՔՅԻՇԵՍ░ՔԻՏ̅Ր̅

ՅԱՇԽԱՐՀԱԿԱԼ ԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹԵԱՆՆ |...ԱՆԻՆ ԵՒ Ի ՀԱՅԿԱԶՆԵԱՆ ԹՈՒԱԿԱՆԻՍ ... ⌈ԵՍ ՍՏԵՓ⌉|ԱՆՈՍ ՀԱՅՈՑ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ ⌈Ց⌉ՈՒԹԵՐՈՐԴ ԱՄԻՆ ⌈ՀԱՅՐԱՊԵՏՈ⌉|ՒԹԵԱՆ ԻՄՈ Վ.Ե⌈ՐՍՏԻՆ⌉ ՆՈՐՈԳԵՑԻ ԶԳՈՒՄԲԵ|⌈Թ⌉Ս ⌈ՍՈՒՐԲ⌉ ԽԱՉԻՍ ԶՈՐ ԷՐ ՇԻՆԵԱԼ Ի ՀԻՄԱՆ|⌈Ց⌉ ԳԱԳԻԿ ԹԱԳԱՒՈՐ ՀԱՅՈՑ: ՈՎ Ո|⌈Ր ԿԱՐԴԱՅ⌉Ք ՅԻՇԵՍ⌈ՋԻ⌉Ք Ի ՏԷՐ:

«Въ миродержавное царствованіе ....ана, въ лѣто армянскаго лѣтосчисленія ..., я владыка ⌈Стеф⌉анъ, католикосъ Арменіи, въ восьмой годъ моего патріаршества возобновилъ куполъ и кровлю сей церкви святого Креста, которую построилъ отъ основанія .... Гагикъ, царь Арменіи. Кто прочтете, помяните во Господѣ».

Характеръ и размѣры работъ, произведенныхъ Стефаномъ съ бо̀льшею точностью опредѣляетъ ахтамарскій синодикъ [1]. Послѣ упоминанія о католикосѣ Давидѣ, сынѣ Абдулмусеһа, сообщается.

«А послѣ владыки Давида, (сѣлъ) владыка Григорій, а послѣ владыки Григорія владыка Стефанъ Отрокъ, который выстлалъ плитами куполъ (церкви) св. Креста и исправилъ (сдѣлалъ) двѣнадцать камней съ южной стороны св. Креста»... [2].

Время возобновленія купола не можетъ быть опредѣлено на основаніи одной только надписи, такъ какъ совершенно неясно, о какомъ католикосѣ Стефанѣ идетъ рѣчь и не сохранилось имя «міродержавнаго царя». Но, такъ какъ въ томъ же синодикѣ послѣ «юнаго католикоса Стефана» упоминаются, какъ его преемники на Ахтамарскомъ престолѣ Захарія, Давидъ, Нерсесъ и Захарія, претерпѣвшій мученичество въ Востанѣ въ 1396 г., возобновленіе купола приходится присвоить тому католикосу Стефану, отъ котораго до насъ дошли на Ахтамарѣ еще двѣ надписи.

Первая изъ нихъ находится на большомъ крестномъ камнѣ, вложенномъ въ южную стѣну притвора (дарабаса).

ԹՈՒ:ՉՂԹ:ԵՍՏՐՍՏԵՓԱՆՈՍԱԹՈՌԱԿԱԼԱՂԹԱՄԱ
ՐԱՅԱԶԳԱՒԱՐԾՐՈՒՆԻ:ԿԱՆԳՆԵՑԻԶԽԱՉՍԲԱՐԵԽԱՒՍԱ
ՌԱԾԻՆՉԵՒՄԱՒՐԻՄՈՅԹԱԳՈՒՀՈՅԵՒՔՈՒՐՈՋԻՄՈՅ
ՆՈՒՐԻԽԱԹՈՒՆԻ:ԵՒՔՈՒՐՈՋԴՍՏԵՐԻՄՈՅՌԵՒԱՆԴ
ԶԻ:ԵՒԱՍԼԱՆՄԵԼԻՔԻ:ՈՐՔՀԱՆԻՊԻՔՅԻՇԵՑԷՔԻՔ

⌈Թ⌉ՈՒ⌊Ի⌋Ն⌋ ***ՉՂԹ*** ԵՍ ՏԷՐ ՍՏԵՓԱՆՈՍ ԱԹՈՌԱԿԱԼ ԱՂԹԱՄԱ|ՐԱՑ ԱԶԳԱՒ ԱՐԾՐՈՒՆԻ ԿԱՆԳՆԵՑԻ ԶԽԱՉՍ ԲԱՐԵԽԱՒՍ Ա|Ռ ԱԾ ԻՆՁ ԵՒ ՄԱՒՐ ԻՄՈՑ ԹԱԳՈՒՀՈՑ ԵՒ ՔՈՒՐՈՋ ԻՄՈՑ | ՆՈՒՐԻԽԱԹՈՒՆԻ ԵՒ ՔՈՒՐՈՋ ԴՍՏԵՐ ԻՄՈՑ ՌԵՒԱՆԴԶԻ ԵՒ ԱՍԼԱՆ ՄԵԼԻՔԻ: ՈՐՔ ՀԱՆ⌊Դ⌋ԻՊԻՔ ՅԻՇԵՑԷՔ Ի ՔՐԻՍՏՈՍ:⌉

«Лѣта 789, я, владыка Стефанъ, престолодержецъ Ахтамара, родомъ Арцруни, поставилъ сей крестъ, ходатай передъ Богомъ за меня и мать мою Тагуһи и сестру мою Нури-хатунъ и племянницу мою (по сестрѣ) Ревандузъ [3] и за Асланъ-мелика. Кто посѣтите, помяните во Христѣ».

---

[1] Синодикъ, содержащій въ началѣ разсказъ о построеніи Ахтамара (по Ѳомѣ Арцруни), сохранился въ двухъ спискахъ; одинъ изъ нихъ, которымъ я пользовался въ Ахтамарѣ и списалъ, представляетъ собою палимпсесть, свитокъ пергамента, сшитый изъ листовъ большой рукописи, первоначально писанной въ два столбца; списокъ поздній. Второй списокъ, 1824 г., изданъ архим. Месропомъ (Максудяномъ) и представляетъ мало отличій отъ моей копіи (см. *Հաւաքարան անուանց կաթուղիկոսաց Աղթամարայ*, Эчміадзинъ, 1916).

[2] Такъ въ моемъ спискѣ. Въ изданіи же архим. Месропа говорится о 13 камняхъ (назв. соч., стр. 38).

[3] Я не увѣренъ въ правильности моего чтенія этого имени.

Вторая изъ этихъ надписей находится на камнѣ, лежащемъ около скалы, недалеко отъ берега, въ сѣв.-вост. части острова[1].

ԻԹՈՒԻՉՂԷ
ՎԱՂՃԱՆԵՑԱՒԱՂՔԱՏԱՍԷՐՀԱՅՐ
▨▨▨ԵՏ▨▨ՐՍՏԵՓԱՆՈՍԿԱԹՈՂԻԿ
ՈՍԱՄԵՆԱՅՆՀԱՅՈՑԱԶԳԱՒԱՐԾՐՈՒՆԻ
▨▨▨▨ՈՂՈՐՄՈՒԹ̅ՆԱԹՈՌԱԿԻՑ
ԱՐԱՍՑԷԶՆԱՍՐԲՈՑՀԱՅՐ
ԱՊԵՏԱՑՆԱՄԷՆ

Ի ԹՈՒԻ ՉՂԷ | ՎԱՂՃԱՆԵՑԱՒ ԱՂՔԱՏԱՍԷՐ ՀԱՅՐ|⌈ԱՊ⌉ԵՏ⌈Ն ՏԷ⌉Ր ՍՏԵՓԱՆՈՍ ԿԱԹՈՂԻԿ|ՈՍ ԱՄԵՆԱՅՆ ՀԱՅՈՑ ԱԶԳԱՒ ԱՐԾՐՈՒՆԻ: | ⌈ՔՐԻՍՏՈՍԻ Ա̃Ծ⌉ ՈՂՈՐՄՈՒԹԻՒՆՆ ԱԹՈՌԱԿԻՑ | ԱՐԱՍՑԷ ԶՆԱ ՍՐԲՈՑ ՀԱՅՐ|ԱՊԵՏԱՑՆ. ԱՄԷՆ:

«Въ лѣто 797 скончался нищелюбивый патріархъ владыка Стефанъ, католикосъ всей Арменіи, родомъ Арцруни. Милость Бога да сдѣлаетъ его сопрестольникомъ святыхъ патріарховъ. Аминь».

Такимъ образомъ, возобновленіе купола церкви св. Креста Стефаномъ должно относиться къ первой половинѣ XIV вѣка; точнѣе дату опредѣлить не удается, такъ какъ мнѣ не извѣстенъ годъ помазанія Стефана.

Впрочемъ, среди списанныхъ мною на Ахтамарѣ надписей есть одна, которая могла бы очень помочь въ этомъ вопросѣ, но, къ сожалѣнію, я не увѣренъ, какъ надо читать первую букву ея даты, Չ или Ռ (буквы, въ смѣшанномъ письмѣ весьма сходныя по начертанію), такъ что эта надпись можетъ относиться къ 1617 или къ 1317 году; ни фотографіи, ни эстампажа у меня нѣтъ.

Надпись находится на скалѣ мыса, гдѣ стоитъ церковка св. Саргиса. Надпись не закончена.

ԻՉԿԶԱՄԻՆԶՍՏԵՓԱՆՈՍՆ
ԵԴԱՔԿԱԹ̅ՂՍԵՒՆՈՅՆԱՄ
ԻՆԳՐ̅Գ̅ՄՆՎԱՀՃԱՆԵ
ՑԱՒԵՍՆՈՒԱՍՏՅՎ̅Ն̅Ս
Ն▨ՑԻՆԱՐԲԱՆ
ԵԱԿ

[1] Надпись эта была напечатана Лалаяномъ, 210 (отд. отт., 18).

Ի ՉԿԶ ԱՄԻՆ ԶՍՏԵՓԱՆՈՍՆ | ԵԴԱՔ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ ԵՒ ՆՈՑՆ ԱՄ|ԻՆ ԳՐԻԳՈՐԻՍՆ ՎԱՃԱ-
ՆԵ|ՑԱՒ: ԵՍ ՆՈՒԱՍՏ ՅՈՎԱՆԷՍ | Ն⌜ՐՈ⌝ՑԻՆ ԱՐԲԱՆ|ԵԱԿ...

«Въ годъ 766 поставили мы католикосомъ Стефана и въ томъ же году скончался Григорисъ. Я убогій Ованэсъ, ихъ воспитанникъ»....

Если эта надпись дѣйствительно относится къ нашему Стефану, что весьма вѣроятно, такъ какъ и тому предшествовалъ на престолѣ Григорій, то возобновленіе купола датируется совершенно точно — 1325 годомъ.

«Міродержавнымъ царемъ» названъ былъ по всей вѣроятности Османъ I, или Урханъ.

Если эти соображенія правильны, то весь текстъ надписи долженъ читаться такъ:

ՅԱՇԽԱՐՀԱԿԱԼ ԹԱԳԱՒՈՐՈՒԹԵԱՆՆ | ⌜ՈՒՐՀ⌝ԱՆԻՆ (⌜ՈԹՄ⌝ԱՆԻՆ) ԵՒ Ի ՀԱՅԿԱԶՆԵԱՆ
ԹՈՒԱԿԱՆԻՍ ⌜ՉՀԴ ԵՍ ՍՏԵՓ⌝ԱՆՈՍ ՀԱՅՈՑ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ ⌜Յ⌝ՈՒԹԵՐՈՐԴ ԱՄԻՆ ⌜ՀԱՅՐԱՊԵ-
ՏՈ⌝|ՒԹԵԱՆ ԻՄՈ ՎԵ⌜ՐՍՏԻ⌝Ն ՆՈՐՈԳԵՑԻ ԶԳՈՒՄԲԵ⌜Թ⌝Ս ⌜ՍՈՒՐԲ⌝ ԽԱՉԻՍ ԶՈՐ ԷՐ ՇԻՆԵԱԼ Ի
ՀԻՄԱՆ⌜Ց⌝ ԳԱԳԻԿ ԹԱԳԱՒՈՐ ՀԱՅՈՑ: ՈՎ Ո⌜Ր⌝ ԿԱՐԴԱՑ⌝Ք ՅԻՇԵՍ⌜ՋԻ⌝Ք Ի ՏԷՐ:

Размѣры починокъ, произведенныхъ Стефаномъ въ южной стѣнѣ, на которыя указываетъ синодикъ, могутъ быть установлены изученіемъ кладки въ ея нынѣшнемъ видѣ; присутствіе новыхъ камней въ верхнемъ, «виноградномъ», фризѣ именно по сосѣдству съ надписью Стефана — несомнѣнно.

I. Орбели.

Къ вопросу о происхожденіи племенныхъ названій „этруски“ и „пеласги“.

«Стану сказывать я сказки . . . .». И не пора-ли перейти къ нимъ? Не достаточно-ли пройденной нами школы, чтобы сказкамъ Геродотовскимъ придавать больше значенія въ смыслѣ реальности, чѣмъ въ теплицахъ выношеннымъ культурно-историческимъ построеніямъ?

§ 1. Въ Академію Наукъ, именно въ Отдѣленіе Историческихъ Наукъ и Филологіи, 10-го марта я вошелъ съ двумя предложеніями: одно изъ нихъ—приглашеніе удина въ помощь мнѣ для работъ по удинскому языку, другое — командировка моя для этрускологическихъ занятій въ предѣлы древней Этруріи.

Первое предложеніе также имѣетъ отношеніе по существу къ этрусскому вопросу. Я имѣю пока въ виду не столько то, что говорится въ упомянутомъ предложеніи о формальномъ сродствѣ удинской рѣчи съ этрусскимъ языкомъ по образованію мн. числа[1].

Для насъ болѣе важно сейчасъ повторить здѣсь то, какъ «эчміадзинскій монахъ арменистъ Галустъ Тер-Мыкыртчянъ предполагалъ, что этіунскій языкъ имѣемъ въ халдскомъ языкѣ надписей ванскихъ царей, что въ современной удинской рѣчи—ключъ къ опредѣленію языка названныхъ эпи-

---

[1] Коренным признакомъ мн. числа, плавнымъ показателемъ «множественности, удинскій языкъ входитъ въ одинъ кругъ съ основнымъ «рейскимъ» слоемъ абхазской рѣчи -ra), со сванскимъ языкомъ (-ar) и «рейскимъ» (въ быту называемымъ ново-армянскимъ) языкомъ арменійской группы (-e-ar>-er || ı-r)», и «въ кругъ яфетическихъ языковъ съ тѣмъ же признакомъ мн. числа вступаетъ и этрусскій, насколько плавный r и въ немъ появляется показателемъ множественности, притомъ чаще всего въ формѣ -ur, наиболѣе близкой къ удинской разновидности -or», да и безъ измѣненія въ видѣ -ur, также наблюдаемой въ нѣкоторыхъ удинскихъ формахъ мн. числа. Такіе морфологическіе факты имѣютъ быть умножены, но дѣло не въ нихъ.

графическихъ памятниковъ»; утвержденіе было нѣсколько преувеличенное, но, будучи безспорно яфетическимъ, удинскій языкъ не въ столь скрещенной формаціи, тогда этіунскій, современникъ надписей ванскихъ царей и генетически явно родственный съ ихъ языкомъ, не могъ не имѣть опредѣленныхъ отношеній съ языкомъ урартскаго населенія Ванскаго района, откуда урартцы были оттѣснены и на западъ, и на сѣверъ, на сѣверъ именно халдами, какъ оттѣсненъ на сѣверъ и удинскій народъ изъ Этіуніи, лежавшей въ бассейнѣ Аракса и на Севанскомъ озерѣ, въ районъ лезгинскаго населенія, къ побережью Каспійскаго моря[1].

Наконецъ, удины для насъ важны въ качествѣ живого примѣра того, какъ историческій народъ съ высоты положенія несокрушимаго врага мірового государства могъ пасть въ ничтожество, въ населеніе двухъ селъ Бакинской губерніи, приманку сосѣдящихъ народовъ для того, происходящаго уже на нашихъ глазахъ, процесса «поглощенія», которое безслѣдно скрыло отъ насъ физически и въ живой реальности этрусковъ. Можно себѣ представить, какъ великъ долженъ былъ быть размахъ культурнаго существованія этрусковъ, оставившихъ намъ все-таки памятники и вещественные и словесные своей общественной жизни и слѣды своей жизни въ анналахъ не только сосѣдей, міровыхъ народовъ Средиземноморскаго населенія, когда похороненный безъ единой строки эпитафіи въ двухъ селахъ и заживо забытый исторіею удинскій народецъ при вниманіи къ реаліямъ современной и погасшей кавказской жизни выростаетъ въ безспорно большого героя, творца общественныхъ цѣнностей, матеріальныхъ и духовныхъ, если не вчерашняго, то позавчерашняго дня.

Что касается предложенія объ этрусскомъ языкѣ, сводившагося къ мотивировскѣ ходатайства о командировкѣ моей въ Этрурію, то позволю себѣ повторить его здѣсь цѣликомъ съ нѣкоторыми дополнительными утвержденіями явной для непосвященныхъ въ наши матеріалы рискованности, удержавшей меня отъ внесенія ихъ въ дѣловое обоснованіе поѣздки; ей больше мѣста въ докладываемой сегодня сказкѣ.

«Въ числѣ проблемъ яфетическаго языкознанія стоитъ вопросъ объ этрусскомъ языкѣ. Къ нему я подходилъ еще на студенческой скамьѣ, когда въ моемъ распоряженіи и со стороны яфетидологическихъ знаній были весьма ограниченныя данныя съ кругозоромъ грузиновѣда. Затѣмъ

[1] Нужно-ли оговориться, что ассирійцы продолжали называть Урарту Ванское царство, уже халдское, по традиціи, какъ почти весь міръ до сего дня продолжаетъ называть современное населеніе Арменіи армянами, тогда какъ давно въ ней мѣсто армянъ заняли hаи, какъ именуютъ себя обитатели названной страны съ момента возникновенія ихъ христіанской письменности. Урартцевъ этнически надо отличать отъ халдовъ, урартцы предшествовали имъ, халдамъ, авторамъ ванскихъ клинообразныхъ надписей.

неоднократно возвращался къ нему по мѣрѣ нарастанія и теоретическихъ положеній и фактическихъ данныхъ по яфетичеекимъ языкамъ. Послѣдній разъ я взялся за тотъ же вопросъ въ 1911-мъ году, когда я работалъ по командировкѣ отъ Академіи Наукъ въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ я не разставался съ нимъ, насколько позволяли другіе научныя работы и текущія занятія. Правильнѣе будетъ сказать, отвлекаемый новыми научными исканіями второстепеннаго значенія, а иногда и вовсе не научными дѣлами, я невольно возвращался къ этрусскому вопросу, какъ одному изъ основныхъ и наиболѣе существенныхъ для кавказовѣда по мѣрѣ того, какъ внутренній процессъ яфетидологическихъ занятій въ своемъ развитіи вынуждалъ ставить, независимо отъ этрусскаго, вопросъ объ этно-культурныхъ взаимоотношеніяхъ яфетическаго населенія кавказскаго края съ племенами внѣкавказскаго міра, не-яфетическими или яфетическими. Съ вопросомъ этимъ стоятъ въ связи не только хетскій и халдскій лингвистическій вопросы, слѣдовательно, и эламскій древній и позднѣйшій, но и древности Передней Азіи, опредѣляемыя часто расширенно пользуемымъ терминомъ «хеттскія», а по вскрывшимся слѣдамъ ихъ вліянія въ памятникахъ матеріальной культуры Юга Россіи и Южно-русская археологія. И все-таки это нахожденіе этрусскаго вопроса чуть-ли не въ центрѣ большихъ этнологическихъ проблемъ и разнообразныхъ историко-культурныхъ научныхъ исканій могло и не вторгаться въ планъ моихъ кавказовѣдныхъ занятій, если бы не рядъ обстоятельствъ. Въ числѣ этихъ обстоятельствъ указывалось мною на то, что на смѣну «Яфетическимъ элементамъ въ языкахъ Арменіи» я приступаю къ печатанію новой серіи яфетидологическихъ работъ, въ которыхъ будутъ выясняться яфетическіе элементы въ греческомъ языкѣ. Эти мелкія лингвистическія разысканія связаны, какъ бы старательно этого не избѣгать, не только съ проблемою объ отношеніи пеласговъ къ эллинамъ, но и объ образованіи вообще эллинской націи въ процессѣ скрещенія съ неаріоевропейскимъ іонійскимъ племенемъ, причемъ въ освѣщеніи яфетидологическихъ даннныхъ самъ актъ скрещенія могъ совершиться на кавказской или при-кавказской почвѣ, въ томъ районѣ Черноморскаго побережья, который извѣстенъ впослѣдствіи, въ историческія эпохи, развитіемъ колоніальной жизни грековъ, какъ бы обратно плывшихъ къ тѣмъ же берегамъ прародины, а въ доисторическія эпохи эллинскаго національнаго самосознанія—богатымъ наборомъ миѳовъ и сказаній, связывающихъ Грецію съ Кавказомъ. Предварительный серьезный пересмотръ этрусскаго вопроса настоятеленъ именно съ точки зрѣнія яфетидологическихъ знаній и наблюденій».

На кавказовѣдномъ пути яфетидолога этногеническій вопросъ объ элли-

пахъ въ указанной перспективѣ выростаетъ въ зависимости отъ неустранимыхъ матеріаловъ: какъ иначе охарактеризовать то положеніе, когда съ одной стороны племенное названіе hay ‖ q̇ay или съ именнымъ префиксомъ a-q̇ay объединяетъ народъ, населявшій сѣверо-восточное побережье Черноморья, съ населеніемъ Арменіи и населеніемъ Греціи не по простому лишь созвучію[1], а въ связи съ лингвистическими фактами, устанавливающими наибольшую связь языковъ Арменіи съ яфетическими языками того же района — адигейскимъ, абхазскимъ и сванскимъ, съ какимъ у греческаго языка улавливаются очень яркіе случаи общности лингвистическаго матеріала въ такихъ словахъ, какъ гр. ψυχή *душа*, ἀδελφός *братъ* и др. Съ удержаніемъ, какъ въ этническомъ терминѣ a-q̇ay (Ἀχαια-οί), адигейско-абхазскаго именного префикса a-, ἀδελφός, первоначально ἀδελφεός, основой повторяетъ адигейскій составной терминъ родства -deḩ-q̇w, *братъ*, собственно первую его часть deḩ←*delh, въ которой адигейскій спирантъ h находится въ такомъ же соотношеніи съ греческимъ звукомъ φ, какъ арм. спирантъ h въ словѣ hayr *отецъ* съ инд.-евр. p въ pater[2]. Терминъ у грековъ появляется и безъ префикса a-: δελφύς, слово же греческое ψυχή *душа*, въ которомъ лингвисты усматривали основу ψῡ съ «сравнительно новымъ образовательнымъ элементомъ χ», находитъ свой двойникъ опять таки въ адигейскомъ -pse *душа* и абхазскомъ φs̨ə (съ префиксомъ — a-φs̨ə) *душа*, причемъ признанный лингвистами индоевропеистами «сравнительно новый образовательный элементъ χ» есть извѣстный яфетическій функціональный согласный q̇ для образованія pl. tantum и вообще именъ, показатель множественности q̇.

Любопытно, что въ выраженіи обоихъ понятій и армянскій языкъ проявляетъ параллельную измѣну общеаріоевропейскимъ терминамъ или въ матеріалѣ или въ формѣ. «Братъ» на обоихъ языкахъ Арменіи принялъ форму e-ğbayr, но не въ силу лишь законовъ исторической или сравнительной фонетики аріоевропейской фонетики на почвѣ Арменіи, а по адаптаціи къ народно-психологической потребности мѣстной яфетической среды со словомъ e-q̇ubar ‖ me-q̇ubar, означавшимъ *брата* и сохранившимся въ сванскомъ въ рядѣ природныхъ его терминовъ сроднаго значенія, а также по

---

[1] Есть гипотеза отожествленія ахайцевъ съ эолійцами Hoffmann'a (см. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, стр. 70, § 74), но по этимологіи Hoffmana'a Ἄχ-αιϝ-ός = Αἴϝολος (такъ же и Fick) получается уродливая анатомія, а не лингвистическій анализъ.

[2] Л. Г. Лопатинскій, указавшій на созвучіе адигейскаго слова съ греческимъ, повидимому, не подозрѣвалъ его составности (Русско-каб. Словарь, СМ, XII, отд. II, стр. 11). Индоевропеисты и лингвисты греческое слово готовы сопоставить (Prellwitz, Et. Wb. 1892, s. v.) съ др.-инд. sá-garbhya-s «братъ», даже произвести отъ него (L. Meyer, Hb. d. gr. Et. s. v.: «Vom altind. gorbha-s weicht das gleichbedeutende Sefori nur im Suffix ab»).

усвоенію изъ сванскаго и въ грузинскомъ, гдѣ me-goƀar значитъ *товарищъ, другъ*, изъ семейнаго понятія ставъ соціальнымъ. Начальный гласный въ армянскомъ е-, появляющійся и въ видѣ а-, есть не безразличная фонетическая представка для благозвучія, а яфетическій морфологическій элементъ, префиксъ е-‖а-, равнозначущій префиксу me-‖ma- и его многочисленнымъ разновидностямъ.

Терминъ eǧƀayr *братъ* по природѣ принадлежитъ, очевидно, тому изъ двухъ языковъ Арменіи, который находится въ болѣе тѣсной связи со сванскимъ, именно рейскому языку, языку Арменіи, дожившему до нашихъ дней и внѣ письменности. Основа армянскаго слова для понятія *душа* anďə (anď-əu) есть, наоборотъ, природное достояніе именно древне-литературнаго языка Арменіи, кейскаго языка, находившагося въ особо тѣсной связи съ кейскимъ слоемъ абхазскаго: представляя форму съ абхазо-адигейскимъ префиксомъ а-, эта древне-литературная основа anďə восходитъ къ архетипу *a-mse ⟶ *amze, діалектической разновидности абхазскаго а-φsə. Какъ будто, выходитъ такъ, что звукъ χ въ греческомъ ψυχή, дѣйствительно, «сравнительно новый образовательный элементъ»; на яфетическомъ востокѣ въ составѣ эквивалента даннаго слова его нѣтъ, однако въ значеніи души у армянъ три слова, всѣ три яфетическаго происхожденія: одно разобранное уже нами anďə- (anďən) свистящаго типа въ обликѣ абхазо-адигейской нормы, другое, šunḓ, усвоенное изъ шипящей группы, слѣдовательно, или чанскаго или мегрельскаго языка, и третье изъ спирантной вѣтви hog e/i. Въ послѣднемъ словѣ появляется въ качествѣ образовательнаго элемента тотъ-же показатель множественности g⟶q, разновидность греческого χ, сванскаго типа, собственно спирантнаго.

Гр. χείρ *рука*, находящее соотвѣтствіе въ яфет. qer, съ префиксомъ me- въ сванскомъ me-qer *длань, рука* и т. п., причемъ въ армянскомъ древне-литературномъ съ исчезающимъ спирантомъ her въ выраженіяхъ ar̦ eri *у руки, близко*, ənϑerakay (end-her-akay) *ассистентъ*, букв. *стоящій у руки*,—а равно у грузинъ съ утраченнымъ спирантомъ въ послѣлогѣ -er (her‖yer) и въ значеніи *рукой⟶орудіемъ, при помощи* и т. п. Мнѣ отлично извѣстно, что χείρ діалектизовано въ рядѣ аріоевропейскихъ языковъ, далеко впрочемъ не во всѣхъ, но, во-первыхъ, и эти діалектизованныя разновидности отражаютъ соотношенія сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ, во-вторыхъ, qer, resp. q̇er представитель въ яфетическихъ языкахъ одного лишь спирантнаго типа; имѣются его сибилянтные эквиваленты по различнымъ группамъ. Болѣе того, яфетическое языкознаніе вскрываетъ, что съ χείρ *рука* въ греческомъ находятся въ связи и χρή *должно* и даже χάρις *милость*, которые индоевропеистамъ кажутся словами

различнаго происхожденія: они усвоены греческой рѣчью въ ея глотогеническую эпоху, каждое съ особымъ значеніемъ, изъ яфетическихъ языковъ, когда въ послѣднихъ они уже были семасіологически дифференцированы.

Два греческіе слова—ῥόδον *роза*, и ῥοιά, ῥοά *гранатовое дерево* также, предполагается, различнаго происхожденія, притомъ для ῥοιά=ῥοά объясненія нѣтъ, а ῥόδον склонны признать заимствованіемъ архетипа *varda, сочиняемаго для древне-персидскаго на томъ основаніи, что въ томъ же значеніи существуетъ у армянъ vard и у сирійцевъ vardā[1], между тѣмъ и армянское, и арамейское, да и арабское vard, или заимствованіе или усвоеніе яфетическаго vard, наличнаго въ грузинскомъ и въ формѣ ƀard *шиповникъ*; корень этихъ словъ въ двухъ видахъ, стянуто-двусогласно съ губнымъ префиксомъ ƀa- ‖ va- →o- —rd→rϑ, полностью со слабымъ вторымъ согласнымъ w — wrd, въ рядѣ разновидностей въ зависимости отъ той или иной характеризованности 3-го коренного, зубного d, по свистящей группѣ ṫ→ ď→ϑ̇ или шипящей ṭ→ḍ→ϑ̣, означаетъ *поджигать*, *раскалять*, *румянить*, и отъ него произведены и *роза* г. va-rd, и *шиповникъ съ красной листвой*,— г. ƀard, и *лоза виноградная*—арм. o-rϑ, и *гранатъ*,—г. ƀ-roṫ ‖ m-roṫ, причемъ въ спирантной вѣтви третій коренной ṫ, имѣвшій переродиться въ k̇—основа roḱ, долженъ былъ быть представленъ на низшей ступени изчезающимъ спирантомъ, и туда примыкаетъ, какъ представитель спирантной разновидности, греческ. ῥοιά ‖ ῥοά *гранатовое яблоко*. Подробности жизни этого термина по исторіи культуры растеній чрезвычайно интересны, интересенъ самъ взращенный корень[2].

Точно также индоевропеисты лингвисты ἀριθμός *число* и ῥυθμός *тактъ*, *ритмъ*, воспринимая какъ различныя по корнямъ слова, соотвѣтственно этимологизируютъ, на самомъ же дѣлѣ это двѣ разновидности одного и того же слова, въ первомъ случаѣ съ пережиткомъ яфетическаго префикса а-; и греческая основа -ριθμ ‖ ῥυθμ, означающая *число*, одного происхожденія съ г. ricϑqw *число*, съ раздвоеніемъ 2-го коренного ϑ̇ въ ϑq.

Иное дѣло, когда приходится указывать на общность терминовъ матеріальной культуры, напр. *серебро* — ἄργυρον ‖ argentum и *вино* — οἶνος ‖ vinum. Но и въ отношеніи ихъ, допустимъ, позднѣе заимствованныхъ изъ яфетическихъ языковъ, а не усвоенныхъ въ глотогеническія эпохи, мы должны сосчитаться съ тѣмъ, что изъ словъ для понятія *серебро* одно —

---

[1] Prellwitz, Et. Wb., s. v.

[2] Дальнѣйшее дослѣдованіе выявитъ, нужно ли отказываться отъ усматриванія показателя множественности въ 3-мъ коренномъ ṫ (ср. Н. Марръ, Яф. названія деревьевъ и растеній (plur. tantum), стр. 939), но пересмотръ вопроса и переизложеніе фактовъ во всякомъ случаѣ необходимы. Кстати, надо привлечь и г. ƀroṫ-ı, занесенное въ глоссаріи Чконіею съ объясненіемъ «темнокрасный гранатъ», Беридзе — «переспѣлый гранатъ».

ἄργυρον связано съ яфетической лингвистической средой понтiйскаго района, а другое — лат. argentum съ яфетической лингвистической средой ванскаго района, хотя оба спирантнаго типа, т. е. греки и римляне получили этотъ терминъ независимыми другъ отъ друга путями изъ различныхъ частей яфетическаго мiра: греки съ его сѣвера, а латиняне съ его юга. До сего дня на сѣверѣ яфетическомъ, понтiйскомъ, у герцевъ или мегреловъ, пережитковъ колховъ, и лазовъ или чановъ, одноименныхъ со сванами, сохранился терминъ типа греческой разновидности, но съ полнотой состава коренныхъ — *varǝq-ur ‖ *varǝq-ır→varǝqıl *серебро*, а на югѣ яфетическомъ, у гибридизованныхъ яфетидо-арiоевропейцевъ армянъ, терминъ латинской разновидности — arṫaϑ, чистая основа котораго arṫ распространена и на яфетическомъ сѣверѣ, но при-каспiйскомъ. И корень, и суффиксъ, и разновидности основы, и цѣлый рядъ яфетическихъ словъ, происходящихъ отъ того же корня, но означающихъ другiя, сродныя, бытовыя понятiя ставятъ внѣ всякаго сомнѣнiя яфетическое происхожденiе этого металлургическаго термина, и вторичность формъ, въ какихъ онъ усвоенъ греками и латинянами.

Таково же положенiе съ терминомъ для понятiя «вино» у грековъ и римлянъ. Греко-латинская группа здѣсь не раздваивается по источнику, оба слова, и οἶνος, и vinum—изъ одного и того же лингвистическаго района яфетическаго мiра, но и здѣсь яфетическiе языки даютъ не только цѣлую семью понятiй и словъ того же корня, но и эквиваленты сибилянтной вѣтви, какъ напр. по свистящей группѣ ṫwen *сокъ* (*сочный плодъ* и проч.). Въ кругѣ разновидностей спирантнаго типа яфетическiе языки сохранили трехсогласiе ǧwn: м.-ч. ǧwın-ı, картв. (груз.) ǧwın-o, причемъ окончанiе -o, повлiявшее на формировку основы слова у грековъ, латинянъ, да и у русскихъ, есть усѣченный видъ суффикса -or, соотвѣтствiя по другой группѣ суффикса -al, что на лицо въ сванской разновидности ǧwın-al. И двухсогласный корень vn представленъ у яфетидовъ, какъ самостоятельно, съ потерею носового n въ паузѣ при назализацiи гласнаго ı, такъ ч. vı, уд. fı (Д.=В. fın-aq), удинское же bın-e *виноградникъ*, *садъ*, абх. ꙗǝ (a-ꙗǝ) и т. д., а съ функцiальнымъ показателемъ множественности у мегреловъ bıneq-ı *виноградная лоза, виноградникъ*, у чановъ — bıneq-ı *виноградная лоза*, у картвеловъ (грузинъ) venaq- и *лоза*, и *виноградникъ*, у свановъ menaq ‖ wenaq *виноградная лоза* и т. д., причемъ я не касаюсь разновидностей съ сохраненiемъ именно перваго коренного, какъ напр. у чановъ или лазовъ рядомъ съ ǧwın-ı и ǧın-ı *вино*, у армянъ gın-ı *вино* и ay-gı *виноградникъ*, букв. *мѣсто вина* или *мѣсто виноградной лозы* и т. п.

Здѣсь могла бы быть рѣчь, какъ и въ вопросѣ о «серебрѣ», о появле-

ніи слова у грековъ и латинянъ и не въ качествѣ усвоенія въ этногеническую эпоху, а какъ культурно-историческаго заимствованія. И тогда вопросъ, этруски ли, имѣющіе это слово въ своей рѣчи въ видѣ латинской формы vinum, и пеласги — источники этого заимствованія въ греко-римскомъ мірѣ, или другіе родственные имъ яфетическіе народы. Фактъ лишь то, что и у грековъ, и у латинянъ терминъ взятъ не только изъ одной и той же лингвистической среды, но изъ строго характеризованной слабоспирантной языковой группы яфетическихъ языковъ: были ли передатчиками термина этруски съ пеласгами или ахаи или другое какое-либо яфетическое племя; естественно, это представляетъ существенной важности деталь для основной проблемы, какъ бы она ни разрѣшилась, причемъ въ числѣ другихъ племенъ не придется выдѣлять іонянъ особо отъ ахеянъ, насколько они носятъ разновидности одного и того же племенного названія: и на Кавказѣ шон'ы (нынѣ сваны), чаны (лазы) съ одной стороны и hon'ы ‖ yon'ы и han ‖ a-qai съ другой—разновидности одного и того же этническаго термина, закономѣрно дифференцированные по нормамъ звуковыхъ соотвѣтствій сибилянтной и спирантной вѣтвей, въ каждой же вѣтви дополнительно еще по нормамъ соотвѣтственныхъ группъ, свистящей, шипящей, акающей, окающей и т. д.

Возвращаясь къ предложенію, внесенному мною въ Академію Наукъ, готовъ я повторить и болѣе сдержанную мотивировку моей командировки, именно: «произвести посильно работу по этрусскому вопросу было бы, думаю, желательно и въ томъ случаѣ, если бы мои занятія сводились лишь къ тому, чтобы расчистить путь отъ мало реальныхъ въ цѣломъ гипотезъ С. Бугге о родствѣ этрусскаго съ армянскимъ или Томсена о генетической его связи съ «кавказскими» языками, если бы, вопреки ихъ взглядамъ, я приходилъ къ отрицательному вообще выводу о связи этрусскаго съ яфетическими языками, но намѣчаются болѣе обнадеживающіе, положительные результаты. Работу эту хотѣлось бы мнѣ исполнить въ условіяхъ, въ какихъ обыкновенно я производилъ изысканія надъ яфетическими языками Кавказа, т. е. въ матеріальной средѣ, гдѣ или жива наблюдаемая рѣчь или налицо въ натурѣ памятники и природныя условія, въ которыхъ жилъ «исчезнувшій» въ своей загадочной рѣчью народъ, т. е. въ данномъ случаѣ въ предѣлахъ Этруріи на Апеннинскомъ полуостровѣ».

Будетъ теперь понятно, почему я не спѣшу сейчасъ изложеніемъ моихъ наблюденій по опредѣленію этрусскаго языка и дѣлюсь лишь предположительными яфетидологическими толкованіями племенного названія etrusk. По части произведенныхъ въ этрусскомъ языкѣ наблюденій ограничусь заявленіемъ, что намѣтились въ освѣщеніи яфетидологическихъ дан-

ныхъ разъясненія его фонетики, морфологіи и лексики, насколько языкъ нашелъ выраженіе въ небогатой по содержанію этрусской письменности, но о серьезности успѣха въ опредѣленіи этого загадочнаго языка можно будетъ говорить лишь тогда, когда результаты наблюденій надъ этрусскими эпиграфическими текстами будутъ провѣрены или дополнены наблюденіями надъ этрусскими или иными также яфетическими элементами въ латинскомъ.

Пока, слѣдовательно, попытаемся яфетидологически истолковать терминъ etrusk.

§ 2. «По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ». Это правило народной мудрости весьма кстати вспомнить при нашемъ заданіи. Толкованіе племенного названія etrusk можетъ имѣть всѣ видимости морфологически научно обоснованнаго и въ этой мѣрѣ убѣдительнаго положенія, но въ такомъ случаѣ признаніе яфетидологическаго анализа удачнымъ должно быть приравнено къ встрѣчѣ по платью. А чтобы стать въ уровень положенія, соотвѣтствующій моменту, когда провожаютъ по уму, надо получить оправданіе морфологическаго платья содержаніемъ термина etrusk, т. е. прежде всего природой и особенностями рѣчи, которой говорилъ народъ, носившій это названіе.

Вѣдь могло бы оказаться и такъ, что народъ, допустимъ, яфетическій, утративъ родную рѣчь, былъ носителемъ однихъ антропологическихъ, да развѣ еще устойчивыхъ бытовыхъ признаковъ своего происхожденія или, болѣе того, ничего не сохранилъ отъ своей предполагаемой яфетической природы кромѣ названія, но пока однако все еще существуетъ презумпція, что кавказовѣдъ - лингвистъ, слѣдовательно, яфетидологъ — ожидаемый работникъ-жнецъ для богатой жатвы кавказскихъ, собственно яфетическихъ матеріаловъ въ этрусскомъ языкѣ. Словомъ, настоящее дѣло первой очереди это — выявленіе яфетической природы этрусскаго языка. Между тѣмъ къ этой, болѣе существенной сторонѣ вопроса, мы въ освѣщеніи яфетидологическихъ знаній только идемъ, увлекаемые рядомъ фактовъ. Факты, заманивающіе въ этрусскій вопросъ, стали извѣстны независимо отъ насъ. Вопросъ, однако, чрезвычайно сложный и трудный, если даже отвѣтъ и по существу имѣетъ разрѣшиться положительно въ пользу яфетидологіи, точнѣе — въ новое бремя и безъ того обремененныхъ малочисленныхъ яфетидологовъ; онъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ то рисовалось тѣмъ, которые направляли дѣло или сами направлялись для освѣщенія вопроса къ кавказскому лингвистическому міру, не представляя себѣ, на какое шаткое основаніе вступаетъ изслѣдователь, выбирая для опоры своихъ утвержденій коренные языки Кавказа, яфетическіе, когда онъ беретъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они доступны для использованія безъ историческаго освѣщенія.

Справедливо писалъ еще въ 1896-мъ году англійскій этнологъ Keane въ общемъ трудѣ своемъ по этнологіи[1]: «на Кавказѣ этническія и лингвистическія взаимоотношенія представляютъ бросающійся въ глаза (marked) контрастъ тому, что превалируетъ во всѣхъ прочихъ частяхъ удѣла кавказской расы (of the Caucasic domain). Среди немногихъ сотенъ тысячъ уроженцевъ (natives) этой относительно маленькой горной страны, вѣроятно, больщій запасъ (stock) языковъ, чѣмъ среди миріадъ другихъ народовъ кавказской расы (of the Caucasic peoples), разсѣянныхъ по обоимъ полушаріямъ».

§ 3. Трудность вопроса однако не столько въ многочисленности языковъ, какъ ни многочисленны они, сколько въ чрезвычайно сложныхъ генетическихъ взаимоотношеніяхъ, какъ первичнаго атавистическаго, такъ вторичнаго, третичнаго и т. д. гибридизаціоннаго порядка. Эти взаимоотношенія, результаты скрещенія, притомъ часто и съ неяфетическими племенами, сложны до степени затемнѣнія подлинной наслѣдственной природы; они покрываютъ предполагаемую чистоту или цѣльность первичныхъ генетическихъ связей густымъ слоемъ элементовъ, вкладовъ скрещивающихся племенъ и яфетическихъ различной степени родства, и вовсе не яфетическихъ. Реальное положеніе дѣла осложнено не однимъ этимъ расхожденіемъ многочисленныхъ языковъ отъ историческихъ благопріобрѣтеній, усвоенныхъ природно до степени обращенія ихъ въ протогеническіе элементы наравнѣ съ первоприродными для данной рѣчи элементами. Расхожденія яфетическихъ языковъ выявляются и отъ ихъ принадлежности въ наличныхъ формаціяхъ различнымъ періодамъ и эпохамъ языкового творчества. Есть въ однихъ и тѣхъ же языкахъ пережитки первичныхъ языковыхъ формацій или какъ реликтовыя явленія или какъ позднѣйшія усвоенія въ процессѣ скрещенія съ сосѣдившими языками полностью соотвѣтственнаго реликтоваго типа. Но есть, что̀ особенно смущаетъ въ первый моментъ, такіе языки, замершіе въ стадіи первичной формаціи и дальнѣйшее свое развитіе получившіе, каковы бы ни были новообразованія, въ рамкахъ общихъ нормъ ихъ реликтовой природы. Надо себѣ представить, каковы должны быть расхожденія, когда рѣчь объ оторванныхъ отъ яфетической массы Кавказа отдѣльныхъ племенныхъ языкахъ, въ числѣ ихъ и этрусскомъ, если онъ дѣйствительно яфетическій. Одинъ пройденный имъ путь, совершенный не наѣзднически, а длительнымъ миграціоннымъ путешествіемъ черезъ разноплеменную среду, не могъ не наложить на него особаго отпечатка со внесеніемъ гетерогенныхъ элементовъ, и на содержаніе этрусской племенной единицы, и на ихъ названіе.

[1] Ethnology, Cambridge 1896 (2-ое пересмотрѣнное изданіе), стр. 415.

Естественно при такихъ условіяхъ, если въ наукѣ, стоящей, увы, далеко отъ кавказовѣдныхъ работъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, даже кавказскіе языки представляются лишь территоріально объединенными, безъ всякихъ узъ родства. Въ общей наукѣ, не отказывающейся ссылаться на кавказскіе лингвистическіе матеріалы, представленіе о положеніи дѣла адекватно той застывшей простотѣ, какую являетъ Кавказъ при взглядѣ на него черезъ призму свѣдѣній письменныхъ источниковъ, классическихъ и восточныхъ, тогда какъ непосредственное вхожденіе въ живую этно-лингвистическую среду вскрываетъ передъ нами картину бурныхъ и мирныхъ передвиженій, перебросовъ, вклиненій, разрывовъ, сцѣпленій, ярусныхъ нахожденій одного племени на другое, одного языка на другой, сліяній и т. д. Съ такимъ лингвистическимъ матеріаломъ, при отсутствіи историческаго освѣщенія, можно доказать, что угодно, и тѣмъ хуже для положеній, которыя выставляются съ опорою въ этихъ матеріалахъ, принимаемыхъ за нѣчто опредѣленное и прочное, тѣмъ болѣе основанія относиться скептически къ такимъ положеніямъ, вырабатываемымъ наѣздническй.

Но и простой, казалось бы, вопросъ о терминѣ вовсе не такъ простъ и легокъ, какъ то можетъ представиться при первомъ взглядѣ и какъ то рисовалось въ первый моментъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленный вопросъ о происхожденіи термина etrusk имѣлъ одно лишь рѣшеніе съ точки зрѣнія яфетидологіи. Учитывая накопленіе яфетидологическихъ знаній съ того времени, мы вынуждены изложить три возможныя рѣшенія, включая одно прежнее.

§ 4. Разъясненіе поставленнаго въ заданіи вопроса гипотетическое. Объ яфетическомъ происхожденіи термина etrusk рѣчь можетъ быть только въ томъ случаѣ, если не только этруски были яфетиды, но и сосѣдившіе съ ними народы, хотя бы еще одинъ изъ нихъ. Необходимая предпосылка для яфетидологическаго анализа это то, что на Апеннинскомъ полуостровѣ яфетиды были первыми насельниками въ составѣ различныхъ племенъ, каждое со своимъ названіемъ, по крайней мѣрѣ они въ такомъ разноплеменномъ составѣ были вклинены въ аріоевропейское населеніе края съ сѣдыхъ временъ этногенической эпохи, или терминъ привезенъ извнѣ. Естественно, никакое яфетическое племенное названіе не могло возникнуть въ средѣ аріоевропейцевъ. Съ другой стороны, интересующій насъ народъ, извѣстный другимъ, да и намъ подъ названіемъ этрусковъ, самъ себя именовалъ rasena, съ бѣглымъ е, почему Р. падежъ — rasnal.

Нельзя допустить, чтобы первобытный цѣльный по единому, племенному составу народъ называлъ себя двумя названіями. Такъ какъ etrusk морфологически еще болѣе поддается яфетидологическому анализу, объ

аріоевропейской же его этимологіи нѣтъ и рѣчи, то или этруски имѣли въ Италіи сосѣдей яфетидовъ, названіе которыхъ переносили на самихъ подлинныхъ этрусковъ, или этруски въ племенномъ своемъ составѣ представляютъ сліяніе двухъ народовъ, каждаго съ его названіемъ; это—независимо отъ того, имѣемъ ли въ rasena и etrusk два совершенно различныхъ названія или двѣ разновидности одного и того же названія. Здѣсь слово есть вещь, предметъ, хотя бы одушевленный предметъ, и особый этническій терминъ говоритъ объ особомъ племени рядомъ съ этрусками или въ составѣ самого этрускаго народа, въ какой бы степени родства они, оба племени, ни состояли другъ съ другомъ, хотя бы въ степени родства племенъ, говорящихъ на двухъ нарѣчіяхъ или говорахъ одного языка[1].

§ 5. Если подойти къ термину съ кругозоромъ перваго впечатлѣнія отъ внѣшняго вида и грубо морфологически, то оба термина имѣютъ лишь одну общую черту, оба представляютъ, какъ то полагается для яфетическихъ этническихъ терминовъ, форму мн. числа, также яфетическую—-k и -en — Etrus-k ‖ Ras-en-a. Чередованіе этихъ именно -k, resp. -q и -en мы наблюдаемъ у яфетидовъ не только при разныхъ племенныхъ названіяхъ, но и въ одномъ и томъ же, напр. названіе племени гугаровъ — gug+ar-q, какъ его называли армяне, и Gog+ar-en-e, какъ то сохранили греки, или названіе населенія Этіуніи — Utı-q (‖ Ute-q), какъ его называли армяне и Ot-en-e (←Ote-en-e), какъ то сохранили греки и римляне[2].

§ 6. Намъ важно тутъ же отмѣтить, что эти окончанія изъ показате-

---

[1] W. Max Müller можетъ имѣть серьезныя культурно-историческія основанія утверждать, что по его мнѣнію «невозможно различить настоящихъ этрусковъ — какъ Расенаевъ Rasenai, вселившихся воякъ — какъ тирсеновъ, Tyrsener» (ц. с.. стр., 382, пр. 1), но этимъ вовсе не предрѣшается этнологическій вопросъ о племенномъ составѣ этрусскаго населенія, связанный съ фактическимъ наличіемъ двухъ названій. Другое аподиктическое утвержденіе В. Макса Мюллера—«національное названіе Ῥασέναι (Dion. Hal. 1, 30, и надп.) никоимъ образомъ не отличается отъ названія Etrusci» — мы готовы были-бы принять, поскольку интересъ нашъ ограничивался-бы вопросомъ объ единомъ національномъ содержаніи термина. Но Максъ Мюллеръ имѣетъ въ виду и формальное тожество двухъ терминовъ, имѣющее существенное значеніе уже для этнологическаго вопроса объ этрускахъ, а такое утвержденіе есть уже предвзятое отрицаніе очевидности, существованія двухъ формально совершенно различныхъ терминовъ—E-trus-ci и Rasenai. Максъ Мюллеръ это зналъ прекрасно, обосновывая свое мнѣніе о тожествѣ двумя новыми утвержденіями, будто разница лишь въ томъ, что «отпалъ начальный слогъ Tŭ (ср. O. Müller, II, 74?)», и «сосѣдящіе народы, какъ то часто бываетъ, сохранили болѣе древнюю форму» (Tusci, Tursce, Tyrs-ener, Τυρρηνοί). Но это есть лишь поясненіе мнѣнія, которое надо доказать, а нисколько не доказательства или основанія. Въ стихахъ 1013—1015, правда, вставочныхъ, творенія Гесіода Theogonia этническій терминъ Τυρσηνοί обнимаетъ этрусковъ и латинянъ (Herbig, Sopra la provenanza degli Etruschi, стр. 136). Въ связи съ этимъ любопытно отмѣтить пережитокъ племеннаго названія этрусковъ tusc въ наименованіи древняго города Tusculum въ Лаціумѣ.

[2] Soφ-en-e ‖ Ṫoφ-q и др. Существа не касается то, что въ этомъ языкѣ Арменіи показатель множественности функціонально получилъ значеніе суффикса им. падежа мн. числа, но потомъ въ другихъ падежахъ мн. ч. его замѣняютъ соотвѣтственныя падежныя окончанія.

лей множественности k, n, съ огласовкой ли (-en) или безъ огласовки (-k), одинаково вторичнаго періода въ развитіи яфетическихъ языковъ, именно флективнаго. Никакихъ признаковъ первичнаго періода—агглутинативнаго, существовавшаго при родовомъ строѣ и отражавшаго его въ морфологіи языка, когда вместо служебныхъ суффиксовъ (-k, -en) у яфетидовъ были служебныя слова (kını ‖ халд. qını *сынъ*, [или *kev ‖ qev *женщина*?], men ‖ ven *сынъ* и т. п.). Слѣдовательно, этруски вселились въ Италію уже какъ національно сложившійся народъ съ соціальнымъ строемъ историко-культурнаго періода.

§ 7. Намъ нѣтъ надобности останавливаться сейчасъ на звукѣ k и его разновидностяхъ, какъ яфетическихъ показателяхъ множественности: это составляетъ уже часть элементарныхъ свѣдѣній по яфетическому языкознанію, многократно повторявшихся въ различныхъ уже печатныхъ работахъ. Также повторно, до степени злоупотребленія вниманіемъ читателей и слушателей, сообщалось при каждомъ случаѣ, что показатель множественности k и его родня используются въ качествѣ суффиксовъ въ яфетическихъ названіяхъ народовъ. Въ рабочемъ проспектѣ по изученію племенного состава второй выпускъ посвященъ спеціально классификаціи яфетическихъ показателей множественности, какъ функціональныхъ согласныхъ въ образованіи этническихъ названій, въ числѣ ихъ и интересующій насъ рядъ k←g←q, а равно и q [1]. Онъ же, этотъ заднеязычный рядъ, всплываетъ въ перечнѣ различныхъ образованій мн. числа, когда яфетическіе народы распредѣляются по нимъ въ работѣ о происхожденіи термина «скиѳъ» [2].

Съ давнихъ поръ, тѣмъ болѣе въ новѣйшее время, въ XIX в., когда началась хоть кое-какая регистрація фактовъ живой рѣчи безписьменнаго многоязычнаго Кавказа, въ интересующихъ насъ языкахъ, яфетическихъ, мы имѣемъ уже скрещенные или гибридизованные типы, и потому характерные признаки языковъ-примитивовъ приходится искать и не въ природной ихъ средѣ въ связи съ элементами, вносившимися въ тотъ или иной языкъ въ итогѣ скрещенія и образующими въ нихъ иногда цѣлые гетерогенные слои. Но все-таки въ отношеніи заднеязычнаго показателя множественности замѣчается, что его разновидные представители объединяютъ часть сѣверно-кавказскихъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ частично и сванскій и особенно абхазскій, съ однимъ изъ двухъ яфетидоидныхъ языковъ Арменіи, именно древне-литературнымъ, потому именно называемымъ «кей»скимъ. Языки сибилянтной вѣтви яфетической семьи, нынѣ занимающіе

[1] Н. Марръ. Кавказскія племенныя названія и мѣстныя параллели.

[2] Н. Марръ. Яфетическая этимология термина «скиѳъ» (памяти В. Ѳ. Миллера), работа, ждущая очереди для печатанія въ Мат. по яфет. языкознанію.

курный бассейнъ и южную часть понтійскаго района, совершенно чужды этого вида показателя множественности: ни въ грузинскомъ, ни въ мегрельскомъ, ни въ чанскомъ (лазскомъ) его нѣтъ.

Въ кругѣ языковъ, въ той или иной мѣрѣ раздѣляющихъ образованіе мн. числа съ помощью заднеязычнаго согласнаго, одинъ, именно сванскій, проявляетъ особенность въ производствѣ мн. числа и съ префиксомъ: у него всплываетъ своего рода, извѣстное изъ арабскаго языка, семитическое «ломанное» мн. число. Но въ линіи яфетидологическаго освѣщенія это собственно префиксовое образованіе отвлеченныхъ понятій, собирательныхъ именъ, равно именъ мѣста и т. п. При этомъ одновременно съ префиксомъ основа принимаетъ тотъ или иной суффиксъ мн. числа или обходится безъ него. Префиксы эти звучатъ различно въ отношеніи согласныхъ въ зависимости отъ вѣтви сибилянтной двухъ типовъ, свистящаго — s ↗ṫ⟶ď⟶ϑ̇ ‖ шипящаго — ш ↗ṭ⟶ḓ⟶ϑ̣, при нехарактеризованности — одинаково t⟶d⟶ϑ съ послѣдней и плавной (n⟶l) или спирантной (h ‖ ƒ⟶-), равно въ отношеніи гласныхъ (свист. a ‖ шип. o ‖ сван. e). Въ связи съ этимъ г. Sa-qarϑvel-o (⟵*Saqarϑvel-or) *Грузія* собственно означало *грузины*, букв.: *картвелы*, Sa-φrang-eϑ *Франція*, букв. *франки*, la-z (изъ св. la-zən) *лазы*, букв. *заны*, *чаны*[1], арм. E-ger *Мегрелія*, букв. *геры*, г. E-gr-ıs *Мегрелія*, *мегрелы*, букв. *геры*, св. Le-ϑ̣qu-m *Лечхум* (область въ Кут. губерніи, смежная съ юга со Сванiею, «чху»и[2], Lāшq (⟶la-w-шq) *Лашх* (область Цхенисцхальской Сваніи), *страна месховъ*, букв. *месхи* или *мошохи*. Конечный согласный въ послѣднемъ терминѣ одна изъ разновидностей заднеязычнаго показателя множественности, функціонально вошедшая третьимъ согласнымъ въ составъ корня племенного названія: m-ш-q ‖ w-ш-q; тотъ же корень въ XI-мъ вѣкѣ до Р. X. на югѣ Ванскаго озера звучалъ m-ш-k, какъ то явствуетъ изъ передачи въ ассирійской надписи — muшk. Въ исходѣ термина etrus-k (Etrusci) мы имѣемъ этотъ же яфетическій показатель множественности, если вообще дѣло имѣемъ, какъ то предполагается, съ яфетическимъ матеріаломъ. Когда у грековъ находимъ вмѣсто глухого k звонкій g (γ) или аффрикатъ средней звонкости q (χ), то это отнюдь не есть греческое искаженіе, а лишь воспроизведеніе греками соотвѣтственнаго по эпохѣ или діалекту согласнаго изъ того же заднеязычнаго ряда, въ яфетическихъ языкахъ, впрочемъ, представленнаго болѣе богато: простой рядъ — k⟶g⟶q ‖ аффрикатный — k̇⟶ġ⟶q̇. Потому то у грековъ оказывается иногда передача звонкимъ g, когда въ кавказскихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ k или

[1] Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ (араб. версія), Спб., 1905, стр. 166).

[2] Н. Марръ, Яфетическое происхожденіе термина «скиѳъ».

даже лишь q̇, напр. еще, какъ ни разъ приводилось, при груз. აფხაზ изъ *a-bas-q̇ греч. a-baz-g (Ἀβάσγοι, причемъ греки сохранили этотъ терминъ и съ глухимъ k: Ἀβάσχοι). Такое же передвиженіе глухого k въ звонкій g, происшедшее, по всей видимости, еще на яфетической почвѣ, имѣемъ и въ pelas-g←*pelas-k, откуда греч. Πελασ-γός, Πελασ-γ-οί, Πελασ-γ-ία и т. д.

Слѣдовательно, при такомъ толкованіи чистая основа въ названіи одного народа есть pelas-, но въ названіи другого народа, помимо суффикса k, по отвлеченіи котораго получаемъ тему Etrus-, имѣется префиксъ съ перваго взгляда легко дающійся выдѣленію, именно e-. Префиксъ e- есть эквивалентъ префикса по сибилянтной вѣтви si- ‖ ше-, и въ немъ утраченъ спирантъ h, слѣдовательно, видъ, въ какомъ терминъ появляется въ формѣ названія страны у Арнобія — Hetruria[1], лишь поддерживалъ бы такой анализъ, представляя въ сохранности первичное состояніе префикса спирантной вѣтви he-, тогда какъ и на Кавказѣ спирантъ успѣлъ въ большинствѣ изчезнуть въ томъ же префиксѣ, особенно въ племенныхъ названіяхъ или отражающихъ ихъ названіяхъ странъ — E-gr-ıs, E-rum-eϑ и т. п. При выдѣленіи префикса въ такомъ видѣ чистая основа получается trus-.

§ 8. Основа trus- имѣетъ параллель въ turs ‖ греч. τυρσ- (Τυρσηνός) и въ то же время у римлянъ находимъ разновидность tus- (Tusci) — vicus Tuscus *село этрусское*, съ изображеніемъ бога Vertumnus, *улица этрусковъ*, Mare Tuscum *этрусское море*[2]. Отсюда и ит. Toscano. По всей видимости, дѣло имѣемъ съ утратой плавнаго r, но если основу turs- признать архаичной сравнительно съ trus-, то съ точки зрѣнія яфетической фонетики можетъ возникнуть мысль, что r есть наростъ, обычный въ яфетическихъ языкахъ передъ сибилянтами. Въ такомъ случаѣ чистая основа звучала бы tus, и въ ней мы могли бы имѣть то племенное названіе, которое безъ всякаго показателя множественности въ видѣ ϑuш (←tuш) носятъ современные намъ горцы — тушины, въ древности по свидѣтельству Птолемея именовавшіеся tus-k'ами (Τοῦσχοι), арм. Θuш-q, т. е. названіемъ отъ той же основы въ формѣ мн. числа на k, а еще раньше населявшіе югъ Арменіи въ бассейнѣ Ванскаго озера, гдѣ то же этническое названіе съ губнымъ показателемъ множественности p при ванскихъ царяхъ носитъ городъ Tuш-pa, ихъ резиденція на берегу озера, а позднѣе у армянъ — Tos-p.

Ванскій районъ и сѣвернокавказская полоса одинаково пріемлемые

---

[1] Adv. gent., VII, 26.

[2] Сюда-же относится, какъ будто, названіе древняго укрѣпленнаго города Tusculum въ Лаціумѣ, но объ его происхожденіи цѣлесообразнѣе говорить одновременно съ происхожденіемъ термина Latium, населеніе котораго (Latini), по сказанію, возводится къ автохтонамъ оскамъ вмѣстѣ съ сикулами и пеласгами.

пункты отправленія для яфетидовъ, выходцевъ изъ Азіи на Апеннинскій полуостровъ, но реальныхъ данныхъ въ пользу отожествленія этрусковъ съ тусками у насъ нѣтъ, нѣтъ даже топографическаго свидѣтельства въ географической номенклатурѣ о посредствующемъ этапѣ въ движеніи тусковъ въ Этрурію, не говоря и о фонетическихъ затрудненіяхъ примирить всѣ производныя формы съ архетипомъ основы tus-.

§ 9. Выдѣляя тотъ же префиксъ e- (⟵he) въ Etrus, если пріоритетъ древности признать за разновидностью основы trus, мы не досчитываемся ея эквивалента въ племенныхъ названіяхъ яфетическихъ народовъ Кавказа и прилежащихъ странъ, но въ яфетическихъ языкахъ этого основного нынѣ яфетическаго района есть матеріалъ для истолкованія упомянутаго племенного названія, какъ нарицательнаго слова.

Названія народовъ даже безспорно яфетическихъ далеко не всегда удается истолковать семасіологически. Пока намѣчены лишь нѣкоторые общіе принципы, вліявшіе на возникновеніе того или иного нарѣчія: въ кругу яфетическихъ народовъ въ творчествѣ этническихъ терминовъ руководились названіемъ племенного бога, которому народъ поклонялся, связаннаго съ нимъ или, вѣрнѣе, неотдѣлимаго отъ него животнаго, тотема и т. п. Съ другой стороны, не разъ въ качествѣ племенного названія у яфетидовъ всплываетъ слово, означающее «человѣкъ» («дѣти», «отроки», «люди»), хотя и въ такихъ случаяхъ возникаетъ вопросъ, не потому ли названіе того или иного народа тожественно съ понятіемъ «человѣкъ» или его разновидностями, что въ религіозномъ сознаніи даннаго этническаго объединенія «человѣкъ» успѣлъ занять мѣсто тотема божества, мѣсто животнаго-божества. Конечно, мы не имѣемъ основанія исключать возможность, что иногда на возникновеніе племенного названія вліяло и ремесло, которымъ занимались. Лично я далекъ отъ мысли пользоваться при толкованіи интересующаго насъ названія случайно сложившимися благопріятно обстоятельствами, чтобы въ названіи этрусковъ усмотрѣть указаніе ихъ отличительнаго ремесла, но дѣйствительно легко дается такое его толкованіе, и оно, пожалуй, можетъ показаться заманчивымъ.

Существуетъ такъ называемый взращенный корень trs, съ функціональнымъ начальнымъ согласнымъ t, пережиткомъ зубного префикса, эквивалента губного префикса p. Архетипъ корня пустой: по свистящей группѣ — rws, въ подъемѣ rwt⟶rwď, уже извѣстный намъ по произведеннымъ отъ него названіямъ растенія — «розы», въ частности и плодового дерева—«граната». Взращенный корень trs сохранился какъ безъ всякаго измѣненія, такъ съ подъемомъ s въ рядъ ṫ⟶*ď⟶ϑ по свистящей группѣ, въ ḑ по шипящей, притомъ въ чистыхъ яфетическихъ съ удержаніемъ сла-

баго коренного w въ составѣ огласовки, гдѣ съ гласнымъ характеромъ е онъ сливается въ u, такъ: г. trusa→truϑa *онъ палилъ*, т. е. съ функціональнымъ первымъ согласнымъ та же основа, что въ глаголѣ по шипящей группѣ ruḁa *онъ палилъ*. Тотъ же взращенный корень въ яфетидоидномъ др.-литер. армянскомъ языкѣ въ видѣ ϑrt лежитъ въ основѣ глагола ϑərt-el *обжигать* (кирпичъ, глиняную посуду и т. п.). Отъ параллельнаго также взращеннаго корня, но съ губнымъ функціональнымъ согласнымъ вмѣсто зубного — b-rwt (←b-rwt)→brwϑ: въ грузинскомъ bruϑ-a или bruϑ-ı-an-ı *слѣпой*, букв. «*съ сожженными* глазами» (равно brutı-an-ı *косой*), въ армянскомъ, да и въ грузинскомъ[1], по заимствованію изъ армянскаго, brut *гончаръ*, букв. *обжигатель*. Соотвѣтственно и trus, основа глагола trusa→truϑa, nomen actoris по формѣ qmen (*trwesn, *trweϑ), можетъ означать *обжигателя, гончара*.

Слѣдовательно, нашъ загадочный народъ по этой этимологіи назывался бы по ремеслу trus'ами или trusk'ами, т. е. племенемъ *гончаровъ*, какъ прославленный г о н ч а р ъ-о б ж и г а т е л ь, какъ племя κατ' ἐξοχήν занимавшееся гончарнымъ дѣломъ.

§ 10. Однако, помимо того, что не всегда самое простое рѣшеніе есть и самое правильное и, что важнѣе, дѣйствительное, съ префиксомъ въ комплексѣ etrusk требуется особая осторожность. Мы видѣли, что въ яфетическихъ языкахъ префиксъ съ огласовкою е, какъ и его эквивалентъ, имѣя разнообразное значеніе, появляется и съ согласными элементами. Въ числѣ согласныхъ элементовъ по фактическому положенію въ гибридномъ представителѣ спирантной вѣтви—имѣемъ n→l, слѣдовательно нашъ префиксъ въ этой лингвистической средѣ звучитъ ne-→le-, а при общесванскомъ чередованіи l съ d мы не могли бы исключать возможности существованія того же префикса въ видѣ de-, если уже не имѣемъ его фактически въ сванскомъ же словѣ de-ϑ *небо*[2]. Но нѣтъ и надобности съ этой стороны подходить къ оправданію зубного префикса, въ частности въ формѣ te- ‖ tı-. Это лишь одна изъ подробностей ряда префиксовъ сибилянтной вѣтви, когда зубной не охарактеризованъ: языки шипящей группы его теперь представляютъ звонкимъ эквивалентомъ *de- ‖ dı-.

Разъ въ формѣ съ префиксомъ etrusk, какъ это было разъяснено, семасически насъ интересуетъ его множественность и участіе въ ея выраженіи и префикса, не можемъ не обратить вниманія на то, что зубной звукъ

---

[1] Орб.: «brut-ı—гончаръ (me-keϑ-e)», у Ч[2] его нѣтъ.

[2] Сомнѣніе въ правильности такого толкованія начальнаго слога de- возникаетъ отъ грузиновѣдной точки зрѣнія, по которой сванское de- въ приведенномъ словѣ представляется соотвѣтствіемъ грузинскаго ze- *верхъ* въ составѣ грузинскаго слова ze-ϑa *небо* (ϑa также *небо*), но грузинскому ze *верхъ* въ сванскомъ соотвѣтствуетъ jı.

есть яфетическій показатель множественности не только въ именахъ, но и въ глаголахъ, и именно глухой его представитель t, напр., въ грузинскихъ глаголахъ образовывалъ особую породу, по значенію учащательную или энергичную, придаваясь къ корню въ качествѣ функціональнаго согласнаго или съ конца, напр. ṭureta *впиваться взоромъ* (отъ √ ṭwr *быть прозрачнымъ, видимымъ*), или съ начала, напр. t-kwera *грызть* (отъ √ kwr *кусать*, разновидности kwn ‖ kbn отсюда и *зубъ* kbıl←*kbın). Этотъ первичный глухой представитель зубного d, нынѣ наличнаго въ нашемъ префиксѣ *de- ‖ dı- у мегреловъ и чановъ, пережиточно могъ сохраниться и позднѣе въ діалектическихъ районахъ съ мутуаціею, и любопытно отмѣтить, что такіе діалектическіе районы наблюдаются у сѣверянъ—свановъ и южанъ—армянъ, для предмета нашего вопроса объединяющихся въ весьма существенной для него роли.

Въ лентехскомъ нарѣчіи самого сванскаго языка этотъ зубной видъ интересующаго насъ префикса подлежалъ возвратному перерожденію въ te- и въ томъ случаѣ, если исторически ему слѣдовало-бы звучать de-. Еще болѣе иллюстрирована была бы судьба вообще всего занимающаго насъ термина съ его нынѣ распознаваемымъ префиксомъ въ армянской лингвистической средѣ кейскаго типа, типа древне-литературнаго армянскаго языка, характеризуемаго тѣмъ заднеязычнымъ показателемъ множественности q, который черезъ звонкій g восходитъ къ архетипу k. Здѣсь префиксъ te- не только продолжалъ бы звучать te- или, по царящему въ немъ закону мутуаціи, подвергся бы возвратному перерожденію въ te-, если бы его нормальный звуковой обликъ вездѣ былъ de-, но далъ бы неизбѣжно примѣръ перестановки te- въ et-: въ этой лингвистической средѣ, связанной органически съ территоріею бассейна Ванскаго озера, имѣется тенденція перемѣщать гласный на первое мѣсто, гласный звукъ въ группѣ предпосылать согласному, такъ ezr *край* вм. *zer (‖ ṭayr [→ṭer], г. ṭwer), etǧ *мѣсто* вм. teǧ или teǧı. Въ послѣднемъ словѣ подозрѣвается именно нашъ префиксъ et-←te-: основа ǧı, эквивалентъ грузинскаго gı *стоитъ, находится*, есть остатокъ трехсогласнаго корня gwm ‖ сем. ḳwm, въ грузинскомъ употребительнаго съ тѣмъ же зубнымъ префиксомъ d-: d+goma (d+gwam-a) *стоять*: арм. teǧı, равно et-ǧ значитъ *устой, стоянка→мѣсто*. Въ освѣщеніи какой бы исторіи ни разъяснять терминъ etrusk, мы не можемъ замалчивать возможности признанія въ его основѣ etrus- префикса не e-, а et-←te-. При такомъ толкованіи прототипомъ разновидностей основы въ этническомъ терминѣ, отожествляемыхъ съ основой etrusk, явилось бы Te-rus-∾Et-rus-, а съ перестановкой гласнаго и въ группѣ основы rus—Et-urs, и затѣмъ отъ перваго вида основы съ показателемъ

множественности k — Et-rus-k, отъ второго вида съ окончаніемъ мн. числа -en и потерею гласнаго въ неударномъ слогѣ[1] — Τυρσ-ην-ός (←Et-urs-en)[2].

Перерожденіе ρσ въ ῤῥ мы имѣемъ и въ сродномъ по основѣ греческомъ терминѣ Τυῤῥηνός изъ Τυρσηνός. Это перерожденіе группы rs въ греческомъ словѣ можетъ, понятно, имѣть обоснованіе на почвѣ греческой фонетики, но надо имѣть въ виду, что въ яфетическихъ языкахъ одно изъ нормальнѣйшихъ явленій чередованіе s съ r и по сравнительной (s‖r) и по исторической (s→r) фонетикѣ, и во всякомъ случаѣ, напр. для самой основы Etrur — въ географическомъ терминѣ Et-rur-ı-a нѣтъ надобности прибѣгать къ аналогичнымъ явленіямъ въ греческомъ или латинскомъ. Это — то же самое явленіе, какое наблюдаемъ въ опредѣленныхъ лингвистическихъ районахъ яфетическаго міра въ терминахъ Ararat вм. *Arasat, Ururda и Urarta вм. *Urumda и Uramtu и въ десяткахъ, если не въ сотняхъ простыхъ словъ, впослѣдствіи и въ аріоевропеизированныхъ языкахъ Арменіи, въ которыхъ самъ законъ пережиточно сохранялся еще долго. Если этимъ фонетическимъ явленіемъ пользоваться для этнологическихъ выводовъ, то развѣ въ порядкѣ установленія, что вообще латинской рѣчью на Аненнинскомъ полуостровѣ, какъ армянами на Кавказѣ, отъ яфетидовъ была унаслѣдована въ той или иной степени фонетическая система соотвѣтственнаго круга яфетическихъ языковъ, и въ ея составѣ наше звуковое явленіе.

Въ образованіи Etruria вм. *Etrusia для насъ цѣннѣе въ яфетидологическомъ отношеніи то, что народъ, въ устахъ котораго возникала эта форма, еще, слѣдовательно, сознавалъ, что k въ основѣ Etrusk есть придаточный элементъ, суффиксъ. Поэтому приходится считаться и съ тѣмъ, что нѣтъ надобности и самую форму географическаго термина на -ıa объяснять непремѣнно изъ аріоевропейской морфологіи. Не только I-ber-ı-a‖I-ver-ı-a, но рядъ названій странъ или населенныхъ пунктовъ Кавказа, отложеній племенного названія ихъ населенія, въ яфетическихъ языкахъ проявляютъ суффиксъ -ıa, имѣющій свою особую исторію, какъ то Gur-ı-a, Be-dı-a (←Be-dı-ı-a) и др. Поскольку въ греческихъ легендарныхъ сказаніяхъ о Кавказѣ имѣемъ отложеніе мѣстныхъ терминовъ, и въ мѣстности A-ıa сказанія аргонавтовъ, вѣроятно, предлежитъ та же форма названія страны. Звукъ a во всѣхъ ихъ — остатокъ окончанія мн. числа an (флективнаго періода), въ свою очередь трансформаціи служебнаго слова -van *сынъ*, сочетавшагося съ префиксомъ ı, мѣстоимѣніемъ (изъ агглутинативнаго періода),

---

[1] Опять-таки по фонетической нормѣ др.-л. армянскаго языка см. Н. Марръ, Грам. древне-арм. яз., § 63.

[2] Конечно, можетъ быть возбужденъ вопросъ, не состоялъ-ли префиксъ въ послѣднемъ случаѣ отъ начала изъ одного согласнаго звука (t-)?

каковое слово въ свою очередь и въ формѣ -va (иногда и van), и въ формѣ -a массово налично въ фамильныхъ названіяхъ Мегреліи, какъ Akırta-va, Aφq̇aza-va, Фаǧa-va, Gabun-ı-a, Dad-ı-a (‖Dadı-an), Q̇omtar-ı-a[1] и т. п.

Эта форма фамильныхъ образованій у мегреловъ неразрывно связана въ свою очередь съ образованіемъ такихъ племенныхъ названій у абхазовъ, какъ a-gr-wa *мегрелы*, a-φş-wa *абхазы*, a-qərө-wa *грузины*, букв. «картвелы» и т. п. Для нас сейчасъ интересенъ примѣръ съ Be-dı-a (←Be-dı-ʳı-vˡan) по другому основанію, именно по наличію въ немъ префикса be-, имѣющаго въ яфетическихъ языкахъ исторію me- ‖ pe- ↗be-→φe-. Это образовательная частица, эквивалентная разобранному уже въ той же цитованной работѣ префиксу ma- въ ma-gog, въ образованномъ изъ gog и т. п. Чередованіе me ‖ ma- наблюдаемъ въ этническихъ терминахъ me-gr-el ‖ ma-gral, изъ которыхъ послѣдній въ письменной традиціи классиковъ по опискѣ обращенъ въ Μανραλοι, а въ устахъ самихъ мегреловъ по природной для ихъ рѣчи закону перемѣщенія — ma-rgal. Чередованіе pe- ‖ pa- въ числѣ прочихъ наблюдается въ разновидностяхъ съ префиксомъ племенного названія ṭen (вм. ten) ‖ ṭan, перенесенныхъ по наслѣдству на Кавказѣ отъ яфетидовъ на турокъ: это хорошо извѣстный терминъ pe-ṭen-eg (→pe-ϑen-eg) ‖ pa-ṭan-ak (pa-tın-ag) и т. п., проявляющій одновременно заднеязычный показатель множественности и глухой, какъ etrus-k, и звонкій g, какъ pelas-g.

Въ Be-dı-a основа племенного названія — dı-←ďı- ‖ ḍı-, которую мы имѣемъ въ различныхъ формахъ мн. числа, какъ то O-dı-ш *Мегрелія*, ḍı-q или ďı-q̇ *дзихи*, a-də-ge *адыгеи*, *черкесы* и т. п.[2]. Есть основаніе утверждать, что по отвлеченіи абхазо-черкесскаго нароста a- и въ a-ba-ďe-q̇, resp. ba-ďe-q̇ вскрывается не только та же основа племенного названія ďe ‖ ďı, но и эквивалентный префиксъ ba-, причемъ этотъ префиксъ также имѣетъ исторію ma ↗pa→ba→φa, но и въ Be-dı-a и -ba-ďe-q̇ префиксы стоятъ на тожественной ступени звонкости (be- ‖ ba-).

Между Be-dı-a←Be-dı-an и -ba-ďe-q̇ при такомъ освѣщеніи по существу получается лишь та формальная разница, что мн. число образовано съ помощью показателя множественности въ первомъ случаѣ -n, во второмъ -q (→k), т. е. передъ нами выступаетъ совершенно то же самое морфологическое расхожденіе, что между Turs-en (Τυρσ-ην-ός) и Etrus-k.

---

[1] I. Кипшидзе, Мингрельско-русскій словарь, стр. 423: «Списокъ мингрельскихъ фамилій». Въ соотвѣтственномъ выпускѣ нашей работы по географическимъ и племеннымъ названіямъ Кавказа, задерживаемомъ изданіи Комиссіи по изученію племенного состава Россіи, это подробно излагается.

[2] Н. Марръ, Исторія термина «абхазъ» (ИАН 1912), стр. 700—701, а не разновидность bazq (bazg), ср. Н. Марръ, ц. м., гдѣ усѣченію подлежитъ въ такомъ случаѣ и *bďı-q̇.

Я сейчасъ не останавливаюсь на томъ, что -an и въ яфетическихъ языкахъ по групповой перегласовкѣ свистящаго типа имѣетъ параллель -en, и на тому подобныхъ мелочахъ.

Если упоминаемый въ египетскихъ надписяхъ XIII-го и XIV-го вѣковъ до Р. Х. народъ Turша имѣетъ отношеніе къ этрускамъ, одного племенного съ ними происхожденія и, слѣдовательно, носитъ съ ними одно общее названіе, то въ этомъ египетскомъ варіантѣ рядъ исторически важныхъ особенностей: 1) въ основѣ читается шипящій ш вм. свистящаго звука — Turша, 2) въ египетскомъ варіантѣ нѣтъ суффикса-показателя множественности, заднеязычнаго k, за то префиксъ показатель множественности te ‖ tı на лицо, появляясь иногда въ первичномъ видѣ Tı-ur-ша[1]. Египетская разновидность вскрываетъ, что перестановка гласнаго на первое мѣсто въ группѣ ruш весьма древнее явленіе, что оно налично было въ терминѣ еще на малоазійскомъ Востокѣ.

Независимо отъ египетскаго преданія, природность этой перестановки для малоазійскаго Востока подтверждается разновидностью того же этническаго термина Τὑῤῥ-β-οι, поскольку она на лицо въ составѣ племенныхъ названій населенія Лидіи. Перебой сибилянта въ спирантъ, обращающій основу τυρσ ‖ turш въ τὑῤῥ ‖ turℊ, resp. turh также прослѣживается, слѣдовательно, на томъ же Востокѣ. Однако и лидійская разновидность, проявляя одновременно губной показатель множественности b, не даетъ опоры для объясненія заднеязычнаго показателя множественности k, наличнаго въ терминѣ Et-rus-k. Для основы въ перемѣщенномъ видѣ urs (υρσ ‖ υῤ=urh) мы получаемъ рядъ разновидностей или безъ всякаго суффикса мн. числа (Tı-urш-a), какъ въ египетскомъ варіантѣ, или съ окончаніями мн. числа типа губного (Τὑῤῥ-β-οι) и носового (Τυρσηνόι, Τυῤῥηνοί, Tyrhenus), и этотъ рядъ характеризуетъ восточную традицію малоазійскаго юга.

Въ этомъ смыслѣ я оказываюсь поддерживающимъ какъ будто взглядъ W. Max Müller'a, который предполагалъ, что движеніе этрусковъ съ малоазійскаго Востока исключается, что этруски — европейцы, и особенности головного убора этрусковъ, объединяющаго ихъ съ лидійцами, не представляетъ противорѣчія, къ чему-либо обязывающаго, съ мыслью объ этрускахъ европейцахъ, хотя и дли него также Turш, Τυρσηνοί, Turs-ce тожественные термины, какъ и E-trus-cı. Главное же то, что египтологъ съ большимъ сомнѣніемъ относится къ преданію Геродота, онъ прямо-таки его отвергаетъ[2].

[1] LD, 209, см. W. M. Müller, Asien und Europa, стр. 379.

[2] Ц. с., стр. 383 и 382, пр. 1. Считаемъ необходимымъ привести обоснованіе такого крайняго скептицизма. W. Max Müller при оцѣнкѣ родства головного убора

Однако еще болѣе сомнительно, чтобы отвергаемое Max Müller'омъ преданіе, сообщаемое Геродотомъ, опиралось на какое-либо созвучіе. Едва ли есть основаніе возводить къ созвучію, когда тирсеновъ въ діаспорѣ греки (Діон. Галик., I, 25, Өукид. I, 1, Соф., Inach.) именуютъ такимъ «прэ-историческимъ» названіемъ какъ пеласги, между тѣмъ Max Müller отказываетъ любопытному явленію въ какомъ бы то ни было историческомъ значеніи. И, наоборотъ, тотъ же Max Müller придаетъ большое историческое значеніе единичному созвучію, когда его толкованіе можетъ лить воду на его мельницу. Я буквально повторю и это мѣсто въ аргументаціи выдающегося знатока вопроса[1]:

«Вѣское свидѣтельство лежитъ въ библейской родословной таблицѣ Быт. 10,2, гдѣ сыномъ Іафета приводится תירס. Древнія преданія даютъ столько безсмысленнаго, что поражаетъ, почему мало вниманія было обращено на сравненіе этого племенного названія (Өiras) Tuch съ Τυρσην-οί. Это сопоставленіе можно поставить внѣ сомнѣнія, стоитъ только Tiras (Θειρας, Thiras) прочитать Turs, что едва ли можно счесть поправкой».

Не говоря о примитивности пріема въ установленіи текста, Müller, очевидно, и не чуялъ, какую опасную почву представляетъ сѣверное побережье Эгейскаго моря для упрощеннаго разъясненія этнологическихъ вопросовъ. Въ полосѣ связи Юга съ Сѣверомъ на межѣ Европы съ Азіею и Востока съ Западомъ у Чернаго моря и Эгейскаго лежали пути всѣхъ переселенческихъ движеній, съ какой бы стороны ни шли они и куда бы ни

этрусковъ съ малоазійскимъ, необходимости признать ихъ сосѣдями ликійцевъ, пронизируетъ «натурально вспомнить о традиціи, по которой Tyrsen'ы должны были быть выселенцами изъ Лидіи, т. е. изъ Западной Малой Азіи (Геродотъ, I, 94), но ни въ какомъ случаѣ нельзя-бы было думать, что древніе Tyrsen'ы были осѣдлы еще въ «долинѣ Каистра» при Рамзесѣ III (XIII вѣкъ) (E. Curtius, Berl. Sitzungsb., 1882, 933, до него Масперо). Турши принадлежатъ безусловно къ народамъ самаго дальняго Запада. Потому изображеніе выводитъ ихъ за прославленными Шарданами и передъ малоазіатцами съ широкими коронами. Вообще вещь сомнительная, когда съ туманными тирсенами производятъ эксперименты на «лидійскомъ» (?) побережьи, опираясь лишь на случайное созвучіе въ географическомъ названіи Tyrrha (O. Müller, Etrusker, 80). Древніе турши, должно быть, представляли собою прославленный на морѣ народъ, чѣмъ были и италійскіе тирсены. Только на этихъ послѣднихъ указываютъ всѣ мѣста у классиковъ, ни одного изъ нихъ при лучшемъ желаніи не могу я толковать въ смыслѣ тѣхъ «прэ-историческихъ» малоазіатовъ. Тѣ же самые тирсены, что боролись въ Сициліи съ аѳинянами (Өук. 7, 52—54) и выставляютъ противъ фокейцевъ большое число кораблей, какъ карѳагеняне (Герод. I, 166) и т. д., суть тѣ, которыхъ гомеровскій гимнъ Вакху выводитъ пиратами въ Эгейское море. Что они въ Египетъ или на Кипръ сбывали рабовъ, не указываетъ, конечно, на мѣстопребываніе ихъ у Эгейскаго моря (Curtius), отправлялись же они еще ἐς Ὑπερβορέως ἢ ἑκατέρω. Какъ велико было ихъ могущество, явствуетъ изъ того, что они были въ силахъ утвердиться въ различныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ Эгейскаго моря и устоять (Гер. I, 57, Өук. 4, 109), что раньше случалось явно чаще».

[1] Ц. с., стр. 382—383.

направлялись, и въ связи съ этимъ тамъ сходились всѣ фонетическія теченія, влiявшiя на преобразованiе звукового облика племенного названія Θιras и на нарожденiе ряда разновидностей и его, и происходящихъ отъ его основы сродныхъ терминовъ, осѣдавшихъ въ географической номенклатурѣ края. И безъ какой либо цѣльной системы, дающей возможность классифицировать эти сродные термины, нельзя подходить ни съ какой, даже самой незначительной, поправкой ни къ одному изъ нихъ.

§ 11. Намъ интереснѣе сейчасъ остановиться на основѣ термина Etrusk, если за послѣднимъ яфетидологическимъ его анализомъ придется признать пальму первенства. Чистая основа термина въ такомъ случаѣ rus-. Отсюда естественный вопросъ, не имѣемъ ли въ основѣ латинскаго названія города въ Этрурiи Rusellae этрусской формы Р. падежа на -el (ср. -l) — Rus-el- отъ этого именного этническаго термина rus-? Во всякомъ случаѣ основа rus термина Et-rus-k съ основой ras наименованія Ras-en-a, какое давали себѣ сами этруски, находятся въ соотношенiяхъ групповой перегласовки шипящаго (o⟶u) и свистящаго (a) типовъ въ яфетическихъ языкахъ. Если бы латинскiй алфавитъ располагалъ для этого средствами, мы имѣли бы и шипящiй вм. свистящаго именно въ Etrusk, который долженъ былъ звучать Etruшk, какъ находимъ поддержку для этой первоначальной черты звукового облика основы -truш въ египетскомъ преданiи Tι-urш-a или Turш-a[1]. И потому еще острѣе чувствуется потребность въ отвѣтѣ, нѣтъ ли данныхъ для продолженiя въ глубь яфетическихъ нѣдръ на востокъ той линiи движенiя этрусковъ съ востока на западъ, которая и исторически, и по номенклатурной палеонтологiи насъ приводитъ къ малоазiйскому этапу въ Лидiи.

§ 12. Нѣмецкому ученому Борку линiя связи представлялась достигающей отъ Этрурiи до Элама. «Не только», писалъ онъ въ рецензiи на работу A. Fick'a[2], «повторно всплываютъ въ дiалектически оттѣненныхъ формахъ (in mundartlich abgestuften Formen) тѣ же самыя названiя божествъ Tarku (Tarq̇u [а не Tarḣu = Tarḫu»] Turgu) и Teшup (Trebos, Tιrum) на всемъ пространствѣ отъ Этрурiи вплоть до Элама, но прослѣживается также въ широкомъ распространенiи рядъ созвучныхъ образовательныхъ элементовъ ономастикона, такъ arι *давать* и kιlι»[3]. Если бы Боркъ былъ знакомъ съ основными положенiями яфетической теорiи, то онъ могъ бы глу-

[1] W. Max Müller) (ц. с., стр. 383, пр. 2) появленiе ш вм. s считаетъ результатомъ особенности транскрипцiи египетскими сибилянтами (тамъ же, стр. 372, пр. 4).

[2] Hattiden und Danubier in Griechenland. Weitere Forschungen zu den «Vorgriechischen Ortsnamen», Геттингенъ 1909.

[3] OLZ, XV (1912), 6, стр. 263.

хую ссылку на вообще «діалектическую дифференціацію» замѣнить указаніемъ на опредѣленное морфологическое расхожденіе двухъ основныхъ видовъ въ приведенныхъ имъ разновидностяхъ названія божества по образованію формы съ помощью показателя множественности, по появленію функціональныхъ согласныхъ въ роли 3-го коренного, въ одномъ видѣ — заднеязычнаго показателя множественности (k→g, q̇), это въ названіи божествъ Tarku, Turgu, Tarq̇u, въ другомъ случаѣ — губного показателя множественности (m ↗p→b) (это въ названіяхъ божествъ Tirum, Тешup, Treb-). Вопросъ лишь въ томъ, исключать или нѣтъ изъ ряда второго вида Тешub, поскольку его отожествляли (отожествлялъ и я) съ халдскимъ Теішba, между тѣмъ Теішba составное слово: второй своею частью -ішba←ишba оно имѣетъ неразрывную связь съ арм. Uш-ap ‖ Oш-ap или арм. vиш-ap ‖ г. vешар, яфетическимъ божествомъ-рыбою[1], какъ то уже разъяснено мною въ печати. Противъ разлученія эламскаго Тешup съ халдскимъ Теішba и включеніе его, Тешup, въ кругъ перечисленныхъ разновидностей названія божества вида съ губнымъ показателемъ множественности мы не имѣли ли бы особыхъ возраженій[2]: Теішba и Тешup оставались бы въ одномъ кругу лишь по сродству окончанія мн. числа -ba→-pa термина съ функціональнымъ согласнымъ показателемъ также множественности, обратившимся въ 3-ій коренной въ Тешup и его разновидностяхъ. Въ остальномъ же, наоборотъ, есть яфетидологическія данныя и лингвистическія и этнологическія въ пользу такого опредѣленія термина Тешup, да и вообще у него въ такомъ случаѣ оказалась бы болѣе многочисленная родня, чѣмъ названная въ перечнѣ Борка, притомъ объединяемая общностью этого же божества, уже по линіи съ сѣвера на югъ, отъ Кавказскихъ горъ до Палестины.

Возраженіе имѣемъ мы лишь противъ того, чтобы неправильное использованіе видового термина хатты въ общемъ расовомъ значеніи, какъ то со многими другими дѣлалъ A. Fick, исправлять такимъ же неправильнымъ употребленіемъ термина «кавказцы». Такая поправка ввела бы ту же постановку частного вм. общаго съ другого конца. Терминъ «кавказцы» также отнюдь не столь общій, къ тому же, какъ выяснено нынѣ номенклатурной палеонтологіею, «Кавказъ» опредѣленное видовое племенное названіе, притомъ гибриднаго типа.

Дѣла не мѣняетъ, когда и Fick и, понятно, Боркъ съ ссылкой на «важныя работы» Каннегиссера признаютъ, что «кавказскій слой имѣетъ

---

[1] Н. Марръ, Надпись Русы II изъ Маку (ЗВО, XXV) стр. 44—46, et pass.

[2] Въ цитованной работѣ у насъ было уже колебаніе, чѣмъ и вызывалась слѣдующая фраза (стр. 44): «Отожествленіе, которое дѣлалось кунеологами съ божествомъ Тешup, богомъ стихіи и бури, такимъ образомъ получаетъ *какъ будто* и лингвистическую поддержку въ фонстикѣ халдскаго языка».

отношеніе къ Этруріи»[1]. Яфетическіе языки отнюдь не прикрѣплены къ Кавказу, не являются порожденіемъ кавказской почвы, а яфетидологія и въ кавказскихъ и внѣ-кавказскихъ яфетическихъ народахъ и языкахъ строго разграничиваетъ родовое отъ видового, а равно — территоріальную дифференціацію отъ племенной, не отказываясь отъ признанія особыхъ геоэтническихъ единицъ, особенно, когда рѣчь идетъ о такой доступной реальному непосредственному наблюденію населенной территоріи, какъ Кавказъ, но пышное сосредоточеніе яфетическихъ племенныхъ названій, если не исчерпывающая полнота ихъ въ предѣлахъ Кавказа побуждаетъ вести настойчивую работу по опредѣленію именно спеціальнаго значенія отдѣльныхъ племенныхъ названій, обосновать ихъ классификацію прежде всего на строго формальныхъ основаніяхъ номенклатурной палеонтологіи, насколько компетентна лингвистическая наука и позволяютъ дѣлать это ея яфетидологическія достиженія. Забѣгать въ лингвистическія разысканія фактами культурно-историческаго значенія, изъ мало и неравномѣрно освѣщенныхъ еще областей, также нецѣлесообразно, какъ выводамъ яфетическаго языкознанія придавать обратно преувеличенное значеніе въ опредѣленіи памятниковъ матеріальной культуры и ихъ археологической или историко-художественной классификаціи. Сведеніе результатовъ этихъ разностороннихъ изслѣдовательскихъ подходовъ для концентраціи всѣхъ спеціальныхъ изысканій въ рѣшеніи общаго вопроса дѣло послѣдующаго момента.

Такимъ образомъ, минуя пока не разъясненныя и политическія и культурно-историческія связи Лидіи съ близкимъ къ ней хеттскимъ и особенно съ болѣе отдаленнымъ халдскимъ (ванскаго царства) и эламскимъ національными мірами, мы остановимся на хорошо извѣстномъ пути, по которому съ ранняго средневѣковья просачивались переселенческія струи армянскаго населенія территоріи, освященной еще строительствомъ халдскихъ царей въ бассейнѣ Вана и прилежащихъ краяхъ.

По разрушеніи южно-армянскаго средневѣковаго царства на берегу Ванскаго озера, оттуда по тому-же пути хлынули уже переселенческія волны цѣлыми руководящими общественными слоями и классами, которыя нашли стоянку для перваго своего строительства въ Киликіи. Однако основанію средневѣковаго колоніальнаго армянскаго царства въ этомъ районѣ предшествовала долгая земледѣльческая миграція армянскаго племени. Въ VI-мъ вѣкѣ армяне-земледѣльцы еще южнѣе, близъ Антіохіи, были бытовымъ явленіемъ края, работая косарями, какъ то свидѣтельствуется въ житіи Симеона Дивногорца. Продвиженіе въ Киликію населенія средневѣковой Арменіи опиралось на его вѣками предшествовавшее внѣдреніе въ

[1] OLZ, XV (1912), ц. м.

арамейскія страны, въ Месопотамію и Сирію, дѣлившіяся и раньше между семитами и яфетидоидами, а еще раньше — яфетидами, какъ спорное достояніе. Общее съ Сиріею начало политической жизни въ историческомъ самосознаніи христіанской Арменіи покоится, даже въ легендарной его части, на реаліяхъ, дѣйствительно объединявшихъ армянъ или арамидовъ съ арамейцами, пережиточно сохранившими уже не изъ легендъ, а изъ подлинной жизни общность племенного названія, притомъ терминъ aram‖ armen — наслѣдіе господствовавшего въ краѣ яфетическаго населенія, во всякомъ случаѣ элементъ, усвоенный семитами отъ яфетидовъ, а не наоборотъ. Населеніе Кавказа, прежде всего его юга, юга Арменіи входило какъ на родную территорію въ семитизованный впослѣдствіи арамейскій районъ, и съ нимъ туда-же вносились, смотря по эпохѣ, въ качествѣ мѣстнаго племенного населенія яфетическіе и другіе этническіе термины, не менѣе для своего времени громкіе, чѣмъ арамеи.

Позднѣе сравнительно яфетидоидное населеніе древней и средневѣковой Арменіи лишь шло по стопамъ яфетидовъ, первыхъ насельниковъ Арменіи. Со стоянки въ Киликіи и средневѣковое армянство имѣло боковое на сѣверъ движеніе. Путь черезъ Малую Азію, Бруссу, съ юга на сѣверъ, на сѣверное побережье въ предѣлы древней Ѳракіи, въ Крымъ, въ Польшу былъ вбирающимъ переселенческія волны юга Арменіи. Объ этомъ говорятъ не только лингвистическіе факты, армянскіе говоры соотвѣтственныхъ районовъ армянскихъ колоній, но и предметы матеріальной культуры, между прочимъ вносившіеся армянами, какъ то выяснялъ I. А. Орбели[1], навыки и техника армянскаго мастерства по серебру.

Мы не будемъ злоупотреблять аналогіею въ направленіи средневѣковаго миграціоннаго движенія на западъ, достигшаго въ особыхъ условіяхъ политической жизни соотвѣтственныхъ эпохъ сѣвера Апеннинскаго полуострова, уже сѣверной Италіи, именно, Венеціи, черезъ островъ Кипръ и югъ Балканскаго полуострова — Морею. Но въ направленіи на востокъ, какъ изъ Киликіи въ средніе вѣка, такъ въ архаичныя времена изъ Лидіи искомая линія движенія этрусковъ, достигавшихъ въ своемъ движеніи на западъ Апеннинскаго полуострова, могла-бы быть продолжена до бассейна Ванскаго озера.

Здѣсь, дѣйствительно, находимъ мы яфетическое племя rus или ruш (←*roш), предшественниковъ племени халдовъ. Это то племя, названіе котораго въ формѣ мн. числа на t (ruш-t) унаслѣдовано было армянскимъ княжествомъ Rəш-t-unı (←Ruш-t-une); отъ его основы образованъ бы-

[1] I. А. Орбели, Два серебряныхъ ковша, ХВ, V, 1.

товой терминъ, названіе обуви ɽәш-ık, сохранившійся на мѣстѣ до нашихъ дней. Особенно важно отмѣтить, что той-же основы съ префиксомъ u, какъ въ U-rartu, т. е. отъ темы u-ruш образовано племенное названіе u-ruш-ık, въ мѣстномъ діалектическомъ произношеніи w-rәш-ık, изъ этническаго термина обратившееся въ соціальный и означающій, какъ то любезно сообщилъ І. А. Орбели, «крестьянинъ», «мужикъ» и т. п.[1], т. е. какъ въ одной части Арменіи этническій терминъ әɽam-ık, пережитокъ племенного названія «арамей» ‖ «армянинъ», обращенъ въ соціальный терминъ, названіе порабощоннаго этническаго слоя, некогда славнѣйшаго, такъ въ другой части на югѣ наблюдаемъ то-же самое съ терминомъ wrәш-ık, пережиткомъ племенного названія также въ свое время прославленнаго народа, также наслѣдія племени, нисколько не менѣе важнаго, чѣмъ армяне и арамеи, также своимъ именемъ объединявшаго, какъ увидимъ, если и не своей сущностью, кавказскій край съ сирійскимъ, Арменію съ арамейскими землями, но въ болѣе древнее время, чѣмъ дата культурно-исторической роли армянъ и даже арамеевъ.

Съ перерожденіемъ сибилянта ш основы ruш въ плавный r разновидность rur- мы имѣемъ въ основѣ названія страны съ префиксомъ u- и суффиксомъ -da— U-rur-da, какъ то свидѣтельствуется халдской надписью ванскаго царя. Халдскія надписи по этому вопросу интересны для насъ еще тѣмъ, что они сохранили въ формѣ Rus-a имя ванскаго царя, извѣстнаго по ассирійской передачѣ въ видѣ Urs-a: имѣемъ-ли въ имени наше племенное названіе или стоящее въ связи съ нимъ нарицательное имя ros (авар.) *человѣкъ* или нѣтъ, для насъ важно свидѣтельство изъ нашего района о перемѣщенія rus-a въ urs-a въ параллель фонетическому явленію Etrus-k ‖ Turs-en. Итакъ и это южно-малоазійское преданіе въ разновидностяхъ нашего племенного названія поддерживается уже первоисточникомъ, безспорнымъ яфетическимъ Востокомъ. На этомъ-же яфетическомъ Востокѣ налицо и другая особенность южно-малоазійскаго преданія, перебой сибилянта въ спирантъ.

Широкое распространеніе спирантныхъ языковъ яфетической семьи на югѣ подтверждается и особенностями халдскаго языка. И въ порядкѣ гибридизаціи рядомъ съ Aras-q̇ ‖ Erasq̇ халдскія надписи удостовѣряютъ еще для IX-го в. до Р. Х. форму Era-q̇ını (*Erah-q̇ın-ı), причемъ спирантъ самъ безслѣдно изчезаетъ уже тогда. Весьма рано именно на югѣ застрявшее племенное названіе шипящаго типа muшk ← moшk переродилось въ mok, и потому мы въ правѣ искать для одной изъ южно-яфетическихъ

[1] Съ тѣмъ же значеніемъ и ɽәшtunı записано І. А. Орбели со словъ агулисскаго армянина.

разновидностей нашего этническаго термина, исторически важной, именно Rəɯtunı (←Ruɯtunı) спирантный двойникъ Rətunı или Rətunu (←*Ruhtunı), что̀ дѣйствительно на лицо въ этническихъ терминахъ юга какъ одно изъ важнѣйшихъ племенныхъ названій района, впослѣдствіи объединявшагося разновидностями другого уже пережиточно общаго этническаго термина — армяне ‖ арамеи. Терминъ Rṯnu это болѣе древнее названіе Сиріи по египетскимъ источникамъ. Это именно племенное названіе, и мы не видимъ никакого основанія признавать ошибкой соотвѣтственное употребленіе, и вмѣсто того, чтобы дать слову природную огласовку, согласованную съ огласовкой его армянскаго эквивалента Rəɯtunı, читать его reṯān для того только, чтобы въ немъ усмотрѣть, какъ то дѣлаетъ Müller, сем. לשון *языкъ*, и названіе страны понимать въ смыслѣ «страны языка», понятнаго, «родины» и т. д.[1] Детерминативъ острова (⬭) при племенномъ названіи Rṯnu, если-бы онъ оказался дѣйствительно наличнымъ, указывалъ-бы на извѣстность этого яфетическаго племени и на островахъ, что̀, понятно, и безъ того не подлежитъ сомнѣнію, разъ они соплеменники тирреновъ и этрусковъ.

Въ Сиріи основа этого термина, какъ племенное названіе, пережила въ устахъ мѣстнаго населенія и ближайшихъ сосѣдей какъ названіе населеннаго пункта, она налицо именно въ восточныхъ разновидностяхъ названія Эдессы: это арб. Ruha (Al-ruha), сир. Urḥay, арм. Urḥa, послѣднія двѣ съ той перестановкой, которая представляетъ параллель urs вм. rus въ сибилянтныхъ разновидностяхъ. Съ такой-же перестановкой та-же основа urḥ, съ потерею спиранта, на лицо въ названіи рѣки Евфрата, архетипъ котораго *Pe-urḥ-at, наличный въ египетской транскрипціи въ видѣ Pı-ur-at, съ перестановкой e въ префиксѣ *Ep-ur-at, откуда грецизованный Εὐφράτης, асс. Puratu, Prat и т. д. Пережитокъ того-же термина съ глухимъ губнымъ m, а не мусульманское имя имѣемъ въ названіи части того-же Евфрата у армянъ и турокъ=Murad (←Me-urḥ-at). И здѣсь пережитокъ чередованія префиксовъ me- ↗pe-*. Съ другой стороны, основа rus (ruɯ) →rur имѣетъ, по корреспонденціи групповой перегласовки шип. u (←o) ‖ свист. a, параллельную разновидность ras (raɯ) →rar, откуда U-raɯ-tu U-rar-tu, равно A-rar-at и т. п.[2] Въ самой Арменіи палеонтологически мы встрѣчаемъ ras→raṫ въ географическихъ названіяхъ, такъ въ названіи рѣки A-ras-q̇, равно A-raṫ-an-ı, названіи того-же Евфрата и т. п.

Такимъ образомъ уже въ первоисточникѣ, до котораго мы пока въ

---

[1] Ц. с., стр. 147.

[2] Н. Марръ, Надпись Сардура II, сына Аргиштія, въ Даш-керпи, на Чалдирскомъ озерѣ (Записки Кавказскаго Музея, Серія В. — I), Петроградъ 1919, стр. 10 сл.

силахъ добраться, располагая лишь морфологическими данными термина, мы имѣемъ не только ту-же самую основу племеннаго названія, но его двѣ основныя разновидности по групповой перегласовкѣ u (←—o) ‖ a — ruш (rus) ‖ ras, какъ на Апеннинскомъ полуостровѣ въ предѣлахъ этрускаго населенія — rus ‖ ras, а равно его перемѣщенную разновидность urш ‖ urs по сибилянтной породѣ, какъ также и по спирантной породѣ и первичную ruh, и перемѣщенную urh (—→ur) разновидности, а равнымъ образомъ двоякое образованіе мн. числа при помощи той-же пары показателей множественности, въ бассейнахъ Ванскаго озера и Аракса въ видѣ -q и -an, а на Апеннинскомъ полуостровѣ въ видѣ -k и -en. Расхожденіе лишь въ префиксахъ, да и здѣсь не вполнѣ; такъ огласовка префикса не чужда этому племенному названію въ бассейнѣ Аракса, когда отъ основы по спирантной группѣ на халдскомъ языкѣ надписей ванскихъ царей образуется E-ra-q̇ı (←—*E-rah-q̇ı ‖ E-ras-q̇ı), resp. E-ra-q̇inı (графич. E-rı-a-q̇ı или E-rı-a-q̇ı-nı), да и архетипной разновидности термина *Ep-urh-at, отложившейся въ названіи рѣки. Изъ первоисточника, Ванскаго района, могъ проистекать и показатель множественности k въ терминѣ Et-rus-k, но въ такомъ случаѣ, какъ понять, что на промежуточной стоянкѣ, въ Лидіи, этого образовательнаго элемента въ племенномъ названіи, собственно его отложенія нѣтъ, да и вообще египтяне знаютъ его безъ того-же суффикса, точно это не южная форма. Это для насъ камень преткновенія.

§ 13. На яфетическомъ востокѣ однако этническій терминъ имѣетъ еще одинъ основной видъ, именно корень съ перерожденіемъ r въ l: l-s—→l-z. Въ Италіи какой-либо мѣстной формы отъ этого корня мы не находимъ, во всякомъ случаѣ ее не видать какъ на ладони подобно кавказскимъ разновидностямъ, присходящимъ отъ корня r-s, resp. r-ш. На Кавказѣ, наоборотъ, племенныя названія или отложенія ихъ въ географической номенклатурѣ отъ корня l-s—→l-z многочисленны, однако главнымъ образомъ въ сѣверной части Кавказа или прямо-таки на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ скрещеніе съ языками спирантной вѣтви породило рядъ разновидностей или по спирантной перегласовкѣ (e вм. a) или по перебою сибилянта (s—→z) въ исчезающій спирантъ (h—→j) или въ силу скрещеннаго воздѣйствія обоихъ фонетическихъ законовъ, такъ мы имѣемъ съ префиксомъ a- названіе рѣки A-laz-an, отложеніе племеннаго названія въ материково-перевальномъ районѣ Кавказскаго хребта съ суффиксомъ мн. числа -an, двойникомъ -en, наличнаго въ Ras-en-a, племенныя названія и этно-культурные термины — läzg *лезгинъ*, г. lesk-ur *сабля* (букв. «*лезгинское оружіе*»), *lez-gı—→leq + z + ı (арм.) *лезгинъ*, кази-кум. laq (←—*lahq) *лакъ*, *кази-кумухъ*, г. lek (←—*lehk) *лезгинъ*, lek-ur (←—*lehk-ur) *лезгинка* (букв. «*лезгинскій танецъ*»), *сабля*

(букв. «*лезгинское оружіе*») и др. Здѣсь, на Сѣверномъ Кавказѣ, господствуютъ образованія съ показателемъ множественности k⟶g, но ни одно изъ нихъ, повторяю, не прослѣживается на Апеннинскомъ полуостровѣ, поскольку оно несется яфетическимъ племенемъ съ послѣдней своей стоянки въ бассейнѣ Каспійскаго моря. Чтобы съ при-каспійскаго края достигнуть такой дали, терминъ долженъ былъ обязательно пропутешествовать по сѣверному пути и еще до исчерпанія яфетическаго и по нынѣ района пройти два лингвистическихъ средостѣнія, сванское, тогда переливавшееся и на сѣверъ, и абхазо-дзихское (абхазо-адигейское или абхазо-черкесское), если не касаться смежнаго чеченскаго міра—материково-перевальнаго. Слѣдовательно, та или иная разновидность сѣвернокавказскаго типа могла перестроиться въ новую форму, получивъ или въ сванской средѣ префиксъ le- или въ абхазо-дзихской средѣ префиксъ pe-, однако и такихъ новообразованій мы не находимъ достигшими Апеннинскаго полуострова, точно Балканскій полуостровъ перехватилъ эти сѣверныя переселенческія волны этрусковъ или урартійцевъ, поскольку получившіе при-каспійское и сѣверно-кавказское крещенія ихъ сородичи по общему въ корнѣ наименованію lazg (⟵las-k) въ абхазо-дзихской формѣ pe-lasg (чит. или pe-lask или pe-lazg) или leg'ы (⟵leʳhˡk-и) въ сванской формѣ le-leg, проникнувъ на этотъ уже европейский полуостровъ, входили въ составъ первоначальнаго населенія его территоріи, имѣли уже отсюда распространеніе на другіе острова, въ числѣ ихъ и на Критъ, да съ моря и на сосѣдній полуостровъ.

Разумѣется, пеласги такимъ образомъ съ Балканскаго полуострова также распространялись на острова, заселили вмѣстѣ съ яфетидами и Апеннинскій полуостровъ, но все-таки, насколько яфетидологическому анализу и исторіи занявшаго насъ племенного названія можно придавать реальное значеніе, картина намѣчается такая: этруски съ юга Кавказа, изъ предѣловъ бассейна Ванскаго озера, сдѣлав этапъ въ Лидіи, двигаются Средиземнымъ моремъ на Апеннинскій полуостровъ, а ихъ сородичи съ сѣвернаго Кавказа лазги или pelasg'и ‖ le-leg'и по сѣверному пути, Чернымъ моремъ или по сѣверному его побережью, вливаются въ предѣлы Балканскаго полуострова. Далѣе ихъ встрѣчи на островахъ, да и на Апеннинскомъ полуостровѣ. Въ этихъ встрѣчахъ однако для насъ ближайшій интересъ можетъ представить лишь одна. Это та встрѣча, которая знаменовала-бы не выявленіе культурно-исторической роли той или иной страны, уже окончательно сформировавшейся національно, а схожденіе линій ихъ переселенческихъ движеній въ эпохи этногеническія еще для средиземноморскихъ народовъ Европы. Узловымъ пунктом такой встрѣчи по физико-географическимъ условіямъ выступаетъ территоріальная полоса у схожденія Чернаго моря съ Эгейскимъ.

Если неизбѣженъ былъ наплывъ переселенческихъ волнъ сѣверно-кавказскихъ яфетидовъ, то сюда-же была естественная тяга эмиграціонныхъ массъ южно-яфетическаго района по стезямъ, указуемымъ движеніемъ эпигоновъ, уже аріоевропеизированныхъ армянъ, въ средніе вѣка. И здѣсь интересно прослѣдить соотвѣтственное схожденіе и мѣстами скрещеніе двухъ фонетическихъ теченій въ различныхъ оформленіяхъ нашего этническаго термина. Съ юга имѣемъ окающія разновидности, съ сѣвера — акающія, на югѣ больше и раньше, чѣмъ на сѣверѣ улавливается воздѣйствіе звуковой природы спирантныхъ яфетическихъ языковъ, а на сѣверѣ болѣе ярки морфологическія черты сѣвернаго приморскаго теченія, заднеязычное образованіе мн. числа, здѣсь, на приморскомъ сѣверѣ и на каспійскомъ и понтійскомъ, пережившее до нашихъ дней, и губной показатель префиксоваго производства, но уже на лицо факты скрещенія, свидѣтельтвующіе о врастаніи сѣверныхъ яфетидовъ, балканскихъ, въ среду южныхъ, малоазійскихъ. Потому-то съ формою Tiras, до-плѣннымъ библейскимъ терминомъ, и его традиціоннымъ обликомъ начертательнымъ и произносительнымъ надо быть чрезвычайно осторожнымъ. Въ немъ драгоцѣнна именно его огласовка «а», какъ безспорный характеръ сѣвернаго фонетическаго теченія. Префиксъ для сѣвера вмѣсто зубного Θе- ‖ Θι- могъ-бы быть съ еще большимъ основаніемъ губной Mι- ↗Pe- ‖ Φι. Еще больше даетъ чувствовать себя отсутствіе сѣвернаго фонетическаго показателя множественности — заднеязычнаго: ожидаемое съ нимъ образованіе Θras-k впрочемъ на лицо въ спирантной разновидности Θrā-k, сохраненной греческимъ Θρᾴκη, Θρᾷξ и т. п. На югѣ та же форма съ эквивалентнымъ губнымъ префиксомъ φ даетъ основу съ перегласовкой по южной окающей нормѣ -ru въ этническомъ названіи *Φ-ruh-g, сохраненномъ греками въ Φρύξ, Φρύγες, названіи по ихъ преданію племени ѳракійскаго происхожденія или соплеменниковъ ѳракійцевъ. На южной сторонѣ интересъ еще болѣе непосредственный для нашего вопроса представляетъ разновидность съ глухимъ зубнымъ префиксомъ при окающей основѣ безъ заднеязычнаго показателя множественности — Τρῳ-άς ‖ Τρωϊ-άς съ эпонимнымъ основателемъ T-rō-s (Τρώ-ς) и племеннымъ названіемъ T-rō-es (Τρῶ-ες), у носителей котораго, по лучше освѣдомленному этнографически географу, такъ много было общихъ именъ съ ѳракійцами и которые, съ другой стороны, у трагиковъ выводились подъ именемъ фриговъ. Мы не предрѣшаемъ вопроса, на какой почвѣ произошло перерожденіе сибилянтовъ s ‖ ш въ спиранты h ‖ s и въ архетипѣ T-rош и въ архетипѣ Tι-ras, и растяженіе гласныхъ въ возмѣщеніе утратившагося спиранта, но историческая фонетика яфетическихъ языковъ повелительно требуетъ признанія именно выставляемыхъ нами архетиповъ T-rош

(←*Et-rom) и Tı-ras, а затѣмъ съ послѣдующимъ наростомъ заднеязычнаго показателя множественности k *Et-rom-k (←Te-rom-k) ‖ *Tı-ras-k. Схожденіе въ Италіи двухъ разновидностей племенного названія Et-rus-k ‖ Ras-en-a, повторяя соотношенія основъ тѣхъ-же формъ въ огласовкѣ, воспроизводя цѣликомъ архетипъ окающей стороны *Et-rom-k, оставляетъ безъ соотвѣтствія форму Ras-en-a. И такъ какъ у его суффикса имѣется двойникъ въ южно-яфетическихъ разновидностях Τυρσηνοί, Τυῤῥηνοί, то на лицо съ сѣверно-яфетической основой ras обратное скрещеніе съ южно-яфетическимъ образовательнымъ элементомъ, а это говоритъ о вхожденіи этрусковъ въ Италію въ двѣ различныя эпохи и во всякомъ случаѣ изъ двухъ различныхъ этаповъ послѣдняго ихъ стоянія на пути въ Италію [1].

Съ этническимъ терминомъ lask ‖ laʳhˀk (←lak→lağ→lag) на кавказской яфетической почвѣ находится въ неразрывной «племенной» связи одинъ важный для вопроса орнитологическій терминъ — названіе аиста. Семасіологически использованіе одной и той же основы в значеніи названія и племени и птицы объясненіе можетъ найти у насъ лишь въ тотемѣ. Морфологически наше названіе птицы представляетъ четырехсогласный корень отъ состава спирантной разновидности по типу удвоенныхъ корней съ двумя первичными согласными [2]. Это у грузинъ lak̇-lak̇-ı (↘lak-lak-ı ‖ →lag-lag-ı *аистъ*. И простая основа въ видѣ lağ-ı сохранилась въ значеніи эпическаго термина, эпитета героевъ, который приходилось переводить то въ значеніи *гордаго*, то въ значеніи *веселаго* [3], и все какъ то невпопадъ, потому именно, что пережиточно въ психологіи даже средневѣковыхъ грузинъ, слышавшихъ народно этотъ терминъ въ качествѣ эпитета прилагательнаго и

---

[1] До-греческая лемносская надпись, на значеніе которой, какъ признаваемой большинствомъ этрускологовъ этрусской, для нашей темы обратилъ любезно мое вниманіе С. А. Жебелевъ, возбуждаетъ слишкомъ много вопросовъ, чтобы осложнять наличными въ литературѣ расходящимися результатами ея изученія настоящій опытъ чисто терминологическаго изысканія на совершенно независимой палеонтологической основѣ яфетическаго языкознанія. Съ другой стороны, я лично недостаточно освоился еще съ техникой этрускологической работы, чтобы выступать съ собственнымъ освѣщеніемъ памятника, хотя фактически и весьма благопріятнаго для нашей точки зренія, но вызвавшаго съ самаго начала, какъ теперь мнѣ стало извѣстнымъ, черезчуръ разнорѣчивыя толкованія и сужденія; ср., напр., отношеніе C. Pauli къ работѣ Bugge, Der Ursprung der Etrusker durch zwei lemnische Inschriften erläutert», какъ то явствуетъ изъ его Vorrede въ Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos (Altitalische Forschungen, II B., I Abteilung, Leipzig 1886).

[2] H. Winckler'омъ это обычное въ яфетической морфологіи явленіе, не чуждое и семитическимъ языкамъ, было использовано въ обоснованіи родства эламскаго языка съ «кавказскими», но примѣры, приводимые имъ, требуютъ пересмотра и отбора (Elamisch und Kaukasisch, OLZ, 1907, № 11, стр. 568—570).

[3] Притомъ всегда съ исканіемъ опоры въ иранскомъ мірѣ, насквозь пропитанномъ яфетидизмами, требующемъ разъясненія именно яфетидологическаго (ср. Н. Марръ, Вступительныя и заключительныя строфы Витязя въ барсовой кожѣ Шоты изъ Рустава, Спб. 1910, стр. IX, прим. 1).

употреблявшихъ еще его письменно въ томъ же значенiи, съ нимъ соединялось, по всей видимости, представленiе о чемъ то особо важномъ (→гордомъ), счастливомъ, (→веселомъ), священномъ. Что порода цапель въ яфетическомъ мiрѣ была священная, свидѣтельствуется и кавказскимъ памятникомъ матерiальной культуры: изображенiе журавля, если не аиста, мы находимъ на такомъ архаичномъ культовомъ памятникѣ, какъ каменный вишанъ-рыба. Лексически основа представлена и на Кавказѣ значительно богаче у яфетидовъ, даже въ формахъ отъ разновидности сибилянтной вѣтви (la^{r}v^{1}ğ=lazğ- и т. п.).

Отъ сибилянтной разновидности lasg мы имѣемъ за предѣлами Кавказа у грековъ не только племенное названiе Pe-lasg, но и названiе птицы pe-larg (πελαργός) *аистъ*, на какой бы почвѣ ни считать происшедшимъ перерожденiе s въ r (въ яфетической фонетикѣ оно обычно)[1].

Священность, болѣе того тотемизмъ термина аистъ на Балканскомъ полуостровѣ достаточно выяснена S. Reinach'омъ въ слѣдующихъ строкахъ[2]: «Будучи священной птицей въ Өессалiи, гдѣ умерщвленiе аиста шло за такое же преступленiе, какъ человѣкоубiйство (Пс. Аристот., Mirab., 23, 832), аистъ былъ также священенъ на Акрополѣ Афинъ съ самыхъ древнихъ поръ, свидѣтельствомъ чего является такъ называемая *пеласгическая* стѣна, про которую еще современники Аристофана знали, что она раньше именовалась Pelargikon, стѣной аистовъ (Аристоф., Птицы, 869, 1139). Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые допускаютъ историческую реальность пеласговъ, и мною даны въ другомъ мѣстѣ обоснованiя мнѣнiя, что ихъ названiе, какъ и названiе аистовъ Өракiи, было ни чѣмъ инымъ, какъ названiемъ ихъ священной птицы — аиста»[3].

Для реальной культурно-исторической поддержки нашихъ лингвистическихъ палеонтологическихъ изысканiй по этнической терминологiи, необходимы главнымъ образомъ свидѣтельства памятниковъ матерiальной культуры. Показанiя письменныхъ источниковъ имѣютъ для затрагиваемыхъ нами эпохъ подсобное, но второстепенное значенiе. Но и свидѣтельства исторической и особенно прото-исторической матерiальной культуры должны быть установлены независимо. Я коснусь лишь двухъ деталей.

---

[1] См. выше стр. 330. Думаю, современный лингвистъ не долженъ быть склоннымъ не только отстаивать, но и предлагать хотя бы съ вопросомъ такую этимологiю доисторическаго еще тотемической эпохи слова, какъ «πελιός schwarzblau, ἀργός weiss?» (Prellwitz, Et. Wb., s. v.), и станетъ скорѣе на сторону L. Meyer'a, признавшаго его съ индоевропейской точки зрѣнiя непонятнымъ; напрасно это «непонятное» однако L. Meyer «съ вѣроятностью» считалъ «составнымъ (Hb. d. Gr. Et., s. v.: «Etymologisch nicht verständlich. Wahrscheinlich ein zusammengesetztes Wort».

[2] Aetos Prometheus въ Cultes, mythes et réligions, t. III, Парижъ, 1908, стр. 72—73.

[3] Cultes, mythes et réligions, II, стр. 243.

Американская экспедиція (февр.—іюнь 1911) въ дополненіе къ матеріаламъ, побуждавшимъ ставить вопросъ о связи этрусковъ съ лидійской культурой, вскрыла въ откопанныхъ ею золотыхъ украшеніяхъ поразительное сходство въ лидійской и этруской техникѣ золотыхъ дѣлъ мастерства. Для нашего вопроса во всемъ объемѣ, пожалуй, большее значеніе могли бы представить въ результатахъ той-же экспедиціи новыя данныя, касающіяся монументальнаго искусства. «Подъ самымъ нижнимъ рядомъ могилъ напали на стѣны домовъ, нижнія части которыхъ сложены были изъ сырцовыхъ кирпичей («изъ кирпичей высушенныхъ на солнцѣ»), тогда какъ кровли и другія детали состояли изъ кирпичей обоженныхъ (Terrakottaziegeln); послѣдніе, повидимому, были выкрашены и покрыты какой-то глазурью. Эти остатки частью достигаютъ VI-го вѣка до Р. X. (bis ins sechste Jahrhundert zurück)[1]. На такую осторожную датировку повліяло, вѣроятно, и то обстоятельство, что «въ числѣ интереснѣйшихъ находокъ въ могилахъ» отмѣчаются «кирпичи или плиты (Ziegelsteine), которые въ большинствѣ принадлежатъ греко-персидскому народу». Любопытно, что и въ Ванѣ сырцовые кирпичи относятъ ученые въ позднѣйшее строительство, въ такомъ строительствѣ на Топрах-Кале въ Ванѣ усматриваютъ наслоеніе даже сасанидской эпохи. Между тѣмъ обстоятельства, вскрытыя именно въ указанномъ пунктѣ раскопками нашими 1916-го года, вынуждаютъ отнести сооруженіе дворца изъ сырцовыхъ кирпичей съ бронзовыми и шлифованнаго камня орнаментными частями къ древнѣйшимъ памятникамъ, быть можетъ, первымъ, монументальнаго искусства халдскихъ царей: этотъ дворецъ, развалины котораго на Топрах-Кале, существовалъ до предполагаемаго разгрома Сардура II-го Тиглатъ-Пилесаромъ въ половинѣ VIII-го вѣка. Во всякомъ случаѣ сравнительное изученіе ванскихъ руинъ изъ сырцовъ на Топрах-Кале съ остатками сырцовыхъ-же построекъ въ нижней стратѣ подъ раскопанными въ Сардахъ, въ Лидіи, могилами могло бы дать намъ руководящую нить въ томъ или иномъ смыслѣ, когда намѣчается въ этой малоазійской странѣ звено цѣпи, соединяющей Этрурію съ Кавказомъ. Эта подробность могла-бы представить интересъ въ нашемъ вопросѣ и прослѣживаніемъ соотвѣтственной подробности матеріальной культуры, когда особенно съ одной стороны хеттско-малоазійская обувь и культурно выявляетъ сродныя черты, объединяющія съ этимъ краемъ Этрурію[2], а съ другой и на западѣ, какъ въ Ар-

---

[1] Asien Sardes въ Altertumsberichte за подписью Wdr въ OLZ, XV (1912), 5, стр. 230.

[2] W. M. Müller, A. u. E., стр. 341, прим.: « . . . merkwürdig ähnlich dagegen auf manchen etruskischen Bildern, Zz. B. auf dem Relief von Caere, Longpérier, Mus. Nap. 88 u. Vergers, L'Etrurie, pl. 9».

меніи нынѣ[1] былъ терминъ отъ того-же племенного названія для обозначенія особой обуви — Τυρρηνικὰ σανδάλια[2].

Исторія этническаго термина сама по себѣ, не спорю, не можетъ имѣть рѣшающего значенія, пока не узнанъ языкъ племени, названіе котораго анализируется, пока не разъяснены оставленные имъ памятники родной рѣчи въ такой хотя-бы степени, чтобы признать ихъ подсуднымъ яфетидологическому разбору. Однако, во-первыхъ, нельзя считать лишеннымъ своего собственнаго значенія разсмотрѣніе формальной стороны племенныхъ названій, поскольку оно вскрываетъ явленія, общія для всего яфетическаго міра, и свидѣтельствуютъ все-таки о наличіи хотя-бы частичномъ въ этрусскомъ звуковыхъ законовъ и морфологическихъ явленій, общихъ съ фонетикой и морфологіею яфетическихъ языковъ. Во-вторыхъ мы далеки отъ мысли искать въ этрусскомъ языкѣ, непремѣнно, примитива-представителя яфетической семьи. Какъ этруски, такъ пеласги и лелеги, не оставившіе намъ письменныхъ памятниковъ, еще на азіатской прародинѣ находились въ условіяхъ, обязывавшихъ пережить процессъ скрещенія и гибридизаціи. И на югѣ, и на сѣверѣ Кавказа тому свидѣтели гибридные языки, яфетическо-аріоевропейскіе, въ числѣ ихъ на югѣ такіе характерные типы, какъ два языка Арменіи, возникшіе въ тѣхъ-же условіяхъ. И если не на этой прародинѣ, то по пути миграціи и этруски и особенно пеласги съ лелегами могли подвергнуться тому-же процессу скрещенія, и влиться въ предѣлы двухъ полуострововъ Европы уже гибридизованными и этнически, и лингвистически. Могло бы оказаться и такъ, что въ моментъ вступленія на почву конечнаго пункта та или иная миграціонная волна отъ яфетидизма сохраняла лишь одно наименованіе. Анализъ племенного названія въ такомъ случаѣ приобрѣталъ бы болѣе самостоятельное значеніе, но и тогда не было бы основанія терять надежду въ плодотворности исканія яфетическихъ элементовъ не только въ перерожденномъ въ языкъ другой семьи языкѣ самихъ яфетидовъ, если племя первоначально было дѣйствительно яфетическимъ и говорило на одномъ изъ яфетическихъ языковъ, но и въ языкахъ сосѣдившихъ народовъ, тѣмъ болѣе тѣхъ народовъ, которые дали міру неслыханно пышный расцвѣтъ человѣческой рѣчи на территоріи, унаслѣдованной отъ «исчезнувшаго» культурнаго населенія иного племени. И чудеса, когда они дѣйствительны, имѣютъ реальное оправданіе въ богатыхъ источникахъ матеріальныхъ средствъ, изъ которыхъ создается чудо природы, тѣмъ болѣе такое соціальное чудо какъ міровой языкъ, языкъ міровой обще-

---

[1] См. выше, стр. 327.

[2] O. Müller, 272, см. W. M. Müller, A. u. E., стр. 383, п. 3.

ственности, языкъ міровой культуры. Не одни художественныя достиженія эллиновъ въ памятникахъ матеріальной культуры получены усвоеніемъ духовныхъ богатствъ «исчезнувшихъ» творцовъ-народовъ, происходило-ли это усвоеніе подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ совершенныхъ формъ матеріальныхъ памятниковъ ихъ культурнаго наслѣдія или въ силу наслѣдственно сохранившагося накопленія культурныхъ навыковъ древняго народа въ «поглощавшемъ» его скрещенномъ этническомъ новообразованіи. Чтобы реалистически раскрыть матеріальныя условія возникновенія упомянутыхъ соціальныхъ чудесъ нашъ этрусскій вопросъ, для освѣщенія подхода къ которому и взята была тема настоящей статьи, надо разбить на двѣ существенно различныя темы, двѣ различныя проблемы. Во-первыхъ, этногеническая роль урартійцевъ (этрусковъ и пеласговъ) на западѣ въ выработкѣ новыхъ племенныхъ типовъ — греческаго и латинскаго. Во-вторыхъ, культурно-историческая роль націонализовавшихся на западѣ урартійцевъ, именно этрусковъ въ Италіи, связь ихъ въ памятникахъ матеріальной культуры въ Передней Азіи, какъ съ западными малоазійскими національными объединеніями, такъ съ позднѣйшими національными единицами въ предѣлахъ кавказскаго яфетическаго міра, на югѣ съ халдами на захваченной ими урартской территоріи, на сѣверѣ, по сѣверному Кавказу, съ рядомъ смѣнявшихся національно-культурныхъ новообразованій на территоріи, унаслѣдованной отъ яфетидовъ, лазговъ или пеласговъ.

Наконецъ, отъ этрусскаго и пелазгскаго вопроса, важнаго для этногеніи и эллиновъ и сугубо латинянъ, долженъ быть отдѣляемъ іонійскій, съ аспектомъ также двойнымъ, эллинскимъ, іонійско-ахейскимъ и іонійско-греческимъ (іоно-герскимъ), а также чисто кавказскимъ двухстороннимъ, именно армянскимъ—хайо- или ахайо-һайкскимъ (іоно-бас⌈к⌉скимъ) или, въ наличномъ произношеніи термина, сон-мехскимъ (шон-месхскимъ) и грузинскимъ—иверо-чанскимъ (иберо-іонскимъ) или, как звучитъ терминъ реально въ живой рѣчи, бер-дзенскимъ, и ни въ какомъ случаѣ ни на этрусскій, ни на іонійскій, ни на иной частный по существу вопросъ нѣтъ основанія взваливать цѣликомъ всю тяжесть яфетидологической проблемы о средиземноморской культурѣ, о чуемой въ ея созиданіи большой роли народовъ яфетическаго племени, не однихъ пеласговъ-этрусковъ и іоновъ.

Н. Марръ.

Н. Веселовскій

Н. И. Веселовскій, какъ изслѣдователь Востока и историкъ русской науки[1].

12 апрѣля (30 марта) текущаго года скончался Николай Ивановичъ Веселовскій, съ 1908 г. стоявшій во главѣ нашего Отдѣленія, принимавшій дѣятельное участіе въ жизни нашего Общества въ цѣломъ, въ которомъ съ 1881 г. состоялъ членомъ-сотрудникомъ, съ 1889 г. дѣйствительнымъ членомъ.

Николай Ивановичъ былъ ученикомъ и преемникомъ перваго представителя каѳедры исторіи Востока въ нашемъ университетѣ, проф. В. В. Григорьева, также принимавшаго дѣятельное участіе въ жизни Археологическаго Общества и его восточнаго отдѣленія, въ которомъ былъ управляющимъ съ 1867 г. до своей смерти, послѣдовавшей въ 1881 г. О научныхъ заслугахъ В. В. Григорьева и о его вліяніи на молодое поколѣніе изслѣдователей Востока писали многіе, но Николай Ивановичъ своей книгой «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ», изданной въ 1887 г. Археологическимъ Обществомъ, поставилъ своему учителю памятникъ, какого не имѣетъ до сихъ поръ ни одинъ изъ другихъ русскихъ оріенталистовъ[2]. Въ этой книгѣ ясно очерчено, со всѣми своими достоинствами и недостатками, то научное направленіе, главнымъ представителемъ котораго былъ Григорьевъ и къ которому еще въ студенческіе годы примкнулъ покойный Николай Ивановичъ.

По замѣчанію Николая Ивановича, «преподаваніе восточныхъ языковъ первоначально возникло въ нашихъ университетахъ изъ подражанія западной Европѣ», тогда какъ «каѳедра исторіи Востока—учрежденіе наше соб-

---

[1] Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 23/10 мая 1918 г.

[2] До нѣкоторой степени съ этой книгой можетъ быть сопоставлена изданная въ томъ же году «Bibliographie analytique des ouvrages de M. M.-F. Brosset», составленная по другому плану и имѣвшая другую цѣль.

ственное, оригинальное, возникшее органически»[1]. Первымъ профессоромъ исторіи Востока было суждено сдѣлаться ученому, болѣе чѣмъ за четверть вѣка до учрежденія этой каѳедры указавшему на необходимость такого учрежденія. Николай Ивановичъ не прибавляетъ, что въ 1837 г., когда Григорьевъ представлялъ въ университетъ свой проектъ[2], каѳедра исторіи Востока существовала, если не въ университетѣ, то въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. За все время существованія каѳедры въ учебномъ отдѣленіи (1835—1843) ее занималъ будущій академикъ Б. А. Дорнъ[3]; его лекціи могъ слушать и Григорьевъ, принадлежавшій къ числу студентовъ учебнаго отдѣленія съ октября 1834 до марта 1836 г.

Какъ указываетъ въ своей книгѣ Николай Ивановичъ, обобщающій культурно-историческій курсъ долженъ былъ установить связь между разрозненными лингвистическими спеціальностями и дать студентамъ тотъ «общій взглядъ на Азію», котораго не могли давать лингвистическія каѳедры. Въ учебномъ отдѣленіи, гдѣ преподавались только языки арабскій, персидскій и турецкій, предметомъ такого обобщающаго курса могла быть только исторія мусульманскаго Востока, которая и читалась Дорномъ[4]; въ факультетѣ задачи курса были поставлены шире и должны были обнять всю Азію. Личной собственностью Григорьева можно признать, повидимому, тѣ политическія соображенія, которыя приведены въ пользу учрежденія каѳедры въ проектѣ 1837 г.: «лучшее средство противодѣйствовать вліянію Запада — это опереться на изученіе Востока», такъ какъ «распространеніе и усиленіе въ Россіи восточныхъ занятій» сдѣлаетъ «горизонтъ нашихъ свѣдѣній и соображеній шире, чѣмъ у мыслителей и дѣятелей западной Европы».

Въ устахъ такого ученаго, какимъ былъ проф. Григорьевъ, слова о «противодѣйствіи вліянію Запада» не имѣли того анти-культурнаго и реакціоннаго смысла, какой можно было бы приписать имъ по ихъ буквальному значенію. Григорьевъ не могъ не сознавать, что въ Россіи XIX в. каждая научная мысль, хотя бы предметомъ ея былъ Востокъ, была неразрывно связана съ западно-европейской культурой. Онъ могъ называть свой родной

[1] В. В. Григорьевъ, стр. 231.

[2] О немъ ibid. 332 и сл.

[3] По формулярному списку Дорна (въ архивѣ Академіи Наукъ) онъ «при введеніи при учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ министерства иностранныхъ дѣлъ преподаванія исторіи и географіи Азіи, опредѣленъ въ вѣдомство сего министерства по Высочайшему повелѣнію 1834 г. 28 августа»; приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей 1 ноября 1835 г.; «при назначеніи къ увольненію его изъ учебнаго отдѣленія Азіатскаго департамента Всемилостивѣйше пожаловано ему единовременное пособіе 4000 р. сер. 1843 г. 4 дек.».

[4] Такъ по запискѣ Николая Ивановича въ Трудахъ 3-го междун. съѣзда оріенталистовъ, I, 134.

Петербургъ самымъ нерусскимъ городомъ изъ русскихъ городовъ[1], но достаточно было ему въ томъ же 1837 г. побывать въ Москвѣ, чтобы писать оттуда своему другу Савельеву: «теперь только я начинаю понимать цѣну той европейской холодности Петербурга, которою укоряютъ его москвичи»[2]. Для Григорьева борьба съ вліяніемъ Запада сводилась, по крайней мѣрѣ въ области науки, къ борьбѣ съ рабской зависимостью отъ этого вліянія. Лучшимъ средствомъ борьбы, какъ указывалось не однимъ Григорьевымъ и не только въ области востоковѣдѣнія, было самостоятельное изученіе первоисточниковъ, преимущественно тѣхъ, которые русскимъ ученымъ были ближе и доступнѣе, чѣмъ западно-европейскимъ; но, конечно, необходимымъ условіемъ было предварительное усвоеніе западно-европейскихъ научныхъ методовъ и созданіе въ Россіи научной школы, которая бы не уступала западно-европейскимъ. Съ нѣсколько преувеличеннымъ рвеніемъ оберегая достоинство и самостоятельность русской науки, Григорьевъ не всегда сознавалъ несоотвѣтствіе между вполнѣ законными національно-культурными стремленіями и тѣми средствами къ ихъ достиженію, которыми располагали его современники. Если Академія Наукъ въ 1911 г. имѣла право протестовать противъ подчиненія русской высшей школы «иноземному учительству»[3], то едва ли Григорьевъ имѣлъ основаніе требовать въ 1866 г., чтобы «посылка за границу молодыхъ людей собственно для приготовленія къ профессурѣ» была «вовсе отмѣнена»[4]. Несмотря на долговременное существованіе каѳедры арабской филологіи, прочныя традиціи были созданы въ Россіи въ этой области востоковѣдѣнія только въ 70-хъ годахъ дѣятельностью бар. Розена; еще труднѣе было прочно организовать въ Россіи преподаваніе такого новаго предмета, какимъ была исторія Востока.

Предлагая въ 1837 г. свой проектъ обобщающаго курса, Григорьевъ безсознательно подчинялся вліянію западной Европы, гдѣ въ 30-хъ годахъ господствовало стремленіе къ синтезу, тогда же получившее въ Россіи нѣсколько уродливое выраженіе въ извѣстныхъ «Философическихъ письмахъ» Чаадаева[5]. Къ 60-мъ годамъ, когда проектъ получилъ осуществленіе, въ европейской наукѣ, въ томъ числѣ и въ востоковѣдѣніи, уже произошелъ поворотъ въ сторону спеціализаціи. Вмѣсто предполагавшагося проектами

---

[1] В. В. Григорьевъ, стр. 1.

[2] Ibid., стр. 24.

[3] ИАН, 1911 г., стр. 962.

[4] Матер. для ист. фак. Вост. яз., II, 36.

[5] Особенно характерны выраженія второго письма (не напечатаннаго при жизни Чаадаева); автору казалось, что фактовъ «собрано довольно»; «историческій матеріалъ теперь почти истощенъ, и исторіи остается только размышлять» (А. Н. Пыпинъ, Характеристики литер. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. СПб. 1890, стр. 165).

20-хъ и 30-хъ годовъ преподаванія исторіи Востока однимъ лицомъ, даже не равноправнымъ съ представителями лингвистическихъ каѳедръ[1], уставомъ 1863 г. было предусмотрѣно дѣленіе исторіи Востока на три спеціальности— исторію семитическихъ народовъ, исторію сѣверо-восточной Азіи и исторію арійскихъ народовъ Азіи, чтобы каждая спеціальность «обнимала исторію извѣстнаго числа соплеменныхъ азіатскихъ народовъ»[2]. Предметомъ лекцій проф. Григорьева, кромѣ общаго введенія, была «исторія сѣверо-восточной Азіи», т. е. исторія народовъ той предполагавшейся семьи языковъ, которую Григорьевъ въ годы своей молодости называлъ «чудской»[3]. Общее введеніе, въ которомъ профессоръ сначала ставилъ себѣ гораздо болѣе широкія задачи, скоро превратилось въ обзоръ исторіи постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ различными частями Азіи[4].

Кореннымъ недостаткомъ этого дѣленія было пріуроченіе его не къ культурно-историческимъ группамъ или періодамъ, но къ группамъ лингвистическимъ; между тѣмъ народы, родственные по языку, могли не имѣть между собою по своимъ историческимъ судьбамъ ничего общаго. При чтеніи лекцій по исторіи сѣверо-восточной Азіи этотъ недостатокъ не былъ ощущителенъ; для народовъ сѣверо-восточной Азіи кочевой бытъ былъ еще болѣе реальнымъ связующимъ звеномъ, чѣмъ предполагавшееся лингвистическое родство. Выясненію фактовъ, повторявшихся въ исторической жизни кочевниковъ всѣхъ расъ и періодовъ, Григорьевъ посвятилъ одну изъ своихъ лучшихъ статей[5]. Для Россіи, по ея историческимъ судьбамъ, изученіе исторіи кочевниковъ и основанныхъ ими государствъ имѣло особенное значеніе. Еще до появленія національной русской науки работавшими въ Россіи иностранными учеными[6], оріенталистами и даже не-оріенталистами, были поставлены на очередь вопросы, связанные съ изученіемъ кочевыхъ государствъ, въ составъ которыхъ нѣкогда входила Россія, именно государствъ хазарскаго и монгольскаго; по мѣрѣ развитія сношеній между Россіей и средне-азіатскими ханствами къ этому присоединилось изученіе исторіи тѣхъ завоеванныхъ кочевниками культурныхъ областей Средней Азіи, которыя для западно-европейскихъ ученыхъ были въ то время почти совер-

---

[1] Проектомъ 1832 г. предполагалось создать шесть ординатуръ для шести восточныхъ языковъ и одну экстраординатуру «для исторіи, географіи и археологіи восточныхъ». Ср. Матер. для ист. фак. Вост. яз., I, 137; IV, 46.

[2] Матер. для ист. фак. Вост. яз., I, 381.

[3] В. В. Григорьевъ, стр. 18.

[4] Ibid., стр. 234 сл. В. Бартольдъ, Исторія изуч. Востока, предисловіе.

[5] ЖМНП, ч. 178 (1875), стр. 1—27.

[6] Ср. предисловіе къ «Сборнику матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды» бар. В. Г. Тизенгаузена.

шенно недоступны. Академія Наукъ и въ то время, когда въ ея средѣ еще не было оріенталистовъ изъ природныхъ русскихъ, обратила вниманіе на эти научныя задачи, старалась направлять въ эту сторону работы русскихъ изслѣдователей и использовать для этой цѣли наличныя силы. Покойнымъ Николаемъ Ивановичемъ[1] отмѣченъ фактъ, что первымъ оріенталистомъ изъ природныхъ русскихъ, избраннымъ (въ 1858 г.) въ Академію, былъ спеціалистъ по изученію Средней Азіи, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.

По замѣчанію Григорьева, изъ всѣхъ государствъ Европы, кромѣ Россіи, только Испанія пережила «иго азіатскихъ завоевателей, но роль Испаніи въ отношеніи къ Востоку кончена, а наша продолжается въ обратномъ смыслѣ: Востокъ покоряется теперь намъ»[2]. Сопоставленіе Россіи съ Испаніей было сдѣлано еще въ 1832 г. въ запискѣ Френа[3], при чемъ было указано другое различіе между обѣими странами: Испанія находилась подъ властью культурнаго мусульманскаго народа, оставившаго о себѣ подробныя свѣдѣнія въ своихъ лѣтописяхъ, тогда какъ по исторіи Золотой Орды въ восточныхъ литературахъ нѣтъ ни одного труда. Къ этому можно было бы прибавить, что владѣвшій Россіей восточный народъ не могъ оставить послѣ себя и такихъ вещественныхъ памятниковъ, какъ памятники мавританской архитектуры въ Испаніи, хотя бахчисарайскій дворецъ и называли иногда татарской Альгамброй. Только при завоеваніи Туркестана во власть Россіи перешла область съ такими же грандіозными памятниками восточной культуры, какъ постройки испанскихъ арабовъ; только тогда въ Россіи могло быть предпринято, по почину Николая Ивановича, такое изданіе, какъ альбомъ «Самаркандскія мечети», которому, по замѣчанію самого Николая Ивановича, изъ заграничныхъ изданій соотвѣтствовали только Monumentos arquitectonicos de España[4].

Студенческіе годы Николая Ивановича (1869 — 73) были временемъ «апогея учено-литературной дѣятельности и расцвѣта умственныхъ силъ» проф. Григорьева, какъ отмѣтилъ самъ Николай Ивановичъ въ некрологѣ бар. Розена[5]. Независимо отъ чтенія лекцій, Григорьевъ поддерживалъ живое общеніе со студентами, которые всѣ болѣе или менѣе подчинялись его вліянію. Яркую картину этого общенія мы находимъ въ запискѣ самого Григорьева, относящейся къ осени 1870 г.[6]. Студенты могли обращаться къ профессору ежедневно отъ 7 до $8^1/_2$ часовъ вечера. Не назначая практиче-

---

[1] ЖМНП, ч. 352 (1904), отд. 4, стр. 203.
[2] В. В. Григорьевъ, стр. 232.
[3] Приложеніе къ «Сборнику» бар. Тизенгаузена, стр. 555 сл.
[4] ЗВО, XVII, 0183.
[5] ЖМНП, нов. серія, ч. 14 (1908), отд. 4, стр. 170.
[6] Помѣщена въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. унив., № 3, стр. 52 сл.

скихъ занятій въ опредѣленное время, Григорьевъ старался возбудить въ студентахъ стремленіе къ самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ, не стѣсняя ихъ въ выборѣ темы: «пусть каждый пишетъ о томъ, что кажется ему интереснѣе, лишь бы писалъ наукообразно, и предметъ относился до Азіи». Но, предлагая студентамъ темы для соисканія наградъ медалями, Григорьевъ, конечно, руководился своими собственными научными интересами въ области изученія исторіи монгольской имперіи и средне-азіатскихъ народовъ. Одна изъ такихъ темъ, о податяхъ и повинностяхъ, взимавшихся монголами съ покоренныхъ народовъ, была разработана Николаемъ Ивановичемъ, трудъ котораго въ 1873 г. былъ удостоенъ факультетомъ, на основаніи отзыва Григорьева[1], золотой медали.

Занятія Николая Ивановича еще раньше обратили на себя вниманіе профессоровъ; осенью 1870 г. факультетъ предполагалъ назначить ему стипендію министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ студенту, «по своимъ занятіямъ и недостаточности средствъ вполнѣ заслуживающему такого ходатайства факультета»[2]. Выборъ имъ спеціальности, помимо вліянія Григорьева, могъ быть опредѣленъ также личными причинами. Происходя изъ матеріально необезпеченной мѣщанской семьи[3], получивъ среднее образованіе въ провинціальной, именно въ Вологодской гимназіи, Николай Ивановичъ, естественно, не владѣлъ иностранными языками въ такой степени, какъ молодые люди, выросшіе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и потому долженъ былъ отдать предпочтеніе спеціальности, въ которой онъ менѣе всего зависѣлъ отъ западной науки. Николай Ивановичъ оставался и впослѣдствіи болѣе русскимъ, чѣмъ европейскимъ ученымъ; дѣятельный участникъ едва ли не всѣхъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ, начиная съ 6-го (одесскаго), онъ до конца жизни не совершилъ ни одной поѣздки въ западную Европу и не имѣлъ сколько нибудь оживленныхъ сношеній съ западнымъ ученымъ міромъ.

Въ факультетскомъ отзывѣ о медальномъ сочиненіи Николая Ивановича указывается, что молодой авторъ не вполнѣ правильно понялъ тему; имѣлась въ виду чисто-филологическая цѣль — выяснить точное значеніе монгольскихъ и турецкихъ словъ, встрѣчающихся въ ханскихъ грамотахъ и относящихся къ податямъ и повинностямъ; авторъ поставилъ свою задачу шире и старался по источникамъ «выяснить монгольскую систему податей

---

[1] Отзывъ напечатанъ въ Протok. засѣд. сов., № 7, стр. 121 сл.

[2] Проток. засѣд. сов., № 3, стр. 16.

[3] Въ одномъ изъ документовъ, находящихся въ дѣлѣ Н. И. Веселовскаго (въ университетскомъ архивѣ), упоминается увольнительное свидѣтельство, полученное его отцомъ изъ московской ремесленной управы.

и повинностей». Повидимому, приходится въ этомъ случаѣ признать взглядъ ученика болѣе правильнымъ, чѣмъ взглядъ учителя; выполненіе филологической задачи едва ли было возможно безъ изученія реально-историческихъ условій, безъ выясненія той стороны государственной жизни, къ которой относятся встрѣчающіеся въ грамотахъ термины. Вполнѣ естественно, что эта работа, не выполненная и до сихъ поръ, оказалась непосильной для студента. О рѣдкой добросовѣстности, съ которой молодой авторъ старался сдѣлать все, что было въ его силахъ, свидѣтельствуютъ слова факультетскаго отзыва, что въ представленной работѣ нельзя было найти ни одного историческаго, географическаго или хронологическаго промаха — слова, которыя довольно рѣдко приходится читать въ отзывахъ о студенческихъ работахъ вообще и о работахъ студентовъ-оріенталистовъ въ особенности.

Къ исторіи Золотой Орды и монгольской имперіи Николай Ивановичъ возвращался впослѣдствіи много разъ, начиная со статьи о Куликовской битвѣ, напечатанной въ «Древней и Новой Россіи» 1880 г., по случаю четырехсотлѣтія со дня битвы, и кончая рецензіей на изданный въ 1916 г. трудъ М. Д. Приселкова «Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ». Въ этой области Николай Ивановичъ успѣшно продолжалъ труды своего учителя, которому уступалъ по дарованіямъ и широтѣ научнаго кругозора, но котораго превосходилъ трезвостью сужденій и стремленіемъ имѣть подъ ногами твердую почву. По справедливому замѣчанію Николая Ивановича, «у Григорьева не было той эрудиціи, которая пріобрѣтается кропотливымъ собираніемъ фактовъ, но онъ обладалъ яснымъ взглядомъ на историческія событія, имѣлъ широкій полетъ мысли, оттого его выводы и заключенія иногда смѣлы, но всегда цѣнны»[1]. Принявшись еще въ молодости, подъ руководствомъ Френа и Сенковскаго, за составленіе исторіи Золотой Орды[2], Григорьевъ впослѣдствіи далъ объ этомъ предметѣ рядъ блестящихъ этюдовъ, но самая исторія не была написана, какъ остается ненаписанной и до сихъ поръ. Николай Ивановичъ и впослѣдствіи предъявлялъ къ трудамъ въ этой области такія же строгія требованія, какъ въ своей студенческой работѣ; его не удовлетворялъ даже талантливый «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» И. Н. Березина, такъ какъ въ этомъ трудѣ не выяснено, «дѣйствительно ли существовали въ Золотой Ордѣ всѣ тѣ подати, которыя перечислялись въ ярлыкахъ, и существовали ли всѣ тѣ должности, которыя упоминались въ этихъ документахъ»[3]. Своими собственными работами Николай Ивановичъ не подвинулъ, однако, впередъ

[1] В. В. Григорьевъ, стр. 277.
[2] Ibid., стр. 22 сл.
[3] ЖМНП, ч. 68 (1917), стр. 120.

этой задачи; превосходя своего учителя усидчивостью и выдержкой, онъ тѣмъ не менѣе далъ намъ о татарахъ и монголахъ только рядъ статей сравнительно небольшого объема, притомъ составленныхъ главнымъ образомъ на основанiи словарнаго матерiала и переведенныхъ на русскiй языкъ источниковъ. Не владѣя при поступленiи въ университетъ ни однимъ языкомъ, кромѣ русскаго, Николай Ивановичъ не усвоилъ и восточныхъ языковъ въ той степени, въ какой это было необходимо для производства самостоятельныхъ изысканiй по первоисточникамъ, можетъ быть именно потому, что принимался за изученiе слишкомъ большого числа языковъ; кромѣ языковъ арабско-персидско-турецко-татарскаго разряда, имъ изучался и китайскiй. Какъ въ послѣднiе, такъ уже въ первые годы своей научной дѣятельности[1], Николай Ивановичъ для изданiя и перевода восточныхъ текстовъ былъ вынужденъ обращаться къ помощи представителей лингвистическихъ спецiальностей. Рядъ пробѣловъ и ошибокъ въ работахъ Николая Ивановича о монгольской имперiи и связанныхъ съ ней государствахъ объясняется невозможностью пользоваться подлинными текстами лѣтописей и оффицiальныхъ документовъ[2].

До нѣкоторой степени этотъ недостатокъ возмѣщался тщательнымъ использованiемъ этнографическаго и археологическаго матерiала. Интересъ къ этнографiи, повидимому, проявился у Николая Ивановича раньше, чѣмъ интересъ къ археологiи; Николай Ивановичъ еще въ 1879 г. вступилъ въ число членовъ Географическаго Общества и только въ 1881 г. сдѣлался членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества. Въ статьяхъ о Золотой Ордѣ онъ касался и археологическихъ вопросовъ, какъ вопроса о мѣстоположенiи упоминаемаго на золотоордынскихъ монетахъ Гулистана; но въ гораздо большей степени имъ былъ использованъ для этихъ статей этнографическiй матерiалъ, особенно свѣдѣнiя о шаманствѣ, съ которыми было необходимо считаться и при разрѣшенiи такого археологическаго вопроса, какъ вопросъ о каменныхъ бабахъ. Этотъ вопросъ и другiе вопросы, свя-

---

[1] Въ томъ числѣ въ статьѣ о Куликовской битвѣ, для которой переводъ двухъ пѣсенъ о Мамаѣ былъ доставленъ В. Д. Смирновымъ (Др. и Нов. Россiя, XVIII, 21 сл.). Первая пѣснь, о которой въ статьѣ Николая Ивановича сказано, что она «имѣется въ печатномъ сборникѣ», напечатана въ хрестоматiи Османова (Ногайскiе и Куманскiе тексты, стр. 63); вторая, извлеченная изъ «тетради Османова», по содержанiю отчасти, но не вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту хрестоматiи на стр. 64.

[2] Ср., напр., статью Николая Ивановича «О турецко-татарскомъ словѣ тыш («зубъ») въ дипломатическихъ документахъ» (1915) и статью А. Н. Самойловича въ ИАН, 1917 г., стр. 1277 сл. Ср. также статью «Замѣтки по исторiи Золотой Орды» (1916), въ которой изъ лѣтописныхъ извѣстiй использованы только источники, вошедшiе въ «Сборникъ» бар. Тизенгаузена, и совершенно оставленъ въ сторонѣ очеркъ исторiи Золотой Орды въ трудѣ Рашид-ад-дина, который уже въ то время былъ доступенъ въ печатномъ изданiи.

занные со средне-азіатскими религіозными вѣрованіями, касались не только монголовъ и ихъ современниковъ, но и болѣе раннихъ кочевыхъ народовъ; литературный матеріалъ, который, помимо этнографическихъ и археологическихъ данныхъ, было необходимо привлечь для такихъ изслѣдованій, относился, однако, главнымъ образомъ къ монгольскому періоду, такъ какъ о кочевыхъ народахъ того времени источники даютъ гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о прежнихъ кочевыхъ государствахъ. Исторіи послѣднихъ Николай Ивановичъ въ своихъ печатныхъ работахъ мало касался; его статья по вопросу о гуннахъ стоитъ среди его работъ совершенно одиноко; къ мимоходомъ высказанной въ концѣ этой статьи гипотезѣ, что среди народовъ волжскаго бассейна потомками гунновъ являются башкиры, онъ потомъ не возвращался. Какъ этнографическимъ, такъ и археологическимъ матеріаломъ Николай Ивановичъ въ этой части своихъ изслѣдованій пользовался только изъ вторыхъ рукъ; ни этнографическихъ, ни археологическихъ изслѣдованій въ волжскомъ бассейнѣ онъ не производилъ, даже, насколько извѣстно, не посѣщалъ развалинъ золотоордынскихъ городовъ.

Послѣ окончанія университетскаго курса Николай Ивановичъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ занятію каѳедры исторіи Востока. Съ 1 іюня 1873 до 1 января 1876 г. онъ пользовался стипендіей, потомъ еще полгода считался оставленнымъ при университетѣ безъ стипендіи; съ іюля 1876 г. связь его съ университетомъ была прервана и возобновилась только осенью 1877 г., послѣ защиты имъ магистерской диссертаціи. Къ этому неблагопріятному въ жизни Николая Ивановича времени относится 3-ій международный съѣздъ оріенталистовъ, состоявшійся въ Петербургѣ въ августѣ 1876 г. Участіе Николая Ивановича въ засѣданіяхъ съѣзда ограничилось представленіемъ статьи одного изъ его старшихъ товарищей М. Н. Ростиславова «Очеркъ видовъ земельной собственности и поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ», напечатанной потомъ въ «Трудахъ» съѣзда[1]. Для тѣхъ же «Трудовъ», вышедшихъ въ свѣтъ только въ 1879 г., Николаемъ Ивановичемъ были собраны, въ обширной статьѣ, «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Статья потребовала отъ автора большой кропотливой работы и до сихъ поръ остается незамѣнимымъ пособіемъ для всѣхъ, изучающихъ исторію русскаго востоковѣдѣнія.

Тема для магистерской диссертаціи была выбрана Николаемъ Ивановичемъ не изъ области исторіи монгольской и другихъ кочевыхъ имперій,

---

[1] Труды 3-го межд. съѣзда оріентал., т. I, стр. 329 сл. О представленіи статьи тамъ же, стр. LVII.

но изъ области исторіи новѣйшихъ средне-азіатскихъ ханствъ. Эта область тоже была близка проф. Григорьеву, посвятившему одной изъ странъ Средней Азіи, не вошедшей въ составъ Россіи, но сосѣдней съ Россіей, именно Восточному Туркестану, капитальное историко-географическое изслѣдованіе, въ видѣ дополненій къ соотвѣтствующей части труда К. Риттера. Григорьевъ не ожидалъ для Россіи большихъ экономическихъ выгодъ отъ завоеванія Туркестана, но понималъ, что для управленія вошедшей въ составъ Россіи культурной страной необходимо знать ея исторію. Его поражало «отсутствіе историческаго элемента» въ статьяхъ о будущности этого края, «точно будто бы онъ существуетъ со вчерашняго дня, точно будто бы въ прошлыхъ судьбахъ его нѣтъ никакихъ указаній относительно настоящаго его положенія»[1]. Студентамъ для соисканія наградъ медалями нѣсколько разъ предлагались темы, относящіяся къ исторіи Туркестана; одна изъ такихъ темъ — о географической литературѣ арабовъ, «съ обозначеніемъ, какъ далеко простирались свѣдѣнія арабскихъ географовъ вглубь Средней Азіи и какого достоинства эти свѣдѣнія», была разработана Н. Н. Пантусовымъ, сочиненіе котораго было удостоено въ 1871 г. золотой медали[2]; въ томъ же году Н. Н. Пантусовъ былъ оставленъ при университетѣ (по каѳедрѣ исторіи Востока), но въ 1872 г. перешелъ на службу въ Туркестанъ[3]. 1873 г., годъ окончанія Николаемъ Ивановичемъ университетскаго курса, былъ годомъ хивинскаго похода (приготовленія къ которому также отразились на русскихъ работахъ по востоковѣдѣнію). Студентамъ въ этотъ годъ для соисканія наградъ медалями было предложено «изложить историческій ходъ постепеннаго распространенія европейскихъ свѣдѣній о странахъ въ бассейнѣ Аму-дарьи»[4]; въ «Russische Revue» за тотъ же годъ было напечатано историко-географическое изслѣдованіе оріенталиста П. И. Лерха «Khiva oder Khârezm». Вѣроятно, не безъ вліянія Лерха, о которомъ онъ упоминаетъ въ предисловіи, какъ о своемъ руководителѣ, наравнѣ съ проф. Григорьевымъ, Николай Ивановичъ предметомъ своей диссертаціи избралъ «Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго». Зависимость отъ Лерха не ограничилась выборомъ темы; въ текстѣ книги[5]

---

[1] В. В. Григорьевъ, стр. 237.

[2] Факультетскій отзывъ напечатанъ въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. унив., № 3, стр. 132 сл.

[3] Ср. ЗВО, XXIV, 240.

[4] Факультетскій отзывъ объ удостоенной серебряной медали работѣ А. Романова (служившаго потомъ въ Туркестанѣ, ср. свѣдѣнія о немъ въ Матер. для ист. фак. Вост. яз., III, 71) напечатанъ въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. унив., № 9, стр. 95 сл.

[5] Очеркъ свѣд. о Хив. ханствѣ, стр. 87.

повторена ошибка Лерха[1], полагавшаго, что съ конца XIV до второй половины XV в. мы не имѣемъ о Хорезмѣ никакихъ свѣдѣній. По плану работа Николая Ивановича, однако, существенно отличается отъ работы Лерха. Вопреки заглавію диссертаціи, авторъ говоритъ въ предисловіи, что «избѣгалъ, по возможности, всякихъ географическихъ изслѣдованій»[2], тогда какъ въ работѣ Лерха географическимъ вопросамъ отведено значительное мѣсто. Для Лерха «Хива» была прежде всего старымъ культурнымъ «Хорезмомъ»; Николай Ивановичъ обращаетъ вниманіе не столько на этотъ Хорезмъ, о которомъ, кромѣ работы Лерха, въ то время уже существовала работа E. Sachau, сколько на «новую исторію Хивы, именно съ начала XVI столѣтія, съ утвержденія въ ней узбековъ», при чемъ главнымъ источникомъ были для него сообщенія русскихъ пословъ и путешественниковъ[3].

Этимъ въ значительной степени опредѣляются достоинства и недостатки не только магистерской диссертаціи Николая Ивановича, но и другихъ его трудовъ по исторіи культурной Средней Азіи. Подробное ознакомленіе съ восточными источниками было въ этомъ случаѣ еще болѣе необходимо, чѣмъ при изученіи исторіи кочевниковъ, и недостаточность познаній Николая Ивановича въ восточныхъ языкахъ не могла не отражаться на результатахъ его дѣятельности прежде всего въ количественномъ отношеніи; капитальныхъ историческихъ трудовъ, требовавшихъ сложныхъ изысканій по первоисточникамъ, онъ не могъ намъ дать. Довольно часто имъ высказывались предположенія, отъ которыхъ онъ отказался бы при сколько нибудь подробномъ ознакомленіи съ первоисточниками; таково, напримѣръ, высказанное въ диссертаціи мнѣніе, что мусульманскіе владѣтели Хорезма до XII в. не могли называть себя хорезмшахами и что «арабскіе писатели» даютъ имъ этотъ титулъ только «по недостатку отчетливости»[4]. Той же причиной объясняются нѣкоторыя ошибки Николая Ивановича въ области внѣшней исторической критики, какъ отстаиваніе подлинности явно подложной автобіографіи Тимура[5]. Съ другой стороны, «нетрудное, но кропотливое»[6], по выраженію Николая Ивановича, дѣло собиранія и критическаго изслѣдованія разсказовъ русскихъ пословъ и путешественниковъ выполнялось имъ въ совершенствѣ. Въ этомъ отношеніи какъ изслѣдователи исторіи

---

[1] Khiva oder Khârezm, отд. оттискъ, стр. 40. Свѣдѣнія изъ مطلع السعدين Абд-ар-Реззака Самарканди задолго до появленія труда Лерха были сообщены даже на французскомъ языкѣ Катрмеромъ (Not. et Extr. XIV, 1-re partie, 225 сл.).

[2] Очеркъ, стр. VI.

[3] Ibid., стр. VII.

[4] Очеркъ, стр. 60 сл.

[5] ЗВО, VI, 345 и ЖМНП, ч. 303 (1896), стр. 226 сл.

[6] Очеркъ, стр. VII.

Средней Азіи, такъ и русскіе историки еще долго будутъ находиться въ зависимости отъ работъ Николая Ивановича, не только отъ изданныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ, но и отъ его подробныхъ и тщательныхъ коментаріевъ къ лѣтописнымъ и другимъ извѣстіямъ.

Особое мѣсто среди работъ Николая Ивановича по исторіи Средней Азіи занимаютъ его рецензіи; въ нихъ онъ подробнѣе, чѣмъ въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ, высказывалъ свое мнѣніе о задачахъ русской науки и русской правительственной власти. Отзывы о чужихъ трудахъ писались имъ съ полнымъ уваженіемъ къ каждому добросовѣстному изслѣдованію или собиранію матеріаловъ; только если авторъ ясно обнаруживалъ свое незнакомство съ предметомъ, о которомъ говорилъ, тонъ рецензента становился рѣзкимъ, иногда слишкомъ рѣзкимъ. Кромѣ того Николай Ивановичъ не выносилъ «патетическихъ разглагольствованій, которыя въ сущности ничего не говорятъ, но читать которыя какъ то противно»[1]. Подобно Григорьеву, Николай Ивановичъ не раздѣлялъ «иллюзій насчетъ необыкновенныхъ богатствъ»[2] присоединеннаго къ Россіи Туркестанскаго края и въ своемъ скептицизмѣ шелъ, можетъ быть, даже слишкомъ далеко. Изъ научныхъ задачъ Николаю Ивановичу менѣе всего были понятны чисто-лингвистическія, особенно работы лингвистовъ новѣйшей школы, что нашло себѣ отраженіе если не въ печатныхъ рецензіяхъ Николая Ивановича, то на его публичныхъ выступленіяхъ, напримѣръ, на университетскихъ диспутахъ. Въ тѣхъ же выступленіяхъ, отчасти и въ печатныхъ статьяхъ, Николай Ивановичъ не всегда проявлялъ достаточно объективное отношеніе къ тѣмъ элементамъ, которыми опредѣляется культурное прошлое Востока— исламу, буддизму, дальне-восточной и средне-азіатской государственности. Николай Ивановичъ видѣлъ въ этихъ элементахъ силы, враждебныя современной русской и европейской культурѣ; имъ справедливо осуждались такія дѣйствія русской власти, какъ укрѣпленіе ислама[3] и буддизма въ XVIII в. и укрѣпленіе такого обломка средневѣковой государственности, какъ власть бухарскаго эмира, въ концѣ XIX в.[4]. Но подъ вліяніемъ такого отношенія къ современности онъ былъ склоненъ преувеличивать и въ прошломъ отрицательныя стороны этихъ культурныхъ факторовъ и не вполнѣ оцѣнивалъ ихъ заслуги.

Особенно значительны заслуги Николая Ивановича въ дѣлѣ археологическаго изученія Туркестана. Не вполнѣ ясны причины увлеченія Нико-

[1] ЗВО, VI, 344.
[2] Ibid., II, 279.
[3] Объ исламѣ особенно ЗВО, V, 118.
[4] ЗВО, VIII, 164 сл.

лая Ивановича археологіей; можно было бы предполагать и въ этомъ случаѣ вліяніе Лерха, тѣмъ болѣе, что и Лерхъ, какъ впослѣдствіи Николай Ивановичъ, интересовался археологіей не только какъ изслѣдователь Востока; еще въ 1862 г., за нѣсколько лѣтъ до своей археологической поѣздки въ Туркестанъ, Лерхъ напечаталъ статью объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Но Николай Ивановичъ сталъ заниматься археологіей только въ 80-хъ годахъ, когда Лерха въ Россіи уже не было. Въ 70-хъ годахъ и въ началѣ 80-хъ Николай Ивановичъ еще не посѣщалъ археологическихъ съѣздовъ, хотя именно эти съѣзды, казанскій (1877) и тифлисскій (1881), по мѣсту своего созыва имѣли больше значенія для востоковѣдѣнія, чѣмъ послѣдующіе. Первымъ по времени признакомъ интереса къ археологіи была его поѣздка въ Москву въ декабрѣ 1882 г. для участія въ работахъ комитета, подготовлявшаго созывъ 6-го, одесскаго археологическаго съѣзда, состоявшагося въ августѣ 1884 г. Въ ноябрѣ того же 1884 г. Николай Ивановичъ получилъ отъ Археологической Комиссіи (средства на поѣздку были назначены также университетомъ) годичную командировку въ Туркестанъ для изслѣдованія городища Афрасіабъ близъ Самарканда и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древности. Результатамъ раскопокъ, помимо отчета, опубликованнаго Археологической Комиссіей, Николай Ивановичъ посвятилъ впослѣдствіи рядъ статей и докладовъ, но не сдѣлалъ ихъ предметомъ исчерпывающаго изслѣдованія; не былъ опубликованъ также атласъ находокъ, сдѣланныхъ на Афрасіабѣ и впервые установившихъ фактъ существованія въ до-мусульманскомъ Туркестанѣ искусства, находившагося подъ вліяніемъ греческаго. Вообще раскопками былъ добытъ богатый матеріалъ для изученія до-мусульманскаго прошлаго этого края и возбужденъ рядъ научныхъ вопросовъ, впослѣдствіи разъяснявшихся отчасти посредствомъ новыхъ археологическихъ находокъ, но главнымъ образомъ путемъ привлеченія литературнаго матеріала. По одному вопросу, именно по вопросу о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи, письменное свидѣтельство (изъ переведенныхъ на русскій языкъ китайскихъ источниковъ) было сообщено самимъ Николаемъ Ивановичемъ; въ остальныхъ случаяхъ это было сдѣлано другими. Догадка Николая Ивановича о принадлежности найденныхъ на Афрасіабѣ черепковъ къ «глинянымъ гробамъ до-мусульманскаго періода»[1] блестяще подтвердилась; но отъ археологическаго довода въ пользу своего мнѣнія (указаніе на аналогію съ кавказскими глиняными гробами) Николай Ивановичъ впослѣдствіи самъ отказался; гораздо болѣе

[1] Ср. по этому вопросу мою статью (съ указаніемъ литературы предмета) въ Изв. Русскаго Комитета для изуч. Средней и Вост. Азіи, № 8 (мартъ 1908 г.), стр. 47 сл.

важными оказались приведенныя другими учеными письменныя извѣстія о погребальныхъ обрядахъ послѣдователей религіи Зороастра вообще и населенія Туркестана въ частности. Раскопки Николая Ивановича на Афрасіабѣ доказали, что Афрасіабъ былъ покинутъ только въ XIII в., послѣ монгольскаго нашествія; но только показанія арабскихъ географовъ дали возможность выяснить историческую топографію до-монгольскаго Самарканда и то мѣсто, которое занимаетъ въ исторіи этого города Афрасіабъ[1]. Николаемъ Ивановичемъ былъ установленъ фактъ существованія въ Туркестанѣ кургановъ, служившихъ не для погребенія, но представляющихъ остатки укрѣпленныхъ жилищъ прежнихъ жителей; сходство нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ съ могильными курганами юга Россіи навело его на догадку, «не были ли первоначально всѣ курганы могильными, и уже потомъ, въ мусульманскій періодъ, населеніе придумало утилизировать ихъ для стратегическихъ цѣлей»[2]. Впослѣдствіи, когда изъ арабскихъ источниковъ были извлечены извѣстія объ укрѣпленныхъ жилищахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ— дихкановъ, Николай Ивановичъ отказался отъ своей прежней догадки и убѣдился, что курганы должны быть признаны остатками зáмковъ дихкановъ, хотя это убѣжденіе, несомнѣнно правильное (это видно уже изъ того, что именно въ долинѣ Ангрена[3], гдѣ дольше всего сохранялся прежній землевладѣльческій строй[4], курганы особенно многочисленны), было высказано имъ только на лекціяхъ; въ печати его впервые высказалъ одинъ изъ туркестанскихъ изслѣдователей (нынѣ покойный)[5], находившійся, какъ мнѣ извѣстно, въ перепискѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

Николай Ивановичъ интересовался культурной жизнью Туркестана не только въ до-мусульманскій періодъ, но и при исламѣ, до новѣйшихъ временъ включительно. Его вниманіе и въ этомъ случаѣ, какъ въ его работахъ о кочевникахъ, по тѣмъ же причинамъ, привлекали къ себѣ не столько письменные источники, сколько наблюденія надъ современной жизнью и вещественные памятники прошлаго. Николаемъ Ивановичемъ читались въ восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества доклады не только археологическаго, но и этнографическаго содержанія; имъ былъ собранъ въ Туркестанѣ даже нѣкоторый лингвистическій матеріалъ, переданный К. Г. Залеману[6]; кромѣ того имъ собирались и приводились въ извѣстность раз-

---

[1] ЗВО, XVI, стр. XXXIV сл.
[2] ЗВО, II, 224.
[3] М. С. Андреевъ въ Средне-азіатскомъ Вѣстникѣ, май 1896 г., стр. 23.
[4] Ср. объ «илакскомъ дихканѣ» В. Бартольдъ, Турк. въ эпоху монг. наш., II, 243 и 327.
[5] Е. Т. Смирновъ въ Проток. Турк. кружка люб. арх., V, 178
[6] Ср. ЗВО, XXIV, 245.

сказы о недавнихъ политическихъ событіяхъ, изъ устъ участниковъ этихъ событій. Но вообще въ работахъ Николая Ивановича о Туркестанѣ, въ противоположность его работамъ о кочевникахъ, этнографическій матеріалъ и наблюденія надъ современной жизнью занимали гораздо меньше мѣста, чѣмъ матеріалъ археологическій. Еще во время командировки 1885 г., какъ показываетъ прочитанный имъ въ мартѣ 1886 г. докладъ о Шахи-зиндэ, онъ на ряду съ производствомъ раскопокъ на мѣстахъ древнихъ городищъ обратилъ вниманіе на необходимость изученія архитектурныхъ памятниковъ, сохранившихся на поверхности земли. Ассигнованіе средствъ на этотъ предметъ въ 1895 г. изъ государственнаго казначейства, по докладу министра финансовъ С. Ю. Витте, позволило Археологической Комиссіи въ томъ же году приступить къ выполненію намѣченныхъ работъ въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ на Николая Ивановича, по его собственнымъ словамъ, было возложено «ближайшее наблюденіе и исполненіе плана работъ»[1]. Въ дѣйствительности Николаю Ивановичу, какъ извѣстно многимъ, принадлежало не только выполненіе, но въ значительной степени также составленіе плана работъ, связанныхъ съ производствомъ обмѣровъ, изготовленіемъ чертежей, эстампажей, рисунковъ въ краскахъ и т. п. Работы возобновлялись нѣсколько разъ и были выполнены на средства Археологической Комиссіи для зданій Гуръ-эмиръ и Биби-ханымъ, отчасти для медресе Улугбека. Когда Археологическая Комиссія была вынуждена прервать эти работы по недостатку средствъ, въ связи съ японской войной, Николаемъ Ивановичемъ въ 1905 г. были произведены такія же работы на средства «Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» въ мечети города Туркестана; на средства того же комитета въ 1908 г. былъ возобновлены работы въ Самаркандѣ, при чемъ предметомъ ихъ былъ на этотъ разъ мазаръ Рухабадъ. Весь матеріалъ поступилъ въ распоряженіе Археологической Комиссіи, которой было предпринято изданіе альбома «Самаркандскія мечети», съ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе альбома требовало большихъ средствъ, которыми комиссія не располагала; до сихъ поръ появился только одинъ выпускъ, вышедшій въ свѣтъ еще въ 1905 г. и посвященный только одному зданію Гуръ-эмиръ, при чемъ и это зданіе въ немъ далеко не исчерпано. На текстѣ этого выпуска, какъ вообще на работахъ Николая Ивановича о Туркестанѣ, не могло не отразиться недостаточное изученіе литературныхъ источниковъ. Николаемъ Ивановичемъ было издано полностью историко-топографическое сочиненіе о Самаркандѣ одного изъ туземныхъ авторовъ XIX в. (русскій переводъ этого сочиненія еще

---

[1] ЗВО, XVII, 0182.

раньше былъ напечатанъ въ Самаркандѣ); довольно значительное число выписокъ изъ другихъ источниковъ, по обыкновенію, было передано имъ для перевода представителямъ лингвистическихъ каѳедръ, но этотъ матеріалъ потомъ частью былъ утерянъ; кромѣ того этотъ способъ работы въ данномъ случаѣ не могъ привести къ цѣли. Необходимъ былъ не переводъ отдѣльныхъ текстовъ, но связное историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ; только такое изслѣдованіе могло бы выяснить истинное значеніе архитектурныхъ и другихъ терминовъ въ данной мѣстности и въ данную эпоху. Пока эта работа не выполнена, не можетъ быть и научнаго описанія построекъ эпохи Тимура и Тимуридовъ. Отчасти, но не въ достаточной степени это сознавалъ и Николай Ивановичъ. Въ своей статьѣ о «Подробностяхъ смерти узбецкаго хана Мухаммеда Шейбани» онъ приводитъ свидѣтельство персидскихъ историковъ, что изъ черепа павшаго при Мервѣ въ 1510 г. хана была сдѣлана чаша, и разсказъ самаркандскаго уѣзднаго начальника Г. А. Арандаренко о перенесеніи на новое мѣсто ханской гробницы, при чемъ скелетъ Шейбани оказался безъ черепа. По замѣчанію Николая Ивановича, «настоящій случай свидѣтельствуетъ, какъ исторія нуждается въ содѣйствіи археологіи. Но не менѣе того нуждается и археологія въ помощи исторіи»[1]. Едва ли правильно такое сопоставленіе исторіи и археологіи, какъ двухъ самостоятельныхъ, хотя и связанныхъ между собою наукъ. Археологія, какъ дисциплина, посвященная изученію одной изъ категорій историческихъ источниковъ, именно вещественныхъ памятниковъ, составляетъ неразрывную часть единой исторической науки; только посредствомъ изученія источниковъ всѣхъ категорій можетъ быть выполнена задача историка, при чемъ это изученіе, конечно, можетъ быть результатомъ не только единоличнаго, но и коллективнаго труда. Русская наука располагала бы вполнѣ достаточными силами для изученія самаркандскихъ построекъ не только съ точки зрѣнія археолога и художника, но въ связи съ общими задачами культурной исторіи; организаціей и выполненіемъ такихъ работъ былъ бы поставленъ лучшій памятникъ Николаю Ивановичу.

Защита магистерской диссертаціи открыла Николаю Ивановичу доступъ въ университетъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же 1877 г. былъ постигнутъ неизлечимой болѣзнью П. И. Лерхъ, не успѣвшій окончить свою диссертацію, хотя еще въ 1871 г. блестяще выдержавшій магистерскій экзаменъ. По свидѣтельству Николая Ивановича, проф. Григорьевъ, отправляясь на этотъ экзаменъ, говорилъ: «Иду экзаменовать по исторіи Востока человѣка, который лучше меня знаетъ эту исторію»[2]. Въ 1878 г., тотчасъ

[1] Подробности смерти Шейбани, отд. отт., стр. 8.

[2] Труды вост. отд. И. Р. Арх. Общ., ч. XVIII, предисловіе.

послѣ избранія Николая Ивановича доцентомъ, Григорьевъ покинулъ университетъ, при чемъ въ своемъ прощальномъ письмѣ на имя ректора упоминалъ о томъ, что оставилъ каѳедру «не прежде, чѣмъ приготовилъ себѣ преемника»[1]. Какъ университетскій преподаватель, Николай Ивановичъ, конечно, не могъ замѣнить своего предшественника, что лучше всего сознавалось имъ самимъ. Молодежь всегда относилась къ Николаю Ивановичу съ полнымъ уваженіемъ; но его университетскія лекціи не принадлежали къ числу такихъ, которыми могутъ увлекаться студенты. Среди собственныхъ научныхъ интересовъ Николая Ивановича исторія Востока все болѣе отходила на второй планъ по сравненію съ археологіей, и своимъ лекціямъ въ Археологическомъ Институтѣ онъ, вѣроятно, и самъ придавалъ больше значенія, чѣмъ лекціямъ въ университетѣ. Не только общія программы, но и содержаніе курсовъ Николая Ивановича мало отличались отъ курсовъ Григорьева, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось касаться новыхъ научныхъ открытій, напримѣръ дешифровки орхонскихъ надписей. Неоднократно Николаемъ Ивановичемъ предлагались для соисканія наградъ медалями темы, въ свое время предлагавшіяся его предшественникомъ[2]. Изъ печатныхъ трудовъ бывшихъ слушателей Николая Ивановича мнѣ извѣстенъ только одинъ, въ которомъ авторъ называетъ своимъ непосредственнымъ руководителемъ Николая Ивановича, именно книга С. В. Жуковскаго «Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе» (1915 г.); при разработкѣ такой темы, конечно, лучшаго руководителя, чѣмъ Николай Ивановичъ, не могло быть. Самому Николаю Ивановичу было совершенно чуждо стремленіе направлять молодежь на тотъ путь, которымъ онъ шелъ самъ. Какъ мнѣ извѣстно по собственному опыту, онъ предостерегалъ оставленныхъ при университетѣ по каѳедрѣ исторіи Востока отъ увлеченія археологіей, чтобы археологическія разысканія не отняли у нихъ времени, необходимаго для научно-историческихъ трудовъ и пріобрѣтенія высшей ученой степени. Столь же мало онъ былъ доволенъ, когда его ученики вмѣсто изученія исторіи Востока по восточнымъ источникамъ выбирали для своихъ изслѣдованій тему изъ исторіи сношеній Россіи съ восточными государствами.

Своимъ отношеніемъ къ чужимъ трудамъ и къ дѣятельности другихъ ученыхъ Николай Ивановичъ показалъ себя достойнымъ ученикомъ автора

[1] В. В. Григорьевъ, стр. 270.

[2] Вопросъ о хуннахъ и хунъ-ну былъ поставленъ Григорьевымъ въ 1866 г., Николаемъ Ивановичемъ въ 1898 г. Предложенная Григорьевымъ въ 1871 г. тема «Опытъ обзора степныхъ законодательствъ отъ Модэ-шаньюя до Батора Хонтайдзи» вполнѣ соотвѣтствуетъ темѣ, предложенной Николаемъ Ивановичемъ въ 1902 г.,—«Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія».

исторической записки, составленной ко дню пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго университета. Составленная Николаемъ Ивановичемъ біографія К. П. Патканова показываетъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью онъ слѣдилъ за дѣятельностью спеціалистовъ даже по такимъ отраслямъ востоковѣдѣнія, которыя были далеки отъ его собственныхъ занятій. Еще болѣе замѣчательны тотъ тактъ и то безпристрастіе, съ которыми Николай Ивановичъ въ некрологѣ бар. Розена сопоставилъ дѣятельность и вліяніе на студентовъ этого ученаго съ дѣятельностью и вліяніемъ Григорьева; рѣдко дѣятельность представителя новаго направленія, пришедшаго на смѣну старому, встрѣчала такую сочувственную оцѣнку со стороны преданнаго ученика руководителя прежней школы. Такое же безпристрастіе и такую же широту взгляда Николай Ивановичъ обнаруживалъ въ тѣхъ своихъ трудахъ по исторіи русской науки, въ которыхъ ему приходилось выступать за предѣлы востоковѣдѣнія, какъ въ «Исторіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія». Николай Ивановичъ никогда не уклонялся отъ кропотливаго труда, связаннаго съ такими изданіями. Онъ былъ фактическимъ редакторомъ «Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета» за 1869—1894 гг.; имъ же редактировался третій (біографическій) томъ «Матеріаловъ для исторіи Факультета Восточныхъ Языковъ»; онъ же, наконецъ, взялъ на себя редактированіе біографическаго матеріала и матеріала по исторіи отдѣльныхъ каѳедръ для сборника, который предполагалось издать ко дню столѣтія Петроградскаго университета.

Николай Ивановичъ не оставилъ по себѣ преемника, который былъ бы продолжателемъ его дѣятельности въ такой же мѣрѣ, какъ самъ онъ былъ продолжателемъ дѣятельности Григорьева. Научное направленіе, однимъ изъ главныхъ представителей котораго былъ Григорьевъ, все болѣе отходитъ въ прошлое. Несомнѣнно, что объ этомъ прошломъ и представители новыхъ направленій не разъ вспомнятъ съ сожалѣніемъ; по мѣрѣ того, какъ условія жизни вообще и условія дѣятельности ученаго въ частности становятся все болѣе сложными и противорѣчивыми, среди русскихъ ученыхъ все рѣже будутъ встрѣчаться такіе цѣльные люди, какими были, въ остальномъ, конечно, непохожіе другъ на друга В. А. Жуковскій и Н. И. Веселовскій. Если въ этомъ случаѣ приходится мириться съ отрицательными сторонами каждаго прогресса, то труднѣе примириться съ опасностью, угрожающей самостоятельности русскаго востоковѣдѣнія и тѣмъ его традиціямъ, которыя вполнѣ заслуживали бы сохраненія. По мѣрѣ сближенія русскаго оріентализма съ западно-европейскимъ среди молодыхъ ученыхъ замѣчается естественное стремленіе изучать первоисточники и первональ-

ныя основы каждой культуры; въ этомъ отношеніи ихъ болѣе привлекаетъ изученіе культуры Передней Азіи въ древности и въ мусульманскій періодъ, чѣмъ изученіе памятниковъ древней и средневѣковой культуры Кавказа и Туркестана, болѣе привлекаетъ изученіе буддизма въ Индіи, Китаѣ и Японіи, чѣмъ изученіе буддизма бурятъ и калмыковъ. Какъ бы ни было цѣнно участіе русскихъ ученыхъ въ обще-европейской, не связанной съ отдѣльными національными интересами научной работѣ, едва ли этимъ искупается ущербъ отъ невыполненія задачъ, составляющихъ обязанность русской науки по географическому положенію Россіи и составу ея населенія. Отказываясь отъ изученія сѣверныхъ окраинъ древне-восточнаго, мусульманскаго и буддійскаго міра ради изученія основъ каждой культуры, русское востоковѣдѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ внесенія въ европейскую науку новаго матеріала и соглашается довольствоваться разработкой матеріала, уже затронутаго западно-европейскими учеными. Въ интересахъ русской культуры и въ интересахъ міровой науки одинаково слѣдуетъ желать, чтобы научные вопросы, непосредственно связанные съ исторіей Россіи и входящихъ въ нее странъ, вновь нашли себѣ большее число изслѣдователей среди молодыхъ русскихъ оріенталистовъ, и чтобы послѣдніе пользовались своимъ лучшимъ знаніемъ западно-европейской науки и ея методовъ не для перехода отъ прежнихъ научныхъ задачъ къ новымъ, но для дальнѣйшаго развитія и углубленія трудовъ своихъ предшественниковъ.

В. Бартольдъ.

Памяти Н. И. Веселовскаго.

Въ августѣ 1907 года состоялось утвержденіе устава Русскаго Военно-Историческаго Общества, цѣлью котораго поставлено «изученіе военно-историческаго прошлаго русскаго народа во всѣхъ его проявленіяхъ».

Въ числѣ не военныхъ по своей профессіи лицъ на призывъ Общества откликнулся однимъ изъ первыхъ Н. И. Веселовскій, который съ первыхъ же дней своего пребыванія въ составѣ Общества принялъ непосредственное участіе въ его работахъ.

Будучи въ декабрѣ 1908 г. избранъ въ члены совѣта Общества и предсѣдателемъ разряда археологіи и археографіи, Н. И. неотступно входитъ во всѣ научныя предпріятія Общества и многими изъ нихъ руководитъ. Николая Ивановича мы видимъ на всѣхъ засѣданіяхъ Общества, какъ публичныхъ, гдѣ онъ выступаетъ съ рефератами, или принимаетъ участіе въ преніяхъ, такъ и въ организаціонныхъ — въ совѣтѣ Общества и особенно въ разрядѣ археологіи и археографіи, дѣятельностью котораго руководитъ непосредственно.

И нужно отдать справедливость покойному — только его настойчивости наука обязана осуществленіемъ изслѣдованія ряда древнихъ русскихъ крѣпостей. По его мысли для детальной разработки этой серьезной задачи была образована особая коммиссія, которая выработала подробную программу изслѣдованія древнихъ русскихъ крѣпостей Новгородско-Псковской земли [1].

Въ основу изслѣдованія крѣпостей при современномъ научномъ теченіи долженъ быть положенъ детальный непосредственный архитектурный обмѣръ всѣхъ сохранившихся частей крѣпости. Только при наличіи подроб-

---

[1] Труды Коммиссіи напечатаны въ I т. «Запис. разр. воен. Арх. и Арх. Рус. В. И. Общ.» Прилож. I.

ныхъ чертежей, сопровождаемыхъ достаточнымъ количествомъ фотографическихъ снимковъ, возможно изученіе крѣпости, не говоря о томъ, что только такимъ путемъ имѣется возможность поддерживать сооруженіе въ будущемъ, не искажая его при реставраціи. Но эту часть работы (непосредственный обмѣръ и фотографированіе), какъ требующую значительныхъ средствъ и соотвѣтствующихъ работниковъ, — организовать являлось всегда наиболѣе труднымъ.

Н. И. Веселовскому наука обязана тѣмъ, что къ предпринятымъ работамъ удалось пригласить авторитетныхъ руководителей, и ему же обязана исходатайствованіемъ необходимыхъ средствъ для работъ.

До начала изслѣдованія крѣпостей Военно-Историческимъ Обществомъ, Н. И. было приложено много труда, чтобы поставить это дѣло вполнѣ научно. По его приглашенію въ разрядѣ военной археологіи былъ сдѣланъ докладъ П. П. Покрышкинымъ о Смоленскомъ кремлѣ и были продемонстрированы чертежи, составленные по обмѣрамъ, какъ образцы для работъ Военно-Историческаго Общества.

Къ участію въ работахъ, для непосредственнаго руководства дѣломъ, были приглашены К. К. Романовъ и Н. К. Рерихъ, которыми и были составлены группы работниковъ для непосредственнаго обмѣра и фотографированія.

Результатами работъ 1910—1912 гг. явились: полное изслѣдованіе Изборской крѣпости (обмѣръ и фотографированіе всѣхъ деталей сохранившихся частей крѣпости въ составѣ шести башенъ съ пряслами и изслѣдованіе тайнаго хода), изслѣдованіе южной части новгородскаго дѣтинца (въ составѣ трехъ башенъ, съ прилегающими пряслами, въ томъ числѣ 16-саженной «Кукуевской» башни) и, наконецъ, детальное изслѣдованія «Гремячей» башни псковской крѣпости. Н. И. принималъ участіе въ работахъ коммиссіи по пріему законченныхъ чертежей.

Начавшаяся въ 1914 году война прекратила эти работы и прервала предпринятое уже первое изданіе результатовъ изслѣдованія крѣпостей въ видѣ перваго выпуска Трудовъ Общества, посвященнаго монографіи «Гремячая башня псковской крѣпости» (изслѣдованіе К. К. Романова, со вступительной статьей С. Ѳ. Платонова).

Н. И. Веселовскимъ было сдѣлано и другое большое дѣло, тяжесть котораго онъ цѣликомъ принялъ на себя. Имъ были созданы «Записки Разряда военной археологіи и археографіи Импер. Русского-Военно-Историческаго Общества». Н. И. собиралъ для Записокъ матеріалъ, бралъ на себя всѣ хлопоты не только по редактированію, но и по изданію ихъ.

Всего было имъ выпущено три выпуска, включившихъ протоколы за-

сѣданій разряда, большое число оригинальныхъ статей и изслѣдованій военно-археологическаго содержанія (В. Г. Дружинина, Э. Э. Ленца, С. Ѳ. Платонова, С. М. Середонина, Н. Д. Чечулина и др.), критическія замѣтки и библіографію. Въ «Запискахъ» помѣщены изслѣдованія Н. И. Веселовскаго: «Военно-Историческій очеркъ гор. Анапы»[1], замѣтки «Дополненіе къ статьѣ А. И. Иванова: Походъ Монголовъ на Россію»[2] и «По поводу гравюры Р. де-Гооге: Бой подъ Нарвой 19 ноября 1700 г.»[3] и рядъ критическихъ статей подъ иниціалами Н. В.

Н. И. Веселовскій принималъ участіе въ работахъ Общества и цѣлымъ рядомъ сообщеній въ публичныхъ собраніяхъ, изъ которыхъ отмѣчаемъ весьма содержательные доклады «О крымско-татарскомъ оружіи» и «Аральская флотилія по оффиціальнымъ даннымъ и по отзывамъ современниковъ»[4] и сообщенія: «По поводу изданія архивныхъ документовъ», «О потерѣ якутскаго острога» и др.

Н. И., обладая замѣчательнымъ спокойствіемъ и выдержкой, относился всегда съ полнымъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, а своей доброжелательностью умѣлъ ободрить начинающаго и дать ему вѣру въ свои силы и способность работать на пользу науки, и такимъ образомъ являлся образцовымъ руководителемъ и предсѣдателемъ разряда, не допускавшимъ никакихъ отклоненій отъ программы. Въ своемъ заключительномъ словѣ, послѣ бывавшихъ бурныхъ преній, Н. И. всегда вносилъ умиротвореніе. Онъ тщательно слѣдилъ, чтобы работа разряда была объективно-научной, безъ какой бы то было тенденціи, хотя къ тому представлялось не мало случаевъ.

Такое направленіе дѣятельности разряда, естественно, сгруппировало въ разрядѣ настоящихъ работниковъ и лицъ интересующихся стариной,—и это также была одна изъ заслугъ покойнаго, всегда съ большой готовностью шедшаго на встрѣчу каждому изъ насъ, обращавшихся къ нему за научной помощью и совѣтомъ.

Н. Печенкинъ.

30/17 мая 1918 г.

---

[1] «Зап. разр. воен. Ар. и Арх. Имп. Р. В И. Общ.», стр. 27—98 съ 10 таблицами.
[2] Ibid., стр. 23—26.
[3] Ibid., стр. 99—100.
[4] Это изслѣдованіе Н. И. подготовлено къ печати.

Н. И. Веселовскій — археологъ.

12 апрѣля (30 марта) 1918 года скончался Н. И. Веселовскій. Уже очень давно имя Н. И. въ русскомъ ученомъ мірѣ не отдѣлялось отъ Археологической Комиссіи. Болѣе тридцати лѣтъ Н. И. работалъ въ Комиссіи, производилъ изъ года въ годъ раскопки, публикуя о нихъ отчеты, слѣдя за всею археологическою жизнью въ Россіи, за новыми находками предметовъ древности, за производящимися научными изслѣдованіями, привлекалъ для занятій въ Комиссіи свѣжія силы, всюду самымъ горячимъ образомъ отстаивалъ интересы Археологической Комиссіи, всячески заботясь объ ея процвѣтаніи.

Приблизительно черезъ годъ послѣ смерти Н. И. Археологическая Комиссія прекратила свое существованіе, развернувшись въ болѣе широкое учрежденіе, — въ Академію Исторіи Матеріальной Культуры.

Некрологъ Н. И., предназначавшійся еще для Извѣстій Археологической Комиссіи, долженъ былъ бы появиться на страницахъ печатнаго органа учрежденія, съ которымъ его дѣятельность связывалась бы только косвеннымъ образомъ. Въ виду этого представилось болѣе цѣлесообразнымъ помѣстить некрологъ на страницахъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, съ которымъ Н. И. былъ связанъ не менѣе, чѣмъ съ Археологической Комиссіей, особенно въ виду того, что этотъ некрологъ былъ прочитанъ его составителемъ въ собраніи Отдѣленія, посвященномъ памяти Н. И., 23 мая 1918 г.

Беззавѣтно преданный дѣлу, которое было возложено на него въ Археологической Комиссіи, Н. И, соединялъ съ нимъ еще одно дѣло, кото-

рое онъ также горячо любилъ, —дѣло служенія русскому просвѣщенію въ роли профессора исторіи Востока въ Петербургскомъ Университетѣ. Обѣ стороны дѣятельности Н. И. сливались у него во-едино, образовали цѣлое, были не отдѣлимы. Вотъ почему и въ настоящемъ очеркѣ, имѣющемъ цѣлью охарактеризовать Н. И., какъ археолога, занимавшагося древностями Россіи, нельзя не упомянуть вовсе его трудовъ въ области изслѣдованія Востока.

Н. И. родился въ Москвѣ въ 1848 г., кончилъ курсъ въ Вологодской гимназіи въ 1867 г. и въ 1869 г. поступилъ въ Петербургскій Университетъ по арабско-турецкому отдѣленію факультета восточныхъ языковъ. Въ Университетѣ Н. И. рано обнаружилъ склонность къ научнымъ занятіямъ. При прохожденіи курса имъ написана была работа «О податяхъ и повинностяхъ, налагавшихся монголами на побѣжденныхъ народовъ», которая удостоилась награжденія отъ факультета золотою медалью. По окончаніи курса въ Университетѣ (въ 1873 г.) Н. И. былъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи Востока. Научные труды Н. И.[1], относящіеся къ годамъ непосредственно послѣ окончанія имъ курса въ Университетѣ, всѣ имѣли своими темами вопросы изъ области изученія Востока. Молодой оріенталистъ, видимо, особенно интересовался Востокомъ въ его отношеніяхъ къ Россіи. Въ 1877 г. вышло изслѣдованіе Н. И. «Опытъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ» (1). По защитѣ этой работы, представленной въ Петербургскій Университетъ для соисканія ученой степени магистра исторіи Востока, Н. И. былъ удостоенъ искомой степени и въ 1878 г. былъ утвержденъ доцентомъ Университета. Слѣдующія ближайшія работы Н. И., какъ и предыдущія, были посвящены средне-азіатскому Востоку, соприкасающемуся съ Россіей: «Манкытская династія, нынѣ царствующая въ Бухарѣ» (12), «Русскіе невольники въ средне-азіатскихъ ханствахъ» (13). Статья о куликовской битвѣ (15), написанная по поводу ея пятисотлѣтія, находится, очевидно, въ связи съ основными штудіями Н. И., стремившагося выяснить взаимоотношенія Востока и Россіи.

На третьемъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ, происходившемъ въ 1876 г. въ Петербургѣ, Н. И. даны были «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи» (14).

Съ 1881 г. научные интересы Н. И. замѣтно ширятся. По прежнему интересуясь спеціально историческими судьбами Средней Азіи, Н. И. начи-

[1] Въ дальнѣйшемъ цитирую работы Н. И. по списку В. В. Латышева (см. ниже, стр. 387—398), такъ какъ въ немъ даны точныя заглавія работъ и указаны изданія, на страницахъ которыхъ напечатаны труды Н. И., или сообщаются о нихъ какія-либо свѣдѣнія.

настъ заниматься археологіей Средней Азіи и археологіей тѣхъ областей на югѣ и юго-востокѣ Европейской Россіи, у которыхъ должны были быть въ прошломъ связи съ мусульманскимъ Востокомъ прежде всего, а затѣмъ и съ Востокомъ болѣе древнимъ. Завятія археологіей Туркестана поставили Н. И. лицомп къ лицу съ античнымъ міромъ, вліяніе котораго доходило до Средней Азіи, а археологическія изысканія на югѣ и юго-востокѣ Россіи заставили Н. И. удѣлить еще болѣе вниманія греко-римскому міру. Въ наслоеніяхъ русской почвы каждому изслѣдователю приходится столкнуться и съ памятниками культуры восточной и культуры греко-римской. Каждый русскій археологъ вынужденъ бываетъ стать, вслѣдствіе этого, хотя бы отчасти, и оріенталистомъ и классикомъ. Такимъ обрасомъ и Н. И., оріенталистъ по своей основной спеціальности, становится одновременно археологомъ-классикомъ. Дальнѣйшія археологическія изслѣдованія на югѣ Россіи привели Н. И. къ необходимости углубиться въ изученіе и эпохъ доисторическихъ и эпохи славяно-русской. Въ концѣ концовъ Н. И. становится спеціалистомъ по русской археологіи, понимая это слово въ широкомъ его значеніи, никогда не прекращая, однако, своихъ спеціальныхъ занятій въ той области, съ которой онъ начиналъ свою ученую дѣятельность, т. е. въ востоковѣдѣніи.

Въ 1881 г. Н. И. былъ избранъ въ члены-сотрудники Русскаго Археологическаго Общества. Въ 1884 г. онъ сталъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока въ Петербургскомъ университетѣ. Къ началу 80-ыхъ годовъ Н. И. напечатанъ рядъ работъ, указывающихъ на его усердныя занятія Востокомъ: «Посольство въ Хиву И. М. Федотова» (16), «Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи гунновъ» (17), «Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю» (19), «Первое подданство туркменъ Россіи» (20), «Пріемъ въ Россіи и отпускъ средне-азіатскихъ пословъ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ» (21), «Одинъ фактъ изъ исторіи Герата» (22), некрологи востоковѣдовъ В. В. Григорьева (150; ср. 18), К. А. Скачкова (150) и П. И. Лерха (152)[1].

На VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ въ 1884 г. Н. И. сдѣлалъ три сообщенія, всѣ по вопросамъ востоковѣдѣнія (112—114).

Написанныя Н. И. въ началѣ 80-хъ годовъ рецензіи (99—102, 107) даютъ отчеты о трудахъ, относящихся также къ области востоковѣдѣнія.

Въ 1884 г. Археологическою Комиссіею Н. И былъ командированъ на годъ для производства археологическихъ изслѣдованій въ Туркестанѣ. Съ этого года начинается дѣятельность Н. И., какъ археолога. Онъ высту-

---

[1] Некрологъ П. И. Лерха составленъ Н. И. совмѣстно съ В. Г. Тизенгаузеномъ.

паетъ изслѣдователемъ въ области, въ которой, несомнѣнно, уже имѣлъ прекрасную подготовку,— въ области археологіи Средней Азіи. Въ Туркестанѣ Н. И. пробылъ съ 15 ноября 1884 года до ноября 1885 года. Задачей командировки Н. И. ставилось «общее изслѣдованіе Туркестана». Результаты работъ Н. И. изложилъ въ рядѣ докладовъ, статей и въ отчетѣ, представленномъ въ Археологическую Комиссію (26—28).

Н. И. производились въ Туркестанѣ развѣдки съ цѣлью общаго ознакомленія съ остатками древности, сохранившимися въ этомъ краѣ, и раскопки въ разныхъ мѣстахъ. Наиболѣе важныя раскопки были произведены на городищѣ Афросіаба, къ сѣверу отъ Самарханда, гдѣ работы велись въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Въ Афросіабѣ Н. И. обнаружилъ остатки культуръ древне-греческой, древне-персидской, китайской [1]. Весьма интересными являются до-мусульманскіе глиняные гробы съ рельефными изображеніями фигуръ людей и животныхъ [2]. Кромѣ Афросіаба, Н. И. разслѣдовалъ еще нѣкоторыя городища, изъ которыхъ городище Той-Тюбе Сыръ-Дарьинской области дало монеты XIII в. Н. И. описаны были, далѣе, старинныя укрѣпленія, разслѣдованы древнія могилы, и сдѣланъ рядъ покупокъ предметовъ древности [3]. Однимъ изъ важныхъ результатовъ работъ Н. И. въ Туркестанѣ является установленіе широкаго распространенія тамъ буддизма въ до-мусульманскій періодъ. Н. И. собрано большое количество и памятниковъ мусульманскихъ.

Въ 1886 г. Н. И. становится членомъ-корреспондентомъ Археологической Комиссіи. Со слѣдующаго года начинаются его археологическія работы на юго-востокѣ Европейской Россіи. Въ 1887 г. Н. И. разслѣдованы «острая могила» и еще девять кургановъ близъ Ногайска и Владиміровки въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ. [4] и городище близъ станицы Цымлянской Донской области [5].

Съ 1889 г. Н. И. производилъ раскопки ежегодно вплоть до самаго 1917 г., археологической кампаніи котораго суждено было быть послѣднею. Такимъ образомъ Н. И. было предпринято подъ рядъ 29 кампаній съ цѣлью производства раскопокъ, — фактъ почти безпримѣрный въ жизни ученыхъ изслѣдователей и свидѣтельствующій объ необыкновенной энергіи и настойчивости въ работѣ Н. И.

Въ 1889 г. Н. И. продолжалъ начатыя имъ въ 1887 г. раскопки у Ногайска Таврической губ. У с. Денисова, на землѣ В. П. Глѣбова имъ были разслѣдованы три кургана, извѣстные подъ названіемъ «Рясныхъ мо-

---

[1] ОАК, 1882—88, стр. LXXVIII сл. [2] Тамъ же, стр. LXIX. [3] Тамъ же, стр. LXXX. [4] Тамъ же, стр. CLXXXIII — VI. [5] Тамъ же, стр. CLXXVII.

гилъ»[1]. Далѣе, производились раскопки у селъ Преслава, Обиточнаго, Шульговки-Новониколаевки, обнаружившія рядъ интересныхъ памятниковъ эллинистической эпохи[2]. Въ томъ же году Н. И. начинаетъ работы около Симферополя, которыя велись имъ потомъ въ теченіе ряда лѣтъ. Изслѣдованія у Керменчика выдвигали вопросъ о мѣстоположеніи Неаполиса, упоминаемаго у Страбона. Открытые здѣсь остатки поселенія[3] должны быть отнесены, вѣроятно, къ II—III в. по Р. Х. Изъ предметовъ, обнаруженныхъ раскопками, интересна статуэтка всадника-варвара[4]. Работы близъ Ногайска и близъ Симферополя Н. И. продолжалъ и въ 1890 г. Въ Шульговкѣ въ 1890 г. были опять найдены эллинистическіе предметы[5]. Близъ Симферополя раскопки велись на землѣ А. А. Нестроева (по дорогѣ въ Сарабузъ), гдѣ были разслѣдованы три кургана и, между прочимъ, курганъ «Золотой»[6]. Изслѣдованные курганы относятся, видимо, къ древне-греческому времени. Тому же времени принадлежатъ, скорѣе всего, и два кургана, раскопанные Н. И. въ имѣніи М. Д. Талаевой[7]. Характеръ развѣдокъ представляли раскопки въ имѣніи С. И. Генкель, гдѣ былъ разрытъ одинъ курганъ[8], и въ имѣніи И. О. Гротена, на верховьи Салгира. Здѣсь былъ разслѣдованъ одинъ курганъ, и открыто небольшое укрѣпленіе[9]. Въ томъ же 1890 г. Н. И. произвелъ развѣдки въ Перекопскомъ уѣздѣ, раскопавъ одинъ курганъ въ имѣніи И. М. Сочеванова Когенлы[10], и въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, обслѣдовавъ пещеры такъ нязываемаго «Каменнаго кургана» близъ с. Терпѣнія, у рѣки Молочной. На потолкѣ пещеръ были открыты рѣзныя украшенія, въ видѣ зигзаговъ и пересѣкающихся линій[11].

Производя въ 1886—1890 гг. археологическія раскопки и составляя о нихъ отчеты, Н. И. въ то же время велъ интенсивныя занятія въ области своей основной спеціальности. За это время имъ напечатаны слѣдующіе труды: въ 1877 г. — «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ» (2), «Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго» (25), въ 1888 г. — «Рамазанъ въ Самаркандѣ и курбанъ-байрамъ въ Бухарѣ» (30), «Дагбидъ» (31). Въ 1890 г. вышелъ I-ый томъ большого труда Н. И. «Памятники дипломатическихъ сношеній Московской Руси съ Персіей». Два другихъ тома этого изданія вышли въ 1892 и 1898 г. (171).

Читавшійся Н. И. въ университетѣ курсъ лекцій по исторіи Востока

---

[1] ОАК, 1889, 16 сл. [2] Тамъ же, 17 сл. [3] ОАК, 1889, 20 сл. [4] Тамъ же, 26, рис. 11. [5] ОАК, 1890, 14, рис. 6—11. [6] ОАК, 1890, 5 сл., рис. 1—3. [7] Тамъ же, 4 сл. [8] Тамъ же, 10 сл. [9] Тамъ же, 11. [10] Тамъ же, 12. [11] Тамъ же, 4.

издавался нѣсколько разъ слушателями, начиная съ 1886—7 г. (8). Послѣднее изданіе 1910 г. (11) было пересмотрѣно В. В. Бартольдомъ.

Въ 1890 г. Н. И. былъ напечатанъ некрологъ К. П. Патканова (155), и, за 1886—1890 г., появился рядъ рецензій и замѣтокъ на разныя работы по востоковѣдѣнію (103—106, 108—119).

На VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ въ 1887 году Н. И. сдѣлалъ сообщеніе «О надгробномъ памятникѣ Тимура въ Самаркандѣ» (115; ср. печ. тр., 35). На VIII съѣздѣ въ Москвѣ въ 1890 г. Н. И. были сдѣланы два сообщенія: «Подробности смерти хана Шейбани» (116; печ. тр., 47) и «И. Д. Хохловъ» (117; печ. тр., 36).

Въ 1889 году Н. И. избранъ былъ въ дѣйствительные члены Русскаго Археологическаго Общества, въ дѣятельности котораго онъ принималъ затѣмъ все время самое горячее участіе. Въ томъ же году Н. И. избрала въ члены Таврическая Ученая Архивная Комиссія. Въ 1890 г. Н. И. былъ назначенъ и. д. ординарнаго профессора по каѳедрѣ исторіи Востока въ Петербургскомъ университетѣ.

Въ десятилѣтіе съ 1891 по 1900 г. Н. И. сосредоточилъ свое вниманіе на археологической дѣятельности, но продолжалъ и работы въ области востоковѣдѣнія. Н. И. ведетъ дальше начатыя изслѣдованія въ Таврической губ. и производитъ раскопки въ Бердянскомъ уѣздѣ[1], около Симферополя[2], гдѣ имъ были найдены, между прочимъ, интересные предметы классической и эллинистической эпохъ[3], среди коихъ выдается золотая обивка горита съ штампованными изображеніями орла и грифона III в. до Р. Х.[4], и въ Мелитопольскомъ уѣздѣ у с. Шульговки, гдѣ оказались также интересные эллинистическіе предметы III—II в.[5]. Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Н. И. въ теченіе четырехъ лѣтнихъ кампаній (1891—1894) работалъ надъ раскопкой большого кургана «Огузъ» у Нижнихъ Сѣрогозъ[6]. Въ 1891 году былъ разслѣдованъ курганъ, расположенный непосредственно на ю. отъ «Огуза»[7], а въ 1897 г. — «Дѣевъ» курганъ, расположенный также у Нижнихъ Сѣрогозъ[8]. «Огузъ» и «Дѣевъ» курганъ дали великолѣпные памятники эллинистической эпохи (II вѣка до Р. Х.)[9]. Одновременно съ веде-

---

[1] ОАК, 1892, 2 сл. [2] ОАК, 1891, 75 сл.; ОАК, 1892, 2 сл.; ОАК, 1895, 15. Въ курганахъ, раскопанныхъ въ 1895 г., обнаружены были каменныя орудія. [3] ОАК, 1891, 77; ОАК, 1892, 4 сл. [4] ОАК, 1892, 94, рис. 5. [5] ОАК, 1891, 69 сл. [6] ОАК, 1891, 72 сл.; ОАК, 1892, 2 сл.; ОАК, 1893, 7; ОАК, 1894, 9 сл., 77 сл. [7] ОАК, 1891, 73 [8] ОАК, 1897, 31 сл., 94 сл. Ср. Тр. XIV археологич. съѣзда въ Черниговѣ, 1909 г., III, протоколы, 102. [9] Въ 1893 г. Н. И. датировалъ древности «Огуза» по общепринятой хронологіи IV—III в. до Р. Х. Ср. ОАК, 1893, 10. Нынѣ о хронологіи ср. Б. В. Фармаковскій, ИАК, в. 58, стр. 132 сл., гдѣ см. и литературу.

ніемъ большихъ работъ по раскопкамъ перечисленныхъ кургановъ Н. И. велъ предварительное обслѣдованіе Крыма, сѣверныхъ частей Таврической губерніи и южной части Донской области, предпринимая по нимъ поѣздки и производя раскопки характера развѣдокъ.

Въ 1891 г. Н. И. раскопалъ курганъ у Верхняго Кульчука въ Евпаторійскомъ уѣздѣ[1], въ 1893 г. разслѣдованы каменные склепы въ Старомъ Крыму[2], въ томъ же году раскопаны курганы съ «каменными бабами» у с. Коиры и Горностаевки въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губ.[3] и въ 1900 г. курганы, содержавшіе окрашенные красной краской костяки, у Морского Чулека Донской области[4].

Съ 1894 г. начинаются систематическія изслѣдованія Н. И. въ Кубанской области. Необходимость тамъ производства раскопокъ была настоятельной въ виду того, что кубанскіе курганы въ 90-ыхъ годахъ усиленно раскапывались хищниками, добывавшими въ курганахъ древніе золотые предметы и сбывавшими большею частію ихъ на сплавъ. Нѣкоторые предметы, добытые хищническими раскопками, попадали въ руки торговцевъ. У нихъ иногда Н. И. удавалось пріобрѣтать предметы для Археологической Комиссіи[5].

Въ 1894—1900 гг. Н. И. произвелъ раскопки въ рядѣ мѣстъ съ цѣлью выясненія характера древностей, которыя скрывали нѣдра Кубанской области: въ г. Анапѣ[6], въ станицахъ Андрюковской[7], Бесленѣевской[8], въ с. Бѣломъ[9], въ станицахъ Бѣлорѣченской[10], Воздвиженской[11], Губской[12], Костромской[13], Крымской[14], въ Отдѣлѣ Лабинскомъ[15], въ г. Майкопѣ[16] и въ Майкопскомъ Отдѣлѣ[17], въ станицахъ Новолабинской[18], Псебайской[19], Тенгинской (на Зубовскомъ хуторѣ)[20], въ аулѣ Ульскомъ[21], Хатажукаевскомъ[22], станицахъ Царской[23], Чамлыцкой[24] и Ярославской[25].

Результаты всѣхъ этихъ раскопокъ оказались поразительными. Не только были установлены остатки наслоеній въ Кубанской области весьма разнообразныхъ культуръ различныхъ временъ, начиная съ II тысячелѣтія

---

[1] ОАК, 1891, 74. [2] ОАК, 1893, 7. [3] Тамъ же. [4] ОАК, 1900, 48 сл. [5] Ср. ОАК, 1895, 65 сл., ОАК, 1896, 124, 442; ОАК, 1897, 65, 160 сл. [6] ОАК, 1894, 12 сл., 82 сл.: 1895, стр. 135 сл.; 1897, 22 сл. [7] ОАК, 1896, 53 сл. [8] ОАК, 1895, 28 сл., 129 сл. [9] ОАК, 1898, 38 сл., 31, 1—10. [10] ОАК, 1896, 2 сл., 1897, 17. [11] ОАК, 1899, 44. [12] ОАК, 1897, 20 сл. [13] ОАК, 1895, 65; 1896, 59 сл.; 1897, 11 слл. [14] ОАК, 1895, 27, 129. [15] ОАК, 1898, 39, 171. [16] ОАК, 1897, 2 слл.; 1898, стр. 39. [17] ОАК, 1898, 29 слл.; 1900, 34. [18] ОАК, 1899, 42 сл. [19] ОАК, 1895, 29 сл., 134 сл. [20] ОАК, 1900, 38 сл. [21] ОАК, 1898, 30; 1899, 41. [22] ОАК, 1899, 47. [23] ОАК, 1898, 33; 1899, 42. [24] ОАК, 1898, 39. [25] ОАК, 1895, 129 сл.; 1898, 56 слл.

до Р. Х.[1] вплоть до XV вѣка по Р. Х.[2], но для каждой изъ обнаруженныхъ культуръ добыты такъ сказать классическіе образцы, часто совершенно исключительнаго археологическаго и художественнаго значенія и выдающейся матеріальной цѣнности. Выяснились съ поразительною наглядностью и обряды погребеній въ различныя эпохи, устройство могилъ, ихъ обстановка, самая исторія кургановъ, въ которыхъ нерѣдко оказывались погребенія, совершенныя въ разныя (иногда весьма отдаленныя другъ отъ друга) времена. По блеску и важности открытія на первомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, надо поставить Майкопскій курганъ, разслѣдованный Н. И. въ 1897 г.[3]. Въ курганѣ оказалось изумительное по богатству погребеніе съ «крашенымъ костякомъ», относящееся къ II тысячелѣтію до Р. Х. Художественные предметы, открытые въ Майкопскомъ курганѣ, должны быть отнесены къ кругу мало-азіатской культуры хеттовъ и, вѣроятнѣе всего, представляютъ образцы издѣлія древнѣйшаго населенія Урарту, вошедшаго впослѣдствіи въ составъ халдскаго населенія Вана[4]. Родственнаго типа съ майкопскими являются предметы, открытые Н. И. въ курганѣ д. Костромской[5].

«Крашеные» скорченые костяки обнаружены были въ 1897 г. въ «Межевыхъ курганахъ, на границѣ Костромской и Ярославской станицъ[6], въ 1899 г. въ трехъ курганахъ ст. Новолабинской[7], въ 1900 г. — на хуторѣ Кру въ Майкопскомъ отдѣлѣ[8]. Къ бронзовому вѣку относятся нѣкоторые курганы, раскопанные въ 1899 г. въ ст. Андрюковской[9], и курганы, разслѣдованные въ 1898 г. въ ст. Царской[10]. Только что названные курганы дали ясную картину погребальнаго устройства. Той же эпохѣ принадлежатъ нѣкоторые курганы, раскопанные Н. И. въ 1898 г. въ ст. Чамлыцкой[11], въ 1899 г. въ ст. Воздвиженской[12] и въ ст. Царской[13].

Курганы Кубанской области, разслѣдованные Н. И., обогатили науку, далѣе, великолѣпнымъ матеріаломъ, относящимся къ греческой архаической эпохѣ и представляющимъ произведенія искусства то центровъ жизни Іоніи, то аттическаго искусства. Рядомъ съ архаическими греческими предметами въ этихъ курганахъ оказывались и предметы чисто восточные (ванскіе и другіе) и, вѣроятно, мѣстныя издѣлія греческихъ колоній, на

---

[1] Такъ приходится датировать курганы съ крашеными костяками. Ср. Б. В. Фармаковскій, въ Матеріалахъ по археологіи по Россіи, № 34, 61 слл. О датѣ Майкопскаго кургана ср. теперь Tallgren, L'âge de cuivre dans la Russie centrale, Journal de la Société finlandaise d'archéologie, XXXII, 2, Helsingfors, 1920 отд. отт., 25. [2] Ср. ОАК, 1896, 2 сл. [3] ОАК, 1897, 2 сл. [4] Ср. мою работу «Архаическій періодъ въ Россіи», въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, № 34, 50 слл. [5] ОАК, 1897, 15 сл., 53 сл. [6] ОАК, 1897, 17. [7] ОАК, 1899, 42 слл. [8] ОАК, 1900, 34. [9] ОАК, 1896, 53. [10] ОАК. 1898, 33 сл. [11] ОАК, 1898, 39. [12] ОАК, 1899, 47. [13] ОАК, 1899, 42.

которыхъ скрещиваются формы греческой архаики, восточнаго искусства и мѣстнаго варварства. Матеріалъ, открытый Н. И., выдвигаетъ массу проблемъ, которыя ждутъ разработки со стороны спеціалистовъ, и обѣщаетъ по новому освѣтить исторію греческаго искусства въ архаическую эпоху. Архаической эпохѣ принадлежатъ нѣкоторыя погребенія, открытыя въ курганахъ Бесленѣевской въ 1895 г.[1], Губской въ 1897 г.[2], Костромской 1897 г.[3], Крымской въ 1895 г.[4], въ Ульскомъ аулѣ въ 1898 г.[5], въ ст. Царской въ 1898 г.[6].

Въ Анапѣ[7], въ станицѣ Бесленѣевской[8] и въ юртѣ аула Хатажукаевскаго[9] оказались, между прочимъ, греческіе предметы классической эпохи.

Рядъ кургановъ, разслѣдованныхъ Н. И., относнтся къ эллинистической эпохѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ находки 1895 г. въ ст. Бесленѣевской[10], 1900 г. въ Майкопскомъ отдѣлѣ[11], 1886 г. въ ст. Ярославской[12]. Далѣе, слѣдуютъ курганы конца эллинистической эпохи[13] и эпохи римской имперіи[14]. Эти «римскіе» курганы[15] дали матеріалъ исключительной важности для рѣшенія вопроса о происхожденіи такъ называемаго «варварскаго» искусства эпохи переселенія народовъ.

Выдающееся значеніе имѣетъ большая группа кургановъ Кубанской области, разслѣдованныхъ Н. И., которая найденными предметами, между прочимъ, золотоордынскими монетами и арабскими надписями, датируется главнымъ образомъ XIV—XV в.[16]. Нѣкоторые курганы этой группы, несомнѣнно, принадлежатъ болѣе отдаленнымъ временамъ вплоть до X в.[17]. Всѣ эти курганныя находки X—XV в. образуютъ ансамбль, единственный въ своемъ родѣ. Предъ нами любопытнѣйшая богатая восточная культура. Среди находокъ — масса предметовъ, весьма интересныхъ для исторіи мусульманскихъ цивилизацій.

Матеріалы, добытые Н. И., далеко еще не изучены и не оцѣнены. И вся классификація матеріала пока можетъ быть только приблизительной. Время нѣкоторыхъ кургановъ остается еще неяснымъ. Опредѣленія, которыя мною даны выше, по мѣрѣ болѣе углубленнаго изученія матеріала, конечно, должны будутъ нѣсколько измѣняться. Но одно остается безспор-

---

[1] ОАК, 1895, 129 сл. [2] ОАК, 22, рис. 78 — 82. [3] ОАК, 11, рис. 42 — 44; 15, рис. 50 — 52. [4] ОАК, 27, 41. [5] ОАК, 30. [6] ОАК, 36, 53 — 55. [7] ОАК, 1894, 14. [8] ОАК, 1895, 129 сл. [9] ОАК, 1899, 51. [10] ОАК, 28, 43; 49, 44—61; 129 сл. [11] ОАК, 34 сл. [12] ОАК, 58 сл., 281 сл. [13] ОАК, 1895, 28; 1896, 56 сл. [14] ОАК, 1895, 28; 1896, 34 сл.; 1899, 44; 47 сл.; 1900, 38 сл. [15] Ср. ниже, стр. 371, 375. [16] Курганы въ ст. Андрюковской 1896 г., въ Бѣломъ 1898 г., въ ст. Бѣлорѣченской 1896 г., Костромской 1896 г. въ Майкопскомъ отдѣлѣ 1900 г. [17] Курганы въ Анапѣ X—XI, XI—XII, XIII—XIV в. (Ср. ОАК, 1894, 12 сл.), въ ст. Губской и Семирѣченской XIII—XV в (ср. ОАК, 1897, 17, 20).

нымъ: это — колоссальная важность и цѣнность открытаго матеріала. Для археологическаго изслѣдованія Кубанской области раскопками Н. И. 1894—1900 гг. былъ положенъ мощный фундаментъ. Эти раскопки въ исторіи изслѣдованія края, несомнѣнно, составляютъ эпоху.

Неутомимая энергія изслѣдователя и важные результаты, которые все время давали работы Н. И., естественно создали для него видное положеніе въ русскомъ ученомъ мірѣ. Въ 1891 г. Н. И. былъ избранъ профессоромъ первобытной археологіи въ Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ. Въ качествѣ знатока южно-русскихъ древностей въ 1898 г. Н. И. пришлось выступить съ разъясненіями въ газетѣ «Новое Время» по поводу надѣлавшаго въ то время много шума пріобрѣтенія парижскимъ Лувромъ пресловутой золотой «тіары царя Сайтаферна», яко-бы найденной въ Ольвіи (46). Въ 1903 г. было установлено съ полною несомнѣнностью, что злополучная тіара сдѣлана была ювелиромъ Рахумовскимъ въ Одессѣ[1]. Н. И. принадлежитъ честь перваго разоблачителя настоящаго значенія тіары. Въ указанной статьѣ Н. И. рѣшительно заявилъ, что новое пріобрѣтеніе Лувра представляетъ современную фальсификацію.

Ученые труды, опубликованные Н. И. за періодъ 1891—1900 гг., и читанные нмъ въ это время доклады посвящены были, какъ и раньше, главнымъ образомъ вопросамъ востоковѣдѣнія. Въ другихъ работахъ Н. И. занимался вопросами, связанными съ его археологическими открытіями или съ его дѣятельностью въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ.

За 1891—1900 годы вышли слѣдующіе труды Н. И.: «Скиѳскій всадникъ. Поясная пряжка» (37), «Замѣтка о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи» (39), «Орхонскія открытія» (40), «Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ» (3), «Бадаулетъ-Якубъ-Бегъ» (50), «С. М. Георгіевскій» (154), рядъ біографическихъ очерковъ профессоровъ и преподавателей Петербургскаго университета (155—164), «А. Ѳ. Бычковъ» (165), «Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ» (45), «О каменныхъ бабахъ въ Таврической губерніи» (43), «Когда появились складные ножи» (48), «Дольменъ на древнемъ кладбищѣ въ верховьяхъ р. Кифара» (49). Въ 1900 г. вышелъ большой трудъ Н. И. «Исторія Русскаго Археологическаго Общества, 1846—1896» (5). Это сочиненіе Н. И. написалъ по порученію Общества по случаю празднованія Обществомъ его 50-лѣтняго юбилея. Н. И. все время писалъ и рецензіи, давая отчеты о книгахъ по изученію Востока (120—131). За указанное время Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ работахъ археологическихъ съѣздовъ. Въ

[1] См. S. Reinach, Revue archéol., 1903, II, 105.

1893 г. на IX съѣздѣ въ Вильнѣ Н. И. сообщилъ «о татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго» (118, печ. тр., 70). На XI съѣздѣ въ 1899 г. въ Кіевѣ Н. И. сдѣлалъ два сообщенія: «О послѣднемъ разореніи Самарканда» (119) и «Каменныя орудія въ курганахъ сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры» (120, печ.тр., 53). Одновременно со всѣми многочисленными и крайне разнообразными предпріятіями, о которыхъ была рѣчь, Н. И. велъ большія работы по подготовкѣ изданія древнихъ мечетей и другихъ памятниковъ Самарканда. Съ этою цѣлью Н. И. были организованы въ Самаркандъ двѣ экспедиціи, въ составъ которыхъ въ качествѣ сотрудниковъ входили художники и архитекторы С. М. Дудинъ, П. П. Покрышкинъ, А. П. Раевскій, А. В. Щусевъ въ 1895—6 г.[1] и Басинъ, Быстренинъ, Джанѣевъ, П. П. Покрышкинъ, А. П. Раевскій и фотографъ И. Ѳ. Чистяковъ въ 1898—99 г.[2]

Съ 1901 г. Н. И. представлялъ уже чрезычайно виднаго дѣятеля русской науки, пользовавшагося авторитетомъ и въ области востоковѣдѣнія, и въ области археологіи Россіи. Въ 1908 г. по смерти барона В. Р. Розена Н. И. былъ избранъ управляющимъ Восточнымъ Отдѣленіемъ Русскаго Археологическаго Общества. Въ 1909 г. Военно-Историческое общество избрало Н. И. предсѣдателемъ своего разряда археологіи и археографіи. Въ 1914 г. Н. И. удостоился избранія отъ Россійской Академіи Наукъ въ ея члены-корреспонденты по Историко-Филологическому Отдѣленію.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности Н. И. велъ раскопки въ тѣхъ районахъ, которые сосредоточивали его вниманіе уже съ самаго начала его археологическихъ изслѣдованій. Въ Кубанской области онъ работалъ изъ года въ годъ съ 1901 по 1917 г. включительно. Расширяя область наблюденій, Н. И. въ послѣдніе годы произвелъ развѣдки въ Ставропольской губерніи. Въ то же время Н. И. продолжалъ работы въ Донской области и въ Таврической губерніи. Въ общемъ Н. И., очевидно, стремился выяснить въ археологическомъ отношеніи юго-восточную часть Европейской Россіи, прилегающую къ Азовскому морю, и области, смежныя съ этою частью, т. е. ту территорію древней Скиѳіи, которая непосредственно соприкасалась съ владѣніями царей Боспора. Планъ изслѣдованія Н. И. былъ весьма удаченъ: изслѣдователю посчастливилось добыть матеріалъ, благодаря которому вся исторія Скиѳіи принимаетъ новый, болѣе отчетливый и реальный обликъ, причемъ вырисовываются различныя

---

[1] Ср. ОАК, 1895. 49.
[2] Ср. ОАК, 1899, 138.

культурныя теченія, смѣнявшія въ Скиѳіи одно другое или составлявшія здѣсь въ различные періоды совершенно своеобразную смѣсь разнородныхъ элементовъ. Н. И. не удалось самому подвести итоги своихъ изслѣдованій. Но добытый имъ богатый матеріалъ настолько полонъ и представляетъ настолько цѣнную картину, что продолжателямъ дѣла Н. И. не представитъ особенной трудности дать выводы изъ собранныхъ имъ научныхъ фактовъ. Теперь пока необходимо отмѣтить, что факты эти собирались не случайно, а по продуманной программѣ, которая могла быть составлена только знатокомъ дѣла, какимъ заставляетъ считать Н. И. оставленное имъ научное наслѣдіе.

Какъ ранѣе, такъ и въ 1901—1917 гг. раскопки въ Кубанской области Н. И. производилъ въ многихъ мѣстахъ, и точно такъ же древности, открытыя имъ при раскопкахъ, оказываются принадлежащими весьма различнымъ и по времени, и по культурѣ группамъ.

Большое количество разслѣдованныхъ кургановъ Кубанской области оказались содержащими погребенія съ костяками въ скорченномъ положеніи, окрашенными красной краской. Повидимому, это остатки древнѣйшей культуры, дошедшіе до насъ отъ первыхъ обитателей степей сѣвернаго Кавказа и Новороссіи. Н. И. разслѣдовалъ курганы съ крашеными костяками въ Армавирѣ[1], въ станицахъ Бѣлорѣченской[2], Гастагаевской[3], Джегутинской[4], Дондуковской[5], Елизаветинской[6], Казанской[7], въ юртѣ ст. Келермесской[8], въ ст. Кужорской[9], въ с. Праздничномъ[10], въ юртѣ ст. Тифлисской[11]. Къ бронзовому вѣку относятся курганы, большей частью съ крашеными костями, раскопанные въ ст. Гіагинской[12], въ западной части Кавказскаго отдѣла (къ сѣверу отъ р. Кубани)[13], въ Келермесѣ[14], въ станицахъ Кужорской (Шатохинъ курганъ)[15], Некрасовской[16], Петропавловской[17], Роговской[18]. Въ 1906 г. къ с. отъ Майкопа Н. И. былъ разслѣдованъ курганъ, который содержалъ древности, аналогичныя по стилю съ древностями, обнаруженными въ знаменитомъ Майкопскомъ курганѣ 1897 г.[19]. Въ 1909 г. въ Ульскомъ аулѣ Н. И. раскопалъ замѣчательный «Иванъ-курганъ», въ которомъ оказались погребенія съ предметами древности бронзоваго вѣка, обнаруживающими вліянія эгейской культуры, достигавшими Кубанской области, вѣроятнѣе всего, морскимъ путемъ[20].

---

[1] ОАК, 1902, 86 сл.; 1903, 65. [2] ОАК, 1907, 85. [3] ОАК, 1903, 79 слл. [4] ОАК, 1901, 86 слл. [5] ОАК, 1905, 71 сл. [6] Раскопки 1916 г. [7] ОАК, 1901, 66 слл. [8] ОАК, 1908, 117. [9] ОАК, 1905, 69. [10] ОАК, 1903, 76. [11] ОАК, 1902, 69. [12] ОАК, 1907, 90. [13] ОАК, 1911, 43 слл. [14] ОАК, 1904, 95 слл. [15] ОАК, 1908, 116 слл. [16] ОАК, 1908, 119. [17] ОАК, 1907, 88 слл. [18] ОАК, 1912, 50. [19] ОАК, 1906, 104. [20] ОАК, 1909—1910, 153 слл.

Раскопками 1906 г. въ станицѣ Калужской обнаружены были остатки любопытной, видимо доисторической стоянки [1]. Цѣлый рядъ разслѣдованныхъ Н. И. кургановъ Кубанской области далъ великолѣпныя находки, которыя по стилю являются издѣліями греческой (главнымъ образомъ іонійской) промышленности и среди которыхъ иногда попадаются одновременные восточные (малоазійскіе, частью, вѣроятно, ванскіе) предметы. Эпоха этихъ кургановъ падаетъ въ общемъ на VI вѣкъ до Р. Х. Курганы указанной группы обнаружены Н. И. въ Армавирѣ [2], въ станицѣ Воронежской [3], въ Келермесѣ [4], въ Майкопѣ [5], ст. Тифлисской [6], въ Ульскомъ аулѣ [7], въ станицѣ Усть-Лабинской [8]. Сравнительно немногіе курганы изъ разслѣдованныхъ Н. И. въ Кубанской области относятся къ классической эпохѣ греческаго искусства. Въ станицѣ Елизаветинской и въ Келермесѣ были обнаружены обломки красно-фигурныхъ вазъ развитого «прекраснаго» и «роскошнаго» стилей (V—IV в. до. Р. Х.) [9]. Изъ Елизаветинской станицы происходитъ великолѣпный бронзовый панцырь съ ликомъ горгоны [10]. Тамъ же найдены различные другіе предметы, которые должны быть отнесены къ V—IV в. до Р. Х. Особенно важна панаѳинейская амфора [11].

Къ тому же времени или немного болѣе позднему относится каменный склепъ, открытый Н. И. въ 1917 году въ Елизаветинской станицѣ.

Кургановъ эллинистической эпохи раскопки Н. И. дали также немного. Замѣчателенъ росписной склепъ, оказавшійся въ курганѣ юрты Апапской [12].

Вѣроятно, къ III вѣку до Р. Х. относятся нѣкоторые курганы, раскопавные Н. И. въ ст. Воронежской [13], Елизаветинской [14] и Марьевской [15], ко II вѣку до Р. Х. курганъ въ станицѣ Гіагинской [16].

Богатѣйшій и цѣннѣйшій матеріалъ собранъ Н. И. въ Кубанской области для римской эпохи [17]. Изъ курганныхъ погребеній, относящихся къ этой эпохѣ, происходятъ предметы, которые по стилю представляютъ аналогіи съ «новочеркасскимъ кладомъ», являясь его прямыми предшественниками, и которые даютъ ключъ къ пониманію эволюціи своеобразнаго «вар-

[1] ОАК, 1906, 94. [2] ОАК, 1903, 61 слл., [3] ОАК, 1903, 71 сл.; 73, рис. 139—153. [4] ОАК, 1904, 87 слл., 91 сл., 94, 130 сл. [5] ОАК, 1906, 104. [6] ОАК, 1908, 119. [7] ОАК, 1908, 118; 1909, 149 слл., 156. [8] ОАК, 1903, 67. [9] ОАК, 1913—1915, 148 слл. [10] ОАК, 1913—1915, 153 сл.; Ср. Изв. Арх. Ком., вып. 65, 1 слл., табл. 1. [11] ОАК, 1913—1915, 155 сл. Панаѳинейская амфора (ОАК, 1913—1915, 152, 234) издается нынѣ А. И. Піотровскимъ въ Извѣстіяхъ Академіи Исторіи Матеріальной Культуры, т. II. [12] ОАК, 1908, 119 сл.; ср. М. И. Ростовцевъ, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, 83 сл. [13] ОАК, 1903, 71. [14] ОАК, 1912, 58, 84. [15] Тамъ же, 51 сл. Ср. Б. А. Тураевъ, Фигурка Имхотепа, найденная въ Кубанской области, въ Изв. Арх. Ком., вып. 49, 128 сл. [16] ОАК, 1906, 105. [17] Ср. работу Н. И. «Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ» (57).

варскаго» стиля эпохи переселенія народовъ и ранняго средневѣковья. Курганы съ погребеніями римской эпохи, разслѣдованные Н. И. въ Кубанской области, находятся въ Анапѣ[1], Армавирѣ[2], въ станицахъ Афипской[3], Гастагаевской[4], Казанской[5], въ ст. Кубанской[6], Абадзехской[7], Некрасовской[8], Ладожской[9], въ Майкопѣ[10], въ ст. Сѣверской[11], Урупской[12], Усть-Лабинской[13] и Тифлисской[14].

Въ 1901—1914 гг. Н. И. раскапывалъ въ Кубанской области и курганы XIV—XV вѣковъ, погребенія коихъ дали интересныя восточныя вещи: въ ст. Усть-Лабинской[15], Бѣлорѣченской[16], Дондуковской[17], Казанской[18], Кужорской[19], Некрасовской[20], въ Праздничномъ[21], въ ст. Тифлисской[22] и Ханской[23].

Къ позднимъ временамъ относятся курганы, раскопанные Н. И. въ юртѣ ст. Ладожской[24], близъ ст. Апшеронской[25], въ станицѣ Гурійской[26], впускное погребеніе у с. Вольнаго, близъ г. Армавира[27].

Въ Ставропольской губерніи Н. И. произвелъ раскопки въ 1910 г.[28]. Имъ констатированы были тамъ курганы бронзоваго вѣка съ крашеными костяками и курганы поздняго времени.

Въ Донской области вниманіе Н. И. было обращено на древній Танаисъ. Въ 1908 и 1909 гг. Н. И. производилъ раскопки въ Недвиговкѣ, гдѣ, кромѣ предметовъ римскаго времени[29], имъ найдена была аттическая краснофигурная ваза «роскошнаго стиля», относящаяся къ семидесятымъ годамъ IV вѣка до Р. Х.[30]

На 1913—1916 гг. падаютъ послѣднія работы Н. И. по раскопкамъ кургановъ въ Таврической губ. Работы эти увѣнчались удивительными успѣхами и дали находки, которыя отнынѣ составятъ славу и изслѣдователя и музея Эрмитажа, куда находки поступили на храненіе. Все это — настоящіе шедевры греческой классической и эллинистической художественной промышленности, — одни изъ лучшихъ ея произведеній, которыя вообще дошли до насъ отъ древности. Первенствующее мѣсто среди нихъ

---

[1] ОАК, 1903, 77 слл. [2] ОАК, 1902, 85 сл.; 1903, 61 слл. [3] ОАК, 1906, 95. [4] ОАК, 1903, 79 сл. [5] ОАК, 1901, 71 слл. [6] ОАК, 1902, 90. [7] ОАК, 1905, 70 сл. [8] ОАК, 1905, 73 сл. 1906, 92, 118. [9] ОАК, 1902, 74. [10] ОАК, 1906, 104. [11] ОАК, 1907, 90. [12] ОАК, 1903, 66. [13] ОАК, 1902, 78, 163—168; 80, 169—176. 83, 184; 1903, 67, 121. [14] ОАК, 1901, 85; 1902, 65 слл., 135—136; 72. [15] ОАК, 1903, 67. [16] ОАК, 1906, 97 слл., 123—138; 1907, 87, 89. [17] ОАК, 1905, 71 слл. [18] ОАК, 1901, 68 слл. [19] ОАК, 1905, 69 сл. [20] ОАК, 1906, 92. [21] ОАК, 1903, 75 слл. [22] ОАК, 1901, 81 слл. [23] ОАК. 1906, 97. [24] ОАК, 1902, 74 слл. [25] ОАК, 1913—1915, 158. [26] Тамъ же, 159. [27] Тамъ же, 157 сл. [28] ОАК, 1909—1910, 158, 230. [29] ОАК, 1908, 125 слл., 175—184; 1909, 139. [30] Изв. Арх. Ком., вып. 65, 24, рис. 2. Для стиля ср. С. С. Лукьяновъ и Ю. П. Гриневичъ, Керченская кальпида 1906 г., МАР, № 35, стр. 138, группа I.

принадлежитъ безусловно древностямъ кургана «Солохи», расположенной близъ с. Большой Знаменки Мелитопольскаго уѣзда[1]. Раскопки «Солохи» были апогеемъ дѣятельности Н. И. и ея лебединою пѣснью. Изслѣдованіе кургана велось въ 1912 и 1913 г.[2] Центральная могила «Солохи» должна быть отнесена еще къ второй половинѣ V до Р. X.[3] Боковое погребеніе съ знаменитымъ золотымъ гребнемъ и другими находками не позже первой трети IV вѣка до Р. X.[4]

Къ эллинистической эпохѣ относятся курганы, раскопанные Н. И. въ Мелитопольскомъ уѣздѣ близъ хутора Сергѣевскаго и у М. Лепатихи[5], у Б. Знаменки («Лемешовы могилы»)[6], въ Днѣпровкѣ (Подольскомъ)[7]. II вѣку до Р. X. принадлежатъ древности «Чмырева» кургана[8] и «Орла»[9], кургана у Верхняго Рогачика[10].

Встрѣтились въ Таврической губ. и курганы со скорченными крашеными костяками: курганъ близъ хутора Сергѣевскаго и М. Лепатихи[11], курганъ «Широкій» въ окрестностяхъ с. М. Лепатихи[12], «Большой» курганъ тамъ же[13].

Большая часть ученыхъ трудовъ Н. И. за 1901—1918 гг. была посвящена по прежнему вопросамъ востоковѣдѣнія, археологіи и исторіи юга Россіи.

Какъ и раньше, Н. И. привлекалъ особенно турецко-монгольскій культурный міръ, и интересовали его отношенія къ Россіи. Рядъ трудовъ Н. И. касается вопросовъ русско-татарскихъ отношеній, религіи и культуры татаръ, топографіи особенно важныхъ мѣстностей, путешествій, посольствъ. Не мало труда потрачено Н. И. на исправленіе погрѣшностей въ изданіяхъ восточныхъ текстовъ, на изобличеніе ошибокъ въ нѣкоторыхъ русскихъ публикаціяхъ, касающихся Востока.

---

[1] Ср. о «Солохѣ» S. Polovtsoff, Revue archéol., 1904, I, 164 слл. С. А. Половцова, «Гермесъ», 1914, № 6—8.

[2] ОАК, 1912, 40 слл.; 1913 — 1915, 101 слл.

[3] Ср. мои замѣчанія въ Archäol. Anzeiger, 1914.

[4] Композиція на гребнѣ по стилю наиболѣе близка къ рельефамъ храма Аѳины-Ники въ Аѳинахъ (430 — 420 гг.). Гребень, какъ и нѣкоторые другіе предметы этого погребенія, могъ быть сдѣланъ еще въ самомъ концѣ V в. до Р. X.

[5] ОАК, 1913—1915, 136 сл. Раскопки 1916 г.

[6] ОАК, 1911, 33 сл., 61 — 62.

[7] ОАК, 1909 — 1910, 136.

[8] ОАК, 1909 — 1910, 127 сл. Ср. Саханевъ, въ Изв. Арх. Ком., 45, 111 слл.; К. В. Треверъ, въ Матеріалахъ по археол. Россіи, № 36, 34 сл.

[9] ОАК, 1909 — 1910, 136, 204 — 206.

[10] ОАК, 1913 — 1915, 132 сл.

[11] ОАК, 1913 — 1915, 136.

[12] Раскопки 1916 г.

[13] Раскопки 1916 г.

Въ 1906 г. Н. И. опубликовалъ работу «Нѣсколько поясненій касательно ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству» (63), въ 1912 г. — «Пережитки нѣкоторыхъ татарскихъ обычаевъ у русскихъ» (79). Въ 1916 г. были опубликованы труды: «О религіи татаръ по русскимъ лѣтописямъ» (93) и «Замѣтки по исторіи золотой орды» (92), въ 1916 г. — «О турецко-татарскомъ словѣ „тышъ"» (90), въ 1913 г. «Благословительная халифская грамота 1779 г.» (83), въ 1910 г.—«Минъятъ» (71).

Двѣ работы были посвящены Н. И. вопросу о Гюлистанѣ: «О мѣстоположеніи Гюлистана присарайскаго» 1907 г. (6) и «Загадочный Гюлистанъ Золотой Орды» 1912 г. (78).

Въ 1912 г. вышла работа Н. И. о посольствѣ въ Крымъ Пазухина въ 1679 г. (80). Изъ работъ, въ которыхъ Н. И. останавливался на ошибкахъ русскихъ изслѣдователей въ пониманіи источниковъ, надо указать на «Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами» 1910 г. (72). Къ этой работѣ Н. И. были изданы еще два дополненія, изъ которыхъ первое появилось въ 1910 году (72), второе въ 1911 г. (73). Рядъ ошибокъ въ пониманіи источниковъ Н. И. указалъ въ рецензіи (въ 1916 г.) на книгу М. Д. Приселкова: «Ханскіе ярлыки» (148).

Весьма курьезную ошибку разоблачилъ Н. И. въ 1910 г. въ статьѣ, озаглавленной «Развѣнчанный перстень» (66): издатели этого перстня усматривали на немъ восточную надпись и дали комментарій къ ней, между тѣмъ, какъ правильно указываетъ Н. И., на перстнѣ выгравирована отчетливо читающаяся русская надпись.

Въ 1904 г. Н. И. издалъ труды выдающагося киргизскаго дѣятеля Ч. Ч. Валиханова (174).

Издавна привлекавшимъ вниманіе Н. И. древностямъ Средней Азіи онъ посвятилъ въ 1902—1918 гг. рядъ трудовъ: въ 1904 г. вышла работа «Самарія, сочиненіе Абу-Тахиръ-Ходжи» (персидское археологическо-географическое описаніе города Самарканда) (173), въ 1905 г. — «Мечети Самарканда. Альбомъ архитектурныхъ рисунковъ и чертежей. Вып. I. Мечеть Гуръ-Эмиръ» (176)[1], въ 1910 г. «Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г.» (7) и «Перстень-печать Миранъ-шаха, сына Тамерлана» (69), въ 1907 и въ 1917 г. вышли работы Н. И. о туркестанскихъ оссуаріяхъ

[1] Объ этомъ роскошномъ изданіи Н. И. сдѣлалъ сообщеніе на XIII археологическомъ съѣздѣ въ Екатеринославѣ въ 1905 г. (123). Ср. Труды XIII археол. съѣзда, II, 1908, Протоколы, 229 сл.

(60 и 95). Въ 1906 г. Н. И. была организована новая экспедиція въ Туркестанъ для снятія плановъ и зарисовки въ краскахъ мечетей (59).

Въ 1914 г. Н. И. издалъ дополненіе къ статьѣ А. И. Иванова: «Походы монголовъ на Россію» (86). Въ 1917 г. вышла работа «Мнимая должность букаульнаго тамговщика въ имперіи Чингизъ-хана» (94).

Дальневосточному культурному міру посвящены три работы Н. И.: «Комментарій архимандрита Палладія Каѳарова па путешествіе Марко Поло по сѣверному Китаю» (54) 1902 г., «Поѣздка Н. И. Любимова въ Кульджу и Чугучакъ въ 1845 г.» (61) 1908 г. и «Китайскіе символы въ предметахъ украшенія» 1911 г. (77). Въ связи съ занятіями Дальнимъ Востокомъ Н. И. интересовался исторіей русской миссіи въ Пекинѣ. Въ 1905 году вышелъ I выпускъ его работы «Матеріалы для исторіи россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» (175).

Выдающееся значеніе представляетъ рядъ работъ Н. И. относительно такъ называемыхъ «каменныхъ бабъ». По мнѣнію Н. И. эти любопытныя изваянія относятся къ VII—XIII вѣкамъ и представляютъ издѣлія турецко-монгольскихъ кочевниковъ. Въ 1902 г. Н. И. сдѣлалъ сообщеніе «Новый типъ каменныхъ бабъ» на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ» (122). Въ 1905 г. вышла работа подъ заглавіемъ: «Мнимыя каменныя бабы» (58); въ ней Н. И. занимается изваяніями, которыя нѣкоторые изслѣдователи неправильно относили къ категоріи «каменныхъ бабъ». Въ 1911 г. вышло изслѣдованіе Н. И. «Статуи воиновъ изъ категоріи каменныхъ бабъ» (75), а въ 1915 г.—«Современное состояніе вопроса о каменныхъ бабахъ или балбалахъ» (89). Къ сожалѣнію капитальное изслѣдованіе Н. И. о балбалахъ, въ которомъ былъ собранъ колоссальный матеріалъ и которое представляло плодъ его многолѣтнихъ изысканій, не могло появиться въ свѣтъ изъ-за печальной случайности: этотъ трудъ оказался похищеннымъ у Н. И. вмѣстѣ съ багажемъ на какой то желѣзнодорожной станціи во время одного изъ его послѣднихъ путешествій на Кавказъ. По классической археологіи Н. И. опубликовалъ за послѣдніе годы дѣятельности слѣдующіе труды, которые всѣ стоятъ въ связи съ находками, сдѣланными Н. И. при его раскопкахъ: «Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ» 1905 г. (57), «Танаисъ-младшій» 1909 г. (62), «Чмыревъ курганъ» 1910 г. (68), «Колчанъ скиѳскаго царя изъ кургана Солохи» (82), «Золотой гребень скиѳскаго царя изъ Солохи» (82) 1913 г., «Къ вопросу о техникѣ золотыхъ рельефныхъ украшеній въ греческомъ искусствѣ» 1913 г. (81), гдѣ Н. И. доказываетъ, что рельефныя украшенія выбивались по деревянной основѣ, которая оставалась внутри предмета, «Серебро скиѳскаго царя изъ кургана

Солохи» (85), «О горитахъ съ ремнями» (84) 1914 г. и «Бронзовый панцырный нагрудникъ съ изображеніемъ Медузы» (97) 1918 г.

Интересенъ изданный въ 1909 г. этюдъ Н. И. «Свистящія стрѣлы» (64; ср. 74); въ немъ проводится мысль, что дырочки, наблюдающіяся на мѣдныхъ наконечникахъ стрѣлъ, дѣлались съ тою цѣлью, чтобы стрѣла при полетѣ издавала свистъ и тѣмъ наводила страхъ на противника.

Производя долгіе годы работы на сѣверномъ Кавказѣ, Н. И. занялся историческими судьбами сѣверо-восточнаго Черноморья и Приазовья. Какъ предсѣдатель разряда военной археологіи Военно-Историческаго Общества, Н. И. обратилъ вниманіе на военную исторію этого края и заинтересовался исторіей кубанскихъ казаковъ. Въ 1914 г. Н. И. опубликовалъ «Военно-историческій очеркъ г. Анапы» (87), — города, гдѣ Н. И. проводилъ каждый годъ часть лѣта и гдѣ имѣлъ свой домъ.

На интересы Н. И. въ области исторіи кубанскихъ казаковъ указываетъ рядъ его замѣтокъ и рецензія, появившіяся за 1908–1914 г. (137–142, 146).

Въ связи съ изученіемъ древностей Пріазовья, очевидно, стоитъ статья Н. И. «Къ исторіи такъ называемаго Тмутараканскаго камня» (96), вышедшая въ 1916 г.

Въ 1901 и 1903 г. Н. И. издалъ читавшіеся имъ въ Археологическомъ Институтѣ курсы лекцій по первобытной археологіи (9 и 10).

Въ 1910 г. вышло изслѣдованіе Н. И. «Объ алебастровыхъ и глиняныхъ статуэткахъ до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ» (65). Въ томъ же году Н. И. напечаталъ дополненіе къ указанному изслѣдованію по поводу возраженій В. А. Городцова (67).

На XIII археологическомъ съѣздѣ Н. И. прочелъ докладъ о римскихъ курганахъ Кубанской области (121, печ. тр., 57), XIV съѣзду Н. И. представилъ «Записку по вопросу о пріемахъ при производствѣ раскопокъ» (124, печ. тр. 76).

Рядъ работъ Н. И. касается исторіи археологической науки въ Россіи и особенно востоковѣдѣнія. Въ 1915 г. Н. И. напечаталъ статью «О пріобрѣтеніи для И. Эрмитажа нумизматической коллекціи А. И. Стемпковскаго» (91). Въ 1902 г. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія имъ помѣщена замѣтка по поводу тридцатилѣтняго юбилея барона В. Р. Розена (166).

Въ 1904 г. Н. И. издалъ некрологъ В. В. Вельяминова-Зернова (167), въ 1908 г. барона В. Р. Розена (168), въ 1917 г. — В. И. Ламанскаго (169).

Нельзя не упомянуть о статьяхъ Н. И. по вопросамъ востоковѣдѣнія и археологіи въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, гдѣ онъ

былъ постояннымъ сотрудникомъ (ср. 41, 55), и о разныхъ мелкихъ замѣткахъ, касающихся то случайныхъ находокъ предметовъ древности, то разнаго рода памятниковъ старины (ср. 33, 34, 38, 56). И въ послѣдніе годы своей дѣятельности Н. И. не переставалъ давать рецензіи и замѣтки на появившіеся новые труды къ изученію Востока (134—136, 143, 145, 147, 148).

Н. И. много времени и силъ посвящалъ работѣ въ различныхъ ученыхъ обществахъ. Ни передъ однимъ обществомъ или учрежденіемъ, съ коимъ Н. И. былъ такъ или иначе связанъ, онъ не остался въ долгу. Онъ считалъ себя обязаннымъ представлять ученые труды или сообщенія въ каждое общество, которое избирало его своимъ членомъ. Въ Русскомъ Географическомъ обществѣ Н. И., работая по отдѣлу этнографіи, напечаталъ рядъ работъ (25, 54, 63, 106, 115, 127, 135). Онъ редактировалъ записки Общества по этому отдѣлу (170) и нѣкоторыя отдѣльныя изданія (172, 174), разрабатывалъ планы работъ отдѣла, представлялъ въ отдѣлъ сообщенія, давалъ отзывы о трудахъ, касающихся спеціальности отдѣла (115, 122, 127, 135, сообщенія 87—96). Въ связи съ работами въ Географическомъ обществѣ Н. И. составленъ былъ очеркъ дѣятельности В. И. Ламанскаго (169). Въ Русскомъ комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи рядъ сообщеній сдѣланъ былъ Н. И. (100—103) и напечатана одна статья (59). Завѣдуя короткое время (1908—1918) разрядомъ военной археологіи и археографіи въ Военно-Историческомъ Обществѣ, Н. И. выпустилъ подъ своей редакціей томъ «Записокъ» разряда (177), напечаталъ въ этихъ «Запискахъ» очеркъ военной исторіи г. Анапы (87), рядъ замѣтокъ по военной исторіи (86, 88) и нѣсколько рецензій на работы, относящіяся къ области военной исторіи (137 — 142, 144, 146). И въ Военно-Историческомъ обществѣ Н. И. выступалъ нерѣдко съ докладами по спеціальнымъ вопросамъ, входящимъ въ сферу интересовъ общества (101—110).

Двѣ работы напечатаны Н. И. въ органѣ Петербургскаго Археологическаго института (58, 96), четыре въ Извѣстіяхъ Таврической Архивной комиссіи (37, 75, 83, 91), двѣ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей (80, 89), одна въ Трудахъ Московскаго Археологическаго общества (43), одна въ органѣ Академіи Наукъ (92).

Сообщенія были сдѣланы Н. И. въ собраніяхъ Археологическаго института въ Петербургѣ (97—99) и въ Московскомъ Археологическомъ обществѣ (111). Публичныхъ лекцій, за однимъ исключеніемъ (125), Н. И. не читалъ, очевидно, не чувствуя себя способнымъ къ популяризаціи знанія этимъ способомъ.

Нужно остановиться нѣсколько больше на дѣятельности Н. И. въ

Русскомъ Археологическомъ обществѣ, гдѣ она была особенно интенсивна и характерна для Н. И. Въ исторіи Общества имя Н. И., безъ всякаго сомнѣнія, займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Н. И. буквально жилъ интересами Общества, такъ они ему были всегда близки и дороги. Н. И. умѣлъ удивительно отстаивать интересы Общества вездѣ, гдѣ это требовалось. Безъ преувеличенія можно сказать, что Н. И. былъ однимъ изъ столповъ Археологическаго Общества: ему удавалось объединять въ Обществѣ въ общей научной работѣ дѣятелей различныхъ спеціальностей, возрастовъ, направленій и характеровъ.

Всѣ свои научныя работы Н. И. всегда отдавалъ на сужденіе Общества, читалъ многочисленные доклады и въ общихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ отдѣленій. Онъ ожидалъ со стороны сочленовъ при обмѣнѣ мнѣній критики, поученія. Съ своей стороны Н. И. всегда дѣлился своими знаніями и опытомъ, въ преніяхъ по поводу прочитанныхъ докладовъ нерѣдко сообщалъ весьма цѣнныя свѣдѣнія и наблюденія. Н. И. всячески поддерживалъ серьезныя научныя предпріятія сочленовъ, протестуя только противъ предпріятій, которыя ему казались мало обоснованными и противъ фантастическихъ гипотезъ, «отъ которыхъ наука ничего не выигрываетъ».

Съ 9 января 1881 г. Н. И. состоялъ членомъ-корресподентомъ Общества, а 15 марта 1881 г. былъ выбранъ дѣйствительнымъ членомъ. Съ 20 марта 1908 г. Н. И. состоялъ управляющимъ Восточнымъ Отдѣленіемъ Общества.

Въ общихъ собраніяхъ Н. И. были прочитаны 18 докладовъ (1—18); 49 докладовъ было прочитано Н. И. въ Восточномъ Отдѣленіи Общества (35—83). Въ Отдѣленіе русскихъ и славянскихъ древностей Н. И. представилъ 16 докладовъ и мелкихъ сообщеній (19—34). Одно сообщеніе было сдѣлано Н. И. въ Отдѣленіи древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ (84) и два въ Нумизматическомъ (85—86).

Н. И. усердно поддерживалъ Русское Археологическое Общество помѣщеніемъ на страницахъ его изданій своихъ ученыхъ трудовъ.

Въ 1887 г. Общество напечатало работу Н. И. «В. В. Григорьевъ, по его письмамъ и трудамъ» (2). Въ 1900 г. вышла въ свѣтъ написанная Н. И. по предложенію Общества къ его пятидесятилѣтнему юбилею «Исторія И. Русскаго Археологическаго Общества, 1846 — 1896», большой, чрезвычайно свѣжій трудъ, содержащій массу цѣннѣйшихъ указаній для исторіи русской археологической науки (5). Въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Общества помѣщена одна работа Н. И. (22), въ Запискахъ Общества — шесть (26, 33, 34, 38, 49), въ Запискахъ Восточ-

наго Отдѣленія — тринадцать (23, 24, 27, 28, 31, 32, 39, 40, 50, 51, 52, 60, 78, 94).

Кромѣ оригинальныхъ статей научнаго характера, Н. И. напечаталъ въ изданіяхъ Общества, главнымъ образомъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія, много рецензій, отзывовъ объ ученыхъ трудахъ и библіографическихъ замѣтокъ (104, 108 — 111, 114, 116 — 118, 120, 121, 124, 125, 129, 131 — 134, 136, 143, 147).

За время управленія Н. И. Восточнымъ Отдѣленіемъ вышли томы XVIII — XXIV, 1908 — 1916, Записокъ Отдѣленія.

Н. И. много работалъ въ комиссіяхъ Общества, какъ по чисто научнымъ вопросамъ, такъ и по вопросамъ организаціи археологическаго дѣла въ Россіи и по упорядоченію жизни самого Общества. Въ 1882 г. Н. И. работалъ въ комиссіи по составленію текста къ атласу экспедиціи 1860 — 61 гг. Б. А. Дорна на Кавказъ, въ Мазендеранъ и Гилянъ [1], въ 1914 г. — въ комиссіи при Восточномъ Отдѣленіи по изданію китайской лѣтописи Юань-чао-ми-ши. Очень часто Н. И. избирали въ комиссіи по присужденію медалей Общества [2], въ которыя Н. И. былъ представленъ рядъ отзывовъ о сочиненіяхъ, удостоивавшихся почетныхъ наградъ отъ Общества [3]. Работалъ Н. И. и въ комиссіяхъ по присужденію медалей Общества имени гр. А. С. Уварова [4].

Въ 1904 г. Н. И. предсѣдательствовалъ въ комиссіи, образованной для обсужденія архивнаго дѣла въ Россіи, въ 1889 г. работалъ въ ревизіонной комиссіи Общества, въ 1896 г. предсѣдательствовалъ въ комиссіи по выработкѣ юбилейной медали Общества, въ 1896 — 1897 гг. — въ комиссіи по урегулированію поступленія членскихъ взносовъ [5], въ 1907 г. работалъ въ комиссіи по разбору старыхъ заготовленныхъ таблицъ и клише для изданій Общества.

Н. И. всегда проявлялъ чрезвычайную аккуратность въ посѣщеніи собраній Общества. Въ качествѣ старѣйшаго Н. И. въ послѣдніе годы часто долженъ былъ предсѣдательствовать въ общихъ собраніяхъ и въ совѣтѣ

---

[1] Ср. Исторію Общества, 124 сл.

[2] Н. И. былъ членомъ медальныхъ комиссій 1886, 1889, 1893, 1894, 1898, 1900—1902, 1913, 1914 и 1917 годовъ.

[3] Въ 1886 г.—отзывъ о трудахъ В. Г. Тизенгаузена (109), въ 1902 г. отзывъ о сочиненіи гр. А. А. Бобринскаго «Смѣла» (132), въ 1913 г. — отзывъ объ «Исторіи изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи» В. В. Бартольда (147), въ 1917 г. — отзывъ о работѣ А. В. Адріанова «Къ археологіи Западнаго Алтая» (149).

[4] Членомъ уваровскихъ комиссій Н. И. былъ въ 1897, 1899, 1904 и въ 1906 годахъ. Въ комиссію 1904 г. Н. И. представилъ отзывъ о сочиненіи гр. П. С. Уваровой «Могильники сѣвернаго Кавказа» (133).

[5] Исторія И. Р. А. Общества, 376; Протоколы Общихъ собраній 1897, 7.

Общества. Пропускать собранія онъ считалъ для себя недопустимымъ, разсматривая пропуски какъ нарушеніе долга, если предполагалъ, что изъ-за его отсутствія могутъ пострадать интересы Общества. Незадолго до смерти (7 января 1918 г.) Н. И., уже совсѣмъ больной, прибылъ въ общее собраніе Общества пѣшкомъ (изъ-за отсутствія всякихъ средствъ сообщенія), сдѣлавъ огромный конецъ отъ своей квартиры (Забалканскій, 49) до помѣщенія Общества (Литейный, 44). Въ общихъ собраніяхъ Н. И. нерѣдко выступалъ съ заявленіями принципіальнаго характера: о задачахъ дѣятельности Общества, о необходимости особеннаго вниманія къ древностямъ Россіи, о желательности производства Обществомъ раскопокъ[1], снаряженіи экспедицій (51). Радѣя объ интересахъ Русскаго Археологическаго Общества, Н. И. горячо всегда и вездѣ отстаивалъ русскіе интересы въ наукѣ. Изданія Общества были всегда предметомъ заботы Н. И.: онъ стремился къ тому, чтобы въ Обществѣ былъ живой печатный органъ[2].

Н. И. старался привлекать къ работамъ Общества и лицъ со стороны; для поощренія ихъ Н. И. выхлопатывалъ для нихъ почетныя награды[3].

Н. И. былъ противникомъ излишняго формализма, который иногда грозилъ разстройствомъ жизни Общества. Н. И. сочувствовалъ и, какъ могъ, всегда содѣйствовалъ серіознымъ научнымъ предпріятіямъ Общества. Онъ возражалъ лишь противъ такихъ начинаній, которыя могли повредить ученому престижу Общества.

Н. И. много работалъ въ совѣтѣ Общества сначала въ качествѣ представителя отъ Восточнаго[4] и отъ Русскаго[5] отдѣленій, а съ 1908 г. въ качествѣ управляющаго Восточнымъ Отдѣленіемъ. Какъ членъ совѣта, Н. И. проявлялъ также большую дѣятельность. Онъ стоялъ всегда на стражѣ порядка и строгой законности[6]. Изъ мѣропріятій, выдвигавшихся Н. И. въ совѣтѣ, надо указать на то, что имъ были предложены особыя мѣры къ охранѣ имущества Общества[7], къ увеличенію его матеріальныхъ средствъ[8], къ установленію обмѣна изданій Общества на изданія другихъ обществъ и учрежденій. Н. И. стремился, чтобы въ Обществѣ тщательно собиралось все, что касается его исторіи. Онъ разыскивалъ, часто тратя

---

[1] Ср. Протоколы Общихъ Собраній И. Р. А. Общества 1899—1908, 8 сл.

[2] Ср. Исторію И. Р. А. Общества, 301.

[3] Ср. Записки И. Р. А. Общества, III, XLIV.

[4] Въ 1892 — 1894.

[5] Въ 1898 — 1900, 1903 — 1905.

[6] Протоколы Общихъ Собраній И. Р. А. Общества 1899 — 1908, 62.

[7] См. Протоколы Общихъ Собраній 1899 — 1908, 3 сл.

[8] Еще въ 1918 г. Н. И. выхлопоталъ льготныя условія для печатанія Зап. Вост. Отд. въ типографіи Академіи Наукъ.

на то массу времени и хлопотъ, для коллекцій Общества портреты его членовъ-основателей и дѣятелей[1]. Какъ управляющій Восточнымъ Отдѣленіемъ, Н. И. живѣйшимъ образомъ заботился объ его процвѣтаніи: привлекалъ къ работамъ появлявшіяся новыя силы, стремился ими пополнять составъ Отдѣленія. Къ начинающимъ ученымъ работникамъ Н. И. всегда относился съ любовью и симпатіей, всячески помогалъ имъ въ ихъ начинаніяхъ. За время управленія Н. И. Отдѣленіемъ онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ иностранными учеными, установившіяся раньше.

Въ 1914—1916 г. Н. И. пришлось много хлопотать объ организаціи экспедиціи Отдѣленія въ Макинское ханство и въ Ванъ. Хлопоты Н. И. увѣнчались успѣхомъ, средства на экспедицію были получены. Большой радостью для Н. И. было то, что экспедиціи, которая была осуществлена въ 1916 г. и въ которой особенно потрудились Н. Я. Марръ и І. А. Орбели, дала блестящіе результаты[2]. Какъ видный дѣятель Общества, Н. И. часто былъ выбираемъ Обществомъ его представителемъ на съѣзды, конгрессы, въ комиссіи. Такъ Н. И. былъ представителемъ отъ Общества въ предварительныхъ комитетахъ по созыву всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ и на самыхъ съѣздахъ: VII Московскомъ въ 1890 г., IX Виленскомъ въ 1893 г., X Рижскомъ въ 1896 г. Далѣе Н. И. представлялъ Русское Археологическое Общество на XII Харьковскомъ съѣздѣ въ 1902 г., XIII Екатеринославскомъ въ 1905 г. и предварительныхъ комитетахъ по созыву XI Кіевскаго, XIV Черниговскаго, XV Новгородскаго и XVI Псковскаго съѣздовъ, на III областномъ съѣздѣ во Владимірѣ въ 1906 г. и въ делегатскомъ совѣщаніи по устройству международнаго конгресса историковъ въ СПБ. въ 1913 г.

Н. И. по порученію Общества составилъ ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Общества въ 1896 г. историческую записку, произнесъ рѣчь въ торжественномъ юбилейномъ собраніи (4). Н. И. Общество поручило привѣтствовать Московское археологическое общество въ день его 50-лѣтняго юбилея, праздновавшагося въ Москвѣ въ 1915 г.

Вѣрно было замѣчено, что значеніе человѣка опредѣляется не тѣмъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать, а тѣмъ, что онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Н. И. оставилъ намъ огромное, цѣннѣйшее научное наслѣдство, которое все создали его энергія, его умѣніе, его знанія. Долгъ свой предъ наукой и обществомъ Н. И. исполнилъ до конца. При этомъ дѣятельность

---

[1] Н. И. пожертвованы Обществу портреты герц. Максимиліана Лейхтенбергскаго гр. Д. И. Блудова, акад. Куника.

[2] Первая часть представленного ими Отчета Ванской экспедиции въ настоящее время печатается, как отдельное издание Общества.

Н. И. была нарѣдкость разносторонняя и весьма интенсивная. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и ученаго оріенталиста, и этнографа, и археолога-практика, и профессора двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, и общественнаго дѣятеля. О результатахъ своихъ работъ Н. И. неукоснительно сообщалъ и въ ученыхъ обществахъ, и на съѣздахъ, и никогда не отказывалъ въ свѣдѣніяхъ изъ только что добытаго имъ матеріала всѣмъ интересующимся. Для серіозныхъ научныхъ цѣлей Н. И. готовъ былъ всегда представить свои неизданные матеріалы. Всѣ свои отчеты о раскопкахъ Н. И. издалъ. Только отчетъ о работахъ 1916—1917 гг. пришлось составлять по замѣткамъ, найденнымъ въ бумагахъ Н. И. послѣ его смерти.

Основною задачею своей дѣятельности Н. И., очевидно, считалъ изслѣдованіе Востока и особенно его отношеній къ Россіи. Поэтому вниманіе Н. И. и привлекали всѣ области восточной культуры, сосѣднія съ Россіей (и Китай, и Средняя Азія, и Персія), и области, вошедшія въ составъ Россіи (Крымъ, Кавказъ, Золотая орда). Въ археологической дѣятельности у Н. И. также на первомъ мѣстѣ стояли проблемы, такъ или иначе связанныя съ Востокомъ. Н. И. судьба послала удивительное счастіе—открыть столь важные памятники культуръ древняго Востока, какими являются древности Майкопа, Келермеса, Уля и др.

Что Н. И. долженъ былъ и могъ сдѣлать? Насущнѣйшей задачей для русскаго изслѣдователя времени, когда Н. И. пришлось жить и дѣйствовать, было, конечно, спасаніе источниковъ,—гибнувшихъ отъ стихій и отъ руки человѣка древнихъ памятниковъ. Гдѣ нельзя сохранить въ цѣлости оригиналы, тамъ ученый долженъ позаботиться о томъ, чтобы памятникъ былъ зафиксированъ въ документальныхъ обмѣрахъ, чертежахъ, рисункахъ, фотографіяхъ. Н. И. началъ изданіе мечетей Самарканда, потому что этимъ удивительнымъ созданіямъ искусства грозила неминуемая гибель. Н. И. издавалъ матеріалы по исторіи Пекинской духовной миссіи, также потому что они легко могли погибнуть [1]. И, принимаясь за раскопки, Н. И. прежде всего долженъ былъ думать о спасеніи тѣхъ часто единственныхъ источниковъ знанія о далекомъ прошломъ нашей страны, которые таились въ древнихъ городахъ, могильникахъ и курганахъ и которые немилосердно и стихійно разрушались руками невѣжественныхъ и алчныхъ до матеріальныхъ цѣнностей новыхъ насельниковъ областей, гдѣ разсѣяны эти города, могильники, курганы [2]. Такъ какъ ничто не предвѣщало въ ближайшемъ будущемъ прекращенія производившагося расхищенія и уничтоженія памятниковъ древности

---

[1] Ср. Протоколы Общихъ Собраній И. Р. А. Общества 1899 — 1908, 252 сл.

[2] Ср. тамъ же, 8 сл.

и скорѣе была почва для предположеній обратнаго характера, Н. И. считалъ совершенно правильно своимъ долгомъ въ ближайшую очередь разслѣдовать въ мѣстностяхъ, гдѣ имъ были намѣчены работы по научнымъ соображеніямъ, тѣ курганы, которымъ грозило уничтоженіе отъ руки хищниковъ. И Н. И. удалось спасти для науки большое количество памятниковъ, открытыхъ имъ въ такихъ курганахъ. Само собою разумѣется, что надо было особенно спѣшно разслѣдовать такіе курганы, въ которыхъ по разнымъ соображеніямъ должны были находиться погребенія, содержащія предметы изъ золота. Н. И. былъ необычайно счастливъ въ находкахъ; имъ добыты, можно сказать, цѣлые музеи утвари изъ золота и серебра (вспомнимъ Майкопъ, Солоху, Чмыревъ курганъ). Недоброжелательные люди называли иногда Н. И. «кладоискателемъ». Во имя истины надо протестовать противъ такого рода опорочиванія дѣятельности Н. И. Если Н. И. «гонялся за золотомъ», то онъ долженъ былъ это дѣлать, блюдя интересы науки. Какая потеря была бы для науки, если бы драгоцѣнности изъ Майкопскаго кургана 1897 г. или изъ Солохи не были раскопаны Н. И., а попали въ руки кладоискателей («счастливцевъ» по керченскому выраженію)! А это очень легко могло случиться, и даже, по всей вѣроятности, случилось бы, если бы Н. И. во время не предупредилъ хищеніе, предпринявъ раскопки угрожаемыхъ кургановъ.

Н. И. производилъ раскопки съ энергіей, которая приводитъ въ изумленіе: въ 1896 г. имъ было раскопано 53 кургана въ Бѣлорѣченской станицѣ Кубанской области, 14 кургановъ въ Андрюковской, 1 курганъ въ Ярославской и 1 курганъ въ Костромской; въ 1897 г. былъ разслѣдованъ знаменитый Майкопскій курганъ, 5 кургановъ въ Костромской станицѣ, 9 кургановъ въ Семирѣченской, 1 курганъ въ Губской, 1 въ Анапѣ и Дѣевъ курганъ у Нижнихъ Сѣрогозъ въ Таврической губерніи. Ведя раскопки, Н. И. обыкновенно жилъ въ степи, въ очень примитивной обстановкѣ, терпѣлъ лишенія, но ничто не могло поколебать его настойчивости въ работѣ. Хотя и часто приходилось Н. И. мчаться раскапывать курганы туда, гдѣ того требовали обстоятельства, но все же извѣстной системы въ выборѣ мѣста раскопокъ Н. И. держался. Вполнѣ выдержать ее онъ не могъ именно изъ-за громадной массы неотложныхъ текущихъ дѣлъ, которыя у насъ въ Россіи мѣшаютъ работать систематически всѣмъ на каждомъ шагу. Очевидно, Н. И. ставилъ своей задачей изслѣдовать систематически Кубанскую область. Конечно, можно указать разнаго рода упущенія въ раскопкахъ Н. И. Но надо принять во вниманіе то, что той точности наблюденія, которую показали критскія раскопки Evans'a и которая теперь является обязательной для каждаго изслѣдователя, до 1900 г. не было ни у кого. Дёрпфельдъ при

объясненіи Трои членамъ аѳинскаго археологическаго конгресса 1905 г. заявилъ, что нѣкоторую часть Трои онъ оставилъ неразслѣдованной, чтобы ее могло раскопать новое поколѣніе, усвоившее медоты работы Evans'a, и что онъ самъ не въ состояніи вести раскопки столь совершенно, какъ это сдѣлано Evans'омъ въ Кноссѣ. Будетъ кто-либо ставить въ вину Дёрифельду то, что въ его работахъ не оказывается точности, требующейся современною наукой? Если бы кто нибудь это сдѣлалъ, онъ былъ бы несправедливъ. Несправедливо судить и о раскопкахъ Н. И., предъявляя къ нимъ требованія того, чего во время дѣятельности Н. И. нигдѣ не было и чего и ожидать было нельзя. Н. И. былъ сыномъ своей эпохи. Отнынѣ археологи будутъ примѣнять, конечно, болѣе совершенные методы изслѣдованія кургановъ, и это, безъ сомнѣнія дастъ и болѣе точныя наблюденія и болѣе богатые результаты. Для своего времени раскопки Н. И. дали все же очень много. Громадное количество памятниковъ Н. И. спасъ для науки. Отчеты Н. И.—очень короткіе, сухіе, чисто фактическіе. Но въ нихъ имѣется не мало цѣнныхъ наблюденій, чертежи, рисунки, фотографіи, — всё документы весьма важные.

Общіе результаты археологическихъ изслѣдованій Н. И., можно сказать, колоссальны: благодаря имъ, открываются цѣлыя новыя главы въ исторіи культуры на почвѣ Россіи (и какія интересныя главы: Майкопъ, Солоха!). Н. И. выяснены способы устройства кургановъ, которые въ разныя эпохи были весьма различны. Эпохи курганныхъ погребеній, открытыхъ Н. И., имъ въ общемъ установлены правильно (мѣднаго и бронзоваго вѣка, архаической греческой эпохи, классической, эллинистической, римской, XIII — XV в. по Р. Х.). Устанавливается фактъ, что курганы одной эпохи бываютъ расположены обычно группами въ однихъ приблизительно мѣстахъ. Н. И. выяснены точно обряды погребеній въ различныя эпохи, и даны чертежи, дающіе наглядное представленіе о картинѣ погребеній[1]. Раскопки Н. И. установили, что большею частью въ курганахъ имѣется по нѣскольку могилъ. Не мало установлено Н. И. и различныхъ деталей погребеній (положенія костяковъ, обстановки могилъ, ихъ типовъ). Любопытно, что въ курганныхъ насыпяхъ часто дѣлаются «впускныя» погребенія въ позднѣйшія эпохи. Отъ этихъ погребеній надо отличать погребенія, которыя устраивались въ материкѣ по близости главнаго погребенія и въ одну съ нимъ эпоху[2]. Надъ этими погребеніями дѣлалась новая насыпь, сливав-

---

[1] Ср., напр., Отчетъ И. Арх. Ком., 1895, 9 сл., рис. 27 — 29; 1904, 93; 86, рис. 134.

[2] Конечно, эти погребенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны были быть совершены въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ лѣтъ. Ср. Montelius, Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europe, I, Die Methode, Stokholm, 1903, 6 сл.

шаяся съ насыпью надъ главнымъ погребенiемъ и значительно увеличивавшая объемъ кургана, надъ нимъ сооруженнаго. Такимъ образомъ и объясняется обстоятельство, что подъ курганами въ материкѣ оказывается нерѣдко по нѣскольку могилъ. Н. И. прекрасно разбирался въ характерѣ различныхъ частей насыпи каждаго кургана, отлично выдѣлялъ одну часть отъ другой, отдавалъ всегда полный отчетъ въ расположенiи пластовъ курганной насыпи и такимъ образомъ выяснялъ всю исторiю кургана[1]. При этомъ выяснялась и позднѣйшая исторiя кургана, картина разграбленiя кургановъ въ нѣсколько прiемовъ, иногда въ разныя времена[2]. Древности, добытыя раскопками Н. И., представляютъ цѣннѣйшiй матерiалъ для исторiи культуры юга Россiи и Кавказа. Разработкою этого матерiала должны заняться наслѣдники Н. И. по изслѣдованiю этихъ областей, и имъ предстоитъ огромная работа[3].

Необходимо составить карточный каталогъ всѣхъ кургановъ, раскопанныхъ Н. И., подвергнуть критической оцѣнкѣ стиль находокъ, установить точнѣе ихъ хронологiю. Важно было бы начертить карту, на которой выдѣлены были бы особыми обозначенiями курганы, относящiеся къ разнымъ эпохамъ. Болѣе внимательное изученiе техники и стиля находокъ сулитъ много открытiй и въ области исторiи быта и въ области исторiи искусства. И европейская преисторiя, и восточная и классическая археолоiя и археологiя средневѣковья получаетъ еще рядъ цѣннѣйшихъ указанiй изъ матерiаловъ, оставленныхъ наукѣ въ наслѣдство Н. И.

Озираясь на жизненный путь, совершенный Н. И. Веселовскимъ, мы должны сказать, что русская наука и общество потеряли в немъ крупнаго дѣятеля, много и искренне послужившаго на нивѣ просвѣщенiя народу, въ блестящее будущее котораго Н. И. не переставалъ вѣрить до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни, несмотря на всѣ испытанiя, которыя судьба посылала Россiи. Та крѣпкая, какъ скала, вѣра въ генiй русскаго народа, которою горѣло сердце Н. И., была характерна для его необыкновенно цѣльнаго типа, энергичнаго, сильнаго, настойчиваго, богатырскаго. Въ жизни побѣждаютъ вѣрующiе. Пока будутъ у насъ такiе дѣятели — богатыри, какимъ былъ Н. И. Веселовскiй, мы и будемъ живы и будемъ имѣть достойное мѣсто подъ солнцемъ среди другихъ народовъ. Сохранимъ же па-

[1] Ср. цѣнныя наблюденiя Н. И. въ Трудахъ XIV Археологич. съѣзда въ Черниговѣ, III, 1909, проток., 102.

[2] Ср. Отчетъ И. Арх. Ком. 1911, 35.

[3] Матерiалъ, добытый раскопками Н. И. въ Майкопѣ въ 1897 г., частью обрабатывался мною въ «Архаич. перiодѣ въ Россiи», Матерiалы по археол. Россiи, № 34, 50 слл.

мять о Николаѣ Ивановичѣ, будемъ подражать ему, его энергіи, его упорству въ работѣ, и будемъ, какъ онъ, истинный сынъ народа, вѣрить въ геній нашего народа и его счастливую звѣзду.

Б. Фармаковскій.

Списокъ трудовъ Н. И. Веселовскаго.

Настоящій списокъ ученыхъ работъ Н. И. Веселовскаго составленъ В. В. Латышевымъ.

Въ первой части этого списка данъ перечень напечатанныхъ трудовъ; они распредѣлены по рубрикамъ, обозначеннымъ буквами А—Д. Во второй части перечислены научные доклады и сообщенія въ ученыхъ обществахъ, на археологическихъ съѣздахъ и т. п.; доклады распредѣлены по рубрикамъ А — З, причем в рубрикѣ А сдѣланы еще болѣе мелкія дѣленія по буквамъ а — е. Въ каждомъ дѣленіи работы перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ.

Названія періодическихъ изданій и серій даны въ спискѣ въ сокращеніяхъ; здѣсь дается перечень тѣхъ изъ этихъ сокращеній, которые рѣдко встрѣчаются на страницахъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

АИЗ — Археологическія Извѣстія и Замѣтки.
ВАИ — Вѣстникъ Археологіи и Исторіи.
ЖС — Живая Старина.
ЗОО — Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
ЗРВА — Записки Разряда военной археологіи и археографіи.
ЗРГОЭ — Записки Русскаго Географическаго Общества по Отделу этнографіи.
ИВ — Историческій Вѣстникъ.
ИРГО — Извѣстія Русскаго Географического Общества.
ИРК — Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.
ИОРЯС — Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ.
ИТАК — Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи.
ОРГО — Отчетъ Русскаго Географическаго Общества.
ПРАО — Протоколы общихъ собраній РАО за 1899—1908 годы (Пгр. 1915).
ТРАС — Труды Археологическихъ Съѣздовъ.
ТВ — Туркестанскія Вѣдомости.
ЭС — Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона (изд. 1-е). Во всемъ словарѣ удалось найти только двѣ значительныхъ статьи за полною подписью Н. И.; кромѣ того ему принадлежатъ нѣсколько мелкихъ (иногда лишь въ нѣсколько строкъ) статеекъ, подписанныхъ иниціалами Н. В.

Названія нѣкоторыхъ повременныхъ изданій и сборниковъ, упоминаемыхъ по одному или по два раза, приводятся безъ значительныхъ сокращеній.

I. Печатные труды.

А. Отдѣльно изданные труды.

1. Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Спб. 1877. II+VII+364 стр. 8⁰.
2. Василій Васильевичъ Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881. Спб. 1887. 288+0105 стр. 8⁰. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле.

3. Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложенія. Спб. 1894. (Подробное изложеніе разсказа у А. Е. Алекторова, Указатель книгъ, статей и замѣтокъ о киргизахъ. Каз. 1900, стр. 204 сл.).
4. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 15 декабря 1896 г. Спб. 1896, 32 стр. 8⁰.
5. Исторія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія. 1846—1896. Приложеніе—портреты. Спб. 1900. 516 стр. б. 8⁰.
6. О мѣстоположеніи Гюлистана при-Сарайскаго. Кіевъ, 1907. 10 стр. 8⁰. (Отт. изъ невышедшаго въ свѣтъ сборника статей, посвященныхъ В. В. Антоновичу).
7. Гератскій бронзовый котелокъ 559 г. гиджры (1163 по Р. Х.) изъ собранія гр. А. А. Бобринскаго. — Мат. по арх. Россіи, № 33 и отд. Съ 10 табл. и 5 рис. Спб. 1910. 4⁰.
8. Лекціи по исторіи Востока. Нѣсколько литограф. изданій слушателей. (1886-7, 1887-8, 1888-9 и др.).
9. Первобытныя древности. (Исторія Южной Россіи). Пособіе къ лекціямъ, чит. в Спб. Археолог. Институтѣ. Спб. 1901. 8⁰ (литограф.).
10. Первобытный человѣкъ. (Доисторич. археологіи). Лекціи. Изд. и рисунки Н. С. Соломко. Спб. 1902.
11. Лекціи по исторіи Востока, пересмотрѣнныя проф. В. В. Бартольдомъ. Спб. 1910.

Б. Статьи и замѣтки въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ.

12. Манкытская династія, нынѣ царствующая въ Бухарѣ. — ТВ, 1878, № 28. (Подп. Н. В.).
13. Русскіе невольники въ средне-азіатскихъ ханствахъ. — ТВ, 1879, №№ 34 и 35. Отд.: Ташк. 1883. 11 стр. 8⁰.
14. Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи. Труды 3-го международн. съѣзда оріентал. 1876 г., т. I, Спб. 1880, стр. 97+256 и 605-6.
15. Куликовская битва. (По поводу ея пятисотлѣтія). Древняя и Новая Россія, т. 18, 9, сент. 1880 г., стр. 5—23 (съ планомъ и рисункомъ памятника).
16. Посольство въ Хиву Ив. Мих. Федотова и его статейный списокъ пребыванія въ Хивѣ 1669—1670. ТВ, 1882, № 20.
17. Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу «пересмотра» вопроса о происхожденіи гунновъ. ЖМНП, 1882, сент., отд. 2, стр. 90—102.
18. Basile Grigorieff et ses œuvres. Le Muséon, revue internat. 1882, v. I, № 4, pp. 609—617.
19. Путешествіе Г. С. Карелина по Каспійскому морю. ЖМНП, 1884, февр., отд. 2, стр. 421—431.
20. Первое подданство туркменъ Россіи. ИВ, 1884, май, стр. 301—306.
21. Пріемъ въ Россіи и отпускъ среднеазіатскихъ пословъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, ЖМНП, 1884, іюль, отд. 2, стр. 68—105.
22. Одинъ фактъ изъ исторіи Герата. (Нумизмат. замѣтка). ИРАО, X (1884), стр. 60—61.
23. Существуетъ ли въ Средней Азіи поддѣлка древностей. ЗВО, I (1887), стр. 110—114.
24. Бозбендъ. ЗВО, I, стр. 161—168.
25. Посольство къ зюнгарскому Хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго. Путевой журналъ его за 1721—1724 гг. Документы, изд. съ предисловіемъ и примѣчаніями. ЗРГОЭ, X (1887), вып. 2. XLVI+276+VI стр. 8⁰, съ картою.
26. Сообщеніе о раскопкахъ въ городищѣ Афросіабъ близъ Самарканда въ 1885 г. ЗРАО, н. с., II (1887), стр. XCII—CIV.
27. Поѣздка въ мѣстность Сусингянъ въ октябрѣ 1885 г. ЗВО, X (1887), стр. 25—32.
28. Замѣтка о курганахъ Туркестанскаго края. ЗВО, X, стр. 221—226.
29. Отчеты о раскопкахъ въ Кубанской обл. и Таврической губ., производившихся ежегодно по 1917 г., помѣщены въ ОАК за 1882—8 и слл. годы до 1915 включительно.
30. Рамазанъ въ Самаркандѣ и курбанъ-байрамъ въ Бухарѣ. ИВ, 1888, іюль, стр. 141 (подп. Н. И. В.).
31. Дагбидъ. ЗВО, III (1888), стр. 85—95.

32. Передовые калмыки на пути къ Волгѣ. ЗВО, III, стр. 365—370.
33. Случайныя находки на Кавказѣ въ 1885 и 1886 годахъ. ЗРАО, н. с., III (1888), стр. 461—4 (съ 6 рис., подп. Н. В.).
34. Сообщеніе о курганахъ въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ. ЗРАО, н. с., III, прот., стр. LXIX—LXXVII.
35. Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ. Т VII АС, II (1891), стр. 67—72. (Прочитано на съѣздѣ 14 авг. 1887. См. Т VII АС, III, прот., стр. 76).
36. Иванъ Даниловичъ Хохловъ, русскій посланникъ въ Персіи и въ Бухарѣ въ XVII в. ЖМНП, 1891, янв., стр. 48—72. (Прочитано въ засѣданіи VIII арх. съѣзда въ Москвѣ 22 января 1890, см. Т VIII АС, IV, 1897, прот., стр. 183).
37. Скиѳскій всадникъ. Поясная пряжка. ИТАК, № 14 (1891), стр. 81—83. Съ табл.
38. Случайныя находки. ЗРАО, н. с., V (1892), стр. 407-409 (подп. Н. В.).
39. Замѣтка о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи. ЗВО, VIII (1894), стр. 137-8.
40. Орхонскія открытія. ЖМНП, 1894, апрѣль, отд. 4, стр. 59—72.
41. Золотая Орда. ЭС, XXIV (1894).
42. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1894 г. ОАК, 1894, прил., стр. 77—87.
43. Сообщеніе о каменныхъ бабахъ въ Таврической губ. (Письмо въ Московское Археолог. Общество). АИЗ, III (1895), стр. 65-66.
44. Перечень раскопанныхъ въ 1895 г. кургановъ въ Кубанской обл. и найденныхъ въ нихъ древностей. ОАК, 1895, прил., стр. 129—137.
45. Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ. Восточныя замѣтки, Сборникъ статей профессоровъ и препод. Вост. фак. Спб. университета. Спб. 1895, стр. 321—335, съ 2 табл. и рисунками.
46. О тіарѣ Сайтафарна. Новое Время, 1896, №№ 7263 и 7313. (Ср. АИЗ, IV, стр. 239).
47. Подробности смерти Узбецкаго Хана Мухаммеда Шейбани. Т VIII АС, III (1897), стр. 290—299. (Прочитано въ засѣданіи съѣзда 22 янв. 1890 г., см. Т VIII АС, IV, стр. 174).
48. Когда появились складные ножи. ЗРАО, X (1898), стр. 362.
49. Дольменъ на древнемъ кладбищѣ въ верховьяхъ р. Кифара (съ 3 рис.), ЗРАО, X (1898), стр. 368—370).
50. Бадаулетъ-Якубъ-Бегъ, аталыкъ Кашгарскій. ЗВО, XI (1899), стр. 87—103.
51. Записка о снаряженіи экспедиціи съ археол. цѣлью въ бассейнъ Тарима. (Подписана Н. И. Веселовскимъ, Д. А. Клеменцомъ и С. Ѳ. Ольденбургомъ). ЗВО, XIII (1901), стр. IX—XVIII.
52. Изъ письма Н. И. Ильминскаго къ В. В. Григорьеву отъ 17 января 1865 г. ЗВО, XIII. стр. 038-039. (Подп. Н. В.).
53. Каменныя орудія въ курганахъ сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры. Т XI АС, I (1901), стр. 813—816. (Прочитано въ засѣданіи съѣзда 17 августа 1899 г. см. Т XI АС, II, прот., стр. 147).
54. Комментарій архимандрита Палладія Каѳарова на путешествіе Марка Поло по сѣверному Китаю. Съ предисл. Н. И. В—скаго. ИРГО, XXXVIII (1902), в. I, стр. 1—46.
55. Шаманизмъ. ЭС, LXXVII (1903).
56. Случайная находка близъ Новороссійска (съ 3 рис.). ИАК, в. 11 (1904), стр. 167-168.
57. Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказе. Т XII АС, I (1905), стр. 341—373. (Прочитано въ засѣданіи съѣзда 23 августа 1902 г. см. Т XII АС, т. III, стр. 351).
58. Мнимыя «каменныя бабы» (съ 11 рис.). ВАИ, в. 17 (1906), стр. 1—26. Чешскій переводъ Domnělé, «Kamenné Baby». Přel. A. Kašpar, Praha 1906.
59. Экспедиція въ Туркестанъ для снятія плановъ и зарисовки въ краскахъ мѣстныхъ мечетей. ИРК, 1906, № 9, стр. 23—26.
60. Еще объ оссуаріяхъ. ЗВО, XVII (1907), стр. 0176—0180.
61. Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г. подъ видомъ купца Хорошева. ЖС, 1908 г., в. 2, стр. 170—189 и в. 3, стр. 312—331.
62. Танаисъ младшій. Гермесъ, 1909, № 6, стр. 246—252 (съ рис.).

63. Нѣсколько поясненій касательно ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству. ЗРГОЭ, XXXIV (Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина), 1909, стр. 525—536.
64. Свистящія стрѣлы (съ 2 рис.). ИАК, в. 30 (1909), стр. 156—160.
65. Алебастровыя и глиняныя статуэтки до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ. (Съ 4 табл. и 11 рис.). ИАК, в. 35 (1910), I-II.
66. Развѣнчанный перстень. ИАК, в. 37 (1910), стр. 87-88.
67. По поводу отвѣта В. А. Городцова. ИАК, в. 37 (1910), стр. 98—102.
68. Чмыревъ курганъ (съ рис.). Гермесъ, 1910, № 11-12.
69. Перстень-печать Миранъ-шаха мирзы, сына Тамерлана. Кауфманскій Сборникъ (М. 1910), стр. 229—234.
70. Татарское вліяніе на посольскій церемоніалъ въ московскій періодъ русской исторіи. Рѣчь. Отчетъ Спб. унив. за 1910 г., отд. X, стр. 1—13.
71. «Миньятъ». Сборникъ статей, посвящ. С. Ө. Платонову, Спб. 1911, стр. 17—26.
72. Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію русскихъ государей съ съ азіатскими владѣльцами. ЖС, 1909, в. 2-3, стр. 237, 268 и 1910, в. I, стр. 147—159 (дополненіе).
73. Второе дополненіе къ статьѣ «Погрѣшности и ошибки» и пр. ЖС, 1911, стр. 31—34.
74. По поводу статьи Е. Е. Тевяшова (о назначеніи боковыхъ отверстій у стрѣлъ). ИАК, в. 40 (1911), стр. 162—164.
75. Статуи воиновъ изъ категоріи «каменныхъ бабъ», съ 2 табл., ИТАК, № 45 (1911), стр. 27—30.
76. Записка по вопросу о пріемахъ при производствѣ раскопокъ. Т XIV АС, III (1911), прот., стр. 99—104.
77. Китайскіе символы въ предметахъ украшенія. Сборникъ статей, поднес. гр. А. А. Бобринскому (1911), стр. 1—12.
78. Загадочный Гюлистанъ Золотой орды. ЗВО, XXI (1912), стр. 53—64.
79. Пережитки нѣкоторыхъ татарскихъ обычаевъ у русскихъ. ЖС, 1912, стр. 27—38.
80. Неудавшееся посольство въ Крымъ стольника Бориса Андреевича Пазухина въ 1979 г. ЗОО, XXX (1912), стр. 179—216.
81. Къ вопросу о техникѣ золотыхъ рельефныхъ украшеній въ греческомъ искусствѣ (съ 2 табл.). ИАК, в. 47 (1913), стр. 96—103.
82. Изъ находокъ въ Курганѣ Солоха. I, II (съ рис.). Нов. Вр. 1913 г., иллюстр. прил. къ №№ 13508 (19 окт.) и 13550 (30 ноября). Перепечатано въ ИАК, приб. къ в. 52, стр. 192—195.
83. Благословительная халифская грамота 1779 г. ИТАК, № 50 (1913), стр. 77—80.
84. О горитахъ съ ремнями. ИАК, в. 54 (1914), стр. 117-118.
85. Серебро скиѳскаго царя изъ кургана Солоха (съ рис.). Старые годы, 1913, кн. 3.
86. Дополненіе къ статьѣ [А. И. Иванова] «Походы монголовъ въ Россію». ЗРВА, III (1914), стр. 23—26.
87. Военно-историческій очеркъ г. Анапы (съ рис. и табл.). ЗРВА, III (1914), стр. 27—98 и отд.
88. По поводу гравюры Р. де Гооге: Бой подъ Нарвою 19 ноября 1700 г. ЗРВА, III (1914), стр. 99-100.
89. Современное состояніе вопроса о «каменныхъ бабахъ» или «балбалахъ» (съ 14 табл.). ЗОО, XXXII (1915), стр. 408—444.
90. О турецко-татарскомъ словѣ тыш («зубъ») въ дипломатическихъ документахъ. ЖМНП, 1915, апрѣль, отд. 2, стр. 329—331.
91. О пріобрѣтеніи для Имп. Эрмитажа нумизматической коллекціи И. А. Стемпковскаго (съ портретомъ). ИТАК, № 52 (1915), стр. 186—195.
92. Замѣтки по исторіи Золотой орды. I. Золотоордынскій ханъ Дюдень и царевичъ Дюдель. II. Золотоордынскій ханъ Тохта (1291—1313 гг.) и царевичъ Токтомиръ. Дополненія и поправки. ИОРЯС, т. 21 (1916), кн. I, стр. 1—15 и 348.

93. О религіи татаръ по русскимъ лѣтописямъ. (Опытъ комментарія лѣтописныхъ извѣстій. ЖМНП, 1916, іюль, отд. 2, стр. 81—101.
94. Мнимая должность букаульнаго тамговщика въ имперіи Чингизъ-хана. ЗВО, XXIV, стр. 201—204.
95. Греческія изображенія на туркестанскихъ оссуаріяхъ (съ 1 табл. и 15 рис.). ИАК, в. 63 (1917), стр. 59—68.
96. Къ исторіи открытія Тмутараканскаго камня. ВАИ, в. 22 (1917).
97. Бронзовый панцырный нагрудникъ съ изображеніемъ головы Медузы (съ 1 табл. и 8 рис.), ИАК, в. 65 (1918), стр. 1—8.
98. Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея символическое значеніе. ЗВО, XXV, 273—292.

В. Рецензіи, отзывы и библіографическія замѣтки.

99. Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ. Сост. А. Позднѣевъ. Вып. I. Спб. 1880. Рец.: Др. и Новая Россія 1881 г., № 2, стр. 392-5.
100. Труды третьяго международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 г. Т. I и II. Спб. и Лейпцигъ, 1879-80. Рец.: ЖМНП, 1882, янв., отд. 2, стр. 197—223 и 1883, янв., стр. 195—216.
101. Рюи Гонзалесъ де Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандѣ въ 1403—1406 гг. Текстъ съ перев. и прим. подъ ред. И. И. Срезневскаго. Спб. 1881. Рец.: ЖМНП, 1882, ноябрь, отд. 2, стр. 123—137.
102. Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ-эрихэ». Текстъ и перев. съ поясненіями А. Позднѣева. Спб. 1883. Рец.: ЖМНП, 1884, іюнь, отд. 2, стр. 238—262.
103. Новые матеріалы по исторіи Коканскаго ханства. (По поводу соч. Тарихи Шахрохи и Наливкина). ЖМНП, 1886, ноябрь, отд. 2, стр. 175—195.
104. Библіограф. замѣтка о трудѣ Наливкина. ЗВО, I (1886), стр. 227.
105. В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта жизни осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы. Казань, 1886. Рец.: ЖМНП, 1887, апрѣль, отд. 2, стр. 266—285.
106. Краткая библіограф. замѣтка о томъ же трудѣ. ЗВО, 1, стр. 319; ОРГО, 1886, приложеніе.
107. Образцы нар. литературы монгольскихъ племенъ. Вып. I, сост. А. Позднѣевъ. Спб. 1880. Рец.: Др. и Нов. Россія, 1881, № 2, стр. 391—395.
108. Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область. Спб. 1887. Библ. зам.: ЗВО, II, 279 (подп.: Н. В.).
109. Отзывъ о трудахъ В. Г. Тизенгаузена. ЗРАО, II, стр. CXIV сл.
110. Н. Остроумовъ. Пословицы туземнаго населенія Туркестанскаго края. Библ. зам. ЗВО, III (1888), стр. 141. (Подп. Н. В.).
111. Н. О. Гондати. 1) Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ. М. 1888. 2) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Библ. зам.: ЗВО, III, стр. 383—5. (Подп. Н. В.).
112. В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII в. Спб. 1887. Рец.: ЖМНП, 1889, янв., отд. 2, стр. 168—203.
113. А. Кенисаринъ. Султанъ Кенисара и Садыкъ. Біограф. очерки, обраб. для печати Е. Т. Смирновымъ. Ташкентъ, 1889. Рец.: ИВ, 1889, окт., стр. 106.
114. Г. А. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. Спб. 1889. Рец.: ЗВО, IV (1889), стр. 408—413.
115. Отзывъ о трудѣ А. Н. Харузина «Киргизы Букеевской орды». ОРГО, 1889, прил., стр. 9-10.
116. Къ библіографіи калмыцкихъ сказокъ. ЗВО, V (1890), стр. 112-113.
117. Н. И. Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, т. 1. Ташк. 1889. Рец.: ЗВО, V, стр. 122. (Подп. Н. В.).
118. Влад. Птицынъ. Этнографич. свѣдѣнія о тибетской медицинѣ въ Забайкальѣ. Спб. 1890. Библ. зам.: ЗВО, V, стр. 122. (Подп. Н. В.).

119. Дополненіе къ библіограф. указателю статей, касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ, составленному А. Н. Харузинымъ. Этнограф. Обозр., XI (1890), стр. 285—289.

120. Л. Лянглэ. Жизнь Тимура. Пер. съ франц. Н. Суворовъ. Ташк. 1890. Библ. зам.: ЗВО, VI (1891), стр. 343—346. (Подп. Н. В.).

121. Инн. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ. 1889. Библ. зам.: ЗВО, VI, стр. 346—349. (Подп. Н. В.).

122. Отзывъ о трудахъ С. К. Патканова. ОРГО, 1891, прил., стр. 25-26.

123. Дж. Банзаровъ. Черная вѣра или шаманство у монголовъ и др. статьи подъ ред. Г. Н. Потанина. Спб. 1892. Рец.: ИВ, 1892, февр., стр. 580.

124. П. Шубинскій. Очерки Бухары. Спб. 1892. Рец.: ЗВО, VIII (1894), стр. 157—165. (Подп. Н. В.).

125. V. Schwarz. Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. München 1893. Рец.: ЗВО, VIII, стр. 375-376. (Подп. Н. В.).

126. О переводѣ П. С. Попова сочиненія Мэнъ-гу-ю-му-цзи. ЖС, ч. 4 (1894), стр. 284.

127. Отзывъ о трудѣ В. Л. Сѣрошевскаго «Якуты». ОРГО, 1894, прил., стр. 35.

128. Автобіографія Тамерлана. Пер. съ тюркскаго Нила Лыкошина. Ташк. 1894. Рец.: ЖМНП, 1896, янв., отд. 2, стр. 224—7.

129. Отзывъ о соч. А. А. Спицына. При-уральскій край. Археолог. разысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи. Москва 1893. ЗРАО, VIII (1896), прил. къ проток., стр. XLIX—LI.

130. Мухамедъ Наршахи. Исторія Бухары. Перев. съ персидскаго Н. Лыкошинъ подъ ред. В. В. Бартольда. Ташк. 1897. Рец.: ЖМНП, 1897, декабрь, отд. 2, стр. 466—468.

131. И. И. Крафтъ. Изъ киргизской старины. Оренб. 1900. Рец.: ЗВО, XII (1900), стр. 0125—0128. (Подп. Н. В.).

132. Отзывъ о соч. графа А. А. Бобринскаго «Курганы и случайныя раскопки близъ м. Смѣлы», III, Спб. 1901. ПРАО, стр. 113—125. (Прочитанъ въ Общемъ собраніи РАО 2 мая 1902 г.).

133. Отзывъ о трудѣ граф. П. С. Уваровой «Матеріалы по археологіи Кавказа», вып. VIII. М. 1903. ПРАО, стр. 175—182. (Прочитанъ въ Общемъ собраніи РАО 20 февраля 1904 г.).

134. Ежегодникъ Ферганской области. Т. 1, 1902 г. Библ. зам.: ЗВО, XV (1904), стр. 045-046. (Подп. Н. В.).

135. Отзывъ о трудахъ С. К. Патканова. ОРГО, 1905, прил. стр. (25)—(28).

136. Самаркандскія мечети. Вып. I. Мечеть Гуръ-Эмиръ. Спб. 1905. Библ. зам.: ЗВО, XVII, стр. 0181—0184.

137. П. Орловъ. Кубанскіе казаки. Екатеринодаръ. 1908. Библ. зам.: ЗРВА, I (1911), стр. 015—024. (Подп. Н. В.).

138. Ф. А. Щербина. Исторія Кубанскаго казачьяго войска. Т. 1. Екат. 1910. Библ. зам.: ЗРВА, I.

139. В. С. Шамрай. Хронологія важнѣйшимъ событіямъ и законоположеніямъ, имѣющимъ отношеніе къ исторіи Кубанской области и Кубанскаго казачьяго войска. 1911. Библ. зам.: ЗРВА, I.

140. А. Д. Ламеновъ. Къ матеріаламъ для исторіи 1-го Кавказскаго полка Кубанскаго каз. войска. 1910. Библ. зам.: ЗРВА, I.

141. П. Н. Короленко. Переселеніе казаковъ на Кубань. 1911. Библ. зам.: ЗРВА, I.

142. И. И. Кіяшко. Станичные и хуторскіе архивы Куб. каз. войска. 1911. Библ. зам.: ЗРВА, I.

143. Ковровыя издѣлія Средней Азіи изъ собранія, составленнаго А. А. Боголюбовымъ. Вып. I и II. Спб. 1908 и 1900 гг. Рец. ЗВО, XX (1912), стр. 03—07. (Подп. Н. В.).

144. И. М. Холодковскій и Н. Н. Годлевскій. Нумизмат. памятники Отечественной войны. Описаніе медалей и жетоновъ 1812—1912 гг. ЗВРА, II (1912), стр. 03—07. (Подп. Н В.).

145. Kouznetzov, P. La lutte des civilisations et les langues dans l'Asie Centrale. Paris. 1912. Рец.: ИВ, 1914, январь, стр. 305.
146. Ф. А. Щербина. Исторія Кубанскаго казачьяго войска, т. 2. 1913. Рец. ЗРВА, III, (1914), стр. 010—012. (Подп. Н. В.).
147. Отзывъ о соч. В. В. Бартольда «Исторія изученія Востока въ Европѣ и Россіи». Спб. 1911. ЗВО, XXII (1915), прил. къ прот., стр. XXII—XXIV.
148. М. Д. Приселковъ. Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ. Пгр. 1916. Рец.: ЖМНП, 1917, мартъ, отд. 2, стр. 118—130.
149. Отзывъ о соч. Адріанова. Къ археологіи Западнаго Алтая. 1917.

Г. Біографіи, некрологи, поминки.

150. В. В. Григорьевъ. Некрологъ. (Читанъ въ засѣданіи ВО 26 февраля 1882 г.). ЖМНП, 1882, мартъ, отд. 4, стр. 65—89. ИРАО, X (1884), стр. 287—294.
151. К. А. Скачковъ. Некрологъ. ЖМНП, 1883, іюль, отд. 4, стр. 98—103.
152. П. И. Лерхъ. Некрологъ В. Е. Тизенгаузена и Н. И. В—скаго. ЖМНП, 1884, ноябрь, отд. 4, стр. 57—66. (Извлеченіе въ біограф. словарѣ профес. и препод. Спб. унив. за 3-ю четверть вѣка его существованія. (Спб. 1898).
153. К. П. Паткановъ (съ портр.). ЗВО, V (1890), стр. 243—263.
154. С. М. Георгіевскій. (Некрологъ). Истор. Обозр., т. 7 (1894), стр. 154—156.
155—164. Біографическіе очерки: Бадмаевъ А. А., Бадмаевъ П. А., Григорьевъ В. В., Дорофеевъ Н. Н., Казембекъ А. К., Кельзи Ѳ. И., Кутировъ Д. Д., Мельгуновъ Г. В., Навроцкій М. Т., Демьяновъ М. О., Токузиро Нисси, Яматовъ В. Г. Біограф. Словарь проф. и препод. Спб. унив. за 3-ю четверть вѣка его существованія, 1869—1894. Спб. 1898.
165. А. Ѳ. Бычковъ. ЗРАО, II (1899), стр. VII—XII. ПРАО, стр. 12—19.
166. Тридцать лѣтъ ученой дѣятельности барона В. Р. Розена. ЖМНП, 1902, декабрь, отд. 4, стр. 157—161 (безъ подписи).
167. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (некрологъ). ЖМНП, 1904, апрѣль, отд. 4 стр. 197—212.
168. Баронъ В. Р. Розенъ (некрологъ). ЖМНП, 1908, апрѣль, отд. 4, стр. 167—188.
169. Дѣятельность В. И. Ламанскаго въ И. Русскомъ Географич. Обществѣ. ЖС, 1915, в. 1—2, стр. 1—8.

Д. Редакціонные труды.

170. Записки И. Русскаго Географич. Общества по отд. этнографіи, т. 17, в. 1 и 2. Спб. 1890—1891; т. 24, Спб. 1895.
171. Памятники дипломатич. и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изд. подъ ред. Н. И. В. Т. 1, 1890, т. II, 1892, т. III, 1898 (ТВО, ч. XX—XXII).
172. Якуты. Опытъ этнограф. изслѣдованія В. О. Сѣрошевскаго. Изд. И. Р. Географич. Общ. подъ ред. Н. И. В—скаго. Т. I. Спб. 1896. XII+719 стр. 8°.
173. Абу-Тахиръ ходжа. Самарія. Таджицкій текстъ, пригот. къ печати Н. И. В—скимъ. Съ предисловіемъ и прилож. рисунковъ. Спб. 1904. 8°.
174. Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Изд. подъ ред. Н. И. В—скаго. ЗРГОЭ, т. 29 (1904) и отд. Спб. 1904. Съ 2 портретами.
175. Матеріалы для исторіи Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Изд. подъ ред. Н. И. В—скаго. Вып. I. Спб. 1903. XII+72, стр. 8°.
176. Мечети Самарканда. Альбомъ архит. рисунковъ и чертежей. Вып. I. Мечеть Гуръ-Эмиръ. Изд. И. Археологич. Комиссіи. Спб. 1905 fol.
177. Записки разряда военной археологіи и археографіи И. Русскаго Военно-Историч. Общества. Подъ ред. дѣйств. члена Н. И. В—скаго. Т. I, 1911, т. II, 1912, т. III, 1914, 4°.

II. Доклады и сообщенія.

А. Русское Археологическое Общество.

а. Общее собраніе.

1. 11 февраля 1886 г. О раскопкахъ въ городищѣ Афросіабъ близъ Самарканда (См. выше № 26).
2. 14 мая 1886 г. О древностяхъ Закаспійскаго края.
3. 20 декабря 1890 г. О раскопкахъ въ Таврической губ. лѣтомъ 1890 г.
4. 27 марта 1892 г. О раскопкахъ скиѳскихъ кургановъ въ Таврической губ. лѣтомъ 1891 г.
5. 18 января 1893 г. О раскопкахъ близъ Симферополя лѣтомъ 1892 г.
6. 3 ноября 1893 г. О девятомъ Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ.
7. 30 марта 1894 г. Отзывъ о сочиненіи А. А. Спицына. Археологич. разысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи (См. выше № 129).
8. 30 декабря 1895 г. Сообщеніе о произведенныхъ въ 1895 г. раскопкахъ въ Кубанской области.
9. 21 ноября 1897 г. Сообщеніе о раскопкахъ въ Кубанской области лѣтомъ 1897 г.
10. 22 января 1899 г. Представленіе Н. И. В—скаго и А. А. Спицына въ Совѣтъ Р. Арх. Общества объ организаціи раскопокъ въ 1899 г. (Напечатано въ ПРАО, стр. 9—11).
11. 22 января 1899 г. Сообщеніе о курганахъ Кубанской области, обслѣдованныхъ въ теченіе лѣта 1898 г.
12. 4 мая 1899 г. Очеркъ дѣятельности А. Ѳ. Бычкова въ И. Р. Археологич. Обществѣ (См. выше № 165).
13. 2 февраля 1900 г. О раскопкахъ кургановъ въ Кубанской области, произведенныхъ въ 1899 г.
14. 9 января 1902 г. О произведенныхъ въ 1901 г. раскопкахъ въ Кубанской области.
15. 24 января 1903 г. Сообщеніе о произведенныхъ на р. Кубани раскопкахъ лѣтомъ 1902 г.
16. 20 февраля 1904 г. Очеркъ жизни и дѣятельности В. В. Вельяминова-Зернова (См. выше № 167).
17. 27 ноября 1908 г. Сообщеніе о могильникѣ г. Танаиса.
18. 25 марта 1914 г. О раскопкахъ, произведенныхъ въ 1913 г.

б. Отдѣленіе Русской и Славянской Археологіи.

19. 31 марта 1893 г. Объясненіе греческихъ и варварскихъ древностей, найденныхъ при раскопкѣ кургановъ подлѣ Керчи, Симферополя и Херсона въ 1892 г.
20. 10 января 1895 г. Сообщеніе о раскопкахъ въ Сѣроюзскомъ курганѣ (Резюме в «Новомъ Времени», № 6779. АИЗ, III, стр. 26).
21. 30 января 1896 г. Сообщеніе о погребеніи съ конемъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ Крыму.
22. 27 февраля 1896 г. О бронзовомъ котлѣ изъ Туруханска, боготворимомъ мѣстными тунгусами.
23. 13 ноября 1897 г. Описаніе погребеній въ дольменахъ въ Баталпаш. отд. Кубанской обл.
24. 16 января 1898 г. О раскопанныхъ въ 1896 - 7 гг. въ Кубанской области курганахъ XIV и XV вв. (Резюме въ ЗРАО, н. с., II, прот., стр. 392).
25. 12 декабря 1898. О курганахъ-дольменахъ въ Кубанской области (Резюме ЗРАО, н. с., II, стр. 403).
26. 30 марта 1899 г. Прочитана записка Н. И. В—скаго и А. А. Спицына о предполагаемыхъ Отдѣленіемъ раскопкахъ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ (Напечатана въ ЗРАО, XII (1901), прот. стр. 386).
27. 21 января 1900 г. О курганахъ съ окрашенными костяками (Подробное резюме въ ЗРАО, XII, стр. 391—393).
28. 22 декабря 1900 г. Прочитана записка Н. И. В—скаго и А. А. Спицына «Объ изслѣдованіи собственно русскихъ курганныхъ древностей» (Напечатана въ ЗРАО, XII стр. 404—408).

29. 10 апрѣля 1904 г. Н. И. В—скій и А. А. Спицынъ представили проектъ раскопокъ на лѣто 1904 г. (Напечатанъ въ ЗРО, VII, вып. 1 (1905), стр. 173).
30. 9 октября 1904 г. Рефератъ о каменныхъ бабахъ (Резюме въ ЗРО, VII, стр. 177).
31. 8 мая 1905 г. Н. И. В—скій и А. А. Спицынъ изложили соображенія о предстоящихъ лѣтомъ 1906 г. раскопкахъ (Резюме въ ЗРО, VII, вып. 2, стр. 266).
32. 27 октября 1907 г. Сообщеніе о большомъ кладѣ серебряныхъ блюдъ, найденномъ въ 1907 г. близъ д. Климовой и с. Кудымкора Пермской губ. (Резюме въ ЗРО, VIII, вып. 2 (1909), стр. 288).
33. 15 мая 1908 г. Предложеніе Н. И. В—скаго и А. А. Спицына о раскопкахъ лѣтомъ 1908 г. (ЗРО, IX (1913), стр. 271).
34. 27 марта 1910 г. Прочитана записка Н. И. В—скаго и А. А. Спицына о раскопкахъ на лѣто 1910 г. (Напечатана въ ЗРО, IX, стр. 337).

в. Восточное Отдѣленіе.

35. 13 декабря 1885 г. Сообщеніе о суевѣрно-невѣжественномъ состояніи мусульманскаго населенія Средней Азіи и объ амулетѣ «базу-бендъ» (Ср. выше № 24).
36. 13 декабря 1885 г. О Ташкентскомъ музеѣ.
37. 7 марта 1886 г. Сообщеніе о мечети Шахъ-Зинде в Самаркандѣ.
38. 29 апрѣля 1886 г. Соображенія по вопросу, существуютъ ли въ Средней Азіи поддѣлки древностей (См. выше № 23).
39. 27 мая 1886 г. О среднеазіатскихъ курганахъ.
40. 6 сентября 1886. Предъявилъ фотографическій альбомъ буддійскихъ идоловъ, составленный Н. П. Остроумовымъ.
41. 6 сентября 1886 г. Слухи о надписяхъ и статуѣ близъ Пишпека.
42. 6 сентября 1886 г. О пріобрѣтеніи музеемъ бар. Штиглица коллекціи персидскихъ и кавказскихъ древностей.
43. 18 декабря 1886 г. О среднеазіатскихъ амулетахъ.
44. 20 декабря 1888 г. О передовыхъ калмыкахъ на пути къ Волгѣ (См. выше № 32).
45. 23 марта 1889 г. О сношеніяхъ Москвы съ Персіею въ концѣ XVI в.
46. 21 декабря 1889 г. О посольствѣ Барятинскаго въ Персію въ 1618 г.
47. 23 декабря 1891 г. О плясовыхъ пѣсняхъ сартовъ.
48. 16 февраля 1893 г. Замѣчанія по поводу сообщеній Н. Ѳ. Петровскаго о кашгарскихъ древностяхъ.
49. 14 марта 1896 г. О мазарѣ Кутби-Чаардегумъ въ Самаркандѣ.
50. 1 апрѣля 1897 г. Воспоминанія современника объ Якубъ-бекѣ Бадаулетѣ (См. выше № 50).
51. 23 марта 1898. О серебряномъ блюдѣ изъ Пермской губ. съ христіанскими изображеніями и сирійскою надписью V—VI в.
52. 27 января 1900 г. О находкѣ глиняныхъ гробовъ въ Самаркандѣ (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), прот., стр. II).
53. 30 марта 1900 г. Изъ письма Ильминскаго къ В. В. Григорьеву объ одномъ мѣстѣ у Рашид-ед-дина (См. выше № 52).
54. 25 января 1901 г. О раскопкахъ архим. Хачика близъ Эчміадзинскаго монастыря.
55. 25 октября 1901 г. Къ вопросу о впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), прот., стр. XVII).
56. 21 марта 1902 г. Отрывокъ изъ поэмы Манасъ: «Смерть Кукотай хана и его поминки». Въ переводѣ Ч. Ч. Валиханова (Подробное резюме и текстъ перевода въ ЗВО, XV, стр. VIII—XV).
57. 19 сентября 1902 г. О книгѣ «Ежегодникъ Ферганской области», т. 1 (1902) (См. выше № 134).
58. 1 мая 1903 г. О надгробіи Тимура (Резюме въ ЗВО, XVI, стр. XI сл.).
59. 18 декабря 1903 г. Сообщеніе о рукописи о. Софронія Грибовскаго «Увѣдомленіе о началѣ бытія Россіянъ въ Пейдзинѣ и существованія въ оном Грекороссійской вѣры».

60. 22 января 1904 г. О первоначальномъ мѣстѣ погребенія Тамерлана (Резюме въ ЗВО, XVI, стр. XX).

61. 24 февраля 1905 г. Къ извѣстіямъ объ обычаѣ у среднеазіатцевъ отдѣленія у покойниковъ мяса отъ костей. Разсказъ торговца Афросимова (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. III, сл.).

62. 31 марта 1905 г. О бумагахъ покойнаго сенатора Н. И. Любимова (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. VI, сл.).

63. 29 сентября 1905 г. О первомъ выпускѣ альбома Самаркандскихъ мечетей (См. выше № 136).

64. 23 февраля 1906 г. О рукописи А. Дьякова, присланной въ Общество.

65. 23 февраля 1906 г. Дополненіе къ докладу П. М. Меліоранскаго о басмѣ Золотоордынскихъ пословъ (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. XXV).

66. 23 февраля 1906 г. О мѣстоположеніи при-Сарайскаго Гюлистана (См. выше № 6. Резюме въ ЗВО, XVII, стр. XXVIII).

67. 23 февраля 1906 г. О бронзовомъ кувшинѣ, найденномъ въ с. Дмитріевскомъ, Пишпекскаго уѣзда (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. XXIX).

68. 25 января 1907 г. Китайскіе предметы въ курганахъ Кубанской области.

69. 24 января 1908 г. О кончинѣ барона В. Р. Розена.

70. 24 января 1908 г. Отзывъ о рукописи А. Лебедева (Резюме въ ЗВО, XIX, стр. III).

71. 24 января 1908 г. Новыя и неизданныя восточныя монеты.

72. 20 марта 1908 г. Объясненіе нѣкоторыхъ восточныхъ словъ въ ярлыкахъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству (Резюме въ ЗВО, XIX, стр. IX. См. выше № 63).

73. 25 сентября 1908 г. Дополненіе къ сообщенію Н. А. Ригана (Резюме въ ЗВО, XIX, стр. XIV).

74. 24 сентября 1909 г. Объ альбомѣ А. А. Боголюбова. (Ковровое производство въ Средней Азіи) См. выше № 143.

75. 25 февраля 1910 г. Объ изображеніи троновъ на металлическихъ мусульманскихъ средневѣковыхъ сосудахъ (Резюме въ ЗВО, XXI, стр. V).

76 30 сентября 1910 г. О золотомъ перстнѣ съ именемъ Миранъ-шаха (Резюме въ ЗВО, XXI, стр. XIII. См. выше № 69).

77. 23 февраля 1912 г. О посольствѣ въ Крымъ стольника Б. А. Пазухина въ 1679 г. (Резюме въ ЗВО, XXI, стр. LIX. См. выше № 80).

78. 19 декабря 1913 г. Памяти П. С. Попова.

79. 27 ноября 1914 г. О результатахъ изслѣдованій А. В. Адріанова въ западномъ Алтаѣ (Резюме въ ЗВО, XXII, стр. XXXIX).

80. 26 ноября 1915 г. Демонстрація принадлежащей Н. И. Булычеву бронзовой статуэтки китайскаго бога богатства.

81. 17 декабря 1915 г. Царь Дюдень и царевичъ Дюдень (См. выше № 92).

82. 29 сентября 1916 г. Греческія изображенія на Туркестанскихъ оссуаріяхъ (См. выше № 95).

83. 28 сентября 1917 г. Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея значеніе. (См. выше № 99).

д. Классическое Отдѣленіе.

84. 20 марта 1895 г. О катакомбѣ, открытой въ Керчи, на сѣверномъ склонѣ горы Митрадата, и о кладѣ золотыхъ монетъ времени Филиппа, Александра Великаго и Лисимаха, найденномъ въ г. Рени.

е. Нумизматическое Отдѣленіе.

85. 20 января 1910 г. Объ обстоятельствахъ пріобрѣтенія для Эрмитажа коллекціи монетъ И. А. Стемпковскаго (Резюме въ ЗНО, II, вып. 3—4 (1913), прот., стр. 99. См. выше № 91).

86. 5 ноября 1916 г. Демонстрація рѣдкой монеты, повидимому, литовской.

Б. Русское Географическое Общество.

87. 20 апрѣля 1882 г. Предложеніе касательно собиранія свѣдѣній о древнихъ городахъ Туркестанскаго края путемъ привлеченія къ этому дѣлу мѣстныхъ служащихъ и проектъ програмы для руководства собирателямъ (ИРГО, т. 18, отд. 1, стр. 72).

88. 14 октября 1886 г. О поѣздкѣ къ верховьямъ Зеравшана (Резюме въ ИРГО, т. 22, стр. 487).

89. 25 сентября 1887. О сборникѣ киргизскихъ разсказовъ М. А. Миропіева (Резюме въ ИРГО, т. 23, стр. 71).

90. 16 марта 1890 г. Отзывъ о рукописи В. И. Михайлова «Бытъ, нравы и обрядности чувашъ» (ИРГО, т. 26, стр. 71).

91. 29 ноября 1890 г. 1) Отзывъ о рукописи С. К. Патканова «Типъ остяцкаго богатыря» и 2) О бухарской серебряной монете. (Резюме въ ИРГО, т. 26, стр. 117).

92. 3 мая 1891. Отзывъ о рукописи И. Нарбута «Каракунузскіе Дунгане (ИРГО, т. 27, стр. 535).

93. 19 ноября 1891 г. Отзывъ о рукописи Птицына «Очеркъ нарѣчія Голожневскихъ тунгусовъ» (ИРГО, т. 27, стр. 559).

94. 26 ноября 1893 г. Отзывъ о рукописи И. Юркина «Золотой ключъ для исторіи Волжско-Камскаго Булгарскаго царства» (ИРГО, т. 29, стр. 646).

95. 18 ноября 1894 г. Отзывъ о рукописи Мацокина «Метисы Забайкалья (ИРГО, т. 30, стр. 768).

96. 27 февраля 1915 г. Дѣятельность В. И. Ламанскаго въ И. Русскомъ Географ. Обществѣ (См. выше № 171).

В. Петербургскій Археологическій Институтъ.

97. О слѣдахъ ассирійской культуры въ курганахъ Сѣвернаго Кавказа (Докладъ 15 января 1898 г. Резюме въ АИЗ, т. 6, стр. 76).

98. Римскія древности въ курганахъ Кубанской области (Докладъ въ одномъ изъ вечернихъ собраній въ 1901-2 уч. году).

99. Раскопка скиѳскаго кургана въ Таврической губерніи въ 1909 г. (Докладъ въ одномъ изъ вечернихъ собраній въ 1909-10 уч. году).

Г. Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи.

100. 31 января 1904 г. О ближайшихъ задачахъ изслѣдованія Средней Азіи (Напечатано въ Проток. Ком.).

101. 1906 г. Экспедиція въ Туркестанъ (См. выше № 51).

102. 10 декабря 1907 г. Свѣдѣнія о собраніи древностей Н. Н. Кроткова (Прот. 1907 г. № 4, ст. 50).

103. 3 октября 1908 г. Сообщеніе о произведенныхъ подъ его руководствомъ работахъ по изслѣдованію самаркандскихъ архитектурныхъ памятниковъ и о раскопкахъ В. Л. Вяткина, произведенныхъ по порученію Комитета въ окрестностяхъ того же города и обнаружившихъ остатки обсерваторіи Улугъ-бека (Прот. 1908 г. № 3, ст. 43).

Д. Разрядъ Военной Археологіи и Археографіи Русскаго Военно-Историческаго Общества.

104. 16 февраля 1908 г. О крымско-татарскомъ оружіи.

105. 22 марта 1908 г. Объ историческомъ прошломъ крѣпости Копорье.

106. 24 октября 1909 г. По поводу изданія архивныхъ документовъ.

107. 23 января 1910 г. О пожарѣ Якутскаго острога лѣтомъ 1909 г. (Резюме въ ЗРВА, т. 1 (1911), стр. 10).

108. 30 марта 1910 г. О суднѣ съ каменными ядрами, найденномъ на днѣ Чудскаго озера (Резюме въ ЗРВА, стр. 13).

109. 30 ноября 1910. О произведенныхъ лѣтомъ 1910 г. работахъ Разряда (Резюме ЗРВА, стр. 18).

110. 13 октября 1912 г. Аральская флотилія по оффиціальнымъ даннымъ и по отзывамъ современниковъ (Резюме въ ЗРВА, т. 3, стр. 7).

Е. Московское Археологическое Общество.

111. О названіи «Арбатъ» (Прочитано М. В. Никольскимъ въ засѣданіи Восточной Комиссіи Общества 20 января 1890 г. (Резюме въ Трудахъ Восточ. Ком., т. 2, вып. 1 (1896), прот. стр. 66—67).

Ж. Археологическіе съѣзды.

VI-й, въ Одессѣ, въ августѣ 1884 г.

112. Объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ.

113. Кто былъ великій сѣверный Хаканъ, которому въ VII в. подчинялся повелитель Хазаръ.

114. О времени принятія киргизами ислама.
Заглавія приведены въ Т VI АС, т. 1 (1886),

VII-й, въ Ярославлѣ, въ августѣ 1887 г.

115. Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ (См. выше № 35).

VIII-й, въ Москвѣ, въ январѣ 1890 г.

116. Подробности смерти узбецкаго хана Мухаммеда Шейбани (См. выше № 47).

117. Иванъ Даниловичъ Хохловъ (См. выше № 36).

IX-й, въ Вильнѣ, въ августѣ 1893 г.

118. О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго (Резюме въ АИЗ, т. 1 (1893), стр. 386 и въ Т IX АС, т. 2 (1897), стр. 386, ср. выше № 70).

XI-й, въ Кіевѣ, въ августѣ 1899 г.

119. О послѣднемъ разореніи города Самарканда (Прочитано 10 августа. (Резюме въ АИЗ, т. 7 (1900), стр. 287 и въ Т XI АС, т. 2 (1902), прот. стр. 110).

120. Каменныя орудія въ курганахъ Сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры (См. выше № 53. Прочитано 17 августа. См. Т XI АС, т. 2), прот. стр. 147).

XII-й, въ Харьковѣ, въ августѣ 1902 г.

121. Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества (См. выше № 57. Прочитано 23 августа. См. Т XII АС, т. 3, прот. стр. 351).

122. Новый типъ каменныхъ бабъ (Прочитано 26 августа. Резюме въ Т XII АС, т. 3, прот. стр. 383).

XIII-й, въ Екатеринославѣ, въ августѣ 1905 г.

123. Альбомъ Самаркандскихъ древностей (Прочитано 20 августа. Резюме въ Т XIII АС, т. 2 (1908), стр. 229).

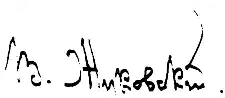
XIV-й, въ Черниговѣ, въ августѣ 1909 г.

124. Записка по вопросу о пріемахъ при производствѣ раскопокъ (Прочитана гр. Уваровой въ засѣданіи 8 августа. Напечатана въ Т XIV АС, т. 3 (1911), стр. 99—104). См. выше № 76.

Публичная лекція.

125. О шаманствѣ (Прочитана въ 1892 г. въ зданіи Спб. университета въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая (См. Отчетъ Спб. университета за 1892 г., стр. 56. Истор. Обозр., т. 6 (1893), стр. 218).

Памяти В. А. Жуковскаго [1].

4/17 января 1918 г. скончался нашъ сочленъ, профессоръ Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій, долголѣтній участникъ работъ нашего Отдѣленія, прочитавшій въ немъ свой первый докладъ въ январѣ 1887, свой послѣдній докладъ въ февралѣ 1917 г.

Имя покойнаго В. А. навсегда останется въ русской наукѣ, какъ имя перваго русскаго спеціалиста по изученію мусульманской Персіи.

Спеціализація установилась въ востоковѣдѣніи позже, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ научной мысли, въ области изученія мусульманскаго міра—позже, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ востоковѣдѣнія. Въ Россіи спеціализація сверхъ того затрудняется малочисленностью русскихъ научныхъ и вообще культурныхъ силъ. Однимъ и тѣмъ же ученымъ приходилось и приходится обращаться отъ однихъ научныхъ матеріаловъ къ другимъ, часто также отъ вопросовъ чистой науки къ вопросамъ, связаннымъ съ политическими и экономическими интересами Россіи.

Покойный В. А. съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности намѣтилъ себѣ кругъ задачъ, которому оставался вѣренъ до конца жизни. В. А. не вполнѣ сочувствовалъ той спеціализаціи, сторонниками которой теперь является большинство представителей факультета восточныхъ языковъ, именно спеціализаціи по тремъ главнымъ отраслямъ филологической науки — лингвистики, филологіи въ тѣсномъ смыслѣ и исторіи. Самому В. А. приходилось работать во всѣхъ трехъ областяхъ, и въ каждой изъ нихъ его труды были крупнымъ шагомъ впередъ въ наукѣ. Но среди его печатныхъ работъ нѣтъ ни одной, которая не была бы посвящена Ирану, притомъ Ирану мусульманскому, если не въ современныхъ, то в средневѣковыхъ его границахъ; нѣтъ также ни одной статьи по политическимъ или экономическимъ вопросамъ.

Въ семьѣ русскихъ востоковѣдовъ покойный занималъ особое мѣсто еще въ другомъ отношеніи. Въ отличіе отъ русскихъ работъ по изученію Дальняго Востока, русскія работы по изученію мусульманскаго міра всегда тѣсно примыкали къ работамъ западно-европейскихъ ученыхъ; исключенія

[1] Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 25/12 апрѣля 1918 г.

не представляли даже работы профессора азіатскаго происхожденія, Каземъ-Бека, съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности сдѣлавшагося членомъ западно-европейскихъ ученыхъ обществъ и издавшаго многіе изъ своихъ трудовъ на западно-европейскихъ языкахъ, англійскомъ и французскомъ. Какъ ученикъ барона Розена, В. А. прошелъ на факультетѣ восточныхъ языковъ вполнѣ европейскую научную школу и вполнѣ овладѣлъ европейскими научными методами, но до конца думалъ и писалъ только по-русски. Западно-европейскими языками онъ владѣлъ настолько, насколько было необходимо для изученія научной литературы, но не говорилъ ни на одномъ языкѣ, кромѣ русскаго и персидскаго, и не совершилъ ни одного путешествія въ западную Европу. Въ работахъ В. А. нѣтъ слѣда широкаго, независимаго отъ спеціальности, европейскаго образованія, нѣтъ признаковъ подробнаго ознакомленія съ западно-европейской изящной литературой, хотя бы въ лицѣ ея классическихъ писателей.

Въ связи съ этимъ, можетъ быть, находится фактъ, что В. А. во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ ему приходилось работать, довольствовался дѣятельностью собирателя матеріаловъ, предоставляя болѣе широко образованнымъ спеціалистамъ, лингвистамъ, филологамъ, этнографамъ, историкамъ и другимъ, опредѣлить мѣсто этихъ матеріаловъ среди другихъ и ихъ значеніе, какъ памятниковъ культурной жизни человѣчества[1]. Отношеніе В. А. къ собиравшимся имъ матеріаламъ, однако, не было безразличнымъ; во всѣхъ его работахъ чувствуется вліяніе вполнѣ опредѣленной идеи. Какъ переводчикъ и изслѣдователь памятниковъ литературы, изящной и народной, и въ особенности какъ изслѣдователь религіозныхъ вѣрованій В. А. проявлялъ тонкій художественный вкусъ, глубокое пониманіе основныхъ свойствъ человѣческой души и человѣческой мысли. Преобладаніе въ душевной жизни самого В. А. русскихъ элементовъ надъ западно-европейскими придаетъ этимъ качествамъ его работъ особенную цѣну въ глазахъ русскаго. Кромѣ индивидуальныхъ качествъ В. А., здѣсь могло отразиться его происхожденіе изъ мѣстности, давшей Россіи Кольцова и Никитина.

В. А. кончилъ курсъ по факультету восточныхъ языковъ въ 1880 году. На студенческой скамьѣ имъ было представлено сочиненіе по турецкой словесности, удостоенное факультетомъ, на основаніи отзыва представителя каѳедры[2], золотой медали. Предложенная факультетомъ задача заключалась въ

---

[1] Ср. напр. Матеріалы по изученію персидскихъ нарѣчій, стр. XIX (о «задачѣ», которая «по силамъ настоящему иранисту») и 247, также ЗВО, V, 178 о «спеціалистахъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ странствующихъ разсказовъ и повѣстей».

[2] Отзывъ напечатанъ въ Проток. Засѣд. Сов. Имп. СПб. Унив., XXI, 175 сл.

извлеченіи изъ كنه الاخبار, сочиненія османскаго автора XVI в. Аали-челеби или Аали-эфенди, извѣстій о славянахъ, при чемъ эти извѣстія должны были быть сопоставлены съ извѣстіями другихъ османскихъ источниковъ и переведены на русскій языкъ съ примѣчаніями. Въ отзывѣ отмѣчены достоинства труда молодого автора, «мѣткость и категорическая точность» его сужденій, его начитанность въ европейской литературѣ по славянской исторіи, обширность его примѣчаній, иногда пріобрѣтавшихъ характеръ монографій по поводу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, и въ особенности достоинства перевода, въ которомъ точность передачи текста соединялась съ «безукоризненной правильностью» и даже «изяществомъ русской рѣчи». Студенческій трудъ В. А. не былъ напечатанъ, и къ трудамъ по османской литературѣ онъ болѣе не возвращался. Ссылки на произведенія славянскихъ литературъ встрѣчаются въ трудахъ В. А. довольно часто; вообще какъ русская литература, такъ и славянскія были изучены имъ подробнѣе, чѣмъ большинствомъ неспеціалистовъ. Въ этомъ смыслѣ его студенческая работа не осталась, повидимому, безъ вліянія на его дѣятельность, какъ ученаго.

Первой печатной работой В. А. была вышедшая въ 1883 г. магистерская диссертація «Али Аухадэддинъ Энвери[1]. Матеріалы для его біографіи и характеристики». На этомъ трудѣ и на другихъ работахъ В. А. по персидской литературѣ я не буду останавливаться, такъ какъ о нихъ будетъ рѣчь въ другомъ докладѣ.

Впослѣдствіи В. А. интересовался преимущественно мистической поэзіей, притомъ болѣе ради выраженныхъ въ ней религіозныхъ идей, чѣмъ какъ памятникомъ изящной литературы. В. А. имѣлъ въ виду посвятить особую монографію «гератскому старцу» Абдаллаху Ансари, мистику XI в., пѣсни котораго были изданы и переведены имъ въ сборникѣ «Восточныя Замѣтки»[2]; но это намѣреніе не было исполнено. Не вышло въ свѣтъ также обѣщанное[3] В. А-чемъ изслѣдованіе о произведеніяхъ Баба-Тахира хамаданскаго, которому В. А. раньше посвятилъ небольшую статью въ «Запи-

[1] Произношеніе «Энвери», принятое, однако, не однимъ В. А-чемъ (ср. въ его диссертаціи, стр. II ссылку на рукопись Аз. музея; впослѣдствіи E. Ferté также писалъ «Enveri»), вызвало возраженія въ рецензіи К. Г. Залемана. Самъ В. А. впослѣдствіи писалъ «Анвери» (напр. المظفرية, 343, 351, 357).

[2] Вост. Зам., 79 сл.; о монографіи 113. Въ бумагахъ В. А. сохранился черновикъ относящагося къ 1895 г. письма на имя Э. Броуна (на персидскомъ языкѣ). Посылая экземпляръ книги, В. А. просилъ внести двѣ поправки на стр. 100 наверху, именно читать بکی خواهیم вм. یکی خواهیم и گو بد کردم вм. گوید کردم; соотвѣтственно, конечно, долженъ быть исправленъ переводъ на стр. 101. Въ печати эти поправки, насколько мнѣ извѣстно, не были приведены.

[3] Ср. Годичные отчеты СПб. унив. за 1904 г., стр. 120 и за 1905 г., стр. 79.

скахъ»[1]. По отношенію къ другимъ мистическимъ поэтамъ В. А. довольствовался ролью издателя и переводчика. Такъ имъ была издана и переведена[2] «Пѣснь Насири-Хосрова», какъ лучшее и самое «простое выраженіе мыслей персидскаго пантеизма». Вопросъ о личности и дѣятельности поэта казался В. А-чу уже достаточно выясненнымъ трудами западно-европейскихъ оріенталистовъ; впослѣдствіи, однако, Э. Броуну удалось извлечь изъ дивана поэта еще нѣсколько интересныхъ историческихъ и географическихъ фактовъ[3]. Въ послѣднее время своей жизни В. А. работалъ надъ давно задуманнымъ имъ[4] изданіемъ и переводомъ дивана Баба-Кухи и въ день смерти остановился на стихѣ: «Доколѣ ты, подобно ослу, будешь пребывать въ этой вонючей лужѣ міра? Подобно Іисусу, стремись вверхъ».

Изъ всѣхъ работъ В. А., кромѣ его диссертацій, магистерской и въ особенности докторской, о которой будетъ рѣчь ниже, наибольшую извѣстность въ западной Европѣ получила его статья объ Омарѣ Хайямѣ, поэтѣ, пользующемся, какъ извѣстно, широкой популярностью въ Англіи и Америкѣ, хотя обширная литература о знаменитыхъ «четверостишіяхъ» не имѣетъ никакого отношенія къ изученію персидской поэзіи и вообще персидской литературы. В. А. еще въ февралѣ 1895 г. въ актовой рѣчи, произнесенной въ С.-Петербургскомъ университетѣ[5], высказалъ свое убѣжденіе, что «Омаръ Хайямъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доступенъ большому кругу читателей, не одно лицо, а нѣсколько», такъ какъ одни и тѣ же четверостишія приписываются то Хайяму, то другимъ поэтамъ болѣе ранней или болѣе поздней эпохи[6]. Этотъ взглядъ былъ подробно обоснованъ В. А. въ статьѣ, напечатанной въ 1897 г., въ «Сборникѣ статей учениковъ барона Розена»[7], и почти тотчасъ же переведенной на англійскій языкъ[8]. Англійскій издатель четверостишій Омара Хайяма, Whinfield, полагалъ, что изъ четверостишій Омара до 500 должно быть признано несомнѣнно подлинными; В. А. доказалъ, что число «странствующихъ», т. е. приписываемыхъ разнымъ авторамъ четверостишій гораздо значительнѣе, и вопросъ о подлинности можетъ быть поставленъ по отношенію къ каждому четверостишію въ отдѣльности, вслѣдствіе чего приходится отказаться отъ попытки дать характеристику творчества Омара, какъ индивидуальнаго

---

[1] ЗВО, XIII, 0104 сл.

[2] ЗВО, IV, 386 сл.

[3] A lit. hist. of Persia, II, 220 сл.

[4] Ср. ЗВО, XV, стр. XVII (1902 г.).

[5] Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ (Годичный актъ Имп. СПб. Унив. 8 февраля 1895 г., стр. 97—128).

[6] Год. актъ, 101.

[7] المظفّريّة, 325—363.

[8] E. D. Ross въ JRAS, April 1898, p. 349—366.

поэта. Мнѣніе В. А. было принято наукой; Ethé въ Grundriss еще не успѣлъ воспользоваться работой В. А. и повторяетъ мнѣніе Уинфильда[1], но Броунъ доказываетъ, что число «странствующихъ» четверостишій еще болѣе значительно, чѣмъ полагалъ В. А.; по мнѣнію Броуна, несомнѣннымъ остается фактъ, что Омаръ Хайямъ сочинялъ четверостишія, но ни о какомъ отдѣльномъ четверостишіи, кромѣ немногихъ исключительныхъ случаевъ, нельзя утверждать, что его сочинилъ именно Омаръ Хайямъ[2]. Изъ ученыхъ, писавшихъ по этому вопросу послѣ В. А., только Кристенсенъ[3] выдвинулъ новый принципъ и считалъ возможнымъ признать если не доказанной, то болѣе или менѣе вѣроятной подлинность 14 четверостишій: 12-ти, въ которыхъ названо имя Хайяма, какъ автора, и двухъ, на которые ссылается авторъ XIII в. Неджм-ад-динъ Рази[4].

Среди «странствующихъ» четверостишій, дѣйствительно, нѣтъ ни одного, въ которомъ было бы названо имя Хайяма, какъ автора; но, какъ указываетъ самъ Кристенсенъ, одно изъ приписываемыхъ Хайяму четверостишій передается также, въ другой редакціи, отъ имени поэта Афдаля Кеши, такъ что фактъ упоминанія имени поэта не является вполнѣ достовѣрной гарантіей подлинности. В. А., вмѣсто этого положительнаго критерія, предложилъ только отрицательный, ненадежность котораго, конечно, сознавалась и имъ самимъ. Наибольшій процентъ странствующихъ четверостишій падаетъ на четверостишія эпикурейскаго содержанія, наименьшій — на четверостишія, проникнутыя мистицизмомъ, философскими разсужденіями, свободомысліемъ и мусульманскимъ вольнодумствомъ; слѣдовательно, больше всего сомнѣній возбуждаютъ эпикурейскія черты Омара, и съ наибольшей увѣренностью можно говорить о немъ, какъ о врагѣ оффиціальнаго ислама, мистикѣ въ духѣ Газали и поборникѣ греческой философіи въ духѣ Авиценны[5].

Для выясненія личности Омара Хайяма существовалъ, конечно, еще другой путь: собрать и критически разсмотрѣть біографическія свѣдѣнія о поэтѣ. В. А. вступилъ и на этотъ путь, но не достигъ вполнѣ надежныхъ результатовъ, такъ какъ въ его распоряженіи не было разсказовъ современниковъ, видѣвшихъ Омара Хайяма и говорившихъ съ нимъ. Впослѣдствіи такіе раз-

---

[1] Grundriss der Iran. Phil., II, 276 (etwa 500 authentische Nummern).

[2] A lit. hist. of Persia, II, 257. Неясно, какіе few exceptional cases имѣются въ виду.

[3] Recherches sur les Rubā'iyāt de 'Omar Ḫayyām, въ Materialien zur Geschichte der Sprachen und Litteraturen des vorderen Orients, herausg. von M. Hartmann, Heft 3. Heidelberg 1905. Рецензія C. Huart въ JA. 10, V, 179—183. Диссертація Кристенсена вышла на датскомъ языкѣ еще въ 1903 г., см. рецензію M. Hartmann въ WZKM, XVII, 366—374.

[4] A. Christensen, Recherches etc., 32—35.

[5] Christensen (Recherches etc., 10) не понялъ доводовъ В. А.; Hartmann (WZKM, XVII, 367) приписалъ В. А-чу приблизительно обратное тому, что̀ имъ говорится въ дѣй-

сказы были извлечены Броуномъ изъ چهار مقاله Низами Арузи[1] и нѣмецкими учеными Якобомъ и Видеманномъ[2] изъ تتمّة صوان الحكمة Абу-л-Хасана Бейхаки. Якобъ и Видеманнъ располагали всѣмъ матеріаломъ объ Омарѣ Хайямѣ, но не воспользовались біографіей Абу-л-Хасана Бейхаки въ 5-мъ томѣ ارشاد الاريب Якута, въ то время уже изданномъ, и потому, какъ и Броунъ, не могли вполнѣ оцѣнить смыслъ разсказа Бейхаки о своей встрѣчѣ съ Омаромъ Хайямомъ въ 507 г., когда Омаръ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ по грамматикѣ, по поводу одного изъ стиховъ «Хамасы», и по геометріи и удивился его отвѣтамъ[3]. Бейхаки родился въ 499 г.[4], въ 507 г. ему, слѣдовательно, было всего 8 лѣтъ. Омаръ, по словамъ Бейхаки, былъ извѣстенъ своимъ «дурнымъ нравомъ», т. е. суровостью и неучтивостью; но знаменитый ученый, экзаменующій пришедшаго къ нему по порученію отца восьмилѣтняго мальчика,—картина, свидѣтельствующая скорѣе о напускной, чѣмъ о дѣйствительной суровости. Тотъ же Бейхаки противополагаетъ суровости Омара Хайяма привѣтливый нравъ его современника, астронома Асфизари (или Исфизари); оба ученыхъ, однако, повидимому, были связаны тѣсной дружбой, какъ видно изъ разсказа Низами Арузи о ихъ совмѣстномъ пріѣздѣ въ Балхъ въ 506 г., когда ихъ видѣлъ Низами Арузи. Омаръ Хайямъ, несмотря на свою суровость, внушалъ горячую любовь своимъ ученикамъ, какъ видно изъ разсказа Низами Арузи о слезахъ, пролитыхъ имъ въ Нишапурѣ надъ могилой Хайяма, своего несравненнаго учителя. Разсказами Бейхаки вполнѣ подтверждается мнѣніе В. А. объ Омарѣ Хайямѣ, какъ поклонникѣ Авиценны; но суфіемъ въ обычномъ тогда смыслѣ Омаръ Хайямъ не былъ и въ своемъ вольнодумствѣ, несомнѣнно, шелъ гораздо дальше, чѣмъ такіе суфіи, какъ Газали и его послѣдователи. Послѣдній, какъ врагъ философіи Авиценны, не сочувствовалъ и Омару Хайяму[5]. Всѣ эти черты создаютъ довольно цѣльный образъ, и едва ли кто нибудь сумѣлъ бы воспроизвести

ствительности: dass sich aus dem Prozentsatze gewisser Gruppen der «Wandergedichte», die als sicheres Material anzusehen seien, ein Schluss auf die Persönlichkeit des Dichters ziehen lasse.

[1] Привлечено Броуномъ еще въ 1899 г. (JRAS, April 1899, p. 413 сл.). Ср. текстъ въ изд. мирзы Мухаммеда Казвинскаго (Gibb. Mem. Ser. vol. XI, 1910), стр. 62 слѣд.; переводъ Э. Броуна, Chahár Maqála, оттискъ изъ JRAS, 1899 г., стр. 100 сл. (Journal, p. 806).

[2] Der Islam, III (1912), 43 сл. О соотвѣтствующемъ сочиненіи Якутъ въ ارشاد الاريب V, 212; Brockelmann, Gesch. der Arab. Litt., I, 324.

[3] Въ статьѣ В. А. (المظفّريّة, стр. 335 сл.) этотъ разсказъ приводится изъ сочиненія XV в., гдѣ дана невѣрная дата — 505 г.

[4] ارشاد الاريب, V, 208.

[5] Ср. разсказъ о бесѣдѣ между ними въ Der Islam, III, 44 f.; въ статьѣ В. А. (المظفّريّة, стр. 328 и 330) тотъ же разсказъ приводится по نزهة الارواح Шахразури.

его передъ нами лучше В. А., если бы онъ тогда располагалъ необходимыми источниками.

Во время своего трехлѣтняго (1883—86) пребыванія въ Персіи В. А. собралъ обширный научный матеріалъ, главнымъ образомъ по изученію живыхъ нарѣчій, народныхъ вѣрованій и народной литературы. Собранные В. А. лингвистическіе матеріалы предполагалось, какъ извѣстно[1], издать въ пяти томахъ, изъ которыхъ при жизни автора вышелъ только одинъ, напечатанный еще въ 1888 г. и доставившій автору степень доктора[2]. Эта работа и другіе лингвистическіе труды В. А. будутъ предметомъ особаго доклада, почему я не буду ихъ касаться. Въ кругу научныхъ интересовъ В. А. лингвистическіе вопросы, повидимому, не занимали большого мѣста; довольствуясь изданіемъ части своихъ лингвистическихъ матеріаловъ, онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ привлечь къ нимъ вниманіе хотя бы оріенталистовъ; среди докладовъ, сдѣланныхъ имъ въ нашемъ Отдѣленіи, нѣтъ ни одного лингвистическаго.

Почти столь же кратковременный характеръ имѣли занятія В. А. въ области исторіи и археологіи, давшія столь же цѣнный результатъ для науки. Въ 80-хъ годахъ, послѣ войны съ туркменами, въ составъ Россіи вошла часть историческаго Ирана, съ развалинами одного изъ главныхъ центровъ иранской и вообще до-монгольской мусульманской культуры, Мерва. В. А. въ 1890 г. совершилъ туда поѣздку на средства Археологической Комиссіи; результатомъ этой поѣздки былъ докладъ въ нашемъ Отдѣленіи, прочитанный въ ноябрѣ того же года[3], и книга о «Развалинахъ Стараго Мерва», вышедшая въ 1894 г.[4]. Археологическое Общество, на основаніи отзыва барона В. Г. Тизенгаузена, въ 1896 г. удостоила этотъ трудъ большой золотой медали[5]. Кромѣ подробнаго описанія городищъ и построекъ, изъ которыхъ самая замѣчательная — гробница султана Санджара (XII в.), В. А. далъ намъ очеркъ историческихъ свѣдѣній о Мервѣ; благодаря этому онъ имѣлъ возможность установить происхожденіе отдѣльныхъ городищъ, и въ этомъ отношеніи выводы труда В. А. не могли быть поколеблены. Если нѣкоторые изъ главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторической топографіей Мерва, напримѣръ вопросъ о направленіи каналовъ, орошавшихъ площадь города, остались невыясненными, то это объясняется основной

[1] ЗВО, XXIV, 250.

[2] Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. Діалекты полосы города Кашана: Вонишунъ, Кохрудъ, Кешэ, Зэфрэ.

[3] ЗВО, V, стр. X.

[4] Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археологическою Комиссіею, № 16).

[5] ЗВО, XI, 327.

методологической ошибкой, которую впослѣдствіи признавалъ самъ В. А.: историческій матеріалъ былъ собранъ и изученъ имъ не до осмотра развалинъ, а послѣ. Несмотря на свои высокія достоинства и на болѣе чѣмъ сочувственные отзывы спеціалистовъ, книга о Мервѣ не получила въ научномъ мірѣ такой извѣстности[1], какъ лингвистическій трудъ В. А., отчасти потому, что исторіей мусульманскаго Ирана до сихъ поръ еще мало интересуются, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе слабаго вообще распространенія изданій Археологической Комиссіи.

Послѣ изслѣдованія развалинъ Мерва В. А. лѣтомъ того же 1890 г. совершилъ изъ Закаспійской области поѣздку въ Хорасанъ, для осмотра Мешхеда и Туса. Результатомъ этой поѣздки была статья о могилѣ Фирдауси[2], которой, между прочимъ, воспользовался Th. Nöldeke въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о персидскомъ національномъ эпосѣ[3]. Среди работъ В. А. нѣтъ изслѣдованій, которыя были бы посвящены эпической литературѣ, кромѣ юмористическихъ пародій на эпосъ[4] и передѣлки эпоса подъ вліяніемъ религіозныхъ тенденцій[5]; но изъ отдѣльныхъ замѣчаній видно, какъ высоко онъ цѣнилъ творчество Фирдауси, его эпосъ и въ особенности его «чудеснѣйшую»[6] сатиру противъ султана Махмуда. Статья о могилѣ Фирдауси полна горькихъ словъ по поводу неуваженія персидскаго народа къ памяти своего великаго пѣвца.

Условія, при которыхъ былъ погребенъ Фирдауси, въ статьѣ не вполнѣ были выяснены. Тотъ же недоступный тогда источникъ, изъ котораго впослѣдствіи были извлечены цѣнныя свѣдѣнія объ Омарѣ Хайямѣ, چهار مقاله Низами Арузи, далъ также цѣнныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Фирдауси; изъ его разсказа мы узнаемъ, что пѣвцу языческихъ богатырей не хотѣли дать мѣста на общемъ мусульманскомъ кладбищѣ и онъ былъ похороненъ въ принадлежавшемъ ему саду[7]. Еще не вполнѣ выяснена въ научной литературѣ личность великаго національнаго поэта, на старости лѣтъ отрекавшагося отъ своего произведенія и старавшагося загладить свои грѣхи поэмой на благочестивую, заимствованную изъ Корана тему, по этимъ не примирившаго съ собой своихъ противниковъ и послѣ смерти ли-

[1] Ср. ЗВО, XIX, 115 сл.

[2] ЗВО, VI, 308 сл.

[3] Grundr. der Iran. Phil., II, 210 сл.

[4] ЗВО, I, 316 сл.; V, 111 сл. Существованіе этого рода литературы тогда считалось неизвѣстнымъ; ср. теперь Grundr. der Iran. Phil., II, 266 (о пародіяхъ).

[5] Статья «Мусульманство Рустема Дастановича» (Живая Старина, вып. IV, СПб. 1891, стр. 109—117).

[6] Выраженіе В. А. въ ЗВО, II, 263.

[7] چهار مقاله, текстъ, стр. 51; перев. Э. Броуна, стр. 84; Nöldeke въ Grundr. der Iran. Phil., II, 157.

шеннаго могилы среди своихъ единовѣрцевъ. И въ этомъ случаѣ приходится пожалѣть, что не В. А-чу, который могъ бы выполнить эту задачу лучше всякаго другого, было суждено воспроизвести передъ нами этотъ трагическій образъ.

В. А. еще разъ совершилъ поѣздку съ археологической цѣлью въ Закаспійскую область въ 1896 г., также на средства Археологической Комиссіи. Предметомъ изслѣдованія на этотъ разъ были развалины городовъ Несâ съ его окрестностями, Абиверда и Мейхенэ. Предполагалось и въ этомъ случаѣ издать описаніе развалинъ вмѣстѣ со сводомъ историко-географическихъ данныхъ [1], но это намѣреніе не было выполнено, и В. А. послѣ этого до конца жизни уже не возвращался ни къ историческимъ, ни къ археологическимъ вопросамъ [2].

Главнымъ предметомъ занятій В. А., со времени его перваго путешествія въ Персію до конца жизни, была религіозная жизнь персидскаго народа въ прошломъ и настоящемъ, но и въ этомъ отношеніи опубликованное имъ въ печати составляетъ только часть задуманнаго, отчасти даже обѣщаннаго. Одной изъ главныхъ сектъ Персіи, «Людямъ истины», былъ посвященъ его первый докладъ въ нашемъ Отдѣленіи [3]; докладъ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ «Записокъ» [4] и, по отзыву Н. Я. Марра [5], долженъ быть признанъ «рѣдкимъ по содержательности источникомъ» для дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Шагъ впередъ въ изученіи этого вопроса былъ, однако, сдѣланъ русской наукой только почти черезъ четверть вѣка послѣ статьи В. А., когда въ 1911 г. В. Θ. Минорскій опубликовалъ тексты, собираніе которыхъ было начато имъ еще въ 1902 г., всецѣло подъ вліяніемъ работы В. А., изъ которой онъ только и узналъ о существованіи сектантовъ [6].

Изъ другихъ докладовъ В. А. два [7] были посвящены бабидамъ и исторіи ихъ изученія, одинъ, прочитанный въ ноябрѣ 1896 г. [8] и прослушанный, какъ я помню, съ живѣйшимъ интересомъ, но къ сожалѣнію не напечатанный, далъ необыкновенно яркій, художественно очерченный образъ одного изъ

---

[1] Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1896 г., стр. 105.

[2] Исключеніе представляютъ только примѣчанія В. А. къ статьѣ А. А. Семенова о надписяхъ на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисріанъ (ЗВО, XVIII, 0154 сл.).

[3] ЗВО, II, стр. II.

[4] Ibid. 1—24.

[5] ЗВО, XVIII, прил., 12, прим. 1.

[6] В. Θ. Минорскій. Матеріалы для изученія персидской секты «Люди истины» или Али-Илахи, ч. I, Москва 1911 (Труды по востоковѣдѣнію, издав. Лазар. Инст. Вост. яз., вып. XXXIII, стр. VII).

[7] Окт. 1891 г. (ЗВО, VI, стр. IX, статья тамъ-же, 321—327) и дек. 1913 г. (ЗВО, XXII, стр. XXI; статья въ ЗВО, XXIV, 33—90).

[8] ЗВО, X, стр. XX.

главныхъ хорасанскихъ суфіевъ XI в., шейха Абу-Са'ида Мейхенейскаго. В. А. впослѣдствіи издалъ текстъ двухъ біографій Абу-Са'ида[1] и нѣсколькихъ толкованій на его четверостишія[2], но не далъ намъ характеристики личности знаменитаго суфія[3]. Ненапечатанными (за исключеніемъ краткаго резюме въ протоколахъ) остались также докладъ о современныхъ дервишахъ Персіи, по личнымъ бесѣдамъ съ ними, прочитанный въ ноябрѣ 1899 г.[4], по возвращеніи В. А. изъ его послѣдней поѣздки въ Персію, и докладъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи суфизма كشف المحجوب Джуллаби, прочитанный въ январѣ 1906 г., при чемъ докладчикъ обѣщалъ «въ самомъ непродолжительномъ времени» издать текстъ этого источника[5]. Обѣщаніе осталось невыполненнымъ; сочиненіе Джуллаби сдѣлалось доступнымъ для изслѣдователей въ 1911 г. благодаря сокращенному англійскому переводу Р. А. Никольсона[6]. В. А. воспользовался сочиненіемъ Джуллаби еще въ 1895 г. при составленіи своей актовой рѣчи[7] «Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ», интересной попытки установить основныя начала ученія суфіевъ по древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ персидскаго суфизма[8], почти не затрагивавшимся прежними изслѣдователями; по замѣчанію В. А., его европейскіе предшественники по изученію суфизма основывались всецѣло на сравнительно позднихъ, не ранѣе XIII в., памятникахъ. В. А. сознательно отказывался въ своей рѣчи отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи суфизма и его составныхъ частей, отъ сравнительной оцѣнки вліянія «встрѣчныхъ идей запада и востока», т. е. Передней Азіи съ Греціей и Индіи. Кромѣ приведеннаго въ рѣчи факта, что

---

[1] «Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'идар» и «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго» (СПб. 1899).

[2] Одно вошло въ книгу «Тайны единенія» и т. д., другія въ ЗВО, XIII, 145—156.

[3] Ср. попытку такой характеристики, главнымъ образомъ по изданіямъ В. А., въ брошюрѣ А. А. Семенова «Мусульманскій мистикъ и искатель Бога X—XI в. по Р. Х.». Асхабадъ 1905 г.

[4] ЗВО, XII, стр. XXIII.

[5] ЗВО, XVII, стр. XXIII.

[6] The Kashf al-Maḥjúb..., transl.... by R. A. Nicholson, Leyden-London 1911 (Gibb. Memor. Series, vol. XVII). Въ бумагахъ покойнаго В. А. сохранились нѣкоторыя критическія замѣчанія по поводу этого перевода.

[7] О ней см. выше, стр. 402.

[8] В. А. въ 1895 г. считалъ необходимымъ, чтобы «въ основу сужденія» о суфизмѣ были положены «труды, въ извѣстной системѣ безъ символовъ и аллегорій излагающіе воззрѣнія суфіевъ». Ср. противоположное мнѣніе G. Jacob, высказанное въ 1914 г. (въ предисловіи къ Al-Ḳuschairîs Darstellung des Ṣûfîtums, von R. Hartmann), что мистика «konnte ihren klassischen Ausdruck nur bei den Dichtern, nicht in Lehrsystemen finden». G. Jacob едва-ли правъ; какъ ни переиначивались основы суфизма въ трудахъ мусульманскихъ теоретиковъ, старавшихся примирить его съ правовѣріемъ, все же эти труды даютъ намъ болѣе ясное представленіе о первоначальныхъ, до-мусульманскихъ источникахъ мусульманской мистики, чѣмъ стихи поэтовъ.

еще не изслѣдованы имѣющіеся на персидскомъ и арабскомъ языкахъ первоисточники по суфійской догматикѣ, В. А-ча, можетъ быть, удерживало также соображеніе, что для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо подробно ознакомиться съ религіей и философіей всего древняго міра, западнаго и восточнаго, вслѣдствіе чего эта задача не можетъ быть выполнена спеціалистомъ по изученію одной страны и одной литературы. Но если В. А., по характеру своей научной подготовки, не могъ бы дать намъ исчерпывающее изслѣдованіе о суфизмѣ, какъ религіозно-философской системѣ, то едва ли кто нибудь могъ бы дать болѣе яркую картину жизни и дѣятельности отдѣльныхъ суфіевъ и ихъ вліянія на народныя массы, чѣмъ В. А., съ его чуткимъ пониманіемъ человѣческой души вообще и религіозныхъ потребностей въ особенности. Тѣмъ труднѣе примириться съ тѣмъ, что такъ много изъ обѣщаннаго В. А. въ этой области осталось невыполненнымъ [1].

Кромѣ религіозныхъ вѣрованій, В. А. интересовался и другими сторонами духовной жизни персидскаго народа, какъ она выражалась въ его пѣсняхъ и вообще въ популярной литературѣ. Въ нашемъ Отдѣленіи имъ былъ сдѣланъ въ 1888 г. докладъ о персидскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ [2], напечатанный потомъ въ ЖМНП [3], въ Этнографическомъ Отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества въ февралѣ 1889 г. докладъ «Персидская свадьба въ пѣсняхъ» [4], оставшійся ненапечатаннымъ. Нѣсколько докладовъ и статей были посвящены такъ называемымъ «странствующимъ сюжетамъ» міровой литературы, поскольку они отразились въ литературѣ персовъ [5]. Научная цѣнность этихъ работъ и въ особенности изданнаго В. А. въ 1902 г. сборника «Образцовъ персидскаго научнаго творчества», удостоеннаго, на основаніи отзыва С. Ѳ. Ольденбурга [6], большой золотой медали Русскаго Географическаго Общества, будетъ выяснена въ особомъ

---

[1] Изъ бумагъ В. А. видно что имъ подготовлялось къ изданію и переводу сочиненіе еще другого мистика XI в., نور العلوم Абу-л-Хасана Харакани (объ этомъ трудѣ Grundr. der Iran. Phil., II, 274).

[2] ЗВО, III, стр. П.

[3] «Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочевого населенія Персіи» (ЖМНП, янв. 1889 г.).

[4] См. краткое изложеніе содержанія доклада въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXV (1889), дѣйствія Общ., стр. 28 сл. Соотвѣтствующій матеріалъ потомъ вошелъ въ Образцы персидскаго народнаго творчества (ср. тамъ, стр. 119, прим.).

[5] Въ январѣ 1890 г. о Шемякиномъ Судѣ (ЗВО, V, стр. 1, статья тамъ же, 157—178); въ апрѣлѣ 1892 г. о повѣсти Джумджума-намэ (ЗВО, VII, стр. IV, статья тамъ-же, 63—72); въ мартѣ 1906 г. о персидскомъ изводѣ «Варлаама и Іоасафа» (ЗВО, XVII, стр. XXXI). В. А. не говорилъ въ печати, что имъ уже лѣтомъ 1897 г. былъ приготовленъ полный переводъ персидскаго «Варлаама и Іоасафа». См. еще статью «Соловей и Муравей» въ ЗВО, XI, 304—306.

[6] Напечатанъ въ Отчетѣ Имп. Р. Геогр. Общ. за 1902 г., ч. I, прилож., стр. 045—048.

докладѣ. И въ этомъ случаѣ В. А. выполнилъ не все, что имъ было намѣчено; между прочимъ, не появился въ свѣтъ предположенный имъ къ изданію сборникъ персидскихъ романсовъ изъ коллекціи Ханыкова, находящейся въ Публичной Библіотекѣ[1].

Особое мѣсто занимаютъ доклады В. А. о персидской популярной литературѣ, связанной съ современной политической жизнью страны. Сюда относятся доклады: о «Персидскомъ базарномъ стихотворствѣ на современныя темы» (1893)[2], о «Послѣднихъ дняхъ шаха Насир-ад-дина» (1901)[3], о «Чертахъ современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніхъ (1903)»[4]. Дорожа своими связями въ Персіи, въ томъ числѣ и въ оффиціальныхъ кругахъ[5], В. А. не могъ въ то время отдать въ печать собранный имъ матеріалъ, обработанный имъ въ докладахъ съ такою же любовью и такимъ же умѣніемъ, какъ другіе матеріалы по народной литературѣ персовъ. Въ памяти, можетъ быть, не одного слушателя докладовъ сохранились краснорѣчивыя слова, приписанныя убійцѣ шаха Насир-ад-дина и обращенныя къ персидскимъ вельможамъ: «Насир-ад-динъ былъ старымъ гнилымъ деревомъ; теперь въ вашихъ рукахъ молодой ростокъ, шахъ Музаффаръ; берегите его и не давайте ему расти криво, иначе и для него найдется такой же топоръ, какимъ былъ я для Насир-ад-дина»[6].

Послѣ 1902 г. произошелъ продолжительный перерывъ въ научно дѣятельности В. А., насколько эта дѣятельность проявлялась въ печатныхъ трудахъ. Съ 1903 до 1916 гг. включительно В. А. не выпустилъ въ свѣтъ ни одной статьи; съ 1909 до 1912 включительно не читалъ и докладовъ въ Отдѣленіи. Несомнѣнно, что В. А-чемъ въ это время готовились къ печати и даже печатались нѣкоторыя работы, но никакія свѣдѣнія о нихъ не дохо-

---

[1] Въ бумагахъ В. А. сохранилась часть этой работы (переписанный текстъ и переводъ).

[2] ЗВО, VIII, стр. IV.

[3] ЗВО, XIV, стр. VII.

[4] ЗВО, XVI, стр. XVI. Замѣтки для доклада и персидскія брошюры, служившія для него источникомъ, сохранились въ бумагахъ В. А.

[5] Заслуги передъ наукой одного изъ дѣятелей оффиціальной Персіи, Сані'-ад-даулэ или И'тимад-ал-сальтанэ, были предметомъ одной изъ статей В. А. въ ЗВО (X, 187—191), ср. также отзывъ о трудѣ مطلع الشمس въ ЗВО, III, 119. Объ этомъ умѣстно вспомнить теперь, въ виду появившихся въ татарскомъ журналѣ شورا (1918 г., № 23—24) сѣтованій на русскихъ оріенталистовъ, будто бы не желающихъ знать восточныхъ ученыхъ; авторъ ссылается на слова сотрудника ЗВО, А.-З. Валидова, разсказавшаго ему, что такой спеціалистъ по Персіи, какъ В. А., не зналъ о существованіи Джемал-ад-дина Афгани. Въ дѣйствительности Джемал-ад-динъ былъ хорошо извѣстенъ русскимъ мусульманистамъ и во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1888 г. посѣтилъ одно изъ засѣданій нашего Отдѣленія (ЗВО, III, стр. III).

[6] Въ бумагахъ В. А. сохранился текстъ и переводъ труда Али-Хана Каджарскаго о послѣднемъ времени Насир-ад-дина и началѣ царствованія Музаффара; изъ этого труда преимущественно былъ извлеченъ матеріалъ для доклада.

дили до ученаго міра; съ 1907 до 1916 гг. включительно В. А. не давалъ о себѣ и своихъ работахъ никакихъ свѣдѣній даже въ университетскихъ отчетахъ. Въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія это продолжительное молчаніе лучшаго знатока одной изъ странъ мусульманскаго міра, вѣроятно, будетъ признано однимъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого факта. В. А., конечно, не охладѣлъ къ предмету своихъ изслѣдованій, но возможно, что въ немъ, несмотря на сочувственные отзывы спеціальной критики, подъ вліяніемъ равнодушія общества къ трудамъ русскихъ востоковѣдовъ нѣсколько ослабѣло желаніе обращаться къ читателямъ.

Необходимо отмѣтить также фактъ уклоненія В. А. отъ всякой печатной полемики, даже отъ составленія отзывовъ о чужихъ трудахъ. Несомнѣнно, что В. А. никогда не переставалъ внимательно слѣдить за литературой по своей спеціальности; его молчаніе вызывалось иными мотивами, ближе всего, по всей вѣроятности, соотвѣтствующими девизу современнаго арабскаго писателя, съ которымъ насъ недавно познакомилъ И. Ю. Крачковскій[1]: «Скажи слово свое и иди». Какъ бы мы не были расположены сочувствовать этому девизу, едва ли состояніе русской науки даетъ право русскому ученому имъ руководствоваться.

Въ первые годы своей дѣятельности В. А., повидимому, смотрѣлъ на этотъ вопросъ такъ же, какъ другіе русскіе оріенталисты. Низкій уровень культурности русскаго общества, въ особенности низкій уровень познаній о Востокѣ побуждалъ русскихъ оріенталистовъ на страницахъ своихъ періодическихъ изданій давать отзывы о такихъ книгахъ, которыя на западѣ вообще не были бы удостоены вниманія научной печати. Нѣсколько такихъ рецензій, на ряду съ отзывами о серьезныхъ научныхъ трудахъ, помѣстилъ на страницахъ «Записокъ» нашего Отдѣленія и В. А., но всѣ напечатанныя имъ рецензіи помѣщены въ небольшомъ числѣ томовъ, отъ 2-го до 7-го; изданія, о которыхъ давалъ отзывъ В. А., всѣ относятся къ четырехлѣтнему періоду 1887—1891 гг. В. А. послѣ 1891 г. ничѣмъ не отзывался даже на появленіе научныхъ трудовъ, близко касавшихся предметовъ его спеціальныхъ занятій; имъ не было дано отзыва ни объ «Исторіи персидской литературы» Э. Броуна, ни объ англійскомъ переводѣ كشف المحجوب, ни о «Матеріалахъ для изученія персидской секты Люди истины» В. Ѳ. Минорскаго. Въ послѣдніе годы имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлались въ засѣданіяхъ Отдѣленія доклады о вновь вышедшихъ трудахъ или вновь опубликованныхъ матеріалахъ; сюда относятся прочитанный въ февралѣ

[1] Аминъ Рейхани, Петроградъ 1917 (издат. «Огни», Повѣсти. Разсказы. Кн. XI).

1913 г. докладъ о путешествіи d'Allemagne: «Du Khorasan au pays des Bakhtiaris», причемъ обѣщаніе дать печатный отзывъ объ этомъ трудѣ[1] не было исполнено, и прочитанное въ октябрѣ 1914 г. сообщеніе «Разсказъ современника о Халладжѣ»[2]. При жизни такого знатока Персіи и литературы о ней, какъ В. А., никто другой изъ членовъ нашего Отдѣленія не рѣшился бы взять на себя обязанность знакомить читателей съ новыми трудами въ этой области; поэтому отдѣлъ критики и библіографіи въ «Запискахъ» Отдѣленія, не удовлетворявшій и въ другихъ отношеніяхъ тѣмъ требованіямъ, которыя могли бы быть предъявлены къ нему русской наукой, не давалъ почти никакихъ свѣдѣній о трудахъ, посвящавшихся послѣ 1891 г. Ирану.

Въ мою задачу не входитъ дать полную оцѣнку дѣятельности В. А., которой, конечно, будетъ принадлежать видное мѣсто въ исторіи русской науки, хотя ея итоги, какъ и итоги дѣятельности большинства другихъ русскихъ ученыхъ, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи далеко не соотвѣтствуютъ тому, чего можно было ожидать по ея блестящему началу. Не касаюсь вопроса, насколько это явленіе въ данномъ частномъ случаѣ связано съ общими условіями русской жизни и насколько оно должно быть объяснено условіями личной жизни и личными свойствами нашего покойнаго сочлена. Не касаюсь мало извѣстной мнѣ дѣятельности покойнаго въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, во главѣ котораго онъ стоялъ съ 1906 г., и вообще въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Не буду вдаваться въ оцѣнку заслугъ покойнаго, какъ университетскаго преподавателя и участника жизни факультета восточныхъ языковъ, въ которомъ онъ десять лѣтъ былъ секретаремъ (1892—1902) и девять лѣтъ деканомъ (1902—1911). Лично я имѣлъ счастье слушать лекціи В. А. въ первые годы его дѣятельности, когда онъ приступалъ къ своей задачѣ со свѣжими силами и надеждами и еще не подвергался дѣйствію того разочарованія, о которомъ онъ впослѣдствіи, какъ всѣмъ извѣстно, не разъ говорилъ въ кругу товарищей. Не могу не вспомнить съ благодарностью о В. А., какъ внимательномъ и строгомъ оффиціальномъ оппонентѣ, какимъ ему пришлось выступить на моемъ диспутѣ, въ первый и въ послѣдній разъ за всю свою продолжительную преподавательскую дѣятельность. Какъ дороги были В. А-чу интересы факультета, съ какимъ знаніемъ дѣла и любовью онъ принималъ участіе въ обсужденіи волновавшихъ факультетъ вопросовъ, объ этомъ едва ли есть надобность говорить. Извѣстно, что В. А-чемъ было составлено, отъ имени всѣхъ учениковъ барона Розена, обраще-

[1] ЗВО, XXII, стр. IV.
[2] Ibid., стр. XXXVI.

ніе къ ихъ общему учителю, въ которомъ они называютъ себя «неразрывно связанными», благодаря барону Розену, «съ университетомъ и наукой». Памятна мнѣ также рѣчь покойнаго въ факультетѣ послѣ переизбранія его деканомъ въ 1905 г., въ которой онъ назвалъ себя въ полномъ смыслѣ слова воспитанникомъ факультета, «воспитанникомъ не только своихъ учителей, но и своихъ учениковъ». Ограничиваюсь приведеніемъ этихъ подлинныхъ словъ покойнаго, наглядно показывающихъ, какъ тѣсно онъ считалъ себя связаннымъ со своими старшими и младшими товарищами; совершенно не касаюсь вопроса, какихъ учениковъ В. А. прежде всего имѣлъ въ виду, въ чемъ особенно ярко выразилось его согласіе съ ними и въ чемъ онъ, наоборотъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, съ ними расходился. Каковы бы ни были эти разногласія и чѣмъ бы они ни были вызваны, В. А. сохранилъ до конца любовь къ русской культурѣ, къ русскому востоковѣдѣнію и къ своей собственной научной спеціальности. Не буду останавливаться на томъ, что особенно влекло къ В. А. всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло: на той душевной теплотѣ, которая не только проявлялась въ его печатныхъ трудахъ, но постоянно чувствовалась въ его отношеніяхъ къ людямъ, старшимъ и младшимъ, несмотря на кажущуюся суровость. Помимо изученія прошлаго Персіи, составлявшаго главный предметъ его личныхъ занятій, В. А. призывалъ своихъ учениковъ, работавшихъ въ Персіи, къ изученію современной жизни этой страны. Что этотъ призывъ не всегда оставался безъ отклика, лучше всего показалъ докладъ В. А. о «Чертахъ современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ», прочитанный въ нашемъ Отдѣленіи въ ноябрѣ 1903 г., на основаніи матеріала, присланнаго В. А-чу изъ Персіи его учениками и друзьями. Въ этомъ докладѣ В. А. говорилъ о политическомъ моментѣ, переживавшемся тогда Персіей, о памятникахъ народной литературы, въ которыхъ отражалось политическое движеніе и которые и до сихъ поръ остаются совершенно неиспользованными [1]; въ выраженіяхъ, полныхъ достоинства и въ то же время скромности, В. А. упоминалъ о заслугахъ своихъ учениковъ въ дѣлѣ собиранія цѣннаго для будущаго историка матеріала и выражалъ надежду, что этому примѣру послѣдуютъ будущія поколѣнія воспитанниковъ факультета. Позволяю себѣ привести, изъ бумагъ В. А-ча, эту заключительную часть доклада, въ которой ярко отразилась личность покойнаго профессора: «Какъ изволятъ видѣть члены Отдѣленія, памятники цѣнные; къ сожалѣнію, для обработки и опубликованія ихъ не настало еще

[1] О нихъ не упоминается ни въ книгѣ Э. Броуна The Persian Revolution (1910), ни въ русской работѣ М. А. «Послѣднее политическое движеніе въ Персіи», вып. 1 (1906) и 2 (1907).

время; важно лелѣять добрососѣдскія отношенія съ Персіей. Предстоитъ теперь копить малое; оно, по словамъ Са'ди, образуетъ потокъ и многое и сослужитъ большую службу будущему историку Персіи за время конца XIX и начала XX столѣтія. Картины не новыя: взяточничество, полный произволъ разнузданнаго правительства, прогрессирующій въ зависимости отъ ступени, на которой находится народный вопль отъ тягостей. Картины, извѣстныя всѣмъ, непосредственно соприкасавшимся съ Персіей или читавшимъ путешествія, но не персидскимъ періодическимъ изданіямъ, выбрасываемымъ на персидскій рынокъ. Тутъ все благополучно: справедливость шаха, изобиліе плодовъ земныхъ, времена мира и благополучія и молитвы— можно подумать, что въ раю. Картины не новы — ново (и то относительно) отраженіе въ литературныхъ произведеніяхъ, шире или ýже рисующихъ дѣйствительность, отвѣчающихъ на самые разнообразные запросы и злобы дня. Литература трехъ родовъ: устная, въ спискахъ по рукамъ въ разныхъ мѣстахъ и выходящая изъ-подъ литографскаго станка (что совершенно ново)—добыть ее такъ же трудно, какъ археологическій памятникъ, зарытый въ землѣ. Нужно сидѣть на мѣстѣ, слѣдить и умѣть добывать. Если мнѣ на далекомъ отъ Персіи сѣверѣ выпало счастье получить этотъ цѣнный матеріалъ, образованный маленькой горстью изъ моихъ бывшихъ учениковъ по университету и лицъ, связанныхъ со мною узами дружбы по моимъ поѣздкамъ въ Персію, которыя при сложныхъ служебныхъ обязанностяхъ находили время и охоту не порывать въ моемъ лицѣ связи съ университетомъ и отчасти по собственному почину, отчасти по моимъ указаніямъ и покорнѣйшей просьбѣ, по крохамъ собирать цѣнный матеріалъ — Власова, Батюшкова, Барановскаго и Гирса я считаю долгомъ съ благодарностью вспомнить: они собственно являются докладчиками, а я только راوى передатчикъ. Нужно пожелать, чтобы горсть эта разрасталась и нашла себѣ подражателей въ нарастающемъ поколѣніи слушателей восточнаго факультета».

Событія конца 1917 г., причинившія В. А-чу и его семьѣ больше горя, чѣмъ всѣмъ его товарищамъ, не уничтожили въ немъ желанія работать для науки; насильственно оторванный отъ значительной части своихъ прежнихъ обязанностей, онъ мечталъ снова посвятить себя исключительно научнымъ изслѣдованіямъ и довести до конца прерванные научные труды, но этимъ мечтамъ не было суждено сбыться.

В. Бартольдъ.

В. А. Жуковскій и персидская народная поэзія.

«Персидское народное творчество, интересное въ отношеніи языка, формы и содержанія, остается до настоящаго времени областью совершенно необслѣдованной и неизвѣстной», писалъ въ 1902 г. нынѣ покойный мой учитель Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій, выпуская въ свѣтъ свои «Образцы персидскаго народнаго творчества». Это была первая попытка систематично собрать и обслѣдовать народныя произведенія Персіи не только какъ вспомогательный матеріалъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ лингвистическихъ вопросовъ иранской филологіи, но какъ произведенія народной словесности, въ которыхъ такъ или иначе отразились характерныя черты быта и воззрѣній персидскаго народа, черты, которыхъ мы напрасно стали-бы искать въ произведеніяхъ художественной литературы Персіи.

Интересъ и вниманіе Валентина Алексѣевича къ этой отрасли персидской литературы зародились давно — со времени перваго практическаго ознакомленія съ Персіей, съ живыми представителями персидскаго народа и ихъ живымъ языкомъ, когда при своихъ занятіяхъ персидскими діалектами ему для своихъ цѣлей пришлось пользоваться произведеніями устной персидской поэзіи, такъ что и для него они первоначально служили тѣмъ-же вспомогательнымъ матеріаломъ, являлись тою-же ancilla philologiae.

Однако на ряду съ этимъ господствующимъ взглядомъ на народную словесность Персіи, у В. А., какъ показываютъ его раннія замѣтки[1], ясно проявился живой интересъ къ произведеніямъ персидской «народной музы», въ которыхъ помимо массы драгоцѣнныхъ указаній бытового характера можно отыскать иногда образчики истинной поэзіи и проблески глубокаго поэтическаго чувства.

---

[1] Напр. «Образчикъ персидскаго юмора».

Занятія В. А. народными произведеніями Персіи выразились въ тщательномъ собираніи, объясненіи и изслѣдованіи этихъ произведеній, насколько это было въ его силахъ при томъ нескрываемомъ презрительномъ отношеніи самихъ персовъ къ достоинствамъ чисто народныхъ произведеній словесности и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился во время своего трехлѣтняго пребыванія въ Персіи въ 1883 — 1886 гг., и весь собранный имъ матеріалъ, пополненный въ 1899 г., во время лѣтней поѣздки В. А. въ Тегеранъ, распадается по языку на два отдѣла. Первый — народныя произведенія на разныхъ персидскихъ діалектахъ, заключающіяся въ настоящее время въ трехъ частяхъ «Матеріаловъ для изученія персидскихъ нарѣчій»; среди этихъ матеріаловъ наиболѣе важны и любопытны съ интересующей насъ точки зрѣнія давно ждущія выхода въ свѣтъ пѣсни бахтіяровъ[1], въ особенности ихъ боевыя пѣсни, являющіяся живымъ эпосомъ этого кочевого иранскаго племени. Второй отдѣлъ оставленнаго В. А. матеріала, болѣе обширный, составляютъ образцы народнаго творчества исключительно на персидскомъ языкѣ, изданные отдѣльной книгой и разбитые по содержанію на пять отдѣловъ: 1) пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, 2) пѣсни свадебныя, 3) пѣсни колыбельныя, 4) загадки и 5) образцы разнаго содержанія.

Вниманіе В. А., повидимому, съ самаго начала обратилось на пѣсни свадебныя и пѣсни колыбельныя, такъ какъ эти отдѣлы представляются наиболѣе имъ изученными и изслѣдованными, служа цѣннымъ матеріаломъ для этнографіи Персіи. Въ частности на основаніи собранныхъ свадебныхъ пѣсенъ В. А. живо и ярко изобразилъ цѣльную картину свадебныхъ обрядовъ отъ начала и до ихъ завершенія; въ этихъ пѣсняхъ отражается свадьба лишь на югѣ Персіи, въ то время какъ въ другихъ мѣстностяхъ Персіи этихъ важныхъ для этнографіи данныхъ пока не найдено.

Цѣнность собраннаго и сообщеннаго В. А. матеріала усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наблюденіе свадебныхъ обрядовъ въ Персіи во всей ихъ полнотѣ почти недоступно иностранцамъ, вслѣдствіе извѣстнаго положенія мусульманской женщины. Въ наблюденіяхъ В. А. преобладающую роль играютъ интересы этнографіи, тогда какъ вопросы историко-литературнаго характера, происхожденіе свадебныхъ пѣсенъ, ихъ форма и размѣръ стоятъ на второмъ планѣ.

Съ особеннымъ интересомъ и любовью В. А. остановился на изслѣдованіи и объясненіи персидскихъ колыбельныхъ пѣсенъ, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, «колыбельныя пѣсни всякой націи безспорно составляютъ

[1] «Матеріалы», ч. III.

одну изъ любопытнѣйшихъ и полныхъ высокаго интереса областей народнопѣсеннаго творчества, онѣ составляютъ благодарный матеріалъ для пониманія народнаго самосознанія и народной души». Характеръ этихъ пѣсенъ, ихъ особенности и достоинства въ значительной степени отличаются отъ таковыхъ другихъ народныхъ произведеній Персіи, отношеніе къ нимъ персовъ въ большинствѣ случаевъ иное, чѣмъ къ другимъ народнымъ произведеніямъ.

Отличаясь живостью и образностью языка, глубиной чувства и непосредственностью лиризма, представляя неизсякаемый источникъ бытовыхъ чертъ, словомъ, обладая «достоинствами одинаковыми съ другими областями народнаго творчества, колыбельная пѣсня обладаетъ бо̀льшимъ богатствомъ содержанія, разнообразіемъ выражающихся въ ней жизненныхъ сторонъ, наконецъ, живучестью». Кромѣ того, нигдѣ яснѣе, чѣмъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ, не выступаетъ обликъ персидской женщины, не обрисовывается ея характеръ какъ матери, какъ жены, какъ хозяйки — семьянинки и какъ человѣка вообще.

Положеніе персидской женщины, недоступность ея «внутренняго міра мысли и чувства для пытливаго ума и взора большинства чужестранцевъ увеличиваютъ еще болѣе въ нашихъ глазахъ цѣну колыбельныхъ пѣсенъ, и тѣмъ бо̀льшую цѣнность пріобрѣтаетъ талантливый этюдъ покойнаго В. А., напечатанный въ 1889 г.[1].

Здѣсь данъ переводъ 68 колыбельныхъ пѣсенъ, но и этого матеріала было «достаточно для того, чтобы впервые повести рѣчь объ этомъ предметѣ», такъ какъ A. Chodzko[2], авторъ единственнаго въ то время сборника народной поэзіи персовъ, не коснулся области колыбельныхъ пѣсенъ; часть этихъ пѣсенъ (38), чисто персидскихъ, издана была впослѣдствіи въ текстѣ съ переводомъ въ «Образцахъ персидскаго народнаго творчества», составивъ самостоятельный отдѣлъ.

Въ этюдѣ, кромѣ того, съ достаточной ясностью и полнотой вырисовывается разница въ условіяхъ жизни и быта персидской женщины осѣдлаго населенія и представительницы кочевого иранскаго племени (въ данномъ случаѣ бахтіяровъ).

Загадки (числомъ 95), записанныя въ 1886 г. въ Ширазѣ и д. Сивендъ, составляютъ лишь матеріалъ для будущаго болѣе подробнаго обслѣдованія этой области народнаго творчества Персіи не только съ точки зрѣнія этнографіи, но и съ историко-литературной, принимая во вниманіе тотъ довольно значительный запасъ загадокъ, который заключается въ произве-

---

[1] Колыбельныя пѣсни осѣдлаго и кочевого населенія Персіи, ЖМНП, 1889.

[2] Specimens of the Popular Poetry of Persia. London 1842.

деніяхъ разныхъ персидскихъ поэтовъ и въ различнаго рода антологіяхъ и спеціальныхъ сборникахъ загадокъ.

Первый отдѣлъ «Образцовъ», самый обширный по объему, составляетъ собраніе (числомъ 69) таснифовъ, своеобразныхъ персидскихъ романсовъ. Историко-литературные вопросы затронуты здѣсь попутно, и главное вниманіе вполнѣ справедливо удѣлено значенію, которое имѣетъ въ историческомъ отношеніи бо́льшая часть таснифовъ — таснифы злободневные. Изданіе таснифовъ В. А. представляетъ значительный шагъ впередъ послѣ попытки въ этомъ направленіи A. Chodzko[1], сообщившаго рядъ таснифовъ лишь въ англійскомъ переводѣ, безъ персидскаго оригинала; интересъ В. А. къ этой области произведеній народной персидской словесности не исчезъ и послѣ изданія его таснифовъ: онъ намѣревался продолжить свои работы въ этой области изданіемъ сборника романсовъ — مجمع تصنیفات, хранящагося въ рукописи Публичной Библіотеки. Во всякомъ случаѣ историко-литературные вопросы о происхожденіи этого рода поэзіи, ея формахъ, вопросъ объ авторахъ таснифовъ и др. до сихъ поръ не выяснены, но послѣ изданія В. А. разрѣшеніе ихъ значительно облегчено.

Въ отдѣлъ «Образцовъ разнаго содержанія» вошли «народныя произведенія, которыя не принадлежатъ къ разряду обрядовыхъ,... и которыя по малочисленности образцовъ не могли составить отдѣловъ самостоятельныхъ». Если принять принципъ классификаціи народныхъ пѣсенъ по содержанію, принципъ, которому въ большинствѣ случаевъ слѣдовалъ В. А., то среди этихъ образцовъ разнаго содержанія намѣчены самимъ покойнымъ дальнѣйшіе отдѣлы народныхъ произведеній Персіи, и лишь недостатокъ матеріала, какъ онъ самъ говорилъ, не далъ возможности обслѣдовать намѣченные отдѣлы болѣе подробно, опредѣлить ихъ существенныя черты. При наличіи уже имѣющагося въ настоящее время собраннаго матеріала намѣченное В. А. составитъ вполнѣ самостоятельные отдѣлы, какъ, напримѣръ, стихотворныя присказки бродячихъ дервишей и слѣпцовъ, пѣсни чарвадаровъ, стихотворенія лирическія и любовныя, стихотворные листки народной лѣтописи, народной сатиры на сословія, лица и событія и др.; указанные отдѣлы заключаютъ массу важныхъ и любопытныхъ бытовыхъ чертъ, раньше неизвѣстныхъ или мало понятныхъ по винѣ самихъ персовъ, чуждающихся произведеній народной словесности.

Еще со времени первой своей поѣздки въ Персію въ 1883—1886 гг. В. А. живо заинтересовался особымъ родомъ довольно обширной литературы, произведенія которой, въ печатномъ видѣ, онъ тщательно собиралъ,

[1] Ibid., pp. 417—450.

составивъ такимъ образомъ порядочную коллекцію, хранящуюся нынѣ въ Библіотекѣ Петроградскаго Университета: это — дѣтская литература, дѣтское чтеніе — بچه‌خوانی, «или, вѣрнѣе сказать, народная, потому что соками ея питается значительная часть простого населенія». Содержаніе ея составляютъ повѣствованія изъ жизни животныхъ, напр. «Мыши и Котъ», «Тетушка Лягушка», «Тетушка Жужелица», «Господинъ Воробей» и многія другія, въ литературной отдѣлкѣ народныхъ стихотворцевъ, имена которыхъ рѣдко извѣстны; повѣствованія эти представляютъ настоящій животный эпосъ. «Отличаясь живостью изложенія, мѣткимъ обыденнымъ языкомъ, большимъ юморомъ и наблюдательностью, они читаются съ большимъ интересомъ, а заключая много общихъ, знакомыхъ намъ мотивовъ, невольно напрашиваются на сравненіе»[1].

В. А. первый обратилъ вниманіе на эту отрасль персидской народной словесности, неослабно слѣдилъ за ея судьбой, но, направивъ свои изысканія въ другія области, къ сожалѣнію, не сообщилъ результатовъ своихъ долгихъ наблюденій.

Приведенная нами краткая характеристика дѣятельности В. А. въ области изученія персидскаго фольклора позволяетъ съ полнымъ правомъ сказать, что труды В. А. по собиранію и изслѣдованію народной словесности Персіи представляютъ собою значительный этапъ въ прогрессѣ изученія персидскаго фольклора, не смотря на присущіе всякому труду недостатки, отчасти указанные нами попутно, что въ нѣкоторые уголки этой области В. А., какъ піонеръ, проникъ первымъ, что онъ внесъ въ изученіе Персіи невѣдомый доселѣ матеріалъ этнографическій и литературный и что для историковъ персидской литературы[2] только послѣ трудовъ В. А. явилась возможность впервые посвящать отдѣльную главу и персидской народной словесности.

А. А. Ромаскевичъ.

---

[1] Колыбельныя пѣсни, отд. отт., стр. 18.

[2] P. Horn. Die neupersische Literatur въ Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele, herausg. von P. Hinneberg. T. I, Abt. VII, pp. 258—259: V. Die Volksliteratur.

Списокъ трудовъ В. А. Жуковскаго.

1. Али Аухадэддинъ Энвери. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Спб. 1883. XXIV+146+٩. 8⁰.—Ср. К. Залеманъ, ЖМНП, 1885, CCXXX, отд. 2, стр. 160—176; W. Pertsch, Litteratur-Blatt für Orientalische Philologie, II, Lpzg. 1884-1885.—E. G. Browne. Zhukovski's Memoir on Anwarí. A Literary History of Persia, II, L. 1906, p. 368—74.
2. О положеніи гебровъ въ Персіи. ЖМНП, 1885, CCXXXVII, отд. 2, стр. 77—94.
3. Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчіяхъ. ЗВО, I, 23—27; 27—29 (примѣчаніе бар. В. Р. Розена). 1886 (1887).
4. Образчикъ персидскаго юмора. ЗВО, I, 316—318. 1886 (1887).
5. Секта «Людей истины»—Ahlihakk—въ Персіи. ЗВО, II, 1—24. 1887 (1888).
6. Толкованіе притчи въ сатирѣ Фирдоуси. ЗВО, II, 263-266. 1887 (1888).
7. Сказки попугая. Споръ чашки съ кальяномъ. Выбралъ и словаремъ снабдилъ ... Спб. 1887. 56+٦۴ lith. 8⁰.
8. *Рец.* Путешествіе Шаха Наср-эддина по Мазандерану (Собственный Его Величества дневникъ). Перевелъ съ персидскаго горный инженеръ Э. Коріандеръ. Спб. 1887, 60 стр., in 8⁰. ЗВО, II, 280—282. 1887 (1888).
9. *Рец.* Современная Персія. Картинки современной персидской жизни и характера. Доктора Уильса. Перевелъ съ англійскаго И. Коростовцевъ. Спб. 1887, 279 стр. in 16⁰. ЗВО, II, 282—283. 1887 (1888).
10. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Часть первая. Діалекты полосы города Кашана: Вонишунъ, Кохрудъ, Кещэ, Зефрэ. Спб. 1888. XX+251. 8⁰. Ср. C. Salemann, Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur pers. Dialektologill. Bull. de l'Acad. Imp. de St.-Pétersbourg, XXXI, 4, p. 537—540.
11. Бѣлозерскій. «Письма о Персіи». Докладъ въ Археол. Обществѣ 24 сентября 1887 г.
12. Ḡālī (غالی)—названіе современныхъ персидскихъ сектантовъ. ЗВО, III, 119—121. 1888 (1889).
13. Особенное значеніе глагола داشتن въ персидскомъ разговорномъ языкѣ. ЗВО, III, 376—377. 1888 (1889).
14. Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи. ЖМНП, 1889, январь, стр. 93—126.
15. Рукопись Николая Семино, содержащая замѣтки о военныхъ событіяхъ 1827 г. въ Персіи. Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 27 января 1889 г.
16. Персидская свадьба въ пѣсняхъ. Сообщеніе въ Отдѣленіи Этнографіи Р. Геогр. О-ва 3 февраля 1889 г. ИРГО, т. XXV, Спб. (Дѣйствія О-ва), стр. 28—29. Ср. В. А. Жуковскій, Образцы etc., стр. 115—152.
17. Пѣснь Насири-Хосрова. ЗВО, IV, 386—393. 1889 (1890).
18. *Рец.* Риза-Кули-Ханъ. رياض العارفين XVI+365 стр. 8⁰. Тегеранъ 1305 г. Г. Съ портретомъ автора. ЗВО, IV, 455—458. 1889 (1890).
19. Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar von Carl Salemann und Valentin Shukovski. Berlin 1889. 8⁰. XII+118+140 * Porta Linguarum Orientalium. Pars XII.
20. Краткая грамматика новоперсидскаго языка съ приложеніемъ метрики и библіографіи. Составили К. Г. Залеманъ и В. А. Жуковскій. Иждивеніемъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Спб. 1890. 8⁰. 100 стр.

21. Персидскій шахъ Насир-Эддинъ—писатель. «Новое Время» 1890 г. № 4741.
22. Персидскіе лѣтописцы о смерти А. С. Грибоѣдова. «Новое Время» 1890 г. № 5068.
23. Юморъ персидско-индійскій. ЗВО, V, 111—112. 1890 (1891).
24. Персидскія версіи «Шемякина суда». ЗВО, V, 157—178. 1890 (1891).
25. *Рец.* Neupersische Schauspiele von Muhaemmaed Ǵaeʿfaer Qaraǵadaḡī im persischen Texte, mit wörtlicher deutscher Uebersetzung, Anmerkungen und vollständigem Wörterverzeichniss zum Gebrauche der k. k. öffentlichen Lehranstalt für Orientalische Sprachen herausgegeben von Prof. Dr. Adolf Wahrmund. Heft I: Monsieur Jourdan, der Pariser Botaniker, im Qarabāḡ. Wien. 1889. VIII+36+34+30 стр. 8⁰. ЗВО, V, 129—132. 1890 (1891).
26. Изъ прошлаго Султанбенда—плотины на Мургабѣ. «Новости» № 99 (9 апрѣля 1891 г.).
27. Мусульманство Рустема Дастановича. ЖС, I, 4, отд. 1, стр. 109—117. Спб. 1891.
28. Могила Фирдоуси (Изъ поѣздки въ Хорасанъ лѣтомъ 1891 г.). Съ 1 фотограф. табл. ЗВО, VI, 308—314. 1891 (1892).
29. Недавнія казни бабидовъ въ городѣ Ездѣ. ЗВО, VI, 321—327. 1891 (1892).
30. *Рец.* Походы Надиръ-Шаха въ Гератъ, Кандагаръ, Индію и событія въ Персіи послѣ его смерти. Составилъ ген.-лейт. С. О. Кишмишевъ. Издано Военно-Историческимъ Отдѣломъ при штабѣ Кавк. военн. округа. Съ прилож. географ. картъ на пяти листахъ. Тифлисъ 1889. II+303 стр. 8⁰. ЗВО, VI, 351. 1891 (1892).
31. *Рец.* Кн. Эсперъ Ухтомскій. Отъ Калмыцкой степи до Бухары. Спб. 1891. I+211 стр. 8⁰. ЗВО, VI, 351—354. 1891 (1892).
32. *Рец.* Die Denkwürdigkeiten Schâh Tahmasp's des Ersten von Persien (1515—1576) aus dem Originaltext zum ersten Male übersetzt und mit Erläuterungen versehen von Paul Horn. Strassburg. K. J. Trübner. 1891. 156 стр. 16⁰.—Die Denkwürdigkeiten des Šâh Tahmâsp I von Persien. Von Paul Horn. Zeitsch. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. Bd. XLI, pp. 563—649. ЗВО, VI, 377—383. 1891 (1892).
33. Разъясненія къ замѣткѣ «Недавнія казни въ городѣ Ездѣ». ЗВО, VII, 327. 1892 (1893).
34. جمجمه نامه. Легенда объ Іисусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Аттара. ЗВО, VII, 63—72. 1892 (1893).
35. *Рец.* Das Mujmil et-târîkh-i ba'dnâdirîje des Ibn Muhammed Emîn Abu'l-Hasan aus Gulistâne [Fasc. I. Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750]. Nach der berliner Handschrift herausgegeben und mit einer Einleitung und mit Indices versehen von Oscar Mann. Leiden. Brill, 1891. 48+٧٢ стр. 12⁰. ЗВО, VII, 361—362. 1892 (1893).
36. Краткій обзоръ поѣздки въ Закаспійскій край. ОАК, 1890. Спб. 1893, стр. 79.
37. Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва... Съ 1 снимкомъ съ рукописи, 39 рисунками въ текстѣ и VII таблицами картъ, надгробныхъ надписей и орнамента. Спб. 1894. 4⁰. I—V; I—III+217 стр. МАР, № 16. Ср. А. Туманскій, ЗВО, IX, 300—303. 1896; Отзывъ почетнаго члена бар. В. Г. Тизенгаузена о соч. проф. В. А. Жуковскаго: Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва. ЗВО, XI, 327—333.
38. Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ. Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1895 г. Спб. 1895. 8⁰. 32 стр. Отчетъ о сост. и дѣят. И. Спб. Ун-та за 1894 г. Спб. 1895, стр. 97—128.
39. Образцы персидскаго базарнаго стихотворства на современныя темы. Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 6 мая 1893 г.
40. Пѣсни Хератскаго Старца. Восточныя замѣтки. Спб. 1895. 4⁰, стр. 79—113.
41. Мухаммедъ-Хасанъ-ханъ (Иʿтимад-ал-сальтанэ). ЗВО, X, 187-191. 1896 (1897).
42. Омаръ Хайямъ и «странствующія» четверостишія. المظفرية. Спб. 1897, стр. 325—363.— Ср. E. Denison Ross. Al-Muzaffariyé, containing a recent contribution to the study of Omar Khayyām by V. Shukovski. Journal of the Royal Asiatic Society, v. 30, pp. 349—366. London. 1898. 8⁰.
43. Старецъ Абу-Саидъ и его могила въ Мехнэ. Докладъ въ Археологическомъ Обществѣ 8 ноября 1896 г.
44. «Культура опія въ Персіи» (Народная сатира). «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1898, № 56. Ср. Образцы, стр. 103—108.

45. Переходъ 120 армянъ въ Персіи въ мусульманство. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1898.

46. «Живой царь». (Легенда). Литературныя приложенія къ журналу «Нива» 1898, 2, 235—258.

47. Соловей и муравей. ЗВО, XI, 304—307. 1897-1898 (1899).

48. Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида. Толкованіе на четверостишіе Абу-Са'ида. Персидскіе тексты. اسرار التوحيد فى مقامات شيخ ابى سعيد تأليف محمد بن المنوّر بن ابى سعيد بن ابى طاهر الميهنى با رسالهٔ حورائيّه تأليف عبيد الله بن المحمود الشاشى در ذيل. Спб. 1899. 13+٥١٦. 8⁰. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ № 1.

49. Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго. Персидскій текстъ. حالات و سخنان شيخ ابو سعيد فضل الله بن ابى الخير الميهنى Спб. 1899. 6+٧٤ 8⁰. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ. № 2.

50. Къ исторіи персидской литературы при Саманидахъ. ЗВО, XII, 04—07. 1899 (1900).

51. Бесѣды съ дервишами современной Персіи. Сообщеніе въ Восточномъ Отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества 18 ноября 1899 г. ЗВО, XII, XXIII—XXIV. 1899 (1900).

52. Къ исторіи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго. ЗВО, XIII, 145—156. 1900 (1901).

53. Кое-что о Баба-Тахирѣ Голышѣ ЗВО, XIII, 0104—0108. 1900 (1901).

54. Персидская версія фабло Constant du Hamel. Сообщеніе въ Восточномъ Отдѣленіи Археол. Общества 14 января 1899 г.

55. Сказки попугая.—Споръ чашки съ кальяномъ. Выбралъ и словаремъ снабдилъ ... Изд. 2. Спб. 1901. 65+٤٣. 8⁰. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ № 8.

56. О нѣкоторыхъ персидскихъ рукописяхъ изъ собранія Минъ-Тюбинскаго ишана. Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 22 февраля 1901 г.

57. Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Собралъ и перевелъ ... Съ 10 рисунками и портретомъ. Спб. 1902. IX+281; добавленіе (на правахъ рукописи) 9 стр. 8⁰. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ № 10.

58. Послѣдніе дни шаха Насир-ад-дина. Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 22 марта 1901 г.

59. Черты современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 20 ноября 1903 г. ЗВО, XVI, xvi. 1904—1905 (1906).

60. Изъ области персидской литературы. Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 25 апреля 1902 г.

61. Мистикъ Джуллаби (XI в.) и его сочиненія. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 26 января 1906 г. ЗВО, XVII, xxii, xxiii. 1906 (1907).

62. О персидскомъ лубочномъ изданіи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 23 марта 1906 г. ЗВО, XVII, xxxi—xxxii. 1906 (1907).

63. Разсказъ современника о Халладжѣ. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 30 октября 1914 г. ЗВО, XXII (1915), стр. XXXVI.

64. Позднѣйшія поступленія мусульманскихъ рукописей въ библіотеку учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ. Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 28 февраля 1908 г.

65. Россійскій Императорскій консулъ Ѳ. А. Бакулинъ въ исторіи изученія бабизма. ЗВО, XXIV (1917), 33—90.

66. Henry-René D'Allemagne, «Du Khorassan au pays des Backhtiaris. Trois mois de voyage en Perse». Сообщеніе въ Археол. Обществѣ 28 февраля 1913.

67. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Часть вторая. Діалекты г. Семнана: Сэнгисэръ и Шемерзодъ. Діалекты полосы г. Исфагана: Сэдэ, Гязъ, Кяфронъ. Діалекты полосы г. Шираза: Сивендъ, Абдуи. Гуранскій діалектъ д. Талахедэшкъ. Нарѣчіе евреевъ г. Кашана. Нарѣчіе д. Тоджришъ. Вып. первый. I. Тексты II. Словарь. Пгр. II+432 стр. 8⁰. Не вышло въ свѣтъ.

68. Тоже. Часть третья. Нарѣчіе Бахтіяровъ Чехарленгъ и Хефтленгъ. Вып. первый. I. Тексты и переводы. II. Словарь. Изд. Россійской Академіи Наукъ Пгр. 205 стр. 8⁰. Не вышло въ свѣтъ.

Памяти Н. А. Мѣдникова.

(† 26 октября 1918 г.).

30 ноября 1908 года на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, посвященномъ памяти бар. В. Р. Розена, Н. А. Мѣдниковъ начиналъ свою характеристику дѣятельности покойнаго ученаго словами[1]: «Полной и всесторонней его оцѣнки... можно ожидать... лишь въ будущемъ, когда явится возможность сопоставить труды покойнаго не только съ трудами его предшественниковъ и современниковъ, но и съ тѣмъ, что дастъ послѣдующее поколѣніе арабистовъ». Къ сожалѣнію, событія послѣднихъ лѣтъ слишкомъ быстро приближаютъ эту возможность: востоковѣдамъ приходится подводить итоги на нашихъ глазахъ гораздо чаще, чѣмъ это было бы желательно для остающихся въ живыхъ, и значительно ранѣе, чѣмъ этого требуетъ нормальное развитіе отдѣльной научной области. Уже въ 1910 году скончался старѣйшій ученикъ бар. Розена в области арабистики бар. Д. Г. Гинцбургъ, въ началѣ прошлаго года мы лишились его старѣйшаго ученика по ново-персидской литературѣ В. А. Жуковскаго, а 26 октября не стало и преемника бар. Розена по каѳедрѣ Н. А. Мѣдникова, единственнаго, и можетъ быть, послѣдняго въ Россіи доктора арабской словесности. Извѣстіе объ этомъ могло дойти до Петрограда только 12 января: Н. А. скончался въ Старомъ Крыму Таврической губерніи, гдѣ онъ жилъ съ лѣта 1917 года въ надеждѣ поправить свое здоровье. Однако, и южный климатъ этой поправки не принесъ: онъ продолжалъ угасать и тамъ, какъ угасалъ за послѣдніе годы на нашихъ глазахъ въ Петроградѣ. Его смерть не была неожиданностью, но ее несомнѣнно ускорили тревоги послѣдняго времени, матеріальныя затрудненія, лишеніе пенсіи,

---

[1] Зап. Вост. Отд. XVIII, прилож., стр. 1.

которая казалось давала надежду на отдыхъ послѣ 30-лѣтней скромной, но добросовѣстной работы.

Мѣдникова трудно назвать представителемъ младшаго поколѣнія сравнительно съ бар. Розеномъ: онъ былъ только на шесть лѣтъ моложе своего учителя и родился въ С.-Петербургѣ 2 марта 1855 года. Однако обстоятельства его жизни сложились такъ, что онъ поступилъ въ Университетъ сравнительно поздно, когда черезъ руки бар. Розена прошелъ уже не одинъ курсъ арабистовъ. Съ поступленіемъ въ Университетъ закончился первый періодъ въ жизни Мѣдникова,—очень мало похожій на его дальнѣйшую жизнь, обычную для кабинетныхъ работниковъ Россіи до послѣднихъ лѣтъ—періодъ разнообразный, даже временами бурный, на которомъ намъ нѣтъ нужды останавливаться подробнѣе. Достаточно отмѣтить, что въ бо̀льшей части онъ прошелъ заграницей; среднее образованіе Мѣдниковъ получилъ преимущественно въ Швейцаріи въ Collège Cantonal Лозанны, много путешествовалъ по западной Европѣ, увлекался и живописью, и астрономіей. Французскій и италіанскій языкъ были для него родными: даже вернувшись въ Россію, Н. А. нѣсколько лѣтъ не могъ отучиться думать по французски. Въ Университетъ онъ поступилъ вольнослушателемъ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду Факультета Восточныхъ Языковъ. Вліяніе личности и спеціальности бар. Розена не замедлило сказаться: интересъ Н. А. направился в сторону арабскаго языка и въ 1887 году онъ кончилъ курсъ съ золотой медалью за сочиненіе по арабской словесности[1]. Направленіе его дальнѣйшей дѣятельности опредѣлилось само собою: онъ былъ оставленъ при Университетѣ бар. Розеномъ, который въ это время за выходомъ въ отставку проф. Гиргаса былъ уже единственнымъ представителемъ каѳедры. Нормальнымъ порядкомъ проходилъ Н. А. обычные для русскаго университетскаго преподавателя этапы: в декабрѣ 1889 года онъ выдержалъ испытаніе на степень магистра, 26 марта 1890 года по прочтеніи пробныхъ лекцій[2] былъ зачисленъ въ привать-доценты и съ осени сталъ вести преподаваніе, 28 января 1901 года защитилъ диссертацію на степень магистра арабской словесности, 24 апрѣля назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора, 1 декабря 1902 года защитилъ диссертацію на степень доктора, съ 25 марта 1903 года назначенъ ординарнымъ

---

[1] См. Списокъ работъ, № 2. Въ дальнѣйшемъ для краткости работы указываются подъ номерами въ скобкахъ.

[2] На темахъ, повидимому, не сказались еще спеціальные интересы Н. А.: первая лекція по назначенію факультета носила заголовокъ: «Объ арабскомъ географическомъ словарѣ Якута» и была прочитана 27 февраля 1890 года, вторая—по собственному выбору «О возстаніи негровъ въ Басрѣ» 14 марта.

профессоромъ, 20 августа 1915 года получилъ званіе заслуженнаго профессора.

Тридцатилѣтняя научно-учебная работа не покрывается, конечно, этими внѣшними этапами: для нея характернѣе три періода, на которые достаточно отчетливо распадается вся дѣятельность Н. А. Въ первомъ, захватывающемъ почти 15 лѣтъ съ 1887 по 1902 годъ, онъ помимо университетской работы въ званіи приватъ-доцента стоитъ очень близко къ Православному Палестинскому Обществу. Этотъ періодъ является наиболѣе продуктивнымъ въ его работѣ — къ нему относится начало и окончаніе его главнѣйшаго труда, за это же время написаны наиболѣе крупныя статьи. Съ Палестинскимъ Обществомъ въ этомъ періодѣ онъ связанъ не только своей основной работой: избранный в мартѣ 1893 года пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ Общества онъ принимаетъ близкое участіе и въ другихъ предпріятіяхъ. Вмѣстѣ съ И. П. Помяловскимъ онъ редактируетъ русскую обработку карты Палестины, издаваемой Обществомъ, лучшей изъ всѣхъ существующихъ до настоящаго времени (№ 7); въ 1892 году участвуетъ въ Комиссіи по пересмотру программъ и инструкцій для учебныхъ заведеній Общества въ Палестинѣ и Сиріи, въ 1902 году— въ засѣданіяхъ педагогическаго съѣзда, главнымъ образомъ, при разработкѣ программъ арабскаго языка и литературы въ Назаретской учительской семинаріи и школахъ Общества. Не отказывается Н. А. и отъ черновой и кропотливой работы въ Обществѣ: изъ письма его къ В. Н. Хитрово 8 октября 1900 года[1] видно, что онъ просматриваетъ арабскіе переводы учебниковъ Ушинскаго и Евтушевскаго. Возникшія при Палестинскомъ Обществѣ въ 1900 году «Собесѣдованія по научнымъ вопросамъ, касающимся Палестины, Сиріи и сопредѣльныхъ съ ними странъ» тоже находятъ в немъ живой откликъ и онъ неоднократно выступаетъ на нихъ съ сообщеніями (№ 10, 15). Этотъ кружокъ является единственнымъ научнымъ обществомъ, въ которомъ Н. А. вообще принимаетъ дѣятельное участіе. Членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества онъ состоялъ, правда, съ декабря 1890 года, но выступалъ здѣсь, насколько мнѣ извѣстно, только съ однимъ сообщеніемъ, посвященнымъ памяти своего учителя (№ 22); равнымъ образомъ въ «Запискахъ» имъ была помѣщена только одна небольшая замѣтка (№ 3) и двѣ рецензіи (№ 5, 6).

Связь Н. А. съ Палестинскимъ Обществомъ ослабѣваетъ послѣ 1902 года съ окончаніемъ его капитальнаго труда и назначеніемъ профессоромъ; новый періодъ, продолжающійся до 1908 года въ противополож-

[1] Хранится въ архивѣ Общества.

ность первому является наименѣе продуктивнымъ. Университетская работа при наличіи трехъ представителей каѳедры идетъ въ прежнихъ рамкахъ, въ научной—наступаетъ извѣстная реакція. Н. А. весь вылился въ трудѣ лучшей поры своей жизни и по окончаніи его не могъ уже взяться за другую крупную работу. За это время имъ напечатано только одно пособіе (№ 17), отзывъ о студенческой работѣ на медаль (№ 18) и актовая рѣчь (№ 19). Послѣдній періодъ въ жизни Н. А. съ 1908 по 1917 годъ является для него наиболѣе страднымъ и связанъ, какъ и предшествующій, исключительно съ Университетомъ. Смерть бар. Розена переноситъ на него большую часть обязанностей по каѳедрѣ, число лекцій значительно увеличивается, при чемъ много труда приходится тратить Н. А. на курсъ исторіи арабской литературы. Особенно трудными являются годы 1908—1910, когда каѳедра обезпечивается только двумя преподавателями. Съ облегченіемъ работы въ этомъ направленіи на долю Н. А. выпадаетъ другая обязанность: 15 сентября 1910 года онъ утверждается секретаремъ Факультета и несетъ эту должность по переизбранію въ 1914 году до самаго отъѣзда изъ Петрограда лѣтомъ 1917 года. Людямъ, знающимъ пунктуальность и аккуратность покойнаго, хорошо памятно, какой трудъ возлагало на него это дѣло. Въ этомъ же періодѣ ему приходится впервые давать отзывы о диссертаціяхъ на ученыя степени (№ 23, 24), трижды выступать оппонентомъ на публичныхъ диспутахъ[1]. Съ 1909 по 1916 годъ онъ является безсмѣннымъ членомъ государственной испытательной комиссіи Восточныхъ Языковъ. Такимъ образомъ, не покажется преувеличеніемъ если сказать, что именно третій періодъ былъ наиболѣе труднымъ въ жизни Н. А.; не удивительно, что за послѣдніе годы, удручаемый своими болѣстями, онъ часто мечталъ объ отдыхѣ въ тепломъ климатѣ. Судьба не захотѣла послать ему этого отдыха на землѣ.

Научная дѣятельность Н. А. характеризуется воздѣйствіемъ одного лица и еще ярче одной книгой, которой были посвящены лучшіе годы его жизни. Изъ всѣхъ университетскихъ учителей, повидимому, одинъ бар. Розенъ имѣлъ на него длительное вліяніе. И для Мѣдникова, какъ и для многихъ другихъ, онъ явился spiritus movens всей научной жизни; съ изчезновеніемъ его исчезалъ и основной духовный импульсъ въ работѣ, какъ мы видѣли на примѣрѣ и болѣе сильныхъ, чѣмъ Н. А., натуръ. Благодаря указанію бар. Розена былъ предпринятъ и тотъ трудъ, который опредѣлилъ направленіе научной дѣятельности Мѣдникова. Работа надъ нимъ

[1] К. А. Иностранцева на степень доктора исторіи востока (16 марта 1908 года), А. Э. Шмидта — магистра арабской словесности (19 октября 1914 года) и И. Ю. Крачковскаго—тоже (17 мая 1915 года).

началась еще въ годъ окончанія Университета. Извѣстной подготовкой къ нему послужило медальное сочиненіе о царствованіи халифа ал-Мехдія по лѣтописи ат-Табари, тема котораго была предложена тоже бар. Розеномъ. Эта объемистая калиграфически переписанная рукопись въ 150 съ лишнимъ страницъ in folio даетъ уже возможность предугадать тѣ качества, которыми отличаются позднѣйшіе труды Н. А. И здѣсь мы видимъ образцовый, почти безукоризненный переводъ арабскихъ текстовъ[1], острый и детальный анализъ отдѣльныхъ авторовъ, особенно въ выясненіи вопроса объ ихъ взаимоотношеніи, сопоставленіе ихъ показаній въ видѣ таблицъ, не мало помогающихъ наглядности выводовъ. На ряду съ такимъ тонкимъ анализомъ мы находимъ и сознательный отказъ отъ какихъ бы то ни было обобщеній или широкихъ выводовъ, на которые авторъ не считаетъ себя уполномоченнымъ самымъ состояніемъ матеріала и его разработки. Съ этимъ студенческимъ сочиненіемъ связана первая печатная замѣтка Н. А., посвященная одной монетѣ эпохи халифа ал-Мехдія (№ 3). Сочиненіе было закончено въ декабрѣ 1886 года, а уже въ «Отчетѣ Палестинскаго Общества», прочитанномъ на засѣданіи 18 апрѣля 1887 г., мы видимъ слѣдующія строки[2]: «Мы, благодаря содѣйствію бар. В. Р. Розена, положили основаніе историческимъ трудамъ о св. Землѣ собираніемъ мусульманскихъ свѣдѣній о завоеваніи ея арабами и объ отношеніяхъ ихъ къ мѣстному православному населенію за первый періодъ владычества ихъ Палестиной». Тотъ же «Отчетъ» въ 1898 году констатируетъ[3], что съ осени заканчивается 11-лѣтній трудъ Н. А. Мѣдникова. Печатаніемъ работа была завершена только въ 1902 году и, такимъ образомъ, покойный посвятилъ на нее не меньше пятнадцати лѣтъ упорнаго и направленнаго къ одной цѣли труда, сравнительно мало отвлекаясь въ сторону. Въ результатѣ «Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ» составляетъ предметъ справедливой гордости какъ для Палестинскаго Общества, такъ и вообще для русской науки—западная Европа въ этой области не можетъ указать ничего равноцѣннаго. Едва ли составитель отчета Палестинскаго Общества за 1887 годъ или инииціаторъ предпріятія В. Н. Хитрово, говоря о собираніи мусульманскихъ свѣдѣній, представляли себѣ ясно ту грандіозную форму, въ которую выльется это предпріятіе. Что могла дать западная наука этого времени, показывала появившаяся одновременно съ

---

[1] Ср. отзывъ бар. Розена въ «Годичный актъ Имп. С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1887 года», стр. 158.

[2] Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 1886—1887 годъ, СПб. 1888, стр. 183—4.

[3] Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, апрѣль 1898 г., стр. 172.

началомъ работы Н. А. книга Guy Le Strange о Палестинѣ[1] — немудреная компиляція по арабскимъ источникамъ, объединяющая свѣдѣнія безъ особой критики и безъ детальнаго изслѣдованія данныхъ. Уже самый объемъ не позволяетъ ихъ сравнивать: «Палестина» Мѣдникова выросла въ 4 большихъ тома до 2800 страницъ даже при томъ условіи, что одна памѣченная часть осталась неосуществленной. По первоначальному плану работа должна была состоять изъ трехъ частей: «Обзоръ и изслѣдованіе источниковъ, переводы изъ сочиненій арабскихъ авторовъ (какъ приложеніе къ первой части) и связное изложеніе исторіи Палестины за упомянутый періодъ». Уже самый ходъ работы потребовалъ перенесенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ предполагавшейся исторіи въ изслѣдованіе источниковъ; съ другой стороны, рецензенты справедливо указывали, что исторія потребуетъ привлеченія помимо арабскихъ источниковъ и другихъ — какъ восточныхъ, такъ европейскихъ[2] — все это побудило Н. А., чувствовавшаго себя на твердой почвѣ преимущественно въ арабской части, отказаться отъ первоначальнаго плана. Не можетъ быть, конечно, двухъ мнѣній о томъ, что и въ настоящемъ видѣ работа даетъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы отъ нея требовать. Она распадается на двѣ части: вторая часть или «приложенія» въ трехъ томахъ даетъ переводы извѣстій о событіяхъ въ исторіи Палестины и положеніи христіанъ въ халифатѣ изъ 54 авторовъ преимущественно историковъ и географовъ, отчасти юристовъ; первая «изслѣдованіе источниковъ» даетъ сперва анализъ отдѣльныхъ писателей, выясняя ихъ источники, отношеніе другъ къ другу и степень достовѣрности, и затѣмъ «изслѣдованіе событій», то есть анализъ свѣдѣній различныхъ писателей относительно одного и того же событія для выясненія, въ достаточной ли степени они засвидѣтельствованы. Такимъ образомъ, исторіи въ обычномъ смыслѣ слова мы здѣсь не имѣемъ; работа носитъ нѣсколько мозаичный характеръ, но за то даетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ монографій какъ историческихъ, такъ и историко-литературныхъ, изъ которыхъ многія представляютъ вполнѣ самостоятельныя изслѣдованія первостепенной важности. Работа Мѣдникова не только дала въ руки изслѣдователямъ въ исчерпывающей полнотѣ первостепенный сырой матеріалъ: послѣ ея появленія невозможно заниматься вообще какимъ бы то ни было вопросомъ палестинской исторіи за мусульманскую эпоху, въ особенности ранняго періода, не беря исходной точкой выводы этого труда. Моя

---

[1] Palestine under the Moslems. A Description of Syria and the Holy Land from A. D. 650 to 1500. Translated from the works of the mediaeval Arab Geographers by Guy Le Strange. London 1890. 8° XXII+604.

[2] Ср. ЗВО, XV, 069.

оцѣнка, не принадлежащая ни историку, ни изслѣдователю Палестины, не претендуетъ, конечно, ни какое бы то ни было значеніе, но она можетъ быть подкрѣплена болѣе авторитетными голосами. Кромѣ двухъ отзывовъ оффиціальнаго рецензента — бар. Розена мы располагаемъ еще двумя обстоятельными разборами: русскаго историка востока и западно-европейскаго изслѣдователя ранняго періода въ исторіи ислама. «Палестина» Мѣдникова доставила ему обѣ ученыя степени и магистра, и доктора арабской словесности: магистерской диссертаціей послужили три тома переводовъ, докторской — изслѣдованіе[1]. Отзывъ бар. Розена о первой достаточно кратокъ и носитъ сдержанный характеръ[2]. Подчеркивая полноту собраннаго матеріала и достоинство переводовъ, Розенъ оттѣняетъ большую тщательность въ составленіи указателей, пріобрѣтающихъ значеніе важнаго справочнаго пособія благодаря включеннымъ въ нихъ библіографическимъ указаніямъ. Выводъ его при всемъ томъ оффиціаленъ и даже снабженъ нѣкоторой оговоркой: «...я считаю его вполнѣ достойнымъ быть признаннымъ за удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ магистерской диссертаціи (работу), хотя онъ и не имѣетъ обычнаго характера диссертаціи въ тѣсномъ смыслѣ слова»[3]. О докторской диссертаціи отзывъ уже болѣе категориченъ: трудъ Мѣдникова не вызываетъ возраженій ни въ одномъ изъ его выводовъ и на всегда сохранитъ непреходящее научное значеніе[4]. Въ конечномъ итогѣ съ нимъ совпадаетъ и мнѣніе рецензента «Записокъ» въ его обстоятельномъ разборѣ[5]: «Н. А. Мѣдниковъ не только имѣетъ право считать свою работу законченной, но далъ намъ, какъ мы видѣли, значительно больше того, что предполагалось исполнить по первоначальному плану предпріятія... Изслѣдованіе источниковъ было бы выдающимся явленіемъ въ историко-критической литературѣ по востоковѣдѣнію, даже если бы оно заключало въ себѣ только два этюда — этюдъ объ ат-Табаріи и этюдъ о договорѣ Омара съ христіанами; между тѣмъ,

---

[1] Не лишенныя интереса подробности о представленіи диссертаціи въ Факультетъ Восточныхъ Языковъ сообщает Н. А. въ письмѣ В. Н. Хитрово 2 декабря 1900 года (въ архивѣ Палестинскаго Общества), но онѣ не могутъ стать еще достояніемъ исторіи.

[2] Рукопись въ протоколахъ засѣданій Факультета Восточныхъ Языковъ 17 января 1901 года.

[3] Быть можетъ, въ связи съ этимъ выводомъ стоитъ одно примѣчаніе въ редактированныхъ Факультетомъ около этого времени «Правилахъ объ испытаніяхъ на ученыя степени» (Протоколы 6 октября 1900 г.): «Диссертаціей по языкамъ и словесности признается не только научное «изслѣдованіе» въ тѣсномъ смыслѣ, но и всякая работа научнаго характера, какъ то критическое изданіе текста, перевода съ комментаріями, описаніе рукописей и т. под.».

[4] Журналъ засѣданій Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1902 годъ, стр. 124—127.

[5] ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 056—069.

авторъ, путемъ тщательнаго критическаго анализа источниковъ, выясняетъ еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ» (стр. 069). Рецензентъ производитъ детальный анализъ труда съ точки зрѣнія полноты собраннаго матеріала, его распредѣленія, методовъ изслѣдованія и способовъ изложенія результатовъ послѣдняго (057). По второму пункту справедливо отмѣчается нецѣлесообразность раздѣленія писателей на двѣ категоріи—историковъ и географовъ (059), равно какъ распредѣленіе матеріала согласно хронологическому порядку сочиненій, а не ихъ первоисточниковъ (060). Рецензентъ, однако, признаетъ, что для возстановленія текста утраченныхъ первоисточниковъ «требовалось бы новое изслѣдованіе; авторъ далъ намъ такъ много, что едва ли кто-нибудь будетъ оспаривать у него право отказаться отъ этой новой работы, которая по сложности и обширности превосходила бы исполненную имъ» (061). Въ общемъ же онъ находитъ, что «главные выводы автора такъ подробно обоснованы, что спорить съ нимъ для не спеціалиста представляется совершенно невозможнымъ» (065). Какъ на деталь, заслуживающую вниманія, онъ указываетъ между прочимъ таблицы, сопоставляющія извѣстія различныхъ писателей объ одномъ и томъ же событіи: считая ихъ «однимъ изъ лучшихъ украшеній книги», рецензентъ подчеркиваетъ, что это—первый случай примѣненія такого метода въ историческихъ трудахъ, и выражаетъ надежду, что счастливой идеей воспользуются будущіе изслѣдователи (067). Не безынтересно по этому поводу отмѣтить, что идея нашла себѣ выраженіе уже въ упомянутой студенческой работѣ Мѣдникова о халифѣ ал-Мехдіи и, повидимому, дѣйствительно принадлежитъ ему; съ другой стороны, оправдалась и надежда, что эта идея будетъ воспринята позднѣйшими изслѣдователями—систематичное примѣненіе ея мы находимъ въ капитальномъ трудѣ италіанца Caetani: «Annali dell' Islām», при чемъ очень часто въ основу кладутся изысканія Мѣдникова.

Сопоставленіе отзывовъ двухъ ученыхъ — арабиста въ лицѣ барона Розена и историка—В. В. Бартольда, показываетъ, что русская спеціальная наука высказалась единогласно объ основномъ трудѣ Мѣдникова. Его мѣсто въ научномъ строительствѣ опредѣлено вполнѣ точно и едва ли по этому вопросу могутъ быть какія либо разногласія. Нельзя къ сожалѣнію не отмѣтить, что внѣ сферы спеціалистовъ въ Россіи работа далеко не пользуется той популярностью, которой заслуживаетъ. Невольно при этомъ вспоминается судьба труда барона Розена о Василіи Болгаробойцѣ[1]: обѣ работы составляютъ несомнѣнно эпоху въ своей области, каждая изъ нихъ

[1] Ср. Н. Марръ, ЗВО, XVIII, приложеніе, стр. 24—25.

является крупнѣйшимъ событіемъ въ изученіи христіанско-мусульманскаго міра въ Россіи за два послѣднихъ десятилѣтія прошлаго столѣтія и при всемъ этомъ не трудно встрѣтить русскихъ историковъ, которымъ они не извѣстны даже по имени. Возможенъ и такой курьезъ, что провинціальный ученый, обнаруживающій близкое знакомство съ работой Guy Le Strange'a о Палестинѣ, не знаетъ про существованіе труда Н. А.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя и грустнаго свойства, въ этомъ обстоятельствѣ можетъ служить тотъ фактъ, что работа Мѣдникова въ противоположность труду его учителя вошла въ обиходъ западно-европейской науки уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего появленія и при томъ съ такой оцѣнкой, которая не можетъ не составить предмета гордости для всѣхъ русскихъ ученыхъ; если самъ Н. А. не придавалъ оцѣнкѣ особаго значенія, то это объясняется его обычной, хорошо всѣмъ извѣстной скромностью. Заслуга въ ознакомленіи Европы съ «Палестиной» Мѣдникова принадлежитъ италіанскому ученому — только что упомянутому conte Leone Caetani principe di Teano. Италіанскій языкъ какъ бы захотѣлъ оправдать тѣ симпатіи, которыя питалъ къ нему въ юности Н. А. Одинъ изъ выдающихся въ настоящее время изслѣдователей ранняго ислама графъ Caetani пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ противоположность большинству ученыхъ сразу и достаточно неожиданно съ 1905 года, когда выпустилъ первый томъ своего монументальнаго труда Annali dell' Islām, который долженъ дать сводъ всѣхъ матеріаловъ и всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій по мусульманской исторіи, начиная съ 1 года хиджры. Скептическое отношеніе нѣкоторыхъ ученыхъ къ самой возможности выполненія такого плана въ условіяхъ человѣческой жизни встрѣтило появленіе этого труда; отчасти такой скепсисъ можетъ, конечно, сохранять свою силу и теперь. Однако, семь фоліантовъ, появлявшихся непрерывной чередой до 1913 года и включившихъ уже полностью эпоху двухъ первыхъ халифовъ, дѣлаютъ этотъ трудъ и въ настоящемъ видѣ однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ исторіи и арабистики за начало XX вѣка. Самъ Caetani, повидимому, не владѣетъ русскимъ языкомъ; однако, систематически организованная имъ коллективная работа, не останавливающаяся даже передъ научными экспедиціями на собственныя средства, дала ему возможность пользоваться «Палестиной» совершенно свободно. Обширныя выписки показываютъ, что у него имѣется въ распоряженіи едва ли не полный переводъ. Конечно, пока имъ привлечена только незначительная часть труда Мѣдникова, захватывающая 23 года хиджры; за то нельзя указать ни одного факта изъ эпохи завоеванія Палестины, гдѣ Caetani не подвергалъ бы самому серьезному анализу изслѣдованіе Мѣдникова, въ большинствѣ случаевъ примыкая къ

его выводамъ, иногда продолжая ихъ и крайнѣ рѣдко расходясь съ нашимъ ученымъ. Нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ деталяхъ, по поводу которыхъ онъ воздаетъ должное работѣ [1]. Я ограничусь только общей характеристикой труда Мѣдникова, данной Caetani въ одномъ изъ примѣчаній.

Говоря объ эпохѣ первыхъ арабскихъ завоеваній, въ частности о покореніи Сиріи и Палестины, онъ такимъ образомъ характеризуетъ состояніе европейской науки въ данной области [2]: «Если сдѣлать должное исключеніе для трудовъ de Goeje, Wellhausen'а и Мѣдникова, то окажется, что всѣ европейскіе изслѣдователи этого историческаго періода съ такимъ крупнымъ интересомъ не поняли хорошо ни истинной природы проблемы, ни границъ, въ которыхъ она заключена, ни настоящаго пріема при попыткахъ ея рѣшенія. Находя матеріалъ въ самомъ хаотическомъ смѣшеніи, полномъ вопіющихъ противорѣчій, которыя невозможно примирить, всякій на свой ладъ безъ точныхъ критеріевъ измышлялъ рѣшеніе, болѣе или менѣе счастливое, смѣшивая по капризу истинное и ложное и добавляя такимъ образомъ новыя ошибки къ тѣмъ, которыя уже находились въ источникахъ. Въ особенности, при объединеніи матеріаловъ, чтобы извлечь изъ нихъ изложеніе ясное и послѣдовательное, они выбирали тѣ извѣстія, которыя лучше подходили къ предполагаемому рѣшенію, по просту отбрасывая какъ несуществующія всѣ тѣ, которыя плохо комбинировались съ нимъ». Общая характеристика выдѣляемыхъ трудовъ дается имъ въ этомъ же мѣстѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ [3]: «Впервые de Goeje, а затѣмъ Wellhausen установили съ точностью относительную цѣнность различныхъ источниковъ. Въ этомъ спеціальномъ пунктѣ работа Wellhausen'а, быть можетъ, еще болѣе полезна, чѣмъ de Goeje; Мѣдникова во всякомъ случаѣ важнѣе обѣихъ предшествующихъ. Въ капитальномъ и объемистомъ трудѣ... Мѣдниковъ перевелъ на русскій языкъ всѣ отрывки арабскихъ авторовъ, которые относятся къ Палестинѣ отъ мусульманскаго завоеванія до Крестовыхъ походовъ, предпославъ имъ ученѣйшее введеніе, въ которомъ съ критикой детальной, острой и часто поистинѣ геніальной изучаетъ всѣ источники и историческія проблемы, выдвигаемыя ими. Въ этомъ изслѣдованіи, которое было для насъ въ высшей степени полезно и

---

[1] Ср. особенно т. II, стр. 1163—1169 (полководцы при походѣ въ Сирію), 1187—1192 (свѣдѣнія Сейфа о первыхъ сраженіяхъ въ Сиріи), III, 17 сл. (битва при Аджнадейнѣ «... выводы, основанные на детальнѣйшемъ анализѣ, въ высшей степени правильны»), III, 347 сл. (двѣ осады Дамаска, особенно 351—352), 426—430 (взятіе Химса), 923—926 (путешествіе Омара въ Іерусалимъ: «Заключенія ученаго русскаго оріенталиста геніальны и убѣдительны») и мн. др.

[2] Annali dell' Islam, II, Milano, 1907, 562.

[3] Ibid. 563, nota 4 и 8.

которымъ мы широко пользуемся вездѣ, онъ суммируетъ и подвергаетъ принципіальному и счастливому анализу все то, что было писано по этому вопросу. Работа его представляетъ эпоху въ изученіи арабско-мусульманской исторіи; такъ какъ она написана по-русски и очень немногіе могутъ ею пользоваться, мы сочли умѣстнымъ во многихъ мѣстахъ изложить его доводы, стараясь по возможности распространить результаты его изслѣдованій». Послѣ такого отзыва первокласснаго ученаго мнѣ—не спеціалисту, конечно, ничего не остается прибавлять. Можно только порадоваться за русскую науку, для признанія которой за рубежемъ трудъ покойнаго сыгралъ такую важную и не часто выпадающую на долю роль.

Остановившись подробнѣе на «Палестинѣ»—этомъ памятникѣ aere perennius и для Мѣдникова, и для русской арабистики, я сравнительно немного скажу о другихъ его работахъ. Главнѣйшія из нихъ связаны съ этимъ же трудомъ, другія — съ дѣятельностью въ Палестинскомъ Обществѣ или обязанностями университетскаго преподавателя; сравнительно немного носитъ случайный характеръ. Среди первыхъ наиболѣе важны двѣ крупныхъ статьи, относящихся къ 1897 и 1901 году — Объ одномъ изъ источниковъ ат-Табарія (№ 11) и О грамотахъ Омара I христіанамъ Іерусалима (№ 15). Обѣ эти монографіи надолго сохранятъ непреходящее значеніе; выводы ихъ вошли въ общихъ чертахъ въ «Палестину» и справедливо могутъ быть признаны однимъ изъ важнѣйшихъ достиженій этой работы[1]. Интересно еще разъ отмѣтить, что грамота Омара I, подложность которой впервые въ наукѣ была доказана Мѣдниковымъ, не вызывала сомнѣній у de Goeje въ его монографіи о завоеваніи Палестины: однако, во второмъ изданіи своей работы, вышедшемъ въ 1900 году, онъ уже признаетъ договоръ подложнымъ[2]. Съ занятіями Палестиной связана статья Мѣдникова о завоеваніи Іерусалима персами въ 614 году (№ 10), дающая текстъ и переводъ одного арабскаго трактата. Не имѣя подъ руками самой рукописи, Мѣдниковъ долженъ былъ потратить не мало труда и остроумія на исправленіе малоудовлетворительнаго изданія французскаго арабиста. Въ болѣе совершенномъ видѣ на основаніи самой рукописи текстъ былъ впослѣдствіи переизданъ и изслѣдованъ Н. Я. Марромъ въ приложеніи къ его работѣ объ Антіохѣ Стратигѣ[3]. Съ дѣятельностью Н. А. въ Палестинскомъ Обществѣ связана его работа по редактированію карты Палестины (№ 7), переводъ одной куфической надписи, найденной въ Іеру-

[1] Ср. ЗВО, XV, 069.

[2] Ср. ibid., 065.

[3] Антіохъ Стратигъ. Плѣненіе Іерусалима персами въ 614 году, СПб. 1909, стр. 26—39, 74—77 и г—і.

салимѣ (№ 13) и разборъ арабскихъ приписокъ въ греческой рукописи Евангелій (№ 14). Обѣ напечатанныя имъ рецензіи (№ 5, 6) посвящены работамъ, затрагивающимъ тѣ же вопросы, съ которыми ему часто приходилось сталкиваться въ «Палестинѣ».

Большая настойчивость и систематичность въ достиженіи намѣченной цѣли позволили Мѣдникову на 15 лѣтъ сосредоточить вниманіе почти исключительно на одной работѣ и предохранили его отъ увлеченій другими темами; и складъ научнаго характера, и внѣшнія обстоятельства не заставляли его разбрасываться, а поэтому число работъ, не подходящихъ подъ перечисленныя категоріи, сравнительно не велико. Нѣкоторый слѣдъ оставилъ онъ въ учебной литературѣ. Еще на студенческой скамьѣ имъ былъ составленъ примѣнительно къ курсу проф. В. Гиргаса «Конспектъ по исторіи арабской литературы» (№ 1), который можетъ служить образцомъ его терпѣнія и въ этомъ періодѣ: не имѣя возможности сразу его литографировать, Мѣдниковъ собственноручно переписалъ болѣе 10 экземпляровъ конспекта и пожертвовалъ ихъ въ библіотеку университета. Впослѣдствіи онъ былъ литографированъ и при бѣдности русской учебной литературы много лѣтъ служилъ пособіемъ для студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ. Такимъ же пособіемъ почти до второго десятилѣтія нашего вѣка оставалась литографированная подъ его наблюденіемъ студентами краткая грамматика, переиздававшаяся нѣсколько разъ (№ 12). Принималъ участіе Н. А. и въ переизданіяхъ «Арабской хрестоматіи для I-го курса» В. Ѳ. Гиргаса и бар. Розена (№ 4): имъ было переписано для литографіи второе изданіе [1] и прокорректировано въ печати третье. Въ 1904 году онъ выпустилъ цѣнное пособіе «Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка», представившее полезную новинку въ русской учебной литературѣ по арабистикѣ (№ 17). Къ категоріи работъ характера учебныхъ пособій можно отнести редактированный Мѣдниковымъ переводъ труда Авг. Мюллера «Исторія ислама» въ четырехъ томахъ (№ 8). Несмотря на нѣкоторые недочеты и промахи въ самомъ переводѣ, быть можетъ съ чрезмѣрной настойчивостью подчеркивавшіеся иногда въ спеціальной печати, этотъ трудъ для русской науки остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для нѣмецкой въ моментъ своего появленія: лучшимъ сводомъ общаго характера по внѣшней исторіи мусульманскаго міра [2]). На немъ, можно сказать, воспитывались поколѣнія русскихъ востоковѣдовъ въ тече-

---

[1] Въ него были включены, между прочимъ, не вошедшіе въ послѣдующія изданія отрывки изъ Корана.

[2] Ср. слова бар. Розена въ ЗВО, VII, 331—332.

ніе 20 лѣтъ и свое значеніе трудъ сохраняетъ до нашихъ дней при отсутствіи другихъ пособій на русскомъ языкѣ.

По обязанности представителя каѳедры Мѣдниковымъ данъ былъ отзывъ объ одномъ студенческомъ сочиненіи, представленномъ на соисканіе медали (№ 18), и двухъ диссертаціяхъ на степень магистра арабской словесности (№ 23, 24); по порученію Факультета онъ редактировалъ біографическій словарь бывшихъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ за 50 лѣтъ его существованія (№ 25), не законченный еще печатаніемъ.

Изъ работъ случайнаго характера[1]), помимо упоминавшейся уже небольшой замѣтки нумизматическаго характера (№ 3), и разбора арабскихъ магическихъ формулъ въ одномъ коптскомъ документѣ Казанскаго Университета (№ 16), остается только указать на актовую рѣчь въ 1907 г. «О причинахъ распаденія арабской имперіи» (№ 19) и характеристику научной дѣятельности бар. Розена, прочитанную на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 30 ноября 1908 года (№ 22). Обѣ работы интересны, какъ единственныя, кажется, попытки у Н. А. болѣе широкихъ построеній въ области его спеціальныхъ занятій; въ характеристикѣ учителя у него съ большой яркостью отразилось, конечно, и собственное научное credo. Большой мастеръ въ анализѣ деталей и точной формулировкѣ добытыхъ изъ нихъ выводовъ, Н. А. едва ли обладалъ дарованіемъ для широкихъ картинъ. У него не было симпатіи къ такимъ построеніямъ и они плохо ему удавались. Рисунокъ и здѣсь получался опредѣленный и точный, но если можно такъ выразиться, слишкомъ элементарный. Соблазнительная простота и четкость формулировки сама говоритъ, что едва ли она соотвѣтствуетъ сложности историческаго явленія или исторической личности. Причины распаденія арабской имперіи едва ли исчерпываются тѣми немногочисленными факторами, которые съ обычной опредѣленностью[2] перечисляетъ Н. А. Та же опредѣленность и безсознательное упрощеніе чувствуются у него въ характеристикѣ научной дѣятельности бар. Розена. Глубоко благоговѣя передъ своимъ учителемъ и при его жизни и послѣ смерти, Мѣдниковъ считалъ его недосягаемымъ идеаломъ для всякаго оріенталиста; однако, самый складъ его научнаго характера, ограниченнаго очень опре-

---

[1] Я не касаюсь тѣхъ работъ другихъ ученыхъ, въ которыхъ Н. А. принималъ участіе своими совѣтами, чтеніемъ корректуръ, просмотромъ переводовъ и т. д. (См. напр. А. Васильевъ, Византія и арабы, СПб. 1900, стр. VII и СПб. 1902, стр. VII).

[2] Стр. 10 (отд. отт.): «Это распаденіе произошло потому, что не оказалось въ имперіи безспорно господствующаго, единовѣрнаго, единоплеменнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно многочисленнаго и дисциплинированнаго элемента, на который можно было бы опереться. Не было достаточно однороднаго и сплоченнаго ядра, которое могло бы задержать центробѣжныя стремленія окраинъ».

дѣленнымъ горизонтомъ, органически не позволялъ ему охватить всю многогранную дѣятельность Розена въ полномъ объемѣ — она частью оставалась внѣ предѣловъ его зрѣнія и ему было трудно представить, что за этой линіей еще что-либо можетъ быть видно. Нельзя съ нимъ не согласиться, когда характеризуя сферу дѣятельности востоковѣда, онъ пишетъ, правда не совсѣмъ удачно начиная фразу[1]: «Для возведенія какой либо словесности на степень науки требуется собрать и привести въ извѣстность наличный матеріалъ; сдѣлать его общедоступнымъ посредствомъ изданій и переводовъ; наконецъ, всесторонне обслѣдовать его путемъ извѣстныхъ научныхъ пріемовъ. Необходимы каталоги, изданія, переводы и изслѣдованія». Нельзя не согласиться и тогда, когда онъ дальше формулируетъ методологическіе пріемы работы по этимъ четыремъ категоріямъ примѣнительно къ трудамъ бар. Розена. И при всемъ томъ чувствуется, что чего то въ этой характеристикѣ не хватаетъ: изъ нея вынутъ самый нервъ, не уловлены тѣ черты, которыя отличаютъ работы Розена отъ трудовъ другихъ арабистовъ, быть можетъ не менѣе безукоризненныхъ по методичности. Простой и прямолинейный по самой природѣ научный складъ Н. А. не позволялъ ему уловить, по крайней мѣрѣ въ словѣ, очень сложной научной организаціи своего учителя.

Опредѣленность и простота міровоззрѣнія характеризуютъ научную дѣятельность Мѣдникова; едва ли не въ большей мѣрѣ эти черты опредѣляютъ и его преподавательскую работу. Она продолжалась 27 лѣтъ и основнымъ принципомъ Н. А. за это время было поддержаніе status quo ante — стремленіе вести дѣло строго въ тѣхъ рамкахъ, которыя были намѣчены бар. Розеномъ[2]. Какъ и онъ, систематическихъ курсовъ Мѣдниковъ никогда не читалъ; единственное исключеніе представлялъ общій очеркъ исторіи литературы, которому по смерти бар. Розена онъ посвящалъ по его традиціи два часа, руководствуясь его же планомъ и лишь нѣсколько усиливая библіографическій характеръ. Свою задачу университетскаго преподавателя Н. А. видѣлъ исключительно въ изученіи языка, при томъ не въ лингвистическомъ смыслѣ, а лишь для пониманія текстовъ и точной ихъ передачи на русскій языкъ. Его лекціи сводились въ большинствѣ случаевъ къ разбору тѣхъ или иныхъ памятниковъ, съ очень краткими обыкновенно введеніями. Число лекцій въ зависимости отъ количества представителей

---

[1] ЗВО, XVIII, приложеніе, стр. 2—3.

[2] Это стремленіе иногда выливалось въ оригинальную форму: единственный разъ, когда Н. А. пришлось дать тему по арабской словесности для студенческой работы на медаль, имъ была предложена та же, на которую онъ самъ писалъ сочиненіе у бар. Розена.

каѳедры колебалось между 5 и 9-ью[1]; тексты изъ году въ годъ оставались тѣ же, которые читались еще бар. Розеномъ. Первые семь лѣтъ (1890—1897) Мѣдникову приходилось вести элементарный курсъ арабскаго языка; изъ текстовъ излюбленными оставались всегда мелкіе фабліо и новеллы, которые онъ разбиралъ со студентами по хрестоматіи В. Ѳ. Гиргаса и бар. В. Р. Розена въ теченіе 27 лѣтъ, и исторія Абу-Ханифы ад-Динавери (въ изд. проф. Гиргаса), доставившая матеріалъ для 15 студенческихъ поколѣній. Послѣ смерти бар. Розена къ Мѣдникову перешло на нѣсколько лѣтъ чтеніе Корана и поэтическихъ произведеній. Кромѣ этихъ, обычно повторявшихся текстовъ Мѣдниковъ изрѣдка читалъ со студентами, спеціально интересовавшимися арабскимъ языкомъ, своего любимаго историка ат-Табари и нѣсколько разъ «1001 ночь». Въ смыслѣ перевода текстовъ, на который Н. А. обращалъ главное вниманіе при своихъ лекціяхъ, онъ былъ, можно сказать, художникомъ и любителемъ. Громадная практика, пріобрѣтенная благодаря «Палестинѣ», позволяла ему почти всегда находить удачную форму; въ этомъ отношеніи его школа была очень полезна и поучительна для тѣхъ, кто умѣлъ оцѣнить эту сторону дѣла. Къ нему можно смѣло примѣнить тѣ самыя слова, которыя были имъ сказаны про бар. Розена въ его некрологѣ (№ 20): «Какъ преподаватель, В. Р. обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ въ немногихъ словахъ дѣлать ясными и совершенно понятными для своихъ слушателей самые трудные и головоломные арабскіе тексты. Руководителемъ онъ былъ не замѣнимымъ: заниматься подъ его руководствомъ было чистымъ наслажденіемъ».

Я не останавливался на первомъ періодѣ жизни Н. А., который имѣетъ мало отношенія къ его научной дѣятельности; его личныхъ чертъ я коснусь лишь постольку, поскольку онѣ рисуютъ весь его обликъ. Какъ для ученаго, для него была въ высшей степени характерна скромность: онъ органически не любилъ говорить о своихъ работахъ, считая ихъ обычнымъ естествен-

---

[1] «Обозрѣніе преподаванія по Факультету Восточныхъ Языковъ» позволяетъ установить слѣдующіе 4 періода въ преподавательской работѣ Н. А. Съ 1890 по 1897 годъ (при 9 часахъ) имъ читались два курса: грамматика и чтеніе легкихъ текстовъ (6 час. на I курсѣ) чтеніе историческихъ отрывковъ и анекдотовъ (3 час. на II курсѣ). Съ 1897 года до января 1908 года (при 5 часахъ) первый курсъ былъ замѣненъ «Чтеніемъ исторіи Абу-Ханифы» (2 часа на III курсѣ). Съ января 1908 года до осени 1912 года число лекцій опять увеличилось до 9, такъ какъ къ курсамъ предшествующаго періода прибавились лекціи на IV курсѣ: чтеніе поэтическихъ отрывковъ (1 ч.), чтеніе Корана (1 ч.) и исторія литературы (2 ч.). Съ осени 1912 года до весны 1917 г. за Н. А. оставалось 6 часовъ: «Чтеніе разсказовъ и анекдотовъ» (3 ч. на II курсѣ). «Чтеніе поэтическихъ отрывковъ» (1 ч. на IV) и «Исторія литературы» (2 ч. на IV). Курсы, объявлявшіеся имъ за два послѣднихъ года, фактически не читались по болѣзни и были распредѣлены между двумя другими представителями каѳедры.

нымъ трудомъ—такимъ же нормальнымъ явленіемъ, какъ всѣ другія стороны жизни. Я помню его непритворное изумленіе и желаніе замять разговоръ, когда онъ знакомился съ хвалебнымъ отзывомъ Caetani о «Палестинѣ». И въ этомъ трудѣ онъ видѣлъ только взятый на себя долгъ, который надо выполнить какъ можно тщательнѣе. Сознаніе долга вообще регулировало всю его жизнь: Мѣдниковъ не любилъ «разбрасываться», не любилъ брать на себя обязанности, которыхъ завѣдомо не могъ нести такъ, какъ ему казалось нужнымъ, но всѣ возлагаемыя порученія старался выполнять по мѣрѣ силъ и разумѣнія, отодвигая свои личные интересы на задній планъ. Даже въ послѣдніе годы, когда здоровье начинало ему все сильнѣе измѣнять, при первой физической возможности, хотя бы съ несомнѣннымъ вредомъ для самого себя, онъ опять брался и за лекціи, и за секретарскія обязанности. Скромность и открытая натура вызывали у Н. А. рѣдкую въ наши дни незлобивость и доброжелательность по отношенію какъ къ коллегамъ, такъ и ко всѣмъ окружающимъ. Рѣзкій отзывъ о комъ-нибудь съ его стороны былъ почти немыслимъ; также трудно было увидѣть его раздраженнымъ. Даже въ послѣдніе годы, когда внѣшнія событія такъ грубо нарушали установившееся и опредѣленное міровоззрѣніе, при первомъ проблескѣ онъ опять пріобрѣталъ свою уравновѣшенность, опять становился самимъ собою. Свѣтлый взглядъ на жизнь и поразительная нетребовательность помогли ему стойко перенести и послѣдніе мѣсяцы, когда съ изсякавшими средствами, больной, онъ былъ отрѣзанъ отъ окружающаго міра. Малѣйшій просвѣтъ въ видѣ случайно доставленнаго письма или проскользнувшаго извѣстія изъ Петрограда опять приводили его въ уравновѣшенное состояніе, опять обнаруживали мало извѣстную постороннимъ тонкость чувствъ и способность къ поэтическому настроенію, особенно когда всплывала старая симпатія къ астрономіи. Одна фраза изъ послѣдняго письма за двѣ недѣли до смерти могла бы, мнѣ кажется, послужить эпиграфомъ къ работѣ всей его жизни: «Встаю при зарѣ и ежедневно любуюсь восходомъ солнца, а пока еще темновато — на южной сторонѣ неба голубымъ алмазомъ искрится великолѣпный Сиріусъ, въ сравненіи съ которымъ находившаяся недавно недалеко отъ луннаго серпа Венера (الذى يرمى النجوم) казалась каплей расплавленнаго металла, спокойно сіяющая». Если на небѣ русской арабистики такимъ голубымъ великолѣпнымъ алмазомъ можетъ представляться дѣятельность бар. Розена, то все же и «Палестина» его ученика Н. А. Мѣдникова еще долгіе годы будетъ сіять каплей расплавленнаго металла со своимъ спокойнымъ ровнымъ свѣтомъ.

И. Крачковскій.

П. Февраль 1919.

Списокъ работъ Н. А. Мѣдникова.

1. Конспектъ исторіи арабской литературы. Лит. б. г. 1886, б. 8⁰, стр. 13.
2. Табари. Царствованіе Мехдія (Студенческая работа на медаль; рукопись передана авторомъ И. Ю. Крачковскому). Отзывъ бар. В. Р. Розена «Годичный актъ Имп. С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1887 года», стр. 157—158.
3. По поводу монеты № 1 коллекціи В. А. Комарова (ЗВО, III, 1888, стр. 276—277. Въ указателѣ X, 262 по опечаткѣ II вм. III). Ср. В. Тизенгаузенъ, ЗВО, III, 374.
4. Арабская хрестоматія для 1-го курса. Составили В. Ѳ. Гиргасъ и бар. В. Розенъ. 2 изд. лит. СПб. 1890, 8⁰, стр. 112 (переписано Н. А. для литографіи). 3 изд. СПб. 1900, 8⁰, стр. 104 (= Изданіе Факульт. Вост. Языковъ, VI. Прокорректировано Н. А.).
5. «E. Lacoine. Tables de concordance des dates des calendriers arabe, copte etc. Paris, 1891». (ЗВО, VI, 1891, стр. 370—373).
6. «C. Brockelmann. Das Verhältniss von Ibn-el-Atīrs Kâmil fi-t-ta'riḫ zu Tabaris Aḫbar erusul wal- mulūk. Strassburg. 1890» (ЗВО, VI, 1891, стр. 373—376).
7. Карта Палестины, обработанная I. Фишеромъ и Г. Гуте. Изданіе Имп. Правосл. Палестинскаго Общества. СПб. 1893 (Дана транскрипція именъ собственныхъ. См. приложеніе, стр. II, VII—IX).
8. А. Мюллеръ. Исторія ислама отъ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Томъ I. СПб. 1895, 8⁰, стр. VIII+376. Томъ II. 1895, стр. 354. Томъ III, стр. 448. Томъ IV съ 5-ю географическими картами. 1896, стр. 275. *Рец*. К. Лосскаго — Историческій Вѣстникъ, 1896, ноябрь 671 слѣд.
9. Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ. Изслѣдованіе I. СПб. 1903, 8⁰, стр. 935 (Православный Палестинскій Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ второй — 1) Приложенія II (1, 2, 3) СПб. 1897, 8⁰, стр. 1857, (Православный Палестинскій Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ второй — 2, 3, 4). *Рец*.: W. Barthold—Mitteil. d. Seminars für Orient. Spr. V, 1902, Westasiat. Stud., стр. 25—26; В. Розенъ — Журналъ засѣданій Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1902 г., стр. 124—127; В. Б[артольдъ]—ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 056—069; Ign. Guidi-Oriens Christiauns, II, 1902, стр. 469; L. Caetani, Annali dell' Islam II, Milano 1907, стр. 563.
10. Завоеваніе Іерусалима Персами въ 614 году (Сообщенія Правосл. Палестинскаго Общества—1897, октябрь, стр. 598—614). Ср. Н. Марръ. Антіохъ Стратигъ. Плѣненіе Іерусалима персами въ 614 году. СПб. 1909, стр. 26—39, 74—77, ٣—١.
11. Объ одномъ изъ источниковъ ат-Табарія (Ал-Музаффарія. Сборникъ статей учениковъ профессора бар. В. Р. Розена. СПб. 1897, стр. 53—66).
12. Арабская грамматика по лекціямъ приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова, грамматикамъ Caspari-Müller'а и Socin'а составили М. Гирсъ и Н. Сайфи. Лит. СПб. 1897 (Переиздана подъ тѣмъ же заглавіемъ съ дополненіями студ. Ѳ. А. Валихомъ. СПб. 1909, 8⁰, стр. 94).

13. Переводъ куфической надписи, открытой въ Іерусалимѣ (Сообщенія Правосл. Палест. Общ. 1898, февраль, стр. 41—42).
14. Описаніе принесенной въ даръ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александровичу Блаженнѣйшимъ Мелетіемъ Патріархомъ св. града Антіохіи и всего востока греческой рукописи конца X вѣка съ позднѣйшими къ ней арабскими приписками. Б. г. 8⁰, стр. 20 (Совмѣстно съ А. А. Пападопуло-Керамевсомъ. Н. А. Мѣдникову принадлежитъ отдѣлъ «Арабскія приписки, находящіяся въ разсматриваемой рукописи», стр. 17—20).
15. Сообщеніе о грамотахъ Омара I христіанамъ Іерусалима и Іерусалимскому патріарху (Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, 1901, томъ XII, № 6, стр. 731—738).
16. Разборъ арабскихъ магическихъ формулъ въ коптскомъ документѣ Казанскаго Университета (въ статьѣ Б. А. Тураева, ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 099).
17. Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка. СПб. 1904 8⁰, II+56. (Изданія Фак. Вост. Яз., № 20).
18. И. Крачковскій. Царствованіе халифа ал-Мехдія по арабскимъ источникамъ (Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1905 годъ, стр. 148—150).
19. О причинахъ распаденія арабской имперіи. СПб. 1907, 8⁰, стр. 16 (Отд. отт. изъ Отчета С.-Петербургскаго Университета за 1906 г.).
20. Бар. В. Р. Розенъ. Некрологъ (Новое Время, 1908, № 11435).
21. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1908 г. Подъ редакціей ординарнаго профессора Н. А. Мѣдникова. СПб. 1909.
22. Бар. В. Р. Розенъ, какъ арабистъ (ЗВО, XVIII, приложеніе, 1909, стр. 1—7).
23. А. Э. Шмидтъ. 'Абд-ал-Ваххâбъ аш-Ша'ранîй и его «Книга разсыпанныхъ жемчужинъ». СПб. 1914 (Рукописный отзывъ въ протоколѣ засѣданій Факультета Восточн. Языковъ, 10 октября 1914 года).
24. И. Ю. Крачковскій. Абӯ-л-Фараджъ ал-Ва'вā дамасскій. Матеріалы для характеристики поэтическаго творчества. СПб. 1914 (Рукописный отзывъ въ протоколѣ засѣданій Факультета Восточныхъ Языковъ 8 мая 1915 года).
25. Біографическій Словарь окончившихъ курсъ Факультета Восточныхъ Языковъ за полвѣка его существованія (Матеріалы для исторіи Факультета Восточныхъ Языковъ. Томъ третій). Не законченъ печатаніемъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

402. **Simon Hewavitarne Bequest.** Bhadantácariya Dhammapála Théra's Paramattha Dípaní or the commentary of the Péta-vatthu of the Khuddaka nikáya, Sutta Pitaka. Edited by Siri Dhamm´r´ma Tissa Náyaka Théra and Mápalagama Chandajóti Théra. Finally revised by Mahagoda Siri Nánissara Théra. Published by the Trustees Alwis Hewavitarne, Srinath Kumaradas Moonesinghe Esq. The Tripitaka Publication Press, Colombo (Ceylon). $\frac{\text{B. E. 2461.}}{\text{C. E. 1917.}}$

Старый религіозный обычай списыванія рукописей священныхъ книгъ какъ «благое дѣло», сохранившій намъ столько цѣнныхъ памятниковъ духовнаго творчества, въ нашъ вѣкъ книгопечатанія находитъ себѣ выраженіе въ созданіи фондовъ для изданія священныхъ книгъ. Немало въ этомъ отношеніи дѣлается буддистами, и лежащій передъ нами томъ служитъ живымъ выраженіемъ этого просвѣщеннаго благочестія.

Завѣщатель, Simon Alexander Hewavitarne, былъ крупнымъ коммерсантомъ, который состоялъ секретаремъ Буддійскаго Теософическаго Общества и занимался буддійской философіей, одинъ изъ его братьевъ былъ буддійскимъ монахомъ. О немъ самомъ предисловіе къ разсматриваемой книгѣ говоритъ простыми, но краснорѣчивыми словами: «He was a good business man, and helped very largely to extend his father's business. During his life he was unassuming in his charities and it was only after his death the extent of his private charity was known». Совершенно подобныя слова мы читаемъ въ старинныхъ буддійскихъ житіяхъ: форма мѣняется, содержаніе остается.

Покойный имѣлъ въ виду печатать каноническія книги, но общеніе съ спеціалистами, особенно съ проф. Ч. Ланманомъ въ Харвардѣ, обратило

его вниманіе на важность печатанія комментаріевъ. Въ 1911 году было приступлено къ печатанію комментарія къ Samyutta-nikāya, но 17 января 1913 г. просвѣщенный буддистъ скончался, оставивъ по завѣщанію обширныя средства на изданіе палійскаго текста комментаріевъ, а затѣмъ и на изданіе канона. Собравшіеся монахи раздѣлили между собою подготовку текстовъ, къ печатанію которыхъ приступлено.

Лежащій передъ нами томъ составляетъ комментарій на Petavatthu, текстъ котораго былъ изданъ для Pāli text Society покойнымъ И. И. Минаевымъ въ 1889 г., а комментарій былъ изданъ для того же Общества въ 1894 г. тоже покойнымъ нынѣ проф. Э. Харди.

Petavatthu принадлежитъ къ тѣмъ каноническимъ текстамъ, которые особенно ярко показываютъ, какъ много буддизмомъ воспринято изъ народныхъ вѣрованій и какъ живучи эти вѣрованія въ Индіи. Peta, по санскритски preta, существа, живущія въ томъ состояніи, которое похоже на то, что въ нашихъ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ принято называть «мытарствами», а въ католичествѣ чистилищемъ. Ученіе это получало всегда особое развитіе въ церковной и монашеской средѣ, что давало и обильную пищу для злоупотребленій и для привлеченія обильныхъ даяній для церкви со стороны запуганныхъ вѣрующихъ. Эта была дурная, практическая сторона церковной жизни, но въ основѣ ея лежала идея стремленія къ справедливости, возможности подготовить и ослабить окончательныя осужденія грѣшниковъ. Образцы переводовъ изъ Petavatthu были помѣщены нами изъ бумагъ И. П. Минаева и въ нашей передачѣ[1]. Вопросъ о «претахъ» чрезвычайно любопытный и заслуживалъ бы подробнаго сравнительнаго изученія. **Сергѣй Ольденбургъ.**

403. **Alice Getty.** The Gods of Northern Buddhism. Their history, iconography and progressive evolution through the northern buddhist countries. With a general introduction on buddhism translated from the French of J. Deniker. Illustrations from the collection of Henry H. Getty. Oxford. 1914. Pp. LIII+196 in 4° съ многочисленными иллюстраціями.

Буддійская иконографія все еще ждетъ своего перваго объединяющаго труда, и когда появилось объявленіе о книгѣ г-жи Гетти, то можно было ожидать, что именно такой трудъ составленъ. Но ближайшее разсмотрѣніе

---

[1]) Матеріалы и замѣтки по буддизму. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева). I. Переводы изъ Petavatthu ЗВО. VI. 332-334. Мною были здѣсь даны нѣкоторыя указанія на литературу о preta. — С. Ольденбургъ. Буддійскія легенды и буддизмъ. ЗВО. IX. 164-165.

обильно иллюстрированнаго изданія показываетъ, что авторъ поставилъ себѣ гораздо болѣе скромную задачу, чѣмъ можно было ожидать по заглавію книги. Авторъ не оріенталистъ и не спеціалистъ въ той области, къ которой относится его трудъ. Правильнѣе всего было бы обозначить его какъ своего рода catalogue raisonné нѣкотораго количества представителей буддійскаго пантеона, при чемъ не вполнѣ ясно, чѣмъ авторъ руководствовался, помѣщая въ свою книгу ту или другую фигуру пантеона или же напротивъ того, опуская ее. Какъ любитель, авторъ съ литературой предмета знакомъ лишь отчасти и, по непонятной намъ причинѣ, очевидно, и не стремился особенно ознакомиться съ нею, такъ какъ иначе онъ легко избѣжалъ бы весьма многихъ недопустимыхъ пропусковъ.

Передъ нами такимъ образомъ трудъ, къ которому несправедливо было бы примѣнить строгія требованія научной критики; мы должны быть благодарны автору за то, что онъ издалъ много хорошихъ снимковъ съ цѣлаго ряда интересныхъ фигуръ; съ этой точки зрѣнія трудъ не лишенъ извѣстнаго значенія и для науки. Нельзя всетаки не пожалѣть о томъ, что авторъ не передалъ своего матеріала въ болѣе опытныя руки: получилась бы книга значительно меньшая по объему, но несравненно болѣе цѣнная. Какъ популярный трудъ книга, испещренная восточными словами, конечно, не можетъ получить распространенія, а какъ научный трудъ она вызываетъ слишкомъ много возраженій и требуетъ слишкомъ большихъ поправокъ.

Чтобы не быть голословными, мы остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ и покажемъ, что́ слѣдовало требовать отъ труда того типа, котораго мы вправѣ были ожидать по заглавію книги. Обратимъ прежде всего вниманіе на литературу вопроса и на обзоръ собраній памятниковъ иконографіи буддизма.

Тутъ мы сразу замѣтимъ, что никакихъ указаній на существующія въ Азіи, Европѣ и Америкѣ собранія буддійскихъ иконъ и статуетокъ въ книгѣ нѣтъ, между тѣмъ какъ таковыхъ весьма не мало, они вполнѣ известны и къ нимъ даже частично есть каталоги или во всякомъ случаѣ многочисленныя указанія на нихъ въ научной литературѣ. Собрать эти свѣдѣнія во едино не требуетъ особенныхъ спеціальныхъ знаній, это просто вопросъ нѣкотораго труда, времени и денегъ. Сдѣлать это было обязательно въ сочиненіи, стремящемся объединить разбросанныя свѣдѣнія въ области буддійской иконографіи, а автору была бы обезпечена искренняя благодарность спеціалистовъ. Насколько важно имѣть свѣдѣнія о томъ, гдѣ искать нужные памятники, ясно всякому: эти свѣдѣнія избавятъ и отъ скороспѣлыхъ сужденій и дадутъ обильный сравнительный матеріалъ, въ которомъ мы настоятельно нуждаемся.

Перечень литературы предмета прежде всего грѣшитъ отсутствіемъ указаній на туземные памятники разныхъ буддійскихъ странъ. Вѣдь каждая буддійская страна имѣетъ свою литературу по иконографіи и кромѣ того существуетъ рядъ такъ называемыхъ «подлинниковъ». Если автору, какъ не оріенталисту, не были доступны подлинные иконографическіе тексты, то обильныя указанія на нихъ имѣются даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя онъ цитируетъ, сводку хотя бы этого матеріала онъ долженъ былъ сдѣлать [1]. Когда мы затѣмъ переходимъ къ европейской литературѣ предмета, то мы совершенно не понимаемъ, чѣмъ руководствовался авторъ при составленіи своей «Bibliography» (pp. 183—186); она носитъ характеръ совершенно случайный: на ряду съ сочиненіями, важными въ настоящей книгѣ имѣется рядъ такихъ, которыя стоятъ къ ней въ самомъ отдаленномъ отношеніи. Но больше всего поражаютъ пропуски: литература предмета такъ сравнительно не велика, что обозрѣть ее не стоило труда. Укажемъ нѣсколько болѣе разительныхъ пропусковъ.

Eugène Burnouf. Le Lotus de la Bonne Loi. Paris. 1852. App. III. Sur les bodhisattva Mañjuçrî; pp. 498—511; важно указаніями относительно бодисатвы Mañjuçrî.

J. Burgess. Notes on the Bauddha Rock Temples of Ajanta, their paintings and sculptures and on the paintings of the Bagh Caves, modern Bauddha mythology etc. Bombay. 1879 (ASWI. №. 9). Весьма важно именно для сѣвернаго пантеона, есть и рядъ изображеній.

Sir A. Cunningham. Необходимо было указать на The Stûpa of Bharhut. L. 1879. Это одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ буддійскаго искусства, гдѣ мы видимъ божества сѣвернаго буддизма. Кромѣ того необходимо было указать и на его же: Mahâbodhi etc. London. 1892 и на рядъ Archaeological Reports подъ его редакціей, гдѣ обильный матеріалъ по иконографіи. Какъ и Бёрджессъ, Кеннингамъ одинъ изъ родоначальниковъ изслѣдованія буддійскаго пантеона и съ ихъ работами обязательно быть знакомымъ всякому, кто работаетъ въ этой области.

J. Griffith. The paintings in the buddhist cave-temples of Ajantâ. L. 1896-97. Этотъ важнѣйшій трудъ по буддійской археологіи и иконографіи нельзя было не упомянуть.

A. Grünwedel. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902-1903. München. 1906 (ABAWIKLXXIV).

---

[1] Нѣкоторыя указанія на туземную литературу были даны нами въ статьѣ, которая почему то осталась автору неизвѣстной, хотя находится въ широко извѣстныхъ на западѣ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» (т. XVI. 1905): «Краткія замѣтки о нѣкоторыхъ непальскихъ миніатюрахъ».

Совершенно непонятно, какъ этотъ чрезвычайно важный трудъ проф. Грюнведеля не указанъ, не указанъ и еще рядъ важныхъ его статей по иконографіи. Такъ же непонятенъ пропускъ такой книги, какъ: А. Грюнведель. Обзоръ собранія предметовъ ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. 2 ч. СПб. 1905 (ВВ. VI). Непонятно, почему и Mythologie des Buddhismus цитируется въ переводѣ, а не въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

H. Kern. Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien. Bd. 2. Leipzig. 1884. Изъ общихъ сочиненій по буддизму именно этотъ трудъ заслуживаетъ упоминанія по цѣннымъ указаніямъ относительно культа и культовыхъ фигуръ. Тутъ же необходимо замѣтить, что для пониманія такъ называемаго сѣвернаго буддійскаго пантеона въ высокой степени важенъ рядъ памятниковъ Индонезіи, между тѣмъ работы Керна и другихъ голландскихъ ученыхъ оставлены безъ вниманія. Какъ будто авторъ забылъ пышное развитіе Махаяны именно въ Индонезіи, также, какъ онъ, видимо, забылъ и о связи Индо-Китая съ Тибетомъ и вообще съ пригималайскими странами и черезъ Тибетъ, повидимому, и съ тангутами. Потому, видно, выпала изъ «библіографіи» относящаяся сюда литература.

Столь же непонятенъ намъ пропускъ книги B. Laufer. Dokumente der indischen Kunst. Erstes Heft. Malerei. Leipzig. 1913. Этотъ цѣннѣйшій трудъ освѣтилъ бы многое автору и далъ бы ему много для пониманія буддійской иконографіи. Отличительною чертою работъ проф. Лауфера, изъ которыхъ цѣлый рядъ еще долженъ былъ бы указать нашъ авторъ, соединеніе обширныхъ теоретическихъ знаній съ громаднымъ опытомъ и знаніемъ Востока не по книгамъ, а по жизни и работѣ на Востокѣ. Нельзя не пожалѣть, что и съ трудами проф. Лауфера, какъ и съ трудами проф. Грюнведеля, авторъ недостаточно знакомъ.

Отсутствіе упоминанія о превосходной книгѣ S. Lévi. Le Népal. Voll. I—III. Paris. 1905—1908, какъ извѣстно книгѣ о Непалѣ par excellence, въ библіографіи указываетъ, что и такая важнѣйшая для сѣверно-буддійской религіозной живописи и скульптуры страна, какъ Непалъ, почти не затронута авторомъ. Между тѣмъ вліяніе Непала въ этой именно области на Тибетъ громадное. Для исторіи пантеона громадное значеніе имѣютъ и туземныя хроники Vaṃçāvali, переводъ которыхъ данъ Райтомъ: D. Wright. History of Nepāl translated from the Parbatiyā. Cambridge. 1877.

По отношенію къ Тибету чрезвычайно чувствительно незнакомство автора съ книгою В. Васильева: Географія Тибета, переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутухты. СПб. 1895. Составитель географіи обильно черпалъ свѣдѣнія о знаменитыхъ образахъ изъ такъ называемыхъ

гарчаковъ, описей, каталоговъ мѣстныхъ святынь, и тѣмъ особенна цѣнна «Географія» для иконографіи.

Если прибавить еще, что и съ трудами Уадделя, этого крупнѣйшаго авторитета именно въ области ламайскаго культа и исторіи такъ называемой сѣверной церкви, нашъ авторъ знакомъ далеко не полно, то станетъ понятнымъ, что «Bibliography» не имѣетъ научнаго значенія. Вѣдь мы только указали нѣсколько крупнѣйшихъ пропусковъ, а если бы задаться цѣлью дополнить библіографію, то ее пришлось бы всю передѣлать наново и утроить или учетверить.

Если мы теперь обратимся къ основному содержанію книги—пантеону, то и здѣсь насъ прежде всего поразитъ отсутствіе руководящихъ принциповъ. Необходимо съ самаго же начала отнестись совершенно отрицательно къ терминамъ «боги сѣвернаго буддизма», ибо автору, правда къ сожалѣнію весьма случайно, приходится касаться и Индонезіи, которая не относится къ странамъ сѣвернымъ, а также потому, что будды и бодисатвы подъ понятіе боговъ не подходятъ. Не вполнѣ точно, но все же точнѣе было бы сказать «Пантеонъ хинаяны и махаяны», ибо есть несомнѣнно и фигуры хинаяническія. Но при такомъ опредѣленіи мы должны указать, что не поставлены границы ни во времени, ни въ пространствѣ. Буддійское искусство начинается естественно въ Индіи и въ Гандхарѣ и обойти этотъ періодъ буддійскаго искусства невозможно, между тѣмъ вы почти не найдете въ книгѣ его слѣдовъ въ сколько нибудь систематической формѣ. Вы не найдете въ книгѣ отвѣта на естественный вопросъ, что такое буддійскій пантеонъ въ Индіи, какой онъ до появленія гандхарской школы, что вноситъ съ собою въ иконографію эта школа, каковъ ея пантеонъ, каковъ въ Индіи буддійскій пантеонъ послѣ нея? Какія взаимныя отношенія между буддійскимъ и брахманскимъ пантеономъ, а отчасти и джайнскимъ? Тѣ же, съ соотвѣтствующими измѣненіями вопросы надо поставить для всѣхъ странъ буддійской культуры, только тогда можно будетъ хоть сколько нибудь разобраться въ этомъ сложнѣйшемъ мірѣ разнообразнѣйшихъ культовъ, пантеоновъ, съ ихъ перекрестными вліяніями. Но такой работѣ, настоятельно нужной, не поможешь эклектическими сборниками вродѣ разбираемаго.

Если перейти къ отдѣльнымъ фигурамъ пантеона, то мы видимъ, что работа сдѣлана отчасти по плану книги Пандеръ-Грюнведель о пантеонѣ Чжан-чжа хутухты, только болѣе подробно. То однако, что было весьма цѣнно и важно почти 30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время насъ не удовлетворяетъ: не даромъ же производилась та большая работа, которая сдѣлана по буддійской археологіи и буддизму, не даромъ накоплены въ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ громадные матеріалы; все это требуетъ

планомѣрной обработки и сводки, и главное обработки рукою спеціалистовъ.

Съ этой точки зрѣнія мы и подвергли критикѣ работу г-жи Гетти. Пусть она не посѣтуетъ на насъ за строгость нашихъ требованій. Мы чрезвычайно признательны ей какъ собирательницѣ матеріала — надо надѣяться, что ея собраніе станетъ достояніемъ одного изъ англійскихъ музеевъ — но отъ обработки матеріала мы требуемъ большаго, чѣмъ она дала. Какъ и она, мы пламенно желаемъ, чтобы западъ лучше понялъ востокъ, но добиться этого можно только чисто научной работой, кропотливой и утомительной вслѣдствіе громадности подлежащаго разбору матеріала, а главное правильными методами работы, и здѣсь основнымъ элементомъ успѣха является восхожденіе къ первоисточникамъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ буддійской иконографіи, работа еще почти только начата и почти все еще предстоитъ сдѣлать.

Не совсѣмъ понятнымъ остается, почему авторъ не воспользовался рядомъ цѣнныхъ свѣдѣній и по существу дѣла и по литературѣ самого предмета, заключенныхъ во введеніи къ его труду, составленномъ на основаніи и первоисточниковъ и значительно большаго числа пособій. Мы искренно сожалѣемъ, что участіе О. Е. Деникера въ разбираемой книгѣ не распространилось далѣе введенія (стр. LII)—онъ навѣрное направилъ бы автора во многомъ другими путями и избавилъ бы его отъ многихъ нареканій, въ настоящее время, къ сожалѣнію, справедливыхъ. **Сергѣй Ольденбургъ.**

404. **Bulletin of the School of Oriental Studies**, London Institution. 1917. 130 стр. 8°. Цѣна 6 шиллинговъ.

Высшая школа востоковѣдѣнія была торжественно открыта въ Лондонѣ, въ присутствіи короля Георга, 23 (10) февраля 1917 г.; церемонія открытія описана въ «Bulletin» (стр. 23—31). Директоромъ школы состоитъ д-ръ E. Denison Ross; число студентовъ доходило въ іюлѣ 1917 г. до 125 (стр. 21). Предполагается впослѣдствіи издавать при школѣ трехмѣсячникъ (quarterly journal), посвященный восточнымъ языкамъ; настоящій «Bulletin» выпущенъ только съ цѣлью знакомить общество съ исторіей возникновенія школы (стр. 5—22) и дать образчики статей будущаго журнала. Статей всего шесть, причемъ всѣ относятся частью къ Индіи (не мусульманской), частью къ Дальнему Востоку:

1. A. D. Waley. Pre-T'ang poetry. Переводъ ряда стихотвореній, относящихся ко времени отъ II в. до VI в. по Р. Х. и никогда еще, по словамъ автора статьи, не переводившихся; въ примѣчаніи прибавлено, что

со времени написанія статьи четыре стихотворенія поэта Тао-чэн'я (Т'ао Ch'ien) появились въ нѣмецкомъ переводѣ.

2. A. D. Waley. Thirty-eight poems by Po Chu-i. Изъ 38 стихотвореній китайскаго поэта Танскаго періода (родился въ 772, умеръ въ 846 г.) до сихъ поръ были извѣстны въ переводѣ только три, причемъ переводъ Фицмайера (Pfizmaier, въ Denkschr. der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, Bd. XXXVI) крайне неудовлетворителенъ.

3. J. D. Anderson. The phonetics of the Bengali language.

4. L. D. Barnett. An inscription of the reign of Udayaditya (надпись 1085 или 1086 г. по Р. Х., неизданная).

5. J. D. Anderson. Metre and accent. Касается индійскихъ нарѣчій, главнымъ образомъ бенгальскаго, предмета спеціальныхъ занятій автора.

6. L. Giles. Notes on the nestorian monument at Sianfu. О значеніи нѣкоторыхъ китайскихъ выраженій, встрѣчающихся въ надписи.

Кромѣ того излагается содержаніе слѣдующихъ прочитанныхъ преподавателями школы публичныхъ лекцій:

1. C. O. Blagden. Malay. Лекція была посвящена исключительно языку малайцевъ. Отмѣчается фактъ вторженія арабскихъ словъ, продолжающагося и теперь, въ связи съ укрѣпленіемъ ислама. Нѣкоторыя изъ этихъ заимствованныхъ словъ вполнѣ вошли въ языкъ и подверглись измѣненіямъ въ духѣ малайской фонетики.

2. L. D. Barnett. Commercial and political connexions of Ancient India with the west. Лекторъ начинаетъ съ IX в. до Р. Х. (надпись Салманасара II), доходитъ до VI в. по Р. Х. (Козьма Индоплаватель).

3. A. Werner. The language of Southern Rhodesia. Отмѣчается, между прочимъ, заимствованіе нѣсколькихъ арабскихъ словъ.

4. A. Yusuf Ali. The importance of Hindustani. Терминомъ «Hindustani» лекторъ объединяетъ языки Urdu (языкъ индійскихъ мусульманъ) и Hindi. Кромѣ языка, онъ говоритъ и о литературѣ; нѣкоторыя изъ прежнихъ произведеній, какъ Padmáwat (мистическій трудъ) Меликъ-Мухаммеда Джайси, принадлежитъ, по его мнѣнію, къ «самымъ цѣннымъ вкладамъ въ міровую религіозную литературу». Среди произведеній современной богословской литературы различаются, съ одной стороны, литература по правовѣрному и мистическому исламу на языкахъ хинди или урду, съ другой — произведенія марсійцевъ (Marsiyas) въ Лакнау (Lucknow), «присоединившихъ новую главу къ литературѣ шіитскаго ислама». Приводятся также данныя о свѣтской литературѣ, поэтической и прозаической. Языкомъ урду пользуется на своихъ съѣздахъ все-индійская мусульманская лига (All-India Moslem League).

5. T. W. Arnold. The study of Arabic. Отмѣчается фактъ недостаточнаго вниманія, удѣлявшагося англійской наукой изученію ислама и арабскаго языка; какъ исключеніе, приводятся имена Лэна (Lane) изъ прежнихъ ученыхъ (автора извѣстнаго словаря и книги о нравахъ египтянъ) и сэра Charles Lyall, «по глубинѣ своихъ познаній въ древне-арабской поэзіи превосходящаго любого нѣмецкаго профессора» (стр. 115), изъ современниковъ. Въ области изученія живыхъ нарѣчій только трудъ Willmore о нарѣчіи египтянъ спасаетъ англійскую науку отъ упрека въ совершенномъ пренебреженіи этой отраслью востоковѣдѣнія (стр. 116). Высказывается надежда, что изученіе арабскаго языка получитъ болѣе широкое распространеніе и что, наконецъ, найдутъ читателей «большія собранія арабскихъ книгъ, лежащія нетронутыми на полкахъ многихъ англійскихъ библіотекъ» (стр. 120).

Въ концѣ выпуска перепечатано изъ Journal Asiatique (11, VII) сообщеніе голландскаго оріенталиста A. J. Wensinck (въ іюлѣ 1916 г.) о предположенномъ составленіи указателя къ сборникамъ суннитскихъ преданій, что потребуетъ не менѣе десяти лѣтъ. **В. Б.**

405. Traugott **Mann.** Der Islam einst und jetzt. Bielefeld und Leipzig 1914. (Monographien zur Weltgeschichte. In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyck. 32). 162 стр. 8⁰.

«Монографіи по всемірной исторіи» принадлежатъ къ числу нѣмецкихъ популярныхъ изданій, разсчитанныхъ на большой сбытъ и предлагаемыхъ читающей публикѣ за удивительно дешевую плату; книга д-ра Манна, заключающая въ себѣ до 166 превосходныхъ иллюстрацій, продается всего за 4 марки. Иллюстраціи не только занимаютъ въ книгѣ гораздо больше мѣста, чѣмъ текстъ, но не имѣютъ къ нему никакого отношенія и потому едва ли принесутъ много пользы читателямъ, не знакомымъ съ литературой предмета. Такъ въ книгѣ (стр. 40) изображенъ главный минаретъ города Самарры, но въ текстѣ нѣтъ ни слова не только объ этой постройкѣ, но даже о самомъ городѣ; чтобы узнать, когда и кѣмъ была построена Самарра, какъ долго она существовала, какое значеніе имѣютъ ея развалины для изученія мусульманской культуры, читателю книги д-ра Манна необходимо обратиться къ другимъ книгамъ. Вообще какъ политической, такъ и культурной исторіи мусульманскаго міра отводится мало мѣста. За неизбѣжной вступительной главой «Аравія до ислама» (стр. 1—9) и сравнительно подробными главами о Мухаммедѣ (стр. 10—47) и Коранѣ

(стр. 48—78) слѣдуетъ глава «Die Entwicklung in Politik und Religion (стр. 79—109), гдѣ говорится объ омейядахъ, аббасидахъ, фатимидахъ, сельджукахъ, о мусульманской догматикѣ, о сектахъ и мистицизмѣ. Заключительная глава (стр. 110—150) посвящена новой исторіи ислама; кратко говорится о мусульманскихъ государствахъ, сравнительно подробнѣе всего о Турціи (стр. 114—130), и о новѣйшихъ религіозныхъ движеніяхъ, до бабизма и бехаизма включительно. Нельзя сказать, чтобы читатель получалъ ясное представленіе объ образованіи и распаденіи халифата, о центростремительныхъ и центробѣжныхъ стремленіяхъ въ политической и культурной жизни. Приложенная къ книгѣ историческая карта находится въ противорѣчіи даже съ текстомъ книги; по картѣ весь Иранъ до Амударьи и до границы Персіи съ Белуджистаномъ былъ завоеванъ арабами еще при Омарѣ; въ текстѣ даже завоеваніе Персеполя справедливо отнесено уже къ царствованію Османа (стр. 81).

Въ очень краткомъ библіографическомъ обзорѣ (стр. 153) упоминаются, между прочимъ, большой трудъ Каэтани и нѣмецкій журналъ «Der Islam»; но изъ текста не видно, чтобы авторъ считался съ результатами, достигнутыми въ XX в. исторической критикой, напр., съ трудами Вельхаузена, Ламменса, Каэтани, Беккера и др. Въ общемъ его взгляды соотвѣтствуютъ тому уровню, на которомъ находилась наука около 1890 г., послѣ трудовъ Кремера, Нельдеке и «Muhammedanische Studien» Гольдціэра. Омаръ I все еще запрещаетъ мусульманамъ пріобрѣтеніе недвижимой собственности внѣ предѣловъ Аравіи (стр. 81), Омаръ II все еще остается Idealerscheinung eines unmännlichen Schwärmers (стр. 86); «теократическая» система аббасидовъ все еще противополагается религіозному равнодушію омейядовъ и господствовавшимъ при нихъ языческимъ традиціямъ, и аббасиды въ этомъ смыслѣ изображаются, какъ продолжатели стремленій Омара I (стр. 93); халифъ Насиръ все еще обращается за помощью «около 1200 г.» къ турку (!) Чингизъ-хану (стр. 90); даже Хасанъ басрійскій все еще остается, вопреки Табари, сторонникомъ ученія о предопредѣленіи (стр. 107). Встрѣчаются ошибки по невниманію; на стр. 112 во фразѣ «Im Osten hatten die Turkmanen gehaust» вмѣсто «Osten», очевидно, надо читать «Westen» (рѣчь идетъ о бывшемъ государствѣ Тимура); на стр. 113 современная каджарская (или качарская) династія въ Персіи названа «кашгарской».

Расходясь въ этомъ со Снукъ-Хургронье, Хартманномъ и другими, авторъ не вѣритъ въ возможность возрожденія государственной и культурной жизни мусульманскихъ странъ подъ вліяніемъ европеизаціи и связаннаго съ этимъ отдѣленія церкви отъ государства. Ни въ Персіи, ни

въ Турціи, по его мнѣнію, нѣтъ и не можетъ быть другого связующаго звена, кромѣ религіи, шіитской въ Персіи, суннитской въ Турціи (стр. 128). Прочная почва для прогресса мусульманскаго міра можетъ быть создана не поверхностнымъ (въ другое авторъ, повидимому, не вѣритъ) усвоеніемъ европейской культуры, не возвращеніемъ къ первоначальному исламу (по примѣру ваххабитовъ), но только дальнѣйшимъ развитіемъ религіи, т. е. дѣятельностью религіозныхъ реформаторовъ (стр. 144 и слѣд.). Изъ новѣйшихъ религіозныхъ движеній авторъ возлагаетъ больше всего надеждъ на бабизмъ и бехаизмъ; фактъ разочарованія въ этихъ религіяхъ именно тѣхъ европейскихъ ученыхъ, которые имѣли возможность ближе всего съ ними ознакомиться (напр. Э. Броуна), не принимается во вниманіе. По мнѣнію рецензента, эти факты говорятъ противъ мнѣнія автора и заставляютъ полагать, что и для Востока, какъ для Запада, время религіозныхъ движеній, способныхъ возродить къ новой жизни цѣлые народы, отошло въ прошлое.

В. Б.

406. **Die Islamische Welt.** Illustrierte Monatsschrift für Politik, Wirtschaft und Kultur. Herausgeber Scheich Abdul Aziz Schauisch und Abdul Malik Hamsa Bey. Nummer 2. Januar 1917. S. 1—64. Nummer 3. Februar 1917. S. 1—64. Nummer 4. März 1917. S. 193—256[1]. Nummer 5. März 1917. S. 257—316.

Ежемѣсячникъ «Die Islamische Welt» былъ основанъ въ Берлинѣ съ цѣлью содѣйствовать культурному и экономическому сближенію союзныхъ народовъ — нѣмцевъ и турокъ; эта цѣль особенно ярко выражена въ рѣчахъ, произнесенныхъ во время пріема по случаю выхода въ свѣтъ перваго номера — 19 ноября (н. ст.) 1916 г., причемъ турецкій посланникъ Хакки-паша говорилъ объ исключительныхъ заслугахъ нѣмецкихъ ученыхъ въ дѣлѣ изученія Востока (II, 63). Цѣлями пропаганды объясняется крайне низкая подписная цѣна — 9 марокъ въ годъ; журналъ печатался на хорошей бумагѣ, и иллюстраціи удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ. Въ журналѣ, кромѣ турецкихъ публицистовъ и литераторовъ, принимали участіе нѣмецкіе, въ томъ числѣ одинъ ученый съ извѣстнымъ именемъ, проф. Martin Hartmann, давшій статью о «новой Турціи и ея литературѣ» (III, 28—32). Въ большей части статей приводятся доводы въ пользу культурнаго значенія ислама, жизнеспособности турецкаго народа и т. п. Не касаясь политическихъ тенденцій ежемѣсячника (культурныя заслуги мусульманскаго

[1] Очевидно, въ первомъ номерѣ было тоже 64 стр. (4 листа); съ № 4 была введена заднимъ числомъ сплошная пагинація за весь годъ.

міра въ прошломъ, какъ и заслуги нѣмецкаго оріентализма, не подлежатъ спору), можно только выразить сожалѣніе, что его изящной внѣшности мало соотвѣтствуетъ содержаніе. Первый издатель журнала, шейхъ Абдулазизъ Шауишъ въ статьѣ подъ громкимъ заглавіемъ «Исламъ и культура» (II, 1—5, III, 1—7) разсказываетъ нѣмецкимъ читателямъ, что основаніе будущей «западно-азіатской турецкой имперіи» было положено въ XV в. «въ восточной Азіи», что португальцы уничтожили торговый флотъ Калькутты, Бухары (!) и Суэца (II, 1), что покровителемъ мусульманской культуры былъ «сынъ Батыя и внукъ Чингизъ-хана»; въ Китаѣ мусульманской наукѣ, въ лицѣ астронома Джемаль-ад-дина, покровительствовалъ какой то Dschobleidan, Bruder des Dscholeitu [1] (III, 1). Авторы не останавливаются и передъ сознательнымъ вымысломъ; такъ выходецъ изъ Россіи, извѣстный Абдуррашидъ Ибрагимовъ [2], несомнѣнно знакомый съ дѣйствительной жизнью русскихъ мусульманъ, увѣряетъ, будто въ Россіи разрѣшенъ только «искалѣченный» Коранъ (V, 280): много стиховъ исключено (ausgemerzt), въ томъ числѣ вся глава о священной войнѣ (9-ая сура?).

Изъ статей нѣмецкихъ авторовъ обращаетъ на себя вниманіе статья Г. Виденбауера о Багдадѣ (IV, 242—244), гдѣ разсказывается, что Харунъ ар-Рашидъ воздвигъ своей любимой женѣ Зубейдѣ «величественный» мавзолей, куполъ котораго виденъ до сихъ поръ. Въ дѣйствительности Зубейда умерла въ 831 г. х. [3], т. е. пережила своего супруга на 22 года; зданіе надъ ея мнимой могилой—завѣдомо позднѣйшаго происхожденія и находится не тамъ, гдѣ Зубейда была погребена по историческимъ даннымъ [4]. Такую же освѣдомленность обнаруживаетъ Freih. von Mackay, авторъ статьи «Russlands Tataren und Turkmenen» (III, 25—27); по его словамъ крымскій ханъ, разрушившій Золотую Орду, защитилъ Россію отъ смертельной опасности (Todesgefahr).

Въ статьѣ проф. Хартманна находится едва ли единственное во всѣхъ четырехъ номерахъ журнала мѣсто, имѣющее право на вниманіе спеціалистовъ: упоминается турецко-арабскій словарь Махмуда Кашгари, составленный уже въ 466 г. х., т. е. въ 1073-4 г. по Р. Х. (III, 28). Насколько извѣстно рецензенту, этотъ ранній памятникъ турецкой лексикографіи былъ открытъ и изданъ во время войны; русской наукѣ онъ до сихъ поръ остается недоступнымъ. **В. Б.**

---

[1] Трудно было бы узнать здѣсь имена Хубилай-хана и его брата Хулагу (ср. Am. Sédillot въ Prolég. des tables astronom. d'Oloug-Beg, introd., p. 101 и въ Histoire générale des Arabes, II, 37).

[2] Ср. о немъ Міръ Ислама 1912 г., стр. 284 и сл., 484.

[3] Tabari, Annales, III, 1105.

[4] Энцикл. ислама, нѣм. изданіе I, 591.

M. Tseretheli, Sumerian and Georgian. A Study in Comparative Philology by — (отд. отт. изъ JRAS, октябрь 1913 [= стр. 783—821] и январь 1914 [= II, стр. 1—36]).

Работа М. Церетели вовсе не такой неподлежащій учету опытъ по вопросу о шумирскомъ языкѣ, чтобы отдѣлаться отъ него бѣглыми, краткими, аподиктическими утвержденіями, какъ то мнѣ пришлось сдѣлать не только въ грузинскомъ органѣ ежедневной прессы, но и въ научномъ изслѣдованіи, попутно, въ примѣчаніи[1].

Я готовъ извиниться передъ авторомъ, если по неполнотѣ отзыва слова мои можно понять въ томъ смыслѣ, что въ окружавшей его западноевропейской средѣ Ц. работалъ ненаучно и трудъ его не имѣетъ достаточнаго значенія въ спеціальной литературѣ не на однихъ лишь западноевропейскихъ языкахъ. Утвержденіе мое сводилось лишь къ тому, что работа Ц. не основана на осознанныхъ началахъ яфетической теоріи, далека по своему подходу отъ лежащихъ въ ея основѣ началъ. Изъ этой оговорки не вытекаетъ и то, что Ц. не знакомъ съ моими работами и ничего имъ изъ нихъ не усвоено. Наоборотъ, онъ былъ весьма внимательнымъ чтецомъ того, что изъ моихъ работъ его достигало, и воспринималъ то, что допускалось его конструкціею, а что лежащее въ основѣ моихъ работъ построеніе имъ не раздѣлялось, тому виной, быть можетъ, и то, что печатнаго учебника теоріи яфетическаго языкознанія не существовало, въ частности не существовало изложенія сравнительной яфетическо-семитической фонетики, вообще грамматики, непосредственнымъ же слушателемъ у меня онъ и не былъ.

Тѣмъ не менѣе имъ были уловлены весьма важныя частности яфетическаго языкознанія, какъ, между прочимъ, основы системы яфетическаго склоненія съ его многочисленными разновидностями, дававшія возможность возстановить склоненіе недошедшихъ до насъ самостоятельно, такъ называемыхъ «неизвѣстныхъ» языковъ, и въ неизвѣстномъ языкѣ съ плавнымъ г въ падежныхъ окончаніяхъ имъ былъ признанъ шумирскій[2]. Имъ вполнѣ усвоена сугубая падежная функція окончанія -га: оно — и Д., и В. падежъ. Болѣе того, онъ вполнѣ отстраняетъ всякую связь, кромѣ случайнаго

[1] Н. Марръ, Ах², стр. 9, прим. 1. Грузинская замѣтка была вызвана раньше появившейся на грузинскомъ языкѣ (сборникъ გვირგვინი, Тифлисъ 1912, стр. 25—117, съ подписью автора отъ «1912, 3/16 апрѣля, Гейдельбергъ»): სუმერული და ქართული sumeruli da qarϑuli; здѣсь имѣется и словарь (стр. 95—117), но лексической части спеціально я не касаюсь, важно для насъ вскрыть методологическую часть. Грузинская замѣтка, составленная на пути въ Сванію, была помѣщена въ газетѣ იმერეთი лѣтомъ 1914, и ею не располагаю.

[2] Стр. 797: «This unknown language seems to be Sumerian».

созвучія, падежнаго окончанія этого типа -га съ глаголомъ ага, *ходить*[1], съ которымъ созвученъ уже неслучайно грузинскій глаголъ г *ходить* (основа аг-)[2]. Лишь когда онъ пишетъ о неизвѣстности генезиса суффикса -га, resp. -аг, допуская возможность и его послѣложнаго происхожденія, Ц. обнаруживаетъ неясность представленія объ исторіи яфетической флексіи, въ частности о роли мѣстоименія въ склоненіи[3].

Если въ работѣ Ц. мы не находимъ сознанія и, понятно, признанія самой основы яфетическаго языкознанія, родства яфетическихъ языковъ съ семитическими, было бы несправедливо искать въ ней, требовать отъ автора того расширенія яфетидологическаго кругозора и того видоизмѣненія въ смыслѣ уточненія основного положенія о родствѣ яфетическихъ языковъ съ семитическими, которые возникали и возникаютъ на дальнѣйшихъ этапахъ развитія яфетическаго языкознанія въ связи съ расширеніемъ круга сравниваемыхъ яфетическихъ языковъ, чистыхъ, а затѣмъ и мѣшаныхъ яфетическо-аріоевропейскихъ, да и вообще расово-гибридныхъ типовъ.

Повторяю, это не помѣшало Ц. намѣтить цѣлый рядъ дѣйствительно родственныхъ явленій и чертъ у шумирскаго языка съ яфетическими, по терминологіи Ц. обычно «грузинскими» (хотя бы рѣчь шла о чано-мегрельскихъ, resp. лазо-мегрельскихъ, и даже сванскомъ языкахъ), не помѣшало ему сдѣлать рядъ цѣнныхъ наблюденій надъ шумирскимъ языкомъ, вносящихъ его въ одинъ кругъ съ яфетическими, и его, М. Церетели, нельзя не признать первымъ достаточно вооруженнымъ матеріальнымъ знаніемъ грузинской рѣчи, открывшимъ путь къ реальному лингвистическому анализу шумирскаго на основѣ родства съ языками, входящими въ кругъ яфетическихъ, дѣйствительнымъ піонеромъ въ этомъ вопросѣ, если и не труднымъ по богатству говорящихъ о такомъ родствѣ матеріаловъ, то весьма сложномъ и требующемъ весьма осторожнаго обращенія. И тѣмъ болѣе требуется указать возможно исчерпывающе тѣ части въ работѣ Ц., въ которыхъ перейдены границы такой осторожности, даны несостоятельныя разъясненія, и конкретно вскрыть основанія такихъ недоразумѣній, въ основѣ вытекающихъ изъ незнакомства съ существомъ яфетическаго языкознанія.

У Ц. пережиточный взглядъ на значеніе именно грузинскаго языка и ближайше родственныхъ съ нимъ языковъ сибилянтной вѣтви и въ вопросѣ о родствѣ шумирскаго съ яфетическими, когда на самомъ дѣлѣ слой спи-

---

[1] Стр. 797—798.

[2] Ср. ниже, стр. 460.

[3] Стр. 793—794: «Now, whether these case-endings are of postpositional or of pronominal origin is quite obscure» (стр. 794).

рантнаго типа въ шумирскомъ не менѣе значителенъ, чѣмъ слой типа сонорной вѣтви. Потому то шумирское окончаніе активнаго падежа -ge, какъ и лазо-мегрельскаго -qə → -q, представляющіе собой органическіе падежи, Ц. воспринимаетъ какъ послѣлоги (810), patesi-ge, koϑi-qə (← koϑi-qi, resp. koϑi-qe). На самомъ дѣлѣ это падежныя окончанія спирантной вѣтви языковъ изъ ряда Р. -ge → -qe, Д. -ga (абх. || -ǧa) → q̇a (удин.). Появленіе Р. падежа, а не Д., какъ въ грузинскомъ, въ роли активнаго имѣетъ поддержку въ другихъ яфетическихъ языкахъ, и -ge представляетъ въ этой роли по значенію эквивалентъ халдскаго -ше. Въ освѣщеніи -ge → -qe || -qi (→ -qə) съ точки зрѣнія ихъ генезиса (810, 812), въ производствѣ этого суффикса отъ gan || kar и kide, Ц. игнорируетъ мѣстоименное происхожденіе яфетическаго склоненія, не говоря о томъ, что, въ погонѣ за созвучіями, ga⌜n⌝ *сторона* отожествляется съ ga⌜r⌝ ← ka⌜r⌝ *дверь*. О мѣстоименномъ согласномъ элементѣ g → q, да и объ образованіи активнаго падежа съ его помощью рѣчь будетъ у насъ особо въ грамматикѣ шумирскаго языка [1].

У Ц. нѣтъ опредѣленнаго взгляда на мѣсто яфетическихъ языковъ среди другихъ семей человѣческой рѣчи и грузинскаго среди яфетическихъ, онъ какъ будто не раздѣляетъ безспорнаго для посвященныхъ въ суть дѣла родства яфетическихъ съ семитическими [2], беря на себя непосильное бремя отрицанія трехсогласности яфетическихъ корней, въ частности — «чисто грузинскихъ». И потому, когда въ опроверженіе моего положенія Ц. утверждаетъ, что «most roots of pure Georgian have not the slightest trace left in them of the supposed earlier triconsonantalism» (815), онъ вскрываетъ лишь смѣшиваніе имъ двухъ сторонъ лингвистическаго вопроса о семито-яфетическихъ отношеніяхъ: Ц. не различаетъ двухъ научныхъ подходовъ къ вопросу, одинъ изъ коихъ съ интересомъ генетическаго или вообще динамическаго порядка, другой статическаго. Конечно, о первобытности трехсогласія не можетъ быть и рѣчи, да и въ семитическихъ языкахъ болѣе древнимъ представляется двухсогласіе, наиболѣе ярко иллюстрируемое, какъ и въ яфетическихъ языкахъ, такъ называемыми «четырехбуквенными» корнями. И часто даже для утвержденія двухсогласности нѣтъ основанія, напр., когда основой числительнаго «одинъ» не только въ шипящей группѣ, какъ выясняется Ц. совершенно правильно, ar (II, стр. 6),

---

[1] Шумирское -ge активнаго падежа есть именно то, чего никакъ не хочетъ думать Ц., — окончаніе Р. падежа (ср. 812: «I do not think that it is identical with the *ge* genitive).

[2] Нынѣ мнѣ можно приписывать наличную формулировку этого родства, отъ которой фактически и я отхожу, а никакъ не самую теорію, теорія уже не «моя» (ср. стр. 815 et pass.), а всякаго, кто лингвистически осознанно знаетъ или хочетъ знать грузинскій языкъ.

но и въ свистящей соотвѣтственно народно -er (er-ı kaϑ-ı), и все-таки статически и въ грузинскомъ, и въ другихъ яфетическихъ языкахъ трехсогласіе есть норма, какого бы происхожденія не были эти согласные по генетической исторіи, хотя бы и функціональнаго. И, понятно, нельзя, исходя изъ противоположной точки зрѣнія вмѣсто филологическаго анализа производить вивисекцію основъ, и напр. въ г. saq̇l | м. oq̇or (‖ араб. أهل | евр. אהל) первый слогъ sa- считать за префиксъ, а въ г. sı-sq̇l ‖ м. zı-sq̇ır *кровь* отъ трехсогласнаго корня sq̇l ‖ sq̇r (сем. «ϑɼr»: араб. ثار *кровь*) отсѣкать 3-й коренной l‖r, точно это суффиксъ (стр. 819). В самомъ грузинскомъ erϑ-ı *одинъ*, и до отсѣченія ϑ, мы имѣемъ двухсогласный корень (rϑ), если не считаться съ исторіею, но сравнительной фонетикой устанавливается его трехсогласіе, обратившееся въ двухсогласіе за потерею слабаго начальнаго согласнаго w и др. (wrϑ), откуда съ одной стороны въ самомъ грузинскомъ urϑ-ı (⟵ verϑ-ı) въ составѣ urϑı-erϑas *другъ другу*, букв. *одинъ другому*, съ другой — mart- (‖ verϑ) по шипящей группѣ въ составѣ усвоеннаго грузинскимъ mart-o *одинъ только*. Если же прослѣживать генетическую исторію до-исторической эпохи, то сначала надо исчерпать его исторію въ состояніи трехсогласности въ отношеніи и звукового состава, и семасіологіи: г. erϑ, эквивалентъ сванскаго ešq̇u, какъ послѣднее слово, означало «рука», «руки», почему то же слово и въ сванскомъ уešϑ означаетъ «десять» (руки съ 10 пальцами), и, конечно, мы не можемъ отказаться, что erϑ̣ *одинъ* также могъ звучать ešϑ-, resp. wešϑ ‖ ɼešϑ, и, слѣдовательно, отожествляется не только съ асс. ištēn ‖ ištīn *одинъ*, но и евр. ɼašϑey- въ составѣ составного числительнаго 11 — עַשְׁתֵּי עָשָׂר и עַשְׁתֵּי עֶשְׂרֵה. Что ištēn, да и, слѣдовательно, евр. ɼašϑey могутъ быть не семитическими, это пока дѣла не мѣняетъ. Вообще соотношенія семитическихъ и яфетическихъ числительныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляетъ себѣ Ц., имѣются въ яфетическихъ языкахъ и двойники сем. أحد съ сохраненіемъ спиранта ḣ въ видѣ подъемнаго африката q̇, и до ихъ разъясненія говорить о заимствованіяхъ съ той или другой стороны преждевременно, и не только преждевременно, но рискованно опредѣлять примитивы - слова путемъ простого усѣченія послѣдняго кореннаго -q̇u-ϑ 5, šwı-d 7 и т. п. (II, 6), не говоря о томъ, что установленіе примитивовъ въ до-историческія эпохи, когда онѣ даже правильно опредѣлены, нисколько не ослабляетъ факта существованія трехсогласности въ историческій періодъ жизни языка. Ц., не имѣя твердой яфетидологической почвы подъ собой, вмѣсто подхода отъ фактовъ и нормъ хорошо извѣстныхъ грузинскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ беретъ курсъ семитологовъ, исходившихъ изъ теоретически менѣе извѣстныхъ, требовавшихъ предварительнаго историческаго освѣщенія

фактовъ шумирской рѣчи, поспѣшно разъяснявшихся ими на основѣ, главнымъ образомъ, созвучія[1].

Механическія расчлененія безъ учета законовъ сравнительной фонетики, обоснованной на психологической почвѣ, семасіологической связанности сличаемыхъ комплексовъ, вводитъ Ц. въ рядъ совершенно непріемлемыхъ утвержденій, какъ напр., еще анализъ предлога шϑa съ возведеніемъ его къ составному ше-da, resp. ше-ϑa[2]. Бываетъ по той же причине и то, что составное слово принимается за простое, когда, напр., o-de-s *когда* (букв. *въ какой день*) принимается за основу od и суффиксъ -es (II, 29), и на этомъ строится отожествленіе съ шмр. udda *если*! Болѣе того, съ составнымъ, да и фиктивно оформленнымъ грузинскимъ o+de-s сближается грузинская глагольная основа vid [отъ корня vd ‖ vl⟵hvl ‖ svl] и съ послѣднимъ отожествляется составная основа, даже не основа, а оформленный союзъ vi-d (II, 33—34), отложившійся въ грузинскомъ, собственно въ древне-литературномъ, грузинскомъ союзѣ vi+d-re *куда, когда, пока, до тѣхъ поръ*, а также въ отношеніи мѣста нарѣчіе-предлогъ «до» и т. п. Это, да простится мнѣ выраженіе, наиболѣе полно и ярко выражающее способъ работы,—неосознанное извращеніе фактовъ въ пользу захватившей автора вѣрной мысли о родствѣ шумирскаго съ грузинскимъ, и чѣмъ болѣе вѣрной, тѣмъ болѣе дискредитируемой совершенно ненужнымъ искаженіемъ фактическаго положенія вещей, вообще матеріаловъ, откуда только и можетъ брызнуть свѣтъ и въ ширь, и въ глубь основного вопроса. Или еще: составныя отрицанія г. a-ra (⟶a-r), ve-ra (⟶ve-r) ‖ м. ч. va-r воспринимаются какъ цѣльныя слова и отожествляются съ шмр. bara, отрицаніемъ, которое въ свою очередь производится отъ шмр. bar *сторона, внѣшняя сторона* (II, 31): надо отказаться или отъ сопоставленія съ приведенными грузинскими отрицаніями, или отъ предлагаемой этимологіи шмр. bara, отъ возведенія его какъ цѣльнаго слова къ имени сущ. bar, имѣющему въ яфетическихъ языкахъ совершенно иныя соотвѣтствія также цѣльными словами: tertium non datur, а Ц. предлагаетъ совершенно безспорно разъясненныя грузинскія слова, извѣстныя величины, толковать по сомнительному анализу шумирскаго слова, и сравнительно, и исторически неизвѣстной лингвистической величинѣ, доходя до отожествленія г. ver съ первой частью искусственно

[1] Мы не останавливаемся здѣсь на объясненіяхъ того же евр. слова ученыхъ, возводившихъ его также къ шумирскому, resp. «аккадскому». Они, какъ то Schrader, Delitsch, Haupt и др., работали безъ знанія не только яфетическаго языкознанія и устанавливаемыхъ имъ звязей и съ шумирскимъ, а въ другой плоскости и съ семитическими, но и безъ знанія грузинскаго.

[2] Стр. II, 21—22. Кстати, шϑa-vida значитъ больше, чѣмъ he came down: шϑa указываетъ движеніе не только, пожалуй не столько, внизъ, сколько внутри, см. ниже, стр. 456.

расчленяемаго фer-d-i или gver-d-ı *сторона* и привлекая къ сопоставленію съ тѣмъ же отрицаніемъ даже г. gar-e ‖ г. kar-ı *дверь* (II, 31—32), уже исключительно па основаніи созвучія.

Сличенія и затѣмъ отожествленія формъ или словъ у Ц. основаны преимущественно, если не исключительно, на созвучіяхъ, часто случайныхъ, порой дѣйствительно соблазнительныхъ, порой преувеличиваемыхъ. Когда грузинскій послѣлогъ шı, остатокъ полнаго шına, получившійся на самой послѣдней ступени развитія грузинскаго языка, послѣдовавшей за средневѣковой эпохой, отожествляется съ «мингрело-лазскимъ» -ше, окончаніемъ Р. падежа (стр. 796), эквивалентомъ грузинскаго -sı, resp. -ıs, одинаково пережитками эпохи возникновенія флективности въ яфетическихъ языкахъ то гдѣ послѣ этого какая либо грань полному произволу въ датировкѣ фактовъ, предѣлъ допущенія анахронизмовъ? Это съ одной стороны. А съ другой стороны, при шипящемъ ш въ чанскомъ и мегрельскомъ, языкахъ шипящей группы, въ языкѣ свистящей группы — грузинскомъ требуется s, что мы и находимъ (-еш ‖ -ıs ∽ -ше ‖ -sı). Это одинъ изъ основныхъ законовъ сравнительной грамматики яфетическихъ, какъ при ш въ свистящей группѣ въ шипящей мы первично имѣемъ sk ⟶ zg ⟶ sq (подъ различными лишь вліяніями шk ⟶ шq) и ихъ перерожденія, и потому м.-ч. шqa (вм. sqa) и той же основы св. ı-sga ⟶ ı-sqa никакъ не можетъ быть отожествляемо ни съ грузинскимъ шı, съ точки зрѣнія и его огласовки, не говоря о позднемъ его происхожденіи, ни тѣмъ болѣе съ шıg. Вѣдь законы соотвѣтствія существуютъ и по огласовкѣ[1]. Если бы шıg дѣйствительно оказалось генетически связаннымъ съ ısga, собственно позднѣйшимъ его видомъ *īшg ⟶ īшqa то оно должно было быть признано какъ простое заимствованіе изъ сванскаго языка съ продвиженіемъ согласнаго на первое мѣсто — шıg, resp. шıg-aʳnˡ, какъ шıd, другой вульгарный эквивалентъ двойникомъ *ı-шda, что безъ префикса ı налицо, въ грузинскомъ предлогѣ шϑa- (⟵ шda-) *внутрь, внизъ* и т. п. Но анализъ г. шıg — вообще весьма сложное дѣло, g въ немъ можетъ быть, если судить по созвучію, и остаткомъ g, корня-остатка со значеніемъ «мѣсто», шı-gan «во внутреннемъ *мѣстѣ*» ‖ erϑ-gan «въ одномъ мѣстѣ», и вторымъ кореннымъ (въ связи съ яф. шуn ‖ сем. skn и т. п.), и повторяю изъ удовольствія получить лишній доводъ въ пользу родства шумирскаго съ яфетическими языками, нѣтъ основанія пользоваться такими исторически не-доосвѣщенными матеріалами. Самая идея возвести

---

[1] Потому-то для яфетидолога совершенно непостижимо, какъ комплексъ -ши, будь онъ или сванскимъ или шумирскимъ, т. е. яфетическимъ, можно сопоставлять съ чано-мегрельскимъ -ше, тѣмъ болѣе — отожествлять (ц. м.) и въ то же время еще съ мегрельскимъ же шa-q! (см. ниже, стр. 460).

шig къ шумирскому шаb‖шаg *сердце, центръ* съ привлеченіемъ другого грузинскаго слова шиа *середина* встрѣчается съ иной еще связью понятія «середины», поскольку рѣчь идетъ о словѣ шиа, особенно же шоvr-ıs, именно «пупъ», «пупокъ» (ср. евр. שׁבר), въ значеніи *пупа* появляющагося и безъ 3-го кореннаго r — ṭib (↖*шib, resp. *шиb) и т. п. Слѣдовательно, осторожность въ пользованіи единичными выхваченными изъ неразрывной цѣпи фактовъ, звеньями нужна не только сугубая, но учетверенная, и удесятеренная. Даже тожество или кажущееся таковымъ сходство звуковыхъ комплексовъ не можетъ обезпечивать правильности построяемыхъ на созвучіяхъ положеній, какъ напр. отожествленія шумирскаго падежнаго окончанія -ra съ шумирскимъ мѣстоименнымъ префиксомъ ra-[1]. Мѣстоименный элементъ 2-го лица согласный r, извѣстный изъ мегрельскаго, нельзя отожествлять съ падежнымъ окончаніемъ по одному созвучію (стр. II, 20). Столь же мало считаются съ фактическимъ положеніемъ утвержденія (стр. 795), что — «to Sumerian *da* evidently corresponds Georgian *ad* (*da*) and to Sumerian *ta* the Georgian ablative case-endig ıϑ (+a)». Во-первыхъ, ıϑa не простое падежное окончаніе, а составное изъ, дѣйствительно, окончанія ıϑ и мѣстоименнаго нароста, своего рода опредѣлительнаго члена, такъ называемаго эмфатическаго гласнаго; въ шм. -ta мы имѣемъ, по видимости, простое падежное окончаніе, т. е. шм. -ta приходится отожествлять съ -ıϑ, и соблазнительность созвучія уже отпадаетъ. Если бы, однако, были реальныя основанія для признанія въ шм. -ta одного падежа съ г. -ıϑ, то пришлось бы въ параллель г. -ıϑ‖(м.-ч., св.) *-eϑ ∽ -ϑe[2], что налицо и въ др.-л. арм. -tᵉ/ᵢ, -ta, признать перемѣщенной разновидностью архетипа -*at, но и тогда слѣдовало установить, что шм. a равняется г. ı и м.-ч̊. e. Что касается г. ad (*da*), то Ц. бросаетъ въ одну корзину нѣсколько комплексовъ: прежде всего, -ad, падежное окончаніе — qalaq·a+d[3], иногда, и то лишь по аналогіи получающее эмфатическій наростъ a — ad-a, при потерѣ начальнаго a послѣ гласнаго исхода основы звучащее случайно -d-a, и -da, послѣлогъ *для* — ϑucn-da *для насъ*, mıs-da *для него*, сочетающееся съ Р. падежомъ и ничего общаго въ цѣломъ не имѣющее съ первымъ da: падежное окончаніе ad *составное*, это гласный характеръ Д. падежа a и послѣлогъ d, еще не разъясненный окончательно въ томъ отношеніи, тожде-

---

[1] Все, что предшествуетъ основѣ, есть префиксъ, что послѣдуетъ за нею, суффиксъ, хотя при наличіи ряда префиксовъ и суффиксовъ тотъ или другой префиксъ и суффиксъ оказался бы внутри составного слова, точно налицо инфиксъ.

[2] О св. -ϑe см. ниже, стр. 460.

[3] Лишенное всякаго историческаго обоснованія разъясненіе этой грузинской формы Ц. дастъ на стр. 800, 801, 802 и 805.

ственен ли он съ упомянутымъ выше послѣлогомъ -da *для* или отличенъ отъ него, хотя и имѣетъ также свою огласовку a, resp. e ‖ ı (-$^{do}/_{dı}$ ‖ -da) и т. п. Наконецъ, есть -da (⟶ d) ‖ -na падежное окончаніе, да если и послѣлогъ, ничего общаго не имѣющее съ двумя разобранными созвучными суффиксами. Это окончаніе da ⟶ d отвѣчаетъ на вопросъ «гдѣ?»: sa-da *гдѣ*, man-⌈da⌉ *тамъ* (близъ 2-го лица) и др. Это -da, а не первое (ср. Ц., II, 21) могло бы быть отожествлено съ шмр. -ta въ словѣ gıш-ká-na-ta фразы gıш-ká-na-ta ba-ta durun «подъ порталомъ (собств. притолокой) онъ уложилъ». Слѣдовательно послѣ данныхъ разъясненій всѣ сопоставленія помянутыхъ грузинскихъ окончаній съ шумирскими на стр. 800—808 требуютъ коренного пересмотра и очистки утвердившихся въ нихъ плевелъ. И при такомъ обращеніи и эти страницы способны дать матеріалъ или толчекъ для углубленной разработки вопроса и помогутъ намѣтить правильныя отожествленія для окончательнаго утвержденія. Надо только помнить, что вопросъ о родствѣ предполагаетъ не только сходства, но и расхожденія. Шумирскій языкъ не грузинскій, какъ можно думать по старанію (стр. 28—29 et pass.) получить тождественные въ нихъ звуковые комплексы для однозначущихъ словъ. Наоборотъ, тѣмъ болѣе требуется осмотрительности и тѣмъ сильнѣе долженъ быть скепсисъ, успокаиваемый лишь обоснованіемъ утвержденія на полнотѣ знанія фактовъ, чѣмъ болѣе соблазнительно созвучіе.

Съ другой стороны, родство не созвучныхъ комплексовъ ускользаетъ отъ его вниманія. Потому то, такъ или иначе отожествивъ шумирскіе числительные 1, 6, 10 съ грузинскими, и тѣ сомнительными пріемами, Ц. спѣшитъ заключить (II, стр. 7): «Что касается остальныхъ числительныхъ, количественныхъ и порядковыхъ, никакого подобія нельзя отмѣтить въ этомъ отношеніи между «шумирской» и грузинской группами языковъ». На невхожденіи въ анализъ яфетической морфологіи основано и утвержденіе, будто «грузинскіе, менгрельскіе, лазскіе и сванскіе суффиксы» «не имѣютъ никакихъ аналогій къ шумирскимъ dug, du, da, dı» (II, стр. 819).

Объ исторіи языка у Ц. нѣтъ реальнаго представленія: говоря о томъ, что «грузинскій глаголъ за много вѣковъ подвергся отличному развитію во многихъ отношеніяхъ и во многихъ случаяхъ онъ находится въ полномъ расхожденіи съ шумирскимъ» (II, 8), Ц. внушаетъ двѣ неразрывно связанныя другъ съ другомъ въ основѣ одинаково неправильныя мысли, отъ которыхъ онъ и исходитъ какъ отъ общихъ положеній: это, во-первыхъ, то, точно грузинскій оставался грузинскимъ въ теченіе многихъ столѣтій[1].

[1] Между прочимъ (II, 36): «The almost incredible stability of Georgian is astonishing when we compare it with Armenian or Greek».

Ц. не чуетъ вовсе, что вопросъ не въ отличномъ развитіи грузинскаго за много вѣковъ, а въ его перерожденіи или перерожденіяхъ въ процессѣ скрещенія. Во-вторыхъ это скрещеніе отнюдь не чуждо и шумирскому, шумирскій, несмотря на всю свою древность отнюдь не представляетъ въ какой либо мѣрѣ первобытнаго типа, и въ расхожденіяхъ грузинскаго съ шумирскимъ повинна бываетъ далеко не всегда одна грузинская сторона, а также шумирская, поскольку они, эти расхожденія, вытекаютъ не отъ дальнѣйшаго во времени развитія первичныхъ данныхъ, а отъ наличія природныхъ элементовъ различнаго типа, отложившихся въ нихъ въ процессѣ возникновенія самихъ этихъ языковъ, грузинскаго и шумирскаго, путемъ гибридизаціи и скрещенія. Въ этомъ отношеніи не грузинскій языкъ отошелъ отъ шумирскаго, а и шумирскій и грузинскій языки отошли отъ своей примитивной природы, и вопросъ особый еще, насколько родство спеціально грузинскаго съ шумирскимъ болѣе тѣсно въ частяхъ, вскрывающихъ ихъ примитивный природный обликъ, сравнительно съ родствомъ отложившихся въ нихъ по скрещенію также природныхъ или ставшихъ для нихъ природными элементовъ.

И филологическая сторона въ работѣ Ц. не имѣетъ твердой базы: ново-грузинскіе матеріалы съ древнелитературными отожествляются безъ установленія и историко-литературной перспективы, и мы слышимъ абсолютно несостоятельное утвержденіе, что «ново-грузинскій есть тотъ же самый языкъ, что̀ древне-грузинскій, съ тѣми же самыми словами и той же самой общей грамматической структурой»[1]. Ц. не отдаетъ себѣ отчета, что лингвистически рѣчь идетъ собственно не о древне-грузинскомъ, котораго мы непосредственно не знаемъ и который, a priori можно утверждать, оказался бы одного общаго грамматическаго строя съ ново-грузинскимъ, а о древне-литературномъ языкѣ грузинъ съ его особыми нормами и особымъ словаремъ и, понятно, особымъ источникомъ ихъ происхожденія, отнюдь не тождественнымъ съ грузинскимъ. Если бы была осознана изслѣдователемъ глубокая именно лингвистическая грань между древне-литературнымъ грузинскимъ и ново-грузинскимъ языками, то онъ представилъ бы въ иномъ освѣщеніи тотъ фактъ (стр. 814), что можно сказать equs asnı elamelnı *600 эламитовъ*, но нельзя въ томъ же смыслѣ сказать eqvsasebı elamelebı, хотя бы equsasnı elamelebı: дѣло тутъ не въ окончаніи мн. числа въ одномъ

[1] Стр. 790, см. также 808 («other means to express.... ideas... compared with the Sumerian are the most usual and regular in ancient and modern Georgian alike»). О такихъ мелочахъ, какъ ṫavıda вм. ṫarvıda (803), mındwraϑ вм. mıdvrad (805) и т. п. не стоитъ говорить. Ц. съ шмр. mw отожествляетъ лишь по созвучію такую форму мѣстнаго падежа на -mı (стр. 808: Umma-mı), которая завѣдомо получена лишь въ XVIII—XIX вѣкѣ!

случаѣ -n-ı, въ другомъ -eb-ı, а въ принадлежности ихъ двумъ языкамъ съ различными нормами синтаксиса, съ различной психологіею.

Слѣдуетъ отнести, думается, къ числу корректурныхъ недосмотровъ უზღეს uzĝes (797) вм. უზღუეს uzĝues. Такимъ же lapsus calami хотѣлось бы признать, когда сравнительно съ მწყემსითა mṫkems-ıϑa *пастухомъ* მწყემსის მიერ mṫkemsıs mıer признается позднѣйшимъ (801: «the later»), хотя вообще о положеніи дѣла въ древне-литературномъ языкѣ Ц., повидимому, имѣетъ не вполнѣ точное представленіе, отрицая архаичность окончанія -nı сравнительно съ bı (стр. 814): лингвистически -eb нисколько не менѣе древнее окончаніе, чѣмъ -nı, собственно -n (-ı окончаніе Им. падежа, его гласный характеръ), наоборотъ, -n представитель сравнительно болѣе новой стадіи развитія, чѣмъ -eb, въ формѣ лингвистически одной съ нимъ эпохи ему бы надлежало звучать -en, что въ кое-какихъ категоріяхъ и появляется, напр., въ мѣстоименіи (ϑu-en *мы* и др.), но въ древне-литературномъ языкѣ грузинъ оно — случайный гость, природно въ немъ гражданствененъ суффиксъ -n, постепенно вытѣснявшійся съ вульгаризаціею литературной рѣчи, и въ этомъ филологическомъ или историко-литературномъ отношеніи различеніе -n (въ Им. падежѣ -nı) какъ архаическаго отъ вульгарнаго -eb (въ Им. -ebı) никакъ нельзя признать «абсолютно ни на чемъ не основаннымъ»[1]; съ какимъ то недоразумѣніемъ имѣемъ дѣло, когда d въ грузинскомъ выдается за корень глагола *ходить* (стр. 798: «the verbal root დ d = togo», или еще выше: «the Georgian roots დ d and რ r both signify „togo"»). Можетъ быть, не мѣшало бы оговориться, что даже r остатокъ двухсогласнаго корня vr ‖ vl, восходящаго къ трехсогласному *шvr ‖ svl.

О неправильности общаго подхода къ шм. ta ‖ г. ıϑ(a) уже сказано (см. выше, стр. 457), но затѣмъ само объясненіе грузинскаго Т. падежа -ıϑ, resp. эмфатическаго -ıϑ-a изъ послѣлога ϑan (стр. 792) вскрываетъ, что авторъ недостаточно знакомъ ни вообще съ природой грузинскаго склоненія, ни составомъ органическихъ его падежей, ни съ тѣмъ, что въ древне-грузинскомъ не ϑan, а ϑana, и перерожденіе даже комплекса ϑan, тѣмъ болѣе — ϑana совершенно исключается въ древне-грузинскомъ же[2].

Д. падежъ на -nıa шипящей группы, используемый какъ и въ грузинскомъ, въ качествѣ направ. безъ послѣлога (‖ г. -sa, resp. -a), или съ послѣлогомъ -q̇ въ мегрельскомъ -ша-q̇ (ср. г. -a-d), никакъ нельзя возводить, въ его основной части, къ послѣложному, отожествлять же мнимый

---

[1] 814: «this distinction is based upon absolutely no reason».

[2] Между тѣмъ это объясненіе Ц. такъ полюбилось, что онъ неоднократно возвращается къ его изложенію, такъ стр. 805 и др. Съ ϑan(a) сопоставляетъ Ц. одновременно и шум. сравнительный суффиксъ ta.

послѣлогъ -ша, на самомъ дѣлѣ лазо-мегр. падежное окончаніе, съ ново-грузинскомъ -ші, остаткомъ шіпа (ср. стр. 792), значитъ, какъ показано уже (стр. 456), игнорировать основной законъ сравнительной фонетики сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ: свист. ш‖шип. sk (→zg→sq), resp. шqu и т. п. Тв. падежъ на шw въ сванскомъ составной — Р. съ послѣлогомъ -шw, представляющимъ пережитокъ имени шu *рука* (семасіологически ср. въ древне-литературномъ грузинскомъ -er, resp. -her‖-yer въ mi-er), и нельзя его воспринимать наравнѣ съ органическими падежами. Ц. сомнѣвается въ томъ, что не подлежитъ давно сомнѣнію — въ мѣстоименномъ происхожденіи грузинскихъ префиксовъ sa-, na- и т. п. (820).

Въ яфетическомъ языкознаніи названіе падежей субъектомъ или объектомъ нисколько не опредѣляетъ падежа морфологически (ср. II, 17), такъ какъ у яфетидовъ субъектомъ можетъ быть, смотря по строю глагола, не только Им. (u↘i), но и Р. (i‖e) и Д. (a‖o) падежи. Глагольную основу Ц. воспринимаетъ какъ неопред. наклоненіе (to be, to write, to ascribe, to give и т. д. II, 14 сл.), тогда какъ она всегда причастная. Въ префиксахъ глаголовъ Ц. не различаетъ предложныхъ мѣстоименій (m-o *ко мнѣ*, m-i *къ нему*), воспринимаемыхъ какъ нарѣчія — *сюда*, *туда*, и чистыхъ мѣстоименій (стр. 18). Ему неизвѣстны аналогичныя выраженія приближенія и удаленія дѣйствія или состоянія мѣстоименными префиксами особенно въ сванскомъ, гдѣ совершенно не отмѣчена въ этомъ отношеніи роль согласной n и q̇ (II, 13—14), и въ то же время данъ анализъ противоестественнаго расчлененія основы вспомогательнаго глагола — q̇wa-ri, q̇a-ri, a-ri (вм. q̇w-ari и т. д., II, 15). Да и въ грузинскомъ языкѣ Ц. имѣетъ неправильное представленіе о положеніи вещей въ страд. залогѣ, такъ, напр., v-keϑ-d-eb-i элементъ пассивности Ц. усматриваетъ въ согласномъ b, и отсюда b ему представляется означающимъ и «быть», наравнѣ съ v (II, 24). Тутъ выводъ столь же несостоятеленъ, какъ фактически невѣрно усматриваніе пассивнаго элемента въ b, когда таковымъ является d, да еще характеръ страд. залога i, въ прош. несовершенномъ — o (‖u). Правда, это — элементы ученія о грузинскомъ языкѣ, но ученіе то, реально-историческая и сравнительная грамматика грузинскаго языка, основано и выработано на основѣ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими, и при непризнаваніи этого родства, по всей видимости, трудно дойти и до элементарныхъ теоретическихъ знаній по грузинскому языку.

Нѣсколько смутилъ меня одинъ пріемъ, повторно допущенный Ц. при оспариваніи устанавливавшихся мною положеній по яфетическому склоненію, именно расширенное ихъ толкованіе въ предѣлахъ, не вытекавшихъ

изъ моихъ формулировокъ, и затѣмъ естественное опорачиваніе ихъ доведеніемъ до абсурда, такъ, напр., Тв. -ıϑ есть десибилованный представитель подъемнаго изъ -ıs слога -ıϑ̇, какъ въ шипящей группѣ -eϑ (∽ -ϑe), resp. -eϑ̣ (∽ -ϑ̣e) есть подъемъ Р. -ше. И вотъ Ц. пишетъ (804, n- Р. 1: «проф. Марръ говоритъ, что Тв. -ით -ıϑ, лаз. თე -ϑe представляетъ результатъ звукового измѣненія ს (შ) ⟶ ∽s (ш) ⟶ ϑ [собственно s ‖ ш ↗ ϑ̇ ‖ ϑ̣ ⟶ ϑ], такъ что, слѣдуя этой теоріи, шумирскій ta, повидимому, долженъ быть поставленъ въ связь съ грузинскимъ s, лазо-мегрельскимъ ш, слѣдовательно съ шумирскимъ -ra!» Это не Марръ, а Ц. отожествляетъ -ıϑ съ шум. -ta[1], равно съ шум. -ra! Ничего подобнаго авторъ настоящихъ строкъ не могъ сказать, не только не говорилъ. Съ другой стороны, не всякая форма, наличная въ томъ или иномъ яфетическомъ языкѣ, тѣмъ болѣе въ такомъ мѣшаномъ типѣ рѣчи, какъ шумирскій, есть природное для нея достояніе.

Въ заключеніе не могу не повторить, съ чего я началъ. Мое критическое отношеніе къ работѣ, какъ оно рѣзко ни выражено, отнюдь не должно быть учтено какъ отрицаніе ея достоинствъ, особенно же какъ отрицаніе полезности ея содержанія, матеріальной части сопоставленій и наблюденій статическаго порядка. Въ западно-европейской литературѣ непосредственно для вопроса, составляющаго ея тему, это безспорно шагъ и значительный шагъ впередъ. Яфетидологъ же въ ней не разъ долженъ справляться по многочисленности матеріально правильно сдѣланныхъ сопоставленій и неизбѣжныхъ съ нею встрѣчъ въ лингвистическихъ явленіяхъ, и наблюденіяхъ, которыя дѣйствительно входятъ въ кругъ фактовъ обоснованія принадлежности шумирскаго къ яфетической семьѣ языковъ.

Н. Марръ.

---

[1] См. выше, стр. 457.